Д
М
900
438

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

1877 - 1878 г.

82
678
A 631
34.
3–
400 p.

900/438
М
В.О
Кл. М.

М. Газенкампфъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

1877—78 гг.

ИЗДАНІЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.
1908.

5334

2372

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12543-65

1500218766

Спб.—Типографія Э. Арнгольда, Литейный пр., № 59.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дневникъ этотъ — дословное извлеченіе изъ 116 писемъ къ покойной женѣ моей, пополненное историческими документами, сохранившимися у меня частью въ подлинникахъ, частью въ копіяхъ. Письма, благодаря милостивому отношенію ко мнѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, отправлялись не по почтѣ, а черезъ фельдъегерей или курьеровъ, отвозившихъ собственную корреспонденцію Великаго Князя.

Всѣ пропуски, сдѣланные при печатаніи дневника въ «Вѣстникѣ Европы» по редакціоннымъ соображеніямъ, возстановлены въ настоящемъ изданіи.

М. Газенкампфъ.

М. А. и А. А.
Газенкампфъ
въ 1877 году.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

Еще задолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, осенью 1876 года, Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, объявилъ, что беретъ меня съ собою, имѣя въ виду поручить мнѣ веденіе журнала военныхъ дѣйствій. Но въ высшихъ сферахъ еще надѣялись тогда избѣжать войны, полагая, что одна мобилизація и сосредоточеніе четырехъ корпусовъ въ Бессарабіи заставитъ Порту подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ. Поэтому военный министръ Д. А. Милютинъ воспротивился намѣренію Великаго Князя тотчасъ же взять меня съ собою, ибо находилъ гораздо болѣе полезнымъ, чтобы я продолжалъ чтеніе своего курса въ академіи генеральнаго штаба. Д. А. Милютинъ обѣщалъ выслать меня въ главную квартиру тотчасъ же, какъ только выяснится, что война неизбѣжна. Великій Князь согласился.

4-го апрѣля 1877 года, я получилъ телеграмму начальника полевого штаба съ приказаніемъ выѣхать въ армію. На сборы мнѣ былъ данъ семидневный срокъ. 12-го апрѣля, я выѣхалъ изъ Петербурга, а 16-го прибылъ въ Кишиневъ. О томъ, что война объявлена 12 апрѣля, и узналъ только въ пути.

Великій Князь и вся главная квартира встрѣтили меня чрезвычайно привѣтливо. Начальникъ полевого штаба, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, меня раньше не зналъ лично; онъ былъ много лѣтъ членомъ военнаго совѣта и предсѣдателемъ главнаго военно-кодификаціоннаго комитета, а я былъ старшимъ адъютантомъ штаба войскъ гвардіи и профессоромъ академіи, такъ что встрѣчаться намъ нигдѣ не приходилось. Сразу отнесся онъ ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Первыя слова его были: «Мы уже давно васъ ждемъ. Великій Князь назначилъ васъ состоять лично при немъ. Вы будете вести журналъ военныхъ дѣйствій, составлять срочныя донесенія Государю и завѣдывать дѣлами печати при арміи. Ознакомьтесь поскорѣе со всѣми дѣлами. Изложите немедленно ваши соображенія, какъ бы вы предполагали устроиться съ представителями печати при арміи, и дайте мнѣ поскорѣе записку объ этомъ. Вамъ придется работать усиленно, но мнѣ извѣстно, что вамъ это не въ диковину. Дай Богъ въ добрый часъ».

Въ тотъ же вечеръ я принялся за работу и, проработавъ почти всю ночь, оріентировался въ дѣлахъ настолько, что 17-го апрѣля приступилъ къ составленію систематическаго перечня уже состоявшихся за апрѣль распоряженій. 17-го же я составилъ и представилъ начальнику полевого штаба докладную записку о допущеніи корреспондентовъ въ главную квартиру.

Сущность моей докладной записки была слѣдующая:

Его Имп. Высочество, Главнокомандующій, въ принципѣ, согласенъ на допущеніе корреспондентовъ при арміи, такъ какъ всеобщую потребность публики, нашей и иностранной, въ постоянномъ полученіи свѣжихъ извѣстій съ театра войны, — нельзя не признать подлежащею удовлетворенію.

Потребность эта столь важна, что устранить корреспондентовъ фактически невозможно. Если они не будутъ допущены въ армію, то все-таки найдутъ способы слѣдить за нею издали и, не имѣя свѣдѣній достовѣрныхъ, станутъ сообщать ложные слухи и недоброжелательныя выдумки, смущая русское общественное мнѣніе и возмущая противъ насъ читателей иностранныхъ газетъ.

Поэтому казалось бы необходимымъ разрѣшить присутствіе какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ корреспондентовъ при глав-

ной квартирѣ, а также при штабахъ корпусовъ и отдѣльныхъ отрядовъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Русскихъ — по просьбамъ редакторовъ и издателей газетъ.

2) Иностранныхъ — по рекомендаціямъ нашихъ посольствъ и высокопоставленныхъ лицъ.

3) Предварительной цензуры вовсе не учреждать, а только обязать всѣхъ вообще корреспондентовъ: не сообщать никакихъ свѣдѣній о передвиженіяхъ, расположеніи, численности нашихъ войскъ и о *предстоящихъ* дѣйствіяхъ. Предупредить ихъ, что за неисполненіе этого обязательства они будутъ высылаемы изъ арміи.

4) Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ обязательства, предложить редакціямъ: доставлять всѣ нумера газетъ, въ которыхъ будутъ напечатаны корреспонденціи съ театра войны, тому, кто будетъ назначенъ для завѣдыванія корреспондентами.

5) Предоставить корреспондентамъ возможность получать отъ этого же лица всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя начальникъ штаба арміи признаетъ полезнымъ или возможнымъ имъ сообщать. Для сего назначить опредѣленные дни и часы. Путемъ этихъ бесѣдъ можно будетъ даже косвенно влiять на корреспондентовъ, не задѣвая притомъ столь щекотливаго самолюбія ихъ.

Условія эти столь умѣренны, что, безъ сомнѣнія, достаточно предрасположатъ въ нашу пользу представителей печати. Если же нѣкоторые корреспонденты, все-таки, будутъ писать о насъ въ недружелюбномъ тонѣ (исполняя при этомъ принятыя на себя обязательства), то этимъ можно бы и пренебречь, ибо тѣмъ авторитетнѣе будутъ для общественнаго мнѣнія дружелюбныя объ насъ сообщенія. Требованіе дружественнаго тона отъ корреспонденцій, равно какъ и предварительная ихъ цензура, будутъ намъ же во вредъ: то и другое получитъ немедленную огласку и положитъ прочное основаніе недовѣрію публики къ тѣмъ корреспондентамъ, которые будутъ допущены. Въ этомъ случаѣ можно даже опасаться, что общественное мнѣніе будетъ болѣе всего вѣрить тѣмъ газетамъ, которыя займутся фабрикаціей ложныхъ и злостныхъ корреспонденцій о нашей арміи. Отъ такихъ газетъ, какъ напр., «Neue Freie Presse», «Pester Lloyd», «Augsburger-Zeitung», — этого весьма можно ожидать.

А такъ какъ общественное мнѣніе въ настоящее время—такая сила, съ которою нельзя не считаться, газетные же корреспонденты вліятельнѣйшихъ органовъ печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнѣнія, то лучше постараться расположить корреспондентовъ въ свою пользу, не ставя имъ такихъ требованій, которымъ не согласятся подчиниться именно самые вліятельные и талантливые.

1877-й годъ.

I.

18 апрѣля. — Военныя дѣйствія еще не начинались. Наши войска, двинутыя въ самый день объявленія войны, частью заняли нижній Дунай, частью идутъ походомъ, а турки ничего не предпринимаютъ: повидимому, еще сами не знаютъ, какъ быть. Даже ихъ броненосцы на нижнемъ Дунаѣ не стрѣляютъ по нашимъ войскамъ. Румыны колеблются: избѣгаютъ всякихъ столкновеній съ турками и сомнѣваются открыто примкнуть къ намъ.

У насъ приготовлены, для атаки турецкихъ броненосцевъ, подводныя мины. Надѣются на успѣхъ. Вообще, настроеніе у насъ самоувѣренное: всѣ убѣждены, что война кончится однимъ ударомъ и что къ сентябрю всѣ будемъ дома.

19 апрѣля.—Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе*) по вопросу о допущеніи корреспондентовъ въ армію. По приказанію Великаго Князя я прочелъ вслухъ свою докладную записку о томъ. Всѣ согласились съ моими соображеніями. Великій Князь и Непокойчицкій, какъ мнѣ заранѣе передавалъ вполнѣ соглашав-

*) Въ совѣщаніи присутствовали: военный министръ, за министра иностр. дѣлъ Гамбургеръ, шефъ жандармовъ Мезенцевъ, начальникъ полевого штаба ген.-ад. Непокойчицкій, ген.-ад. графъ Н. П. Игнатьевъ, завѣдующій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ князь Черкасскій.

шiйся съ ними Левицкiй (помощникъ начальника полевого штаба), предполагали ввести предварительную цензуру для всѣхъ корреспонденцiй вообще и недопущенiе корреспондентовъ газетъ враждебныхъ. Но въ совѣщанiи они не только на этомъ не настаивали, но даже присоединились къ благопрiятному для моего доклада мнѣнiю остальныхъ участниковъ совѣщанiя.

Государь со всею свитою обѣдалъ сегодня у Великаго Князя. По правую руку его сидѣлъ Великiй Князь, по лѣвую — Наслѣдникъ; противъ Государя — Непокойчицкiй и др. Великiй князь Николай Николаевичъ Младшiй и князь Сергiй Максимилiановичъ сидѣли среди своихъ сверстниковъ по годамъ и по чинамъ. Великiй князь Владимiръ Александровичъ за обѣдомъ не присутствовалъ, ибо поѣхалъ на встрѣчу своему 17-му пѣхотному архангелогородскому полку, идущему походомъ. Онъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ уѣдутъ въ Петербургъ ненадолго, скоро вернутся въ армiю, и съ ними великiй князь Сергiй Александровичъ.

Государь былъ чрезвычайно веселъ, въ особенности же развеселился подъ конецъ обѣда, когда Великiй Князь попросилъ у него разрѣшенiя скомандовать, чтобы курили. Хотя Великiй Князь самъ и не куритъ, но подъ конецъ каждаго завтрака и обѣда громко командуетъ: «вынимай *па...*», а всѣ присутствующiе въ одинъ голосъ заканчиваютъ: *тронъ*». Государь этого обычая не зналъ: онъ отъ души разсмѣялся, и впослѣдствiи, когда прибылъ на театръ войны, завелъ тотъ же порядокъ и за своимъ столомъ.

Къ одиннадцати часамъ вечера проводили Государя. Онъ сѣлъ со всею свитою въ поѣздъ, который рано утромъ отойдетъ въ Москву.

Первый разъ видѣлъ сегодня при Великомъ Князѣ одного изъ бывшихъ константинопольскихъ кавасовъ графа Игнатьева, Христо. Онъ понравился Великому Князю своею эффектною внѣшностью. Толстый, высокiй, съ длиннѣйшими усами, въ живописномъ черногорскомъ костюмѣ, съ ханджаромъ за широчайшимъ поясомъ: дѣйствительно — картина. Но въ сущности онъ вовсе не черногорецъ, а болгаринъ. Хотя и хвастаетъ, что убилъ сто тридцать турокъ, но конечно вретъ.

Со всѣхъ сторонъ приходятъ свѣдѣнiя, что турки ожидаютъ

переправы на нижнемъ Дунаѣ, и потому стягиваютъ войска въ Добруджу. Они жестоко ошибаются: въ принципѣ уже рѣшено, что главная переправа будетъ на среднемъ Дунаѣ, гдѣ-нибудь между Никополемъ и Рущукомъ. Ранѣе начала іюня она и состояться не можетъ: войска не успѣютъ сосредоточиться, хотя идутъ усиленными переходами и почти безъ дневокъ. Грязь ужасающая: войска вязнутъ въ ней сами и выбиваются изъ силъ, вытаскивая на своихъ плечахъ артиллерію и обозы.

20 апрѣля. — Очень трудно возстановить журналъ военныхъ дѣйствій во всей полнотѣ съ самаго начала, а еще труднѣе будетъ вести его аккуратно. Приходится бѣгать и разспрашивать всѣхъ: начальника штаба, помощника его, старшаго адъютанта, штабъ-офицера надъ вожатыми, даже адъютантовъ Великаго Князя, посылаемыхъ съ словесными его приказаніями въ разныя мѣста и возвращающихся со словесными же донесеніями.

Дѣло это совсѣмъ не систематизировано. И если теперь такъ трудно его вести,—что же будетъ, когда начнутся серьезныя дѣйствія? Военный министръ два раза разспрашивалъ меня о журналѣ военныхъ дѣйствій: я вполнѣ откровенно объяснилъ ему затруднительность моего положенія. Онъ пожелалъ мнѣ вчера, передъ отъѣздомъ, успѣха, здоровья и скораго возвращенія.

Забылъ сказать, что уѣхавшіе вчера съ Государемъ военноуполномоченные: германскій — Вердеръ и австрійскій — баронъ Бехтольсгеймъ просили меня принять участіе въ своихъ военныхъ агентахъ, имѣющихъ скоро прибыть въ квартиру. Оба — мои знакомые: прусскій маіоръ фонъ-Лигницъ и австрійскій подполковникъ баронъ Ленейзенъ.

Съ Австріей уже заключена какая-то конвенція, которую всѣ посвященные считаютъ очень выгодною. Знаю только, что руководители нашихъ судебъ вполнѣ увѣрены, что въ наше единоборство съ Турціей никто не вмѣшается. А такъ какъ мы воюемъ только ради идеи и для себя никакихъ пріобрѣтеній не ищемъ, то всѣ увѣрены, что война окончится быстро.

Сегодня первый разъ началъ составлять суточныя телеграммы Государю и военному министру. Великій Князь приказалъ еже-

дневно, послѣ обѣда, т.-е. около семи съ половиной часовъ вечера, приходить къ нему: начальнику полевого штаба, управляющему дипломатическою канцеляріею, Нелидову, и мнѣ. Я прочелъ вслухъ заготовленную передъ обѣдомъ телеграмму, Великій Князь ее подписалъ, и затѣмъ указалъ, что можно сообщить въ «Agence général Russe» и газетнымъ корреспондентамъ. Для внесенія копій съ телеграммъ секретныхъ (будущихъ) приказалъ завести особую книгу, которая будетъ храниться у него: я долженъ туда вносить копіи, не выходя изъ его помѣщенія.

Сегодня же онъ заговорилъ о корреспондентахъ. Къ нему являлись знаменитый Мак-Гаханъ и пресловутый Иванъ-де-Вестинъ («Figaro») и просили разрѣшить корреспондентамъ ношеніе бѣлой нарукавной повязки съ краснымъ крестомъ. Но Великій Князь нашелъ это неудобнымъ и спросилъ меня, какой для нихъ придумать отличительный знакъ? Я предложилъ металлическую бляху съ государственнымъ гербомъ и надписью «корреспондентъ», для ношенія на лѣвомъ рукавѣ, а для удостовѣренія личности каждаго — фотографическую карточку съ моимъ письменнымъ удостовѣреніемъ и казенною печатью на оборотѣ. Эта мысль одобрена. Точно также одобрено и мое предложеніе: назначить корреспондентамъ утренніе пріемные часы (9—11) съ тѣмъ, чтобы сообщать имъ тѣ свѣдѣнія, которыя Великій Князь найдетъ возможнымъ разрѣшить при вечернемъ докладѣ.

22 апрѣля. — Пока допущены только: Мак-Гаханъ, де-Вестинъ, Даннгауэръ («Militär-Wochenblatt» и «Nationalzeitung») и фонъ-Марее («Über Land und Meer»). Послѣдніе двое—отставные офицеры. Сегодня представилъ къ подписи Великаго Князя телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи русскимъ корреспондентамъ слѣдовать за арміей и посылать корреспонденціи свои по почтѣ и по телеграфу прямо въ свои газеты.

Вчера и сегодня до глубокой ночи занимался составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій, но все еще не успѣлъ догнать событія. Конечно, ничего еще и не произошло, но всѣ состоявшіяся распоряженія надо записать, прежде чѣмъ выяснится, что изъ этого выйдетъ.

Рѣшено: 1-го мая перевести главную квартиру въ Плоэшти.

Великій Князь уѣхалъ съ начальникомъ штаба въ Галацъ и Браиловъ — осмотрѣть инженерныя и минныя работы; вернется 25-го вечеромъ.

24 апрѣля.—Возмущенъ до глубины души тѣмъ, что вчера вечеромъ узналъ. Приказаніемъ по арміи, отъ 9 апрѣля, № 71, продовольствіе арміи за границею отдано въ руки компаніи изъ трехъ евреевъ: московскаго—Горвица, севастопольскаго — Грегера и одесскаго—Когана. Грегеръ—старый знакомый Непокойчицкаго, а остальные двое рекомендованы полевымъ интендантомъ Аренсомъ. Какъ могъ начальникъ штаба арміи поставить свою безупречную репутацію на такую крапленую карту? Говорятъ, онъ увѣренъ въ честности Грегера, ибо лично знаетъ его двадцать лѣтъ. Но именно потому, что это его знакомый, не слѣдовало рекомендовать его для многомилліонной поставки.

Что-то выйдетъ изъ этого!

Несостоятельность товарищества уже обнаружилась. Войска 11-го корпуса, по прибытіи въ Галацъ и Браиловъ, четыре дня ждали прибытія коммиссіонеровъ. Пришлось затронуть свой неприкосновенный запасъ. Когда коммиссіонеры явились, то поставили такое сѣно, которое лошади не стали ѣсть. Командиръ 12-го корпуса Ванновскій, не дождавшись коммиссіонеровъ, приказалъ войскамъ заготовлять продовольствіе собственнымъ попеченіемъ. Командиръ 8-го корпуса Радецкій распорядился, чтобы войска сами пріискали себѣ подрядчиковъ.

Евреи бросились жаловаться и нашли поддержку въ начальникѣ канцеляріи начальника полевого штаба. Это чиновникъ буквоѣдъ-формалистъ, привезенный Непокойчицкимъ изъ кодификаціоннаго комитета, впервые увидавшій вблизи войска въ Кишиневѣ. Говорятъ, что онъ гораздо ближе къ Грегеру, чѣмъ самъ Непокойчицкій; что онъ и есть истинный творецъ товарищества. Полевому интенданту, дѣйств. статскому совѣтнику Аренсу, эта идея навязана: онъ согласился съ нею потому, что у него самого никакого представленія объ условіяхъ продовольствія войскъ на войнѣ не было и нѣтъ. Онъ наивно воображаетъ, что, подчинившись рѣшенію свыше, сложилъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія.

Какъ бы не такъ! Все свалятъ потомъ на него же: порядокъ извѣстный.

По иниціативѣ начальника канцеляріи штаба былъ составленъ и нынѣ разсылается приказъ по арміи отъ 20 апрѣля, № 46, строго подтверждающій войскамъ получать продовольствіе отъ агентовъ товарищества. Конечно, послѣ такого приказа, корпусные командиры поостерегутся вступать въ открытую борьбу съ товариществомъ, разъ что самъ главнокомандующій беретъ его подъ свою защиту.

Теперь одна надежда, что Великій Князь въ Галацѣ и Браиловѣ самъ увидитъ, что продовольственное дѣло обстоитъ плохо.

25 апрѣля.—Въ 7 часовъ вечера Великій Князь вернулся. Послѣ обѣда позвалъ меня въ свой кабинетъ: продиктовалъ телеграммы Государю и военному министру и передалъ для внесенія въ книгу всѣ полученныя имъ во время поѣздки депеши. Я просидѣлъ у него весь вечеръ. За чаемъ (были приглашены еще генералъ Галлъ и адъютанты Скалонъ, Андреевъ и Ласковскій) Великій Князь разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Я рѣшился спросить, въ какомъ положеніи продовольствіе войскъ. Онъ откровенно отвѣтилъ: «плохо!» Тогда я прямо сказалъ, что отъ товарищества добра ждать нельзя, и лучше предоставить продовольствіе собственному попеченію войскъ. Великій Князь, нимало не разсердившись, отвѣтилъ, что отчасти онъ это и сдѣлалъ, разрѣшивъ самимъ войскамъ покупать фуражъ. Затѣмъ разсказалъ, что 1-го мая переѣдетъ въ Бухарестъ съ небольшою частью своей главной квартиры и съ однимъ эскадрономъ конвоя, а съ 15—20 мая переведетъ всѣ полевыя управленія въ Плоэшти, и тогда переѣдетъ туда и самъ. Къ 25-му мая въ окрестностяхъ Бухареста сосредоточатся и войска, а тогда начнутся приготовленія къ переправѣ.

Слѣдовательно, трудно ожидать серьезныхъ дѣлъ раньше начала іюня. Развѣ что турки вздумаютъ переправиться на валахскій берегъ, на что до сихъ поръ не рѣшались. Мониторы турецкіе стрѣляли нѣсколько разъ по Браилову, Рени и Галацу, но все безуспѣшно. Только 24 апрѣля, между 4—7 часами вечера, въ первый разъ пролилась русская кровь: первый убитый и пер-

вые двое раненыхъ—рядовые 13-й конной батареи, павшіе при перестрѣлкѣ съ турецкимъ мониторомъ, бомбардировавшимъ Ферапонтьевскій монастырь (почти противъ Исакчи).

Съ Кавказа получено очень серьезное извѣстіе. Въ Терской области возстали чеченцы; въ схваткѣ съ ними нѣсколько человѣкъ убито и около 50 человѣкъ ранено. Бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича, полковникъ Вульфертъ (командуетъ теперь здѣсь казачьею бригадою) говоритъ, что это—естественное слѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которымъ чеченцы подвергались отъ нашихъ властей.

Знаменитаго корреспондента Мак-Гахана вчера начисто обокрали, пока онъ спалъ при открытомъ окнѣ. Вчера представлялся мнѣ тоже весьма извѣстный корреспондентъ «Daily-News», Арчибальдъ Форбсъ.

Завтра Нагловскій и Байковъ ѣдутъ въ Бухарестъ выбирать квартирный районъ для нашей арміи: задача очень трудная, хлопотливая и отвѣтственная.

Вчера я цѣлый день составлялъ первое донесеніе Государю. Въ 1 часъ ночи читалъ его Непокойчицкому, который остался очень доволенъ, сдѣлавъ лишь ничтожныя поправки. Сегодня въ 5 часовъ читалъ уже переписанный отчетъ Великому Князю, который также остался очень доволенъ и благодарилъ. Послѣ обѣда долго сидѣлъ у него, составляя телеграммы, а затѣмъ докладывая о корреспондентахъ.

Ужасно трудно съ журналомъ военныхъ дѣйствій. Я довелъ его теперь до 25-го, но какъ пойдетъ дальше? Приходится самому разузнавать о случившемся и у Великаго Князя, у Непокойчицкаго, Левицкаго, Артамонова, и въ штабѣ. Правильной передачи матеріаловъ и приказаній для составленія журнала не могу добиться и теперь, а впослѣдствіи и подавно не добьюсь.

29 апрѣля.—Доживаемъ послѣдніе дни въ Кишиневѣ: послѣзавтра въ 6 часовъ утра ѣдемъ въ Бухарестъ. Туда съ Великимъ Княземъ поѣдутъ: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, шесть адъютантовъ, я и докторъ Обермиллеръ; при начальникѣ штаба Непокойчицкомъ: помощникъ его свиты Его Величества ге-

нералъ-маіоръ Левицкій, старшіе адъютанты штаба полковники Левицкій (Николай) и Колбе; офицеры генеральнаго штаба: полковникъ Артамоновъ, подполковникъ Фрезе, капитанъ Сухотинъ и причисленные маіоръ Квитницкій и штабсъ-ротмистръ Степановъ; помощникъ правителя канцеляріи Стефанъ и два переводчика; начальникъ артиллеріи арміи князь Масальскій, начальникъ инженеровъ Деппъ, полевой интендантъ Аренсъ: при каждомъ изъ нихъ по два офицера. Всего съ Великимъ Княземъ ѣдетъ 49 генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, и это лишь незначительная часть главной квартиры.

Поѣздка въ Бухарестъ совершенно необходима для вразумленія румынскаго правительства, которое все время ставитъ намъ разныя запятыя. Такъ, напримѣръ, оно просило начальника 8 й кавалер. дивизіи, князя Манвелова, не проходить черезъ Бухарестъ, а обойти вокругъ города, что князь Манвеловъ и исполнилъ. Еще раньше румыны просили, чтобы наши войска вообще не располагались въ самомъ Бухарестѣ. Затѣмъ, обѣщали занять нѣкоторые пункты по Дунаю своими войсками, до прихода нашихъ войскъ, и двухъ самыхъ важныхъ совсѣмъ не заняли. Трудно перечесть всѣ мелочныя затрудненія, которыя намъ устраиваютъ румыны. Дороговизна невозможная: со вступленіемъ нашихъ войскъ, имъ продаютъ булки по 30 коп. (!), а прокормленіе одной лошади вогнали въ 4 руб. въ день. Пора ихъ подтянуть, а мы надѣемся, что Великій Князь это сдѣлаетъ. Онъ намѣренъ въѣхать въ Бухарестъ торжественно, верхомъ со свитою, съ эскадрономъ конвоя, съ кавалерійскою бригадою и конною батареею. Бригадѣ этой уже послано приказаніе: дойдя до Бухареста, остановиться у вокзала и ожидать пріѣзда Великаго Князя. Наши лошади и вещи уже отправлены сегодня въ 6 часовъ утра.

Сегодня вечеромъ получена телеграмма о взрывѣ нашими выстрѣлами турецкаго броненосца у Браилова. Великій Князь вынесъ эту телеграмму и прочелъ вслухъ, а затѣмъ немедленно позвалъ меня и велѣлъ составить телеграммы: Государю, великимъ князьямъ Константину и Михаилу Николаевичамъ, военному министру и адмиралу Козакевичу въ Кронштадтъ.

Вчера утромъ пришлось сплавлять двухъ корреспондентовъ:

одного нѣмца и англійскаго подполковника Гоуарда Винцента. Послѣдній пріѣхалъ съ массою рекомендательныхъ писемъ (въ томъ числѣ два отъ покойнаго графа Берга); но такъ какъ князь Черкасскій, который съ нимъ знакомъ, отрекомендовалъ его весьма вѣроятнымъ англійскимъ тайнымъ агентомъ, то я такъ и доложилъ Великому Князю, а онъ приказалъ Винценту отказать. Это мнѣ удалось сдѣлать настолько деликатно, что англичанинъ не только не обидѣлся, но благодарилъ за любезность и приглашалъ навѣстить его, если когда-либо попаду въ Лондонъ.

Въ настоящую минуту въ штабѣ идетъ горячая, суетливая работа по составленію расписанія движенія поѣздовъ для всѣхъ полевыхъ управленій. Нужно всего 14 поѣздовъ (не считая двухъ сегодняшнихъ и нашего послѣзавтрашняго), которые будутъ отправляться въ теченіе 9-ти дней, съ 6 до 15 мая. Перевезти главную квартиру—больше хлопотъ и возни, чѣмъ цѣлый корпусъ войскъ.

Изъ великихъ князей сюда ожидаются: Владиміръ Александровичъ, Евгеній и Сергій Максимиліановичи. Великій Князь говорилъ вчера, что очень просится также въ армію его сынъ, великій князь Петръ Николаевичъ, но еще не рѣшено, пріѣдетъ ли.

4 мая, Плоэшти.—30 апрѣля, въ субботу, въ 4 часа дня, было торжественное напутственное молебствіе въ кишиневскомъ соборѣ, при громаднѣйшемъ стеченіи народа. Служилъ архіерей Павелъ, въ сослуженіи почти всего городского духовенства. По окончаніи молебна, архіерей сказалъ Великому Князю прочувствованное напутственное слово.

Къ обѣду у Великаго Князя была масса приглашенныхъ: не только мѣстныя власти, но и почетнѣйшіе обыватели.

До 2-хъ часовъ ночи я работалъ, а въ $4^1/_2$ часа утра 1-го мая всталъ, такъ какъ въ 6 уже отошелъ поѣздъ. День былъ очень жаркій. Въ Яссахъ мы пересѣли въ румынскій поѣздъ. На вокзалѣ была масса любопытныхъ, но никакой встрѣчи. Зато во всѣхъ остальныхъ попутныхъ городахъ—восторженныя оваціи. На всѣхъ большихъ станціяхъ Великаго Князя встрѣчали мѣстныя власти и депутаціи съ хлѣбомъ-солью, духовенство, войска, народъ, а коегдѣ и музыка, игравшая «Боже, Царя храни». Около 10-ти ча-

совъ вечера на станціи Бакеу жители вышли съ смоляными факелами, а вокругъ станціи горѣли костры.

2-го мая, около 5 часовъ утра, прибыли въ Браиловъ, а къ 8½ — въ Плоэшти. Оказалось, что нашъ головной эшелонъ прибылъ только наканунѣ вечеромъ. На станціи встрѣтилъ Великаго Князя князь Карлъ румынскій, двумя часами раньше насъ пріѣхавшій изъ Бухареста. Онъ поцѣловался съ обоими великими князьями. Великій Князь главнокомандующій представилъ князю Карлу Непокойчицкаго, князя Масальскаго, Деппа и Левицкаго, провелъ его по фронту почетнаго караула отъ болгарскихъ дружинъ. Затѣмъ Великій Князь съ княземъ Карломъ сѣлъ въ коляску, а за нимъ его конвой съ его значкомъ *). Весь городъ вышелъ на встрѣчу; дамы бросали букеты въ коляску. Великій Князь пріѣхалъ прямо въ приготовленный для него домъ; князь Карлъ пробылъ у него часа два и затѣмъ уѣхалъ обратно въ Бухарестъ.

Плоэшти—небольшой, но очень хорошенькій, чистый городокъ. Дома все каменные, архитектура напоминаетъ маленькіе итальянскіе города; улицы всѣ мощеныя, зелени много, вода хорошая.

3-го мая, во вторникъ, въ 10½ часовъ утра, Великій Князь съ сыномъ поѣхалъ въ Бухарестъ, отдавать визитъ князю Карлу, и взялъ съ собою: Непокойчицкаго, Левицкаго, пять адъютантовъ, меня, корреспондента «Правит. Вѣстника», Всеволода Крестовскаго, и художника Макарова **). Къ 12-ти часамъ дня пріѣхали. На станціи встрѣтили: князь съ княгинею (красивая, но черезчуръ полная дама), цѣлый синклитъ духовенства съ пѣвчими, почетный караулъ отъ 2-го гусарскаго румынскаго полка съ музыкою (играли нашъ народный гимнъ) и необозримая масса народа. Сѣли въ приготовленныя для насъ коляски и поѣхали прямо во дворецъ, который оказался очень хорошенькимъ. Тамъ Великій Князь представилъ насъ князю и княгинѣ. Послѣдняя, обративъ вниманіе на

*) Значокъ этотъ—бѣлый, съ вышитою надписью «Съ нами Богъ», увѣнчанный крестомъ. Корпуснымъ командирамъ присвоенъ красный значокъ, начальникамъ дивизіи—синій, бригаднымъ командирамъ—малиновый.

**) Такимъ образомъ, предположеніе въѣхать въ Бухарестъ верхомъ и во главѣ войскъ — не осуществилось, вѣроятно по просьбѣ князя Карла. Разговора объ этомъ не было.

мою нѣмецкую фамилію, поговорила со мною по-нѣмецки. По окончаніи представленій, оба Великихъ Князя, а также первый министръ Братіано, остались завтракать у князя и княгини наверху, а насъ всѣхъ,

Князь **Карлъ** Румынскій.

съ прочими румынскими министрами и придворными, пригласили къ завтраку внизъ. Завтракъ былъ довольно нелѣпый: сперва анисовая водка—съ кусочками бѣлаго хлѣба на закуску; затѣмъ: саговый супъ, колбаса, плохой сыръ трехъ сортовъ, редиска (все это были

особыя блюда), нѣмецкій бифштексъ съ сладковатымъ картофелемъ, какая-то непонятная зелень подъ соусомъ, цыплята и компотъ, въ которомъ главную роль игралъ, по нѣмецкому обычаю, черносливъ. Вина—мѣстныя бѣлое и красное (оба маловажныя), плохой хересъ и несомнѣнно поддѣльное, теплое шампанское. Было провозглашено множество тостовъ какъ румынскими сановниками, такъ и съ нашей стороны: Непокойчицкимъ, Нелидовымъ и Левицкимъ. Рѣчи были всѣ коротенькія. Я сидѣлъ между румынскимъ военнымъ ми-

Княгиня **Елисавета** Румынская (1)
со своими придворными дамами *).

нистромъ Чернатомъ и флигель-адъютантомъ князя, полковникомъ Гергелемъ, съ которыми все время и бесѣдовалъ по-французски.

Послѣ обѣда довольно долго курили, пили кофе и воду съ вареньемъ и разговаривали съ румынами—въ ожиданіи конца бесѣды Великаго Князя съ княземъ и княгинею.

Румынская военная форма—смѣсь французской съ нѣмецкою: мундиры и кепи, а также отличія по чинамъ — на французскій

*) Княгиня Гика (2). Фрейлина Розетти (3). Г-жа Ромало (4). Г-жа Катарджи (5).

ладъ; панталоны и оружіе—на нѣмецкій. Нѣкоторые, весьма немногіе офицеры имѣютъ наши и австрійскіе ордена (наши—не выше Анны 2-й степени; у самого князя александровская лента), но у большинства болтается на груди румынская медалька, учрежденная княземъ взамѣнъ орденовъ, которые онъ учреждать не вправѣ. Вслѣдствіе этого румыны очень падки на ордена, и, по разсказамъ Паренсова *), было нѣсколько случаевъ, когда офицеры прямо просили его устроить имъ протекцію.

Военное образованіе румынскихъ офицеровъ, повидимому, весьма невысокой пробы. Внѣшній лоскъ—вполнѣ европейскій: всѣ говорятъ весьма порядочно по-французски, а нѣкоторые и по-нѣмецки. Манеры искательныя, не исключая министровъ и генераловъ. Вполнѣ независимо и съ полнымъ достоинствомъ держатъ себя: первый министръ Братіано, состоящій при князѣ маіоръ калarашей (иррегулярной кавалеріи) Барканеско, начальникъ штаба арміи Сланичано и главный командиръ при нашей главной квартирѣ Плайно. Послѣдній—джентльменъ съ головы до ногъ. Кромѣ него при нашей главной квартирѣ назначены состоять: генералъ Зефкаръ и флигель-адъютантъ полковникъ Гергель. Первый извѣстенъ какъ выдающійся азартный игрокъ, второй—какъ спекулянтъ. Оберъ-гофмаршалъ княжескаго двора очень живо напоминаетъ собою такую же опереточную особу изъ «Буффа».

Переговоривъ всѣ разговоры, мы уже начали тяготиться своимъ пребываніемъ во дворцѣ, когда Великій Князь самъ спустился къ намъ сверху и объявилъ, что сейчасъ ѣдетъ къ нашему генеральному консулу барону Стюарту. Дохтуровъ **), Левицкій и я, прежде чѣмъ прослѣдовать туда же, поѣхали прокатиться по городу. Бухарестъ — вполнѣ европейскій городъ, только дома все больше двухъ и одно-этажные. Проѣхавъ по всей главной улицѣ Страда-Могошой, мы выѣхали за городъ въ Киселевскій паркъ, разведенный нашимъ графомъ Киселевымъ за время его трехлѣтняго управленія

*) Полковникъ генеральнаго штаба, посланный въ Бухарестъ съ секретными порученіями мѣсяца за полтора до начала войны. Нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи и Петергофскій комендантъ.

**) Полковникъ генеральнаго штаба, состоявшій при князѣ Карлѣ. Умеръ членомъ Военнаго Совѣта въ 1905 году.

Дунайскими княжествами въ 1827—30 гг. Оттуда, провожаемые множествомъ любопытныхъ, отправились въ наше консульство.

Помѣщеніе весьма уютное. Комнаты, со множествомъ ковровъ и дивановъ, имѣютъ восточный отпечатокъ. Небольшой, но очень хорошенькій садъ, дающій, однако, очень мало тѣни. Полюбовался на стараго, обрюзглаго скопческаго старшину, пришедшаго къ Великому Князю во главѣ депутаціи отъ здѣшней колоніи русскихъ скопцовъ, съ хлѣбомъ-солью. Здѣсь ихъ очень много: они совершенно захватили въ свои руки весь извозчичій промыселъ. Держатъ прекрасныя колясочки и отличныхъ лошадей; одѣваются по-русски, свято хранятъ русскіе обычаи и языкъ и благоденствуютъ, несмотря на то, что платятъ городу огромный налогъ: по 120 франковъ въ мѣсяцъ съ парнаго экипажа. Дохтуровъ остритъ, что легкомысленныя румынскія дамы имѣютъ о русскихъ весьма дурное мнѣніе, и что нашимъ воинамъ предстоитъ поднять въ дамскихъ глазахъ русскую репутацію, столь сильно подорванную скопцами.

По словамъ Дохтурова, румынскія дамы (не исключая и несомнѣнно добропорядочныхъ) одѣваются и держатъ себя какъ французскія кокотки: таковъ модный тонъ въ Бухарестѣ. Дѣйствительно, это и намъ бросилось въ глаза во время катанья по городу.

Около четырехъ часовъ мы поѣхали на станцію желѣзной дороги. Тамъ часа полтора прождали Великаго Князя, который изъ консульства отправился опять во дворецъ, а оттуда кататься съ княземъ и княгинею, которые его проводили до станціи. Только въ семь часовъ вечера мы вернулись въ Плоэшти.

Вечеромъ, за чаемъ, Великій Князь сказалъ, что вѣроятно переѣдетъ въ Бухарестъ въ воскресенье 8-го мая, такъ какъ князь Карлъ самъ его объ этомъ просилъ.

Въ среду, 4-го мая, послѣ завтрака, Великій Князь со свитою поѣхалъ встрѣчать бригаду 12-й пѣхотной дивизіи (съ артиллеріею и сотнею уральскихъ казаковъ), которая должна была по маршруту проходить черезъ Плоэшти. Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Великій Князь вернулся къ своему дому и тамъ пропустилъ мимо себя весь отрядъ, который прошелъ вольно, съ музыкою и пѣснями. Хотя я уже слышалъ объ отличномъ состоя-

нiи войскъ, но все-таки не ожидалъ увидать такихъ молодцовъ. Несмотря на то, что они уже прошли почти безъ дневокъ болѣе четыреста верстъ, дѣлая ежедневно не менѣе тридцати верстъ съ двухпудовою ношею на плечахъ — видъ у людей былъ бодрый и веселый. Усталыхъ и изнуренныхъ лицъ—очень мало. Обозъ оказался въ отличномъ видѣ: рослыя лошади, въ отличныхъ тѣлахъ, бойко везли громоздкiя, тяжело нагруженныя повозки. Лошади даже были подобраны подъ одну масть въ каждую повозку. Артиллерiйскiя лошади показались мнѣ хуже пѣхотныхъ обозныхъ.

Обувь и одежда солдатъ—въ полной исправности. Все хорошо, одна бѣда: офицеровъ въ строю мало, только по одному на роту. Полки совершенно обобраны откомандированiемъ офицеровъ на желѣзныя дороги, въ военно-временные госпитали, въ резервные и запасные баталiоны, въ болгарскiя дружины и т. д. Портупей-юнкеровъ и вольноопредѣляющихся ужасно мало.

Сегодня явились два англичанина-художника, корреспонденты иллюстрированныхъ журналовъ; оба допущены. Явился также корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», Мозалевскiй, и баварскiй графъ Таттенбахъ-Рейнштейнъ, неизвѣстно почему попавшiй въ корреспонденты пражской газеты «Politik». Получилъ также письмо отъ германскаго генералъ-адъютанта Вердера, съ просьбою допустить какого-то отставного офицера корреспондентомъ, но до сихъ поръ не могу разобрать ни его фамилiи, ни названiя газеты,— такъ неразборчивъ почеркъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Великiй Князь обратился ко мнѣ: «Nun, mein lieber kleiner Hasenkampf, komm: wollen wir nicht mit Hasen, sondern mit Papier kämpfen»,—и увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Но прежде чѣмъ приступить къ обычному составленiю телеграммъ, онъ сталъ читать мнѣ вслухъ только-что полученное письмо принца Фридриха-Карла прусскаго, заставляя меня разбирать неразборчивыя мѣста. Письмо это, очень милое и дружеское (на «ты»), начиналось словами «Mein lieber Nizzi» и оканчивалось заявленiемъ, что онъ нарочно пишетъ латинскими буквами, хотя ему это и непривычно, такъ какъ знаетъ, что «Nizzi» плохо разбираетъ готическiй шрифтъ. По прочтенiи этого письма, Великiй Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму въ Бер-

линъ, съ благодарностью за память и дружбу, съ поклонами принцессѣ Аннѣ, съ поздравленіемъ ко дню рожденія принцессы Маріи-Анны и съ поцѣлуями всему семейству. Затѣмъ составлена была обычная дневная телеграмма Государю, и, по отправкѣ ея, Великій Князь пригласилъ меня остаться пить съ нимъ чай.

5 мая, четвергъ.—Съ утра до вечера работалъ. Вечеромъ составлялъ, по указаніямъ Левицкаго, инструкцію офицерамъ генеральнаго штаба, отправляемымъ на дняхъ на рекогносцировку береговъ Дуная. Въ числѣ ихъ и великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Съ утра на слѣдующій день, явились съ визитомъ австрійцы, назначенные состоять при нашей главной квартирѣ: мой прошлогодній вѣнскій знакомый, бывшій флигель-адъютантъ императора, подполковникъ баронъ Ленейзенъ, и капитанъ генеральнаго штаба съ неудобовыговариваемою фамиліею: фонъ Болла-де-Чафордъ-Іобагаза. Я имъ помогъ оріентироваться и черезъ два часа устроилъ имъ аудіенцію у Левицкаго, Непокойчицкаго и Великаго Князя, который принялъ ихъ очень ласково и разъ навсегда пригласилъ къ себѣ завтракать и обѣдать. Оба очень довольны и благодарны. Болла немного говоритъ по-русски.

Сегодня уже былъ посланъ офицеръ въ Бухарестъ для отвода квартиръ, какъ вдругъ получена телеграмма отъ Государя, что онъ самъ ѣдетъ сюда, съ Наслѣдникомъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, а прибудетъ въ Плоэшти 25 или 26 мая. Вслѣдствіе этого переѣздъ въ Бухарестъ былъ немедленно отмѣненъ: мы остаемся въ Плоэшти. Какъ мы только всѣ здѣсь помѣстимся: переѣздъ въ Бухарестъ обусловливался, между прочимъ, крайнею трудностью размѣщенія здѣсь всѣхъ отдѣловъ полевого управленія, а теперь надо еще очистить мѣсто для императорской главной квартиры. Впрочемъ, приказано, чтобы было,—и будетъ. Въ домахъ не хватитъ мѣста—въ палаткахъ станемъ.

Ежедневно теперь проходятъ мимо насъ черезъ Плоэшти войска, которыя Великій Князь каждый разъ встрѣчаетъ, пропускаетъ мимо себя и благодаритъ. И есть за что: идутъ бодро, смотрятъ

весело, больныхъ и отсталыхъ почти нѣтъ, хотя идутъ походомъ уже почти мѣсяцъ и ночуютъ на бивакахъ.

Вчера опять былъ князь Карлъ и вскорѣ послѣ завтрака уѣхалъ.

Корреспондентовъ набралось уже одиннадцать и сверхъ того пять художниковъ: одинъ французъ, одинъ нѣмецъ, два англичанина и одинъ русскій (В. В. Верещагинъ). Нѣмецъ присутствовалъ въ Браиловѣ при взрывѣ турецкаго броненосца и изобразилъ это на большой картинѣ карандашомъ и красками. Картину эту Великій Князь послалъ Государю вмѣстѣ съ флагомъ (кирпично-краснаго цвѣта съ бѣлымъ луннымъ серпомъ) и восьми-дюймовою бомбою англійскаго издѣлія, упавшею близъ Великаго Князя въ бытность его въ Браиловѣ и неразорвавшеюся.

Для Государя приготовляютъ здѣсь домъ наискось противъ моей квартиры (изъ которой, конечно, придется выселиться): одноэтажный, желтый, самый большой въ Плоэшти, съ большимъ садомъ.

Завтра будетъ отслужено на бивакѣ войскъ, въ присутствіи Великаго Князя, торжественное молебствіе по случаю взятія Ардагана.

9 мая, понедѣльникъ.—Великій Князь самъ обходилъ дома, намѣченные для государевой свиты, и предназначалъ, кого гдѣ помѣстить. Зашелъ и въ мою квартиру, назначилъ ее для графа Адлерберга, а мнѣ велѣлъ ее къ 21-му очистить и пріискать другую. Я сегодня же нашелъ другую, въ другомъ концѣ города, въ домѣ доктора Паппа, очень хорошенькую. Затѣмъ весь день и часть ночи просидѣлъ за работой.

10 мая, вторникъ.—Великій Князь, взявъ съ собою только адъютантовъ Струкова, Скалона, Яфимовича, двухъ ординарцевъ и меня,—отправился въ $3^1/_2$ часа дня въ Бухарестъ, куда мы и прибыли въ пять часовъ.

Передъ отъѣздомъ, на Плоэштской станціи, случайно попался на глаза молоденькій саперный подпоручикъ Романовъ, наводившій въ Браиловѣ одно изъ тѣхъ двухъ орудій, которыя по-

топили турецкій броненосецъ. Великій Князь зналъ Романова въ лицо, какъ воспитанника инженернаго училища. Разыскавъ въ числѣ присутствовавшихъ офицера, имѣвшаго Анну 3-й степени съ мечами, Великій Князь взялъ у него этотъ крестъ и самъ возложилъ на Романова, поцѣловавъ его.

Въ Бухарестѣ Великій Князь былъ встрѣченъ на станціи княземъ и княгинею, и, съѣздивъ сперва къ нимъ на нѣсколько минутъ, отправился затѣмъ вмѣстѣ съ нами въ загородный дворецъ Катрочени. Дворецъ устроенъ изъ бывшаго монастыря (которые во всей Румыніи забраны всѣ въ казну уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ), очень мило меблированъ и окруженъ хорошенькимъ садомъ. Передъ балкономъ — большой цвѣтникъ. Ароматъ дивный: цвѣтовъ—масса, а бѣлыя акаціи наполняютъ благоуханіемъ воздухъ вездѣ (и у насъ въ Плоэшти); каждому изъ насъ отведена во дворцѣ особая комната со всѣми удобствами. Приведя себя въ порядокъ, поѣхали обѣдать къ князю. По строгому здѣшнему этикету, Великій Князь обѣдалъ опять только съ княземъ и княгинею, а мы съ придворными—отдѣльно. Великій Князь уже раньше добродушно подтрунивалъ надъ румынскою страстью къ этикету, и сегодня тоже.

Послѣ обѣда побывали въ консульствѣ и оттуда опять вернулись во дворецъ. Тамъ уже были приготовлены экипажи для торжественнаго катанья и для поѣздки въ парадный спектакль. Дѣло въ томъ, что вчера, въ день восшествія князя Карла на румынскій престолъ, онъ провозгласилъ Румынію независимою и сообщилъ объ этомъ всѣмъ европейскимъ державамъ. Празднованіе этого событія было отложено до сегодня, такъ какъ вчера Великій Князь пріѣхать не могъ. Великій Князь съ княземъ и княгинею сѣли въ парадный экипажъ (князь—на переднемъ сидѣньи), сопровождаемый конвоемъ Князя: за ними—коляска съ статсъ-дамою Маврогени и очень хорошенькою фрейлиною Розетти; потомъ коляска, въ которую сѣли Струковъ, Яфимовичъ, Скалонъ и я (за нами—конвойный казакъ), и затѣмъ—экипажи съ нашими ординарцами и румынскими флигель-адъютантами. Поѣхали почти шагомъ по иллюминованнымъ улицамъ, сопровождаемые сплошною массою народа, кричавшаго «ура» и выкликавшаго по-своему здоровье

князя, княгини, Великаго Князя, русскаго войска и Россіи вообще Попавшійся намъ навстрѣчу факельцугъ съ музыкой остановился, выстроился и неистово кричалъ «ура», бросая шапки вверхъ. Почти вся публика кланялась не только Великому Князю, но и намъ.

Около часу продолжалось это катанье по улицамъ, закончившееся прибытіемъ въ театръ, небольшой, очень хорошенькій и чистенькій, съ прекраснымъ фойе и балкономъ на подобіе вѣнскаго опернаго. Князья заняли боковую ложу, а мы съ статсъ-дамою и фрейлиною — большую, среднюю. Театръ былъ биткомъ набитъ расфранченною публикою. Давали «Троватора» по-итальянски и весьма недурно. Не дослушавъ оперы до конца, мы уѣхали въ наше консульство пить чай. Тамъ была составлена и отправлена дневная телеграмма Государю. Лишь около двухъ часовъ ночи вернулись во дворецъ Катрочени.

11 мая, среда. — Къ восьми часамъ утра пріѣхалъ князь Карлъ и просидѣлъ у Великаго Князя около часу. Завтракали мы съ Великимъ Княземъ безъ гостей. Затѣмъ онъ меня освободилъ до обѣда, чѣмъ я и воспользовался для прогулки по городу, который мнѣ очень понравился. За исключеніемъ главной улицы Могошой—вездѣ масса зелени, а городской садъ—очень большой и тѣнистый. Обѣдали мы въ нашемъ консульствѣ, а Великій Князь — у князя Карла. Генеральный консулъ Стюартъ—весьма привѣтливый и гостепріимный человѣкъ: всѣ его чиновники и всѣ русскіе, находившіеся до сихъ поръ въ Бухарестѣ по дѣламъ службы, обѣдаютъ у него ежедневно. Съ княземъ Карломъ онъ въ легкихъ контрахъ и отзывается о немъ свысока. Положеніе его было не изъ пріятныхъ до самаго послѣдняго времени, т.-е. до тѣхъ поръ, пока Государь недавно не приказалъ объявить румынскому правительству, что въ содѣйствіи его войскъ не нуждается и желаетъ, чтобы они ограничились охраною своей собственной территоріи. Въ виду же домогательства румынскаго правительства о разныхъ уступкахъ и льготахъ съ нашей стороны, Государь приказалъ пріостановить выдачу обѣщанныхъ князю взаймы четырехъ милліоновъ рублей впредь до выясненія намѣреній румынскаго правительства. Это произвело большой эффектъ: министры, заявлявшіе все время

разныя претензіи, разыгрывавшіе басню «Лягушка и Волъ» въ лицахъ, позволявшіе себѣ даже будировать Великаго Князя,—стали разсыпаться въ любезностяхъ и сдѣлались предупредительны. Я выше писалъ, что 10-го мая была провозглашена независимость Румыніи: въ сообщеніи объ этомъ великимъ державамъ, однако, благоразумно оговорено, что Румынія проситъ ихъ о признаніи этого акта. Само собою разумѣется, что первое проявленіе независимости выразилось въ учрежденіи ордена «Румынской звѣзды», о чемъ, однако, еще не обнародовано, хотя князь Карлъ и просилъ уже Великаго Князя принять первую степень этого новаго, пока еще секретнаго ордена.

Послѣ обѣда, А. И. Нелидовъ (директоръ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ) и я принимали представителя «Agence Havas», Поньона, просившаго аудіенціи. Поньонъ предлагалъ безплатную присылку телеграммъ агентства и свои услуги по всесвѣтному распространенію всего, что Великій Князь пожелаетъ сообщать, съ тѣмъ, чтобы главная квартира платила агентству за доставку телеграммъ до Парижа и жалованье агенту, который будетъ назначенъ при главной квартирѣ. Я взялъ на себя категорически заявить Поньону, что не думаю, чтобы Великій Князь согласился на такое предложеніе, такъ какъ, во-первыхъ, онъ не имѣетъ въ виду направлять общественное мнѣніе, а напротивъ, свободно допускаетъ представителей всевозможныхъ направленій, лишь бы они были рекомендованы надежными лицами, какъ люди порядочные; во-вторыхъ, онъ уже изъ принципа не согласится платить жалованье агенту и за доставку телеграммъ, дабы не подавать повода говорить, что онъ закупилъ агентство въ свою пользу. Нелидовъ меня вполнѣ поддержалъ, добавивъ, что можно лишь просить разрѣшенія Великаго Князя на казенную передачу депешъ до Бухареста, какъ до ближайшей агентуры Havas. Затѣмъ мы оба заявили, что, въ уваженіе ко всемірной распространенности телеграммъ агентства Гавасъ, беремъ на себя испросить одну только для него привилегію: сообщеніе ему извѣстій немедленно по донесеніи Государю, т. е. нѣсколькими часами ранѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ. Но дальше этого — по пути уступокъ не пойдемъ. Что же касается до предложенія устроить телеграфную передачу главной

квартирѣ особо важныхъ для нея свѣдѣній (service spécial), то мы просимъ заявить объ этомъ письменно и привезти обстоятельную записку въ Плоэшти, такъ какъ это вопросъ слишкомъ важный, и порѣшить его на словахъ нельзя.

Покончивъ на этомъ, мы уѣхали на станцію желѣзной дороги, а въ вагонѣ доложили Великому Князю, который вполнѣ одобрилъ нашъ образъ дѣйствій. Должно быть, бесѣда наша произвела на Поньона надлежащее впечатлѣніе, потому что, несмотря на оставленіе нами вопроса объ агентскихъ телеграммахъ открытымъ, онъ на другой же день прислалъ намъ ихъ въ четырехъ экземплярахъ: Великому Князю, Непокойчицкому, Нелидову и мнѣ.

Вернулись въ Плоэшти въ дивный, теплый лунный вечеръ, къ десяти часамъ.

12 мая, четвергъ.—Великій Князь опять ѣздилъ въ Бухарестъ, по приглашенію князя Карла, смотрѣть открытіе ярмарки. Я остался дома и цѣлый день былъ занятъ журналомъ военныхъ дѣйствій. На слѣдующій день я переѣхалъ на другую квартиру. Былъ въ полевомъ почтамтѣ, въ надеждѣ разыскать письма изъ дому, но вернулся ни съ чѣмъ. Тамъ цѣлые ящики неразобранной корреспонденціи, а около нихъ—нѣсколько чиновниковъ, подавленныхъ сознаніемъ своего безсилія.

Струсберговская желѣзная дорога даетъ себя чувствовать. За послѣдніе десять дней на ней размыто полотно въ двухъ мѣстахъ, смытъ одинъ и поврежденъ другой мостъ; третій мостъ провалился вмѣстѣ съ поѣздомъ (къ счастью—пустымъ); два поѣзда столкнулись, причемъ одинъ гусаръ убитъ и семеро ранено; наконецъ, одинъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ убито четыре и ранено пять артиллеристовъ. Пока—румынская желѣзная дорога для насъ опаснѣе турокъ. Эти уже пятый день стрѣляютъ по нашимъ войскамъ, занимающимъ берега Дуная отъ устья и до впаденія р. Ольты, и пока нигдѣ не причинили намъ ни малѣйшаго вреда.

Наши полевыя управленія до сихъ поръ еще не собрались сюда. По маршруту, 18-го мая долженъ былъ прибыть послѣдній эшелонъ, но теперь прибудетъ неизвѣстно когда, такъ какъ поле-

выя управленія должны пропустить императорскую главную квартиру, для которой требуется пятнадцать поѣздовъ. Вставка ихъ въ росписаніе, въ связи съ порчами пути отъ разливовъ, сбила всѣ разсчеты и уничтожила правильность движенія военныхъ поѣздовъ.

Рано утромъ, *14-го мая,* Великій Князь получилъ изъ Браилова, отъ бригаднаго генерала Салова, телеграмму, что въ ночь съ 13-го на 14-е лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ взорвали на воздухъ турецкій мониторъ. Тотчасъ по полученіи телеграммы, Великій Князь послалъ за мной, и когда я пришелъ, то онъ прежде всего сказалъ: «кричи ура!»—и только по исполненіи этого прочелъ депешу. Телеграмму Государю онъ уже написалъ и отправилъ самъ (мнѣ съ новой квартиры четверть часа ходьбы до его дворца), а мнѣ велѣлъ составлять телеграммы всѣмъ остальнымъ.

15 мая, воскресенье, Троицынъ день. — Получена телеграмма Государя изъ Царскаго-Села: «Ай да моряки! Наши молодцы! Лейтенантамъ Дубасову и Шестакову даю Георгія 4-й степени, вполнѣ ими заслуженнаго. Предыдущія награды твои утверждаю сегодня же. По представленію Миши назначилъ Георгія 3-й степени Лорисъ-Меликову и Девелю. Ты поймешь, какъ я счастливъ, что войска наши вездѣ выказываютъ себя молодцами.—Александръ». Вслѣдъ затѣмъ пришла другая, съ поздравленіемъ отъ Государя по случаю праздника лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона и съ увѣдомленіемъ, что вчера вернувшійся изъ Швейцаріи великій князь Владиміръ Александровичъ завтра, 16-го, отправляется въ армію.

Вечеромъ послана Государю подробная телеграмма о подвигѣ Дубасова и Шестакова.

16 мая, понедѣльникъ, Духовъ день. —Полученъ отвѣтъ Государя изъ Царскаго-Села: «Благодарю за подробности о геройскомъ подвигѣ Дубасова и Шестакова; радуютъ меня до-нѣльзя; нахожу и прочихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и румынскаго *), до-

*) Маіоръ Муржеско, первый румынскій офицеръ, получившій русскій орденъ: ему былъ данъ Владиміръ 4-й степени съ мечами.

стойными наградъ по твоему усмотрѣнію, равно и нижнихъ чиновъ. Тѣ, которые были на «Цесаревичѣ» и «Ксеніи», заслуживаютъ всѣ знаковъ отличія военнаго ордена. Объяви имъ всѣмъ мое спасибо и скажи, что я ими горжусь. Посылаю письмо сегодня ночью съ Владиміромъ.—Александръ».

Великій Князь сегодня же щедро наградилъ всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ дѣлу взрыва турецкаго монитора и немедленно донесъ Государю телеграммою.

Число корреспондентовъ дошло до двадцати-трехъ, въ томъ числѣ семь русскихъ: Максимовъ, Мозалевскій, Каразинъ, Немировичъ-Данченко, Федоровъ, Раппъ и Сокальскій. Каразинъ и Федоровъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художники.

20 мая, пятница.—Вчера Великій Князь телеграфировалъ Государю, что сообщеніе по румынской желѣзной дорогѣ все еще не возстановлено. Сегодня полученъ отвѣтъ Государя, что онъ, все-таки, выѣзжаетъ 20-го, вечеромъ, доѣдетъ до Кишинева и тамъ будетъ ожидать возможности продолжать путь.

21 мая прибыли великій князь Владиміръ Александровичъ и князь Сергій Максиміліановичъ.

Послѣ обѣда Великій Князь совершенно неожиданно объявилъ, что завтра посылаетъ курьера навстрѣчу Государю, и чтобы къ двѣнадцати часамъ завтрашняго дня былъ готовъ отчетъ.

Непокойчицкій очень забезпокоился, успѣю ли я. Однако, я успѣлъ, только переписать пришлось самому—и ночью. Подъ утро легъ спать, и на слѣдующій день, *22-го мая,* въ 11½ часовъ утра явился къ Великому Князю съ переписаннымъ отчетомъ. Великій Князь сказалъ, что прочтетъ послѣ завтрака и затѣмъ поѣдемъ въ Бухарестъ. Выслушавъ отчетъ, поблагодарилъ, подписалъ и велѣлъ живо собираться ѣхать. Въ началѣ второго часа поѣхали: Великій Князь (взялъ съ собою адъютантовъ Яфимовича и Скалона, меня и дежурнаго ординарца Вонлярлярскаго), великій князь Владиміръ Александровичъ со своими адъютантами, Сергій Максиміліановичъ и прибывшій сегодня утромъ Николай Максиміліановичъ.

Обѣдали у князя Карла, послѣ обѣда гуляли по городу, за-

ходили въ сады, а къ одиннадцати часамъ вечера поѣхали ночевать въ Катрочени. Князья Николай и Сергій Максиміліановичи тоже остались тамъ ночевать, а великій князь Владиміръ Александровичъ вернулся въ Плоэшти.

23 мая, понедѣльникъ. — Утромъ вернулись въ Плоэшти. Князь Карлъ поѣхалъ съ нами — отдавать визитъ великому князю Владиміру Александровичу.

Получена телеграмма Государя съ дороги изъ Ковеля: повелѣлъ встрѣчать его вездѣ въ сюртукахъ при шарфахъ и фуражкахъ. *24 мая, во вторникъ,* получена телеграмма Государя изъ Кишинева о благополучномъ прослѣдованіи черезъ этотъ городъ. Первый эшелонъ царской свиты пріѣхалъ сегодня. Сегодня вечеромъ всѣ великіе князья и оба герцога Лейхтенбергскіе, съ Непокойчицкимъ, только при двухъ адъютантахъ, ѣдутъ навстрѣчу Государю въ Браиловъ. Царскій пріѣздъ сюда ожидается завтра въ восемь часовъ вечера. Здѣшнее населеніе ожидаетъ Государя съ величайшимъ нетерпѣніемъ и очень гордится тѣмъ, что онъ будетъ жить въ Плоэшти. Хозяева дома, отведеннаго для Высочайшаго пребыванія, внѣ себя отъ радости. Вообще, масса румынскаго населенія очень привѣтливо и сердечно относится къ русскимъ: это говорятъ и всѣ начальники частей войскъ, и наши офицеры генеральнаго штаба, ѣздившіе на рекогносцировку береговъ Дуная. Наши войска ведутъ себя безукоризненно.

Послѣ обѣда *), во время составленія обычныхъ телеграммъ, Великій Князь неожиданно объявилъ мнѣ, чтобы я тоже ѣхалъ съ нимъ навстрѣчу Государю. Наскоро одѣвшись, я отправился на станцію къ $9^1/_2$ часамъ вечера. Навстрѣчу Государю отправились всѣ великіе князья (оба Николая Николаевича и Владиміръ Александровичъ), князья Николай и Сергій Максиміліановичи, Непокойчицкій, адъютанты Великаго Князя полковники Струковъ и Скалонъ, адъютантъ великаго князя Владиміра поручикъ графъ Шуваловъ, докторъ Обермиллеръ и я. Великіе князья и князья

*) Сегодня за столомъ у Великаго Князя обѣдало 101 чел.! И это только избранные. Главная квартира непомѣрно растетъ!

расположились въ отдѣльномъ вагонѣ, а мы всѣ — по отдѣленіямъ другого вагона. Къ 2 часамъ ночи прибыли въ Браиловъ. Великіе князья Владиміръ и Николай Николаевичъ-Старшій и князь Сергій остались ночевать въ своемъ вагонѣ, который отвели на запасный путь; Струковъ, Скалонъ и Обермиллеръ остались ночевать на станціи, великій князь Николай-Младшій съ княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ отправились на приготовленную для всѣхъ великихъ князей квартиру, а меня Непокойчицкій взялъ съ собою. Квартира для него отведена рядомъ съ великокняжескою; туда пошли чай пить. Великій князь Николай-Младшій уже легъ спать, такъ что мы сидѣли только втроемъ съ княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ, который, смѣясь, разсказалъ, что нашъ здѣшній консулъ Меласъ принялъ его за адъютанта главнокомандующаго и заставилъ принимать участіе въ окончаніи приготовленій къ пріему: «Il m'envoyait à droite et à gauche». Вскорѣ появился и самъ Меласъ, на костыляхъ, отрекомендовался, сѣлъ и повелъ разговоръ. Чувствовалось, что онъ пребываетъ въ своемъ заблужденіи. Во избѣжаніе какой-нибудь новой неловкости, я успѣлъ шепнуть ему, кто съ нами сидитъ. Бѣдный консулъ очень сконфузился.

25 мая, среда.—Утромъ поѣхалъ съ Непокойчицкимъ обратно на станцію, уже разукрашенную нашими и румынскими флагами и гирляндами, вѣнками и вензелями. Такъ какъ до прибытія Государя оставалось еще много времени, то мы всѣ поѣхали на ту батарею, которая своими выстрѣлами потопила броненосецъ «Лутфи-Джелиль». Батарея давно уже бездѣйствовала, потому что послѣ подвига Дубасова и Шестакова турецкіе броненосцы совсѣмъ больше не показываются. Было чудное, теплое, ароматное утро. Видъ съ батареи чудесный. Слѣва, на загибѣ берега, бѣлѣлся вдали Галацъ; прямо передъ нами, за широкимъ разливомъ Дуная, синѣли разнообразными оттѣнками утренняго освѣщенія горы турецкаго берега. Среди разлива, тамъ и сямъ, виднѣлись деревни: пока вода не спадетъ—сообщеніе съ ними и между ними возможно лишь на лодкахъ. На батареѣ была установлена большая зрительная труба, но мнѣ такъ и не удалось въ нее взглянуть, ибо все время передъ нею очередовались Августѣйшія особы. Пробывъ на батареѣ около

получаса, мы вернулись на станцію, покрытые густымъ слоемъ браиловской пыли.

На станціи и вокругъ нея уже толпилось все населеніе въ праздничныхъ нарядахъ, выстроились всѣ власти, всѣ иностранные консулы и наши войска (14-го армейскаго и частью еще 11-го корпуса), а также всѣ офицеры, матросы и нижніе чины, уже получившіе награды за боевыя отличія.

Императоръ **Александръ II.**

Въ часъ дня медленно и величественно подошелъ императорскій поѣздъ. Раздалось восторженное «ура». Государь, выйдя изъ вагона, съ Наслѣдникомъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, обнялъ и поцѣловалъ всѣхъ великихъ князей, затѣмъ прямо подошелъ къ Дубасову и Шестакову и нѣсколько разъ ихъ поцѣловалъ, затѣмъ поцѣловалъ генералъ-маіора Салова и полковника Струкова, подалъ руку остальнымъ отличившимся офицерамъ и по-

благодарилъ нижнихъ чиновъ. Привѣтливо раскланявшись съ публикою, принялъ благословенiе отъ ожидавшаго его румынскаго духовенства, приложился къ кресту и выслушалъ привѣтственную рѣчь. Затѣмъ принялъ хлѣбъ-соль и многочисленные букеты, обошелъ по фронту собранныхъ войскъ, поблагодарилъ за службу и сѣлъ въ вагонъ.

Государь со свитою уже завтракалъ; поэтому завтракъ въ вагонѣ былъ приготовленъ лишь для насъ, прiѣхавшихъ ему на встрѣчу. Только-что мы усѣлись, какъ вошелъ Государь съ Цесаревичемъ и великимъ княземъ Сергiемъ Александровичемъ, милостиво просилъ продолжать и подсѣлъ къ Великому Князю. Бесѣду велъ преимущественно о домашнихъ дѣлахъ Императорской Фамилiи. Сообщилъ, что великая княгиня Марiя Александровна, съ дозволенiя королевы Викторiи, ѣдетъ въ Россiю. Выразилъ еще разъ свою радость по поводу удачнаго начала военныхъ дѣйствiй и свое удовольствiе встрѣченными имъ по пути восторженными привѣтствiями. Наконецъ, разсказалъ, что нѣкто Кузьминскiй обратился къ нему въ Яссахъ съ просьбою принять его на службу, и когда Государь приказалъ его арестовать и отправить въ Кишиневъ, то Кузьминскiй, тотчасъ по заарестованiи, вонзилъ себѣ въ грудь кинжалъ и черезъ двадцать минутъ умеръ *).

По окончанiи завтрака, Государь со всѣми великими князьями удалился въ свой вагонъ, а мы и нѣкоторыя изъ особъ государевой свиты остались бесѣдовать въ вагонѣ-столовой. Жара въ вагонѣ была 28°, а мы сидѣли въ сюртукахъ при шарфахъ и сабляхъ и варились въ собственномъ соку. Остановки были рѣдкiя и короткiя. Только въ Бузео остановились на полчаса. Струковъ, Скалонъ и я, выйдя подышать воздухомъ, пошли посмотрѣть на виднѣвшiйся вблизи цыганскiй таборъ.

*) Разсказъ этотъ былъ дополненъ, по отбытiи Государя, слѣдующими подробностями. Кузьминскiй служилъ прежде въ Туркестанѣ, гдѣ прославился отчаянною храбростью. Потомъ перешелъ въ волынскiй уланскiй полкъ, гдѣ за дерзость противъ полкового командира былъ отданъ подъ судъ, но бѣжалъ въ Сербiю. Тамъ тоже прославился храбростью въ прошломъ году. По окончанiи сербской войны, послалъ прошенiе Государю о помилованiи и о принятiи его вновь на службу рядовымъ. Получивъ отказъ, — обратился къ Государю въ Яссахъ лично.

Дойдя до широкаго и грязнаго рва и не желая перепачкаться, мы остановились, и Струковъ, вынувъ портмонэ, показалъ его цыганамъ издали. Тотчасъ же къ намъ бросилась опрометью цѣлая толпа и окружила со всѣхъ сторонъ. Зная цыганскую наглость и неотвязчивость, я совѣтовалъ моимъ спутникамъ не давать имъ денегъ, но они не послушались и стали бросать мелкими деньгами въ толпу. Полуголыя женщины и дѣти съ дикимъ воемъ такъ набросились на насъ, что пришлось отбиваться и отступать задомъ, чтобы насъ не разорвали. Струковъ даже выхватилъ саблю и сталъ отмахиваться, чтобы удержать дикую толпу, которая неотступно преслѣдовала насъ до самой станціи.

Въ восемь часовъ вечера прибыли въ Плоэшти. Буквально, весь городъ столпился на станціи и по пути предстоявшаго слѣдованія, не говоря уже про массу оффиціальныхъ лицъ. Разумѣется, и князь Карлъ ожидалъ Государя.

Восторженность встрѣчи не поддается никакому описанію. Предусматривая, что извозчиковъ не хватитъ, я еще передъ отъѣздомъ велѣлъ привести мнѣ къ поѣзду мою лошадь, и вернулся домой верхомъ.

26—31 мая.—Сегодня въ первый разъ меня довела до изнеможенія ежедневная утренняя бесѣда съ корреспондентами. Ихъ перебывало болѣе двадцати человѣкъ разныхъ національностей, такъ что часа три подрядъ приходилось разговаривать на разныхъ языкахъ. Вотъ нѣкоторые изъ русскихъ корреспондентовъ:

Максимовъ («Биржевыя» и «Русскія Вѣдомости» и S.-Petersb. Zeitung).

Каразинъ («Новое Время», «Всемірная Иллюстрація», «Нива»).

Немировичъ-Данченко («Нашъ Вѣкъ», «Пчела») *).

Федоровъ («Русскія Вѣдомости», «Всемірная Иллюстрація»).

Мозалевскій («С.-Петербургскія Вѣдомости»).

Сокальскій («Новое Время», «Голосъ», «Одесскій Вѣстникъ»).

*) Впослѣдствіи перешелъ въ «Новое Время» и прославился, какъ корреспондентъ этой газеты.

Буренинъ («Новое Время»).

Гирсъ («Сѣверный Вѣстникъ»).

Сегодня опредѣлилось, что. вмѣсто прежнихъ ежедневныхъ телеграммъ Государю, я долженъ буду составлять ежедневныя же записки обо всѣхъ свѣдѣніяхъ, въ теченіе дня полученныхъ, и представлять эти записки Великому Князю къ $9^1/_4$ часамъ вечера, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ читать ихъ Государю за вечернимъ чаемъ. Сегодня же и была представлена первая такая записка.

Всѣ эти дни вижу Великаго Князя Главнокомандующаго только по вечерамъ, между $7^1/_2$—$9^1/_2$ часами вечера, когда читаю ему дневную записку. Онъ все у Государя: тамъ и завтракаетъ, и обѣдаетъ, и чай пьетъ. Сильно утомляется и очень озабоченъ, ибо приближается серьезное время переправы черезъ Дунай. Передовой эшелонъ нашей главной квартиры отправляется уже послѣ завтра, 2 іюня; при Великомъ Князѣ останутся только Непокойчицкій, Левицкій, адъютанты Струковъ. Скалонъ и Андреевъ, докторъ Обермиллеръ и я. Всѣ наши вещи и лошади уѣдутъ впередъ, такъ что при мнѣ останутся только ручной чемоданчикъ и портфель. Такъ проживемъ здѣсь цѣлую недѣлю и выѣдемъ лишь 9-го или 10-го: сперва по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ въ экипажахъ до бивачнаго мѣста, которое содержится въ глубокомъ секретѣ.

1 іюня, среда.—Великаго Князя замѣтно волнуетъ мысль о близкой переправѣ: очень безпокоится, какъ-то она удастся. Даже невозмутимому Непокойчицкому видимо не по себѣ, а на впечатлительнаго и нервнаго Левицкаго жаль смотрѣть: до такой степени онъ мучится ожиданіемъ, что-то будетъ? Стараюсь успокоивать, но съ весьма посредственнымъ успѣхомъ. Прибылъ нѣкто Донъ-Хозе-Люисъ-Пеллисаръ, корреспондентъ и художникъ испанской иллюстраціи, но безъ всякихъ рекомендацій. Внушаетъ такое довѣріе своимъ честнымъ, открытымъ лицомъ, что я просилъ Великаго Князя допустить его на мою отвѣтственность. Великій Князь изъявилъ согласіе.

Государь живетъ здѣсь все это время такъ тихо, что его присутствіе почти даже незамѣтно, по крайней мѣрѣ для меня: мнѣ не удалось видѣть его со дня прибытія. Великій Князь разсказы-

валъ, что Государь читалъ статью князя Мещерскаго *), за которую министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ, или собирается запретить «Гражданинъ». Государю статья очень понравилась, онъ отозвался о ней такъ: «Совершенно справедливо, но очень ядовито написано».

Японскій полковникъ **Ямазама**.

Прибыли сюда и допущены весьма интересные иностранные военные агенты, и между ними флигель-адъютантъ датскаго короля Маріусъ-де-Гедеманъ и англійскій подполковникъ Уэллеслей. По-

*) Содержаніе статьи—рѣзкое осужденіе переговоровъ, затѣянныхъ англичанами съ цѣлью заставить насъ заранѣе подписать обязательство: ограничиться, по окончаніи войны, требованіями бывшей константинопольской конференціи и даже не входить въ мирные переговоры съ Портою иначе, какъ совмѣстно съ остальными великими державами!

слѣдняго Великій Князь принялъ очень сурово, ибо онъ послѣднее время не стѣснялся высказываться въ Петербургѣ въ явно враждебномъ ко всему русскому тонѣ. Положеніе Уэллеслея будетъ не изъ пріятныхъ. Самый интересный военный агентъ—японскій полковникъ Ямазама, командиръ пѣхотнаго полка. Форма напоминаетъ французскую: темносиній однобортный мундиръ съ краснымъ воротникомъ и обшлагомъ; скромное золотое шитье; чинъ обозначается на рукавахъ, параллельными рядами тонкихъ золотыхъ галунчиковъ. Онъ пробылъ два года въ Парижѣ, понимаетъ по-французски все, но говоритъ съ большимъ трудомъ. Держитъ себя серьезно, невозмутимо-спокойно, съ большимъ достоинствомъ. Сегодня за завтракомъ я сидѣлъ съ нимъ рядомъ и разговаривалъ: отвѣчаетъ тяжелымъ языкомъ, но понимаетъ по-французски все; нашу манеру ѣсть и вообще всѣ внѣшніе европейскіе пріемы усвоилъ себѣ вполнѣ. При немъ секретарь японскаго посольства изъ Петербурга, молодой человѣкъ, очень бойко говорящій по-русски и выдающій свою національность только типомъ лица.

3 іюня, пятница.—Пріѣхалъ князь Евгеній Максимиліановичъ и встрѣтился со мною совсѣмъ по-товарищески.

Англійскій военный агентъ Уэллеслей, обидѣвшись пріемомъ и внушеніемъ Великаго Князя, совсѣмъ уѣхалъ. И слава Богу.

Пріѣхавшій третьяго дня или вчера, хорошо не помню, директоръ Agence générale Russe, Поггенполь и основываясь на разрѣшеніи государственнаго канцлера, вздумалъ начать телеграфировать военныя и политическія извѣстія отъ себя. Но его телеграмму, несмотря на печать государственнаго канцлера, на станціи не приняли, а предложили явиться ко мнѣ, чтобъ я надписалъ: «разрѣшаю». Я еще ничего и не зналъ объ этомъ, какъ вдругъ сегодня Великій Князь требуетъ меня къ себѣ въ неурочное время и, разсказавъ вышеизложенное, сообщаетъ, что онъ уже доложилъ объ этомъ Государю, который приказалъ подтвердить по своей главной квартирѣ, чтобъ никто не посылалъ телеграммъ военнаго содержанія безъ моей разрѣшительной надписи, а князю Горчакову выразилъ свое неудовольствіе.

Только-что я вернулся отъ Великаго Князя домой—является

Поггенполь съ визитомъ и съ двумя рекомендательными карточками отъ статсъ-секретарей Гамбургера и барона Жомини.

Сегодня же Великій Князь прислалъ ко мнѣ французскаго инженера изъ породы прожектеровъ (фамилію забылъ), явившагося къ нему съ предложеніемъ: произвести какую-то ему одному извѣстную фотографическую съемку праваго берега Дуная. Приведшій его дежурный адъютантъ передалъ, что Великій Князь поручаетъ мнѣ переговорить и условиться съ французомъ. Поговоривъ съ нимъ, я попросилъ его объявить свои условія. Они оказались столь нахальными, что я доложилъ Великому Князю: «по-моему, надо его прогнать». Такъ и приказано исполнить.

6 іюня, понедѣльникъ. — Сегодня Великій Князь передалъ безъ всякихъ объясненій, т.-е., говоря канцелярскимъ языкомъ, «къ дѣлу» — любопытную французскую записку барона Жомини отъ вчерашняго числа. Вотъ ея содержаніе:

1) *Сербія.*—Князь Горчаковъ, въ бесѣдѣ съ княземъ Миланомъ и Ристичемъ, настаивалъ, чтобы Сербія оставалась спокойной и ограничилась обороною. О томъ, что наше соглашеніе съ Австро-Венгріею предусматриваетъ и допускаетъ возможность сербской наступательной коопераціи — князь Горчаковъ умолчалъ, не довѣряя сербской скромности. Онъ опасается, что Миланъ и Ристичъ, вернувшись домой, выдадутъ этотъ дипломатическій секретъ публикѣ и создадутъ большія затрудненія какъ намъ, такъ и Австро-Венгріи. Между тѣмъ, мы обязаны принимать въ соображеніе положеніе графа Андраши, которому нелегко лавировать между страстями разныхъ партій. Секретное соглашеніе наше неизвѣстно публикѣ. Трудно предусмотрѣть впечатлѣніе, которое произведетъ въ Австро-Венгріи наступленіе сербовъ, если оно произойдетъ вслѣдъ за визитомъ князя Милана въ Плоэшти и одновременно съ нашею переправою черезъ Дунай. Ничего не зная о выгодахъ, обѣщанныхъ Австро-Венгріи по нашему секретному соглашенію, публика будетъ возмущена бездѣйствіемъ своего правительства въ виду сербскихъ наступательныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, активное содѣйствіе сербовъ намъ не нужно, даже неудобно. Но въ будущемъ оно мо-

жетъ пригодиться, даже сдѣлаться необходимымъ. Вотъ почему Милану окончательно сказано, чтобы демонстративно не выходилъ изъ оборонительнаго положенія до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ насъ особое сообщеніе. Если содѣйствіе сербовъ понадобится, мы предварительно поручимъ нашему послу въ Вѣнѣ войти въ соглашеніе съ графомъ Андраши и затѣмъ уже сообщимъ князю Милану, когда и какое содѣйствіе отъ него потребуется.

2) *Румынія.*—Съ нашей точки зрѣнія было бы вполнѣ удобно присоединить дельту Дуная къ будущей Болгаріи. Но противъ этого возстала бы вся Европа, такъ какъ — что бы ни говорили и ни дѣлали—Болгарія въ глазахъ публики всегда будетъ считаться почти тою же Россіей. Чтобы избѣжать неудовольствія Австро-Венгріи и Германіи, которое непремѣнно будетъ разжигаться Англіей, казалось бы наиболѣе удобнымъ присоединить дельту Дуная къ Румыніи, а Добруджу къ Болгаріи. Если же къ дельтѣ Дуная прибавить еще Виддинъ съ его округомъ, то Румынія будетъ достаточно вознаграждена.

Сегодня, 8-го іюня утромъ, за мной прислалъ Великій Князь и приказалъ вечеромъ ѣхать въ свитѣ Государя въ Браиловъ. Но въ $2^1/_2$ часа дня онъ совершенно неожиданно уѣхалъ неизвѣстно куда, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Непокойчицкаго и Левицкаго. Не взялъ съ собою даже ни одного адъютанта.

Отъѣздъ Государя въ Браиловъ отложенъ до завтра: объ этомъ сообщилъ мнѣ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Сегодня, 9-го іюня, прибылъ съ экстреннымъ пакетомъ на имя Великаго Князя, отъ командира 14-го корпуса Циммермана, капитанъ генеральнаго штаба Гершельманъ (Θедоръ). По его словамъ, требуется немедленное рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что содержаніе пакета въ связи съ предположенною поѣздкою Государя въ Браиловъ. А между тѣмъ, ни Великаго Князя, ни начальника штаба нѣтъ, и гдѣ находятся—неизвѣстно. Начальникъ канцеляріи штаба не взялъ на себя дать отвѣтъ, какъ быть, а послалъ своего помощника Стефана, вмѣстѣ съ Гершельманомъ, ко мнѣ. Я немедленно отправилъ Гершельмана къ графу Воронцову-Дашкову, чтобы вручить пакетъ ему для доклада Государю, такъ какъ кромѣ него никто не можетъ

распечатать пакетъ, Великому Князю адресованный. Вышло отлично. Государь самъ принялъ и разспросилъ Гершельмана, лично объявилъ ему свое повелѣніе для передачи Циммерману, и Гершельманъ немедленно уѣхалъ. Затѣмъ зашелъ ко мнѣ графъ Воронцовъ-Дашковъ и передалъ, что Государь опять отложилъ свой отъѣздъ въ Браиловъ до завтра. Очевидно, что это — въ связи съ содержаніемъ привезеннаго Гершельманомъ пакета.

Въ три часа ночи, 10-го іюня, опять заѣзжалъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, по поводу полученной имъ для передачи Великому Князю телеграммы; отъ кого и о чемъ—онъ не говорилъ. Рѣшили опять представить Государю, который одинъ только и можетъ знать, гдѣ находится Великій Князь.

Вечеромъ ѣздилъ съ адъютантами Великаго Князя, Скалономъ и Андреевымъ, на вокзалъ, провожать Государя, уѣхавшаго въ Браиловъ съ великими князьями и частью своей свиты.

Около пяти часовъ вечера, *11-го іюня,* Государь со свитою вернулся. Переправа на нижнемъ Дунаѣ состоялась вчера вполнѣ успѣшно.

18 іюня, суббота. — На бивакѣ у Зимницы. Цѣлую недѣлю не было времени писать. Только-что окончилъ составленіе и собственноручную переписку реляціи о переправѣ, съ предварительнымъ очеркомъ всѣхъ событій со дня объявленія войны. За этою работою сидѣлъ съ десяти часовъ вчерашняго до шести часовъ сегодняшняго утра. Въ 7½ часовъ утра Великій Князь подписалъ реляцію и отправилъ ее въ Петербургъ *). Возвращаюсь къ пропущеннымъ днямъ.

12-го іюня, въ пять часовъ дня, Скалонъ, Андреевъ и я выѣхали изъ Плоэшти согласно назначенному намъ маршруту; въ два часа ночи поѣздъ прибылъ въ Слатину, а оттуда немедленно отправились на полудикихъ почтовыхъ лошадяхъ къ биваку Великаго Князя у деревни Драча, куда и прибыли, послѣ десяти-часовой безостановочной ѣзды, въ двѣнадцать часовъ дня *13 іюня.*

Туда же прибылъ и Государь со своею главною квартирою.

*) Она была напечатана во всеобщее свѣдѣніе.

14-е и 15-е іюня провели на нарочито-найденномъ здѣсь «Царскомъ валикѣ», т.-е. на курганѣ Magura-della-Grapavi, откуда ясно были видны, въ разстояніи пяти-шести верстъ (на глазъ) Никополь и Систово. Съ этого кургана Государь и Великій Князь со своими свитами наблюдали: 14-го — бомбардированіе Никополя, а 15-го—переправу Драгомирова у Систова. Пріѣзжали на курганъ съ бивака (двадцать верстъ) каждый день спозаранку и верхомъ (Государь, великіе князья и высшіе чины, конечно, въ колыскахъ); возвращались на бивакъ около четырехъ-пяти часовъ дня тѣмъ же порядкомъ.

15-го іюня, я, по приказанію Великаго Князя, почти все время просидѣлъ въ станціонной каретѣ полевого телеграфа, посылая запросы въ Зимницу и отправляя получаемыя отвѣтныя депеши Великому Князю, который немедленно читалъ ихъ Государю.

По возвращеніи 15-го вечеромъ на бивакъ у Драчи, кричали до хрипоты «ура» Великому Князю, по случаю пожалованія ему Георгія 2-й степени. Затѣмъ надо было спѣшно укладываться: въ два часа ночи выѣхали съ бивака въ Зимницу и прибыли туда въ седьмомъ часу утра. По пути навѣстили военно-временный госпиталь въ Пятрѣ и перевязочный пунктъ въ Зимницѣ: Великій Князь всѣхъ раненыхъ благодарилъ и обласкалъ. Бивакъ у Зимницы въ фруктовомъ саду (персиковыя, абрикосовыя и грушевыя деревья), но пыль кругомъ—ужасающая.

16-го іюня, въ четвергъ, въ 12½ часовъ дня, Великій Князь, взявъ съ собою Непокойчицкаго, Левицкаго, адъютантовъ и меня, сѣлъ въ понтонъ, имѣя при себѣ свой значокъ. На рулѣ былъ гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Палтовъ, на веслахъ — уральскіе казаки. При громкомъ «ура» нашихъ войскъ съ обоихъ береговъ, мы переправились черезъ Дунай. На правомъ берегу ожидали великій князь Николай Николаевичъ Младшій и свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ съ большою свитою. Великій Князь обнималъ и цѣловалъ сына, находившагося подъ огнемъ съ трехъ часовъ утра до двѣнадцати часовъ дня, затѣмъ самого Драгомирова, котораго горячо благодарилъ. Тутъ же Драгомировъ разсказалъ Великому Князю своимъ своеобразнымъ языкомъ весь ходъ дѣла. Съ особою похвалою и признательностью онъ отозвался

о М. Д. Скобелевѣ, который участвовалъ въ дѣлѣ лишь волонтеромъ. Изъ иностранцевъ на переправѣ были: прусскій маіоръ Лигницъ, австрійскіе — подполковникъ баронъ Лёнейзенъ и капитанъ Болла, и румынскіе—генералъ Зефкаръ и полковникъ Гергель. Всѣ въ восторгѣ отъ спокойной, блистательной храбрости и распорядительности Радецкаго и Драгомирова. Столь же единодушны по-

Великій князь **Николай Николаевичъ Младшій.**

хвалы Лигницу, который все время принималъ въ дѣлѣ самое дѣятельное участіе.

Во время доклада Драгомирова Великій Князь отправилъ сына въ Зимницу доложить Государю, что все готово. Государь со свитою немедленно прибылъ: обнялъ и расцѣловалъ Радецкаго и Драгомирова и лично вручилъ имъ георгіевскіе кресты 3-й степени. Скромный Радецкій сказалъ Государю: — «Ваше Величество, это не мнѣ слѣдуетъ, а Драгомирову». — Государь милостиво успокоилъ,

Государственная Б... ...А СССР им. В. И. Ленина

что и Драгомирову будетъ. Сѣвъ верхомъ, Государь объѣхалъ и благодарилъ войска: восторгъ былъ неописанный. Государь многимъ далъ награды лично, напр. великому князю Николаю Николаевичу Младшему и обоимъ бригаднымъ командирамъ 14-й пѣхотной дивизіи, Іолшину и Петрушевскому—Георгія 4-й степени.

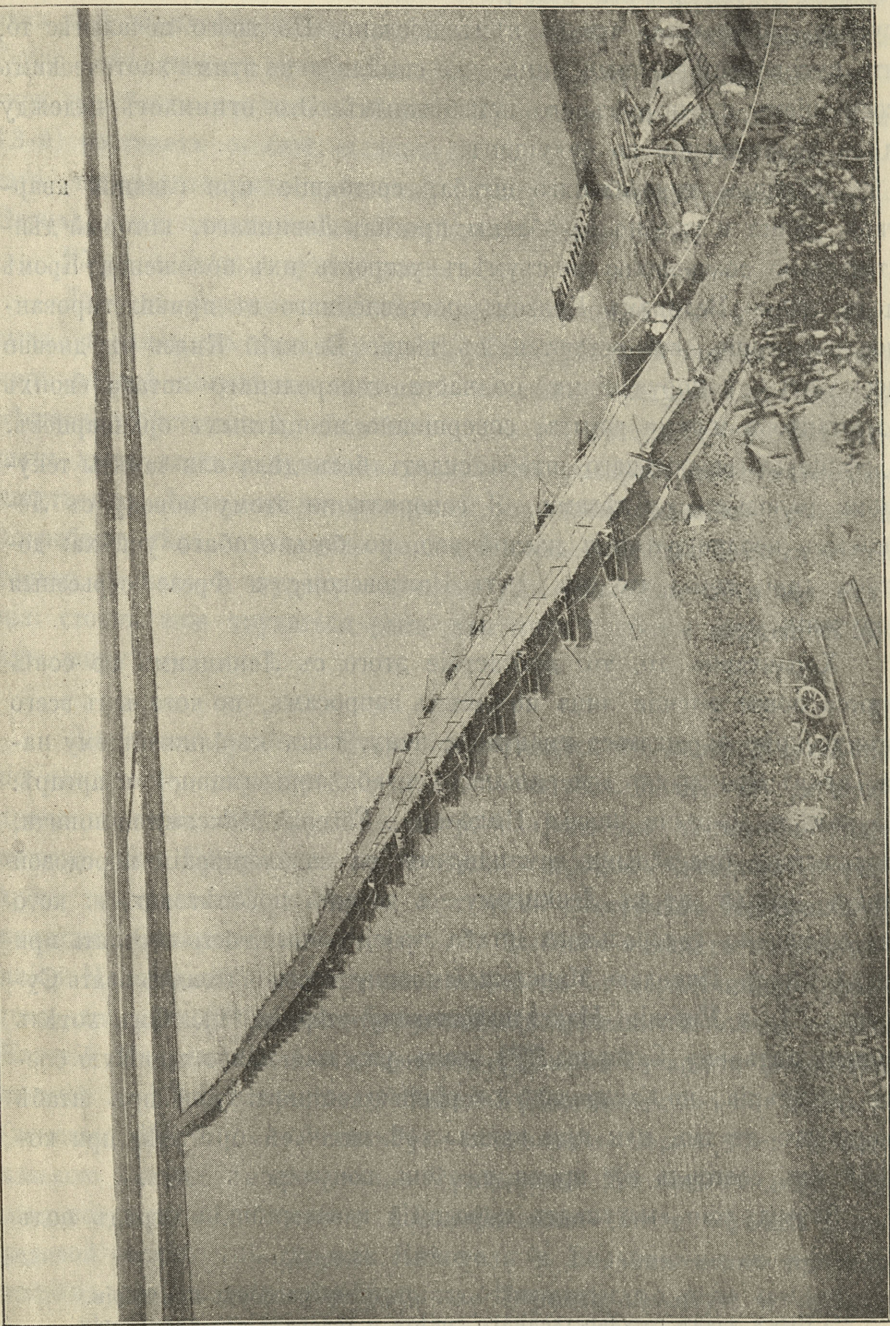
Вечеромъ вернулись на зимницкій бивакъ.

20 іюня, понедѣльникъ.—Съ 16-го по сегодняшій день тянулась наводка понтоннаго моста, крайне затруднявшаяся теченіемъ и вѣтромъ. Въ одную бурную ночь вырвало 26 понтоновъ, которые всѣ погибли.

Нельзя сказать, чтобы у насъ процвѣталъ порядокъ. Телеграфу — непосильная работа: онъ такъ заваленъ Высочайшими и великокняжескими депешами, что даже служебныхъ телеграммъ не можетъ передавать своевременно, а про частныя—и говорить нечего. Смѣхотворно-малочисленный составъ полевыхъ почтовыхъ конторъ совершенно не въ состояніи справляться съ горами накопляющейся корреспонденціи. Приказанія посылаются безъ соображенія съ временемъ, необходимымъ для полученія и исполненія.

Масса лицъ, состоящихъ безъ опредѣленныхъ занятій при обѣихъ главныхъ квартирахъ, только мѣшаетъ тѣмъ немногимъ, которые обременены дѣломъ выше головы. А между тѣмъ, тѣхъ управленій, которыя нужны для правильнаго и безостановочнаго хода дѣлъ—нѣтъ на-лицо: даже $^2/_3$ полевого штаба еще гдѣ-то позади, а полевого казначейства, управленій интендантскаго, почтоваго и телеграфнаго до сихъ поръ вовсе нѣтъ. Коменданта, общаго для обѣихъ главныхъ квартиръ, тоже нѣтъ и очевидно не будетъ: вслѣдствіе этого некому установить и соблюдать порядокъ на бивакѣ, особенно необходимый при необозримой массѣ прислуги столь многочисленныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Бивакъ главныхъ квартиръ поражаетъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ требованій чистоты и порядка: зады нашего бивака — чисто цыганскій таборъ.

Въ нашей главной квартирѣ, за отсутствіемъ большей части органовъ полевого управленія, находящихся еще гдѣ-то позади, не организована даже правильная разсылка бумагъ и депешъ; вѣстовыхъ и разносныхъ книжекъ нѣтъ! Спѣшныя бумаги и депеши по-

Понтонный мостъ черезъ Дунай.

сылаются съ случайно подвертывающимися людьми, а потомъ, за суетою, забывается, что съ кѣмъ послано. Но всего печальнѣе то, что высокопоставленныя лица уже свыклись съ этимъ хаотическимъ состояніемъ и считаютъ его неизбѣжнымъ. Это отнимаетъ надежду и на упорядоченіе въ будущемъ.

Офицеры генеральнаго штаба, состоящіе при главной квартирѣ, давно и ужасно озлоблены противъ Левицкаго, который дѣйствительно совершенно не съумѣлъ устроить ихъ положеніе. Кромѣ меня, лично Великимъ Княземъ поставленнаго въ привилегированное положеніе, всѣ остаются въ тѣни. Великій Князь ежедневно посылаетъ съ порученіями по части генеральнаго штаба своихъ адъютантовъ и даже юныхъ, совершенно неопытныхъ ординарцевъ, а офицеры генеральнаго штаба сидятъ безъ дѣла или заняты текущими маловажными дѣлами. Я говорилъ по этому поводу съ Левицкимъ неоднократно и настойчиво, но безъ особаго успѣха: достигъ лишь того, что онъ далъ Нагловскому и Фрезе серьезныя порученія.

Характерно то, что вслѣдствіе этого съ Левицкимъ не совѣтуются вовсе высшія лица по такимъ вопросамъ, по которымъ всего естественнѣе обращаться именно къ нему, какъ къ ближайшему начальнику офицеровъ генеральнаго штаба при главной квартирѣ. Напримѣръ, сегодня князья Николай и Евгеній Максимиліановичи, назначенные бригадными командирами въ кавалерійскій передовой отрядъ, зашли не къ Левицкому, а ко мнѣ посовѣтоваться: кого изъ офицеровъ генеральнаго штаба просить назначить состоять при нихъ? Князю Николаю Максимиліановичу я посовѣтовалъ взять Сухотина *), а Евгенію Максимиліановичу—Фрезе **). Онъ хотѣлъ просить дать ему Сахарова ***), какъ уже имѣющаго прочную боевую репутацію, но Сахарова уже рѣшено оставить или при штабѣ передового отряда, или при кавказской казачьей бригадѣ, при которой онъ состоялъ все время и очень популяренъ тамъ.

Завтра уже выступаетъ передовой кавалерійскій отрядъ подъ

*) Нынѣ членъ государственнаго совѣта и генералъ-отъ-кавалеріи.

**) Нынѣ членъ государственнаго совѣта и генералъ-отъ-инфантеріи.

***) Бывшій военный министръ, генералъ-адъютантъ, злодѣйски-убитый въ Саратовѣ въ 1905 г.

начальствомъ нарочно вызваннаго для сего изъ Петербурга начальника 2-й гвардейской кавалерiйской дивизiи, генералъ-лейтенанта Гурко (онъ еще въ пути). Дня черезъ два-три, наша главная квартира перейдетъ на правый берегъ Дуная, а два корпуса (12-й и 13-й) составятъ особый заслонъ къ западу, къ сторонѣ пресловутаго четыреугольника крѣпостей (Рущукъ—Силистрiя—Шумла—Варна), подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича.

Жара и пыль—чудовищныя.

До сихъ поръ неизвѣстно въ точности число утонувшихъ, убитыхъ и раненыхъ при переправѣ. Тѣла убитыхъ турокъ до сихъ поръ не всѣ погребены, и запахъ на томъ берегу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, убiйственный, тѣмъ болѣе, что тѣ, которыя погребены, зарыты лишь слегка, и запахъ разложенiя распространяется безпрепятственно. Лицо, на которое было возложено отысканiе, уборка и погребенiе тѣлъ, пренаивно распорядилось хоронить какъ слѣдуетъ только своихъ, а турокъ—какъ-нибудь. Болгары—того же мнѣнiя: стоитъ еще трудиться рыть для нихъ глубокiя могилы въ такую жару!

22 iюня, среда.—Вчера переправился по мосту и двинулся по назначенiю передовой отрядъ: 10½ баталiоновъ, 43½ эскадрона и сотни, 38 орудiй и импровизированный конно-пiонерный взводъ: самъ Гурко еще не прибылъ; отрядомъ временно командуетъ генералъ-маiоръ Раухъ, при немъ полковникъ Нагловскiй и капитанъ Сахаровъ. 4-ю стрѣлковою бригадою командуетъ генералъ-маiоръ Цвѣцинскiй, болгарскимъ ополченiемъ—генералъ-маiоръ Столѣтовъ, драгунскою бригадою (астраханскiй и казанскiй полки)—князь Евгенiй Максимилiановичъ, сводною (кiевскiй гусарскiй и донской казачiй № 30 полки)—князь Николай Максимилiановичъ, казачьею (донскiе №№ 21 и 26 полки)—полковникъ Чернозубовъ, и кавказскою казачьею—полковникъ Тутолминъ. Послѣднему дано спецiальное назначенiе идти къ Плевнѣ, занять ее и образовать передовой заслонъ къ сторонѣ Никополя и Виддина; всѣмъ прочимъ частямъ отряда данъ маршрутъ на Тырновъ, а оттуда и дальше, насколько удастся проникнуть. 12-му и 13-му корпусамъ, подъ общимъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича, назначено идти на

Рущукъ и служить заслономъ лѣваго фланга операціонной линіи, направленіе которой — на Тырновъ, и оттуда — за Балканы. Правый флангъ долженъ прикрывать 9-й корпусъ; идти вслѣдъ за Тутолминымъ на Плевну, занять ее и по возможности взять Никополь. Главныя силы, которыя двинутся на Тырновъ подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя, образуются изъ 8-го корпуса, части 11-го и изъ еще находящагося въ слѣдованіи по Румыніи 4-го корпуса. Если не будетъ задержекъ съ фланговъ (опасаются больше за лѣвый, такъ какъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, главныя силы турокъ сосредоточены въ четыреугольникѣ крѣпостей) и удастся форсировать Балканы, то дальнѣйшій путь наступленія — на Адріанополь и даже на Константинополь.

Таковъ планъ Великаго Князя, одобренный Государемъ.

Начальникомъ штаба къ Наслѣднику Цесаревичу избранъ командиръ 12-го корпуса генералъ-лейтенантъ Ванновскій, а въ командованіе 12-мъ корпусомъ вступитъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

Серьезнаго сопротивленія отъ турокъ не ожидаютъ; конечно, они будутъ драться, при встрѣчахъ съ нами, какъ львы, но сами встрѣчъ искать не будутъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ.

Политика безмолвствуетъ, выжидая событій.

Послѣ завтра переходимъ и мы черезъ Дунай. Императорская главная квартира останется пока за Дунаемъ, неизвѣстно только, надолго-ли. Государь самъ стремится впередъ и желаетъ быть поближе къ войскамъ. Сегодня онъ снялъ съ себя георгіевскій крестъ и возложилъ на полковника Струкова, за участіе въ устройствѣ минныхъ загражденій на Дунаѣ.

Ужасно жарко: отъ 30 до 35 градусовъ каждый день.

23 іюня, четвергъ.—Гурко пріѣхалъ; въ восторгѣ, что его вызвали. Говоритъ, что оставшіеся въ Петербургѣ военные чувствуютъ себя какими-то обойденными. Ѣдетъ догонять свой отрядъ. Укладываемся, ибо нашъ обозъ (350 повозокъ!) долженъ подтянуться къ переправѣ съ вечера. Ночевать будемъ на травѣ, или вѣрнѣе — въ пыли, которая покрываетъ и пропитываетъ все на-

сквозь. Зимницкая пыль совсѣмъ незаурядная: когда смотришь съ турецкаго берега, то Зимницы совсѣмъ не видать, а видно только огромное, густое облако пыли.

Изъ полученныхъ телеграммъ видно, что въ Англіи и Венгріи общественное мнѣніе очень недовольно успѣхомъ нашей переправы: недоброжелатели наши надѣялись, что это обойдется намъ труднѣе и дороже.

Вечеромъ явились болгары изъ Тырнова и привезли извѣстіе, что на дорогѣ встрѣтили нашу кавалерію, которая безостановочно двигается впередъ.

Отправка обоза главной квартиры отсрочена на сутки, а слѣдовательно—и наша переправа.

Въ шесть часовъ утра, *25-го іюня, въ субботу,* уложились и до двѣнадцати часовъ дня пребывали въ неопредѣленно-выжидательномъ положеніи. Накопецъ, около часу дня началась переправа.

Сперва спускъ съ песчанаго, пыльнаго берега; затѣмъ—маленькій мостъ на козлахъ черезъ протокъ, отдѣляющій румынскій берегъ отъ плоскаго песчанаго острова Адды, на которомъ расположились лагеремъ (безотрадная стоянка!) саперы, понтонеры и моряки. Длинное, медленное путешествіе по острову. У спуска съ острова на понтонный мостъ—палатка командира сапернаго баталіона и деревянная будка съ прилаженной къ ней палаткою; это—помѣщеніе начальника переправы, сапернаго генерала Рихтера, получившаго также Георгія 3-й степени (помимо 4-й). Мостъ, около полуторы сажени ширины, покоится на деревянныхъ понтонахъ и возвышается надъ уровнемъ воды едва на полсажени. Перила—веревки, продернутыя сквозь тоненькія, низенькія стойки.

По этому зыбкому мосту нескончаемою, непрерывною вереницею, днемъ и ночью, тянутся войска и обозы. Мы перешли мостъ гуськомъ, спѣшившись, держа лошадей въ поводу. Не доходя турецкаго берега, понтонный мостъ кончается на небольшомъ островѣ, который соединенъ съ берегомъ опять-таки мостомъ на козлахъ.

Величественъ видъ разлившагося Дуная, особенно съ середины моста. Зеленый румынскій берегъ какъ бы сливается съ го-

ризонтомъ воды; нагорный турецкій берегъ гордо высится надъ широкою рѣкою. Подъемъ—очень крутой. Дорога — углубленная между горами; густая пыль стоитъ столбомъ въ этомъ коридорѣ. Духота и жара трудно-выносимыя.

Между двумя—тремя часами дня мы прибыли на бивакъ у деревеньки Царевице. Вмѣстѣ съ нашею главною квартирою переправились Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ, отправлявшіеся къ мѣсту своего новаго назначенія.

На бивакѣ до десяти часовъ вечера ждали обоза (часть его пришла даже на другой день утромъ). Дѣлать нечего, жара страшная, ѣсть нечего. Достали двухъ барановъ, которыхъ Д. И. Скобелевъ (отецъ) собственноручно ободралъ, вымылъ, выпотрошилъ и одного (разрѣзавши на куски) положилъ вариться въ принесенный изъ ближайшаго полка котелъ, а другого сталъ жарить цѣликомъ на импровизированномъ вертелѣ. Другіе умѣлые люди изъ свиты нанизали просоленные и проперченные кусочки баранины на длинныя палки и, обжаривъ на огнѣ, приготовили шашлыкъ. Мало-по-малу всѣ приняли участіе—кто въ стряпнѣ, кто въ вспомогательныхъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, стряпня поспѣла и была уничтожена: съ голоду было вкусно. Когда пришелъ обозъ, то поспѣшили разбить палатки и улечься спать: вечеромъ ѣсть было нечего, такъ какъ кухонный обозъ Великаго Князя подошелъ лишь утромъ.

26 іюня, воскресенье.—Бивакъ у Царевице прелестный, на большомъ, почти квадратномъ, скошенномъ лугу, обсаженномъ деревьями и почти окруженномъ высокими зелеными горами. На самомъ красивомъ и тѣнистомъ мѣстѣ—палатки обоихъ великихъ князей; правѣе—палатка Непокойчицкаго; лѣвѣе — Левицкій и я, въ одной палаткѣ.

Въ шесть съ половиной часовъ вечера Великій Князь получилъ донесеніе Гурко о лихомъ захватѣ Тырнова нашею конницею. Тотчасъ вышелъ изъ палатки и самъ закричалъ «ура». Вся главная квартира тотчасъ отовсюду сбѣжалась; Великій Князь прочелъ донесеніе вслухъ, снова раздалось и повторилось по всему бивaку восторженное «ура». Затѣмъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить донесеніе Государю и цѣлый рядъ телеграммъ объ этомъ

событіи. Сѣли обѣдать на лугу въ самомъ радостномъ настроеніи: тотчасъ послѣ обѣда было отслужено благодарственное молебствіе при необыкновенно красивомъ солнечномъ закатѣ. Послѣ молебна—«Боже, царя храни», музыка и пѣсни гвардейскихъ казаковъ, уже въ ночной темнотѣ, при свѣтѣ ярко горѣвшихъ безчисленныхъ звѣздъ. Я сидѣлъ на воздухѣ передъ складнымъ столикомъ и писалъ; тишина была такая, что пламя свѣчи даже не колебалось.

Ночью были получены Великимъ Княземъ, одна за другою, три телеграммы Государя, поданныя въ Зимницѣ между $10^{1}/_{2}$—$11^{1}/_{2}$ часами вечера. Первую привожу дословно:

«Ты можешь себѣ представить мою радость при полученіи донесенія о занятіи Тырнова одною нашею славною кавалеріею. Гурко заслуживаетъ Георгія 3-й степени, а Эжень (т.-е. князь Евгеній Максимиліановичъ)—производства въ генералы. Радуюсь, что гвардейцы наши [1]) имѣли случай отличиться. Немедленно сообщилъ товарищамъ [2]), и прокричали имъ «ура». Съ нетерпѣніемъ буду ожидать подробностей. Надѣюсь, что 12-й корпусъ съумѣетъ остановить наступленіе непріятеля.—Александръ».

Во второй телеграммѣ Государь напоминаетъ Великому Князю, чтобы не забылъ увѣдомить, куда переведетъ завтра свою главную квартиру и гдѣ будутъ находиться Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ третьей—увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи прибыть завтра утромъ налегкѣ въ Царевице, для личныхъ переговоровъ.

Ночью писалъ, по указаніямъ Великаго Князя, секретное письмо Государю, безъ сохраненія копіи.

Послѣ свиданія Великаго Князя съ Государемъ, въ понедѣльникъ, 27 іюня, мы выступили съ бивака у Царевице. Проѣхавъ верхомъ восемнадцать верстъ душистою степью (пыльную дорогу оставили въ сторонѣ), остановились на ночлегъ у брошенной турецкой деревеньки Акчаиръ. Достать ничего нельзя. Обѣдали, какъ

[1]) Сводный гвардейскій полуэскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя.

[2]) То-есть—оставшейся при Государѣ сводной гвардейской ротѣ, принимавшей участіе въ бою на переправѣ.

солдаты, изъ общаго котла, подъ дряннымъ соломеннымъ навѣсомъ.

Вечеромъ--великолѣпная гроза съ проливнымъ дождемъ, лившимъ съ половины шестого вечера всю ночь (до четырехъ часовъ утра), которую напролетъ провелъ безъ сна, торопясь окончить донесеніе Государю до нашего отъѣзда, назначеннаго завтра, въ шесть часовъ утра. Палатки и мы сами промокли насквозь.

28 іюня, вторникъ.—Переходъ отъ Акчаира до Иванчи былъ наслажденіемъ. Чудный, освѣженный ночною грозою, утренній воздухъ, сіяющее на безоблачномъ небѣ солнце, привольная холмистая степь, густо покрытая высокою, сочною, яркою, душистою травою, синѣющія вдали балканскія предгорья — вотъ картина сегодняшняго перехода. Все населеніе попутныхъ болгарскихъ деревень высыпало на встрѣчу: всѣ кланялись, крестились, кричали «ура», хлопали въ ладоши и бросали цвѣты подъ ноги лошадямъ.

По приходѣ на бивакъ, въ ожиданіи обоза, я немедленно легъ спать, чтобъ освѣжиться послѣ напряженнаго труда безсонной ночи.

Деревня Иванча живописно утопаетъ въ зелени по обоимъ берегамъ быстрой рѣчки. Наши палатки—на прибрежномъ лугу. Обѣдали подъ открытымъ небомъ: куриный супъ, жареныя куры, компотъ изъ консервовъ и кофе. Передъ самымъ обѣдомъ пріѣхалъ изъ Тырнова адъютантъ Великаго Князя, поручикъ Мухановъ, привезъ подробную реляцію Гурко и захваченное турецкое знамя (а можетъ быть и просто значокъ): зеленое, съ какими-то надписями, съ дрянными желтыми лентами, на простомъ, некрашенномъ древкѣ, увѣнчанномъ звѣздою и полумѣсяцемъ. Все это сегодня же будетъ послано Государю.

Здѣшнее населеніе встрѣтило насъ съ такимъ же восторгомъ, какъ и попутное. Деревня Иванча—совсѣмъ нетронутая. Жители одѣты неряшливо и грязно, но очевидно—зажиточны. Хлѣба, фуража, скота, разной птицы — вволю. Но на жителяхъ замѣтенъ отпечатокъ многовѣкового рабства: малорослы, сухопары, очень робки. По строенію головъ и по типамъ лицъ ихъ невозможно отличить отъ турокъ, что весьма легко объясняется давнишнею и значительною примѣсью турецкой крови: въ теченіе вѣковъ турки

пользовались правомъ первой ночи надъ болгарскими женщинами, не считая частыхъ изнасилованій, всегда безнаказанныхъ.

Женщины и дѣти толпою обступали насъ на бивакѣ, причемъ дѣти нисколько не дичились. Одна дѣвочка лѣтъ восьми обратила на себя вниманіе Великаго Князя: онъ долго игралъ съ нею, даже бѣгалъ въ перегонки, наконецъ подарилъ ей полуимперіалъ. Послѣ этого мать (а можетъ быть и бабушка—такъ старообразна) нашла своевременнымъ увести ее домой; дѣвочка разревѣлась.

Передана присланная Государемъ шифрованная телеграмма нашего генеральнаго консула изъ Цетинья, Іонина, отъ 25 іюня: «Корпусъ Сулеймана и часть корпуса Али-Саиба, до 45 баталіоновъ, должны, по всей вѣроятности, выйти изъ Скутари въ Румелію или Болгарію. 16 крѣпостныхъ орудій изъ Подгорицы уже отправлены въ Константинополь. Турки теперь въ Скутари. Черногорскія войска стоятъ до разъясненія дѣла на прежнихъ мѣстахъ, но приготовляются къ наступленію, вѣроятно, къ Старой Сербіи, для чего нетерпѣливо ждутъ пушекъ, о присылкѣ которыхъ я уже телеграфировалъ въ Петербургъ. Наступленіе это отниметъ у турокъ возможность посылать башибузуковъ изъ окрестностей Призрена и Дибры на Дунай. Въ Скутари—до 4.000 раненыхъ».

Кромѣ этой телеграммы, есть еще другая, отъ какого-то Шатохина (вѣроятно нашъ консулъ) изъ Рагузы, отъ 27-го: «Турки намѣрены окончательно очистить Герцеговину. Всѣ оставшіяся въ ней войска пойдутъ къ Новому-Базару» [1]).

29 іюня, среда. — Встали въ $4^1/_2$ часа утра и сдѣлали двадцативерстный переходъ до дер. Поликраэшти (Поликратъ, т.-е. Поля-край), переправившись черезъ р. Руссицу вбродъ, по брюхо лошадямъ.

Полученo донесеніе Гурко, что завтра рано утромъ выступаетъ изъ Тырнова къ Балканамъ и надѣется форсировать одинъ

[1]) Обѣ эти телеграммы были оставлены безъ вниманія, равно какъ и позднѣйшая телеграмма нашего посланника Сабурова изъ Аѳинъ, отъ 30 іюня, сообщавшая, что одиннадцать транспортныхъ судовъ, подъ конвоемъ двухъ броненосцевъ, обогнули мысъ Матапанъ и идутъ въ Скутари забирать оттуда войска Сулеймана.

изъ проходовъ. Пока все отлично, но меня безпокоитъ, что турецкая армія вся цѣла, нигдѣ не видна, и намѣренія ея совершенно неизвѣстны. На переправахъ не было серьезнаго сопротивленія: защитниковъ было несоразмѣрно мало. Мы заняли большое пространство почти безпрепятственно, но зато и разбросались до чрезвычайности. Гдѣ же турки? Неужели же они такъ и не будутъ защищаться? Вѣдь это—жизненный вопросъ для нихъ.

Мысли эти навѣяны полученнымъ отъ Государя извѣщеніемъ, что наши дѣла въ Азіи приняли неблагопріятный оборотъ: повсюду отступаютъ, даже осада Карса снята. Подробности неизвѣстны.

30 іюня, четвергъ.—Рано утромъ выѣхали верхомъ изъ Поликраэшти и уже минутъ черезъ пятнадцать-двадцать втянулись въ восхитительное Тырновское ущелье, образуемое теченіемъ быстрой р. Янтры. Со всѣхъ окрестныхъ деревень сбѣгались навстрѣчу болгары съ крикомъ «ура» и хлопаньемъ въ ладоши, забрасывая Великаго Князя и насъ всѣхъ зеленью, цвѣтами, вѣнками, букетами, вышитыми салфетками и полотенцами. Миновавъ два монастыря, живописно пріютившихся по обѣ стороны дороги, па скатахъ лѣсистыхъ горъ, мы увидали вдали надъ нами Тырновъ. Дорога къ нему, вьющаяся въ гору, была вся запружена войсками и обозами 8-го корпуса: чтобы не стѣснять ихъ движеніе, мы спустились по довольно крутой дорогѣ внизъ къ Янтрѣ, переправились черезъ нее вбродъ, взобрались по головоломной тропинкѣ вверхъ и начали подниматься къ городу съ праваго берега. Когда горная тропинка расширилась настолько, что превратилась въ дорогу, Великій Князь приказалъ остановиться, подтянуться и упорядочить шествіе.

Двинулись въ городъ такъ: впереди—взводъ гвардейскихъ казаковъ, за ними—хоръ музыки; самъ Великій Князь, имѣя за собою свой значокъ и всю свиту, и въ заключеніе—эскадронъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, имѣя пѣсенниковъ впереди.

Въ этомъ порядкѣ мы перешли черезъ высоко поднятый надъ р. Янтрою мостъ и вступили въ древнюю болгарскую столицу.

Мѣстоположеніе замѣчательно живописно. Впереди—синѣютъ

Балканскія вершины; сзади — чудное ущелье Янтры замыкается только-что пройденными предгорьями. Цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ вьется по скатамъ горъ. Дома дикокаменные, своеобразной южной постройки: верхніе этажи выступаютъ надъ нижними, а черепичныя крыши противолежащихъ домовъ почти сближаются, такъ что надъ головою—узенькая полоска неба. Въ нижнихъ этажахъ—только входныя двери, а всѣ окна глядятъ во дворы, которые или образуютъ террасы въ нѣсколько ступеней, или же прислоняются къ обрывистому берегу Янтры, шумящей глубоко внизу. Къ сторонѣ обрыва дворы ограждены низенькими каменными стѣнками. Въ верхнихъ этажахъ—или балконы, или окна съ желѣзными рѣшетками, но безъ стеколъ. Гдѣ лавки—тамъ нѣтъ дверей, а просто совершенно открытый нижній этажъ, задвигаемый на ночь наглухо.

Мостовая—крупный булыжникъ ступенями и ухабами, такъ что нашимъ непривычнымъ лошадямъ было очень тяжело. По чрезвычайной узкости улицъ, мы должны были ѣхать по городу гуськомъ, и шествіе наше тянулось часа два. Зато жители, въ полномъ составѣ высыпавшіе на улицы и на балконы, могли налюбоваться каждымъ русскимъ по одиночкѣ. Мнѣ нигдѣ еще не случалось видѣть такого воодушевленнаго и неудержимаго народнаго восторга. Надо было видѣть эти сіяющія счастьемъ лица, эту безпредѣльную благодарность въ блестящихъ глазахъ, эту очевидную и непоколебимую увѣренность, что съ нашимъ появленіемъ турецкое иго навсегда отошло въ область прошедшаго. Все населеніе поголовно, не исключая стариковъ и дѣтей, точно опьянѣло отъ восторга. На Великаго Князя смотрѣли какъ на сошедшее съ небесъ божество; на насъ—какъ на его архангеловъ.

Остановиться въ самомъ городѣ не было никакой возможности: мы бы никогда не нашли другъ друга въ этомъ лабиринтѣ узенькихъ, кривыхъ улицъ. Да и обозъ не могъ бы пройти: дойдя до города, онъ долженъ былъ его обогнуть. Поэтому рѣшено было стать лагеремъ за городомъ. Но по пути Великій Князь принялъ приглашеніе одного изъ мѣстныхъ жителей зайти къ нему въ домъ.

Устройство дома очень оригинально. Съ улицы входишь на дворикъ, вымощенный плитами, и оттуда прямо въ верхній этажъ,

самый высокій и просторный. Съ того же дворика спускается крутая лѣстница въ средній этажъ, болѣе низкій, а оттуда—лѣстница въ нижній этажъ, самый низенькій и тѣсный. Изъ нижняго этажа—выходъ въ садикъ, огороженный каменною стѣнкою отъ обрывистаго ущелья, въ которомъ течетъ Янтра: изъ садика—головоломно-крутыя ступеньки къ водѣ.

Внутри дома чрезвычайно опрятно: стѣны чисто выбѣлены, полы чисто вымыты. Мебели мало: столы [1]) и деревянныя скамейки, наглухо укрѣпленныя вдоль стѣнъ и покрытыя плохонькими коврами. Шкафы и шкафчики вдѣланы въ стѣны. На окнахъ занавѣсы изъ бумажной бѣлой матеріи. И на кухнѣ очень чисто. Подали мѣстное вино, бѣлое и красное, овечій сыръ и хлѣбъ двухъ сортовъ: смѣсь пшеничной муки съ кукурузною и пшеничной съ ячменною.

По части съѣстного въ Тырновѣ (да и во всѣхъ почти пройденныхъ нами селахъ)—замѣчательное изобиліе. Городъ по собственному желанію кормилъ и поилъ на свой счетъ весь отрядъ Гурко (10 бат., 22 эск. и 32 оруд.—около 10.000 чел.). Даже теперь, во время дальнѣйшаго слѣдованія въ горахъ, Гурко продолжаетъ жить средствами страны. Изъ этого видно, какъ ошибочны были наши свѣдѣнія о нищенскомъ положеніи Болгаріи. Экономическое благоденствіе болгаръ — недосягаемый идеалъ для нашихъ крестьянъ. Тяжесть турецкаго ига совсѣмъ не въ экономическомъ гнетѣ, а въ полной неограждённости имущества, жизни и чести. Сегодня болгаринъ благоденствуетъ, а завтра— ни съ того, ни съ сего — либо отнимутъ жену или дочь, либо самого ограбятъ, изувѣчатъ или убьютъ. Вотъ почему они въ такомъ восторгѣ отъ нашего прихода, тѣмъ болѣе, что Тырновъ имѣетъ въ глазахъ народа особое значеніе, какъ древняя болгарская столица, и къ тому же въ прежнія войны русскія войска здѣсь не бывали: отрядъ Гурко былъ первый.

Замѣчательна любовь болгаръ къ родинѣ. Здѣсь много мужчинъ и женщинъ, получившихъ среднее и даже высшее образованіе въ Россіи: въ разныхъ университетахъ, медицинской академіи,

[1]) Столы были покрыты цвѣтными бумажными скатертями и салфетками.

технологическомъ институтѣ, институтѣ путей сообщенія. Почти всѣ они вернулись на родину, на служеніе своему народу, несмотря на то, что рисковали жизнью: въ случаѣ какихъ-либо замѣшательствъ, турки прежде всего хватаютъ и убиваютъ людей образованныхъ. Я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: какимъ чудомъ Тырновъ уцѣлѣлъ? никто не ограбленъ, не убитъ, никого даже не разорили и не пожгли? Болгары это объясняютъ такъ: до нашей переправы турки находили нужнымъ ихъ задобрить; а когда переправа совершилась, то на турокъ напалъ страхъ, и они немедленно и исключительно занялись приготовленіями къ бѣгству. И дѣйствительно, только-что они успѣли уложиться, какъ пришло извѣстіе, что русскіе идутъ. Тогда началась настоящая паника. А когда открыла огонь наша конная артиллерія и спѣшенные драгуны начали наступать—турецкій отрядъ бросилъ свой лагерь и обозъ и обратился въ безпорядочное бѣгство. Между тѣмъ, какъ легко весь нашъ отрядъ (и не то что одна кавалерія) могъ быть задержанъ въ Тырновскомъ ущельи самыми незначительными силами! Вотъ что значитъ паника. Пройдя весь городъ, мы расположились на мѣстѣ стараго турецкаго лагеря, на скатѣ красивой горы, утопающей въ зелени. На прелестной лужайкѣ, въ тѣни деревьевъ—ставка главнокомандующаго; Непокойчицкій, Левицкій и я расположились въ оставленномъ турецкомъ домѣ по близости; въ другомъ такомъ же домѣ, почти рядомъ—великокняжеская столовая; вокругъ, въ живописномъ безпорядкѣ, палатки чиновъ главной квартиры. По скату горы, террасами—виноградники.

Домъ нашъ деревянный, чистый; полъ глинобитный; окна безъ стеколъ, такъ что мы все равно что на воздухѣ.

2 іюля, суббота. — Сегодня получена телеграмма Государя изъ Зимницы: завтра выступаетъ, ночуетъ въ Царевице и въ понедѣльникъ, 4-го, остановится въ Павло; съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій отъ барона Криденера (командира 9-го армейск. корпуса). Мы—тоже.

На слѣдующій день, получено донесеніе Гурко изъ Хаинкіоя отъ двухъ часовъ вчерашняго дня: 1-го іюля, въ $5^1/_2$ ч. вечера, голова передового отряда дошла до вершины перевала. Подъемъ

отъ д. Паровцы былъ весьма тяжелъ, и артиллерія поднималась съ большимъ трудомъ, такъ что еще 2-го іюля въ пять часовъ утра хвостъ колонны не поднялся на перевалъ: позади еще оставались драгунская бригада, двѣ сотни казаковъ, два орудія и четыре ящика. Два конныхъ орудія оборвались и упали съ лошадьми въ кручу, но были вытащены. Еще 1-го іюля вечеромъ Гурко спустился съ перевала со всею пѣхотою, четырьмя казачьими сотнями и всею горною артиллеріею; остальная кавалерія была остановлена на перевалѣ. Ночевалъ съ пѣхотою въ ущельи, въ пятнадцати верстахъ отъ дер. Хаинкіой, а 2-го іюля, въ шесть часовъ утра, двинулся далѣе. Дорога очень тяжела, особенно послѣднія пять-шесть верстъ. Девятифунтовыя орудія едва ли пройдутъ по этому ущелью, а обозы — положительно не могутъ. Около десяти часовъ утра вышелъ изъ ущелья и нашелъ, что д. Хаинкіой занята всего 300 чел. анатолійскаго низама, которые были захвачены врасплохъ. Какъ только два горныхъ орудія съ пластунами открыли огонь — турки бросили свой лагерь и бѣжали. Четыре казачьи сотни посланы къ Казанлыку, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. За неимѣніемъ подъ рукою кавалеріи, находившейся еще въ горахъ, пришлось преслѣдовать только пѣхотою, для чего посланы два баталіона съ двумя горными орудіями. Потеря: убитъ одинъ казакъ, ранены одинъ пластунъ, одинъ стрѣлокъ и три казака. Обстановка еще не выяснилась, такъ что Гурко пока не можетъ донести, что именно предприметъ.

Это первое донесеніе о переходѣ черезъ Балканы было сообщено телеграммою Государю.

На слѣдующій день получена отвѣтная телеграмма Государя изъ Царевице. «Ура! Поздравляю тебя и всѣхъ нашихъ молодцовъ съ переходомъ передового отряда черезъ Балканы и занятіемъ Хаинкіоя. Я увѣренъ, что извѣстіе это произведетъ огромное впечатлѣніе на турокъ и въ самомъ Константинополѣ. Здѣсь все утро (т.-е. 3-го іюля) была слышна пальба около Никополя. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій отъ Криденера и пріѣзда князя Имеретинскаго» [1]).

[1]) Свиты его величества генералъ-маіоръ князь Имеретинскій былъ командированъ Государемъ Императоромъ въ 9-й арм. корпусъ для присутствованія при штурмѣ Никополя.

5 іюля, вторникъ. — Получена телеграмма Государя изъ Павло отъ девяти часовъ вчерашняго вечера: «Сейчасъ прибылъ свиты моей генералъ Толстой съ словеснымъ донесеніемъ о славномъ взятіи Никополя и привезъ съ собою плѣннаго Гассанъ-Пашу. Потери значительны, но еще не приведены въ извѣстность. Шаховскому [1]) приказалъ продолжать завтра движеніе по данному маршруту. Завтра отслужимъ здѣсь молебенъ. Дай Богъ, чтобъ Гурко удалось занять Казанлыкъ. Твои предположенія одобряю».

Вслѣдъ за этою телеграммою получена еще одна, отъ двухъ часовъ сегодня: «Благодарю за телеграмму и письменныя донесенія Гурко. Дай Богъ ему подобный же успѣхъ и впредь. Генералу Криденеру посылаю Георгія 3-й степени, вполнѣ имъ заслуженнаго, и приказаніе ускорить представленіе отличившихся. Саша [2]) начнетъ завтра. Предполагаю остаться покуда здѣсь и перейти потомъ въ Бѣлу. Сегодня отслужили молебенъ. Жара ужасная. Укомплектованіе въ гвардейскую пѣхоту [3]) прибыло».

Вечеромъ, въ четвергъ, 7-го іюля, прибылъ въ Тырновъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ извѣстіемъ о захватѣ Шипкинскаго прохода. Великій Князь главнокомандующій немедленно (въ $11^1/_2$ часовъ вечера) самъ составилъ и послалъ Государю въ Павло слѣдующую телеграмму:

«Ура! Поздравляю! Шипкинскій проходъ сегодня у насъ въ рукахъ: Николаша сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Перевалъ занятъ въ эту минуту Орловскимъ полкомъ и двумя орудіями. Въ 4 часа дня войска Гурко были въ виду Орловскаго полка. Турки бѣжали на западъ, побросавъ свои 3 знамени и 8 орудій. Паника у нихъ огромная, бросали оружіе. Ихъ было 14 таборовъ. Гуркинъ лагерь виденъ съ Шипки. Къ нему Мирскій [4]) послалъ моего ординарца Цурикова. Сегодня боя не было: турки всюду безъ выстрѣла бѣжали. 5-го іюля Орловскій полкъ дрался съ неимовѣрнымъ мужествомъ противъ этихъ 14-ти

[1]) Командиръ 11-го армейскаго корпуса.

[2]) Наслѣдникъ Цесаревичъ.

[3]) Т.-е. въ сводный гвардейскій конвой его величества.

[4]) Начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій 2-й.

таборовъ. Въ полкахъ Орловскомъ и 30-мъ казачьемъ около 100 убитыхъ и 100 раненыхъ; офицеровъ убито 2, ранено 4».

8 іюля, пятница.—Получивъ ночью болѣе подробныя донесенія, Великій Князь сегодня утромъ опять собственноручно телеграфировалъ Государю въ Павло: «Имѣю счастіе поздравить ваше величество съ переходомъ черезъ Балканы и занятіемъ трехъ перевалов. Послѣ лихого занятія 25 іюня генераломъ Гурко съ одною кавалеріею древней болгарской столицы Тырново, я двинулся лично съ 8-мъ корпусомъ въ Балканы, занялъ 9-ю пѣхотною дивизіею Тырновъ и окрестности. 30-го же іюня двинулъ генерала Гурко съ передовымъ отрядомъ на Хаинкіойскій перевалъ. 1-го іюля войска перешагнули Балканы, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, безъ выстрѣла. Со 2-го по 6-е іюля включительно передовой отрядъ имѣлъ каждодневно блистательныя дѣла, двинулся вверхъ по долинѣ Тунджи, стремясь съ юга достигнуть и овладѣть главнымъ переходомъ у Шипки. Съ боя былъ взятъ 2-го іюля Хаинкіой и д. Конаро. 3-го іюля непріятель былъ разбитъ у д. Оризари и уничтоженъ телеграфъ въ Іени-Загрѣ. 4-го, было жаркое дѣло у д. Уфлани; 5-го, взяты съ боя г. Казанлыкъ и д. Шипка. Въ то же время посланный мною въ Габрово орловскій пѣхотный полкъ съ 30-мъ донскимъ полкомъ атаковали 5-го іюля сильно укрѣпленный Шипкинскій проходъ съ сѣвера. Явивъ подвиги геройства, мужества и неутомимости, заняли лѣвымъ флангомъ, подъ начальствомъ командира 30-го донского казачьяго полка, полковника Орлова, перевалъ Янину. Центръ и правый флангъ, сбивъ непріятеля съ нѣсколькихъ позицій штыками и прикладами, не могъ однако занять самый перевалъ, ибо эта трудная укрѣпленная мѣстность была сильно занята 14-ю таборами. 7-го іюля, князь Мирскій, узнавъ, что Гурко занялъ 5-го вечеромъ д. Шипку, рано утромъ двинулся снова впередъ. Тогда непріятель не выдержалъ и побѣжалъ съ перевала безъ выстрѣла, въ паникѣ, къ западу по долинѣ, бросивъ свой лагерь, орудія и знамена. Итакъ, благодаря мужеству и неутомимости славнаго и молодецкаго войска вашего величества, трудный переходъ черезъ Балканы совершенъ: три прохода въ нашихъ рукахъ, заняты въ эту минуту 9-ю пѣхотною ди-

визіею, а передовой отрядъ Гурко уже недѣлю находится на той сторонѣ горъ».

Сегодня вечеромъ полученъ отвѣтъ Государя уже изъ Бѣлы: «Ура! поздравляю съ занятіемъ Шипки и Казанлыка. Былъ встрѣченъ этою радостною вѣстью въ Бѣлѣ. Передай мое спасибо всѣмъ начальникамъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, равно и отряду Жеребкова» [1]).

9 іюля, суббота.—Неожиданно получена краткая телеграмма барона Криденера о неудачѣ вчерашней атаки Плевны отрядомъ Шильдеръ-Шульднера [2]): отбитъ турками съ большими потерями. Немедленно донесено Государю въ Бѣлу, и сегодня же полученъ его отвѣтъ: «Крайне сожалѣю о неудачахъ генерала Шильдера и о большихъ потеряхъ. Надѣюсь, съ прибытіемъ подкрѣпленій можно будетъ возобновить атаку Плевны. Саша [3]) доноситъ отъ 9-го, что непріятель отступилъ отъ Кадыкіоя подъ покровительство рущукскихъ фортовъ, гдѣ замѣтны 4 большіе лагеря, каждый на 8—10 таборовъ. Я высказалъ князю Гикѣ [4]) мое крайнее неудовольствіе за неисполненіе румынскими войсками твоихъ приказаній [5]). Какія извѣстія объ Эженѣ [6]) и Сандро?» [7])

Получена телеграмма, въ воскресенье, 10 іюля, отъ военнаго министра, что просьба Великаго Князя о подкрѣпленіяхъ предупреждена Государемъ: уже повелѣно выслать изъ Россіи на присоединеніе къ дѣйствующей арміи: 2-ю и 3-ю пѣхотныя дивизіи, 3-ю стрѣлковую бригаду и 2-ю казачью дивизію.

Отъ Государя изъ Бѣлы получено двѣ телеграммы:

1) «Николаша [8]) прибылъ: далъ ему золотую саблю. Струкова [9])

[1]) Командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка.

[2]) Начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи.

[3]) Наслѣдникъ Цесаревичъ.

[4]) Румынскій уполномоченный.

[5]) Какихъ именно — не знаю. Иногда Великій Князь посылалъ Государю письма и телеграммы, не оставляя черновыхъ и никому не сообщая ихъ содержанія.

[6]) Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій.

[7]) Принцъ Александръ Баттенбергскій, впослѣдствіи князь болгарскій. Оба находились въ передовомъ отрядѣ Гурко.

[8]) Великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

[9]) Адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

произвелъ въ генералъ-маіоры въ свою свиту, но съ оставленіемъ покуда при тебѣ. Подробное донесеніе [1]) прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Передай всѣмъ нашимъ молодцамъ мое сердечное спасибо. Я ими горжусь. Ты увидишь, что я предупредилъ твое желаніе» [2]).

2) «Получивъ всѣ твои вчерашнія телеграммы [3]) и выслушавъ словесныя приказанія, данныя князю Кантакузену [4]), нахожу болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, чтобы мы были вмѣстѣ. Предоставляю твоему усмотрѣнію выборъ мѣста для нашей главной квартиры; желательно, чтобы оно было болѣе центральное, такъ какъ Тырновъ находится въ самой южной оконечности».

Что отвѣчалъ на это Великій Князь—мнѣ неизвѣстно: но изъ тона его разговоровъ видно, что перспектива совмѣстнаго пребыванія обѣихъ главныхъ квартиръ ему совсѣмъ не улыбается. Я предложилъ сегодня телеграфировать во всеобщее свѣдѣніе о постигшей насъ неудачѣ подъ Плевной, дабы не подавать повода къ разговорамъ, что неудачи скрываются. Великій Князь и Непокойчицкій согласились.

По дипломатическимъ свѣдѣніямъ, Англія уже давно ухаживаетъ за Австріей, стремясь заручиться ея союзомъ противъ насъ и вдвоемъ вмѣшаться въ войну. Но Австрія не поддается, и гр. Андраши отыгрывается отъ Англіи общими фразами, ни къ чему не обязывающими. Австрійцы вовсе не расположены впутываться въ войну, ибо имъ заранѣе дано два обѣщанія: 1) не привлекать безъ особой крайности къ военнымъ дѣйствіямъ Сербію и не проходить черезъ ея территорію; 2) предоставить Австріи, по окончаніи войны, присоединить Боснію и часть Герцеговины. О существованіи этого соглашенія публика не знаетъ, и потому австрійская, а въ особенности венгерская печать—неистово нападаетъ на Россію и взываетъ о вооруженномъ заступничествѣ за турокъ въ союзѣ съ Англіей, которой тоже ничего неизвѣстно о секретномъ

[1]) О дѣйствіяхъ передового отряда Гурко.

[2]) О присылкѣ подкрѣпленій изъ Россіи.

[3]) Телеграммы эти мнѣ были неизвѣстны.

[4]) Полковникъ генеральнаго штаба, состоящій при Великомъ Князѣ для порученій.

договорѣ. Но вся эта газетная шумиха ничего не стоитъ и посвященныхъ въ тайну людей (коихъ очень немного) нимало не безпокоитъ. Зажигательными воинственными статьями австро-венгерскихъ газетъ мы не интересуемся, но за англійскими—внимательно слѣдимъ. Впрочемъ, одна Англія не опасна: никогда не сунется въ войну безъ союзниковъ, а ограничится лишь враждебными интригами и угрожающими морскими демонстраціями, которыми смѣло можно пренебрегать.

Полагаю, что послѣ перваго же крупнаго военнаго успѣха (побѣда въ открытомъ полѣ надъ значительными силами, или взятіе Рущука) турки сами запросятъ мира, и война кончится, если они согласятся на образованіе изъ сѣверной Болгаріи вассальнаго княжества и на административную автономію Болгаріи забалканской. По всему видно, что мы этимъ удовольствуемся, такъ какъ у насъ уже теперь замѣтно общее разочарованіе въ болгарахъ, отъ самыхъ высшихъ сферъ до простыхъ солдатъ. Во-первыхъ, — не оказалось пресловутаго разоренія, а напротивъ, такое благосостояніе, до котораго, повторяю, русскимъ крестьянамъ какъ до звѣзды небесной далеко. Во-вторыхъ, разсчетъ на активное соучастіе болгаръ совершенно не оправдался. Въ высшихъ сферахъ были убѣждены, что добровольцы повалятъ массами отовсюду: только поспѣвай формировать новыя дружины. Между тѣмъ, даже на пополненіе шести существующихъ не поступило изъ болгаръ, до сихъ поръ, ни одного человѣка. Вмѣсто ожидаемой воинственности, мы нашли робость, весьма естественную въ народѣ, который 450 лѣтъ томится въ безправномъ рабствѣ. Хорошіе задатки (трудолюбіе, бережливость, трезвость) въ народѣ несомнѣнно есть и на свободѣ разовьются очень быстро: но мы вѣдь нетерпѣливы и всегда ждемъ, чтобы все сдѣлалось по щучьему велѣнью, сейчасъ же,—и по нашему хотѣнью.

Такъ какъ прежній освободительный пылъ такъ скоро охладѣлъ, то трудно ожидать, чтобы мы захотѣли доводить до полнаго разрушенія Турцію. Вѣрнѣе, что мы болѣе склонны предоставить ей разваливаться помаленьку самой, тѣмъ болѣе, что еще очевидно не пришло время рѣшать главный вопросъ: кому владѣть проливами? У насъ вѣдь флота на Черномъ морѣ нѣтъ.

До сихъ поръ еще не рѣшено, что будемъ дѣлать съ Рущукомъ: осаждать, бомбардировать или просто блокировать, ибо совершенно неизвѣстно, что предприметъ турецкая шумлинская армія, о численности которой у насъ также нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. По свѣдѣніямъ изъ Лондона, отъ нея двинуты значительныя подкрѣпленія за Балканы, но—вопросъ: такъ ли это?

13 іюля, среда.—Все еще стоимъ въ Тырновѣ. Идетъ усиленная разработка дорогъ черезъ Балканы, особенно черезъ Хаинкіойскій перевалъ, чтобы сдѣлать его удобопроходимымъ для артиллеріи и обозовъ. Выжидаемъ прибытія 4-го армейскаго корпуса. Сомнѣваюсь, однако, чтобы рѣшились продолжать наступленіе за Балканы, какъ предполагалось. Первая же неудача (8-го іюля подъ Плевной) поколебала рѣшительность. Пострадавшіе естественно преувеличиваютъ какъ значеніе неудачи, такъ и въ особенности силы противника, насчитывая до 60.000 турокъ въ Плевнѣ. Это— совершенный вздоръ: турки пришли въ Плевну изъ Виддина и окрестностей и, можетъ быть, изъ Ниша, а изъ этихъ мѣстъ нельзя было собрать болѣе 25.000. Да и эта цифра слишкомъ велика.

Причина неудачи совсѣмъ не въ превосходствѣ силъ турокъ, а въ томъ, что въ упоеніи никопольскимъ тріумфомъ прозѣвали прибытіе турокъ въ Плевну и шли туда спустя рукава, предполагая тамъ лишь незначительный отрядъ. Если бы генералъ Шильдеръ-Шульднеръ зналъ, что Плевна занята прочно, то, конечно, подходилъ бы къ ней съ надлежащими военными предосторожностями, и никакой неудачи не было бы: это уже теперь вполнѣ ясно изъ имѣющихся донесеній.

Что же касается до турокъ, то они сами озадачены своимъ неожиданнымъ успѣхомъ, и очевидно не знаютъ, что дѣлать дальше. Уйти изъ Плевны послѣ побѣды — стыдно; наступать — опасно. Войти въ связь съ шумлинскою арміею — невозможно. Остается сидѣть въ Плевнѣ и ждать, что выйдетъ дальше. Вотъ они и сидятъ тамъ уже шестой день, но, однако, не сложа руки, а укрѣпляются. Тѣмъ временемъ къ Плевнѣ стягиваются наши войска, и завтра или послѣ-завтра тамъ соберется 30 баталіон., 33 эск. и 136 орудій.

Сегодня Великій Князь и Непокойчицкій очень благодарили меня за отчетъ о дѣйствіяхъ передового отряда, который чрезвычайно понравился Государю. Великій Князь, получивъ телеграмму Госу аря объ этомъ, нарочно послалъ за мной, чтобы немедленно поблагодарить.

15 іюля, пятница.—Время въ Тырновѣ летитъ быстро, благодаря массѣ работы. Сижу за составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій и донесеній Государю съ ранняго утра до глубокой ночи—едва поспѣваю за событіями. Къ ежедневной сильной жарѣ привыкъ: почти не обращаешь на нее вниманія, хотя изъ поту не выходишь. Трава вся выгорѣла и вытоптана.

За Балканами Гурко продолжаетъ хозяйничать на всей своей волѣ, все болѣе расширяя районъ своихъ дѣйствій. Болгары ликуютъ, турки почти поголовно бѣгутъ. Паника дошла уже до Адріанополя: предусмотрительные люди уже и тамъ начинаютъ укладываться и уѣзжать. Вчера рѣшено усилить передовой отрядъ, а въ сегодня-полученномъ письмѣ самъ Гурко объ этомъ проситъ.

Сегодня удалось отклонить имѣвшееся намѣреніе отрѣшить отъ командованія барона Криденера и Шильдеръ-Шульднера за неудачу 8-го іюля. Если за каждую неудачу смѣнять высшихъ начальниковъ, то они безъ прямого приказанія ничего дѣлать не будутъ. И такъ уже большинство страдаетъ отсутствіемъ самостоятельности и предпріимчивости и вѣчною боязнью отвѣтственности. Потерпѣвшій неудачу всегда будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы ее загладить. Вновь-назначенному нужно терять время на ознакомленіе съ подчиненными и съ обстановкою. Смѣна начальствующихъ лицъ полезна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ очевидной негодности, вредной для дѣла.

17 іюля, воскресенье.—Великій Князь ежедневно понуждаетъ барона Криденера телеграммами къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но тотъ все медлитъ. Вчера, впрочемъ, телеграфировалъ, что, можетъ быть, атакуетъ сегодня. Всѣ—въ напряженномъ ожиданіи, въ томъ числѣ и самъ Государь, телеграфировавшій сегодня, что ожидаетъ

извѣстій отъ Криденера «съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ». Дѣйствительно, отъ исхода второй атаки Плевны все зависитъ. Успѣхъ будетъ почти равносиленъ полному освобожденію всей Западной Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и даже Македоніи, такъ какъ турки вывели оттуда почти цѣликомъ всѣ войска и направили часть къ Плевнѣ, а большую часть—моремъ, въ Румелію и Южную Болгарію противъ отряда Гурко. Моральное впечатлѣніе побѣды подъ Плевною будетъ громадное и, пожалуй, довершитъ столь замѣтный уже упадокъ духа у турокъ.

Но если насъ опять постигнетъ неудача, то наше наступательное шествіе затормозится на неопредѣленное время, а турки, конечно, воспрянутъ духомъ: наши же друзья-англичане возликуютъ и усиленно заинтригуютъ.

18 іюля, понедѣльникъ.—Въ одиннадцать часовъ вечера получена лаконическая телеграмма барона Криденера, посланная, очевидно, изъ-подъ Плевны вчера, но переданная съ телеграфной станціи Турну-Магурели (противъ Никополя, на лѣвомъ берегу Дуная) лишь сегодня въ девять часовъ утра: «Штабсъ-капитанъ Андреевскій [1]) прибылъ. Завтра, 18-го числа, утромъ перехожу въ наступленіе».

Положеніе очень напряженное. Всѣ въ тревожномъ ожиданіи, что-то изъ этого выйдетъ.

Государь также телеграфировалъ о полученіи имъ отъ Криденера извѣстія о переходѣ въ наступленіе, прибавивъ, что пожаловалъ Георгія 4-й степени принцу Александру Баттенбергскому.

19 іюля, вторникъ.—Сегодня около полудня была получена слѣдующая печальная телеграмма Криденера, посланная съ поля сраженія вчера вечеромъ и переданная со станціи Турну-Магурели сегодня въ 6 час. 40 мин. утра: «Бой длился цѣлый день. Непріятель имѣетъ громадный перевѣсъ въ силахъ. Отступаю на Булгарени».

[1]) Ординарецъ Великаго Князя, посланный имъ для присутствованія при вторичной атакѣ Плевны.

Тотчасъ же Великій Князь донесъ Государю: «Получивъ извѣстіе отъ Криденера, что послѣ вчерашняго боя подъ Плевною онъ вчера же отступаетъ на Булгарени, я предписалъ немедленно 16-й пѣхотной дивизіи изъ Иванчи идти на Градище. Отсюда собираю четыре полка къ Сельви, по направленію къ Ловчѣ. Самъ сегодня отправляюсь черезъ Поликраэшти, Иванчу и Овчу-Могилу къ Булгарени. Намѣренъ непремѣнно еще атаковать непріятеля и лично вести эту третью атаку. Гурко пока оставляю въ его положеніи» [1]).

20 іюля, среда.—На бивакѣ у д. Бурунли, близъ Бѣлы. Вчера мы (ближайшая свита Великаго Князя) по тревогѣ уложились и выступили изъ Тырнова верхомъ: самъ Великій Князь съ Непокойчицкимъ поѣхалъ въ коляскѣ къ Государю въ Бѣлу, гдѣ и ночевалъ. Мы ночевали въ Поликраэшти и прибыли сюда на второй ночлегъ около часу дня. Почти одновременно съ нами прибылъ изъ Бѣлы и Великій Князь съ Непокойчицкимъ. Приказалъ сегодня же продолжать движеніе до д. Горный-Студень, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Булгарени (на р. Осмѣ) завтра же.

Великій Князь сообщилъ: 1) до разъясненія обстоятельствъ рѣшено дѣйствовать выжидательно, стараясь выманить турокъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ открытое поле (т.-е. Государь не согласился на третью атаку Плевны); и 2) послано по телеграфу Высочайшее повелѣніе мобилизовать и выслать на театръ войны гвардію и 24-ю пѣхотную дивизію.

Забылъ сказать, что еще вчера, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Тырнова, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

Радецкому—принять общее начальство въ Тырновѣ съ окрестностями и на Балканахъ. Ему же подчиняются: 13-й армейскій корпусъ, въ случаѣ, если придется притянуть его отъ рущукскаго

[1]) Отвѣтъ Государя на эту депешу уже не засталъ Великаго Князя въ Тырновѣ и былъ посланъ вслѣдъ. Государь телеграфировалъ отъ 9 час. веч. 19-го іюля изъ Бѣлы: „Крайне огорченъ новою неудачею подъ Плевной. Криденеръ доноситъ, что бой продолжался цѣлый день, но громадное превосходство силъ турокъ заставило отступить на Булгарени. Завтра ожидаю Имеретинскаго съ подробностями. Подъ Рущукомъ и къ сторонѣ Разграда — вчера ничего не было“.

отряда къ Балканамъ; отрядъ Гурко, если ему придется отступить къ Балканамъ.

Гурко предоставлено дѣйствовать по усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами.

Князю Святополкъ-Мирскому, начальствующему заслономъ въ Сельви (къ сторонѣ Ловчи), посланъ на подкрѣпленіе Минскій пѣхотный полкъ.

4-й кавалерійской дивизіи — прямо съ переправы идти на Булгарени.

Сегодня послана телеграмма Радецкому: предписать Гурко немедленно отойти въ Балканскіе проходы.

До пяти часовъ дня оставались на привалѣ у Бурунли: затѣмъ двинулись дальше и остановились ночевать у д. Ая-Яджикіой (Яиджи, Горный-Студень).

21 іюля, четвергъ.—Выступили рано утромъ, имѣли привалъ у д. Овча-Могила, остановились на ночлегъ у д. Чаушъ-Магала. Ѣздили оттуда въ Булгарени. По пути встрѣтили два транспорта: въ одномъ—350, въ другомъ—500 раненыхъ. Несмотря на палящій зной и удушливую, ѣдкую пыль, раненые лежали и сидѣли на телѣгахъ такъ бодро и спокойно, что были больше похожи на усталыхъ, чѣмъ на раненыхъ. Великій Князь всѣхъ обласкалъ и поблагодарилъ.

Въ Булгарени нашли только наиболѣе пострадавшую 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи съ частью 5-й артиллерійской бригады и дивизіонные подвижные лазареты, изъ коихъ, впрочемъ, большая часть раненыхъ была уже вывезена въ Зимницу. Люди имѣли такой молодецкій видъ, что любо было смотрѣть. Великаго Князя встрѣтили съ воодушевленнымъ восторгомъ: онъ ихъ горячо благодарилъ со свойственнымъ ему одному задушевнымъ тономъ. Объѣхавъ войска, обойдя лазареты и переговоривъ съ барономъ Криденеромъ, Великій Князь вернулся на бивакъ у Чаушъ-Магалы.

Первое впечатлѣніе таково: 18-е іюля проиграно отчасти по вялости и нерѣшительности Криденера, отчасти по запальчивости и заносчивости начальника штаба 11-го корпуса, Бискупскаго, который уговорилъ своего невозмутимо-апатичнаго командира, князя

Шаховского, дѣйствовать самостоятельно, игнорируя Криденера. Послѣдній же, по старческому миролюбію, самъ не захотѣлъ настоять на томъ, чтобы князь Шаховской подчинился ему, какъ старшему, а предоставилъ князю дѣйствовать по усмотрѣнію. Вышло именно то, чего я такъ опасался. Когда Левицкій составлялъ предписанія Главнокомандующаго Криденеру и князю Шаховскому, и прочелъ мнѣ, то я сразу замѣтилъ: «напрасно не оговорено, что князь Шаховской подчиняется барону Криденеру». Левицкій съ неудовольствіемъ возразилъ: «Это само собою разумѣется, — Криденеръ старше его». Я отвѣтилъ, что они, можетъ быть, и сами своего старшинства не знаютъ,—вѣдь списка генераловъ навѣрное съ собою не возятъ. Во всякомъ случаѣ, оба они — корпусные командиры, и о предоставленіи Криденеру общаго начальства надо прямо и опредѣлительно сказать въ предписаніяхъ. Но Левицкій уперся на своемъ. Теперь онъ самъ видитъ, что сдѣлалъ промахъ, и совершенно упалъ духомъ.

22 іюля, пятница.—Сдѣланы слѣдующія распоряженія

Главной квартирѣ перейти изъ Тырнова въ Горный-Студень.

Выслать всѣ прибывшія въ Зимницу маршевыя команды, 1.200 человѣкъ на укомплектованіе 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, дважды жестоко пострадавшей.

Образовать, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева 2-го, временный отрядъ изъ 3-хъ бат., 22 эск. и сот. и 22 орудій [1]) для развѣдки силъ и расположенія турокъ у Ловчи. По окончаніи этой развѣдки, отряду Скобелева держать связь между плевнинскими войсками и сельвинскимъ отрядомъ князя Мирскаго.

Войскамъ 9-го и 11-го корпусовъ укрѣпиться на своихъ позиціяхъ и въ наступленіе не переходить, а выжидать, не выйдутъ ли турки изъ-за своихъ укрѣпленій.

[1]) Войска эти нахватаны по частямъ отовсюду: всѣ 3 бат. съ 8 оруд.—изъ 9-й пѣхотной дивизіи (передовой отрядъ сельвинскаго заслона князя Святополкъ-Мирскаго); отъ 9-го корпуса — кавказская казачья бригада, 4 донскія казачьи сотни, конно-горная и донская № 8 батареи; отъ 11-го корпуса—Рижскій драгунскій полкъ.

Состоящему въ распоряженіи Великаго Князя генералъ-лейтенанту Столыпину принять общее начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Никополѣ. Тамъ находятся: нашъ 19-й пѣхотный Костромской полкъ (больше всѣхъ пострадавшій подъ Плевною 8-го іюля и лишившійся своего обоза и ранцевъ, сложенныхъ передъ вступленіемъ въ бой и оставшихся на полѣ сраженія) и румынскія войска: пять пѣхотныхъ полковъ, одинъ егерскій баталіонъ, два кавалерійскихъ полка и три батареи (двѣ пѣшія, одна конная).

Отъ Гурко получено извѣстіе, что послѣ жаркихъ дѣлъ 18-го іюля при Іени-Загрѣ и 19-го іюля при Джуранли и Эски-Загрѣ, онъ отошелъ 20-го іюля къ Хаинкіою и Шипкѣ, въ виду наступленія противъ него всей арміи Сулеймана-паши. Пѣхота (4-я стрѣлковая бригада, 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи и 6 дружинъ болгарскаго ополченія) расположится въ горныхъ проходахъ, а всю кавалерію Радецкій приказалъ отвести за Балканы, чтобы дать ей поправиться и отдохнуть. Драгунской бригадѣ (Астраханскій и Казанскій полки) поручено, однако, наблюденіе за Еленинскимъ горнымъ проходомъ.

Недѣли черезъ двѣ ожидается прибытіе подкрѣпленій: 2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій и 3-й стрѣлковой бригады. Получена шифрованная телеграмма отъ нашего посла въ Вѣнѣ, Новикова: «Andrassy a parlé à Midhat-Pacha en termes corrects et fermes sur l'attitude de l'Autriche. Il suppose prochaine mobilisation partielle de l'Autriche, conformement à nos arrangements».

Отсюда видно, что Австрія честно держитъ слово и не намѣрена пользоваться нашими неудачами.

23 іюля, суббота.—Только сегодня (необъяснимо почему) получена телеграмма Государя изъ Бѣлы отъ 21-го. Его величество выражаетъ крайнее опасеніе за участь христіанскаго населенія въ оставленныхъ отрядомъ Гурко мѣстностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что лично приказалъ начальнику 2-ой саперной бригады Рейтлингеру, только-что прибывшему въ Бѣлу съ 3-мъ саперным баталіономъ, укрѣпить «здѣшнюю позицію».

Сегодня Великій Князь, въ сопровожденіи Непокойчицкаго,

начальника артиллерiи армiи князя Масальскаго, Левицкаго, доктора Обермиллера, генерала Струкова, адъютанта полковника Скалона, меня и эскадрона лейбъ-казаковъ,—отправился на нѣсколько дней въ Карагачъ-Болгарскiй (мѣстопребыванiе барона Криденера съ его штабомъ), для подробнаго осмотра расположенiя войскъ подъ Плевною.

26 iюля, вторникъ.—Вчера вернулись въ Чаушъ-Магалу съ Плевнинскихъ позицiй. Впечатлѣнiя не особенно прiятныя.

Объѣхали всѣ наши позицiи верхомъ. Войска расположены по-бригадно на протяженiи около тридцати верстъ: все какiе-то особняки, безъ прочной связи. Сторожевые посты отъ трехъ разныхъ корпусовъ (4-го, 9-го и 11-го) не имѣютъ общаго начальника. Никто ихъ не повѣряетъ. Свѣдѣнiй о непрiятелѣ, попрежнему, никакихъ. Изъ разговоровъ и разсказовъ участниковъ сраженiя 18-го iюля очевидно, что баронъ Криденеръ и его начальникъ штаба Шнитниковъ утратили всякое довѣрiе въ войскахъ. Да и вообще довѣрiе ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ сильно подорвано. Одного Скобелева всѣ единогласно восхваляютъ. Многiе убѣждены, что еслибъ его своевременно поддержали на лѣвомъ флангѣ, то сраженiе рѣшилось бы въ нашу пользу: утверждаютъ, будто бы турки уже приготовились къ отступленiю и даже начали вытягивать свои обозы на софiйскую дорогу.

Несомнѣнно, что атака Плевны была ведена замѣчательно неискусно. Фронтъ атаки былъ растянутъ на восемнадцать верстъ; оба корпусные командира дѣйствовали врозь, безъ связи и системы, даже ничего не зная другъ о другѣ. Скобелевъ со своимъ маленькимъ отрядомъ дѣйствовалъ тоже отдѣльно и самостоятельно. Резерва не было [1]). Тридцать-шесть эскадроновъ кавалерiи въ бездѣйствiи стояли на флангахъ, вмѣсто того, чтобы захватить пути сообщенiя Плевны съ Виддиномъ и Софiею. Съ восьми часовъ утра почти до трехъ часовъ шла безполезная перестрѣлка, а затѣмъ на-

[1]) По диспозицiи онъ былъ (6 батальоновъ, 4 эскадрона и 30 орудiй), но никого во-время поддержать не могъ.

чались безсвязныя, разрозненныя атаки, безуспѣшно продолжавшіяся до наступленія темноты.

Большое и справедливое негодованіе вызывало и вызываетъ особое пристрастіе и довѣріе барона Криденера къ состоящимъ при его штабѣ (уже съ начала іюня) прусскимъ офицерамъ: фонъ-Вильому и графу фонъ-Веделлю. На глазахъ у всѣхъ онъ съ ними обо всемъ разсуждалъ и совѣтовался, не взирая на то, что пруссаки съ большимъ тактомъ и выдержкою старались уклониться отъ той щекотливой и неловкой роли, которую онъ имъ навязывалъ своимъ неумѣстнымъ довѣріемъ.

24-го іюля, во время объѣзда войскъ, Великій Князь отрѣшилъ отъ командованія начальника 30-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Пузанова. Этотъ генералъ, забывъ свой долгъ, честь и высокое званіе, 18-го іюля вечеромъ, бросилъ свою дивизію, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ тылъ, приказавъ по дорогѣ обозамъ поскорѣе укладываться и отступать. Говорятъ даже, что, ѣдучи въ коляскѣ, махалъ руками и кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ: «Спасайтесь, все пропало!»—Немудрено, что въ тылу началась невообразимая паника и обозы обратились въ безпорядочное бѣгство. Паника эта, разумѣется, все увеличивалась по мѣрѣ удаленія отъ поля сраженія, такъ что на переправѣ у Систова обратилась уже въ настоящее столпотвореніе: начальнику переправы генералу Рихтеру пришлось чуть не ружейными выстрѣлами и штыками отстаивать мостъ, который обезумѣвшіе бѣглецы могли потопить, устремясь на него сплошнымъ ошалѣлымъ стадомъ.

24-го іюля Пузановъ оказался на своемъ мѣстѣ и во время объѣзда не только не стушевывался, но старательно лѣзъ на глаза Великому Князю. Тотъ дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Только по окончаніи объѣзда, поблагодаривъ войска и выразивъ имъ свою увѣренность, что они съумѣютъ блистательно загладить временную неудачу, Великій Князь отъѣхалъ подальше, остановился и, въ присутствіи всѣхъ окружившихъ его старшихъ начальствующихъ лицъ,—обратился къ Пузанову съ слѣдующими словами: «Вы, генералъ, больны: вамъ надо полечиться. Поэтому я васъ смѣняю, а на ваше мѣсто назначаю другого. А вы можете уѣзжать». Обер-

нувшись и обведя глазами всѣхъ собравшихся вокругъ него начальниковъ, Великій Князь сказалъ начальнику штаба 9-го корпуса: «Шнитниковъ! Прими отъ него дивизію».

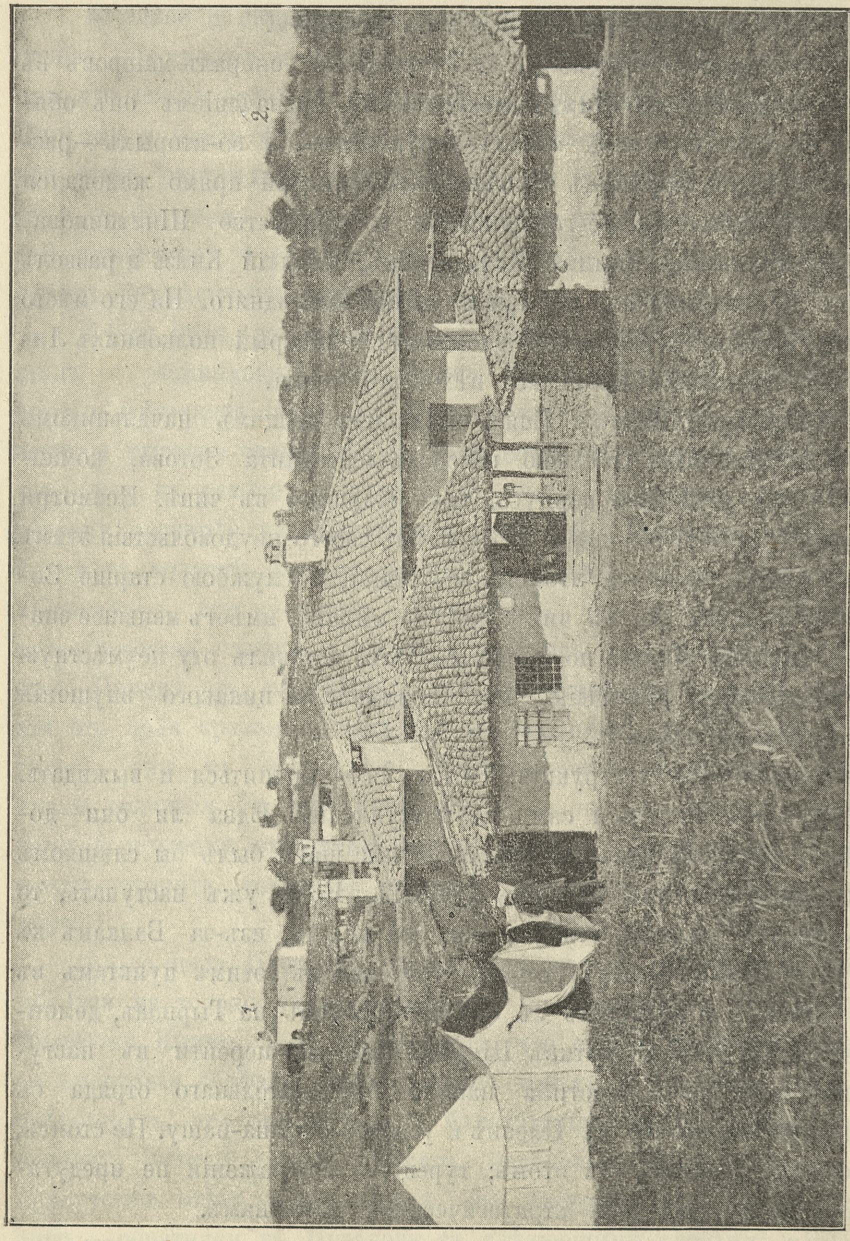
Шнитниковъ — далеко не изъ старшихъ генералъ-маіоровъ въ арміи. Полагаю, что этимъ неожиданнымъ назначеніемъ онъ обязанъ, во-первыхъ, своей «сѣдой наружности», а во-вторыхъ—разладу своему съ барономъ Криденеромъ, который прямо жаловался Великому Князю на несговорчивость и упрямство Шнитникова. Будучи недоволенъ самимъ Криденеромъ, Великій Князь и развелъ его съ Шнитниковымъ, къ явной выгодѣ послѣдняго. На его мѣсто будетъ назначенъ разумный, спокойный и храбрый полковникъ Липинскій, командиръ Брянскаго пѣхотнаго полка.

25-го іюля Великій Князь назначилъ общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ подъ Плевною генералъ-лейтенанта Зотова, командира 4-го армейскаго корпуса, какъ старшаго въ чинѣ. Несмотря на это, баронъ Криденеръ не скрывалъ своего неудовольствія этимъ назначеніемъ, заявляя, что онъ и лѣтами, и службою старше Зотова, а старшинство въ чинѣ, по его мнѣнію, имѣетъ меньшее значеніе. Великій Князь, по своей добротѣ, оставилъ эту неумѣстную и неправильную претензію безъ вниманія и никакого внушенія Криденеру не сдѣлалъ.

Зотову дана инструкція: смыслъ ея—укрѣпиться и выжидать, не перейдутъ ли турки сами въ наступленіе. Едва ли они доставятъ намъ это удовольствіе: подобный шагъ былъ бы слишкомъ несообразенъ съ ихъ образомъ дѣйствій. Если ужъ наступать, то имъ прямой разсчетъ стянуть все, что можно, изъ-за Балканъ къ Ловчѣ и Османъ-Базару (горные проходы къ этимъ пунктамъ въ ихъ рукахъ) и наступать съ обоихъ фланговъ на Тырновъ, демонстрируя съ фронта противъ Шипки. Или же перейти въ наступленіе отъ Ловчи противъ нашего наблюдательнаго отряда съ цѣлью оттѣснить его къ Плевнѣ и усилить Османа-пашу. Не стоитъ, впрочемъ, и гадать объ этомъ; турецкія соображенія не предугадаешь по европейскимъ стратегическимъ шаблонамъ.

29 іюля, пятница.—Вчера мы перешли въ Горный-Студень; такимъ образомъ, главная квартира будетъ въ центрѣ

расположенія войскъ. Ничего «горнаго» въ Горномъ-Студенѣ

С. Горный-Студень.

1. Сельская церковь.— 2. Ставка Великаго Князя Главнокомандующаго.

нѣтъ: легко-возвышенная плоскость, окруженная лощинами, въ которыхъ бѣгутъ ключи, изъ коихъ нѣкоторые обращены въ фонтаны.

Великій Князь уѣхалъ съ Непокойчицкимъ и Левицкимъ въ Бѣлу, къ Государю, и вернется лишь завтра.

С. Горный-Студень.
Группа Болгаръ у выхода изъ церкви.

31 іюля, воскресенье.—Три дня сидѣлъ надъ составленіемъ

общей реляціи о сраженіи 18-го іюля [1]): прочелъ ее Великому Князю, который остался вполнѣ доволенъ, подписалъ и завтра отправляетъ ее съ курьеромъ въ Петербургъ. Приказалъ мнѣ составить объяснительную записку о сдѣланныхъ имъ послѣ переправы важнѣйшихъ распоряженіяхъ, для представленія Государю. Повидимому, его величество упрекалъ Великаго Князя въ опрометчивой поспѣшности дѣйствій и въ разброскѣ силъ: такъ мнѣ сдается по смыслу указаній, данныхъ Великимъ Княземъ насчетъ содержанія будущей объяснительной записки.

Государь со своею главною квартирою переѣзжаетъ сюда же послѣ-завтра.

2 августа, вторникъ.—Государь переѣхалъ сюда и сегодня обѣдалъ у Великаго Князя вмѣстѣ съ нами.

Прибылъ Гурко: завтра ѣдетъ къ своей (2-й гв. кавалерійской) дивизіи, чтобы вмѣстѣ съ нею выступить изъ Петербурга на театръ войны. Штабъ передового отряда уже расформированъ.

Начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ [2]) назначенъ временно-командующимъ 2-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею, такъ какъ у начальника дивизіи, генералъ-адъютанта Черткова, отнялись ноги, и одна, говорятъ, уже ампутирована. Назначеніе графа Шувалова состоялось по личной просьбѣ Великаго Князя, въ отмѣну уже рѣшеннаго назначенія князя Имеретинскаго, о чемъ ему даже было объявлено. Вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной, князю даютъ 2-ую пѣхотную дивизію, только-что прибывающую на театръ войны; начальникомъ ея оказался старецъ генералъ-лейтенантъ Мацневъ, котораго признано было невозможнымъ оставить въ должности.

[1]) Донесенія барона Криденера, князя Шаховского и Скобелева, по которымъ составлена эта общая реляція, почти буквально подтверждаются телеграммою совершенно независимаго и безпристрастнаго человѣка—корреспондента Форбса. 2-го августа, я прочелъ въ нѣмецкой газетѣ переводъ его телеграммы въ 2.000 словъ, посланной въ «Daily-News» въ ночь съ 18-го на 19-е, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя. Это chef-d'œuvre корреспонденціи по телеграфу.

[2]) Исправленіе его должности на время войны возложено на генералъ-маіора Бобрикова 1-го (Николая).

Государь согласился на это, но приказалъ самому Великому Князю передать князю Имеретинскому объ этомъ. По разсказу послѣдняго Левицкому и мнѣ, Великій Князь пригласилъ его къ себѣ и, объявивъ о перемѣнѣ назначенія, прибавилъ: «Государь выразилъ опасеніе, что ты можешь обидѣться, но я ему сказалъ, что ты такой славный малый, что обижаться не станешь». На это князь Имеретинскій отвѣтилъ: «Ваше высочество, теперь время военное, и объ обидахъ рѣчи быть не можетъ. Еслибъ Государю угодно было, вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, поручить мнѣ командованіе 2-ою ротою 2-го полка 2-ой армейской пѣхотной дивизіи—я принялъ бы назначеніе безпрекословно и безропотно. Когда кончится война, тогда каждый изъ насъ воленъ располагать собою». На это Великій Князь ничего не отвѣтилъ и дружелюбно его отпустилъ.

Выхлопоталъ ордена съ мечами четыремъ корреспондентамъ: Россоловскому («Новое Время») и Форбсу («Daily News») за сраженіе 18-го іюля подъ Плевной; доктору Каррику («Scotsman»)—за перевязку нашихъ раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ при Джуранли, 19-го іюля, и Иванову («Новое Время»)—за исполненіе обязанностей коннаго ординарца при Гурко въ сраженіяхъ при Іени-Загрѣ и при Джуранли, 19-го іюля. Отличія всѣхъ четверыхъ засвидѣтельствовали Гурко (о Каррикѣ и Ивановѣ) и князь Шаховской (о Форбсѣ и Россоловскомъ).

3 августа, среда.—Сегодня Великій Князь послѣ обѣда увелъ меня въ свою кибитку и около двухъ часовъ подробно объяснялъ мнѣ, какъ нужно составить для Государя ту объяснительную записку (онъ называетъ ее «меморіей»), о которой уже было упомянуто выше (см. 31-е іюля). Высказывая свои взгляды, Великій Князь упомянулъ, что ему необходимо оправдаться передъ Государемъ, который упрекалъ его въ излишней смѣлости дѣйствій. Тѣ же упреки, но въ самыхъ деликатныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, онъ слышалъ и отъ военнаго министра: отсюда Великій Князь заключаетъ, что именно Д. А. Милютинъ и внушилъ Государю эту мысль.

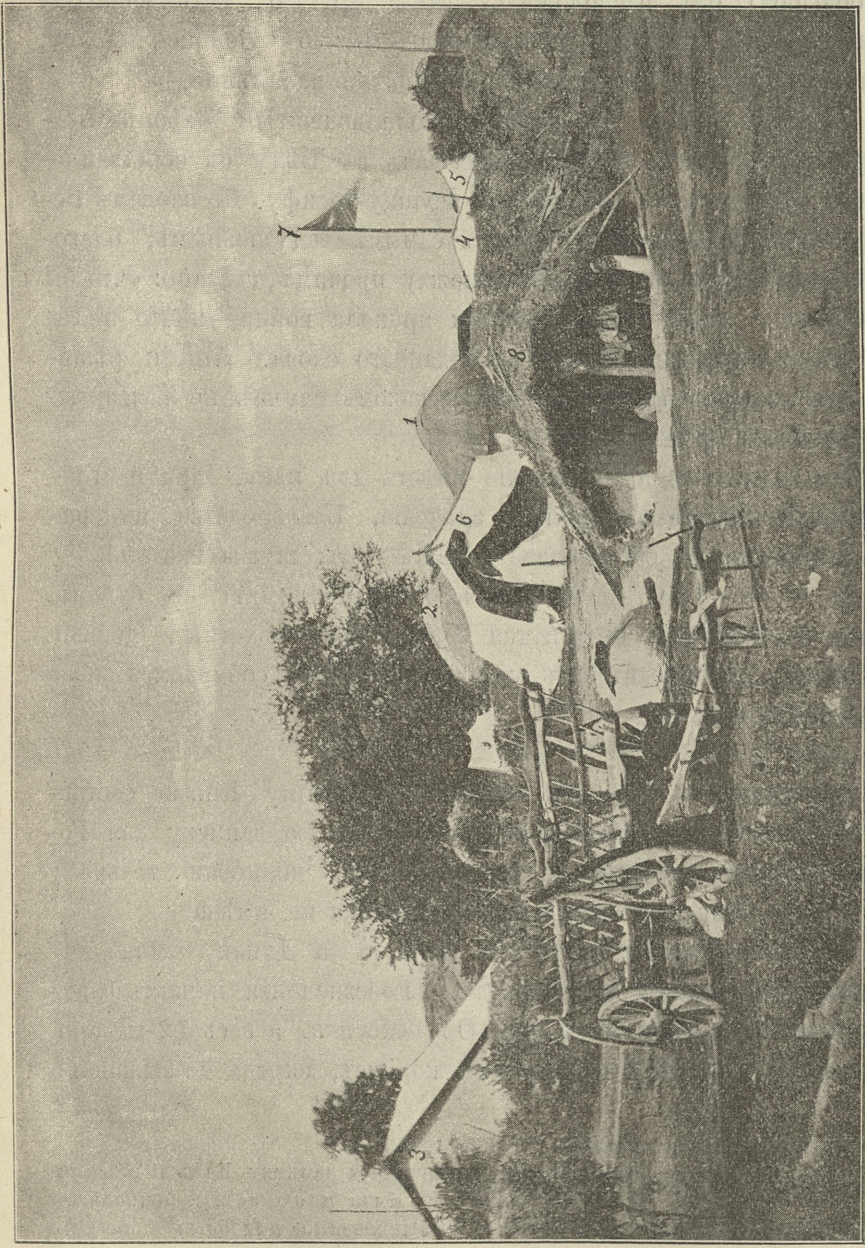
Записка эта почти готова: надо теперь только дополнить и

С. Горный-Студень: бивакъ главной квартиры.

1. Военно-телеграфная станція.—2. Кибитка ген. Левицкаго и полк. Газенкампфа —3. Кибитка ген.-адъют. Непокойчицкаго.—4. Шатеръ-столовая. — 5 и 6. Палатки капитановъ Соллогуба и Уссаковскаго —7. Болгарскій священникъ.—8. Кавасъ Великаго Князя Главнокомандующаго, болгаринъ Кристо. – 9. Палатка князя Евгенія Максимиліановича подъ большимъ соломеннымъ навѣсомъ (отъ солнца).

исправить ее согласно даннымъ мнѣ сегодня подробнымъ указаніямъ.

С. Горный-Студень: бивакъ главной квартиры.

1. Кибитка ген Левицкаго и полк. Газенкампфа.—2 Кибитка ген. адъют. Непокойчицкаго.—3. Шатеръ-столовая.—4 и 5. Палатки капитановъ Соллогуба и Уссаковскаго.—6. Палатка писарей.—7. Военно-телеграфная станція. 8 Болгарская хижина-землянка.

4 августа, четвергъ.—Сегодня у насъ новоселье: перебра-

лись изъ палатки въ чудную киргизскую кибитку. Такихъ кибитокъ прислано Великому Князю изъ Оренбурга четыре: въ одной (самой большой) онъ расположился самъ; другую далъ великому князю Николаю Николаевичу Младшему, третью—Непокойчицкому, а четвертую—Левицкому и мнѣ. Помѣщеніе идеальное.

Вернулся австрійскій военно-уполномоченный баронъ Бехтольсгеймъ, котораго Государь посылалъ въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Іосифу. По словамъ Великаго Князя, императоръ отвѣтилъ самымъ задушевнымъ, благороднымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «что бы ни случилось, какой бы оборотъ ни приняла война—ничто не заставитъ меня отступиться отъ разъ даннаго слова. Англіи рѣшительно объявлено, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не разсчитывала на союзъ съ Австріей».

Это торжественное заявленіе имѣетъ для насъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, огромное значеніе. Благородство императора Франца-Іосифа обезпечиваетъ нашъ тылъ: шутка сказать!

До 17-го—18-го августа ничего предпринимать не будемъ. А когда окончательно подтянутся 2-ая и 3-ья пѣхотныя дивизіи (послѣдняя еще находится въ слѣдованіи),—тогда собираемся снова атаковать Плевну.

5 августа, пятница.—Прочелъ Великому Князю составленную мною по его указаніямъ объяснительную записку для Государя. Привожу ее дословно [1]), такъ какъ черновая только у меня и есть. Никакого заголовка эта записка не имѣла.

«Послѣ переправы всего 8-го корпуса за Дунай, были тотчасъ же переправлены и выдвинуты для обезпеченія нашихъ фланговъ: 35-ая пѣх. дивизія къ дер. Овча-Могила, а весь 12-ый арм. корпусъ—къ сторонѣ Рущука. 8-ой корпусъ, впредь до выясненія

[1]) Мнѣ неизвѣстно, какая судьба постигла эту записку. Какъ и всѣ личныя донесенія Великаго Князя Государю, она была мною же и переписана и вручена Великому Князю. Онъ отправлялъ обыкновенно подобныя донесенія при собственноручныхъ письмахъ Государю, самъ законвертовывалъ и запечатывалъ своею гербовою печатью. Иногда онъ поручалъ сдѣлать это адъютанту своему, полковнику Скалону, но всегда при себѣ.

расположенія и намѣреній непріятеля, оставленъ въ резервѣ для прикрытія переправы, а для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Тырнова и Сельви—сформированъ и 20-го іюня выдвинутъ передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко.

«Этому отряду предписано было сперва только *приготовиться* къ дальнѣйшему наступленію, а затѣмъ, когда послѣдуетъ особое приказаніе—стараться овладѣть Балканскими проходами; кавалерію же выслать за Балканы.

«Имѣлось въ виду: обезпечить себя съ праваго фланга 9-мъ арм. корпусомъ, а съ лѣваго—12-мъ и 13-мъ корпусами; 11-ый корпусъ временно оставить въ центрѣ расположенія, на случай необходимости подкрѣпить тотъ или другой флангъ; съ переходомъ черезъ Дунай 4-го корпуса, присоединить его къ общему резерву, а съ 8-мъ корпусомъ двинуться вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

«Для этого 9-му корпусу и было поставлено ближайшею цѣлью—занятіе Плевны, и если возможно, то и Никополя, а 12-му корпусу—занятіе Бѣлы и наблюденіе за Рущукомъ.

«Неожиданно-быстрое занятіе Тырнова и обнаруженное тотчасъ вслѣдъ затѣмъ слабое занятіе турками Балканскихъ проходовъ—ускорили наступленіе 8-го корпуса. Нельзя было упустить случай къ овладѣнію, безъ большихъ потерь, такою серьезною преградою, какъ Балканы. Поэтому, передовому отряду было приказано двинуться за Балканы, утвердиться въ долинѣ р. Тунджи и захватить важнѣйшіе перевалы прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ собрать достаточныя силы для ихъ защиты.

«А разъ что самый ходъ военныхъ дѣйствій поставилъ эту цѣль — необходимо было немедленно придвинуть къ Балканамъ и 8-й корпусъ, чтобы прочно утвердиться въ такомъ важномъ пунктѣ, какъ Тырновъ, и имѣть возможность немедленно поддержать передовой отрядъ, если потребуется.

«Это расположеніе арміи нельзя назвать ни рискованнымъ, ни разбросаннымъ. Находясь въ Тырновѣ, я владѣлъ важнѣйшими путями какъ черезъ горы, такъ и къ сторонѣ Османъ-Базара и Ловчи. Имѣя весь 8-й корпусъ сосредоточеннымъ подъ рукою, я сверхъ того располагалъ, еще до прибытія 4-го корпуса, резервомъ изъ

$1^1/_2$ пѣхотныхъ дивизій (11-й пѣх. дивизіи и 1-й бригады 32-й пѣх. дивизіи) и 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи.

«Со стороны Рущука, Разграда и Эски-Джумы, я былъ вполнѣ обезпеченъ 12-мъ и 13-мъ корпусами. Съ праваго фланга представлялъ бы вполнѣ надежное прикрытіе 9-й корпусъ, еслибы онъ во-время занялъ Плевну.

«Я указалъ на этотъ пунктъ командиру 9-го корпуса еще до моего перехода черезъ Дунай. Для наблюденія за Плевной я даже нарочно выдѣлилъ изъ передового отряда кавказскую казачью бригаду, назначилъ ее въ составъ 9-го корпуса и приказалъ: *не привлекать эту бригаду къ дѣйствіямъ сѣвернѣе Плевнинскаго шоссе.* Но командиръ 9-го корпуса, увлекшись неожиданнымъ взятіемъ Никополя, оставилъ это шоссе безъ надлежащаго наблюденія. Вслѣдствіе этого турки безпрепятственно заняли Плевну, а мы даже не знали, какими именно силами. Въ результатѣ получилась 1-я плевнинская неудача.

«Между тѣмъ, передовой отрядъ одерживалъ одинъ успѣхъ за другимъ. Балканскіе проходы, къ этому времени, были уже въ нашихъ рукахъ.

«Необходимо было послать подкрѣпленія генералъ-лейтенанту барону Криденеру и въ то же время поддержать генералъ-адъютанта Гурко, дѣйствія котораго навели паническій страхъ до самаго Адріанополя и послужили надежнѣйшимъ отводомъ противъ перехода шумлинской арміи въ наступленіе. Дѣйствіямъ передового отряда, силу котораго турки преувеличивали слишкомъ втрое (и они, и вся иностранная печать до сихъ поръ еще воображаютъ, что за Балканами дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ передовымъ отрядомъ, весь 8-й корпусъ) — мы обязаны тѣмъ, что турки не только не переходили въ наступленіе, но даже оттянули войска отъ Рущука и начали готовиться къ отступленію за Балканы. Всѣ извѣстія, какъ съ доброжелательной, такъ и съ враждебной стороны, единогласно подтверждаютъ громадность впечатлѣнія, произведеннаго побѣдами нашего передового отряда. Достаточно, впрочемъ, вспомнить уже общеизвѣстный фактъ: черезъ нѣсколько дней по овладѣніи Балканскими проходами, были смѣнены всѣ высшіе сановники Турціи, какъ въ арміи, такъ и въ государственномъ управленіи.

«Сознавая вполнѣ все значенiе этого впечатлѣнiя и необходимость поддержать его возможно дольше, я не только не отозвалъ отряда генералъ-адъютанта Гурко послѣ 1-й плевнинской неудачи, но напротивъ, подкрѣпилъ его 1-ю бригадою 9-й пѣхотной дивизiи, о которой онъ просилъ и раньше, но я самъ ее дать не рѣшался. Послѣдствiя оправдали это распоряженiе: имѣя свѣжую бригаду, генералъ-адъютантъ Гурко могъ дать два хорошихъ урока собравшейся тѣмъ временемъ и перешедшей въ наступленiе армiи Сулеймана-паши. Это какъ разъ совпало по времени съ нашею 2-ю плевнинскою неудачею.

«Не имѣй Гурко этой свѣжей бригады, онъ былъ бы подавленъ численнымъ превосходствомъ армiи Сулеймана и припертъ ею къ горнымъ проходамъ. Но, благодаря побѣдамъ 18-го и 19-го iюля при Iени-Загрѣ и Джуранли, наступленiе Сулеймана-паши было прiостановлено, несмотря даже на побѣду его при Эски-Загрѣ. Весь отрядъ Гурко совершенно спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ къ проходамъ, втянулся въ Хаинкiойскую и Шипкинскую тѣснины и утвердился на главныхъ перевалахъ.

«Выше сказано уже, что вслѣдствiе первой плевнинской неудачи 8-го iюля потребовалось подкрѣпить генералъ-лейтенанта барона Криденера. Я послалъ въ его распоряженiе большую часть своего резерва: 30-ю пѣхотную дивизiю, 1-ю бригаду 32-й пѣх. дивизiи и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизiи. Всю 11-ю пѣхотную дивизiю выдвинулъ въ лѣвый боковой заслонъ къ сторонѣ Османъ-Базара. Затѣмъ у меня остались нетронутыми три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизiй.

«Еслибъ атака Плевны увѣнчалась успѣхомъ (который былъ весьма возможенъ), то двинутыя къ 9-му корпусу подкрѣпленiя могли бы быть снова отозваны, ибо силы одного 9-го корпуса болѣе чѣмъ достаточны для обезпеченiя праваго фланга. Тѣмъ болѣе, что румынскiя войска въ то время уже заняли Никополь.

«Тогда я могъ бы снова усилить отрядъ Гурко и дать ему возможность бороться съ армiей Сулеймана.

«Но атака Плевны 18-го iюля вторично не удалась. Это заставило меня притянуть туда послѣднiй резервъ (три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизiй) и отправиться туда лично,

чтобы принять общее начальство надъ войсками въ случаѣ весьма возможнаго перехода турокъ въ наступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ, для отвлеченія вниманія непріятеля, сосредоточеннаго у Разграда и въ окрестностяхъ Шумлы, немедленно начать бомбардированіе Рущука, какъ съ румынскаго, такъ и съ болгарскаго берега. Я былъ убѣжденъ и остаюсь при убѣжденіи, что бомбардированіе Рущука принесло бы большую пользу, особенно въ нравственномъ отношеніи: турки увидѣли бы, что вторая плевнинская неудача не уменьшила нашей готовности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но это мое распоряженіе было отмѣнено [1]), о чемъ я получилъ извѣщеніе 26-го іюля.

«Положеніе мое послѣ второй плевнинской неудачи было бы очень трудное, еслибы турки воспользовались своимъ успѣхомъ и перешли въ наступленіе. Но очевидно, что они сами не сознавали серьезности одержаннаго ими успѣха. Это видно изъ неувѣренно-робкаго тона первой телеграммы Османа-паши о результатѣ сраженія 18-го іюля. Въ противоположность обыкновенной хвастливости турецкихъ бюллетеней, Османъ-паша телеграфировалъ только, что былъ атакованъ, что бой продолжался цѣлый день, что русскіе были отбиты и на слѣдующій день ожидается новое сраженіе. Только черезъ два дня, когда Османъ убѣдился, что его больше атаковать не будутъ,—пошелъ рядъ хвастливыхъ телеграммъ. Тѣмъ не менѣе, турки не рѣшались перейти въ наступленіе, очевидно, опасаясь потерять плоды своей пассивной побѣды.

«Удостовѣрившись въ этомъ лично, я пріостановилъ всякія рѣшительныя дѣйствія впредь до прибытія подкрѣпленій, ограничиваясь удержаніемъ и укрѣпленіемъ занимаемыхъ уже позицій. Одному отряду Гурко я приказалъ отойти въ Балканскіе проходы, такъ какъ оставаться въ долинѣ р. Тунджи, въ виду всей арміи Сулеймана-паши, онъ безъ подкрѣпленія не могъ, а подкрѣпить его было нечѣмъ.

«Первою моею заботою было образованіе хотя небольшого резерва. Я выдѣлилъ изъ плевнинскаго отряда опять въ свое ра-

[1]) Очевидно, по Высочайшему повелѣнію. Какъ, черезъ кого и почему — мнѣ неизвѣстно.

споряженіе 1-ю бригаду 32-й пѣхотной и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизіи. По прибытіи 3-й стрѣлковой бригады и головного полка 2-ой пѣхотной дивизіи, я назначилъ эти части войскъ въ общій резервъ, а обѣ вышеназванныя бригады направилъ къ дер. Чаиркіой, дабы свести вмѣстѣ всѣ разбросанныя части 11-го арм. корпуса и возстановить единство управленія ими.

«Къ 7-му августа общій резервъ будетъ состоять изъ 3-й стрѣлковой бригады (съ дивизіономъ 4 ф. дальнобойныхъ орудій) и 2-ой пѣхотной дивизіи, всего 16 батал. и 52 орудія. Къ 16-му августа прибудетъ вся 3-я пѣхотная дивизія, и тогда у меня будетъ резервъ изъ 28 бат. и 100 орудій.

«Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, явствуетъ:

«1) Движеніе передового отряда за Балканы не было ни преждевременнымъ, ни рискованнымъ. Напротивъ, оно прямо вытекало изъ утвержденнаго вашимъ императорскимъ величествомъ плана войны, цѣлью которой былъ поставленъ Константинополь. Главнѣйшая преграда для достиженія этой цѣли—Балканы. Когда выяснилось, что горные проходы заняты очень слабо, я счелъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ поспѣшить завладѣть ими. Еслибы это было упущено, еслибы я далъ непріятелю время укрѣпить проходы и стянуть къ нимъ войска, то сдѣлалъ бы непростительную ошибку. Овладѣніе горными проходами и дѣйствія передового отряда вообще принесли намъ огромную пользу, во-первыхъ, тѣмъ, что Балканскіе проходы, все-таки, остались въ нашихъ рукахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что внесли замѣшательство въ государственное и военное управленіе Турціи въ самую критическую для насъ минуту. Благодаря этому, турки упустили удобный моментъ для перехода въ наступленіе и дали намъ время принять противъ этого надлежащія мѣры.

«2) Плевнинское сраженіе 18-го іюля, какъ оно ни прискорбно, не можетъ назваться пораженіемъ. Наши войска были *отбиты*, но *не разбиты*: это—большая разница. Конечно, войска были выведены изъ боя перепутанными: это и не могло быть иначе послѣ цѣлаго ряда ожесточенныхъ атакъ, продолжавшихся и по наступленіи темноты. Но всѣ части разобрались и устроились такъ скоро, какъ нельзя было и ожидать. Я видѣлъ ихъ на третій день

послѣ сраженія: офицеры и солдаты смотрѣли такими молодцами, все было такъ спокойно, бодро, въ такомъ порядкѣ, что у меня разомъ отлегло отъ сердца. Не такъ смотрятъ войска, потерпѣвшія рѣшительное пораженіе.

«3) Я ни минуты не былъ безъ резерва. Сперва я держалъ въ совокупности 11-й корпусъ. Къ тому времени, когда пришлось одну часть его выдвинуть на османъ-базарскую дорогу, а другую послать на подкрѣпленіе генералъ-лейтенанта барона Криденера, — подходилъ уже 4-й корпусъ, заранѣе предназначенный въ главный резервъ. Правда, я выдѣлилъ изъ него одну дивизію (30-ю) на подкрѣпленіе 9-го корпуса, но къ 18-му іюля у меня оставались еще совершенно нетронутыми четыре пѣхотныхъ (три полка 16-й пѣхотной дивизіи и на переправѣ Воронежскій пѣхотный полкъ) и три кавалерійскихъ полка 4-й кав. дивизіи. Послѣ 18-го іюля я вынужденъ былъ двинуть на подкрѣпленіе барона Криденера и этотъ послѣдній резервъ, такъ какъ опасался перехода турокъ изъ Плевны въ наступленіе. Но какъ только я удостовѣрился, что Османъ-паша наступать не намѣренъ—тотчасъ же приступилъ къ образованію резерва вновь.

«При тѣхъ силахъ, которыми я располагалъ до сихъ поръ, резервъ мой никогда и не могъ состоять болѣе, чѣмъ изъ одного корпуса. Принятый мною планъ дѣйствій, основанный на желаніи перенести центръ тяжести изъ сферы крѣпостей за Балканы, наиболѣе соотвѣтствовалъ моимъ силамъ. Еслибъ я поставилъ себѣ задачею сперва заставить непріятеля принять большое сраженіе по сю сторону Балканъ, разбить его и потомъ уже идти за Балканы — это вовлекло бы меня въ обложеніе и осаду крѣпостной Дунайской Болгаріи, такъ какъ турки ни за что не вышли бы въ поле. А для дѣйствій въ сферѣ крѣпостей—силы арміи слишкомъ слабы, не говоря уже о томъ, что этотъ затяжной образъ дѣйствій былъ бы всего пріятнѣе для турокъ.

«Только быстрымъ движеніемъ за Балканы я могъ надѣяться заставить турокъ бросить свои укрѣпленныя позиціи и поспѣшить на защиту своей древней столицы. Не случись несчастнаго плевнинскаго сраженія 18-го іюля, это мнѣ и удалось бы навѣрное. Я и теперь не теряю надежды привести это намѣреніе въ испол-

неніе, по прибытіи всѣхъ идущихъ ко мнѣ подкрѣпленій, хотя и сознаю вполнѣ, что это будетъ уже гораздо труднѣе».

6 августа, суббота. — Пріѣхали румынскіе министры Братіано (премьеръ) и Сланичано (военный) для переговоровъ насчетъ коопераціи румынскихъ войскъ.

8 августа, понедѣльникъ. — Нѣчто серьезное предстоитъ нынѣ же. Вчера вечеромъ получена отъ Радецкаго, изъ Тырнова, телеграмма, что Сулейманъ-паша, повидимому, готовится атаковать Шипкинскій перевалъ съ фронта, ибо противъ него уже развернулось въ Казанлыкской долинѣ 24 табора пѣхоты и около трехъ тысячъ кавалеріи. Левицкій тотчасъ же пришелъ въ страшное безпокойство, заразивъ этимъ и Непокойчицкаго, и Великаго Князя. Тотчасъ же рѣшили послать на подкрѣпленіе 2-ю пѣхотную дивизію, т.-е. все, что у насъ есть въ резервѣ. Хорошо, что направленіе дали такое, что она можетъ поспѣть, куда ни потребуется. Старался успокоить Левицкаго тѣмъ, что атака Шипки съ фронта, безъ одновременнаго наступленія турокъ отъ Ловчи или отъ Османъ-Базара (т.-е. во флангъ и въ тылъ Радецкому), успѣха имѣть не можетъ. Но увѣрить не удалось.

Трудно себѣ представить, до чего Левицкій теряетъ голову при каждомъ тревожномъ извѣстіи. Сегодня телеграфируетъ кто-то (кажется, нашъ консулъ) изъ Бѣлграда шифромъ, что Сулейманъ-паша прошелъ Балканы черезъ «Хаинъ-Богазъ». Это — тотъ же Хаинкіой, и Левицкій это знаетъ; знаетъ также, что еще вчера была телеграмма объ отраженіи турецкой атаки на Хаинкіой. Несмотря на это, страшно встревожился: а вдругъ это—правда? Всѣ доказательства, что это—очевидное вранье, не могли его успокоить. Къ счастью, черезъ четверть часа пришла агентская телеграмма Гаваса, сообщающая буквально то же самое. Тогда только Левицкій убѣдился, что отправитель тревожной телеграммы прочелъ ее въ газетахъ и поспѣшилъ поднести намъ въ зашифрованномъ видѣ, какъ сугубо-важную.

Уже нѣсколько дней напрасно стараюсь убѣдить, что, въ виду вѣроятности затяжки войны на зиму, надо теперь же начать соот-

вѣтствующія приготовленія. Масса войскъ идетъ изъ Россіи къ намъ на подкрѣпленіе, и никто не хочетъ заранѣе подумать: чѣмъ ихъ будемъ кормить. Вѣдь до сихъ поръ большая часть войскъ довольствуется средствами страны на получаемыя отъ интендантства деньги, ибо пресловутое товарищество можетъ довольствовать только войска, стоящія на мѣстѣ. Но вѣдь изсякнутъ же, наконецъ, богатыя средства края, въ особенности ко времени прибытія на театръ войны ожидаемыхъ подкрѣпленій: почти весь гвардейскій корпусъ, 2-я и 3-я гренадерская, 24-я и 26-я пѣхотныя, 1-я кавалерійская и 2-я донская казачья дивизіи. Какъ будетъ продовольствоваться вся эта масса войскъ? Тѣмъ болѣе, что въ управленіи вообще безпорядокъ и несогласованная неурядица, а въ тылу — полный хаосъ. Путаница въ распредѣленіи прибывающихъ укомплектованій по частямъ войскъ и въ распредѣленіи всякаго рода снабженій—невообразимая. А передвиженіе войскъ и запасовъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ до того безпорядочно, что не поддается никакому разсчету.

7½ *час. вечера.*—Только-что вернулся съ обѣда у Государя: ему угодно было пригласить сегодня къ обѣду Великаго Князя со всею его свитою. Военный министръ, послѣ обѣда, спрашивалъ меня: приняты ли какія-нибудь мѣры для успокоенія публики, растревоженной нашими неудачами? Я отвѣчалъ, что уже нѣсколько дней тому назадъ послана Великимъ Княземъ телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ и начальнику главнаго штаба, съ просьбою объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы публика не вѣрила вранью иностранныхъ газетъ; что мы не скрываемъ и не преуменьшаемъ нашихъ неудачъ, и вообще обо всемъ, заслуживающемъ вниманія, объявляется и будетъ объявляться во всеобщее свѣдѣніе. Доказательство—всѣ напечатанныя до сихъ поръ реляціи.

Повидимому, военный министръ вполнѣ удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Въ 10½ час. вечера получена телеграмма генералъ-маіора Столѣтова (начальника болгарскаго ополченія) отъ 9 час. 20 мин. вечера: «Передъ занимаемою мною позиціею на Шипкинскомъ перевалѣ выстроился весь корпусъ Сулеймана-паши, съ многочисленною кавалеріею, артиллеріею и обозами. Завтра непріятель бу-

детъ штурмовать Шипку. Защищаться буду до послѣдней крайности, но долгомъ считаю доложить, что несоразмѣрность силъ слишкомъ велика. Считая нашу позицію очень важною, я прошу подкрѣпленій изъ Габрова. Необходимо полка два: къ разсвѣту изъ Габрова есть еще время подойти».

Посмотримъ, что Богъ дастъ.

11 августа, четвергъ.—Вчера и третьяго дня были очень тревожные дни: безумно-смѣлая атака Шипки въ лобъ—дѣйствительно состоялась 9-го августа. Войска Сулеймана-паши обнаружили самоотверженную отвагу, достойную лучшаго употребленія. Очень трудно было нашимъ малочисленнымъ войскамъ на Шипкѣ, но они вышли изъ тяжкаго испытанія съ неувядаемою славою, отбивъ десять ожесточенныхъ приступовъ. День 9-го августа навсегда останется украшеніемъ лѣтописи боевыхъ подвиговъ Орловскаго пѣхотнаго полка и запишется золотыми буквами на первой страницѣ военной исторіи будущей болгарской арміи: дружины дрались какъ львы. Строго говоря, это уже второй подвигъ болгарскихъ дружинъ: онѣ же вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кроваваго боя подъ Эски-Загрой.

10-го августа турки атаковали уже гораздо слабѣе, а въ эту ночь (съ 10-го на 11-е) даже подошли къ Габрову приведенныя самимъ Радецкимъ подкрѣпленія изъ Тырнова. Можно надѣяться, что, въ случаѣ возобновленія атаки сегодня, турки опять будутъ отбиты.

Трудно себѣ представить, что вынесли наши на Шипкѣ. Противъ сорока турецкихъ баталіоновъ было только три баталіона Орловскаго пѣхотнаго полка и четыре болгарскихъ дружины. Эти семь баталіоновъ и отбили десять приступовъ *вшестеро* сильнѣйшаго непріятеля. Нужно замѣтить, что они были въ напряженномъ состояніи съ 7-го августа, когда на ихъ глазахъ стали стягиваться войска Сулеймана. Шипкинскій отрядъ съ того времени почти не спалъ и не имѣлъ горячей пищи. Даже воды на перевалѣ почти нѣтъ, а жара стоитъ чудовищная. 9-го августа наши разстрѣляли всѣ патроны; значительная же часть ружей и три орудія пришли въ негодность отъ безпрерывной стрѣльбы.

Но если нашимъ было плохо, то туркамъ было еще труднѣе

карабкаться вверхъ по шипкинскимъ кручамъ. Нельзя не удивляться желѣзной энергіи Сулеймана и беззавѣтной храбрости его войскъ, хотя эта фронтальная атака—верхъ нелѣпости. По первому извѣстію о приготовленіяхъ турокъ къ приступу, я былъ убѣжденъ, что съ фронта будетъ только энергическая демонстрація, а настоящая атака поведется отъ Ловчи или Османъ-Базара на Тырновъ, во флангъ и въ тылъ. Даже теперь я думаю, что Мехметъ-Али-паша и Османъ-паша просто подвели Сулеймана и не поддержали его атаку нарочно. Сулеймана очень не любятъ и боятся: онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ смѣльчаковъ (и единственный изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ), которые низвели съ престола султана Абдулъ-Азиса.

По всему, что до сихъ поръ приходится наблюдать, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ: Турція вполнѣ созрѣла для разрушенія, но мы еще не дозрѣли до роли разрушителя.

Государь получилъ, на-дняхъ, письмо отъ старшаго сына покойнаго султана Абдулъ-Азиса, Изеддина, съ просьбою помочь ему овладѣть престоломъ. За это Изеддинъ обѣщаетъ исполнить всѣ желанія Государя и заключить миръ на какихъ ему угодно условіяхъ. У Изеддина есть, по словамъ нашихъ дипломатовъ, довольно многочисленная партія, къ которой принадлежалъ также и бывшій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ, смѣненный за бездѣйствіе. Въ этомъ бездѣйствіи, которое мы считали простымъ проявленіемъ старческаго маразма, султанъ и его совѣтники, будто бы, усмотрѣли намѣреніе нарочно дать намъ возможность достигнуть значительныхъ успѣховъ, съ цѣлью вызвать дворцовую революцію и династическій переворотъ.

Вчера дѣло защиты Шипки могло бы окончиться катастрофою для Сулеймана-паши, еслибы не командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Б. Когда генералы Дерожинскій и Столѣтовъ донесли, 7 августа, съ Шипки, что противъ нихъ стягиваются значительныя силы, Б. въ то же время донесъ изъ Елены, что его *оттѣснили* значительныя силы отъ Беброва. Такъ какъ серьезной атаки турокъ съ этой стороны можно было ожидать съ гораздо большею вѣроятностью (Елена-Твардицкій проходъ въ рукахъ турокъ), то Радецкій, 8-го же августа, утромъ,

двинулся къ Еленѣ самъ со всѣмъ своимъ резервомъ, и только по прибытіи на мѣсто убѣдился, что противъ Б. никого, кромѣ башибузуковъ, нѣтъ. Вслѣдствіе этого онъ напрасно потерялъ два дня времени, ибо могъ вернуться въ Тырновъ лишь 9-го, вечеромъ, т.-е. въ тотъ самый день, когда такъ необходима была помощь на Шипкѣ. Вчера онъ двинулся къ Шипкѣ, но, разумѣется, только поздно вечеромъ могъ поспѣть въ Габрово, сдѣлавъ пятидесяти-шести-верстный переходъ при удушливой сорока-пяти-градусной жарѣ. Когда онъ теперь попадетъ на Шипку? Развѣ лишь завтра утромъ—и то съ измученными войсками. Еслибъ не ложное донесеніе Б., Радецкій былъ бы на Шипкѣ уже вчера.

Этого Б. слѣдовало убрать еще раньше, тотчасъ по возвращеніи передового отряда изъ-за Балканъ. Въ сраженіи при Эски-Загрѣ пуля попала ему по карману, въ которомъ лежалъ серебряный портсигаръ, и, конечно, помяла его. Б. легъ на носилки и велѣлъ нести себя на перевязочный пунктъ, гдѣ и пролежалъ до конца сраженія. Затѣмъ опять сѣлъ верхомъ, явился къ Гурко и объявилъ, что онъ раненъ и остался въ строю, а въ доказательство показалъ помятый портсигаръ. Гурко покосился, но смолчалъ. Но когда, во время отступленія изъ-за Балканъ, Б. загромоздилъ своими обозами Хаинкіойское ущелье, вопреки строжайшему запрещенію Гурко, тотъ его жестоко распекъ. Тогда Б., какъ жидъ-Янкель въ «Тарасѣ Бульбѣ» («Ваше королевское величество! молчите, ради Бога молчите!»), публично взмолился: «Ваше высокопревосходительство! (а Гурко—только генералъ-лейтенантъ) простите, ради Бога простите! Никогда не буду!»—Гурко, по возвращеніи, не задумался доложить обо всемъ этомъ Государю, который и приказалъ убрать Б. Но, благодаря канцелярской волокитѣ, Высочайшее повелѣніе до сихъ поръ не успѣло дойти до Радецкаго, и только вслѣдствіе этой медленности исполненія Б. удалось нагадить еще разъ, и притомъ столь серьезно: вѣдь чуть-чуть не сгубилъ весь шипкинскій отрядъ, и только благодаря стойкости послѣдняго перевалъ не перешелъ въ турецкія руки.

Теперь Великій Князь телеграммою приказалъ: немедленно удалить Б. отъ командованія бригадою и выслать изъ арміи.

Всѣ эти три дня Великій Князь безпрестанно требуетъ меня

къ себѣ, такъ какъ каждое вновь полученное извѣстіе сообщается телеграммами въ Петербургъ, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе. Вчера онъ разсказывалъ, что въ императорской главной квартирѣ многіе ропщутъ, критикуютъ и осуждаютъ его, разстраивая и волнуя Государя мрачными предчувствіями и зловѣщими предсказаніями, тогда какъ онъ и безъ того нервно разстроенъ и больше всего нуждается въ душевномъ покоѣ. Великій Князь надѣется, что ему удастся успокоить Государя и разсѣять его мрачныя мысли. Еще недавно Государь ему говорилъ, что опасается умереть во время этой войны, какъ умеръ императоръ Николай I, и дѣлалъ по этому поводу разныя сопоставленія и сближенія, но Великій Князь отвлекъ его отъ этихъ печальныхъ мыслей. Вообще же Великій Князь находитъ теперь, что Государю, дѣйствительно, лучше и спокойнѣе быть при арміи, ибо въ Петербургѣ онъ бы мучился и страдалъ гораздо сильнѣе: здоровье и особенно нервная система его слишкомъ разстроены.

Сейчасъ (пять часовъ пополудни) получены двѣ телеграммы. Одна съ Шипки отъ Дерожинскаго: турки, видя безуспѣшность своихъ отчаянныхъ приступовъ, начали подвигаться впередъ траншеями и уже подошли къ горѣ св. Николая на 600 шаговъ. Замѣчательная настойчивость. Другая телеграмма—отъ Цесаревича: турки вчера атаковали Папкіой, но Цесаревичъ полагаетъ, что это лишь демонстративная атака, съ цѣлію отвлечь вниманіе отъ османъ-базарской дороги, на которую повидимому переходятъ главныя силы, фланговымъ маршемъ, отъ Разграда и Эски-Джумы. Посему Цесаревичъ уже распорядился подкрѣпить Эрнрота, занимающаго со своею дивизіею (11-ю пѣхотною) османъ-базарскую дорогу.

14 августа, воскресенье.—Вчера былъ пятый день геройской защиты Шипки. Вчера же прибылъ сюда корреспондентъ «Daily-News», Форбсъ: онъ 24 часа былъ очевидцемъ ожесточенныхъ турецкихъ атакъ и нашей отчаянной обороны. Говоритъ, что преклоняется передъ русскою несокрушимою стойкостью; готовъ держать какое угодно пари, что турки будутъ окончательно отбиты, что имъ нашихъ не сломить. Послалъ телеграмму въ 5.000 словъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е прибылъ на Шипку самъ Радецкій съ частью стрѣлковъ, посаженныхъ верхомъ, и воодушевилъ уже изнемогавшую горсть нашихъ войскъ своею ласковою привѣтливостью, невозмутимымъ спокойствіемъ и искреннимъ презрѣніемъ къ опасности. Всѣ воспрянули духомъ: откуда взялись новыя силы! Подкрѣпленія, приведенныя Радецкимъ, будучи измучены четырехдневнымъ форсированнымъ маршемъ отъ Тырнова къ Еленѣ и обратно, а оттуда на Шипку—подходили постепенно ночью и утромъ 12-го августа. Въ этотъ день былъ раненъ Драгомировъ въ колѣнный суставъ правой ноги; тяжело раненъ въ бедро стоявшій сзади него маленькій капитанъ генеральнаго штаба Мальцевъ, тотъ самый, который получилъ за переправу георгіевскій крестъ, какъ первый, вышедшій на непріятельскій берегъ Дуная. Вчера, 13-го, убитъ пулею прямо въ сердце командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи Дерожинскій—первый убитый въ эту кампанію генералъ.

Великій Князь немедленно самъ телеграфировалъ объ этомъ женамъ обоихъ генераловъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ.

Старческая апатичность Непокойчицкаго и безтолковая суетливость вѣчно-растеряннаго Левицкаго, въ теперешнее горячее и тяжелое время, оказываютъ весьма серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Главная бѣда въ томъ, что оба постоянно упускаютъ изъ виду разсчетъ времени. Вслѣдствіе постоянныхъ колебаній, неспособности оцѣнивать обстановку и отсутствія военнаго чутья—всѣ распоряженія запаздываютъ. Еще 12-го августа въ 7 часовъ вечера зашла рѣчь о необходимости послать Радецкому на Шипку подкрѣпленіе отъ Сельви и Тырнова. До полуночи не могли ни на что рѣшиться, и наконецъ въ ночь съ 12-го на 13-е телеграфировали князю Шаховскому въ Тырновъ, но въ такихъ условныхъ выраженіяхъ, что заранѣе можно было сказать съ увѣренностью, что онъ ничего не рѣшится послать. Текста этой телеграммы у меня не сохранилось, но я хорошо помню, что князю Шаховскому самому предоставлялось рѣшать, по соображенію съ обстановкою, посылать ли подкрѣпленія или нѣтъ. Нетрудно было предвидѣть, что онъ, уже напуганный второю плевнинскою неуда-

чею, не рѣшится ослабить себя для усиленія Радецкаго. Только вчера, 13-го августа, въ 5 час. дня, Великій Князь послалъ князю Шаховскому телеграмму съ рѣшительнымъ приказаніемъ немедленно подкрѣпить Радецкаго.

Теперь обстановка совершенно выяснилась. Сулейманъ не только собралъ на Шипку всю свою армію, но притянулъ еще все, что могъ, изъ Ловчи и изъ другихъ, менѣе важныхъ, ближайшихъ пунктовъ. Такимъ образомъ турки окружаютъ нашу позицію на перевалѣ съ трехъ сторонъ.

Румынская армія (около 30.000) приготовляется къ переправѣ черезъ Дунай у Корабіи и примкнетъ къ нашимъ войскамъ, наблюдающимъ за Плевной.

15 августа, понедѣльникъ.—По извѣстіямъ съ Шипки, положеніе нашихъ войскъ очень тяжкое. Турки сосредоточились въ горахъ противъ обоихъ нашихъ фланговъ и начали строить батареи для перекрестнаго обстрѣливанія какъ фланговъ, такъ и пути сообщенія съ Габровомъ. Радецкій, однако, не теряетъ головы: на перевалѣ держитъ посмѣнно только часть войскъ, а 14-ть баталіоновъ расположилъ уступами позади для противодѣйствія обходу и полному охвату. Теперь все сводится къ тому, кто кого переупрямитъ выдержкою и стойкостью.

Сегодня рано утромъ, Непокойчицкій вызвалъ Левицкаго и началъ совѣщаться, что дѣлать. Какъ только я вышелъ изъ кибитки, онъ привлекъ къ совѣщанію и меня. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе:

На Шипкѣ рѣшается участь кампаніи нынѣшняго года. Если мы оставимъ ее раньше полнаго истощенія силъ, то горько пожалѣемъ. Въ такихъ страшно напряженныхъ положеніяхъ всегда все держится на одномъ волоскѣ: за этотъ волосокъ и надо держаться до послѣдней крайности. Ничтожнаго на видъ обстоятельства достаточно, чтобы волосокъ оборвался для той или другой стороны, но не разсчетъ обрывать его намъ самимъ. Отступивъ съ Шипки добровольно, мы все равно проигрываемъ кампанію, а отстаивающія Шипку войска этимъ не спасемъ. Они дерутся, пока отстаиваютъ позицію; но стоитъ только ихъ вывести изъ боя—ко-

нецъ: обратятся въ слабосильную команду, которую придется увести на продолжительный отдыхъ подъ охрану другихъ войскъ.

Съ очищеніемъ Шипки, турки такъ пріосанятся, что не только Сулейманъ, но и Османъ и Мехметъ-Али перейдутъ въ наступленіе, и намъ придется отбиваться съ юга, съ востока и съ запада. Пока мы держимся на Шипкѣ — они ни за что на это не рѣшатся: а какъ только ее сдадимъ — такъ воодушевятся, что выкажутъ еще большія чудеса храбрости. Вотъ тогда намъ дѣйствительно придется плохо. Сами передъ всѣмъ свѣтомъ признаемъ себя побѣжденными, а побѣжденный—всегда виноватъ.

Поэтому намъ необходимо идти на-отчаянную. Турки ставятъ все на карту, и мы должны сдѣлать то же. Если наше теперешнее положеніе такъ скверно, то въ значительной степени потому, что начали очень смѣло, а послѣ первой же неудачи усомнились въ себѣ и выпустили изъ рукъ инициативу. Теперь надо употребить всѣ усилія, чтобы сбросить Сулеймана съ Балканъ; а если не удастся, то хоть удержать свои позиціи. Если хоть на шагъ отступимъ—придется, можетъ быть, отступить даже за Дунай,—и тогда вся кампанія нынѣшняго года пойдетъ на смарку.

И Непокойчицкій, и Левицкій, согласились съ этимъ и тотчасъ же пошли къ Великому Князю. Послѣ часового совѣщанія Великій Князь рѣшилъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ къ Государю и испросить его повелѣній.

Теперь все зависитъ отъ того, въ какомъ настроеніи они застанутъ Государя и какъ это настроеніе отразится на нихъ самихъ. Государь все время ужасно волнуется: каждая полученная съ Шипки телеграмма, каждый пріѣзжающій оттуда очевидецъ— посылаются къ нему немедленно. Если долго нѣтъ извѣстій — онъ самъ пріѣзжаетъ верхомъ къ Великому Князю, поговоритъ съ нимъ и уѣзжаетъ, каждый разъ видимо успокоенный. Дай Богъ, чтобы и сегодня Великому Князю удалось утишить его душевную муку и скорбь.

Ждемъ извѣстій съ Шипки: ничего еще неизвѣстно, что тамъ дѣлается сегодня. Вчера вечеромъ оттуда вернулись Лигницъ и молодой американскій офицеръ Гринъ, недавно къ намъ пріѣхавшій. Оба восторженно изумлены сказочнымъ геройствомъ нашихъ войскъ

и невозмутимымъ спокойствіемъ Радецкаго, этого истинно-русскаго скромнаго богатыря.

Послѣ завтрака Нелидовъ [1]) сообщилъ мнѣ по секрету, что Уэллеслей [2]) возвращается съ собственноручнымъ письмомъ королевы Викторіи, въ которомъ она завѣряетъ Государя, что Англія останется благопріятно-нейтральною (?), но проситъ кончать войну поскорѣе, такъ какъ общественное мнѣніе очень подкуплено подвигами турокъ и легко можетъ единодушно повернуться противъ Россіи.

По мнѣнію Нелидова, намъ достаточно теперь дать понять другимъ великимъ державамъ, что мы согласны удовлетвориться автономіей Дунайской Болгаріи: всѣ охотно предложатъ свое немедленное посредничество, а Турція съ радостью согласится помириться на этихъ условіяхъ. Но, конечно, для насъ мало почетнаго въ такомъ мирѣ.

А по моему, намъ лучше лечь здѣсь всѣмъ до одного, чѣмъ заговаривать о мирѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Вотъ когда сбросимъ съ Балканъ Сулеймана и выгонимъ изъ Плевны Османа, тогда — другое дѣло: если турки сами запросятъ мира, то можно еще подумать, стоитъ ли продолжать войну, которую мы все равно не доведемъ до конечной цѣли—разрушенія Оттоманской имперіи.

3 часа пополудни.—Великій Князь и Непокойчицкій вернулись отъ Государя. Рѣшено: Непокойчицкому ѣхать на Шипку самому, осмотрѣть наши и турецкія позиціи и обсудить съ Радецкимъ, на чемъ остановиться. Радецкому послана объ этомъ телеграмма.

Извѣстій съ Шипки все еще нѣтъ, но это скорѣе добрый знакъ. Вчера тоже цѣлый день не было ничего, а вечеромъ пришла телеграмма, что все ограничивалось ружейною перестрѣлкою [3]).

7 часовъ вечера.—Государь пріѣхалъ: вмѣстѣ съ Великимъ

[1]) Директоръ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго.

[2]) Англійскій военный агентъ при императорской главной квартирѣ.

[3]) Необходимо замѣтить, что у насъ телеграфъ устроенъ только до Габрова, а оттуда сообщеніе съ Шипкою — черезъ ординарцевъ. Это очень замедляетъ полученіе извѣстій.

Княземъ сидитъ въ кибиткѣ Непокойчицкаго и втроемъ совѣщаются. Телеграмма съ Шипки наконецъ получена: сегодня тоже была лишь слабая ружейная перестрѣлка, но турки строятъ батареи въ горахъ.

Сегодня же вечеромъ Непокойчицкій уѣхалъ на Шипку.

18 августа, четвергъ.—Много разговора по возникшему вопросу: привлекать ли Сербію къ соучастію въ военныхъ дѣйствіяхъ, или нѣтъ? Тамъ теперь находится и агитируетъ извѣстный Ростиславъ Фадѣевъ; его считаютъ тамъ русскимъ негласнымъ уполномоченнымъ, а онъ этого не признаетъ и не отвергаетъ. Такъ какъ Скобелевъ-отецъ (Дмитрій Ивановичъ) съ нимъ въ давней дружбѣ, то Великій Князь поручилъ ему написать Фадѣеву письмо съ просьбою уѣхать изъ Сербіи. Д. И. Скобелевъ это порученіе исполнилъ. Онъ давалъ мнѣ читать свое письмо: коротко и очень забавно написано. Я попросилъ позволенія снять копію на память; Д. И. съ удовольствіемъ согласился.

Вотъ это письмо:

«Любезный Ростинька! Такъ какъ пребываніе ваше въ Сербіи находятъ по высшимъ соображеніямъ нежелательнымъ, то по приказанію того, кто мнѣ приказать можетъ, сообщаю вамъ какъ дружескій совѣтъ: лучше вамъ оттуда уѣхать».

Нелидовъ—противъ сербской коопераціи, и сегодня онъ прочелъ мнѣ свою докладную записку Великому Князю по этому вопросу. Упоминая прежде всего о томъ, что привлеченіе Сербіи было бы нарушеніемъ даннаго Австріи обѣщанія и повлекло бы за собою всевозможныя нежелательныя для насъ осложненія, онъ доказываетъ: 1) Сербія еще такъ разстроена, что отъ нея нельзя ожидать серьезной помощи; 2) если даже ей удастся организовать и двинуть свои войска, то турки ихъ навѣрное разобьютъ, а мы — даже не въ состояніи во-время помочь; 3) Сербія на свои деньги воевать не можетъ: придется помочь ей и деньгами, и оружіемъ, и военными запасами, а пользы отъ этого ожидать трудно. Въ заключеніе Нелидовъ предлагаетъ, прежде чѣмъ рѣшаться на привлеченіе Сербіи, послать туда довѣренное и компетентное лицо удостовѣриться: насколько солидны сербскія воен-

ныя приготовленія и можно ли разсчитывать на серьезную пользу отъ сербской коопераціи.

Ожидается парламентеръ отъ Мехмета-Али съ какимъ-то письмомъ къ Великому Князю: объ этомъ предупредилъ Цесаревичъ. Его адъютантъ графъ Шереметевъ привезъ письмо Великому Князю.

Вечеромъ получена слѣдующая шифрованная телеграмма Непокойчицкаго съ Шипки:

«По совѣщанію съ Радецкимъ, при видимомъ бездѣйствіи и вѣроятномъ уменьшеніи непріятеля у Шипки, необходимо обратить всѣ силы на Плевну. Поэтому 2-ю пѣх. дивизію необходимо тотчасъ отправить въ Сельви, откуда Имеретинскій, а также отрядъ Скобелева, пошелъ бы на Ловчу. Для занятія ея оставить тамъ одинъ полкъ 2-й дивизіи, а съ остальными войсками двинуться къ Плевнѣ. Къ этому времени у Зотова должно быть все готово. 3-я стрѣлковая бригада двинулась бы изъ Тырнова тоже къ Порадиму. Развязка у Плевны есть главный нашъ вопросъ. Тогда руки будутъ у насъ развязаны. Если ваше высочество одобрите эти предположенія, то благоволите приказать тотчасъ Радецкому двинуть 2-ю дивизію по назначенію и телеграфировать мнѣ въ Тырновъ, гдѣ буду ночевать у Шаховского. Благоволите сообщить интенданту о томъ, что будетъ рѣшено».

Великій Князь немедленно телеграфировалъ шифромъ:

1) Непокойчицкому въ Тырновъ:

«Радецкому приказалъ немедленно двинуть 2-ю дивизію въ Сельви и далѣе по вашей телеграммѣ. Не лучше ли направить 3-ю стрѣлковую бригаду на Мрадего, Летницу и Порадимъ? Распорядитесь какъ полагаете лучше. Какая часть замѣнитъ стрѣлковъ въ Тырновѣ? Какія извѣстія о непріятелѣ противъ Шипки и объ арміи Сулеймана? Кому поручили командовать атакою Ловчи? Направьте всю кавалерію изъ Никупа въ Мрадего и далѣе съ 3-ю стрѣлковою бригадою, а также сводный полкъ, стоящій въ Тырновѣ».

2) Радецкому въ Габрово—на Шипку:

«Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, условленнымъ между вами и генераломъ Непокойчицкимъ. Двиньте немедленно 2-ю ди-

визію въ Сельви, гдѣ Имеретинскому присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и идти на Ловчу, которую вмѣстѣ съ отрядомъ Скобелева атаковать. По занятіи ея, оставивъ тамъ одинъ пѣхотный полкъ, со всѣми остальными силами идти на Плевну».

3) Зотову въ Порадимъ (подъ Плевной):

«Генералъ Непокойчицкій, посланный мною на Шипку, доноситъ, что, по совѣщаніи съ Радецкимъ, въ виду бездѣйствія и вѣроятнаго уменьшенія силъ непріятеля, нашли необходимымъ обратить главное мое вниманіе на Плевну. Поэтому рѣшилъ: завтра направить 2-ю дивизію изъ Габрова на Сельви, гдѣ присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и совмѣстно съ отрядомъ Скобелева атаковать Ловчу. По занятіи ея, оставить тамъ одинъ полкъ, а съ остальными силами двинуться къ Плевнѣ для участія въ атакѣ ея. 3-я стрѣлковая бригада съ тремя кавалерійскими полками идетъ завтра изъ Тырнова черезъ Летницу въ Порадимъ, куда прибудетъ 21-го числа. Къ этому времени у васъ все должно быть готово къ начатію атаки, какъ вами было предположено, т.-е. заложеніе батарей 21-го числа, послѣдовательное постепенное наступленіе и дѣйствія кавалеріи на тылъ непріятеля. Румынамъ послалъ приказаніе перейти Дунай всѣми силами 20-го числа. Князя прошу лично прибыть въ Порадимъ тоже 20-го. Приготовьте все тихо, спокойно, безъ огласки. Да поможетъ намъ Богъ».

4) Князю Карлу Румынскому въ Турну-Магурели (переводъ съ французскаго):

«По полученнымъ свѣдѣніямъ о расположеніи непріятеля, безусловно необходимо, чтобы 20-го августа вся румынская армія перешла на правый берегъ Дуная. Прими необходимыя энергическія мѣры и снесись съ великимъ княземъ Алексѣемъ о предоставленіи тебѣ всѣхъ возможныхъ средствъ къ безостановочной и быстрой переправѣ. Твое личное присутствіе необходимо въ Порадимѣ 20-го утромъ. Съ сегодняшняго дня запрети, впредь до новаго распоряженія, отправку со всѣхъ дунайскихъ станцій, до Корабіи включительно,—всякихъ частныхъ телеграммъ, особенно корреспондентскихъ».

5) Великому князю Алексѣю Александровичу въ Турну-Магурели:

«Употреби всѣ силы, чтобы перевезти всю румынскую армію къ 20-му числу на правый берегъ Дуная: это крайне необходимо. Князя извѣщаю объ этомъ тоже».

19 августа, пятница.—Турецкій парламентеръ отъ Мехмета-Али уже уѣхалъ: пріѣзжалъ сюда для пустого разговора о «Красной лунѣ» (соотв. нашему «Красному кресту»). Нелидовъ представлялъ его Великому Князю. Очень образованный и милый молодой человѣкъ, получившій воспитаніе въ Парижѣ, внукъ Фуада-паши, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ во время крымской войны.

Непокойчицкій вернулся съ Шипки. По словамъ его адъютанта, Максимовича [1]), съ такимъ же невозмутимо спокойнымъ видомъ онъ объѣзжалъ Шипкинскія позиціи, съ какимъ расхаживаетъ здѣсь.

Около трехъ часовъ дня получены одновременно телеграммы отъ Цесаревича и отъ Зотова о переходѣ турокъ въ наступленіе. Оба извѣстія явились совершенно неожиданно, хотя туркамъ давно слѣдовало это сдѣлать: серьезный непріятель сдѣлалъ бы это одновременно съ атакою Сулеймана на Шипку. Но Великій Князь очень взволновался и разстроился; Государь—тоже. Вскорѣ, однако, пришла телеграмма Зотова, что турецкая вылазка изъ Плевны отбита окончательно, и въ то же время получено собственноручное письмо Цесаревича, написанное самымъ сердечнымъ и сочувственнымъ тономъ. Цесаревичъ точно предчувствовалъ, что Великаго Князя надо успокоить.

Въ письмѣ этомъ (Великій Князь далъ мнѣ его прочесть). Цесаревичъ, между прочимъ, объясняетъ, что потерею Аясларской позиціи 11-го августа мы обязаны начальнику штаба 13-го арм. корпуса полковнику Ильяшевичу, который «все только споритъ, не слушается, не исполняетъ приказаній... Я рѣшительно прошу,

[1]) Нынѣ генералъ-адъютантъ.

чтобы Ильяшевича смѣнили: съ такими подчиненными дѣло идти не можетъ». Конечно, онъ будетъ немедленно смѣненъ.

Сегодня вечеромъ Великій Князь послалъ Левицкаго подъ Плевну къ Зотову, а временное исправленіе его должности (безъ отданія въ приказѣ) Непокойчицкій поручилъ мнѣ.

Съ нѣкотораго времени Великій Князь и Непокойчицкій возложили на меня еще новую обязанность: составленіе и разборъ шифрованныхъ депешъ. Съ непривычки — это трудъ нелегкій. У насъ два военныхъ шифра: свой и румынскій. Оба я постигъ вполнѣ, разбираю и составляю телеграммы быстро, но трудъ этотъ— очень кропотливый и утомительный.

21 августа, воскресенье.—Завтра отрядъ князя Имеретинскаго, которому подчиненъ и отрядъ Скобелева, долженъ атаковать Ловчу. Если ее возьмутъ, то 24-го или 25-го отрядъ этотъ можетъ уже подойти къ Плевнѣ, и тогда у насъ соберется тамъ (вмѣстѣ съ румынами) 92 бат., 58 эск. и сотенъ, 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій: всего слишкомъ 80.000 чел. Съ такими силами, если только умѣло распорядиться, Плевну взять можно.

Великій Князь собирается ѣхать туда со своимъ летучимъ штабомъ 23-го или 24-го. Государь изъявилъ также свое непремѣнное желаніе присутствовать при атакѣ. Вслѣдствіе этого Великій Князь долженъ будетъ по необходимости состоять при Государѣ. Кто приметъ общее начальство надъ войсками—неизвѣстно.

23 августа, вторникъ. — Получено радостное извѣстіе о взятіи Ловчи вчера: изъ полученныхъ пока извѣстій видно, что дѣло было ведено съ толкомъ и энергіей.

Завтра рано утромъ уѣзжаемъ въ д. Раденицу (между Карагачемъ и Порадимомъ). Всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя уже уѣхали впередъ: остались только Непокойчицкій, я и адъютанты Скалонъ и Андреевъ. Лошади и вещи наши, а также кухня Великаго Князя—тоже отправлены. По этому случаю Государь пригласилъ Великаго Князя съ его маленькою свитою обѣдать къ себѣ. Послѣ обѣда со мною долго разговаривалъ военный министръ. Сообщилъ, что начальникъ академіи проситъ прислать

Лобко [1]) и меня къ началу курса обратно, такъ какъ насъ некѣмъ замѣнить, но что онъ, военный министръ, не рѣшается даже заговорить объ этомъ съ Великимъ Княземъ, такъ какъ заранѣе знаетъ, что онъ ни за что меня не отпуститъ. Я просилъ не заводить рѣчи объ этомъ и выразилъ убѣжденіе, что въ случаѣ рѣшительнаго успѣха подъ Плевною война можетъ кончиться еще до наступленія зимы. На это Д. А. Милютинъ съ горечью возразилъ, что онъ давно потерялъ надежду на скорое окончаніе войны и вообще, при нашей неурядицѣ, Богъ знаетъ еще, какъ и когда война кончится. Противъ этого возражать было нечего.

Вечеромъ была сильнѣйшая гроза съ проливнемъ. Очень кстати: все время стоитъ жара невыносимая. 25° считаемъ умѣренною температурою.

24 августа, среда.—Переѣхали въ д. Раденицу. Пріѣхалъ генералъ Зотовъ. Переговоривъ съ нимъ подробно, Великій Князь рѣшилъ завтра выждать здѣсь, чтобы не вызывать толковъ своимъ заблаговременнымъ пріѣздомъ.

Государь со свитою выѣхалъ слѣдомъ и остановился сегодня въ д. Чаушъ-Магала.

На слѣдующій день, 25 августа, получена телеграмма Цесаревича: вчера турки дѣйствительно атаковали одновременно наши позиціи при Аблавѣ и Коцелевѣ. Атака на Аблаву хотя и отбита, но такъ какъ коцелевскій отрядъ, подавленный тройными силами, вынужденъ былъ отступить, то и Аблаву пришлось очистить.

Полнаго текста этой телеграммы Великій Князь мнѣ не показывалъ; отвѣтъ составилъ и зашифровалъ самъ [2]).

[1]) Павелъ Львовичъ. Также профессоръ военной администраціи, состоявшій первую половину кампаніи лично при военномъ министрѣ, а затѣмъ—бывшій помощникомъ начальника штаба тыла арміи.

[2]) Впослѣдствіи, въ 1878 или 1879 году, разбирая и приводя въ порядокъ его походный архивъ, я нашелъ только отвѣтную телеграмму Великаго Князя, собственноручно написанную карандашомъ и безъ помѣтки числа. Но она была, конечно, отправлена не позже утра 26 августа съ ближайшей телеграфной станціи Порадимъ. Вотъ текстъ этой телеграммы:

«Капривцы. Наслѣднику Цесаревичу:

«Въ виду дѣла подъ Плевной и войскъ, занимающихъ Тырновъ, Шипку, Хаинкіой, необходимо тебѣ держаться съ твоимъ отрядомъ *до послѣдней край-*

Къ настоящему дню расположеніе нашихъ войскъ должно быть слѣдующее:

1) Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича (12-й и 13-й корпуса), принужденный отодвинуться нѣсколько назадъ — приблизительно по линіи между рр. Ломомъ и Янтрою, до Церковны включительно.

2) Тырновскій отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского ($1^1/_2$ пѣх. дивизіи и кавал. бригада 13-го корпуса, Елецкій и Сѣвскій пѣх. полки изъ 8-го корпуса и 13-я кавалер. дивизія изъ 13-го корпуса) — отъ Церковны до Балканъ, занимая также Хаинкіойскій перевалъ.

3) Шипкинскій отрядъ генералъ-лейтенанта Радецкаго (8-й корпусъ безъ Елецкаго и Сѣвскаго полковъ, 4-я стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе) — на Янинскомъ, Шипкинскомъ и Травненскомъ перевалахъ, имѣя резервъ въ Габровѣ.

4) Ловче-сельвинскій отрядъ: 2-я бригада 3-й пѣх. дивизіи подъ командою ген.-м. Давыдова.

5) Западный отрядъ подъ общимъ начальствомъ князя Карла Румынскаго:

Правый флангъ:—отъ деревни Рыбно на рѣкѣ Видѣ до Гривицкаго шоссе: 3-я и 4-я румынскія дивизіи съ тремя полками калараші, имѣя въ резервѣ у деревни Врбицы свою же резервную дивизію. Итого: 30 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 90 орудій.

Центръ: а) на Гривицкомъ шоссе—кавалерія генералъ-лейтенанта Лашкарева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій); б) отъ Гривицкаго шоссе до дороги изъ Пелишата въ Плевну— 9-й армейскій корпусъ (18 баталіоновъ и 80 орудій) и осадная

ности, иначе *Богъ знаетъ* что можетъ *выйти. Подкрѣпленіе* можетъ *придти:* одинъ полкъ и двѣ батареи 28-го и второй 31-го *къ Владиміру. Къ тебѣ въ Бѣлу* два полка казаковъ 29-го числа, третій полкъ казаковъ 31-го числа и четвертый полкъ 2-го сентября; одинъ полкъ пѣхоты *въ Бѣлу* 2-го числа, *другой* — 5-го. *Гвардейская стрѣлковая бригада* въ Павло 4-го числа. Если Богъ благословитъ подъ *Плевной,* то самъ приду, но врядъ ли ранѣе 5-го или 6-го. Вотъ въ какомъ *мы положеніи,* и если до 6-го *не удержимъ наступленіе* турокъ, то самъ посуди, въ какое *ты положеніе ставишь* меня и насъ всѣхъ передъ *лицомъ всей Россіи,* имѣя *Государя въ арміи.* Сохрани васъ Богъ *отступать за Янтру.*—Николай».

Подчеркнутыя слова телеграммы были зашифрованы.

артиллерія (20 орудій); в) на Радишевскихъ высотахъ — часть 4-го армейскаго корпуса (15 баталіоновъ и 72 орудія); г) между Тученицею и Радишевомъ — кавалерія генералъ-маіора Леонтьева (8 эскадроновъ и 6 орудій).

Лѣвый флангъ: а) донская казачья бригада полковника Чернозубова (12 сотенъ и 6 орудій)—отъ Тученицы до Плевно-Ловчинскаго шоссе; б) соединенные отряды свиты его величества генералъ-маіоровъ князя Имеретинскаго и Скобелева 2-го (20 баталіоновъ и 56 орудій) — на самомъ шоссе; в) кавказская казачья бригада (12 сотенъ и 16 орудій)—отъ Плевно-Ловчинскаго шоссе до рѣки Видъ.

Общій резервъ—изъ одного полка и батареи 9-го корпуса, двухъ полковъ и двухъ батарей 4-го корпуса, двухъ румынскихъ полковъ съ батареею, двухъ гусарскихъ полковъ съ батареею (11 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 30 орудій) — у деревни Пелишатъ.

Всего около 65.000 пѣхоты (92 баталіона), 5.500 челов. кавалеріи (58 эскадроновъ), 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій (около 4.500 чел.). Итого—около 90.000 человѣкъ.

Но эти 90.000 человѣкъ растянуты, по крайней мѣрѣ, на двадцать верстъ и расположены тонкимъ полукольцомъ, причемъ путь отступленія непріятеля совершенно свободенъ: на лѣвомъ берегу Вида у насъ ничего нѣтъ.

26 августа, пятница.—Ночью были устроены двѣ осадныя батареи. Сегодня началось бомбардированіе Плевны. Мы съ утра отправились туда. Государь перевелъ свою главную квартиру изъ Чаушъ-Магалы въ Раденицу, и оттуда тоже прибылъ подъ Плевну. Вечеромъ Государь и Великій Князь со своими свитами вернулись ночевать въ Раденицу.

Весь слѣдующій день опять присутствовали при бомбардированіи плевнинскихъ укрѣпленій. Вечеромъ Великій Князь неожиданно объявилъ, что на переѣзды изъ Раденицы и обратно пропадаетъ слишкомъ много времени, и что будетъ ночевать въ Порадимѣ. Въ совершенной темнотѣ отправились туда. Прибыли: ни зги не видно, огней нигдѣ нѣтъ. Во всей этой деревнѣ одинъ

только домъ, занятый княземъ румынскимъ [1]), а то все землянки, снаружи покрытыя соломой, а внутри обмазанныя глиной. Ночью ихъ и не видно. Начали бродить ощупью, безпрестанно натыкаясь на плетни и попадая въ какія-то канавки. Потеряли изъ виду другъ друга и своихъ конюховъ съ верховыми лошадьми. Я, какъ примкнулъ случайно во время переѣзда къ начальнику телеграфовъ, генералъ-маіору Шталю, такъ и остался съ нимъ. Наткнулись, наконецъ, на кого-то въ темнотѣ. Окликнули: по голосу узналъ геодезиста Савицкаго. Онъ находился тамъ уже нѣсколько дней и пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ напиться чаю. Но, отойдя нѣсколько шаговъ, самъ потерялъ изъ виду свою землянку, и прошло не мало времени, пока онъ нашелъ къ ней дорогу. Наконецъ, добрались: Савицкій угостилъ насъ чаемъ съ черным хлѣбомъ; мы съ чувствомъ поблагодарили, но затѣмъ опять возникъ вопросъ: куда дѣваться? Шталь предложилъ идти разыскивать военно-телеграфную станцію, чтобы тамъ переночевать. Пошли. Неизвѣстно, сколько времени мы бы еще плутали, еслибъ не счастливая случайность: наткнулись на коляску самого Шталя. Кучеръ его наудачу выѣхалъ на розыски. Благодаря этой неожиданности, мы добрались, наконецъ, до телеграфной станціи. Наши верховыя лошади съ конюхами уже оказались тамъ. Шталь легъ спать въ землянкѣ, а я—на соломѣ, подъ навѣсомъ, завернувшись въ кожаное пальто.

28 августа, воскресенье.—Опять весь день присутствовали при обстрѣливаніи Плевны, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Всѣ эти дни завтракали у Государя, между 1—2 час. дня, холодными закусками. Завтраки происходили все на одномъ и томъ же холмѣ, который уже окрестили «холмомъ завтраковъ». Къ 7-ми час. вечера вернулись въ Порадимъ, гдѣ обѣдали у князя румынскаго. Государь со свитою вернулся въ Раденицу.

Вчера вся кавалерія генералъ-маіора Лашкарева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій), стоявшая у Гривицы, перешла оттуда мимо сѣверной окраины Плевны за рѣку Видъ и, уси-

[1]) Наши солдатики уже успѣли дать ему прозвище «румынская Карла».

лившись по пути еще румынскою кавалерійскою дивизіей (16 эскадроновъ и 6 орудій), двинулась къ Дольнему-Дубняку.

Сегодня, *29 августа,* идетъ четвертый день бомбардированія Плевны. Великій Князь, воспользовавшись тѣмъ, что Государь назначилъ на сегодня свой пріѣздъ только къ часу дня (въ предыдущіе дни прибывалъ между 9 — 10 утра), съ 9-ти часовъ утра предпринялъ объѣздъ нашихъ позицій. До сихъ поръ это никакъ не удавалось, въ виду непремѣннаго желанія Государя быть все время вмѣстѣ, а между тѣмъ Великій Князь считалъ невозможнымъ подвергать опасности его драгоцѣнную жизнь. Вслѣдствіе этого Великому Князю и пришлось совершенно отказаться отъ непосредственнаго руководства ходомъ боя, предоставивъ это князю Карлу. Но и князь былъ лишь номинальнымъ начальникомъ; довольный оказаннымъ ему вниманіемъ, онъ рѣшительно ни во что не вмѣшивался (что и было вполнѣ благоразумно), все время безотлучно находился при Государѣ, а фактическое начальствованіе вполнѣ предоставилъ генералъ-лейтенанту Зотову. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, естественно чувствовалъ себя очень неловко и не могъ сознавать себя самостоятельнымъ въ присутствіи не только главнокомандующаго, но и самого Государя Императора. Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба Новицкимъ онъ также держался и держится около Государя и Великаго Князя.

Великій Князь началъ свой объѣздъ съ осадныхъ батарей и батарей полевой артиллеріи, обстрѣливавшихъ Плевну. Чтобы не привлекать вниманія турокъ, онъ приказалъ слѣдовать за собою лишь весьма немногимъ лицамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Остальной свитѣ и конвойному эскадрону лейбъ-казаковъ велѣлъ держаться въ отдаленіи и въ разсыпную. Но такъ какъ онъ весьма часто останавливался на батареяхъ и около войскъ, то весь громадный хвостъ постепенно подтягивался все ближе и становился все гуще. Такъ что, когда Великій Князь подъѣхалъ къ мѣсту расположенія главнаго резерва (къ юго-западу отъ Радишева), то за нимъ уже столпилась густая масса, около двухсотъ человѣкъ слишкомъ, рѣзко бросавшаяся въ глаза, особенно благодаря огромному великокняжескому значку. Конечно, турки сейчасъ же это замѣтили

(резервы имъ не могли быть видны, ибо скрывались въ лощинѣ, за гребнемъ, по которому ѣхали мы) и направили огонь на насъ. Первая граната перелетѣла, вторая разорвалась уже совсѣмъ поблизости, а третья пропѣла надъ самыми головами и зарылась въ землю около насъ, безъ разрыва. Великій Князь тотчасъ приказалъ всѣмъ намъ спуститься въ лощину и разсыпаться, а самъ съ однимъ Непокойчицкимъ остался на мѣстѣ и своимъ звонкимъ, яснымъ голосомъ поздоровался съ войсками резерва. Затѣмъ еще нарочно подозвалъ къ себѣ старшихъ начальствующихъ лицъ и, переговоривъ съ ними, шагомъ объѣхалъ весь резервъ. Сойдя съ коня, онъ приказалъ слѣдовать за собою (тоже пѣшкомъ) великому князю Николаю Николаевичу Младшему, Непокойчицкому, Левицкому, временно командующему 4-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Крылову, начальнику штаба корпуса полковнику Новицкому, Скобелеву-отцу, мнѣ и нѣсколькимъ своимъ адъютантамъ. Всей остальной свитѣ и конвою велѣлъ оставаться при резервѣ.

Великій Князь вмѣстѣ съ нами прошелъ пѣшкомъ впередъ шаговъ на пятьсотъ-шестьсотъ и, выбравъ удобное мѣстечко, усѣлся на травѣ наблюдать въ бинокль турецкія укрѣпленія и дѣйствія нашего лѣваго фланга (войска князя Имеретинскаго и Скобелева), отдѣленнаго отъ насъ глубокою, но довольно пологою лощиною. Ясно было видно, что самый ожесточенный огонь былъ направленъ именно противъ нашего лѣваго фланга, что и вполнѣ понятно: войска Скобелева всего ближе къ самому чувствительному мѣсту, т.-е. къ пути отступленія непріятеля. Гранаты такъ и летали мимо насъ и черезъ наши головы: большая часть ихъ разрывалась шагахъ въ 150—300 вправо и влѣво отъ насъ.

При этой обстановкѣ Новицкій читалъ Великому Князю проектъ диспозиціи штурма на 30-е августа: великій князь Младшій, Непокойчицкій, Левицкій, Крыловъ, я и адъютантъ Великаго Князя Скалонъ слушали. Великому Князю очень не понравилось, что штурмъ назначенъ такъ поздно—въ четыре часа дня. Новицкій объяснялъ, что это предположено съ умысломъ: легче будетъ удержать за собою занятыя позиціи, когда смеркнется. Великій Князь велѣлъ, однако, назначить часомъ раньше—въ три часа. Но и это слишкомъ поздно. Впрочемъ, главный недостатокъ диспозиціи не

въ этомъ, а въ назначеніи общей атаки по всему южному фронту, и сверхъ того—на Гривицкій редутъ. При предварительномъ обсужденіи было рѣшено вести главную атаку только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, т.-е. бить въ самое чувствительное мѣсто. Несмотря на это рѣшеніе, не разъ повторенное (еще вчера былъ объ этомъ разговоръ у Великаго Князя съ Зотовымъ), въ диспозиціи назначена общая атака, и ни Великій Князь, ни Непокойчицкій ничего противъ этого не возразили. Слѣдовательно—такъ это и сдѣлается.

Не знаю, по своему ли убѣжденію Зотовъ съ Новицкимъ провели въ диспозицію эту несчастную идею, или же поддались вліянію Левицкаго. Склоненъ думать послѣднее, и вотъ на какомъ основаніи. Вчера Левицкій, по приказанію Великаго Князя, ѣздилъ въ отрядъ Скобелева и, вернувшись оттуда, доложилъ буквально слѣдующее [1]):

«Турки не могутъ отдать тѣ высоты, которыя приходится атаковать Скобелеву, потому что съ нихъ обстрѣливается и городъ Плевна, и весь турецкій укрѣпленный лагерь, въ которомъ стоитъ ихъ резервъ. Атака этихъ высотъ поведетъ къ самому кровопролитному бою: не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзій на этотъ счетъ».

По здравому смыслу казалось бы, что именно поэтому и слѣдуетъ употребить всѣ усилія на овладѣніе этими высотами, ограничиваясь на остальныхъ пунктахъ канонадою и демонстраціями. Но Левицкій вчера же сдѣлалъ неожиданный выводъ: надо сперва овладѣть укрѣпленіями южнаго фронта, а затѣмъ уже атаковать участокъ турецкой позиціи противъ Скобелева. На него тогда напали и Великій Князь, и Непокойчицкій, и Зотовъ; а когда послѣдній сгоряча сказалъ: «да вѣдь это смысла не имѣетъ!»—тогда Великій Князь отвелъ всѣхъ троихъ въ сторону, и я не знаю, чѣмъ вчера кончился этотъ разговоръ.

Утвердивъ злополучную диспозицію, Великій Князь, наконецъ, всталъ. Мы всѣ сѣли верхомъ и поѣхали обратно, причемъ Великій Князь приказалъ ѣхать за нимъ только Непокойчицкому, Ле-

[1]) Слова эти я немедленно записалъ, и потомъ совѣтовалъ Левицкому отказаться отъ нихъ, на что онъ, однако, не согласился.

вицкому, Струкову, мнѣ и дежурному ординарцу, а всей остальной свитѣ съ лейбъ-казачьимъ эскадрономъ—въ отдаленіи, правѣе, скрываясь лощинами. На осадной батареѣ, между Радишевомъ и Гривицей, Великій Князь остановился на нѣкоторое время для наблюденія за выстрѣлами и разговаривалъ съ начальникомъ осадной артиллеріи. Грохотъ отъ нашего и турецкаго артиллерійскаго огня былъ такой, что мы едва слышали другъ друга, стоя рядомъ.

Съ этой батареи направились кратчайшимъ путемъ на «холмъ завтраковъ», и по пути туда, около двухъ часовъ дня, съѣхались съ Государемъ, который уже давно искалъ Великаго Князя, и теперь ѣхалъ вторично ему на встрѣчу. Государь съ видимымъ удовольствіемъ разсказалъ Великому Князю, что во время своихъ поисковъ вмѣстѣ со свитою уже попалъ подъ огонь, изъ-подъ котораго «отступилъ въ полномъ порядкѣ, какъ гвардія подъ Аустерлицемъ».

Вечеромъ вернулись на ночлегъ въ Порадимъ. Я опять ночевалъ на землѣ подъ навѣсомъ телеграфной станціи.

Сегодня прибылъ на подкрѣпленіе 9-й пѣхотный Старо-Ингерманландскій полкъ съ одною батареею. Другой полкъ той же бригады, 10-й пѣхотный Новоингерманландскій, прямо съ переправы былъ направленъ на подкрѣпленіе къ Цесаревичу. 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи прибыла гораздо раньше, успѣла принять участіе во взятіи Ловчи 22-го августа и тамъ осталась.

4-е сентября, воскресенье, утромъ.—Только-что возвратились изъ Порадима въ Раденицу, и лишь теперь могу возобновить свой дневникъ по сокращеннымъ замѣткамъ моей полевой записной книжки.

Весь день 30-го августа былъ пасмурный, холодный и унылый. Съ утра моросилъ мелкій дождь и стоялъ такой густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Пріѣхавъ на «холмъ завтраковъ» въ 11-мъ часу утра, мы только слышали жесточайшую пальбу, да по временамъ видѣли мелькающіе въ туманѣ огоньки выстрѣловъ. Въ 11½ час. утра прибылъ нашъ многострадальный царственный имениникъ, съ выраженіемъ глу-

бокой печали на кроткомъ челѣ. Ровно въ 12 час. дня начался молебенъ въ заранѣе поставленномъ церковномъ шатрѣ. Никогда не забуду этого торжественнаго богослуженія при неумолкаемомъ грохотѣ пушекъ и трескотнѣ ружей. На всѣхъ лицахъ было написано глубокое сознаніе трагической серьезности настоящаго дня и тяжелое раздумье въ ожиданіи штурма. Не было столь обыкновенной болтовни шопотомъ въ свитѣ, какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ на торжественныхъ молебнахъ въ царскіе дни; всѣ молились безмолвно и сосредоточенно. Государь молился особенно горячо: слезы такъ и струились по его печальному лицу. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвела на меня молитва съ колѣнопреклоненіемъ, прочитанная духовникомъ Государя. Упоминая о тяжкихъ испытаніяхъ, выпавшихъ на долю вѣнценоснаго вождя русской земли, и о томъ, что имъ все еще не предвидится конца, — священникъ молилъ Бога дать ему силы выпить чашу страданій до дна, съ вѣрою, надеждою и покорностью волѣ Божіей, ибо только претерпѣвшій до конца спасется. Никогда я еще не слышалъ, чтобы молитва священника до такой степени исходила изъ глубины взволнованной души, чтобы голосъ звучалъ такою скорбною, искреннею мольбою и вѣрою. Думаю, что эта молитва должна была потрясти самыя огрубѣлыя сердца.

Во время этого молебна я въ первый разъ *вполнѣ* понялъ всю глубину трагизма положенія Государя. Мнѣ стало ясно, что онъ дѣйствительно не можетъ не оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ему необходимо видѣть и слышать самому все, что здѣсь дѣлается: иначе нѣтъ и не можетъ быть ни минуты покоя его измученной душѣ. Онъ немощенъ физически и надорванъ душевно: онъ обманутъ въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, разочарованъ и огорченъ неудачами своихъ благороднѣйшихъ усилій на благо своего народа; онъ извѣрился въ людяхъ. И несмотря на это, какая величавая кротость и какое глубокое смиреніе! Вся Россія и все вокругъ него ропщетъ и ищетъ козловъ отпущенія за всѣ неудачи и разочарованія,—одинъ Государь ни на что не жалуется, никого не упрекаетъ и не винитъ, а только молится и плачетъ. Я наблюдалъ за нимъ весь день: видно было, что у него напряженъ каждый нервъ, что весь онъ обратился въ мучительное ожиданіе,

что въ его душѣ—смертная тоска. И несмотря на это—никому ни укоризны, ни даже недовольнаго взгляда.

Послѣ молебна былъ завтракъ на травѣ и подъ дождемъ. Государь на провозглашенный за его здоровье тостъ отвѣтилъ тостомъ за нашу храбрую армію.

Ровно въ 3 часа начался штурмъ. По всей линіи трещалъ непрерывный ружейный огонь. Долго не было никакихъ извѣстій: затѣмъ стали приходить одно за другимъ извѣстія (все на словахъ, съ ординарцами) объ отбитыхъ атакахъ. Нѣкоторыя извѣстія были такъ сбивчивы и противорѣчивы, что возбуждали полное сомнѣніе. Такъ продолжалось до наступленія темноты. Наконецъ, въ $6^1/_2$ часовъ вечера какой-то казачій офицеръ пріѣхалъ съ донесеніемъ, что масса турецкой конницы вышла изъ-за укрѣпленій и направилась по дорогѣ на Булгарени, т. е. прямо на насъ. Извѣстіе это было—очевидно неправдоподобно, но Великій Князь воспользовался имъ, какъ предлогомъ, чтобы просить Государя уѣхать. Удрученный Государь согласился и поѣхалъ со своею свитою въ Радeницу. На другой день мы узнали, что ему пришлось быть четыре часа въ пути: по причинѣ непрогляднаго мрака, ѣхали шагомъ, едва находя дорогу.

Великій Князь, въ виду совершенно неразъясненнаго положенія дѣлъ, рѣшилъ остаться ночевать на полѣ сраженія и тотчасъ по отъѣздѣ Государя послалъ въ Порадимъ за кухоннымъ своимъ обозомъ. Обозъ пришелъ только послѣ 11 часовъ вечера. До тѣхъ поръ мы всѣ бродили взадъ и впередъ въ темной, сырой мглѣ, подъ мелко-сѣявшимъ дождемъ. Для охраненія мѣстопребыванія главнокомандующаго былъ выдвинутъ въ сторожевую цѣпь эскадронъ лейбъ-казаковъ и придвинутъ изъ резерва одинъ баталіонъ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка. Въ 7-мъ часу вечера было получено извѣстіе о полной неудачѣ второй атаки 4-го корпуса и объ огромныхъ потеряхъ въ отрядѣ Скобелева. Около 8 часовъ вечера флигель-адъютантъ полковникъ Чингисъ-Ханъ привезъ извѣстіе о взятіи Гривицкаго редута Архангелогородскимъ и Вологодскимъ полками, въ $6^1/_2$ часовъ вечера. Великій Князь послалъ генерала Струкова провѣрить,—и когда это единственно-утѣшительное извѣстіе подтвердилось, — тотчасъ же отправилъ одного изъ

своихъ адъютантовъ (или ординарцевъ) доложить Государю. Потомъ узнали, что посланный проплуталъ всю ночь и прибылъ къ Государю только 31-го утромъ.

Чтобы сколько-нибудь согрѣться, мы развели костеръ изъ кукурузной соломы и развлекались поддерживаніемъ огня.

Около 12-ти часовъ ночи поужинали холодною закускою, какая нашлась въ великокняжескомъ обозѣ, согрѣлись водкою и чаемъ и стали подумывать, какъ бы поудобнѣе устроиться на ночь. Великіе князья и Непокойчицкій сѣли спать въ свои коляски, остальные свернулись на травѣ у костра, а меня пріютила редакція «Летучаго Листка», т.-е.—Всеволодъ Крестовскій пригласилъ меня въ свою повозку, которая необъяснимо очутилась у него подъ рукой. Ухитрились помѣститься въ нее втроемъ: я въ середку, а Крестовскій и нашъ драгоманъ Макѣевъ [1])—по бокамъ. Накрылись брезентомъ и заснули. Около 5-ти часовъ утра я проснулся отъ ощущенія онѣмѣнія всей правой стороны тѣла и хотѣлъ перевернуться на лѣвый бокъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Я былъ такъ стиснутъ сосѣдями, что шевельнуться не могъ, а они оба крѣпко спали. Пришлось ждать ихъ пробужденія до 6-ти часовъ утра.

31 августа, среда.—Опять было сыро и холодно. Пальба возобновилась съ ранняго утра. Первое сегодняшнее донесеніе было непріятное: будто бы турки выбили нашихъ изъ Гривицкаго редута. Великій Князь тотчасъ же послалъ туда Левицкаго, приказавъ ему выбрать позади Гривицы позицію, расположить на ней два баталіона съ батареею и принять на себя отступающія изъ Гривицкаго редута войска. Но къ 9-ти часамъ утра Левицкій вернулся и донесъ, что извѣстіе ложно, что наши держатся во взятомъ редутѣ крѣпко, но артиллеріи тамъ нѣтъ: ночью ее поставить не успѣли, а теперь—немыслимо, ибо турки съ разсвѣта обстрѣливаютъ редутъ перекрестнымъ огнемъ. Да артиллерію тамъ негдѣ

[1]) Онъ былъ драгоманомъ нашего посольства въ Константинополѣ и, по отъѣздѣ его оттуда, назначенъ тѣмъ же званіемъ въ дипломатическую канцелярію главнокомандующаго.

и помѣстить: редутъ малъ, внутреннее пространство стѣснено крестообразнымъ траверзомъ: весь онъ заваленъ мертвыми тѣлами и входъ только одинъ. Затѣмъ пришло утѣшительное извѣстіе о вчерашнемъ успѣхѣ Скобелева на крайнемъ лѣвомъ флангѣ: ему удалось взять три турецкихъ редута. Конечно, этотъ частный успѣхъ не могъ загладить общаго тяжелаго впечатлѣнія несомнѣнной неудачи вчерашняго штурма. Около 11-ти часовъ утра прибылъ Государь со свитою; мы подались нѣсколько впередъ и, остановившись на удобномъ возвышеніи, цѣлый день наблюдали въ бинокли за продолжавшимися на лѣвомъ флангѣ боемъ. Но по дальности разстоянія и за пороховымъ дымомъ, даже въ зрительную трубу трудно было разобрать, кто кого атакуетъ. Въ сущности, только дымъ и виденъ былъ вполнѣ явственно. Извѣстія, краткія и смутныя, приходили рѣдко. Безпрерывно посылаемые къ Скобелеву ординарцы возвращались черезъ 4 — 5 часовъ, ибо должны были сдѣлать верхомъ около 30 верстъ туда и обратно (за невозможностью ѣхать по кратчайшему направленію) и, разумѣется, привозили извѣстія совершенно устарѣлыя. Зотовъ и Новицкій весь день опять находились при главной квартирѣ: уѣзжали только на часъ времени, и то лишь затѣмъ, чтобы отмѣнить распоряженіе командовавшаго 4-мъ корпусомъ, Крылова, о посылкѣ подкрѣпленій Скобелеву. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда донесеній, привозимыхъ ординарцами, о необходимости подкрѣпленій — разрѣшено было послать ему Шуйскій пѣхотный полкъ. Но полкъ этотъ прибылъ такъ поздно (да и не могъ прибыть раньше), что пригодился лишь для прикрытія отступленія.

Для характеристики получавшихся сегодня донесеній и посылаемыхъ приказаній привожу содержаніе сохранившихся записокъ, писанныхъ карандашомъ, на клочкахъ бумаги:

Вчерашнія:

1) Отъ князя Имеретинскаго генералу Зотову: «Скобелевъ проситъ доложить: высоты и два редута взялъ послѣ упорнаго боя. Проситъ резервовъ. У меня ихъ нѣтъ, все введено въ бой, остались мелкія части, которыя приводятся въ порядокъ. Скобелевъ продержится до утра, но проситъ подкрѣпленій».

2) Отвѣтъ Зотова князю Имеретинскому: «Резервовъ нѣтъ.

Держитесь вашими войсками, такъ какъ резервъ, имѣющійся подъ вашимъ начальствомъ, сильнѣе главнаго».

3) Отъ Зотова князю Имеретинскому (послано вчера, 30-го, въ 7 часовъ 40 минутъ вечера): «Передайте Скобелеву приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго оставаться на занятыхъ позиціяхъ и укрѣпиться на нихъ».

Сегодняшнія, отъ 31 августа:

4) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: «Непріятель въ весьма значительныхъ силахъ обходитъ нашъ лѣвый флангъ. Весь резервъ истощенъ, осталась только кавалерія».

5) Отъ него же: «Генералъ Скобелевъ проситъ прислать ему въ помощь бригаду. Иначе не ручается за удержаніе трехъ взятыхъ имъ редутовъ. Лѣвый флангъ охраняю одною кавалеріей. Послѣдній солдатъ введенъ въ дѣло».

6) Отвѣтъ Зотова: «Скажите Скобелеву, чтобъ укрѣпился на занятой позиціи и держался до невозможности. Разсчитывать на подкрѣпленіе сегодня нельзя».

7) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: «Скобелевъ сообщаетъ: турки, послѣ второй ихъ атаки, отброшены въ свои ложементы, и онъ отступаетъ въ полномъ порядкѣ. Сейчасъ прибылъ капитанъ Болла [1]) и передалъ Скобелеву записку».

8) Отъ него же, отъ 4-хъ часовъ пополудни (на всѣхъ вышеприведенныхъ запискахъ часы не отмѣчены): «Скобелевъ доноситъ: его выбили изъ укрѣпленій. Непріятель наступаетъ. Скобелевъ отступаетъ, прикрываясь Шуйскимъ полкомъ».

Такимъ образомъ, поздно вечеромъ выяснилось, что геройскія усилія Скобелева на лѣвомъ флангѣ остались безплодными. А между тѣмъ, если бы вчера не было совершенно ненужныхъ атакъ на смежномъ съ нимъ южномъ фронтѣ, то сохранившимися свѣжими и сосѣдними войсками можно было бы поддержать Скобелева и отстоять занятую имъ позицію. А удержаться на ней—значило бы заставить турокъ уйти изъ Плевны за р. Видъ, ибо пребываніе

[1]) Австрійскій капитанъ генеральнаго штаба, состоящій при нашей главной квартирѣ. Онъ самъ просился съѣздить къ Скобелеву.

ихъ въ Плевнѣ сдѣлалось бы нестерпимо. Тогда и вчерашняя неудача была бы отчасти заглажена.

Незадолго до наступленія темноты случился слѣдующій любопытный эпизодъ. Генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, черногорскій воевода Станко-Радоничъ, полковники Вульфертъ (бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича, братъ жены М. Г. Черняева) и Артамоновъ (штабъ-офицеръ надъ вожатыми при штабѣ арміи), изъ любопытства, поѣхали смотрѣть взятый наканунѣ Гривицкій редутъ. Пока они тамъ были, Вульфертъ неосторожно высунулся изъ-за бруствера и былъ раненъ пулею въ лѣвую лопатку, немного повыше того мѣста, въ которое былъ уже однажды раненъ въ Туркестанѣ. Князь Суворовъ, возвратившись изъ редута уже только втроемъ, разсказалъ объ этомъ Государю, выражая удовольствіе, что находился подъ столь близкимъ огнемъ. Но Государь ему очень серьезно отвѣтилъ по-французски: «Совершенно не къ чему вамъ было туда ѣздить». Князь Суворовъ, вѣроятно желая исправить впечатлѣніе, съ улыбкою возразилъ по-французски же: «Я такъ и зналъ, что вы назовете меня старымъ дуракомъ». Но Государь еще серьезнѣе (хотя и ласково) отвѣтилъ: «Повторяю, что вы совершенно напрасно туда ѣздили. Въ вашихъ лѣтахъ, чинѣ и положеніи вы не имѣете права столь легкомысленно рисковать жизнью. Въ молодости вы достаточно доказали свою храбрость и не имѣете ни малѣйшей надобности теперь доказывать, что вы не боитесь пуль». Разумѣется, послѣ этого князь Суворовъ умолкъ.

Съ наступленіемъ темноты Государь вернулся въ Радeницу, а Великій Князь со своею свитою — въ Порадимъ. Поздно вечеромъ тамъ пообѣдали. Ночлегъ на землѣ подъ навѣсомъ около телеграфной станціи показался роскошнымъ.

1 сентября, четвергъ.—Утромъ, въ Порадимѣ, было предварительное совѣщаніе у Великаго Князя съ Непокойчицкимъ, княземъ Масальскимъ и Зотовымъ; Левицкій приглашенъ не былъ. Я воспользовался его упадкомъ духа по этому случаю, чтобы уговорить его быть спокойнѣе, бодрѣе и всѣми силами противодѣйствовать весьма возможнымъ предложеніямъ отступить отъ Плевны, отъ

кого бы такія предложенія ни исходили. Уже вчера я слышалъ клонящіеся къ этому толки въ свитѣ, и весьма безпокоился, что можетъ начаться опасная агитація на эту тему. Къ счастью, мнѣ удалось подѣйствовать на Левицкаго: онъ былъ податливѣе, чувствуя, что довѣріе свыше къ нему поколеблено.

По окончаніи упомянутаго совѣщанія, опять отправились подъ Плевну. Погода была великолѣпная. Съ нашей стороны продолжалось обстрѣливаніе Плевны, но турки на нашъ огонь не отвѣчали. Это вызвало самыя разнообразныя недоумѣнія и догадки. Но никакой развѣдки произведено не было, и причина молчанія турокъ такъ и осталась неразъясненною.

Государь пріѣхалъ въ 12-мъ часу дня, а въ 3 часа состоялся, на полѣ сраженія, военный совѣтъ подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣтѣ участвовали военный министръ, Великій Князь главнокомандующій, князь Карлъ Румынскій, Непокойчицкій, князь Масальскій, Зотовъ, Левицкій. Шла рѣчь о томъ, не бросить ли совсѣмъ Плевну и отступить, давъ войскамъ полный отдыхъ и отложивъ наступательныя дѣйствія до прибытія гвардіи. Большинство уклонялось высказаться рѣшительно. Одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркнетъ и преувеличитъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери, нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: не даромъ же они сегодня молчатъ,— очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ. Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи — вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выжидать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою.

Государь согласился съ мнѣніемъ Левицкаго и повелѣлъ оставаться и укрѣпиться на занимаемыхъ позиціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что для непосредственнаго начальствованія надъ

всѣми войсками подъ Плевною вызываетъ изъ Петербурга генералъ-адъютанта Тотлебена. Это назначеніе сдѣлано по мысли военнаго министра: Великому Князю оно не совсѣмъ по душѣ, такъ какъ онъ Тотлебену не симпатизируетъ.

Къ вечеру вернулись въ Порадимъ. Я попросилъ разрѣшенія Великаго Князя съѣздить въ Раденицу, гдѣ остались всѣ мои вещи: необходимо, наконецъ, перемѣнить бѣлье и совершенно разлѣзавшіеся сапоги. Тамъ я и остался ночевать.

2 сентября, пятница.—Утромъ, вернувшись изъ Раденицы въ Порадимъ, не засталъ уже тамъ Великаго Князя: онъ съ ранняго утра отправился подъ Плевну объѣзжать войска. Такъ я, къ сожалѣнію, и не былъ при этомъ объѣздѣ.

Великій Князь вернулся къ обѣду, видимо недовольный нераспорядительностью и бездѣйствіемъ Зотова. Видѣлся со Скобелевымъ, котораго еще вчера велѣлъ вызвать на большую осадную батарею къ 9 ч. сегодняшняго утра: его благодарилъ. Турки опять ничего не предпринимали и на наши выстрѣлы не отвѣчали, но противъ Скобелева усиленно окапываются. А намъ и окопаться почти нечѣмъ; въ шанцевомъ инструментѣ большой недостатокъ: даже запаса простыхъ лопатъ вовсе нѣтъ, и несмотря на то—никто объ этомъ даже ничего не заявляетъ. Румыны давно уже и очень аккуратно, даже красиво окопались, а мы—нѣтъ.

Командиръ 9-го корпуса, баронъ Криденеръ, кажется, совсѣмъ выжилъ изъ ума. Весь его штабъ, оскорбленный его исключительнымъ довѣріемъ къ прусскимъ офицерамъ, графу фонъ-Веделлю и ф.-Вильому (оба — маіоры генеральнаго штаба), устранился отъ него и избѣгаетъ ходить къ нему даже обѣдать. Разсказывалъ иностраннымъ корреспондентамъ, что онъ не виноватъ въ неудачѣ атаки 18-го августа, такъ какъ ему приказано было атаковать во что бы то ни стало, несмотря на то, что онъ находилъ это невозможнымъ. Во время боя 26—31 августа вслухъ критиковалъ всѣ распоряженія свыше, обращаясь къ иностраннымъ офицерамъ. Присутствовавшій при этомъ капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба фонъ-Болла самъ мнѣ говорилъ, что удивляется, какъ это Криденера до сихъ поръ не устранили отъ должности.

Мало того: 31-го августа сказалъ иностраннымъ офицерамъ: «Dass Plewna nicht genommen ist — ist mir die grösste Genugthugung».

Великому князю это извѣстно, и все-таки онъ настолько добродушенъ, что не привлекаетъ старика къ отвѣтственности.

3 сентября, суббота, Порадимъ.—Великій Князь ѣздилъ къ Государю въ Раденицу и вернулся почему-то съ весьма довольнымъ видомъ. Непокойчицкій не ѣздилъ съ нимъ по нездоровью.

Я сидѣлъ цѣлый день за составленіемъ общей реляціи, телеграммъ и списковъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ.

4 сентября, въ воскресенье, мы переѣхали изъ Порадима въ Раденицу. Великій Князь ѣздилъ осматривать румынскія позиціи и войска, а мнѣ велѣлъ остаться и кончать срочную работу.

Вчера Великій Князь получилъ телеграмму отъ Тотлебена изъ Петербурга: выѣзжаетъ 6-го сентября.

5 сентября мы возвратились въ Горный-Студень послѣ 16-тидневнаго отсутствія.

8 сентября, четвергъ.—Холодъ и дождь. Левицкаго третій день нѣтъ: Великій Князь послалъ его къ Цесаревичу условиться насчетъ образа дѣйствій въ случаѣ новаго наступленія Мехмета-Али-паши. Опасаюсь, какъ бы Левицкій что-нибудь тамъ не напуталъ: Великій Князь сознался Скалону наединѣ, что идея одновременной атаки, проведенная въ диспозиціи на 30-е августа, была навѣяна Левицкимъ, а Зотовъ съ Новицкимъ только приняли ее, какъ внушеніе свыше.

Но если бы одинъ человѣкъ все портилъ, это было бы полгоря, и притомъ легко устранимаго. Настоящая бѣда въ томъ, что куда ни повернись — вездѣ недомысліе и безпомощность. Чрезвычайно характерно, что послѣ каждаго крупнаго сраженія—начальствующія лица на нѣсколько дней складываютъ руки. И не только ничего не дѣлаютъ, но даже перестаютъ думать и заботиться о будущемъ, а нѣкоторые даже уѣзжаютъ отдыхать,—точно смотръ отбыли.

Со дня послѣдняго объѣзда Великимъ Княземъ плевнинскихъ

позицій, т.-е. съ 4-го сентября—никакихъ свѣдѣній о томъ, что тамъ дѣлается. Вчера удалось наконецъ настоять на отправкѣ Зотову телеграммы съ предписаніемъ доставлять точный отчетъ за каждый день.

Очень грустно, что между Великимъ Княземъ и военнымъ министромъ установились непріятныя отношенія, и что Великій Князь не даетъ себѣ труда ихъ скрывать. Онъ уже раньше мнѣ разсказывалъ о возникшемъ между ними взаимномъ неудовольствіи. Началось съ того, что Великій Князь первый сталъ упрекать военнаго министра за то, что онъ не давалъ ему своевременно подкрѣпленій, когда онъ объ этомъ нѣсколько разъ просилъ. Еще осенью 1876 года въ Ливадіи онъ заявлялъ, что четырехъ корпусовъ для завоеванія Турціи мало, но тогда не настаивалъ. Затѣмъ онъ заявлялъ о необходимости усилить армію изъ Кишинева, Плоэшти и Тырнова, и каждый разъ его просьбы отклонялись. Только послѣ неудачи 18 іюля, когда самъ Государь призналъ необходимымъ вытребовать подкрѣпленія, военный министръ перестал возражать.

Когда именно Великій Князь высказалъ ему эти упреки прямо, онъ не говорилъ, но, вѣроятно, послѣ неудачи штурма 30-го августа. Въ отвѣтъ на это, по словамъ Великаго Князя, военный министръ сталъ критиковать подробности исполненія плана военныхъ дѣйствій, организацію полевого управленія и дѣйствія отдѣльныхъ его органовъ. Эти взаимные укоры повели, разумѣется, къ обоюдному раздраженію, которое питается и усиливается ежедневными встрѣчами и полемическими бесѣдами у Государя. А теперь, съ наступленіемъ затишья въ дѣйствіяхъ и особенно съ возвращеніемъ въ Горный-Студень—у обоихъ, къ сожалѣнію, имѣется слишкомъ достаточный досугъ для междоусобныхъ разговоровъ.

Дошло уже до того, что третьяго дня, 6-го сентября, Великій Князь за обѣдомъ громко говорилъ: «Военный министръ теперь упрекаетъ меня за то, что 30-го августа штурмовали Плевну, а между тѣмъ во время обстрѣливанія самъ говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, надо штурмовать. А когда я ему это напомнилъ, онъ отказался отъ своихъ словъ».

Мнѣ всегда слышны всѣ его разговоры за столомъ, ибо сижу

очень близко наискосокъ. Около Великаго Князя сидятъ Непокойчицкій и князь Масальскій, рядомъ съ Непокойчицкимъ князь Черкасскій, а противъ него—всегда я, между Скалономъ и Коссинскимъ.

Вернулся изъ Сербіи ѣздившій туда съ секретнымъ порученіемъ князь Цертелевъ и привезъ извѣстіе, что сербы совершенно неготовы къ войнѣ, а когда приготовятся, то будутъ выжидать и не тронутся съ мѣста, пока имъ не скажутъ, что пора. А сказать это можно лишь по достиженіи нами какого-нибудь крупнаго результата, напр. взятія Плевны.

10 сентября, суббота.—Жаркій и душный день: не менѣе 25^0 въ тѣни. Левицкій вернулся изъ рущукскаго отряда.

О Наполеонѣ I-мъ говорятъ, что онъ былъ великимъ мастеромъ являться на рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту—*сильнѣе* противника. Мы же изобрѣли искусство быть въ подобныхъ же случаяхъ всегда *слабѣе.* Теперь приближается отборное войско—гвардія. Но это не поможетъ, если мы будемъ продолжать разбрасываться, какъ дѣлали до сихъ поръ. Да, кстати сказать, у меня лично вовсе нѣтъ убѣжденія въ превосходствѣ гвардіи надъ арміей: наши армейцы—такіе молодцы, что гвардіи ихъ не перещеголять. И ужъ во всякомъ случаѣ не въ умѣньи безропотно выносить какія угодно невзгоды. Гвардія—избалованное любимое дѣтище Государя—никогда не сравняется съ арміей въ этомъ отношеніи.

Войска наши превосходны, но начальники оставляютъ слишкомъ многаго желать. Приведу рядъ примѣровъ.

1) Зотовъ на военномъ совѣтѣ 1-го сентября [1]) «энергически» высказывался за необходимость отступленія. Рѣшено было остаться на занимаемыхъ мѣстахъ, а ему приказано укрѣпиться. Такъ какъ это рѣшеніе было ему не понутру, то онъ протестовалъ противъ него бездѣйствіемъ. До 9-го сентября отъ него не было никакихъ извѣстій. На запросъ и предписаніе по телеграфу (см. выше, 8 сентября) онъ вчера отвѣтилъ, что объѣхалъ всѣ

[1]) Не знаю ничего хуже «военныхъ совѣтовъ». Все равно, что консиліумъ докторовъ у смертнаго одра.

позиціи и нашелъ, что «оборонительныя работы еще далеки до окончанія». Помѣшали «твердость грунта», «недостатокъ лопатъ» (ихъ у него 7.000) и «дождь 8-го сентября».

Въ переводѣ на общепонятный языкъ это значитъ, что со дня послѣдняго объѣзда Великаго Князя, Зотовъ не только ничего не дѣлалъ, но даже не объѣзжалъ войска. А вѣдь случись какая-нибудь новая неудача — онъ непремѣнно скажетъ, какъ Криденеръ, что это оттого, что его совѣтовъ не послушали.

2) На Плевно-Софійскомъ шоссе собрано девять кавалерійскихъ полковъ для прегражденія сообщеній Османа-паши съ Софіей. Зотовъ, телеграммою отъ 9-го сентября, донесъ, что *въ трехъ часахъ пути* (!) отъ Плевны находится Сулейманъ-паша (!) съ 40 таборами. Какъ не стыдно передавать безъ всякой провѣрки извѣстіе, столь очевидно нелѣпое! И при этомъ — ни слова о томъ, распорядился ли онъ повѣрить это извѣстіе. Конечно, оно оказалось вздорнымъ. Но подкрѣпленія изъ Софіи дѣйствительно вышли и къ Плевнѣ идутъ, а гдѣ они находятся— этого наша кавалерія сама не развѣдала, а Зотову не пришло въ голову самому ей приказать узнать.

Все это благополучно сходитъ съ рукъ. Чувство отвѣтственности совершенно отсутствуетъ у многихъ начальствующихъ лицъ.

3) Генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, будучи начальникомъ ловче-сельвинскаго отряда, находился въ полномъ бездѣйствіи. Когда, во время августовскихъ атакъ Сулеймана на Шипку, весь его отрядъ былъ притянутъ туда на подкрѣпленіе и изъ его 9-й пѣхотной дивизіи не осталось ни одного человѣка, а на смѣну ему пришелъ князь Имеретинскій со Скобелевымъ— Святополкъ-Мирскій, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ своей дивизіи на Шипку, объявилъ себя ихъ начальникомъ, ссылаясь на то, что не получилъ предписанія сдавать начальство надъ сельви-ловчинскимъ отрядомъ. И это осталось безъ вниманія: ограничились лишь предписаніемъ Радецкому немедленно вытребовать князя Мирскаго изъ Сельви, чтобы онъ вступилъ въ командованіе своею дивизіей.

4) Работа въ полевомъ штабѣ арміи совсѣмъ не организована. Часть генеральнаго штаба Левицкій не съумѣлъ устроить ни до, ни во время кампаніи. Правильно-организованной работы не

было и нѣтъ. Сверхъ того, вооруживъ почти всѣхъ начальствующихъ лицъ и офицеровъ генеральнаго штаба противъ себя еще во время кишиневскаго сидѣнія своею запальчивою безтактностью и раздражающею требовательностью (хотя часто онъ и бывалъ совершенно правъ въ своихъ требованіяхъ) — онъ этимъ самымъ обрекъ самого себя на роль козла отпущенія. И дѣйствительно, какъ только начались неудачи, сейчасъ же всѣ и всюду объявили Левицкаго главнымъ ихъ виновникомъ. И всеобщее озлобленіе противъ него все ростетъ и распространяется. Военная репутація его уже теперь подорвана въ корнѣ. Великій Князь пересталъ ему довѣрять и терпитъ его лишь по своему безграничному добродушію.

Инспекторская и хозяйственная часть штаба находится въ рукахъ буквоѣда Кучевскаго, вывезеннаго Непокойчицкимъ въ армію изъ военно-кодификаціоннаго комитета. Это настоящая канцелярская машина, мертвящая однимъ своимъ прикосновеніемъ всякое живое дѣло. Для него ни людей, ни военныхъ требованій нѣтъ, а только «входящія» и «исходящія». Условія спѣшности для него не существуютъ; условія работы военнаго времени — непонятны.

5) Главная квартира изумляетъ многочисленностью праздношатающихся дармоѣдовъ. Народу празднаго, слоняющагося по цѣлымъ днямъ безъ всякаго дѣла и занятаго однѣми сплетнями и пересудами — видимо-невидимо. Теперь дошло до того, что нѣкоторые развязные господа прикомандировываются къ главной квартирѣ самовольно. Пріѣдетъ изъ какого-нибудь отряда съ донесеніемъ или за приказаніями—и живетъ на великокняжескихъ хлѣбахъ по нѣскольку дней. Особенно если есть протекція у когонибудь изъ вліятельныхъ адъютантовъ или съумѣетъ къ кому-нибудь изъ нихъ примазаться; — тогда ему устраиваютъ оттяжку отъѣзда къ своему мѣсту подъ разными предлогами. А случается и такъ, что такого посланнаго просто забудутъ, а онъ нарочно о себѣ не напоминаетъ, ибо пріятнѣе болтаться безъ дѣла при главной квартирѣ, чѣмъ служить въ серьезъ. Одинъ гвардейскій офицеръ, напр., былъ командированъ изъ Петербурга еще въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими для формированія болгарской конницы. Такъ какъ изъ этого проекта ничего не вышло, то онъ остался въ распоряженіи Гурко, во время же забалканскаго

похода пристроился ординарцемъ къ одному изъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, въ составѣ его свиты вернулся изъ похода и—самовольно остается при главной квартирѣ до сего времени. То же самое продѣлалъ, только состоя при другомъ лицѣ, одинъ офицеръ кавказской казачьей бригады. Оба живутъ себѣ здѣсь, ничего не дѣлаютъ и къ своимъ полкамъ не ѣдутъ. И никому до этого дѣла нѣтъ; всѣ привыкли ихъ видѣть и не находятъ въ этомъ отлыниваніи отъ службы ничего противозаконнаго.

Еще хуже то, что состояніе «для порученій» и «въ распоряженіи» — предпочитается должностямъ команднымъ. Одинъ состоящій для порученій генералъ открыто и громко роптал на свое назначеніе бригаднымъ командиромъ, какъ на незаслуженную обиду: впрочемъ, отчасти онъ былъ правъ, такъ какъ это состоялось только для того, чтобы очистить его мѣсто для другого, только что произведеннаго генерала, пользующагося большимъ фаворомъ. Еще одинъ вновь произведенный генералъ старательно уклоняется отъ назначенія начальникомъ корпуснаго штаба: должность недостаточно видная, по его мнѣнію. Одинъ изъ состоящихъ при штабѣ полковниковъ (только что произведенный) испугался, когда ему предложили стрѣлковый баталіонъ и уклонился отъ этого назначенія.

На должности начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ окончательно нѣтъ охотниковъ изъ состава чиновъ главной квартиры, а между тѣмъ, многія вакансіи пустуютъ.

Да эти господа по-своему и правы: куда выгоднѣе ѣздить изъ главной квартиры на гастроли, чѣмъ принимать отвѣтственное, самостоятельное назначеніе. Это ужъ очень убѣдительно доказано цѣлою массою примѣровъ. Адъютанты, ординарцы, офицеры для порученій, посылавшіеся въ разные отряды въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, по возвращеніи сейчасъ же получали боевыя награды. Нѣкоторые имѣютъ уже по нѣскольку. Сколько у кого было наѣздовъ, столько и орденовъ съ мечами. А въ долгіе промежутки между такими командировками—полнѣйшій отдыхъ, дѣла никакого.

6) Императорская главная квартира тоже громадна. Чинамъ государевой свиты окончательно дѣлать нечего.

Теперь ждутъ Тотлебена и на него возлагаютъ всѣ надежды.

А въ ожиданіи — вездѣ сидятъ сложа руки. Сегодня вернулся изъ-подъ Плевны Гальяръ [1]) и на мой вопросъ: «Que fait-on là?»,— со свойственною ему горячностью отвѣчалъ: «On ne fait rien du tout: c'est honteux!» —Вотъ до чего мы себя довели! Иностранцы перестали стѣсняться и начинаютъ стыдить насъ въ глаза!

Причины нашихъ неудачъ—не въ частныхъ ошибкахъ, а гораздо глубже. Иначе не случилось бы одно и то же въ двухъ частяхъ свѣта. Въ Азіи—Зивинъ, здѣсь—Плевна. Еслибъ у насъ былъ внутренній порядокъ, то частныя пораженія послужили бы намъ наукою, а не повлекли бы за собой полный застой и общую неурядицу.

Хорошо еще, что мы воюемъ съ турками, которые не умѣютъ пользоваться нашими промахами и почти неспособны къ энергическому и толковому наступленію. Теперь у насъ вошло въ моду ихъ возвеличивать. А между тѣмъ — совсѣмъ не за что. Своими пассивными успѣхами они обязаны нашей распущенности и безпорядочности, а не своему искусству.

Какъ ни досадно, но все-таки не теряю надежды на конечный успѣхъ. Та же безпечность и безалаберность вывезетъ, какъ вывозила и въ прежнія войны. А главное — Николай-чудотворецъ, который всегда намъ помогалъ.

12 сентября, вторникъ.—Со вчерашняго дня—опять холодъ и почти безпрерывный дождь. Вчера Великій Князь очень былъ недоволенъ, получивъ телеграмму Зотова (въ отвѣтъ на свой запросъ: въ какомъ положеніи наши фортификаціонныя работы), что работы по укрѣпленію нашихъ позицій еще далеки отъ окончанія. Онъ немедленно самъ составилъ и послалъ Зотову слѣдующую телеграмму:

«Крайне удивленъ, что до сихъ поръ не исполнены мои приказанія и указанія объ укрѣпленіи позицій. Если что приказано, то должно быть исполнено во что бы то ни стало. Стыдно намъ, что румынскія работы подвигаются, а у насъ—ничего; употребите всѣ усилія, чтобы мои приказанія исполнялись. Если турки сдѣ-

[1]) Полковникъ, французскій военный агентъ.

лаютъ вылазку, вы должны отбить ихъ безусловно. Я сильно увѣренъ, что вы это исполните такъ же чисто, какъ то исполнили у Наслѣдника, подъ Чаиркіоемъ, бригада 32-й дивизіи, бригада 26-й дивизіи и Невскій полкъ подъ начальствомъ Татищева».

На совѣщаніи Государя съ Великимъ Княземъ окончательно рѣшено остаться на зиму въ Болгаріи, отнюдь не отводя войскъ на зимнія квартиры, за Дунай.

Но, въ связи съ этимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и мужественнымъ рѣшеніемъ, возникло и удостоилось одобренія нисколько не заслуживающее вниманія, совершенно фантастическое предположеніе: о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Болгаріи отъ Систова до Тырнова, съ вѣтвями вправо и влѣво, до мѣстъ расположенія плевнинскаго и рущукскаго отрядовъ.

Эта идея пущена въ обращеніе извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ Самуиломъ Поляковымъ, пріѣхавшимъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ главную квартиру изъ Румыніи, гдѣ онъ велъ переговоры о постройкѣ желѣзной дороги отъ Фратешти до Зимницы. Эта послѣдняя необходима и вполнѣ исполнима: объ этомъ слѣдовало подумать и распорядиться еще въ концѣ іюня, и тогда эта небольшая вѣтвь могла бы быть даже окончена къ осени. Но тогда, въ надеждѣ на быстрое окончаніе кампаніи, объ этомъ не думали, а теперь задумали постройку, которая можетъ быть *начата* развѣ только по окончаніи кампаніи. Несбыточные проекты Полякова благосклонно выслушиваются, а о замощеніи дороги къ зимницкой переправѣ и систовскаго подъема не думаютъ.

Должно быть, Поляковъ заручился какими-нибудь вѣскими рекомендаціями и въ Петербургѣ, и здѣсь. По крайней мѣрѣ, я не могу объяснить себѣ иначе тѣхъ серьезныхъ переговоровъ, которые завязаны съ нимъ по явно нестаточному предпріятію. Переговоры эти возложены на Левицкаго. Всѣ эти послѣдніе дни онъ былъ погруженъ въ разсчеты времени и стоимости постройки: то вмѣстѣ съ Поляковымъ, то одинъ. Я все думалъ, что рѣчь идетъ о вѣтви Фратешти—Зимница. Но когда я сегодня узналъ, что предположена стройка на театрѣ войны, то спросилъ Левицкаго, когда же, по его разсчету, эта желѣзная дорога будетъ готова?—

«Поляковъ говоритъ, что если проектъ будетъ утвержденъ немедленно, то—къ концу декабря».—И вы вѣрите этому? По моему, не раньше какъ черезъ годъ, а до тѣхъ поръ мы войну кончимъ. За что бросать на вѣтеръ казенные милліоны? — «Такъ приказано».— Зачѣмъ же вы взялись вести переговоры по спеціальному дѣлу, въ которомъ вы ничего не понимаете?—«Великій Князь мнѣ поручилъ, и я долженъ исполнить».—«А я бы, на вашемъ мѣстѣ, наотрѣзъ отказался. Причина очень уважительная: полное незнакомство съ дѣломъ». — «Я никогда не отказывался отъ исполненія того, что приказано: это—не въ моихъ правилахъ».—«Скажите, говорю: а у васъ есть какой-нибудь документъ, доказывающій, что это дѣло затѣяли не вы, а по приказанію свыше?»—«Нѣтъ, это все, пока, на словахъ». — «А какъ вы полагаете, кого вся Россія сдѣлаетъ отвѣтчикомъ, если эта нелѣпая концессія будетъ дана Полякову? Неужели вамъ мало той тяжкой отвѣтственности, которая лежитъ на васъ по должности, что вы берете еще на себя и эту? Вѣдь какъ только это предпріятіе будетъ разрѣшено и получитъ огласку— по всей Россіи пойдетъ вопль негодованія. И все цѣликомъ обрушится на васъ. Вѣдь Поляковъ возьмется за что угодно: онъ ничѣмъ не рискуетъ и никакой отвѣтственности не подлежитъ. Возьметъ милліонный задатокъ, начнетъ строить и будетъ доить казну. Обязательство окончить постройку къ условленному сроку ничего не стоитъ. Всегда найдутся уважительныя причины, по которымъ оно будетъ признано неисполнимымъ, а оформить уважительность непреодолимыхъ препятствій не будетъ стоить никакого труда. Но вѣдь по существу сразу видно, что вся эта затѣя—нахальное покушеніе воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы ограбить казну. Предложеніе Полякова и разбирать не стоитъ: прогнать его немедленно—и дѣлу конецъ».

Во время этого спора Левицкій сперва сердился, а подъ конецъ задумался. Но не прошло и часу, пришелъ Поляковъ, и снова началась у нихъ «дѣловая» бесѣда. И не только о болгарскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но еще о какихъ-то переносныхъ складныхъ баракахъ на двѣсти тысячъ человѣкъ, стоимостью всего на шесть милліоновъ рублей.

Слушая поневолѣ эти разговоры, я, наконецъ, задумался о

томъ, кто же изъ насъ съума сошелъ: я или тѣ, кто можетъ серьезно и горячо разсуждать о дѣлѣ явно-неосуществимомъ.

Левицкій вѣдь не одинъ вѣритъ въ возможность постройки желѣзной дороги въ два, три мѣсяца. Поляковъ, со свойственною всѣмъ дѣльцамъ ловкостью, уже съумѣлъ составить себѣ партію и въ Бухарестѣ, и у насъ. Его поддерживаютъ и прославляютъ его практическій умъ Раухъ, походный атаманъ Фокинъ, адъютантъ Великаго Князя Поповъ, состоящій при Непокойчицкомъ полковникъ Золотаревъ (служившій въ министерствѣ путей сообщенія при графѣ Бобринскомъ), помощникъ коменданта главной квартиры Поливановъ и многіе другіе. Пущена въ ходъ (конечно, со словъ самого Полякова) молва, что онъ готовъ сдѣлать для арміи все, что угодно, даже въ убытокъ себѣ, въ надеждѣ на баронскій титулъ (Владиміръ на шеѣ у него уже есть). И этой выдумкѣ охотно вѣрятъ. Ему устроили даже приглашеніе завтракать и обѣдать за столомъ Великаго Князя.

А Поляковъ и барономъ будетъ, и милліоны изъ казны вытянетъ и всѣхъ своихъ сочувственниковъ обратитъ въ своихъ покорнѣйшихъ слугъ. Только дай ему волю да припусти къ концессіи.

Чуя во мнѣ принципіальнаго врага, онъ настойчиво старается со мною сблизиться, усиленно раскланивается и ласково заговариваетъ при каждой встрѣчѣ, но я ограничиваюсь холодно-вѣжливыми, односложными отвѣтами.

14 сентября, среда.—Сегодня третій день холодъ и дождь: грязь ужасная. Многіе простудились и хвораютъ. Я совершенно здоровъ, но зябну, ничего теплаго у меня нѣтъ.

Сегодня, по приказанію Великаго Князя, изгналъ изъ арміи корреспондента газеты «Standart» Фредерика Бойля, рекомендованнаго англійскимъ гувернеромъ августѣйшихъ дѣтей, Митчиномъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Вчера Государь получилъ изъ Лондона отъ графа Шувалова письмо съ приложеніемъ нумера газеты «Standart», въ которомъ напечатана корреспонденція Бойля изъ Порадима отъ 12 (24) августа. Во-первыхъ, онъ разсказываетъ расположеніе нашихъ войскъ и укрѣпленій, а во-вторыхъ, съ ехиднымъ злорадствомъ отзывается о нашей арміи. Между прочимъ,

говоритъ, что «прошли безвозвратно тѣ времена, когда армія готова была умереть за царя: теперь въ средѣ ея — болѣзни, недостатки, неудовольствіе и ропотъ. Какъ бы я смѣялся, еслибъ меня самого не трепала лихорадка!»...

Государь, прочитавъ корреспонденцію, прислалъ ее къ Великому Князю, который тотчасъ послалъ за Нелидовымъ и мною и приказалъ мнѣ немедленно изгнать Бойля изъ арміи съ возможно большимъ скандаломъ и огласкою. Это было вчера вечеромъ. Такъ какъ Бойль очень кстати только-что вчера вернулся изъ-подъ Плевны въ главную квартиру, то я немедленно послалъ его разыскивать, но, конечно, его ночью не нашли, а сегодня утромъ помощникъ коменданта, полковникъ Поливановъ, привелъ его ко мнѣ. Вотъ, вкратцѣ, нашъ разговоръ (по-французски): — Великому Князю угодно знать, ваша ли это статья? — Бойль сразу сконфузился. «Кажется, моя. Да, моя». — Не кажется ли вамъ, что вотъ это мѣсто (отчеркнутое синимъ карандашомъ) составляетъ нарушеніе того обязательства, которое вы на себя приняли подъ честнымъ словомъ? — «Позвольте мнѣ прочесть». Прочитавши, отвѣчаетъ: «Но вѣдь это статья отъ 12 (24) августа, а съ тѣхъ поръ прошло много времени, и поэтому»... Перебиваю: — Объ этомъ позвольте судить намъ. Надѣюсь, вы и сами признаете, что это наше право. — «О, да, конечно!» — Хорошо: теперь, не кажется ли вамъ, что въ этихъ строкахъ (показываю другое отчеркнутое мѣсто) очень откровенно высказывается крайнее недоброжелательство (une malveillance la plus prononcée) къ нашей арміи? — Бойль совершенно сконфуженъ и, заикаясь, сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ литераторъ, и у него иногда можетъ сорваться съ пера что-нибудь лишнее, но онъ можетъ завѣрить, что у него не было дурного намѣренія. На это я отвѣтилъ: — Государь и Великій Князь читали вашу статью и оскорблены тѣмъ тономъ, которымъ вы говорите о нашей арміи. А такъ какъ вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушили честное слово (не упоминать ничего о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій), то Великій Князь приказалъ мнѣ предложить вамъ немедленно удалиться какъ изъ арміи, такъ и изъ Румыніи. — «Какъ! я не могу остаться даже въ Румыніи!» — Нѣтъ, не можете. Великій Князь приказалъ полковнику Липояно проводить васъ отсюда до Буха-

реста, а тамошнія власти распорядятся проводить васъ до австрійской границы. Посему покорнѣйше прошу васъ сейчасъ же возвратить мнѣ знаки вашего корреспондентскаго званія (нарукавную повязку и фотографію, засвидѣтельствованную моею подписью и казенною печатью), и, затѣмъ, удалиться съ полковникомъ Поливановымъ, который проводитъ васъ къ полковнику Липояно.—«Но, надѣюсь, вы позволите мнѣ увѣдомить объ этомъ мою газету?»—Объ этомъ не безпокойтесь: мы немедленно сами телеграфируемъ въ Лондонъ о вашемъ удаленіи.—«Позвольте мнѣ хотя нѣсколько времени, чтобы собраться: вѣдь у меня экипажъ, лошади, прислуга».—Необходимое время вамъ будетъ дано, но вы сами понимаете, что этотъ срокъ не можетъ быть великъ.—«О, да, я это понимаю».—Слѣдовательно, вы сами мѣшкать не будете.—Заторопившись, Бойль снялъ съ себя повязку и, вмѣстѣ со своею фотографіей, положилъ на столъ. «Прошу васъ, по крайней мѣрѣ, доложить Великому Князю, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Вы, конечно, понимаете, какъ мнѣ все это непріятно!»—О, да, я очень хорошо понимаю; мнѣ самому крайне непріятно разставаться съ вами такимъ образомъ. А Великому Князю я доложу, что вы не имѣли дурныхъ намѣреній. Прощайте, желаю вамъ добраго здоровья.

Въ два часа дня Липояно увезъ Бойля.

Великій Князь остался очень доволенъ, поѣхалъ къ Государю завтракать; по возвращеніи сейчасъ послалъ за мною и еще разъ поблагодарилъ, сказавъ, что Государь очень доволенъ тою манерою, которою я выпроводилъ Бойля. Затѣмъ, приказалъ составить слѣдующія три телеграммы:

1) Петербургъ, министру внутреннихъ дѣлъ: «Предложите объявить во всѣхъ газетахъ, что корреспондентъ англійской газеты «Стандартъ», Фредерикъ Бойль, по моему приказанію высланъ изъ арміи и изъ Румыніи за корреспонденцію отъ 24 августа изъ Порадима, въ которой онъ, нарушивъ данное имъ честное слово, сообщилъ о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій. Кромѣ того, относится съ злорадной ненавистью къ нашей арміи, пренебрегая оказаннымъ ему гостепріимствомъ».

2) Londres, ambassadeur Russe.

«Communiquez rédaction «Standart»: son correspondant Boyle,

à cause de sa correspondance de Poradim 24 Août est expulsé de Bulgarie et Roumanie. Aucun autre correspondant de ce journal ne peut être admis».

3) Poradim, prince Charles de Roumanie:

«J'ai expulsé correspondant de «Standart» Frédéric Boyle à cause de sa correspondance du 24 Août de Poradim. Je l'envoie aujourd'hui à Bucarest avec Lipoyano. Je te prie d'ordonner de défendre à Boyle le séjour à Roumanie et le faire expédier jusqu'à la frontière».

Подписавъ и отправивъ эти телеграммы, Великій Князь, сверхъ того, приказалъ мнѣ напечатать весь мой разговоръ съ Бойлемъ въ «Летучемъ Листкѣ».

Еще одинъ газетный скандалъ: въ полученномъ вчера нумерѣ газеты «Русскія Вѣдомости» я нашелъ перепечатку корреспонденціи «Times» о разговорѣ корреспондента этой и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ газетъ съ старикомъ-Криденеромъ. Между прочимъ, тамъ напечатано, что Криденеръ «дрожащимъ голосомъ» просилъ четырехъ корреспондентовъ «быть истолкователемъ его образа дѣйствій подъ Плевною 18-го іюля, такъ какъ всѣ напечатанныя до сихъ поръ описанія этого сраженія, а равно и многіе его сослуживцы — несправедливы къ нему. Генералъ показывалъ намъ копіи съ полученныхъ имъ приказовъ. Это произвело на насъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что прежде генералъ Криденеръ не очень-то жаловалъ корреспондентовъ и неохотно допускалъ ихъ. Теперь старый ветеранъ, сознавая могущество печати, преклонился передъ ея представителями и самъ просилъ ихъ оказать ему услугу». Затѣмъ слѣдуетъ совершенно извращенное описаніе сраженія 18-го іюля, записанное со словъ Криденера и противорѣчащее его же собственному донесенію.

Я прочелъ сперва эту корреспонденцію Непокойчицкому, который только покачалъ своею сѣдою головою и велѣлъ мнѣ самому доложить Великому Князю. Когда я прочелъ, онъ возмутился и взялъ у меня нумеръ газеты, сказавъ, что покажетъ Государю.

Скоро ожидается Тотлебенъ. Когда онъ прибудетъ, мы опять уѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ подъ Плевну для осмотра позицій и рѣшенія подробностей дальнѣйшихъ дѣйствій.

Пятница, 16 сентября.—Вчера и сегодня холодно: всего 1^0 тепла, но по крайней мѣрѣ не льетъ. На Шипкѣ морозъ и снѣгъ.

Вчера прибыли: Цесаревичъ съ Ванновскимъ и Тотлебенъ. Сегодня у Государя былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: 1) Цесаревичу вступить въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, сдавъ рущукскій отрядъ генералъ-адъютанту князю Дондукову-Корсакову, а великому князю Владиміру Александровичу сдать 12-й корпусъ Ванновскому и принять свою 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; 2) по прибытіи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуть ее между 20—25 сентября вмѣстѣ съ 3-ею (которая уже пришла) и съ гвардейскою стрѣлковою бригадою на лѣвый берегъ Вида, для преграждения сообщеній плевненскаго укрѣпленнаго лагеря съ Софіей; 3) туда же направить и 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, ожидаемую къ 5 октября. 2-я гвардейская кавалерійская дивизія уже прибыла и завтра представляется на царскій смотръ.

Великій князь Николай Николаевичъ Младшій произведенъ сегодня въ полковники.

Отовсюду приходитъ довольно странный слухъ, будто бы турки такъ утомлены войной, что ожидаютъ только первой *своей* неудачи, чтобы предложить мирные переговоры. Слуху этому многіе весьма охотно вѣрятъ. Струковъ, ѣздившій провѣтриться и разсѣяться въ Букарестъ, привезъ оттуда слухъ еще болѣе странный: будто бы Османа-пашу можно подкупить, чтобы сдалъ Плевну. Пріѣзжали якобы въ Букарестъ два константинопольскихъ банкира и разсказывали, что денежныя дѣла Османа очень плохи, а самъ онъ прежде всего жуиръ и большими деньгами его соблазнить можно. Несмотря на крайнюю сомнительность этого свѣдѣнія, оно сегодня было предметомъ серьезнаго обсужденія въ секретномъ совѣщаніи, въ коемъ принимали участіе Непокойчицкій, Нелидовъ и Струковъ. Я былъ случайнымъ слушателемъ, ибо сидѣлъ у Великаго Князя съ докладомъ въ то время, какъ вошли упомянутыя лица, и онъ завелъ самъ рѣчь объ этомъ, не находя нужнымъ скрывать отъ меня предметъ совѣщанія. Рѣшили: когда поѣдемъ послѣ-завтра подъ Плевну съ Тотлебеномъ, взять съ собой драгомана Макѣева и послать его парламентеромъ къ Осману-пашѣ, подъ предлогомъ условиться насчетъ уборки и погребенія тѣлъ

нашихъ убитыхъ, оставшихся между нашими и турецкими позиціями послѣ штурма 30-го августа. Макѣевъ 25 лѣтъ прожилъ въ Турціи, самъ всѣхъ знаетъ и его всѣ знаютъ и любятъ; разговаривать съ турками умѣетъ отлично и съумѣетъ вывѣдать, не компрометируя никого, — дѣйствительно-ли Османъ-паша способенъ продать за деньги свою честь и родину, или же это — вздорная сплетня.

Затѣмъ, тотчасъ же перешли къ обсужденію другого вопроса столь же щекотливаго характера. Прибылъ сюда нѣкій Кароль (Карлъ) Тэвисъ, называющій себя отставнымъ «генераломъ» сѣверо-американской арміи. Въ качествѣ корреспондента одной изъ американскихъ газетъ явился вчера ко мнѣ и безъ всякихъ околичностей предложилъ свои услуги: быть нашимъ шпіономъ при турецкой арміи. Когда я отвѣтилъ, что завѣдывать шпіонствомъ— не мое дѣло, онъ возразилъ (тѣмъ особымъ тономъ оскорбленнаго достоинства, который столь свойственъ отъявленнымъ бестіямъ), что онъ и не желаетъ быть простымъ шпіономъ, а совершенно секретнымъ развѣдчикомъ нашимъ, ибо сочувствуетъ идеѣ войны: самъ бился въ 1861—1865 гг. за освобожденіе рабовъ и съ бою взялъ всѣ чины, до генеральскаго включительно. Прежде чѣмъ отвергать его «добрыя услуги», надо же его выслушать, и тогда я самъ увижу, насколько серьезно его предложеніе. Передо мною-де— не кто-нибудь (je ne suis pas le premier-venu), а боевой офицеръ и генералъ американской арміи. И въ эту армію онъ вступилъ не новичкомъ-волонтеромъ, а уже опытнымъ боевымъ офицеромъ, ибо еще въ крымскую кампанію сражался противъ насъ въ рядахъ турецкой арміи, впослѣдствіи не разъ бывалъ и подолгу живалъ въ Константинополѣ, Адріанополѣ, Салоникахъ, Галлиполи, Смирнѣ и другихъ турецкихъ городахъ; основательно знаетъ турецкій языкъ, нравы и порядки; имѣетъ массу знакомыхъ и даже друзей въ средѣ турецкихъ пашей и сановниковъ и считается ими за своего человѣка. Сверхъ того, ему извѣстны и тѣ лица, которыя ведутъ враждебные противъ насъ подкопы. Вотъ, напримѣръ, въ Бухарестѣ существуетъ цѣлое англійское секретное бюро, состоящее въ вѣдѣніи тайнаго корреспондента газеты «Daily-Telegraph», Кингстона, которое занимается собираніемъ свѣдѣній о нашей арміи и

сообщаетъ ихъ, черезъ турецкаго посланника въ Вѣнѣ, въ Константиноноль. Онъ, Тэвисъ, предлагаетъ слѣдующій планъ: пусть его формально изгонятъ изъ нашей арміи, подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ сообщены свѣдѣнія о его прежней службѣ въ турецкой арміи и о теперешнихъ его связяхъ съ нею; а онъ тогда вернется въ Бухарестъ, явится къ Кингстону въ качествѣ оскорбленнаго человѣка и попроситъ у него рекомендательное письмо къ великому визирю Эдхему-пашѣ, съ цѣлью допущенія его корреспондентомъ въ турецкую армію. Стоитъ ему только попасть туда,—онъ уже съумѣетъ устроить регулярную передачу намъ, кружнымъ путемъ, самоважнѣйшихъ извѣстій. Когда я спросилъ, на какихъ же условіяхъ онъ желалъ бы намъ служить—Тэвисъ съ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ удовольствуется умѣренною суммою на разъѣзды и расходы и проситъ только, по окончаніи кампаніи, если услуги его будутъ небезполезны,—дать ему орденъ на шею.

Когда я доложилъ о предложеніяхъ этого авантюриста, Великій Князь, по совѣщаніи съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ, рѣшилъ не отвергать его въ принципѣ, тѣмъ болѣе, что мы сами ничѣмъ не рискуемъ въ томъ случаѣ, если онъ окажется предателемъ: только-что пріѣхавъ сюда, онъ ничего еще не знаетъ и ничего важнаго о насъ сообщить туркамъ не можетъ. Поэтому Великій Князь поручилъ мнѣ вступить съ Тэвисомъ въ подробные переговоры, но съ соблюденіемъ осторожности и тайны.

Послѣ-завтра Великій Князь съ Тотлебеномъ и Непокойчицкимъ ѣдутъ подъ Плевну. Сопровождать ихъ назначены: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, Скобелевъ-отецъ, Нелидовъ, драгоманъ Макѣевъ, я, адъютанты Великаго Князя—Ласковскій, Поповъ и Андреевъ, сынъ Непокойчицкаго и два ординарца Великаго Князя. Левицкаго оставляютъ здѣсь, подъ предлогомъ, будто бы присутствіе его необходимо въ штабѣ. Онъ очень этимъ смущенъ.

17 сентября, суббота.—Ночью былъ морозъ, но зато къ утру погода, наконецъ, смиловалась: воздухъ чистъ, небо ярко-голубое, солнце ярко сіяетъ и блещетъ на Балканскихъ предгорьяхъ (ясно видныхъ отсюда), покрытыхъ со вчерашняго дня снѣгомъ. Днемъ стало совсѣмъ тепло: 18°.

Сегодня Государь произвелъ смотръ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Сегодня же былъ у меня возвратившійся изъ Бухареста М. Д. Скобелевъ 2-й [1]) со своимъ неизмѣннымъ сподвижникомъ Куропаткинымъ: ѣдетъ подъ Плевну принимать 16-ю пѣхотную дивизію, начальникомъ коей назначенъ. Куропаткинъ, въ чинѣ капитана, назначенъ исправляющимъ должность начальника его штаба.

Вышли награды корреспондентамъ: Россоловскому, Иванову, Каррику и Форбсу—Станислава 3-й ст. съ мечами; Даннгауэру и Мареэ,—какъ отставнымъ офицерамъ прусской службы—Анны 3-й ст. съ мечами. Представилъ еще одного: корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» Максимова, который былъ раненъ.

Американскаго «генерала» Тэвиса отправилъ сегодня въ Бухарестъ. Оттуда онъ обѣщалъ прислать подробныя свѣдѣнія объ англійскомъ развѣдочномъ бюро Кингстона, а затѣмъ отправится въ Константинополь.

Сегодня же велѣно выдать 4.000 франковъ корреспонденту «Wiener-Tagblatt» Лукешу,—по совѣту нашего военнаго агента въ Вѣнѣ Фельдмана. Газета эта расходится въ 40.000 экз. ежедневно, и поэтому Фельдманъ находитъ полезнымъ расположить въ нашу пользу ея корреспондента. Деньги эти назначаются ему въ пособіе на покупку экипажа и лошадей.

Такимъ образомъ, у насъ завелись уже двѣ «рептиліи».

18 сентября, воскресенье.—Сегодня утромъ поѣхали въ трехъ колясках подъ Плевну: въ первой Великій Князь съ Непокойчицкимъ, во второй—великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ адъютантомъ отца, Андреевымъ; въ третьей—я съ сыномъ Непокойчицкаго. Прочія лица, назначенныя сопровождать Великаго Князя, уѣхали еще вчера. На полдорогѣ, у Булгарени, позавтракали на травѣ холодною говядиною съ хлѣбомъ и запили виномъ. Около 4-хъ часовъ дня прибыли подъ Плевну. Палатки наши уже

[1]) Послѣ тяжкихъ августовскихъ дней, онъ ѣздилъ туда на нѣсколько дней отдохнуть. 1-го сентября, онъ, князь Имеретинскій и Драгомировъ были произведены въ генералъ-лейтенанты.

были разбиты за старою осадною батареею, которая перенесена немного лѣвѣе. Если бы турки знали, что здѣсь устроился на бивакѣ главнокомандующій, то могли бы засыпать насъ гранатами изъ своихъ дальнобойныхъ пушекъ. Князь Карлъ, Тотлебенъ [1]) и все высшее начальство встрѣчало.

Тотчасъ по прибытіи, Великій Князь распекъ начальника штаба 4-го корпуса, приказавъ ему передать Зотову (который былъ тутъ же) свое неудовольствіе за его небрежное и невѣжливое отношеніе къ князю Карлу. Во-первыхъ, Зотовъ со своимъ штабомъ жилъ и живетъ отдѣльно отъ князя: князь въ Порадимѣ, а Зотовъ сперва въ Згалевице, а теперь на бивакѣ, въ двухъ верстахъ позади нашего. Во-вторыхъ, Зотовъ не только не установилъ никакихъ правильныхъ сношеній съ княземъ, но послѣдніе семь дней даже не былъ у него ни разу.

Затѣмъ, Великій Князь сдѣлалъ выговоръ барону Криденеру, за его газетную полемику и несправедливое сваливанье всей вины за неудачу 18 іюля на князя Шаховского. Но, должно быть, распечка была мягкая (гнѣвъ Великаго Князя давно прошелъ), потому что Криденеръ и сегодня, и въ послѣдующіе дни все заговаривалъ съ Великимъ Княземъ, и тотъ съ нимъ разговаривалъ безъ всякой сухости, хотя и безъ свойственной ему сердечности.

Князь Карлъ и всѣ старшія начальствующія лица были приглашены Великимъ Княземъ къ обѣду, который былъ поданъ подъ открытымъ небомъ въ 7½ часовъ вечера, т.-е. уже въ совершенной темнотѣ. Обѣдъ былъ какъ всегда, т.-е. сперва водка и закуска (сыръ, сардинки, омары, колбаса), потомъ: супъ изъ баранины, жареная баранина съ картофелемъ, компотъ изъ консервовъ и кофе.

День былъ чудный, теплый, но вечеръ—очень холодный и сырой.

Послѣ обѣда, въ видѣ развлеченія, опрашивали плѣнныхъ и бѣглыхъ турокъ. Всѣ они показывали одно и то же: больныхъ

[1]) Онъ выѣхалъ со своимъ адъютантомъ Шильдеромъ отдѣльно и прибылъ часа за два раньше насъ.

много, продовольствія мало, сапоги и одежда износились, теплой одежды и обуви вовсе нѣтъ. И дѣйствительно, всѣ они были босы и оборваны.

Около $9^1/_2$ часовъ вечера, напившись чаю, всѣ разбрелись спать.

19 сентября, понедѣльникъ.—Холодное утро. Встали въ 7 час. Въ 9 час. Великій Князь съ сыномъ, княземъ Карломъ, Непокойчицкимъ, Тотлебеномъ, барономъ Криденеромъ, Зотовымъ и свитою отправился объѣзжать позиціи и батареи 4-го и 9-го корпусовъ. Объѣхали все, побывали даже въ нѣкоторыхъ передовыхъ траншеяхъ, конечно, спѣшившись. На нѣсколькихъ батареяхъ останавливались и разглядывали турецкія укрѣпленія и заколдованное мѣсто—Плевну, которая была видна очень ясно, особенно съ крайней лѣвофланговой батареи, вооруженной турецкими дальнобойными стальными орудіями, отбитыми при взятіи Никополя. Разсматривали въ бинокль и самихъ турокъ, лѣниво бродившихъ небольшими кучками около своихъ укрѣпленій. Наши позиціи теперь настолько пододвинуты къ турецкимъ, что непріятельскія пули далеко перелетаютъ черезъ головы. Но турки не стрѣляли, несмотря на то, что громадная конная свита и конвой должны были бросаться имъ въ глаза, тѣмъ болѣе, что мы двигались и останавливались сплошною толпою, вовсе не скрываясь. Чѣмъ это объяснить—не знаю, но замѣтилъ, что Великому Князю такое невниманіе не понравилось. Ему видимо хотѣлось вызвать огонь турокъ. На одной изъ батарей онъ даже усѣлся на гребень бруствера и собралъ всѣхъ вокругъ себя, а на докладъ батарейнаго командира, что батарея находится въ сферѣ ружейнаго огня—отвѣчалъ, что теперь стрѣльбы нѣтъ.

Объѣздъ, въ сущности безрезультатный, продолжался почти до 3-хъ часовъ дня. Адъютантъ Тотлебена Шильдеръ говорилъ мнѣ, что его принципалъ считаетъ какъ сегодняшнюю, такъ и предстоящія поѣздки только прогулками верхомъ, а настоящую развѣдку начнетъ производить уже по отъѣздѣ Великаго Князя.

Великій Князь объявилъ, что Тотлебенъ будетъ «помощникомъ» князя Карла, номинальнаго начальника всего западнаго

отряда. Начальникомъ штаба—князь Имеретинскій. Гурко—начальникомъ всей кавалеріи западнаго отряда, вмѣсто Крылова (начальника 4-й кавалерійской дивизіи), который разговариваетъ о военныхъ дѣйствіяхъ очень умно, но до сихъ поръ ничего еще не предпринималъ и кавалерія подъ его начальствомъ ничего не дѣлаетъ, а о непріятелѣ ничего не знаетъ. Зотовъ возвратится къ своей должности командира 4-го корпуса.

Сегодня утромъ онъ (Зотовъ) посылалъ въ Плевну своего ординарца, маріупольскаго гусарскаго полка юнкера Татищева [1]), съ письмомъ къ Осману-пашѣ: приметъ ли онъ парламентера отъ Великаго Князя. Татищева, ѣхавшаго съ бѣлымъ флагомъ и трубачомъ, остановили на сторожевыхъ постахъ и дальше не пустили. Начальникъ сторожевой цѣпи взялъ у него письмо и приказалъ подождать. Часа черезъ два привезли отвѣтное письмо Османа-паши, которое Татищевъ представилъ Зотову, а Зотовъ—Великому Князю. Вотъ оно:

«Quartier général de Plewna.

«(19 Sept.) 1 Oct. 1877.

«Général.

«Au reçu de votre honorée lettre, j'ai l'honneur de porter à votre connaissance, qu'une tente sera dressée le (21 Sept.) 3 Oct. du mois courant sur la route entre Plewna et Griwitza, à l'endroit où la présente lettre sera remise, dans le but de recevoir le parlementaire annoncé.

«Comme cependant dans votre mission il n'est pas indiqué, dans quel but le parlèmentaire en question sera dépéché, j'aurai l'honneur d'envoyer à sa rencontre un officier pour savoir, quel sujet sera débattu, et ce n'est qu'alors que je pourrai donner une réponse décisive. Veuillez agréer, Général, l'assurance de ma haute considération.

«Osman-Pacha, Commandant-en-chef de l'armée Impériale Ottomane de Plewna.

«Général Zotoff, Chef d'Etat-Major du corps d'Occident de l'armeé Impériale, etc., etc., etc.».

[1]) Пошелъ въ юнкера передъ самою войною изъ секретарей нашего посольства въ Вѣнѣ. Впослѣдствіи—видный публицистъ и писатель.

20 сентября, вторникъ. — Всю ночь и утро шелъ дождь. Въ 9 час. утра опять отправились объѣзжать позиціи. Прежде всего остановились на второй осадной батареѣ и тамъ сошли съ коней. Увидавъ въ бинокль, что около одного укрѣпленія копошится и работаетъ много турокъ, Великій Князь приказалъ открыть по нимъ огонь, за дѣйствіемъ котораго и наблюдалъ около $^1/_2$ часа. Сдѣлано было тридцать выстрѣловъ (въ переводѣ на деньги — истрачено около 4.000 руб.), но турки работъ не прекратили и на огонь не отвѣчали.

Поѣхали дальше по линіи нашихъ укрѣпленій, мимо деревни Гривицы, столько разъ залитой русскою кровью и послѣдній разъ сильно пострадавшей отъ турецкаго огня 30-го августа, хотя тамъ былъ тогда только перевязочный пунктъ. Теперь вся деревня имѣетъ мирный видъ: всѣ дома заняты офицерами, а улицы загромождены повозками, хотя турки могли бы и теперь засыпать Гривицу снарядами, если бы захотѣли.

За Гривицей начался участокъ румынскихъ войскъ. Совѣстно было смотрѣть, насколько у нихъ больше порядка, чѣмъ у насъ. Бивачныя мѣста выбраны тщательно и устроены красиво и аккуратно; ружья и солдатскія вещи разставлены и разложены систематически; палатки и землянки расположены правильными, выровненными линіями и рядами; между баталіонами и полками — уставные интервалы. Внутренняя отдѣлка землянокъ—на отличку. Вездѣ чисто, порядливо и изящно. Даже для лошадей на коновязяхъ устроены соломенные навѣсы; этого у насъ и для царскихъ лошадей нѣтъ.

Войска встрѣчали Великаго Князя не толпою, какъ наши, а въ колоннахъ впереди своихъ землянокъ и палатокъ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ. Пошли мы посмотрѣть румынскія укрѣпленія— еще стыднѣе стало. Ко всѣмъ батареямъ и траншеямъ для стрѣлковъ—прорыты углубленные ходы, отлично прикрытые траверзами отъ непріятельскихъ взоровъ и выстрѣловъ. Всѣ земляныя сооруженія щегольски отдѣланы, точно игрушечныя. Пройдя въ самую передовую траншею, я, будучи близорукъ, отлично видѣлъ безъ бинокля ближайшій турецкій редутъ: такъ близко подошли румыны траншеями къ туркамъ. Великій Князь приказалъ открыть огонь

съ батареи: наблюдая за паденіемъ гранатъ, я ясно видѣлъ, какъ одна изъ нихъ шлепнулась въ упомянутый редутъ и внутри его разорвалась. Но турки и тутъ не отвѣчали, такъ что у меня даже явилось подозрѣніе: не брошенъ ли ими этотъ редутъ совсѣмъ?

По осмотрѣ румынскихъ позицій, князь Карлъ пригласилъ Великаго Князя и насъ всѣхъ завтракать въ штабъ своей арміи (самъ онъ живетъ попрежнему въ Порадимѣ), въ дер. Врбицу. Тамъ Великаго Князя встрѣтилъ почетный караулъ со знаменемъ; музыка играла нашъ народный гимнъ. Завтракъ состоялся въ особо-приготовленной палаткѣ; за столомъ насъ всѣхъ разсадили строго по чинамъ.

Послѣ завтрака князь Карлъ, подойдя ко мнѣ, лично вручилъ командорскій крестъ вновь учрежденнаго имъ ордена—«Румынской звѣзды», съ мечами. Когда я благодарилъ его, прибавивъ въ заключеніе: — Je ne m'y attendais jamais, que j'aurai l'honneur de recevoir une décoration Roumaine,—князь очень скромно отвѣтилъ: «Et moi,—je ne songeais jamais, que je pourrai distribuer des décorations».

Изъ румынскаго штаба мы уже поѣхали на свой бивакъ въ колpackахъ. Проѣзжая по гривицкому шоссе, Великій Князь замѣтилъ позади него бивакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, остановился и велѣлъ подвести всю бригаду къ шоссе. Около 20-ти минутъ наши четыре коляски ждали на шоссе, пока добѣжали до насъ офицеры и солдаты, окружившіе коляску Великаго Князя густою толпою. Онъ своимъ звонкимъ голосомъ задушевно поблагодарилъ эту храбрую и многострадальную бригаду за всѣ ея тяжкіе подвиги и труды. Восторженнымъ «ура» отвѣчали архангелогорцы и вологодцы. Непостижимо, что турки не соблазнились открыть огонь даже по этой двухтысячной толпѣ, сгустившейся на возвышенномъ шоссе, которое должно быть видно съ турецкихъ позицій какъ на ладони.

Въ 4-мъ часу вернулись на свой бивакъ, и я сейчасъ же засѣлъ за работу, ибо мнѣ, кромѣ моихъ постоянныхъ занятій, приходится еще здѣсь исправлять обязанности Левицкаго, оставленнаго въ Горномъ-Студнѣ.

Поздно вечеромъ вдругъ началась усиленная ружейная пере-

стрѣлка на правомъ флангѣ, продолжавшаяся около сорока минутъ. Всѣ мы вышли изъ палатокъ и стали усиленно всматриваться въ непроглядный мракъ, но, конечно, ничего не видѣли, кромѣ безпрестанно сверкавшихъ съ обѣихъ сторонъ огоньковъ. Когда перестрѣлка затихла — пошли спать. На другой день узнали, что перестрѣлка была начата румынами, которымъ въ темнотѣ померещилось, что турки къ нимъ подкрадываются.

21 сентября, среда. — День сѣрый, теплый и тихій: вечеромъ—крупный, настойчивый дождь. Гурко пріѣхалъ, и Тотлебенъ, взявъ съ собою его и князя Имеретинскаго, немедленно отправился производить рекогносцировку на лѣвый берегъ Вида. Мы остались на бивакѣ: цѣлый день, по указаніямъ Непокойчицкаго, я составлялъ и разсылалъ во всѣ стороны телеграммы. Дѣлъ накопилась масса. Отъ Дрентельна (командующій войсками въ тылу арміи) изъ Бухареста получена телеграмма, что турки сосредоточили въ Силистріи значительныя силы и собираются сдѣлать оттуда диверсію на лѣвый берегъ Дуная, угрожая нашему тылу и сообщеніямъ. Въ виду полнаго правдоподобія такого извѣстія, Дрентельну предоставлено задержать въ Румыніи идущія походомъ 24-ю пѣхотную и 1-ю кавалер. дивизіи, впредь до разъясненія обстоятельствъ. Начальнику нижне-дунайскаго отряда Циммерману предписано произвести къ сторонѣ Силистріи угрожающую демонстрацію.

Сегодня, въ 11 час. утра, нашъ драгоманъ Макѣевъ съ бѣлымъ флагомъ, въ сопровожденіи юнкера Татищева и шести рослыхъ красавцевъ гвардейскихъ казаковъ, отправился къ туркамъ для переговоровъ. На условленномъ мѣстѣ (на гривицкомъ шоссе) его уже ожидалъ полковникъ генеральнаго штаба Тевфикъ-бей съ адъютантомъ, еще двумя офицерами и четырьмя нижними чинами. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій на турецкомъ языкѣ и во вкусѣ восточной вѣжливости [1]), Тевфикъ-бей спросилъ Макѣева:

[1]) Весь нижеприведенный разговоръ записанъ мною въ полевую записную книжку тотчасъ по возвращеніи Макѣева, съ его словъ, совершенно такъ, какъ онъ докладывалъ Великому Князю.

«Вамъ извѣстно содержаніе письма Османа-паши?» — «Да, содержаніе этого письма мнѣ извѣстно отъ Великаго Князя».—«А что, вы прибыли вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, или только сегодня?»—«Нѣтъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. И онъ приказалъ мнѣ переговорить съ самимъ Османомъ-пашой, а потому,—извините—при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я прошу позволенія видѣться и говорить съ самимъ пашой».—«Будьте добры сами написать пашѣ, потому что онъ приказалъ мнѣ говорить съ вами».

Макѣевъ написалъ Осману записку по-турецки, и адъютантъ поскакалъ съ нею въ Плевну. Не болѣе какъ черезъ полчаса пріѣхалъ съ письменнымъ отвѣтомъ уже другой адъютантъ Ахметъ-бей, старый константинопольскій знакомый Макѣева. Османъ-паша отвѣчалъ (въ третьемъ лицѣ), что очень извиняется, по нездоровью самъ пріѣхать не можетъ, а проситъ передать все, что нужно, Тевфикъ-бею.

Такимъ образомъ, о затаенной цѣли переговоровъ не могло быть и рѣчи, и пришлось ограничиться разговорами объ уборкѣ тѣлъ убитыхъ.

Макѣевъ началъ съ выраженія соболѣзнованія о нездоровьи Османа-паши, пожалѣлъ, что лишенъ вслѣдствіе этого удовольствія и чести видѣть его и просилъ пожелать скорѣйшаго и полнаго возстановленія здоровья, а также выразить надежду, что онъ будетъ имѣть удовольствіе его видѣть и бесѣдовать съ нимъ когда-нибудь въ другой разъ. Затѣмъ выступилъ съ предложеніемъ объ уборкѣ тѣлъ, обусловливая это санитарною необходимостью для обѣихъ сторонъ.

Тевфикъ-бей возразилъ, что допустить нашихъ до уборки труповъ—значитъ предоставить намъ осматривать вблизи всѣ турецкія укрѣпленія,—а это невозможно.

На это Макѣевъ отвѣтилъ, что уборкою будутъ заниматься не офицеры и солдаты, а врачи и санитары.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ отмѣнно тонко и умно:

— Я не дипломатъ, — сказалъ онъ, — буду говорить вполнѣ откровенно. Мнѣ странно, что вы поднимаете этотъ вопросъ теперь, а не три недѣли тому назадъ, когда это было бы понятнѣе. Невольно является сомнѣніе, почему это? Ваши мертвыя тѣла го-

раздо ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, чѣмъ къ вашимъ: если мы допустимъ васъ до уборки, то, значитъ, позволимъ вамъ вблизи разглядывать и наши укрѣпленія, и все, что у насъ дѣлается. Скажите по совѣсти: развѣ вы позволили бы это на нашемъ мѣстѣ? Вы налегаете на санитарныя соображенія, и я вполнѣ вамъ сочувствую. Но по этимъ соображеніямъ нѣтъ надобности непремѣнно убирать свои трупы. Я вамъ лучше вотъ что предложу, и не только на этотъ разъ, но и на будущее время: условимся назначать дни и часы для уборки и погребенія тѣлъ, прекращая на это время огонь. И пусть обѣ стороны убираютъ и хоронятъ тѣла въ своемъ районѣ, и своихъ и чужихъ. А мы съ удовольствіемъ готовы даже хоронить вашихъ убитыхъ по обряду вашей вѣры: намъ стоитъ только послать для этого болгарскихъ священниковъ.

Макѣевъ:—Я вполнѣ одобряю ваше предложеніе, но самъ не могу изъявить согласія, а долженъ доложить Великому Князю.

Тевфикъ-бей:—Мы подождемъ отвѣта. Дайте только знать, и мы примемъ парламентера опять съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ принимаетъ теперь васъ. Извините меня за нескромный вопросъ. Вы стрѣляете по городу. Конечно, это ваше право, но я вамъ заявляю, что у насъ въ городѣ войскъ нѣтъ (они всѣ стоятъ лагерями), а только одни больные и раненые, да жители—болгары съ семействами. Общаго госпиталя, который мы могли бы обозначить бѣлымъ флагомъ съ красною луною, у насъ нѣтъ: больные и раненые размѣщены по 10—20 человѣкъ во всѣхъ почти домахъ. Такъ что вы вредите только больнымъ и раненымъ да оставшимся въ городѣ болгарамъ, а не нашимъ войскамъ.

Макѣевъ:—На это я ничего вамъ отвѣтить не могу, потому что не знаю. Я вѣдь не военный. Думаю только, что если стрѣляютъ по городу, то не безъ причины.

Тевфикъ-бей:—Конечно не безъ причины, я тоже такъ думаю.

Затѣмъ Макѣевъ спросилъ, отчего не приняли румынскаго парламентера, котораго посылалъ князь Карлъ.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ тономъ притворнаго удивленія: «Какіе румыны? мы такихъ не знаемъ. Слышали, что къ вамъ зачѣмъ-то пристроились молдаване и валахи, но намъ до нихъ дѣла нѣтъ.

Мы съ вами воюемъ и отъ васъ всегда примемъ всякаго, кого бы вы намъ не прислали. Мы даже приняли вашего чауша (т.-е. унтеръ-офицера), котораго вы къ намъ третьяго дня присылали (т.-е. юнкера Татищева, который былъ и теперь тутъ же). И на будущее время примемъ всякаго съ удовольствіемъ, но только отъ васъ».

Затѣмъ пошли частные разговоры. Между прочимъ, Тевфикъ-бей спросилъ: «Не холодно ли вамъ?»—Макѣевъ отвѣчалъ, что мы именно отъ холодовъ и ожили: тяжело было въ жару, а холодъ намъ привыченъ и пріятенъ. Тогда Тевфикъ-бей сознался, что они наоборотъ: страдаютъ отъ холода. Затѣмъ спросилъ: «Какъ у васъ насчетъ ѣды?»—Макѣевъ отвѣчалъ, что ѣды вволю, а что тѣ, кто состоитъ при Великомъ Князѣ, каждый день у него обѣдаютъ. «А много ли у него обѣдаетъ?»—Да иногда до двухъ-сотъ человѣкъ. — «Вотъ какъ! Ну, у насъ этого нѣтъ: Османъ-паша приглашаетъ къ своему столу ежедневно только по два человѣка по очереди».

Во время этого разговора Макѣева угощали кофе, шербетомъ и папиросами. Послѣднія были, однако, настолько плохи, что Макѣевъ предложилъ Тевфику и другимъ двумъ офицерамъ свои, которыя они и выкурили съ большимъ удовольствіемъ. Нашихъ лейбъ-казаковъ угощали турецкіе солдаты: галетами, медомъ и табакомъ. Очень удивлялись ихъ красотѣ и росту и любовались ихъ лошадьми. Одинъ турецкій солдатъ полюбопытствовалъ, кто они: черкесы или казаки?

Около 3-хъ час. дня Макѣевъ вернулся и въ моемъ присутствіи доложилъ Великому Князю весь вышеприведенный разговоръ. Такимъ образомъ секретная цѣль его миссіи обратилась въ мыльный пузырь. Сегодня посланы Государю слѣдующія телеграммы (составленныя самимъ Великимъ Княземъ):

1) Далъ знать генералу Дрентельну, что оставляю въ его распоряженіи, пока не объяснится дѣло, 24 пѣхотн. и 1 кавал. дивизіи. Здѣсь все тихо. Радецкій доноситъ, что и у него тихо, и что разъѣзды, посланные по всѣмъ горнымъ тропамъ между Шипкою, Хаинкіоемъ и Еленою, нигдѣ непріятеля не встрѣчали. Шаховской доноситъ, что на османъ-базарской дорогѣ спокойно, движеній ни-

какихъ не видать. 26-я дивизія подвинулась до Водицы и Ковачицы. Движеніе Мехмета-Али къ Рущуку, о которомъ доноситъ Наслѣдникъ, еще недостаточно объясняетъ его намѣренія.

2) Сейчасъ нашимъ выстрѣломъ взорванъ большой пороховой погребъ въ турецкомъ редутѣ. Турки сегодня открывали изрѣдка огонь. Крыловъ доноситъ, что 19-го турки выходили на фуражировку въ Дольный Этрополь; у насъ было при этомъ хорошее дѣло Чернозубова. Три полка Крылова стоятъ на софійскомъ шоссе, никакихъ транспортовъ съ 10 числа не проходило. Тотлебенъ еще не вернулся съ рекогносцировки.

22 сентября, четвергъ.—Всю ночь и все утро шелъ дождь. Въ 10 часовъ утра собрались къ Великому Князю на совѣщаніе: Князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и Гурко. Къ завтраку совѣщаніе кончилось. Окончательно рѣшено: гвардію привести подъ Плевну; князю Имеретинскому немедленно сформировать новый штабъ западнаго отряда; Гурко вступить въ командованіе всею кавалеріею его; вопросъ о командованіи гвардейскимъ корпусомъ и 1-ю гвард. пѣх. дивизіею—какъ благоугодно будетъ Государю.

23 сентября, пятница. — Выѣхали въ 10 часовъ утра изъ-подъ Плевны, завтракали у князя Карла въ Порадимѣ. Тамъ Великому Князю попался на глаза маленькій тринадцатилѣтній казачокъ, котораго отецъ-вдовецъ взялъ съ собой съ Дона въ походъ. Дорогой онъ какъ-то отсталъ отъ своего полка, назначеннаго въ рущукскій отрядъ, и пристроился къ другому донскому же полку, шедшему подъ Плевну. Полкъ этотъ его пріютилъ, одѣлъ по своей формѣ и сообщилъ его полку, что мальчикъ живъ и здоровъ, но получилъ отвѣтъ, что отецъ его уже убитъ. Такимъ образомъ мальчикъ оказался круглымъ сиротою. Великій Князь сейчасъ же взялъ его къ себѣ, велѣлъ сѣсть на козлы своей коляски и намѣренъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать его въ Петербургъ и помѣстить на свой счетъ въ какую-нибудь школу. При разспросахъ обнаружилось, что его уже хотѣлъ взять къ себѣ одинъ изъ флигель-адъютантовъ князя Карла, но мальчикъ отказался: предпочелъ остаться въ пріютившемъ его полку.

Ѣхали очень долго: лошади нѣсколько разъ останавливались; прибыли въ Горный-Студень только къ 5-ти часамъ утра 24 сентября.

24 сентября, суббота.—Цѣлый день дождь и невыносимый холодъ. Въ кибиткѣ нашей всего 4° тепла, а къ вечеру—только 2°.

Государь рѣшилъ оставить Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича на своихъ мѣстахъ. Кто будетъ командовать гвардейскимъ корпусомъ—еще неизвѣстно.

Холодъ и дождь: 3° тепла въ кибиткѣ. Писать, какъ мнѣ приходится, цѣлый день — очень трудно. Ничѣмъ согрѣться не могу. Каково же бѣднымъ войскамъ, особенно на Шипкѣ! Теплой одежды ни у кого нѣтъ. Вчера 1-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ Горнаго-Студня подъ Плевну.

26 сентября, понедѣльникъ.—Сегодня теплѣе: въ кибиткѣ 6° тепла.

Прибыли въ главную квартиру въ качествѣ любознательныхъ знатныхъ иностранцевъ: принцъ Арнульфъ Баварскій и находившійся все время (неизвѣстно—зачѣмъ) при румынскихъ войскахъ испанскій принцъ-претендентъ Донъ-Карлосъ. Оба были приглашены сегодня Великимъ Княземъ къ обѣду. Принцъ Арнульфъ просится на Шипку. Пріѣхалъ также присланный Тотлебеномъ для переговоровъ князь Имеретинскій.

27 сентября, вторникъ. — По просьбѣ Тотлебена, переданной княземъ Имеретинскимъ, разрѣшено: 1) оставить всѣ армейскія войска на своихъ мѣстахъ, такъ какъ они уже освоились со своими участками позиціи и построили на нихъ землянки: всякое передвиженіе будетъ стѣснительно для нихъ и вредно для дѣла [1]),

[1]) По словамъ князя Имеретинскаго оказалось, что на совѣщаніи 22 сентября (см. выше) Великій Князь далъ слѣдующія указанія относительно распредѣленія войскъ: по прибытіи гвардіи подъ Плевну, поставить ее на мѣста, занятыя нынѣ 4-мъ корпусомъ, 2-ю пѣхотною дивизіею и 3-ю стрѣлковою бригадою, переведя эти войска на лѣвый берегъ Вида и возложивъ общее начальство надъ ними—на Зотова, командованіе всею пѣхотою за р. Видомъ—на Скобелева, а всею кавалеріею — на Гурко. Это было бы не только напрасное, но и прямо вредное передвиженіе войскъ на глазахъ и подъ огнемъ турокъ.

2) гвардію [1]) перевести за р. Видъ, на софійское шоссе, поручивъ общее командованіе ею Гурко, который опять проситъ себѣ Нагловскаго въ начальники штаба; 3) Скобелева съ 16-ю пѣх. дивизіею поставить на плевно-ловчинское шоссе.

Сегодня пріѣхалъ съ Шипки начальникъ штаба Радецкаго, генералъ-маіоръ Дмитровскій. Положеніе незавидное: теплой одежды нѣтъ, шаровары въ лохмотьяхъ, сапоги разлѣзлись. Землянокъ на скалахъ строить нельзя: попытки были, но привели лишь къ тому, что нѣсколько землянокъ обрушились и заживо похоронили одного офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ. Всѣ мерзнутъ и почти поголовно хворають: совсѣмъ здоровые—рѣдкость. Къ числу этихъ исключеній принадлежитъ, къ счастью, самъ Радецкій, хотя и живетъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и весь отрядъ. Шипка наполовину держится обаяніемъ его личности. Перестрѣлки и потери убитыми и ранеными — каждый день. Передышки никому нѣтъ. Безъ полушубковъ и подкрѣпленій, говоритъ Дмитровскій, долго держаться нельзя: придется бросить Шипку, за невозможностью тамъ существовать.

Столь энергичное представленіе подѣйствовало: приказано доставить полушубки и сапоги какъ можно скорѣе во что бы то ни стало (до сихъ поръ объ этомъ шла лишь заурядная «переписка»), а генералъ-адъютанту Гершельману съ тремя полками его 24-й пѣхотной дивизіи приказано идти изъ Калараша на Шипку, оставивъ для наблюденія за Силистріей Омскій пѣхотный полкъ съ двумя батареями.

Получено извѣстіе, что вмѣсто Мехмета-Али назначенъ главнокомандующимъ Сулейманъ-паша.

Получилъ и доложилъ Великому Князю письмо отъ «генерала» Кароля Тэвиса изъ Бухареста. Сообщаетъ, что бухарестское развѣдочное англо-турецкое бюро Кингстона аккуратно получаетъ и передаетъ въ Лондонъ и Константинополь свѣдѣнія о нашей арміи, получаемыя имъ отъ состоящихъ при императорской главной квартирѣ: военнаго агента полковника Уэллеслея и фли-

[1]) Насчетъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, однако, ничего не рѣшено окончательно. Даже и относительно 2-й гвард. кавал. дивизіи есть какія-то колебанія.

гель-адъютанта англійской королевы полковника Бекера, пріѣхавшаго съ мѣсяцъ тому назадъ. Тэвисъ пишетъ, что Бекеръ присланъ совсѣмъ не какъ флигель-адъютантъ, а какъ директоръ «Intelligence-Department», т.-е.—того штабнаго отдѣленія, которое собираетъ свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ.

Великій Князь рѣшилъ послать въ Бухарестъ самаго молчаливаго адъютанта своего, капитана Попова (онъ называетъ его «Ваша мрачность») къ Дрентельну. Сущность порученія—въ томъ, чтобы сперва тайно условиться съ Тэвисомъ насчетъ поѣздки его въ Константинополь и присылки оттуда свѣдѣній, передать ему деньги, а затѣмъ—съ возможно большею огласкою выслать Тэвиса изъ Румыніи, какъ подозрительную личность. А затѣмъ учредить наблюденіе за Кингстономъ, постараться его уличить, произвести обыскъ и выслать тоже, но уже въ серьёзъ.

Я забылъ упомянуть, что на дняхъ Великій Князь мнѣ сказалъ, что графъ Адлербергъ и Д. А. Милютинъ выражали ему неудовольствіе: отчего читающей публикѣ ничего не сообщается о Государѣ, какъ будто его и нѣтъ при арміи.

Я объяснилъ Великому Князю, что, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, не допускается упоминать ни о чемъ, касающемся Государя и членовъ императорской фамиліи, безъ предварительнаго разрѣшенія министра императорскаго двора. Поэтому, если кто-либо изъ газетныхъ корреспондентовъ напишетъ что-либо о Государѣ, то такую корреспонденцію въ Петербургѣ задержатъ и пришлютъ обратно сюда, на усмотрѣніе графа Адлерберга.

Такимъ образомъ, пройдетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ такая корреспонденція попадетъ въ печать, утративъ, такимъ образомъ, значительную часть своего интереса. Если графу Адлербергу угодно устранить эти препоны, то сдѣлать это весьма легко: стоитъ только избрать подходящаго корреспондента, допускать его прямо къ себѣ для личнаго доклада и дѣлать разрѣшительныя надписи на корреспонденціяхъ, сообщивъ объ этомъ для свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ; если же нужно ускорить напечатаніе какой-либо корреспонденціи, то посылать ее съ курьеромъ.

Великій Князь вполнѣ одобрилъ это предложеніе и спросилъ только, кого я рекомендую? Я указалъ на Немировича-Данченко,

какъ на писателя неутомимаго, вездѣ бывающаго, отлично и быстро пишущаго и притомъ уже завоевавшаго себѣ симпатіи массы читающей публики. Великій Князь и съ этимъ согласился, а вчера приказалъ мнѣ отправить Немировича къ графу Адлербергу и Милютину. Вчера онъ у нихъ былъ, вернулся въ восторгѣ отъ любезнаго пріема обоихъ министровъ, а сегодня уже понесъ графу

Корреспондентъ «Новаго Времени»
В. И. Немировичъ-Данченко.

Адлербергу цѣлыхъ двѣ корреспонденціи на просмотръ. Графъ прочелъ, одобрилъ, немедленно сдѣлалъ разрѣшительныя надписи и весьма любезно пригласилъ приходить хоть каждый день, не стѣсняясь.

30 сентября, пятница.—Больше двухъ недѣль солнца не видали, а съ 22-го—холодъ, вѣтеръ, почти безпрерывный дождь

и невылазная грязь. На Дунаѣ все время буря. Переправа и дороги—въ ужаснѣйшемъ состояніи.

1 октября, суббота.—Наконецъ-то выглянуло солнце. Но холодно. Ужасно трудно писать цѣлыми днями въ такомъ холоду. Сегодня, наконецъ, изобрѣли средство хоть ненадолго согрѣвать свою кибитку: вырыли яму и жжемъ въ ней дрова, кукурузные стебли, что придется,—открывая для тяги тюндюкъ (отверстіе въ куполѣ кубитки).

2 октября, воскресенье.—Погода, наконецъ, вызвѣрилась. Сегодня чудный день. Пріѣхалъ графъ Шуваловъ. 2-я гвардейская пѣхотная дивизія подходитъ: къ 8-му должна подтянуться сюда вся.

Великій Князь очень разсердился, получивъ сегодня письмо Гурко, что кавалерія западнаго отряда найдена имъ въ весьма незавидномъ состояніи. Ему такъ это непріятно, что онъ посылаетъ Струкова провѣрить.

4 октября, вторникъ.—Прекрасная погода держится, но по ночамъ очень холодно.

Пріѣхалъ вчера Гурко отъ Тотлебена: заявляетъ, что ему для полнаго обложенія Плевны необходима по крайней мѣрѣ еще одна дивизія. Великій Князь окончательно согласился дать Тотлебену 2-ю гвард. пѣхотную и 2-ю гвард. кавалер. дивизіи.

Въ гвардейскомъ корпусѣ—большой переполохъ: ужасно обижаются, что почти весь корпусъ поступаетъ подъ начальство Гурко, назначеннаго командующимъ «войсками гвардіи и кавалеріи» западнаго отряда. Особенно негодуетъ корпусный штабъ, чинамъ котораго кажется особенно обиднымъ подчиненіе вчерашнему своему товарищу, Нагловскому, такъ быстро выдвинувшемуся благодаря забалканскому походу. Въ императорской главной квартирѣ большинство также очень ропщетъ, что Гурко такъ выдвигаютъ: тамъ особенно подчеркиваютъ, что всѣ начальники гвардейскихъ дивизій и начальникъ штаба гвардейскаго корпуса—старше его въ чинѣ. Одинъ изъ генералъ-адъютантовъ (Салтыковъ) говорилъ мнѣ, что если ужъ признаютъ за Гурко такія исключительныя военныя да-

рованія, то слѣдовало бы сперва произвести его въ полные генералы, а потомъ уже подчинять ему старшихъ въ чинѣ; что подобныя назначенія не только оскорбительны, но роняютъ дисциплину.

Графъ Шуваловъ, наоборотъ, во всеуслышаніе говоритъ, что съ радостью подчиняется Гурко, какъ уже заявившему себя энергическимъ и способнымъ начальникомъ отдѣльнаго отряда. Сегодня я слышалъ это отъ него самого. А между тѣмъ графъ Шуваловъ и въ чинѣ, и по служебному положенію (уже около восьми лѣтъ начальникъ штаба округа) гораздо старше всѣхъ. Каталей (начальникъ 3-й гвард. пѣх. дивизіи) тоже никакихъ претензій не изъявляетъ.

До Государя, очевидно, дошли всѣ эти разговоры, потому что онъ сегодня рѣшилъ и объявилъ: графъ Воронцовъ-Дашковъ командируется въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича, начальникомъ всей кавалеріи рущукскаго отряда. Этимъ способомъ устраняется крайне щекотливое подчиненіе его только-что произведенному въ генералы Нагловскому; послѣдній же фактически дѣлается временнымъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, обращаемаго такимъ образомъ въ «штабъ войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда».

Гурко лично подтвердилъ Великому Князю и притомъ со свойственною ему рѣзкостью, что состояніе кавалеріи западнаго отряда крайне неудовлетворительное; не скрылъ, что задѣтъ командировкою Струкова (онъ съ нимъ разъѣхался, ѣдучи сюда) для повѣрки его заявленія. Доложилъ Великому Князю, что интендантская часть во всемъ западномъ отрядѣ ниже всякой критики: ни хлѣба, ни сухарей нѣтъ, подвозъ пріостановился изъ-за распутицы, ѣдятъ кукурузу.

Отъ Гурко же я узналъ, что Тотлебенъ, ежедневно объѣзжая позиціи, обратилъ вниманіе на безтолковую и потому безрезультатную стрѣльбу нашихъ батарей: каждая изъ нихъ выбирала себѣ цѣль сама и такимъ образомъ огонь напрасно разсѣивался по всей линіи. Тотлебенъ приказалъ производить сосредоточенную стрѣльбу по его личнымъ указаніямъ. Для цѣлой группы батарей назначается цѣлью какое-нибудь одно укрѣпленіе, которое, по заранѣе условленному сигналу, разомъ засыпается цѣлою массою гранатъ.

При этомъ назначается заранѣе же, сколько выстрѣловъ должна сдѣлать каждая батарея. Затѣмъ сосредоточенный огонь переводится на другое, заранѣе намѣченное укрѣпленіе.

По словамъ Гурко, впечатлѣніе первыхъ трехъ такихъ залповъ было поразительное. Съ лѣваго берега Вида, гдѣ стоитъ наша кавалерія и откуда вся Плевна и весь турецкій укрѣпленный лагерь какъ на ладони, ясно былъ виденъ страшный переполохъ, вызванный этимъ сюрпризомъ: вся турецкая армія стала въ ружье. На второй и на третій день—то же самое.

5 октября, среда.—Прошли подъ Плевну полки л.-гв. гренадерскій, павловскій и финляндскій. Л.-гв. московскій еще не дошелъ: идетъ позади всѣхъ.

7 октября, пятница.—Ночью былъ морозъ, но день—чудный. Румынамъ удалось сегодня вечеромъ взять съ налету ближайшій къ нимъ турецкій редутъ, о чемъ князь Карлъ поспѣшилъ съ восторгомъ телеграфировать. Но черезъ нѣсколько минутъ подошли турки и вытѣснили румынъ.

8 октября, суббота.—Сегодня Великій Князь объявилъ, что 10-го ѣдемъ подъ Плевну: зачѣмъ—не знаю. Лучше было бы предоставить Тотлебену распоряжаться тамъ самостоятельно. Но это едва ли случится: подвижная натура Великаго Князя не выноситъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ и терпѣливаго ожиданія. Думаю, что мы и не вернемся изъ-подъ Плевны до тѣхъ поръ, пока этотъ узелъ не развяжется. Не сомнѣваюсь также, что и Государь переѣдетъ со всею своею главною квартирою вслѣдъ за Великимъ Княземъ.

Государь приказалъ направить 3-ю гренадерскую дивизію Наслѣднику на подкрѣпленіе.

Къ вечеру морозъ, но день былъ чудный.

10 октября, понедѣльникъ.—Сегодня утромъ мы уже были готовы къ отъѣзду, какъ Великій Князь получилъ просьбу Тотлебена повременить до завтра. На 12-е октября назначена атака

редутовъ, построенныхъ турками на софійскомъ шоссе, у деревень Горный-Дубнякъ и Телишъ. Это будетъ первый дебютъ гвардіи. Погода держится дивная, но по ночамъ морозы.

11 октября, вторникъ.—Выѣхали рано утромъ изъ Горнаго Студня: Великій Князь съ Непокойчицкимъ въ коляскѣ, мы—верхомъ. Большая часть свиты Великаго Князя отправлена была впередъ еще 9-го октября. Ночевали въ д. Радѣницѣ. Погода была чудная.

12 октября, среда. — Великій Князь съ Непокойчицкимъ уѣхали еще вчера впередъ. Мы, кучка верховыхъ, выѣхали около 9 час. утра и, прибывъ на старое бивачное мѣсто (у осадной батареи), никого тамъ не застали. Великій Князь съ Непокойчицкимъ съ ранняго утра уѣхалъ въ д. Медованъ, на берегъ р. Вида, чтобы слѣдить оттуда за атакою гвардіи на Горный-Дубнякъ, а главную квартиру приказалъ отправить въ д. Боготъ. Отправились туда. По дорогѣ заѣхали къ князю Имеретинскому въ д. Тученицу, у него закусили и выпили чаю [1]). Это оказалось очень кстати, ибо, по прибытіи въ Боготъ, мы ждали возвращенія Великаго Князя, а слѣдовательно и обѣда—до 9 час. вечера. Великій Князь ѣздилъ въ Медованъ: ничего оттуда не было видно и никакихъ извѣстій онъ оттуда не получилъ.

13 октября.—Около 3-хъ час. утра, меня разбудилъ дежурный ординарецъ: Великій Князь требуетъ. Оказалось, что получено извѣстіе о взятіи Горнаго-Дубняка. Великій Князь приказалъ мнѣ составить депешу и объявилъ, что въ 7 час. утра ѣдетъ туда самъ, чтобы осмотрѣть взятую позицію и поблагодарить войска.

Выѣхали мы, впрочемъ, часомъ позже, такъ какъ Великій Князь замѣшкался съ дѣлами. Великій Князь съ Непокойчицкимъ—въ коляскѣ, которую конвоировали верхами: Левицкій, я, Струковъ, генеральнаго штаба полковникъ Бахъ и капитанъ Уссаковскій.

[1]) Князь Карлъ съ Тотлебеномъ и штабомъ переѣхали въ Тученицу только сегодня, очистивъ д. Порадимъ для Государя и императорской главной квартиры.

Сзади слѣдовали еще двѣ великокняжескихъ коляски, въ которыхъ сидѣли докторъ Обермиллеръ со своимъ помощникомъ Березкинымъ, адъютанты Великаго Князя Скалонъ и Андреевъ и еще два ординарца его.

Мы ѣхали черезъ деревни Ральево, Іени-Бркачъ и Чириково. Въ послѣднемъ мѣстечкѣ, живописно расположенномъ на берегу р. Вида, нашли перевязочный пунктъ гвардіи, охраняемый частью лейбъ-гвардіи московскаго полка. Здѣсь Великій Князь обошелъ раненыхъ, а я записалъ фамилію раненыхъ офицеровъ. Поѣхали дальше, осмотрѣли поле сраженія, усѣянное неубранными еще тѣлами убитыхъ; Великій Князь объѣхалъ и поблагодарилъ войска. Я спѣшно записывалъ фамиліи убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и приблизительныя свѣдѣнія о числѣ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ каждаго полка. Насчиталъ 28 убитыхъ, 104 раненыхъ и 23 контуженныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ—около 900 убитыхъ и около 2.400 раненыхъ. Въ этотъ счетъ вошли и потери лейбъ-гвардіи егерскаго полка, отдѣльная атака котораго на телишскій редутъ (туда мы не ѣздили) была отбита. Наиболѣе пострадали полки лейбъ-гвардіи егерскій (26 оф. и 935 нижн. чиновъ), гренадерскій (29 офиц. и 842 нижн. чина), павловскій (19 офиц. и 724 нижн. чиновъ) и московскій (18 офиц. и 693 нижн. чина), въ особенности принимая во вниманіе, что лейбъ-гвардіи московскій полкъ участвовалъ въ бою только въ 3-хъ-баталіонномъ составѣ.

По общему отзыву, подъ свѣжими впечатлѣніями боя, героемъ дня былъ командующій лейбъ-гвардіи гренад. полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, за которымъ всѣ единогласно признавали честь взятія турецкаго редута, такъ упорно сопротивлявшагося. Офицеры 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ восторгомъ отзывались также о храбрости и самоотверженіи командовавшаго дивизіей генералъ-адъютанта графа Шувалова. Разсказовъ о подвигахъ было много: запомнить ихъ не было возможности, тѣмъ болѣе, что я былъ совершенно поглощенъ приведеніемъ въ извѣстность нашихъ потерь. Этимъ никто, кромѣ меня, не интересовался, никто даже не поручалъ мнѣ собирать эти свѣдѣнія: я взялъ это на себя добровольно.

Къ 5-ти час. дня кончился объѣздъ. Великій Князь простился съ Гурко и другими начальствующими лицами, и мы пустились въ обратный путь. Около 6-ти час. вечера остановились въ Чириковѣ отдохнуть и закусить: съ 7-ми час. утра никто изъ насъ ничего не ѣлъ.

Обратно ѣхали на нашихъ измученныхъ лошадяхъ (ничего не ѣвшихъ съ ночи) шагомъ и вернулись въ Боготъ только къ 2-мъ час. ночи. Ночь была холодная и сырая, но, къ счастію, лунная и ясная. Сдѣлавъ около 100 верстъ верхомъ, почти не слѣзая съ коня въ продолженіе 17-ти часовъ сряду, я чувствовалъ изрядную усталость.

14 октября.—Сегодня переѣхалъ въ Порадимъ Государь съ главною квартирою

Вчера, во время нашего отсутствія, получена телеграмма отъ Наслѣдника, что 12 октября убитъ на развѣдкѣ князь Сергій Максиміліановичъ, пулею въ лобъ. При немъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Зандеръ. Для сопровожденія тѣла въ Петербургъ назначенъ адъютантъ Непокойчицкаго, лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистръ Максимовичъ.

Вчера вечеромъ скончался смертельно раненый подъ Горнымъ-Дубнякомъ командиръ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, генералъ-маіоръ Лавровъ, недавно бывшій начальникомъ штаба 2-й гвард. пѣх. дивизіи. Тяжело-раненые бригадные командиры этой дивизіи, свиты его величества генералъ-маіоры баронъ Зедделеръ и Розенбахъ, привезены сюда и помѣщены въ особой кибиткѣ, почти рядомъ съ кибиткою Великаго Князя. Сегодня навѣщалъ ихъ: состояніе здоровья обоихъ внушаетъ большія опасенія.

17 октября.—Въ 5 час. утра за мной прислалъ Великій Князь. Пока я одѣвался, за мной зашелъ самъ Непокойчицкій и объявилъ, что Телишъ взятъ. Мы вмѣстѣ пошли къ Великому Князю, у котораго и была составлена мною слѣдующая телеграмма:

«Вчера, 16 октября, войска гвардіи, подъ начальствомъ генерала Гурко, окружили турецкую укрѣпленную позицію у Телиша на софійскомъ шоссе и начали обстрѣливать ее изъ 72 орудій.

Послѣ двухчасового бомбардированія, гарнизонъ Телиша, состоявшій изъ 7-ми таборовъ съ 3-мя орудіями, подъ начальствомъ Ливы-Измаилъ-Хаки-паши, сдался и положилъ оружіе. Изъ состава гарнизона бѣжало не болѣе 300 чел. Остальные, въ томъ числѣ самъ паша и болѣе 100 офицеровъ, пока находятся въ редутѣ у Горнаго-Дубняка, но будутъ отпущены на свободу. Паша и нѣкоторые офицеры предпочли, впрочемъ, остаться въ плѣну.

Во взятіи Телиша участвовали: 1-я бригада 2-й гв. пѣх. дивизіи, 1-я бригада 3-й гв. пѣх. дивизіи, 2-я гвард. кавалер. дивизія, кавказская казачья бригада, 2, 4 и 5 батареи л.-гвар. 1 артилл. бригады, 1, 2 и 5 батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллер. бригады, 2, 3, 5 и донская гвардейскія конныя батареи. Наша потеря: во всей пѣхотѣ 1 убитый и 16 раненыхъ; л.-гв. въ уланскомъ полку, который атаковалъ пѣхоту — 6 офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ; въ остальныхъ частяхъ потери еще неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ ничтожны.

Согласно полученнымъ въ теченіе дня дополнительнымъ донесеніямъ были посланы еще слѣдующія телеграммы:

«Мои уланы при Телишѣ сперва изрубили 150 конныхъ башибузуковъ и черкесовъ, пытавшихся уйти, а затѣмъ атаковали пѣхоту. При этомъ ранены: штабсъ-ротмистры Сафоновъ и Яфимовичъ и корнетъ Жандръ штыками, корнету Ухину прострѣлена пулею верхняя губа. Нижнихъ чиновъ убито и ранено до 50-ти, большею частью штыками.

«Въ томъ же сраженіи легко раненъ командующій л.-гвард. гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій: пуля пробила серебряный портсигаръ и оконтузила ногу; онъ остался въ строю.

«Всего сдалось 7 таборовъ съ 3-мя орудіями. Генералъ Гурко хотѣлъ отпустить безоружныхъ на свободу, но они сами предпочли остаться военно-плѣнными. Паша Измаилъ-Хаки и четыре иностранца, три англичанина и одинъ французъ — привезены сюда. Изъ англичанъ одинъ полковникъ турецкой службы, а двое — доктора, которые оставлены при турецкихъ раненыхъ плѣнныхъ, но сами считаться плѣнными не будутъ, какъ служащіе дѣлу человѣколюбія. Французъ былъ волонтеромъ».

Плѣнныхъ докторовъ-англичанъ Великій Князь пригласилъ даже къ своему завтраку сегодня.

Вечеромъ получено извѣстіе, что изъ Плевны вышло около 2.000 подводъ съ безоружными стариками, женщинами и дѣтьми, но ихъ прогнали обратно. Османъ-паша надѣялся уменьшить число безполезныхъ ртовъ.

18 октября.—Плѣнный паша Измаилъ-Хаки оказался знакомымъ Артамонова: ужасно обрадовался, увидавъ его, бросился ему на шею и долго болталъ съ нимъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Радостно сообщилъ ему, что и другой его знакомый, Тевфикъ-бей, въ Плевнѣ, въ родѣ начальника штаба при Османъ-пашѣ. Вообще, кажется, паша очень доволенъ, что попалъ въ плѣнъ. Вчера, какъ только его привезли, сейчасъ же накормили обѣдомъ: онъ очень оживленно и весело болталъ съ нашимъ драгоманомъ Макѣевымъ.

Цѣлый день идетъ сегодня опросъ плѣнныхъ. Попался и одинъ турецкій офицеръ, бѣжавшій изъ Плевны: онъ показываетъ, что тамъ очень бѣдствуютъ и что нашъ огонь наноситъ войскамъ и жителямъ большой вредъ. Въ снарядахъ такой недостатокъ, что батарейнымъ командирамъ запрещено подъ страхомъ смерти стрѣлять безъ приказанія. Османъ воспретилъ, также подъ страхомъ смерти, наступательныя дѣйствія безъ особаго приказанія. Но о сдачѣ и слышать не хочетъ.

Завтра утромъ отправляемся на берегъ р. Вида, въ д. Медованъ. Серьезной цѣли эта поѣздка не имѣетъ.

19 октября. — Поѣздка въ Медованъ отмѣнена: всю ночь шелъ дождь, и дороги испортились.

Сегодня вернулся изъ Бухареста Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

Весьма опасаюсь, чтобы наше здѣсь присутствіе не повредило успѣху дѣла обложенія Плевны. Между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ уже возникла серьезная размолвка. Великій Князь и прежде дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія прямо отъ себя, посылая свои приказанія частнымъ начальникамъ помимо Тотлебена и даже

не увѣдомляя его. Послѣ перваго же такого случая Тотлебенъ написалъ Непокойчицкому весьма серьезное письмо, прося доложить Великому Князю, чтобы онъ отдавалъ приказанія не иначе, какъ черезъ него. Великій Князь очень разсердился, но воздержаться отъ прямой передачи приказаній исполнителямъ все-таки не могъ. Вчера Великій Князь послалъ прямо отъ себя приказаніе начальнику ловчинскаго отряда генералу Карцову, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ, по тому же дѣлу, другое приказаніе отъ Тотлебена. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, прислалъ сегодня кн. Имеретинскаго доложить Великому Князю, что если такой порядокъ будетъ продолжаться, то онъ, Тотлебенъ, поѣдетъ прямо къ Государю и попроситъ уволить его отъ командованія.

Надо надѣяться, что Великій Князь, какъ онъ ни сердитъ на Тотлебена, поостережется довести до разрыва. Если Тотлебенъ уйдетъ, то вся Россія завинитъ въ этомъ Великаго Князя. Впрочемъ, Государь навѣрное приметъ сторону Тотлебена: правота его слишкомъ очевидна.

Вечеромъ.—Слава Богу, столкновеніе между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ улажено Непокойчицкимъ. Великій Князь сознался, что погорячился. Но уступилъ не вполнѣ. Рѣшено изъять изъ вѣдѣнія Тотлебена войска, расположенныя за р. Видомъ и находящіяся подъ начальствомъ Гурко, который будетъ получать приказанія непосредственно отъ Великаго Князя. Тотлебену же непосредственно подчиняются всѣ войска по сю сторону Вида, за исключеніемъ 2-й бригады 3-й гвард. пѣх. дивизіи, стоящей у д. Трнина: эта бригада подчиняется Гурко. Такимъ образомъ, Гурко фактически обращается въ командира гвардейскаго корпуса.

20 октября. — Сегодня, около 9 часовъ утра мы отправились на рекогносцировку въ деревню Медованъ (20 верстъ отъ Богота). Что имѣлъ въ виду Великій Князь—не знаю. Цѣль опредѣлилась уже тогда, когда мы подъѣзжали къ Медовану. Пришло неожиданное извѣстіе о занятіи Дольнаго-Дубняка нашими войсками, безъ выстрѣла. Великій Князь тотчасъ же сѣлъ верхомъ, и мы поѣхали въ Дольный-Дубнякъ. Въ Медованѣ встрѣтили Тотлебена: Великій Князь пригласилъ его присоединиться къ нему.

Поѣхали вдоль линіи кавалерійскихъ сторожевыхъ постовъ. Доѣхавъ до Дольнаго-Дубняка (деревня была совершенно пуста, даже собакъ не было), повернули по шоссе къ Плевнѣ, затѣмъ свернули влѣво. Великій Князь объѣхалъ передовыя войска и, наконецъ, въѣхалъ на передовую румынскую батарею, между Этрополемъ и Плевною. Турки не стрѣляли, несмотря на то, что не могли не видѣть столпленія свиты на батареѣ, тѣмъ болѣе, что за нею стоялъ цѣлый эскадронъ лейбъ-казаковъ съ развѣвающимся бѣлымъ значкомъ главнокомандующаго. Повидимому, Великаго Князя раздосадовало такое невниманіе непріятеля, потому что онъ приказалъ батареѣ открыть огонь. Прошло полчаса—турки не отвѣчаютъ. Великій Князь сошелъ съ батареи, сѣлъ верхомъ, и мы тронулись въ обратный путь. Тогда только турецкая батарея дала по насъ два выстрѣла, но оба снаряда не долетѣли.

Обратно ѣхали вдоль сторожевой цѣпи лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Командиръ донского казачьяго полка, стоявшаго по близости, нашелъ нужнымъ предостеречь Великаго Князя, что онъ ѣдетъ въ сферѣ турецкаго ружейнаго огня, что непріятельская цѣпь очень близко и ежеминутно можетъ открыть огонь. Великій Князь отвѣчалъ: «Турки въ меня не стрѣляютъ»— и продолжалъ ѣхать вдоль цѣпи.

Подъѣзжая къ рѣкѣ Виду, увидѣли начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генерала Каталея, только-что переправившагося на правый берегъ съ лейбъ-гвардіи литовскимъ и австрійскимъ полками. Оба полка стояли фронтомъ къ западу, а правымъ флангомъ къ своей цѣпи, слѣдовательно и къ непріятелю. Это было оставлено безъ вниманія: Великій Князь не замѣтилъ, увлекшись бесѣдою съ Гурко и Кателеемъ. Между тѣмъ, когда мы еще ѣхали къ Дольному-Дубняку, Великій Князь очень разсердился, увидавъ, что сторожевые посты кіевскаго гусарскаго полка стоятъ уступами *позади* нашей пѣхоты на софійскомъ шоссе. Когда онъ спросилъ командира полка, почему онъ не выдвинулъ сторожевую цѣпь впередъ, тотъ отвѣтилъ, что не получилъ приказанія. Тогда Великій Князь такъ вспылилъ, что закричалъ на него: «Если я еще разъ замѣчу, что ты въ подобныхъ случаяхъ ждешь приказанія, то выгоню тебя изъ арміи, несмотря на твои флигель-адъютантскіе вензеля».

Въ Медованѣ отдохнули, закусили и, около 6-ти часовъ вечера, поѣхали домой. Ночь была совершенно темная, но тихая и, сравнительно, довольно теплая. Дорога—грязная. Въ ночной темнотѣ коляска Великаго Князя опрокинулась, и онъ, вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ, вывалился въ грязь, но никто изъ нихъ не ушибся. Мы едва не проѣхали мимо Богота, не замѣтивъ его въ темнотѣ; но Великій Князь, обладающій изумительною памятью мѣстности, во-время обратилъ вниманіе, что дорога незнакомая. Около 9-ти часовъ вечера мы были дома.

Только-что сѣли обѣдать, какъ Великій Князь позвалъ меня къ себѣ и, прочитавъ вслухъ списокъ утвержденныхъ Государемъ наградъ, поздравилъ меня съ золотымъ оружіемъ.

Во время сегодняшняго объѣзда слышалъ очень много любопытнаго изъ разговоровъ между Великимъ Княземъ и Гурко. Записываю, что успѣлъ запомнить.

1) Великій Князь хотѣлъ слить штабъ гвардейскаго корпуса со штабомъ всего отряда Гурко, назначивъ Нагловскаго общимъ начальникомъ этого своднаго штаба. Онъ сносился съ Наслѣдникомъ, который, однако, не согласился съ этимъ предположеніемъ. Вслѣдствіе этого, Великій Князь велѣлъ вытребовать изъ штаба рущукскаго отряда Гудиму-Левковича для исправленія должности начальника штаба гвардейскаго корпуса.

2) 29 октября былъ пойманъ татаринъ, шедшій отъ Шефкетъ-паши изъ Орханіи къ Османъ-пашѣ въ Плевну съ увѣдомленіемъ, что онъ, Шефкетъ-паша, не можетъ придти къ нему на подкрѣпленіе, и собирается отступать. Татаринъ этотъ, однако, бѣжалъ: всѣ 6 человѣкъ конвойныхъ при немъ заснули.

3) Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, отступивъ послѣ неудачной атаки Телиша, 12-го октября, съ потерею болѣе 1.100 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, успѣлъ подобрать не болѣе 300 человѣкъ. По взятіи Телиша, 16-го октября, всѣ оставленные на полѣ сраженія лейбъ-егеря были найдены страшно изуродованными. Взятые въ Телишѣ въ плѣнъ англичане сами сознались, что турки истязали и грабили нашихъ раненыхъ.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что и наши солдатики тоже не безъ грѣха. 14-го октября, когда мы объѣзжали поле сраженія

подъ Горнымъ-Дубнякомъ, я самъ видѣлъ массу турецкихъ труповъ безъ поясовъ: они были, конечно, сняты нашими изъ-за денегъ, которыя всегда прячутся турками въ поясахъ. Турецкое оружіе и лошади убитыхъ тоже исчезли безслѣдно, очевидно — были разобраны по рукамъ. А между тѣмъ, нашими ружьями, тесаками, сумками и ранцами было усѣяно все поле, и никто ихъ не позаботился прибрать. Видѣлъ я также у одного жандармскаго офицера рѣдкую старинную венгерскую саблю, купленную имъ у какого-то измайловскаго солдата за три рубля. Послѣ сраженія наши гвардейцы, движимые духомъ разрушенія, сожгли превосходные турецкіе бараки, въ которыхъ могли бы жить сами; сожгли также огромные запасы сѣна и собирались сжечь самую деревню, но были остановлены.

При взятіи Телиша, 16 октября, порядку было гораздо больше. Все отобранное у турокъ оружіе и три милліона патроновъ поступили на вооруженіе нашихъ стрѣлковъ.

4) Какъ извѣстно, Дольный-Дубнякъ турки очистили сами въ ночь съ 19 на 20 октября. Наша кавалерія этого и не замѣтила. Если бы не была пододвинута съ вечера 19 октября пѣхота (имѣлось въ виду обложить Дольный-Дубнякъ 20-го и взять его бомбардированіемъ, по примѣру Телиша), то неизвѣстно, когда бы мы узнали объ отступленіи турокъ.

Вообще, дѣйствія нашей кавалеріи за рѣкой Видомъ подъ начальствомъ генерала Крылова—ниже всякой критики. Только Гурко, вступивъ въ командованіе, сурово ее подтянулъ, но все-таки онъ и теперь очень ею недоволенъ.

Крыловъ поспѣшилъ убраться съ театра войны. Черезъ своего бывшаго подчиненнаго, адъютанта Великаго Князя, Скалона (Крыловъ былъ прежде командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка), онъ устроилъ себѣ отчисленіе отъ должности начальника дивизіи, но съ сохраненіемъ содержанія и съ назначеніемъ въ распоряженіе Великаго Князя «по званію генералъ-инспектора кавалеріи». Въ силу такого назначенія, онъ безотлагательно уѣхалъ въ Петербургъ. По этому поводу кто-то успѣлъ пустить въ ходъ слѣдующую остроту:

«Наши войска вокругъ Плевны — Ноевъ ковчегъ, носящійся

по волѣ случая въ ожиданіи паденія Плевны. У Ноя-Тотлебена три сына: Симъ—Гурко, Хамъ—З. и Іафетъ—Криденеръ. Въ ковчегѣ есть чистыя животныя — контролеры, и нечистыя — интенданты. Крыловъ — первый голубь, выпущенный Ноемъ, который не возвратится».

Кстати. На Тотлебена войска смотрятъ съ благоговѣніемъ. Всякій солдатъ понимаетъ, что это генералъ настоящій, мастеръ своего дѣла. Держитъ онъ себя превосходно: съ солдатами—привѣтливъ и заботливъ; съ генералами и офицерами — деликатенъ и обходителенъ, но строго-требователенъ.

Примѣръ. Командиръ 4-го корпуса Зотовъ, получивъ отъ Тотлебена приказаніе, сталъ излагать ему свои соображенія и возраженія. Тотлебенъ слушалъ минутъ пять, затѣмъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «Ваше превосходительство, время не терпитъ. Я васъ прошу сейчасъ же исполнить мое приказаніе, а затѣмъ изложить ваши соображенія письменно и представить мнѣ: я прочту ихъ потомъ».

Другой примѣръ. М. Д. Скобелевъ принялъ на дняхъ прямое приказаніе Великаго Князя, нѣсколько расходившееся съ приказаніями, уже отданными Тотлебеномъ раньше; исполнилъ и донесъ Тотлебену рапортомъ. Тотлебенъ отвѣтилъ слѣдующимъ предписаніемъ: «Прошу ваше превосходительство на будущее время помнить, что никто изъ моихъ подчиненныхъ не имѣетъ права получать прямыхъ приказаній ни отъ кого, кромѣ меня. Поставляя вамъ на этотъ разъ это обстоятельство на видъ, предупреждаю, что повтореніе сочту нарушеніемъ порядка службы».

Начальника 30-й пѣхотной дивизіи, Шнитникова, Тотлебенъ лично распекъ за то, что на его участкѣ батарея была прикрыта казачьею цѣпью вмѣсто стрѣлковой.

Несмотря на строгость, Тотлебена очень цѣнятъ и уважаютъ. Сожалѣютъ даже, что власть его ограничена присутствіемъ Великаго Князя. Всѣ убѣждены, что только Тотлебенъ можетъ справиться съ Плевной и довести Османа до сдачи. Даже Гурко, плохо переносящій чью-либо власть надъ собою, самъ говорилъ мнѣ сегодня, что никогда еще такого авторитетнаго и опытнаго начальника не видалъ; что одинъ Тотлебенъ умѣетъ внушить всѣмъ под-

чиненнымъ столь необходимое убѣжденіе, что онъ больше всѣхъ знаетъ и лучше всѣхъ все съумѣетъ сдѣлать.

Чрезвычайно прискорбно, что возможность столкновеній между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ всегда остается вѣроятною. Великій Князь думаетъ, что руководить столь трудною операціею, какъ обложеніе Плевны—дѣло совсѣмъ простое. У него нѣтъ навыка всесторонне обдумывать сложныя военныя дѣйствія и дѣлать общія распоряженія съ надлежащимъ разсчетомъ времени и въ связи съ дѣйствіями на другихъ фронтахъ. Приказанія его внезапны, отрывочны, безъ корней въ прошедшемъ и безъ ясныхъ разсчетовъ на будущее. Убѣждать его въ необходимости тщательной примѣрки прежде чѣмъ отрѣзать—напрасный трудъ: это слишкомъ несогласно съ его природными свойствами. Боже сохрани, если случится новая неудача подъ Плевною: на него обрушится всею тяжестью единодушное негодованіе всей Россіи. Тотлебена никто винить не будетъ.

Меня, искренно его любящаго и безкорыстно преданнаго ему человѣка, все это очень смущаетъ и заботитъ. Лучше бы намъ оставаться въ Горномъ-Студнѣ и не мѣшать Тотлебену самостоятельно распоряжаться здѣсь.

Одно наше присутствіе здѣсь — уже помѣха. Напримѣръ, 19 октября, Государь сообщилъ, что пріѣдетъ изъ Порадима въ Боготъ къ завтраку и желаетъ видѣть Тотлебена. Тотъ долженъ былъ бросить производившуюся имъ рекогносцировку турецкихъ позицій и спѣшно прискакалъ. Между тѣмъ, Государь отказалъ свой пріѣздъ по причинѣ дождя. Тотлебенъ дѣла не кончилъ, а въ Боготъ пріѣхалъ напрасно.

21 октября. — Пріѣзжали являться великіе князья Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ — по случаю пожалованія георгіевскихъ крестовъ. Оба остались къ завтраку.

Получено донесеніе о взятіи укрѣпленій Тетевеня отрядомъ генерала Карцова. Государь сообщилъ, что желаетъ посѣтить войска гвардіи, за рѣкой Видомъ, и назначаетъ для сего 23 октября. Вслѣдствіе этого, Великій Князь рѣшилъ ѣхать завтра впередъ, переночевать въ Медованѣ и тамъ ожидать Государя. Мнѣ приказалъ ѣхать съ нимъ.

22 октября.—Государь пріѣзжалъ сегодня утромъ. Великій Князь представлялъ ему всѣхъ чиновъ своей свиты, получившихъ награды, въ томъ числѣ и меня.

У меня слегка разстроился желудокъ. Великій Князь, за завтракомъ, тотчасъ замѣтилъ перемѣну въ лицѣ и отсутствіе аппетита и, спросивъ о причинѣ, приказалъ мнѣ оставаться дома, ласково сказавъ при этомъ, что ему мое здоровье дорого. Непокойчицкій былъ очень доволенъ этимъ и приказалъ мнѣ принимать всѣ приходящія на его имя депеши и дѣлать надлежащія по содержанію ихъ распоряженія.

Около двухъ часовъ дня Великій Князь съ Непокойчицкимъ, Левицкимъ и нѣсколькими адъютантами и ординарцами уѣхалъ въ Медованъ.

Погода вчера и сегодня—отвратительная: холодъ, дождь, невылазная грязь.

23 октября. — Мокро, холодно и грязно. Вчера и сегодня цѣлый день провелъ въ составленіи общихъ реляцій о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Государь со свитою отправился сегодня за рѣку Видъ смотрѣть войска Гурко.

24 октября, понедѣльникъ.—Къ часу пополудни прибылъ Государь со свитой и Тотлебеномъ и остался у насъ завтракать. Великій Князь отсталъ отъ него, остановившись у деревни Трнины (по сю сторону рѣки Вида) для осмотра участка позиціи, занятаго отрядами генералъ-маіора фонъ-Бремзена (2-я бригада 3-й гвард. пѣх. дивизіи), впереди Трнины, и М. Д. Скобелева, на плевно-ловчинскомъ шоссе. Его предупреждали, что оба участка обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ, но онъ опять отвѣтилъ, что въ него турки не стрѣляютъ, и осмотрѣлъ позиціи Бремзена и Скобелева. И дѣйствительно, съ турецкой стороны опять не было огня. Во время завтрака Государь, получивъ шифрованныя депеши, удостоилъ подозвать меня и приказалъ ихъ расшифровать. Я немедленно это исполнилъ и, представивъ Государю расшифрованный текстъ, рѣшился спросить (завтракъ подошелъ къ концу и уже по-

дали кофе), не благоугодно ли будетъ Его Величеству прослушать только-что полученную подробную реляцію о взятіи Тетевеня. Государь тотчасъ же заинтересовался и приказалъ мнѣ ее принести и прочесть во всеуслышаніе.

По окончаніи чтенія, Государь милостиво поблагодарилъ и уѣхалъ въ Порадимъ, а Тотлебенъ—къ себѣ, въ Тученицу.

Часа черезъ два послѣ его отъѣзда, вернулся Великій Князь и тотчасъ же послалъ за мной. Прежде всего спросилъ о состояніи моего здоровья, затѣмъ подробно разспросилъ о пребываніи у насъ Государя и, выразивъ полное удовольствіе, велѣлъ принести и прочесть вслухъ ту же реляцію о взятіи Тетевеня.

25 октября. — Сегодня чудная погода: небо безоблачное, солнце такъ и сіяетъ, воздухъ необыкновенно легкій и 15° въ тѣни.

Разсказывали мнѣ сегодня подробности о румынскихъ дѣйствіяхъ 7 октября, когда они сперва, будто бы, взяли, а потомъ отдали турецкій редутъ. По свѣдѣніямъ штаба Тотлебена, дѣло было такъ. Добѣжавъ до рва редута, румыны въ немъ засѣли на цѣлый часъ. Офицеры напрасно старались ихъ заставить идти на приступъ, а когда одинъ изъ нихъ застрѣлилъ самаго непослушнаго изъ револьвера, то остальные солдаты тутъ же закололи не только его, но и еще двухъ офицеровъ, а затѣмъ бросились бѣжать, понеся, конечно, при этомъ большія потери отъ турецкаго огня.

Вотъ это безконечное сидѣнье во рву и подало румынскому начальству поводъ думать, что редутъ взятъ. Поторопились сообщить князю Карлу, а тотъ поспѣшилъ телеграфировать Великому Князю о взятіи редута. Затѣмъ, когда дѣло выяснилось, не оставалось ничего другого, какъ телеграфировать, что турки взяли редутъ обратно.

Рядомъ съ участкомъ румынскихъ войскъ—участокъ 9-го корпуса, барона Криденера. Онъ уже давно заявилъ, что вмѣстѣ съ румынами дѣйствовать не будетъ. Будучи беззастѣнчивыми хвастунами, они разблаговѣстили по всей Европѣ (которая, изъ недоброжелательства къ намъ, охотно имъ повѣрила), что не наши, а румынскія войска взяли 30 августа гривицкій редутъ, тогда какъ на

самомъ дѣлѣ всѣ они отстали, и только небольшая часть баталіона маіора Попеско ворвалась въ редутъ вмѣстѣ съ нашими войсками. Государь, по личной просьбѣ князя Карла, подарилъ румынамъ взятыя нашими войсками пушки и одно знамя: теперь румыны хвастаютъ, что они взяли эти трофеи сами.

Пріѣхалъ отъ Гурко Пузыревскій: привезъ планъ наступленія къ Орханіи и далѣе, къ Софіи. Великій Князь его немедленно выслушалъ и, выразивъ полное сочувствіе, рѣшилъ ѣхать завтра съ этимъ планомъ къ Государю.

26 октября.—Чудная погода. Великій Князь съ Непокойчицкимъ, взявъ съ собою и Пузыревскаго, ѣздилъ къ Государю, который одобрилъ планъ наступленія отряда Гурко на Софію. Рѣшено оставить для обложенія Плевны съ лѣваго берега Вида 3-ю гвардейскую, 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи, а остальныя войска гвардіи (1-ю и 2-ю гвард. пѣхотную дивизіи, гвардейскую стрѣлковую бригаду, лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ и 2-ю гвард. кавал. дивизію) съ 2-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи и кавказскою казачьею бригадою, подъ общимъ начальствомъ Гурко, двинуть черезъ Радомирцы къ Орханіи. Движеніе должно начаться 1-го ноября. Всѣ приказанія о передвиженіи войскъ уже посланы сегодня. Непокойчицкій устранилъ Левицкаго отъ распоряженій по этому плану, очевидно вслѣдствіе обнаруженнаго имъ несочувствія: Левицкій считаетъ этотъ планъ рискованнымъ, и вчера высказалъ это Непокойчицкому и Великому Князю. Отчасти онъ правъ: во-первыхъ, мы опять остаемся безъ резерва; во-вторыхъ, опять избираемъ предметомъ дѣйствій не непріятельскую армію, а стратегически важные пункты; въ-третьихъ, предпринимаемъ походъ въ самую распутицу, не обезпечивъ подвоза. Если терпимъ нужду въ продовольствіи, стоя на мѣстѣ, то какой же шансъ получать его во-время, удалившись еще болѣе въ глубь страны? Левицкій говоритъ, что самъ Государь, послѣ третьей Плевны, упрекалъ насъ за то, что дѣйствуемъ всегда безъ резерва, а принятіе плана Гурко есть буквальное повтореніе прежняго. Если туркамъ вздумается перейти въ серьезное наступленіе противъ рущукскаго или шипкинскаго отрядовъ—намъ нечѣмъ ихъ подкрѣпить.

Все это небезосновательно, но, тѣмъ не менѣе, планъ соблазнителенъ. Безъ риска никогда и ни въ чемъ нѣтъ крупнаго выигрыша. А намъ нельзя тянуть кампанію; если не добьемся рѣшительнаго результата до весны—непремѣнно вмѣшается Англія, къ ней сейчасъ же примажется Австрія—и начнется европейская война.

Мы же, по совѣсти говоря, къ такой войнѣ совсѣмъ не готовы: ни средствъ, ни войскъ, ни умѣнья, ни достаточно подготовленныхъ людей.

Трудно себѣ представить, до чего у насъ не вѣрна оцѣнка личностей. Совсѣмъ нѣтъ умѣнья ни подбирать подходящихъ людей къ мѣстамъ, ни распознавать способности. Назначенія дѣлаются совсѣмъ зря, а иногда явно несообразныя. На дняхъ, кавалерійскому полковнику дали пѣхотный полкъ, а ротмистру—стрѣлковый баталіонъ, съ переименованіемъ въ подполковники. Оба назначенія состоялись только потому, что они флигель-адъютанты; кто попалъ въ свиту—считается уже на все способнымъ. Того же взгляда держится и Великій Князь: своихъ адъютантовъ и ординарцевъ (въ числѣ которыхъ есть совсѣмъ неопытные юнцы) онъ считаетъ способными на все. Даетъ имъ серьезнѣйшія порученія, съ которыми не всякій офицеръ генеральнаго штаба справится. Между тѣмъ, офицеры генеральнаго штаба сплошь и рядомъ сидятъ безъ дѣла или за перепискою. Донесеніямъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ довѣряетъ больше, чѣмъ начальникамъ отрядовъ. Такъ было съ самаго начала кампаніи, такъ продолжается и теперь. Было бы совсѣмъ напраснымъ трудомъ доказывать ему, что это—невозможный порядокъ вещей.

27 октября.—Опять чудная погода. Государь поѣхалъ объѣзжать румынскія позиціи. Великій Князь послалъ Левицкаго сопровождать. Вернулся Левицкій въ восторгѣ отъ ласковаго обращенія Государя.

29 октября.—Вчерашняя канонада означала взятіе Скобелевымъ перваго гребня такъ называемыхъ «Зеленыхъ горъ». Въ

11 часовъ вечера турки пытались вытѣснить нашихъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. За ночь взятая позиція была укрѣплена; и когда сегодня, около 7 часовъ вечера, турки вторично ее атаковали, то были опять отброшены. Наша потеря: 2 убитыхъ и 3 раненыхъ офицера и до 150 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Нынче же ночью впереди Трнины сооруженъ отрядомъ Бремзена большой редутъ на такъ называемой «Волынской горѣ». Къ утру окончено вооруженіе редута.

Вечеромъ Великій Князь пригласилъ меня къ чаю. За чаемъ, по его приказанію, я составилъ и послалъ (за подписью Непокойчицкаго) телеграммы: 1) Гурко въ Дольный-Дубнякъ—чтобы немедленно выслалъ съ лѣваго берега Вида всѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ и сообщилъ объ этомъ всѣмъ частнымъ начальникамъ къ исполненію; не допускать также и англійскаго полковника Гавелока, не взирая на имѣющееся у него Высочайшее разрѣшеніе разъѣзжать по нашимъ позиціямъ. 2) Князю Имеретинскому въ Тученицу: «Прикажите слѣдить за англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ, не дозволять ему осматривать наши позиціи и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать его на лѣвый берегъ Вида. Пусть живетъ въ Тученицѣ или Боготѣ. Если изберетъ Тученицу, прикажите за нимъ слѣдить». 3) Генералу Карцову въ Ловчу: «иностранныхъ корреспондентовъ и особенно англійскаго полковника Гавелока дальше Ловчи не пускайте и прикажите слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не переходилъ на лѣвый берегъ Вида».

По отправленіи этихъ телеграммъ, была получена телеграмма Гурко о взятіи вчера (28 октября) города Врацы кавалерійскимъ отрядомъ генералъ-маіора Леонова. Тотчасъ же копія съ этой телеграммы была послана Государю и затѣмъ въ Петербургъ и прочія мѣста, какъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ, какъ мы подъ Плевною, установился такой порядокъ: каждое получаемое съ театра войны извѣстіе сообщается прежде всего Государю, а затѣмъ по телеграфу: въ Царское Село—Императрицѣ, въ Петербургъ — начальнику главнаго штаба; въ Москву — Каткову; въ Одессу—градоначальнику; въ Бухарестъ—начальнику тыла арміи

генералъ-адъютанту Дрентельну и нашему генеральному консулу и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ: рущукскаго — Наслѣднику Цесаревичу; шипкинскаго—Радецкому; тырновскаго—князю Шаховскому; плевнинскаго — Тотлебену; нижнедунайскаго — Циммерману. Болѣе важныя извѣстія посылаются еще великому князю Михаилу Николаевичу на Кавказъ.

Взятіе Врацы одною кавалеріею — добрый знакъ: очевидно, турецкія войска деморализованы. Въ Плевнѣ тоже не важно: по показаніямъ перебѣжчиковъ, тамъ еще двѣ недѣли тому назадъ давали по $1^1/_2$ фунта хлѣба и около 1 фунта мяса на человѣка, а теперь даютъ $^3/_4$ фунта и по двѣ кукурузы, а дача мяса прекращена. Такъ какъ теперь всякій подвозъ въ Плевну прерванъ, то тамъ скоро долженъ наступить голодъ, и, слѣдовательно, вопросъ сдачи Плевны есть лишь вопросъ времени. Только бы намъ хватило терпѣнія выждать, да не надѣлать какихъ-нибудь крупныхъ промаховъ.

30 октября.—Вчера между Гурко и Скобелевымъ происходилъ эффектный, хотя и напрасный турниръ. Гурко пріѣхалъ къ Скобелеву на позицію переговорить. Скобелевъ, разговаривая съ нимъ на ходу, сталъ какъ бы нечаянно подниматься на брустверъ. Гурко, разумѣется, не отсталъ. Оба, стоя на гребнѣ бруствера, продолжали разговоръ и разглядывали турецкую позицію. Разумѣется, турки открыли по нимъ огонь. Тогда никто не захотѣлъ первымъ сойти съ бруствера и оба стали прохаживаться, продолжая разговоръ. Нѣсколько гранатъ перелетѣло; наконецъ, одна врылась въ брустверъ почти у ихъ ногъ, но, по счастію, не разорвалась, а только осыпала обоихъ генераловъ землей. И послѣ этого они продолжали еще стоять на брустверѣ нѣкоторое время, пока, наконецъ, не надумали спуститься одновременно.

Скобелевъ съ Куропаткинымъ переселились теперь на самую передовую позицію: въ траншеѣ живутъ, обѣдаютъ и спятъ. Скобелевскій поваръ уже былъ раненъ на своей «кухнѣ», во время приготовленія пищи.

Передъ обѣдомъ Великій Князь ѣздилъ на радишевскую батарею.

Сегодня за обѣдомъ всѣ напали на начальника полевого телеграфа, генералъ-маіора Шталя: сперва за неисправность телеграфа вообще, а потомъ—за нелѣпый тарифъ. Въ Порадимѣ двѣ станціи: русская и румынская. Румынская беретъ за депешу въ Петербургъ 6 франковъ, а русская—9. Румыны примѣняютъ румынскій, а мы—турецкій тарифъ. Первые говорятъ: «гдѣ мы, тамъ и Румынія», а мы, настоящіе завоеватели, считаемъ себя въ Турціи. Вслѣдствіе этого, всѣ частныя депеши посылаются всѣми, не исключая лицъ государевой свиты, черезъ румынскую станцію. Почти невѣроятная несообразность.

Великій Князь все время прислушивался къ этому спору и смѣялся. Шталь довольно неискусно отбивался и наконецъ имѣлъ неосторожность сказать: «Я, какъ истинный сынъ своего отечества, долженъ стараться принести ему пользу». На этомъ словѣ его поймалъ присяжный острякъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Коссинскій (инспекторъ госпиталей арміи): «Постойте. Вы — дитё своего отечества? Такъ я вамъ вотъ что разскажу: Однажды пріѣзжаетъ императоръ Николай I въ нѣкій губернскій городъ. Въ числѣ представляющихся — нѣкто Романовъ, бросающійся въ глаза своимъ безобразіемъ.—«Какъ фамилія?»—Романовъ, ваше императорское величество.—«Родственникъ мнѣ?»—Точно такъ, ваше императорское величество. — «Какимъ образомъ?»—Ваше императорское величество отецъ отечества, а я его сынъ. —«Въ семьѣ не безъ урода!»—замѣтилъ Николай Павловичъ.

Общій хохотъ закончилъ споръ.

Поощренный Коссинскій тотчасъ же разсказалъ уже современный анекдотъ о томъ, какъ объясняютъ себѣ наши солдаты румынское союзничество. «Только что мы къ Балканамъ подошли,—стала эта румынская Карла нашего царя просить, чтобъ его въ короли произвелъ. А нашъ царь и говоритъ:—Произвести тебя я могу, только ты мнѣ сперва мужество свое яви: вотъ эту самую Плевну возьми.—Я бы,—говоритъ Карла,—радъ стараться для вашего величества, да войсковъ у меня мало.—Ну,—говоритъ царь,—этого у меня сколько угодно. Ты себя чѣмъ можешь оправдай.—Съ тѣхъ поръ и сталъ румынская Карла подъ Плевной стараться, чтобъ черезъ есто въ короли произойти».

По приказанію Великаго Князя, Нелидовъ заготовилъ письмо Осману-пашѣ съ предложеніемъ сдаться. Завтра его пошлютъ.

31 октября.—Утромъ получена телеграмма Радецкаго, что вчера, въ 11 час. утра, турки открыли усиленный огонь, а въ 4 часа дня, по сигналу, атаковали гору св. Николая, но были отбиты залпами иркутскаго и енисейскаго полковъ. Наши потеряли 9 убитыми и 74 ранеными (въ томъ числѣ 2 офицера).

Нынче ночью румыны заняли безъ потерь высоту противъ Опанецкой горы (на лѣвомъ берегу Вида) и устраиваютъ тамъ новую батарею.

Сегодня Левицкій прочелъ Великому Князю и Непокойчицкому составленную имъ записку, возражающую противъ движенія Гурко къ Орханіи и далѣе. Суть записки въ томъ, что движеніе это преждевременно и опасно: надо обождать паденія Плевны. Великій Князь выслушалъ и сказалъ, что переговоритъ лично съ Гурко.

Артамоновъ и Макѣевъ (драгоманъ) повезли около 3-хъ час. дня Осману-пашѣ письмо Великаго Князя, составленное Нелидовымъ, излагая ему безвыходность его положенія и прося принять увѣреніе въ томъ, что онъ не остановится ни передъ какими усиліями и жертвами, чтобы взять Плевну. — Великій Князь предлагаетъ Осману, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, сдаться на капитуляцію. Оговариваетъ при этомъ, что въ уваженіе къ блистательной храбрости Османа и его арміи — условія капитуляціи будутъ для него почетны.

Великій Князь надѣялся, что Артамонова и Макѣева допустятъ къ самому Осману-пашѣ. Однако, не допустили, а остановили на шоссе недоѣзжая Гривицы, приняли письмо и вѣжливо попросили тутъ же подождать отвѣта до слѣдующаго дня. Такъ они тамъ и заночевали.

Никто серьезно не надѣется на согласіе Османа. Самое письмо писано больше для деморализаціи его свиты, въ надеждѣ, что они будутъ болтать и слухъ о содержаніи письма помаленьку распространится въ массѣ защитниковъ Плевны. Дезертиры говорятъ, что разговоры о сдачѣ уже начались въ Плевнѣ и что двое пашей,

будто бы, весьма не прочь капитулировать, но самъ Османъ-паша—ни за что не хочетъ.

1 ноября, вторникъ.—Вчера пріѣхалъ съ Кавказа въ императорскую главную квартиру, а сегодня былъ у насъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, съ Георгіемъ на шеѣ. Если вѣрить молвѣ, то весь планъ новой, побѣдоносной кампаніи на Кавказѣ принадлежитъ ему, и онъ же направлялъ своими совѣтами первыя распоряженія къ исполненію этого плана: за это и награжденъ прямо Георгіемъ 3-й степени, по представленію Великаго Князя Михаила Николаевича. Зачѣмъ Обручевъ пріѣхалъ сюда и надолго ли—не знаю. Заходилъ сегодня къ намъ, былъ очень милъ, много и съ интересомъ разспрашивалъ, но уклонялся отъ всякихъ отвѣтовъ на наши разспросы, отзываясь, что вѣроятно скоро вернется въ Петербургъ читать лекціи въ академіи. Великій Князь принялъ его очень любезно, хотя терпѣть его не можетъ и не скрываетъ — за что. Когда, въ 1863 году, былъ объявленъ походъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, то Обручевъ сложилъ съ себя званіе начальника штаба этой дивизіи, открыто заявивъ, что не желаетъ участвовать въ братоубійственной войнѣ, и перешелъ въ главный штабъ, на должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета.

Хотя съ тѣхъ поръ много воды утекло и Обручевъ давно уже бросилъ свой ярый либерализмъ [1]), но Великій Князь ни простить, ни забыть этого не можетъ. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ эту исторію, о которой я, будучи въ 1863 году молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, и не подозрѣвалъ.

Отъ насъ Обручевъ уѣхалъ къ Тотлебену въ Тученицу.

Государь пріѣзжалъ сегодня къ завтраку. Передъ завтракомъ Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ въ кибитку, приказавъ принести съ собой реляцію о взятіи Врацы. Войдя, я увидѣлъ Государя, сидѣвшаго рядомъ съ Великимъ Княземъ за столомъ. Государь милостиво отвѣтилъ на мой поклонъ и, продолжая разго-

[1]) Еще раньше, въ 1858 или 1859 году, Обручевъ редактировалъ „Военный Сборникъ“ вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ, а печатался этотъ оффиціальный журналъ—въ типографіи Іосафата Огризко, впослѣдствіи казненнаго.

воръ съ Великимъ Княземъ, при мнѣ началъ разсказывать ему, что получилъ отъ Швейница (германскаго посла при нашемъ дворѣ) письмо: Порта просила князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополѣ) исходатайствовать посредничество Германіи для начала мирныхъ переговоровъ, но Рейссъ отвѣтилъ, что если Порта серьезно желаетъ мира, то можетъ послать уполномоченнаго прямо въ императорскую главную квартиру, тѣмъ болѣе, что она находится на турецкой территоріи. Къ этому разсказу Государь прибавилъ, что онъ телеграммою поблагодарилъ императора Вильгельма за такой отвѣтъ его посла.

Затѣмъ Государь обратился ко мнѣ и приказалъ пригласить военнаго министра и Непокойчицкаго и вернуться вмѣстѣ съ ними. Исполнивъ это, я по знаку Государя началъ чтеніе реляціи вслухъ, сопровождая чтеніе объясненіями насчетъ относительнаго расположенія пунктовъ, о которыхъ упоминалось въ реляціи. Должно быть, выходило ясно, потому что Государь, слушая съ очевиднымъ вниманіемъ, ни разу меня не остановилъ и даже не взглянулъ па лежавшую передъ нимъ карту.

По окончаніи чтенія, я представилъ Государю присланныя мнѣ корреспондентомъ «Новаго Времени» и фотографомъ-любителемъ, А. Д. Ивановымъ, двѣ фотографіи: портретъ раненаго Драгомирова и группу плѣнныхъ турокъ: паши съ его штабомъ, окруженныхъ нашимъ конвоемъ. Государь съ большимъ интересомъ разсмотрѣлъ обѣ фотографіи, а затѣмъ всталъ и направился съ Великимъ Княземъ, Милютинымъ и Непокойчицкимъ въ шатеръ къ завтраку, а за ними и я.

Послѣ завтрака, Государь съ Великимъ Княземъ поѣхалъ на встрѣчу 2-й гренадерской дивизіи, которая около двухъ часовъ дня должна пройти по плевно-ловчинскому шоссе, направляясь на лѣвый берегъ Вида.

9 час. вечера.—Артамоновъ и Макѣевъ вернулись часа три тому назадъ и привезли отвѣтное письмо Османа-паши. Его самого не видали: ихъ не пустили дальше сторожевой цѣпи. И вчера, и сегодня, они имѣли разговоръ съ однимъ и тѣмъ же офицеромъ 1-го турецкаго гвардейскаго полка, будучи при этомъ предметами любопытства массы турецкихъ солдатъ. Вчера офицеръ началъ съ

того, что попросилъ ихъ подождать; затѣмъ, вернувшись, пригласилъ пріѣхать за отвѣтомъ сегодня въ два часа дня. Артамоновъ и Макѣевъ переночевали въ д. Гривицѣ, такъ какъ возвращаться въ Боготъ было слишкомъ далеко. Когда они подъѣхали къ турецкимъ аванпостамъ сегодня, то были встрѣчены сперва очень враждебно. Но когда Макѣевъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, турецкіе часовые послали за офицеромъ, а сами взяли ружья на изготовку. Немного погодя, пріѣхалъ уже знакомый имъ офицеръ, привезъ Артамоновскую сумку (которая, такимъ образомъ, побывала у Османа) и въ ней отвѣтное письмо Османа-паши. При этомъ очень любезно передалъ поклоны: Великому Князю и Макѣеву—отъ самого Османа, а Артамонову—отъ его стараго знакомаго, начальника штаба Тевфикъ-бея.

Въ письмѣ своемъ Османъ-паша очень благодаритъ Великаго Князя за вниманіе, но не находитъ, чтобы его положеніе вынуждало его воспользоваться сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Ему, Осману, извѣстно, что онъ окруженъ, но ничего особеннаго онъ въ этомъ не видитъ. Онъ и помыслить не можетъ предлагать своей храброй арміи капитулировать, а намѣренъ, какъ подобаетъ честному солдату, отстаивать до послѣдней капли крови свою позицію, честь своей арміи и интересы своей родины.

Превосходный отвѣтъ! На согласіе капитулировать все равно никто серьезно не надѣялся. Теперь, получивъ энергическій и полный достоинства отказъ, мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ убаюкивать себя легкомысленными надеждами на скорое и легкое овладѣніе Плевною. Намъ нужны терпѣніе, вниманіе и настойчивая послѣдовательность въ стремленіи къ цѣли: тогда и Плевна будетъ наша. Это лишь вопросъ времени.

2 ноября.—Сегодня Великій Князь поѣхалъ на свиданіе съ Гурко. Я его не сопровождалъ: надо кончать спѣшную работу по составленію подробныхъ реляцій о дѣйствіяхъ Скобелева 30-го и 31-го августа для отправки въ главный штабъ.

Къ обѣду Великій Князь вернулся. Результатъ: Гурко двинется впередъ пока только до Орханіи и, по овладѣніи этимъ пунктомъ, постарается занять горные проходы, а дальше не пой-

детъ, пока не будетъ взята Плевна. Подъ начальство Гурко поступаютъ гвардейская стрѣлковая бригада, 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя и 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія остается подъ Плевною, а 2-я гренадерская дивизія замѣнитъ 1-ю гвардейскую. Общее начальство надъ всѣми войсками, облагающими Плевну, возлагается на Тотлебена, который предполагаетъ переѣхать изъ Тученицы въ Медованъ, чтобы быть ближе къ войскамъ, блокирующимъ Плевну съ лѣваго берега Вида.

Рѣшеніе не зарываться черезчуръ впередъ прежде паденія Плевны—весьма благоразумно. Война—тотъ же штоссъ: если везетъ — можно ставить вабанкъ хоть нѣсколько разъ подрядъ; если нѣтъ — необходимо ограничиваться простыми ставками. Насильно счастья не возьмешь: оно дается въ руки само, и то лишь тому, кто умѣетъ его ловить. А неудачникамъ надо умѣть терпѣть и выжидать.

Тѣмъ болѣе теперь, когда положеніе защитниковъ Плевны ухудшается съ каждымъ днемъ. По показаніямъ бѣглыхъ болгаръ, число которыхъ доходитъ теперь до 100—150 въ день, и турецкихъ дезертировъ (ежедневно человѣкъ 10—15), духъ войскъ въ Плевнѣ заколебался. Офицеры, будто бы, успокоиваютъ солдатъ надеждою на скорое прибытіе подкрѣпленій, съ помощью которыхъ армія будетъ пробиваться. Можетъ быть, это и вздоръ, но на всякій случай войска наши предупреждены.

Одинъ изъ турецкихъ дезертировъ принесъ съ собой и показалъ суточную дачу хлѣба въ Плевнѣ: небольшой хлѣбецъ въ $^3/_4$ ф. вѣсомъ. Мяса уже давно не получаютъ.

Вполнѣ надежныхъ данныхъ для сужденія, на сколько времени арміи Османа хватитъ продовольствія—все-таки нѣтъ. Предполагаемъ, что не болѣе, какъ на мѣсяцъ.

Сегодня узналъ интересную прелюдію къ предложенію Осману-пашѣ сдачи. Уже нѣсколько дней тому назадъ къ нему посылали сына Садыкъ-паши (Чайковскаго) съ однимъ плѣннымъ турецкимъ офицеромъ, Риза-беемъ, чрезвычайно интеллигентнымъ человѣкомъ. Имъ обоимъ, особенно же послѣднему, было поручено: разузнать, что дѣлается въ Плевнѣ, по возможности подготовить умы къ сдачѣ

и затѣмъ вернуться. При этомъ имѣли еще неосторожность намекнуть Риза-бею на денежное вознагражденіе. Онъ какъ будто поддался на соблазнъ, но искренно или нѣтъ—неизвѣстно. Фактъ тотъ, что когда оба подъѣхали къ турецкимъ аванпостамъ, то Риза-бея пропустили, а Чайковскому велѣли обождать на нашихъ аванпостахъ. Онъ прождалъ напрасно нѣсколько дней: его такъ и не пригласили. А Риза-бей не вернулся изъ Плевны и по сей часъ.

Этого Риза-бея допрашивалъ самъ Великій Князь. Отправка его — дѣло очень неосторожное. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Риза-бей проѣхалъ къ туркамъ, обозрѣвъ по пути значительную часть расположенія нашихъ войскъ. Но еще легкомысленнѣе было посылать Артамонова и Макѣева съ предложеніемъ сдачи, не дождавшись возвращенія Риза-бея. Оконфузили мы себя.

Погода послѣдніе 4—5 дней пасмурная, холодная и туманная, но безъ дождя. Листопадъ почти окончился.

3 ноября.—Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что сильно работаетъ въ пользу мира. Полагаетъ, что если покончимъ съ Плевной и возьмемъ въ плѣнъ Османа, то турки запросятъ мира сами. Немудрено. Только согласны ли мы будемъ на этомъ помириться.

Нынче ночью опять былъ наступательный бой у Скобелева на «Зеленыхъ горахъ». Тотлебенъ очень разсердился и объявилъ ему, что если онъ сдѣлаетъ хотя еще одинъ шагъ впередъ, то будетъ отданъ подъ судъ за ослушаніе.

Хуже всего то, что Скобелевъ сильно контуженъ къ поясницу и теперь лежитъ. Смерть его была бы всероссійскимъ бѣдствіемъ, ибо сомнѣнія нѣтъ, что онъ уже сдѣлался народнымъ героемъ. Тѣмъ ужаснѣе, что онъ рискуетъ своею жизнью безъ всякой надобности, только для того, чтобы разговоры о немъ не умолкали ни на одинъ день. Хотя онъ и говоритъ, что зеленогорскія перестрѣлки служатъ ему средствомъ для боевого крещенія массы людей, поступившихъ на укомплектованіе его дивизіи и еще не бывавшихъ въ огнѣ, но едва ли эта цѣль серьезно заслуживаетъ ежедневныхъ (и немалыхъ) жертвъ. Прежде у него 5 баталіоновъ стояли въ боевой линіи, а 16—въ резервѣ, теперь же—наоборотъ.

А между тѣмъ отъ занятія Зеленыхъ горъ ни мы ничего не выиграли, ни турки ничего не проиграли.

Разъ рѣшено ограничиваться блокадою, гораздо благоразумнѣе и послѣдовательнѣе было бы беречь жизнь и силы людей, чтобы они были свѣжи, когда потребуется особое напряженіе. Вмѣсто этого—утомляемъ самихъ себя больше, чѣмъ турокъ.

Дѣла ихъ, впрочемъ, не особенно хороши: держатся, очевидно, только желѣзною энергіею Османа. Ежедневно бѣгающіе теперь изъ Плевны болгары согласно показываютъ, что продовольствія для войскъ хватитъ не больше, какъ на мѣсяцъ, а корма для лошадей и скота—дней на десять. Говорятъ также, что турецкіе солдаты часто убѣгаютъ съ позицій въ городъ, откуда ихъ выгоняютъ палками офицеры. Подтверждаютъ, что якобы офицеры успокоиваютъ солдатъ обѣщаніемъ, что въ эту же пятницу (т.-е. завтра, 4-го ноября) подойдутъ подкрѣпленія, съ помощью коихъ будутъ пробиваться.

Вчера отрядъ Гурко двинулся въ походъ. Въ добрый часъ!

Государь пріѣзжалъ сегодня самъ къ Великому Князю узнавать, что именно происходило ночью у Скобелева на позиціи.

4 ноября.—Сегодня въ восемь часовъ утра Великій Князь ѣздилъ въ Брестовацъ, такъ какъ было получено извѣстіе, что Скобелевъ вторично раненъ. Оказалось, что это та же контузія, но очень сильная. Великій Князь сгоряча даже телеграфировалъ Государю въ Порадимъ, на что и былъ полученъ отъ его величества слѣдующій отвѣтъ: «Крайне сожалѣю о ранѣ молодца Скобелева. Дай Богъ, чтобы онъ могъ скорѣе поправиться и продолжать командовать. Отправляюсь отсюда въ половинѣ перваго часа прямо къ редуту».

Вслѣдствіе этой телеграммы, Великій Князь, вернувшись отъ Скобелева, почти немедленно отправился на радишевскій редутъ, куда собирался прибыть Государь для наблюденія за обстрѣливаніемъ Плевны. Я поѣхалъ съ нимъ. Но, по прибытіи къ редуту, Великій Князь почувствовалъ дурноту и долженъ былъ вернуться, не дождавшись Государя. По возвращеніи, его сильно стошнило, онъ ослабѣлъ и долженъ былъ лечь въ постель. Это все послѣдствія тяжелой кишиневской болѣзни (тимпанитъ).

5 ноября.— Великому Князю лучше, но онъ еще долженъ сегодня отлежаться. Государь спрашивалъ по телеграфу о здоровьи его и Скобелева.

Сегодня въ кибиткѣ Непокойчицкаго (самъ онъ, съ наступленіемъ холодовъ, перешелъ на житье въ болгарскую хижину) устроена походная церковь, и вечеромъ въ ней первый разъ была всенощная.

6 ноября, воскресенье.—Великолѣпный день: тихо, тепло, солнце сіяетъ на безоблачномъ небѣ. Вечеръ тоже дивный, хотя и морозный: ярко горятъ звѣзды и луна. У насъ въ кибиткѣ къ ночи цѣлыхъ 8° тепла.

Сегодня вечеромъ получено радостное извѣстіе о взятіи Карса, тотчасъ же сообщенное по телеграфу всѣмъ начальникамъ отрядовъ. Государь телеграфировалъ Великому Князю: «По случаю взятія Карса, намѣренъ отслужить здѣсь, послѣ-завтра, благодарственный молебенъ. Да поможетъ намъ Богъ покончить скорѣе съ Плевной. Съ особымъ удовольствіемъ прочелъ я донесеніе Леонова [1]). Это не то, что дѣйствія Лашкарева».

Къ ночи пришла еще вторая телеграмма отъ Государя:

«Я буду завтра въ половинѣ перваго къ молебну у тученицкаго редута, послѣ чего заѣду тебя навѣстить. Прикажи конвою моему и лошадямъ ожидать меня у редута. Радуюсь, что тебѣ лучше».

7 ноября. — Чудное, морозное, солнечное утро, бодрящій воздухъ.

Великій Князь, чувствуя себя лучше, поѣхалъ на молебствіе въ Высочайшемъ присутствіи. Я былъ тоже. Присутствующихъ масса. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ было торжественно отслужено благодарственное молебствіе. Затѣмъ, завтракъ на травѣ, или, вѣрнѣе, на мѣстѣ, гдѣ она была. Вечеромъ на всѣхъ позиціяхъ играла музыка, была иллюминація и кое-гдѣ даже фейерверки. На Скобелевской позиціи, по его мысли, былъ выставленъ

[1]) Командующаго 2-ю гвард. кавал. дивизіей.

въ траншеѣ огромный освѣщенный транспарантъ съ турецкою надписью: «Карсъ взятъ». Когда турки высунулись посмотрѣть, по нимъ дали залпъ. Началась перестрѣлка минутъ на двадцать. Это было около 11 часовъ вечера.

8 ноября.—Получена телеграмма князя Карла изъ Порадима: румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ удалось, послѣ 5-тичасовой стрѣльбы, потопить турецкій броненосецъ. Бомба пробила мостикъ, попала въ передовой трюмъ, произвела взрывъ и броненосецъ затонулъ.

Получена телеграмма Цесаревича, что вчера, въ 9 часовъ утра, турки атаковали наши передовыя позиціи Пиргосъ, Ханъгюль-чесма и между Чифликомъ и Трестеникомъ, но послѣ упорнаго боя были отбиты на всѣхъ пунктахъ въ 6 часовъ вечера.

Въ числѣ раненыхъ—генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ, въ шею.

9 ноября.—Холодъ, дождь, туманъ. Получена телеграмма князя Карла о взятіи румынами Рахова 7-го ноября. Командовалъ румынами полковникъ Сланичано. Потеря серьезная: убито 5 офиц. и 76 нижн. чиновъ, ранено 4 офиц. и 139 нижн. чиновъ.

Отъ Гурко получено свѣдѣніе, что Орханія и Этрополь сильно заняты: собирается атаковать.

Вчера привели 30 человѣкъ плевненскихъ дезертировъ. Всѣ исхудалые, оборванные, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что съѣстные припасы на исходѣ, зарядовъ мало (только патроновъ достаточно), больныхъ и раненыхъ много; отъ нашего артиллерійскаго огня вредъ весьма чувствительный. Въ числѣ дезертировъ были два породистыхъ негра изъ Судана, взятыхъ въ солдаты, по ихъ словамъ, насильно, три мѣсяца тому назадъ. Этихъ негровъ Великій Князь отправляетъ въ Петербургъ, въ свой дворецъ.

Вчера, по мысли князя Имеретинскаго, посланъ полковникъ Фрезе къ командиру гренадерскаго корпуса И. С. Ганецкому, съ спеціальною цѣлью придерживать его за фалды. По словамъ князя Имеретинскаго, И. С. Ганецкій все время горячится и суетится,

и никто его успокоить не можетъ. Своего начальника штаба не слушаетъ, такъ какъ отъ подчиненныхъ ему лицъ ни мнѣній, ни совѣтовъ не принимаетъ. Къ нему нужно приставить человѣка непремѣнно изъ главной квартиры, отъ высшаго начальства: тогда будетъ слушать, хотя бы это былъ корнетъ.

Выборъ палъ на Фрезе, какъ на человѣка веселаго, уживчиваго, покладистаго, который съумѣетъ и съ Ганецкимъ поладить, и самолюбіе его начальника штаба не задѣть.

10 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ князь Карлъ: сіяетъ, счастливъ, что румынамъ удалось взять Рахово. Великій Князь провозгласилъ тостъ за румынскую армію; князь Карлъ отвѣтилъ тостомъ за Великаго Князя и нашу армію.

Вчера былъ весьма интересный случай, заслуживающій подробнаго описанія.

Два офицера, прикомандированные къ штабу Тотлебена (л.-гв. литовскаго полка поручикъ Рябинкинъ 2-й и л.-гв. волынскаго полка поручикъ Куткинъ) ѣхали обратно въ Тученицу изъ Медована, гдѣ были на полковомъ праздникѣ л.-гв. литовскаго полка 8-го ноября и тамъ заночевали. Вчера, въ 3 часа дня, вслѣдствіе густого тумана, заблудились и попали въ турецкія траншеи. Долго ѣхали вдоль траншей съ тыловой стороны, видѣли солдатъ въ башлыкахъ, которыхъ въ туманѣ сочли за своихъ, а тѣ тоже не обращали на нихъ вниманія. Въѣхали, наконецъ, въ какое-то укрѣпленіе и окликнули по-русски солдатъ, намѣреваясь разспросить, куда они попали. Турки подошли, что-то загалдѣли и окружили ихъ. Наши молодцы тотчасъ нашлись: выхватили платки и замахали ими, а затѣмъ навязали ихъ себѣ на рукава. Подошелъ турецкій офицеръ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что имъ надо. Они надумали отвѣтить ему, что присланы генераломъ Каталеемъ просить о прекращеніи огня до завтрашняго вечера на этомъ участкѣ, по случаю полковыхъ праздниковъ двухъ гвардейскихъ полковъ. Турецкій офицеръ послалъ доложить пашѣ, а нашихъ офицеровъ и сопровождавшаго ихъ казака пригласилъ слѣзть съ лошадей. Собралась цѣлая кучка турецкихъ офицеровъ, окружила ихъ и завела оживленный разго-

воръ: кто по-французски, кто по-нѣмецки, кто даже по-русски и, конечно, на всѣхъ трехъ языкахъ черезъ пень-колоду. Нѣкоторые по нѣскольку разъ спрашивали: «Царь? миръ?» Наконецъ, пріѣхалъ паша, серьезный и осанистый: выслушалъ нашихъ офицеровъ, приказалъ имъ сѣсть верхомъ и слѣдовать за нимъ. Поѣхали съ замирающими сердцами, не зная, повѣрятъ ли ихъ выдумкѣ. Неудобство положенія усложнялось еще тѣмъ, что на одномъ изъ нихъ была сумка съ бумагами, въ числѣ коихъ — подробная дислокація гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу Вида. Тутъ же, на глазахъ турецкаго конвоя, офицеръ снялъ сумку съ себя и передалъ казаку, чтобы повѣсилъ ее черезъ плечо, въ надеждѣ, что на него не обратятъ вниманія. Доѣхавъ до какой-то палатки, уже совершенно въ виду Плевны, паша приказалъ имъ всѣмъ слѣзть и вмѣстѣ съ казакомъ войти въ палатку. По этому поводу они нашли умѣстнымъ вломиться въ амбицію и протестовать, говоря, что казаку нельзя быть въ одной палаткѣ съ ними: его мѣсто при лошадяхъ. Это турки поняли и велѣли казаку выйти.

Спустя нѣкоторое время, вошелъ въ палатку тотъ же паша, подробно ихъ опросилъ, все записалъ, составилъ еще какую-то записку и, отославъ ее, объявилъ, что теперь надо подождать отвѣта отъ Османа-паши. Вошло еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Завязался опять общій разговоръ на ломаномъ смѣшеніи языковъ. Угостили кофе и галетами; угостили также и казака. Офицеры старались поддерживать непринужденную бесѣду, а между тѣмъ все время душа уходила въ пятки: а что, какъ вдругъ съ нашей стороны откроютъ огонь? Тогда обманъ вполнѣ обнаружится, и за него придется дорого поплатиться. Къ счастью, этого не случилось.

Ждали очень долго. Самому пашѣ наскучило: онъ написалъ и послалъ вторую записку. Истощивъ всѣ темы для общей бесѣды, турки заговорили между собою по-своему и начали пересмѣиваться. При этомъ паша раза два повторилъ тѣ два-три русскихъ слова, которыя наши офицеры крикнули турецкимъ солдатамъ, когда подъѣхали. Хотя въ этихъ словахъ и не было ничего особеннаго, но нашимъ все-таки стало жутко: очевидно, рѣчь шла все время о нихъ. Наконецъ, они рѣшились попросить, чтобы имъ

дали какой-нибудь отвѣтъ и отпустили поскорѣе: ихъ ждутъ. «Подождите еще немножко, отвѣтъ будетъ», — отвѣчалъ паша, продолжая пересмѣиваться со своими. Однако, написалъ и отправилъ третью записку. Наконецъ, около 8 часовъ вечера, привезли отвѣтъ. Паша прочелъ его и объявилъ, что Османъ-паша согласенъ, но если съ нашей стороны будетъ хотя одинъ выстрѣлъ, то и турки откроютъ огонь. Камень съ души свалился. Офицеры едва смогли заставить себя встать, проститься и поблагодарить, не торопясь, съ соблюденіемъ всѣхъ восточныхъ церемоній. Овладѣвъ собой, они медленно сѣли на коней, еще разъ раскланялись и поѣхали шагомъ, подъ конвоемъ. Турки довели ихъ до сторожевой цѣпи, указали направленіе, а сами поѣхали вправо и влѣво по цѣпи, вѣроятно для предупрежденія часовыхъ, чтобы не стрѣляли.

Ѣхали наши офицеры минутъ десять и услышали русскій говоръ и стукъ топоровъ: солдатики сторожевой цѣпи прусскаго полка рубили кустарникъ на дрова. Томленіе кончилось: они были дома.

Великій Князь, узнавъ объ этомъ приключеніи, пожелалъ сегодня видѣть обоихъ офицеровъ и выслушать ихъ разсказъ. Я записалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Великій Князь поблагодарилъ обоихъ за находчивость, оговоривъ, однако, что по настоящему слѣдовало бы ихъ наказать за злоупотребленіе парламентерствомъ.

11 ноября.—Сегодня, несмотря на туманъ, поѣхали на редутъ смотрѣть на бомбардированіе Плевны. Разумѣется, ничего не видали.

Подъ впечатлѣніями взятія Карса и нашихъ недавнихъ успѣховъ, у Великаго Князя возродилась несчастная мысль опять штурмовать Плевну для ускоренія ея сдачи. Старикъ Непокойчицкій тоже сочувственно относится къ этой легкомысленной и опасной идеѣ. М. Д. Скобелевъ горячо работаетъ въ этомъ же направленіи. Прихожу въ ужасъ при мысли о возможности осуществленія этого безумія. Это значитъ—поставить всю участь кампаніи на одну карту, которая почти навѣрняка будетъ бита.

Во-первыхъ, у насъ только одинъ Скобелевъ и умѣетъ водить

войска на штурмъ. Онъ и самъ это знаетъ, потому такъ и подзадориваетъ къ штурму. Въ случаѣ успѣха—конечно, онъ сдѣлается и въ глазахъ всей Россіи тѣмъ же полубогомъ, какимъ онъ уже сдѣлался для своихъ подчиненныхъ, и не только солдатъ, но и офицеровъ. Во-вторыхъ, у насъ едва хватаетъ войскъ для тѣснаго обложенія Плевны: нѣтъ ни одного лишняго человѣка. Резерва— никакого: ни для плевнинскихъ войскъ, ни общаго. Слѣдовательно, въ случаѣ неудачи — придется снять блокаду. Въ-третьихъ, туркамъ штурмъ на руку: они уже увѣрены, что отобьютъ его опять. Если 25 гвардейскихъ баталіоновъ едва могли взять Горный Дубнякъ, занятый 5—7 турецкими таборами,—какіе же шансы взять Плевну, уже трижды отъ насъ отбившуюся? Въ-четвертыхъ, наши войска сами извѣрились въ штурмахъ. Прикажутъ—конечно, пойдутъ, но не только безъ увѣренности, но даже безъ надежды на успѣхъ.

Совершенно увѣренъ, что то же самое скажутъ всѣ наши генералы, кромѣ Скобелева.

Содрогаюсь при мысли о возможности повторенія прежнихъ увлеченій. Лучше сидѣть подъ Плевной хоть до весны, только не искушать судьбу. Плевна падетъ сама собою: надо только вооружиться терпѣніемъ.

13 ноября, воскресенье.—Получены два радостныхъ извѣстія: взяты съ боя правецкая позиція (11-го) Раухомъ и г. Этрополь (12-го)—Дандевилемъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій — новый фантастическій планъ, составляющій пока глубочайшій секретъ. Сидѣть здѣсь и терпѣливо выжидать паденія Плевны — наскучило. Явилась такая мысль: если Гурко удастся занять Софію, то ѣхать къ нему (предоставивъ Тотлебену покончить съ Плевной) и вмѣстѣ съ нимъ идти отъ Софіи къ Казанлыку, въ тылъ арміи Реуфа-паши, осаждающей Шипку.

Это такое же наѣздничество, какъ поѣздка наша въ Тырновъ вслѣдъ за передовымъ отрядомъ того же Гурко, впереди всего 8-го армейскаго корпуса и подъ прикрытіемъ одного только эскадрона лейбъ-казаковъ.

Если эта мысль осуществится, то это равносильно оставленію поста главнокомандующаго. Немыслимо управлять общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій, находясь при отрядѣ, предпринимающемъ дальній и кружный обходъ.

Если бы въ Великомъ Князѣ не было прирожденной непосѣдливости и неугомонности, то онъ самъ бы понималъ, что главнокомандующему нельзя обращаться въ искателя сильныхъ ощущеній и вообще новыхъ впечатлѣній. Главнокомандующему надо мѣнять мѣсто пребыванія лишь въ крайней необходимости. Множество дѣлъ, отъ него зависящихъ, всѣ остановятся съ его отъѣздомъ, въ особенности при установившемся уже обыкновеніи скакать впередъ съ однимъ летучимъ штабомъ, оставляя далеко позади себя всѣ полевыя управленія. Къ сожалѣнію, всѣ эти соображенія не имѣютъ цѣны въ глазахъ Великаго Князя. Ему наскучило подъ Плевной: всѣ позиціи, до траншей включительно, онъ объѣздилъ, кровавые уроки позабыты, ибо заслонились новѣйшими успѣхами и особенно взятіемъ Карса. Не будь здѣсь Государя и Тотлебена, онъ не устоялъ бы передъ соблазномъ четвертаго штурма Плевны. А такъ какъ мало надежды на Высочайшее согласіе штурмовать, то явилась мысль уѣхать изъ-подъ Плевны къ Гурко.

Одинъ Непокойчицкій могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый, многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загипнотизировала его: у него нѣтъ своей воли.

При такихъ условіяхъ наши дѣла всегда будутъ висѣть на волоскѣ. Одна вздорная случайность, вродѣ неудачи 8 іюля подъ Плевной, можетъ все испортить. Ибо, при отсутствіи обдуманности и послѣдовательности, мы легко теряемся, а вслѣдствіе этого спѣшимъ и второпяхъ дѣлаемъ такіе промахи, поправлять которые потомъ трудно и долго.

Великій Князь уже третій день ведетъ какіе-то таинственные разговоры съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ. Послѣдній ѣдетъ завтра въ Бухарестъ, по Высочайшему повелѣнію, для переговоровъ

съ княземъ Горчаковымъ. По слухамъ изъ императорской главной квартиры, Государь собирается уѣхать въ Петербургъ, какъ только будетъ взята Плевна.

Сегодня получилъ письмо отъ Тэвиса (нашего шпіона) изъ Константинополя. Пишетъ, что возобновилъ старое знакомство съ Клапкой и даже поселился рядомъ съ нимъ. Клапка старается поддержать въ туркахъ духъ борьбы «à outrance», но духъ этотъ уже сильно падаетъ (письмо писано еще до взятія Карса). Въ Константинополѣ—сильное волненіе: Махмудъ-Дамадъ отравленъ; почти открыто поговариваютъ о низверженіи султана. Клапка хочетъ принудить его призвать опять къ дѣламъ Митхада-пашу. Тэвисъ уже являлся великому визирю, который принялъ его весьма привѣтливо и даже, будто бы, предложилъ поступить въ турецкую армію прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Онъ просилъ отвѣчать ему черезъ Парижъ «да» или «нѣтъ».

По докладѣ этого письма Великому Князю, онъ возилъ его сегодня же читать Государю и, по возвращеніи, приказалъ отвѣчать согласіемъ. Посему я телеграфировалъ: «Paris. Monmartre. Rue Lepic, 93. Madame Angèle Vallier. Oui».

Посмотримъ, выйдетъ ли изъ этого толкъ.

14 ноября.—Буря съ мокрымъ снѣгомъ и дождемъ. У насъ въ кибиткѣ весь день 2° тепла. Топить нашу земляную печку невозможно; вѣтеръ вгоняетъ дымъ назадъ въ кибитку.

Генералъ-контролеръ Черкасовъ заболѣлъ черною оспою.

О проектѣ ѣхать вслѣдъ за «Гуркинымъ-генераломъ» (такъ прозвали его солдаты) сегодня ничего не слыхать.

Всю ночь и сегодня весь день свирѣпствуетъ снѣжная буря. Ночью и рано утромъ температура въ нашей кибиткѣ упала до 0.

Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя: «Саша телеграфируетъ, что турки снова наступали на Мечку и Пиргосъ. Подробности ему еще не были извѣстны».

Сегодня получено извѣстіе, что вся позиція 12-го корпуса у Трестеника и Мечки была сильно атакована турками, но атака отбита великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Государь пожаловалъ великому князю орденъ св. Георгія 3-й степени.

16 ноября.—Получилъ копію съ телеграммы сербскаго уполномоченнаго князю Милану: котораго именно числа она отправлена—не видно, а самого Катаржи не видалъ. Судя по содержанію—не ранѣе 13-го, ибо въ ней упоминается о взятіи Этрополя.

«Бѣлградъ, его высочеству князю сербскому:

«По приказанію е. и. в. главнокомандующаго представляю в. в. слѣдующій планъ кампаніи:

«Сербскія войска, выступивъ изъ Княжеваца, перейдутъ границу и двинутся по дорогамъ на Софію и на Акпаланку. Первымъ предметомъ дѣйствій долженъ быть Пиротъ: главныя силы должны наступать туда черезъ Мариновцы, Яловинъ-Изворъ и Церево. Посему, для своего обезпеченія, необходимо занять Бабину-Главу, овладѣть проходомъ св. Николая и укрѣпить его. Достигнувъ Пирота, нужно послать нѣсколько отрядовъ для овладѣнія берковацкимъ проходомъ на софійской дорогѣ и для открытія связи съ гвардейскою кавалеріею, имѣя неослабно въ виду главную цѣль—Софію. Я уже сообщалъ в. в. о взятіи Правца и Этрополя. Надо ожидать, что въ скоромъ времени попадутъ въ наши руки Орханія и ея проходъ.—Полковникъ Катаржи».

По имѣющимся свѣдѣніямъ, сербская армія состоитъ изъ 4-хъ корпусовъ [1]): 1) шумадійскій Протича, около 5.000 чел.; 2) моравскій изъ 13.000 чел.; 3) дринскій, Ранко-Алимпича, 12.000 чел., и 4) тимокскій, Хорватовича, 12.000 чел. Всего 28.000 чел. при 140 орудіяхъ. Кавалеріи почти вовсе нѣтъ.

Сегодня погода чудная. По этому случаю состоялась поѣздка на тученицкій редутъ, куда пріѣхалъ и Государь со свитою. Посмотрѣли, какъ стрѣляютъ сосредоточенными залпами по Плевнѣ, позавтракали и вернулись домой.

17 ноября.—Сегодня заходилъ Катаржи къ Левицкому для переговоровъ по поводу предстоящей сербской коопераціи. Слушая ихъ, я убѣдился, что положеніе сербской арміи довольно печальное, а свѣдѣнія Катаржи—весьма недостаточныя. Ясно одно, что ни прочной организаціи, ни денегъ нѣтъ и что военное со-

[1]) Корпуса дѣлятся на бригады различнаго состава.

дѣйствіе сербовъ невозможно безъ денежной отъ насъ субсидіи, которая въ принципѣ уже предрѣшена.

Получены подробныя свѣдѣнія: о взятіи Этрополя и Орханіи, о несчастномъ, но геройскомъ дѣлѣ лейбъ-драгунъ подъ Новачиномъ и о занятіи Румынами Ломъ-Паланки.

18 ноября.—Получена слѣдующая телеграмма Стюарта изъ Бухареста: Ахмедъ-Эюбъ назначается вмѣсто Реуфа-паши, который принимаетъ начальство надъ сосредоточенною въ Адріанополѣ резервною арміей, около 150.000 чел. Мехмедъ-Али-паша въ Софіи: тамъ 6 таборовъ и ожидается еще 9 изъ Берковаца, Врацы, Тетевеня и со стороны Балканъ, а также гарнизоны Акпаланки, Бабиной-Главы, Ниша, 2 табора изъ Ускюба и 12 сирійскихъ. 1-го ноября прошла черезъ Новибазаръ 2-я боснійская дивизія, состоящая изъ 1 баталіона стрѣлковъ, 4-хъ баталіоновъ граничаровъ, 8 баталіоновъ редифа, 2 полковъ регулярной конницы, 650 баши-бузуковъ и черкесовъ, 4 батарей и 2-хъ горныхъ орудій.

20 ноября.—Получено извѣстіе, что турки очистили безъ боя сильно укрѣпленныя позиціи у Врачеша и Лютикова и отступили къ Софіи. 17-го ноября наши войска заняли оставленныя позиціи, а 18-го—Арабъ-Конакъ. 18-го же отрядъ генералъ-маіора Арнольди занялъ черкесскую Кривину на р. Цибрѣ и Кутловицу на шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, войдя въ связь съ румынами, занимающими Ломъ-Паланку, и съ нашимъ отрядомъ, занимающимъ Врацу.

Отъ Анжелы Валлье (парижскаго агента нашего шпіона Тэвиса) получено извѣстіе, немедленно сообщенное Гурко: Мехмеду-Али приказано идти съ 48 таборами на освобожденіе Плевны, изъ Орханіи и Берковаца. — Это или запоздалое извѣстіе, или просто вздоръ.

21 ноября.—Вчера вернулся изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ Кладищевъ и привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ.

Великаго Князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну

клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злораднымъ торжествомъ, какъ будто это войска непріятельскія. Высшіе сановники не только потворствуютъ этому растлѣнному направленію, но сами подаютъ примѣръ. Изъ среды *высшаго* общества пущена въ ходъ злобная острота: «нынѣшняя война—неудачный пикникъ дома Р.». Къ военнымъ бюллетенямъ придираются: то ропщутъ на недостаточность свѣдѣній, то на извѣщенія, что все спокойно и ничего новаго нѣтъ. А по поводу одной телеграммы, въ которой было сказано между прочимъ: «всюду холодъ и ненастье, на Балканахъ снѣгъ идетъ», сейчасъ же сочинили и пустили въ ходъ ругательное четверостишіе», о которомъ предпочитаю умолчать.

Про Непокойчицкаго говорятъ, что онъ, купно съ еврейскимъ товариществомъ, моритъ армію голодомъ. О Левицкомъ — что онъ получилъ взятку отъ Османа-паши, и поэтому Плевна не сдается. Всей этой безсмыслицѣ охотно вѣрятъ.

По словамъ Кладищева, весьма видная роль въ распространеніи гнусныхъ сплетенъ принадлежитъ раненымъ офицерамъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Они очень озлоблены, что имъ награды долго не выходятъ, тогда какъ адъютантамъ и ординарцамъ Великаго Князя ихъ даютъ немедленно. Это справедливо: адъютанты и ординарцы увѣшаны орденами, а строевые офицеры до сихъ поръ не получили наградъ даже за вторую Плевну, т.-е. за 18-е іюля. Для ординарцевъ и адъютантовъ сочинено здѣсь очень мѣткое прозвище (пущено въ ходъ капитаномъ Сахаровымъ): «Тряпичкины-очевидцы».

Кладищевъ, издавна дружный съ Левицкимъ, откровенно и при мнѣ высказалъ ему, какое озлобленіе существуетъ противъ него въ Россіи. На него вваливаютъ отвѣтственность рѣшительно за все. Отказаться отъ своего мѣста ему, между тѣмъ, нельзя, ибо тогда уже никого и никогда не разубѣдишь въ томъ, что онъ чуть не преступникъ. Ему слѣдовало бы уйти въ строй, какъ ему уже давно совѣтовалъ Раухъ, но онъ не рѣшается. А между тѣмъ это единственный почетный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ своею былою заносчивостью и рѣзкостью.

22 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ Государь.

Вечеромъ около 9 ч. получена телеграмма Деллингсгаузена, что сегодня въ 3 ч. дня онъ получилъ донесеніе князя Святополкъ-Мирскаго: тѣснимый турками, онъ отступилъ съ позиціи у дер. Марени и отбивается подъ Еленою отъ турокъ, окружающихъ его съ трехъ сторонъ. Деллингсгаузенъ послалъ ему въ помощь 4-ю стрѣлковую бригаду и два полка 11-й пѣхотной дивизіи, а Радецкій выдвинулъ въ Тырновъ два баталіона Волынскаго полка съ батареею. Въ то же время турки атаковали и нашу кесаревскую позицію на османъ-базарской дорогѣ, но нашъ кесаревскій авангардъ удержался.

Получивъ эту телеграмму, Великій Князь немедленно приказалъ передвинуть на османъ-базарскую дорогу одну бригаду 26-й пѣх. дивизіи изъ Чаиркіоя и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Цесаревича поддержать Деллингсгаузена чѣмъ можно.

Ночью меня разбудилъ самъ Непокойчицкій, вручилъ вторую телеграмму Деллингсгаузена и велѣлъ идти съ нею къ Великому Князю. Телеграмма эта, переданная въ 11 ч. 55 м. вечера, гласила:

«Получена записка отъ начальника еленинскаго отряда отъ 4 ч. пополудни: «13 и 15 стрѣлковые баталіоны, по моему приказанію, послѣ привала въ Федабеѣ, двинутся къ позиціи къ Яковцамъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ отправлено приказаніе».— Сейчасъ получилъ отъ Ванновскаго увѣдомленіе, что и 2-я бригада 26-й пѣх. дивизіи у Водицы будетъ смѣнена завтра войсками Цесаревича, и тогда я направлюсь также на поддержку еленинскаго отряда».

Великій Князь, котораго я разбудилъ, прочелъ эту телеграмму и оставилъ ее у себя.

23 ноября.—Теплая буря. Цѣлый рядъ телеграммъ съ еленинской дороги.

Деллингсгаузенъ телеграфировалъ:

1) Отъ 6 ч. сегодняшняго утра: «Телеграфное сообщеніе съ Еленой возстановлено. Князь Мирскій телеграфируетъ, что вчера съ 7 час. утра до 3 пополудни отбивался отъ непріятеля силою отъ

20 до 30.000, а въ 3 часа пополудни начали очищать Елену и отступили съ боемъ на заблаговременно укрѣпленную позицію впереди ущелья у дер. Яковцы. Потери весьма значительны. На подкрѣпленіе князя Мирскаго, кромѣ Охотскаго полка и 4-й стрѣлковой бригады, направлены Камчатскій полкъ и полкъ кавалеріи 13-й дивизіи. Якутскій полкъ дѣйствуетъ со стороны Златарицы. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи прибыла въ Кадыкіой и съ разсвѣтомъ (т.-е. сегодня) двинется къ Шеремету».

2) Отъ 11 ч. 25 м. утра.

«Телеграфъ дѣйствуетъ отъ Тырнова только до монастыря св. Николая, гдѣ учрежденъ перевязочный пунктъ. Все, что было свободныхъ войскъ на османъ-базарской дорогѣ, отправлено князю Мирскому, и съ минуты на минуту жду подхода бригады 26-й дивизіи изъ Чаиркіоя, которую тотчасъ отправлю къ нему. Отрядъ попрежнему занимаетъ позицію у Яковцы и бой повидимому не возобновленъ, такъ какъ выстрѣловъ съ той стороны не слышно. На сдѣланный мною князю Мирскому запросъ отвѣта еще не получилъ. Сію минуту получено донесеніе князя Мирскаго, что непріятель съ $8^1/_2$ ч. утра началъ сильно наступать».

Одновременно получена телеграмма Радецкаго отъ 11 час. 30 м. утра:

«Генералъ Деллингсгаузенъ телеграфируетъ, что все, что у него было свободнаго, направлено къ Мирскому, который и съ этимъ едва-ли удержится, такъ какъ на него наступаютъ отъ 20 до 30 тысячъ. Послать что-либо еще изъ шипкинскаго отряда я не имѣю возможности и посылку одного-двухъ баталіоновъ считаю совершенно безполезною. Единымъ средствомъ для удержанія наступленія непріятеля, по моему мнѣнію, можетъ быть движеніе частей 11 и 13 корпусовъ во флангъ и тылъ наступающихъ турокъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи кавалеріи, я лишенъ возможности содержать связь между Тырновомъ и Дреновомъ и Габровомъ. Прошу ваше высочество прислать пока кавалерійскій полкъ, какъ для этой цѣли, такъ и для развѣдокъ, которыя, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, крайне необходимы».

Великій Князь отвѣчалъ Радецкому, что назначить требуемый полкъ не можетъ, а предлагаетъ Деллингсгаузену назначить его

изъ состава своихъ войскъ; въ случаѣ же крайности — обратиться къ Цесаревичу.

Соотвѣтствующаго содержанія телеграммы были посланы Цесаревичу и Деллингсгаузену.

Цесаревичъ телеграфировалъ отъ 2-хъ ч. пополудни, что на смѣну 26-й пѣх. дивизіи присланы: въ Чаиркіой—2-я бригада 1-й пѣх. дивизіи съ уланскимъ полкомъ; на ковачицо-водицкую позицію—1-я бригада 32-й пѣх. дивизіи. Кромѣ того, въ Ковачицу посланъ 1-й пѣх. Невскій полкъ, а остальныя войска 13-го корпуса заняли позицію по Баничкину-Лому.

Сегодня же получена телеграмма Гурко изъ Осикова отъ 10 ч. 40 м. утра:

«Турки, очищая деревни и города передъ наступленіемъ моихъ войскъ, убиваютъ жителей, болѣе зажиточныхъ уводятъ съ собой, грабятъ, сжигаютъ и разоряютъ занимаемые нами районы. Надъ нашими ранеными, случайно попадающими въ ихъ руки, продолжаютъ неистовствовать. Прошу разрѣшенія объявить и приводить въ исполненіе репрессивныя мѣры. Думаю, что терроръ надо уничтожать терроромъ же».

Содержаніе этой телеграммы было немедленно передано Государю въ Порадимъ по телеграфу.

Получены сверхъ того телеграммы Гурко: 1) о занятіи 21 ноября златицкаго перевала колоннами генералъ-маіора Курнакова и полковника графа Комаровскаго; 2) о блестящемъ отраженіи, 21-го же ноября, цѣлаго ряда ожесточенныхъ турецкихъ атакъ на Арабъ-Конакъ, занятый отрядомъ командующаго л.-гв. Московскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Отрядъ состоялъ только изъ четырехъ баталіоновъ: два баталіона л.-гв. Московскаго полка, л.-гв. 2-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты стрѣлковъ его величества и двѣ роты стрѣлковъ императорской фамиліи. Турокъ было не менѣе 12 таборовъ. Атаки начались около $10^1/_2$ ч. утра и продолжались до 3 ч. пополудни. Нашъ отрядъ потерялъ около 150 челов. Въ числѣ убитыхъ—поручикъ 2-й батареи л.-гв. 2-й артил. бригады Типольдъ и л.-гв. Московскаго полка портупей-юнкеръ Гаеманъ. Въ числѣ раненыхъ — л.-гв. Московскаго полка капитанъ де-Лаваль-Велькъ,

поручикъ Димитріевъ и подпоручикъ Войницкій; послѣдній умеръ отъ ранъ.

Въ заключеніе настоящаго, богатаго тревожными извѣстіями дня, поздно вечеромъ получена телеграмма князя Имеретинскаго изъ Тученицы: «Баронъ Криденеръ телеграфируетъ: командиръ румынскаго баталіона гривицкаго редута заявилъ, что явились два турецкихъ офицера и заявили ему, что сегодня ночью будетъ наступленіе турокъ на нашъ правый флангъ, противъ гривицкаго редута и на софійское шоссе. Всѣхъ предупредилъ».

Ночь—воровская. Ни зги не видно. Грязь ужасающая. Буря такъ и воетъ.

24 ноября.—Румынское свѣдѣніе оказалось вздорнымъ: никакого наступленія турокъ не было. Мало того: даже два офицера-перебѣжчика оказались вымышленными.

Утромъ, по полученіи дополнительныхъ телеграммъ отъ Гурко и Деллингсгаузена, Великій Князь телеграфировалъ Государю въ Порадимъ:

«Сейчасъ получилъ телеграмму Деллингсгаузена, что онъ выѣхалъ самъ къ отряду Мирскаго. Донесенія будетъ посылать черезъ Тырновъ.

«Гурко доноситъ, что л.-гв. Московскаго полка поручикъ Войницкій умеръ отъ ранъ. Потери 21 ноября: въ Московскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81; стрѣлковомъ вашего величества баталіонѣ ранено 4, л.-гв. 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ убито 15, ранено 38; баталіонѣ императорской фамиліи ранено 2; л.-гв. 2-й артил. бригадѣ убитъ 1, ранено 4. Всего убито 46, ранено 129 нижнихъ чиновъ. Плѣнные турки показали, что ихъ потери—1.300 чел. Убитые турки и теперь лежатъ на полѣ сраженія въ огромномъ числѣ.

«Всѣ плѣнные, взятые у Златицы, Арабъ-Конака и Лютикова, единогласно показываютъ: въ Арабъ-Конакѣ самъ Мехмедъ-Али-паша съ 20—25 таборами; въ Златицѣ —5, у Лютикова — отъ 5 до 10 таборовъ. Всего противъ Гурко—отъ 30 до 40 таборовъ. Изъ Берковаца онъ уже нѣсколько дней не имѣетъ свѣдѣній. Онъ проситъ занять Врацу бригадою пѣхоты. Я направилъ туда Ко-

стромской полкъ съ батареею, который долженъ былъ выступить изъ Никополя вчера, прибыть 29 ноября въ Альтемиръ, а 2 декабря можетъ прибыть во Врацу».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь составилъ и послалъ слѣдующую телеграмму Гурко въ Осиково, вслѣдъ:

«Пришли поскорѣе реляцію о сраженіи 21 ноября и сообщи мнѣ подробное распредѣленіе войскъ по колоннамъ и гдѣ какая колонна находится. Пока дѣла подъ Еленою не разъяснятся, займи крѣпкія позиціи, укрѣпись и не двигайся болѣе впередъ. Имѣешь ли ты подвижной резервъ: онъ необходимъ на всякую случайность; даже долженъ ты имѣть въ виду возможность движенія этого резерва къ Плевнѣ или даже на востокъ черезъ Ловчу».

Телеграмма Великаго Князя Деллингсгаузену въ Тырновъ, вслѣдъ:

«Я надѣюсь, что вы удержите дальнѣйшее наступленіе турокъ, а при благопріятныхъ условіяхъ отбросите ихъ назадъ. Но если бы пришлось отойти еще назадъ, то вы должны удержать Тырновъ, укрѣпить его и обратить во вторую Плевну».

Затѣмъ получены двѣ телеграммы Радецкаго:

Первая, отъ $12^1/_2$ ч. дня:

«Противъ непріятеля, наступающаго со стороны Елены, собрано на яковецкой позиціи подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена:

«Два полка 9-й дивизіи, Сѣвскій и Орловскій.

«Два полка 11-й дивизіи, Камчатскій и Охотскій.

«4-я стрѣлковая бригада.

«У Минде расположенъ Якутскій полкъ.

«Къ Шеремету подошла 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи.

«Къ Тырнову прибыли два баталіона Волынскаго полка и $2^1/_2$ полка кавалеріи.

«Для противодѣйствія прямому наступленію войскъ сосредоточено хотя и достаточно, но, судя по послѣдней телеграммѣ изъ Тырнова, они могутъ не удержаться противъ непріятеля, обходящаго оба фланга позиціи у Яковцевъ въ значительныхъ силахъ. Во избѣжаніе неудачнаго для насъ исхода дѣла, слѣдствіемъ кото-

раго можетъ быть оставленіе безъ боя шипкинскаго и хаинкіойскаго переваловъ, имѣю честь убѣдительнѣйше просить ваше высочество приказать 13-му корпусу немедленно двинуться во флангъ непріятелю. На османъ-базарской дорогѣ турки, повидимому, ограничиваются однѣми демонстраціями».

Вторая, отъ 5 ч. 20 м. дня:

«Если наши войска принуждены будутъ отступить къ Тырнову, то я съ 11-ю баталіонами и горными орудіями двинусь на Травну съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ударить во флангъ и тылъ туркамъ. На шипкинской позиціи останутся три полка 24-й дивизіи, баталіонъ брянцевъ, баталіонъ волынцевъ, шесть дружинъ и артиллерія. Все-таки почтительнѣйше прошу ваше высочество направить 13-й корпусъ, какъ я о томъ просилъ».

Уже по полученіи первой телеграммы Радецкаго, Великій Князь тотчасъ собственноручно телеграфировалъ Цесаревичу, прося его направить 13-й корпусъ согласно просьбѣ Радецкаго (копію этой телеграммы Великій Князь мнѣ не передавалъ).

Цесаревичъ отвѣчалъ телеграммою отъ 8 ч. 50 м. вечера, полученною ночью:

«Я нахожу, что растянутое положеніе 12-го корпуса подвергнетъ серьезной опасности переправу и наши склады у Батина, госпитали и склады въ Бѣлѣ, въ виду того, что у непріятеля еще 14-го ноября обнаружены значительныя силы у Рущука и нѣтъ указанія, чтобы не было войскъ и у Разграда. 12-му корпусу придется, оберегая линію въ 60 верстъ, оставить свои нынѣшнія позиціи и отойти къ Батину, протянувъ правый флангъ до Водицы. Мало-мальски серьезное наступленіе турокъ отъ Разграда вынудитъ правый флангъ нашъ къ отступленію черезъ Бѣлу за Янтру и ограничиться обороною переправъ у Батина и пассивною обороною у Бѣлы на *лѣвомъ* берегу Янтры, ибо позиція на правомъ берегу тянется на 18 верстъ. Это обстоятельство довожу до свѣдѣнія вашего и затѣмъ буду ожидать приказаній вашего высочества: направить ли, несмотря на это, на османъ-базарскую дорогу цѣлый 13-й корпусъ, или же можно будетъ отрядить одну только дивизію.—Генералъ-адъютантъ Александръ».

Великій Князь ночью же съ 24-го на 25-е отвѣчалъ на эту телеграмму:

«Съ твоими доводами совершенно согласенъ, и потому полагаю ограничиться сборомъ одной дивизіи твоихъ войскъ у Чаиркіоя и отложить мысль демонстративнаго движенія на османъ-базарской дорогѣ. Когда дивизія соберется у Чаиркіоя, дай мнѣ знать; она будетъ служить резервомъ за твоимъ правымъ флангомъ и будетъ готова, въ случаѣ нужды, поддержать лѣвый флангъ 11-го корпуса и вообще, въ случаѣ крайности, и резервомъ для Тырнова.—Николай».

По второй телеграммѣ Радецкаго Великій Князь, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября, горячо поблагодарилъ его за энергическую распорядительность и затѣмъ послалъ еще слѣдующую телеграмму:

«Такъ какъ вы имѣли въ виду, въ случаѣ отступленія Мирскаго въ Тырновъ, двинуть во флангъ непріятелю 11 баталіоновъ, то, зная, что онъ вчера еще держалъ позицію у Яковцевъ, не можете ли отправить въ Тырновъ, въ видѣ резерва, бригаду пѣхоты. Златарица нами взята и турки отступили оттуда на Беброво. Если согласны и находите возможнымъ, то прошу исполнить это тотчасъ и увѣдомить меня шифромъ.—Николай».

Изъ Тырнова въ теченіе настоящаго дня получены еще слѣдующія телеграммы:

Отъ Г. М. Немиры, отъ 1 ч. 10 м. дня:

«На яковецкой позиціи тихо. Видны только турецкіе разъѣзды съ противоположныхъ высотъ. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, выступившая изъ Шеремета на Златарицу, повидимому, еще не завязала дѣла, ибо выстрѣловъ не слышно».

Отъ него же, отъ 3 ч. 25 м. дня:

«Непріятель наступаетъ на позицію у Яковцевъ. Бой начался. Минде атакуется Якутскимъ полкомъ. Туда же направлена 1-я бригада 26-й дивизіи. Командующій корпусомъ проситъ прислать на поддержку войска изъ Сельви».

Слѣдующая телеграмма отъ него же, отъ 5 ч. дня.

«Въ 3 часа турки вдругъ пріостановили атаку и прекратили огонь. Оказалось, что отрядъ, двинутый отъ Шеремета на Златарицу, выбилъ оттуда турокъ и двинулся вслѣдъ за ними на Бе-

брово, угрожая такимъ образомъ правому флангу и тылу главныхъ силъ, наступавшихъ на Яковцы отъ Елены. Это движенiе, очевидно, и заставило турокъ прекратить атаку».

И, наконецъ, телеграмма отъ командующаго 26-ю пѣх. дивизiею:

«Два баталiона якутцевъ въ $11^1/_2$ ч. утра заняли Минде безъ выстрѣла. Въ $12^1/_2$ ч. дня 1-я бригада 26-й пѣхотной дивизiи и третiй баталiонъ Якутскаго полка двинулись прямо на Златарицу. Туда же наступаютъ и остальные два якутскiе баталiона отъ Минде».

Ночью съ 24-го на 25-е ноября опять извѣстiе отъ румынскаго генерала Черната, что надо ожидать ночного нападенiя турокъ [1]).

Такимъ образомъ, сегодня третiй день безпрерывной почти тревоги. И днемъ, и ночью Великiй Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ для составленiя телеграммъ Государю, начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ и т. д. Неожиданное (у насъ всѣ турецкiя наступленiя неожиданны!) наступленiе турокъ на Елену произвело большой переполохъ. Мы вѣдь по обыкновенiю безъ стратегическаго резерва. Его никогда и не будетъ, потому что мы не въ состоянiи удерживаться отъ фатальнаго стремленiя его израсходовать. Какъ мотъ, не знающiй покоя до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ послѣднiй грошъ, такъ и мы: стоило намъ обзавестись хотя небольшимъ резервомъ—сейчасъ же явилась мысль его куда-нибудь издержать. Снаряжая экспедицiю Гурко къ Балканамъ, мы отдали туда всѣ свободныя войска и опять остались ни съ чѣмъ.

Случился теперь еленинскiй сюрпризъ — пришлось хватать войска по кусочкамъ отовсюду и посылать на подкрѣпленiе Мирскому, ослабляя рущукскiй и шипкинскiй отряды до послѣдней степени.

Великое счастье, что нашъ противникъ столь неискусенъ и близорукъ!

Сегодня вернулся изъ Плевны посланный туда княземъ Име-

[1]) Это извѣстiе опять не подтвердилось, какъ и большая часть извѣстiй изъ румынскаго источника.

ретинскимъ болгаринъ, самъ плевнинскій старожилъ, знающій лично всѣхъ тамошнихъ обывателей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, знающій даже многихъ турецкихъ солдатъ. Сынъ его и теперь находится въ Плевнѣ, поддерживаетъ наружно-добрыя отношенія къ туркамъ и состоитъ у нихъ на счету благонадежнаго гражданина.

Этимъ, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ болгариномъ, проживавшимъ въ Плевнѣ нѣсколько дней, доставлены слѣдующія свѣдѣнія.

Продовольствія хватитъ еще на 25—30 дней, ибо дача отпускается уменьшенная. Раздача дневныхъ порцій аккуратно производится какъ солдатамъ, такъ и жителямъ. Магазины строго охраняются. Ежедневно раздается 60.000 порцій: около 40.000 офицерамъ и солдатамъ, 15.000—больнымъ и раненымъ, и 5.000—нестроевымъ чинамъ и мѣстнымъ жителямъ. По недостатку корма, скотъ падаетъ сильно, скоро совсѣмъ его не будетъ. Каждую издыхающую скотину спѣшатъ заколоть. Уже теперь, по нуждѣ, начали ѣсть свиней. Мельницы остановились, вслѣдствіе преграждения плотинами (по мысли и приказанію Тотлебена) ручьевъ тученицкаго и гривицкаго: молоть зерно теперь негдѣ. Патроновъ еще достаточно, но зарядовъ совсѣмъ мало: остатокъ тщательно берегутъ. На случай штурма приготовляютъ цилиндрическія жестянки, начиненныя пулями,—самодѣльную картечь. Настроеніе въ войскахъ невеселое. Но такъ какъ теперь байрамъ (постъ), то крѣпятся, ибо жертвы въ посту—дѣло богоугодное. Османъ-паша увѣрилъ войска, что къ окончанію поста, къ 6-му декабря, подойдетъ 100.000-ная армія на выручку; если же нѣтъ, то будемъ пробиваться; а если и это не удастся, то положимъ оружіе.

И сегодня весь день буря, да еще съ густымъ туманомъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ. Грязь невылазная. По ночамъ—тьма кромѣшная.

25 ноября.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ три телеграммы Государя: Первая, отъ 23-го ноября, 10 ч. 25 м. вечера:

«Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отряда Мирскаго. Изъ телеграммы Саши ты видѣлъ, что онъ еще до полученія твоего приказанія принялъ съ своей стороны мѣры, которыя ему предписывались. Да поможетъ намъ Богъ какъ тамъ, такъ и здѣсь».

Вторая, отъ 11 ч. 20 м. утра 24-го ноября:

«Надѣюсь, что съ прибывшими подкрѣпленіями Мирскому удастся удержаться на позиціи и, можетъ быть, перейти самому въ наступленіе. Жду съ нетерпѣніемъ подробныхъ донесеній Гурко. Каковъ Бобринскій?» (тяжело раненый полковой адъютантъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка).

Третья, отъ 1 ч. 50 м. настоящаго дня:

«Надѣюсь, что движеніе лѣвой колонны отъ Златарицы на Беброво заставитъ турокъ отступить отъ Елены. Очень сожалѣю о значительныхъ потеряхъ въ людяхъ и орудіяхъ. Если завтра [1]) дождя не будетъ, прибуду къ редуту въ 12 часовъ, въ противномъ случаѣ останусь здѣсь».

На первыя двѣ телеграммы Великій Князь отвѣчалъ самъ и копій мнѣ не передавалъ. Третья Высочайшая телеграмма служитъ отвѣтомъ на слѣдующую, отправленную Государю сегодня утромъ:

«Деллингсгаузенъ телеграфировалъ ночью изъ Тырнова, что вчерашняя атака турокъ на яковецкую позицію была лишь усиленною рекогносцировкою. Отряду Мирскаго онъ приказалъ держаться до крайности. Положеніе отряда весьма облегчилось, вслѣдствіе взятія Златарицы нашею лѣвою колонною.

Потери наши въ бою 22-го ноября точно неизвѣстны, но по первоначальнымъ свѣдѣніямъ отъ князя Мирскаго — весьма серьезны. Убито и ранено до 50 офицеровъ и 1.800 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ — новый командиръ Орловскаго полка полковникъ Клевезаль, но изъ депеши не видно, убитъ онъ или раненъ. Потеряно 11 орудій, въ томъ числѣ 4 подбитыхъ. Остальные нельзя было увезти вслѣдствіе убыли лошадей. Другихъ подробностей пока нѣтъ. — Николай».

Затѣмъ получена телеграмма Цесаревича отъ 10 ч. 40 м. сегодняшняго утра:

«Вчера (т.-е. 24-го ноября) на линіи отъ Дуная до Опаки все было спокойно, но противъ Поломарчи и Ковачицы непріятель выставилъ съ утра 5 таборовъ съ нѣсколькими орудіями и значительную часть кавалеріи: перестрѣлка продолжалась до сумерекъ,

[1]) Т.-е 26-го. Предполагалось устроить на редутѣ георгіевскій парадъ.

а затѣмъ турки отступили. Согласно требованію Деллингсгаузена, къ нему отправлены: 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, прибыла 23-го ноября въ Кесарево и оттуда въ Шереметъ; 2 бригада 26 пѣх. дивизіи и бригада 11 кавалер. дивизіи выступили 24-го, ночевали въ Чаиркіоѣ, а сегодня (25-го) прибудутъ въ Шереметъ. Позиціи 26 дивизіи заняты войсками 13-го корпуса, имѣя правофланговый отрядъ въ Кадыкіоѣ. У Кесарева была слышна вчера (т.-е. 24-го) оживленная перестрѣлка до 3 ч. дня. Судя по выстрѣламъ, наши удержали позицію. Деллингсгаузенъ сообщилъ, что противъ него—отъ 30 до 40.000 турокъ. Болѣе 30 тыс. турки послали 14-го ноября противъ 12-го корпуса. Столько же у нихъ должно быть и у Разграда, съ авангардами у Карахасанкіоя и Папкіоя. Я сегодня послалъ начальника штаба въ 13-й корпусъ, чтобы условиться о способѣ содѣйствія, которое должно быть оказано 11-му корпусу.—Генералъ-адъютантъ Александръ».

Получена отвѣтная телеграмма Радецкаго на вчерашнюю, предписывавшую ему образовать у Тырнова резервъ изъ одной бригады:

«Во исполненіе приказанія вашего высочества, бригада будетъ направлена на Тырновъ, въ общій резервъ. Но тогда уже шипкинскій отрядъ потеряетъ всякую подвижность и долженъ будетъ ограничиться только одною обороною Шипкинскаго перевала».

Получена телеграмма Деллингсгаузена изъ Тырнова отъ 2 ч. 40 м. дня:

«Радецкій ничего больше выслать не можетъ. 2-я бригада 26-й дивизіи, по смѣнѣ войсками 13-го корпуса, выступила сегодня (т.-е. 25-го) въ 5 ч. утра изъ Водицы и слѣдуетъ въ резервъ къ Шеремету. Непріятеля вчера (т.-е. 24-го) было: у Елены до 30, у Златарицы до 10 тысячъ. Златарицкій отрядъ занимаетъ въ настоящее время Златарицу и Минде. Сію минуту получилъ извѣстіе, что бой на яковецкой позиціи начинается».

Вечеромъ Деллингсгаузенъ донесъ, что артиллерійская и ружейная перестрѣлка у Яковцевъ прекратилась около 4-хъ ч. дня.

Получена еще телеграмма и отъ Гурко изъ Осикова, что 23-го ноября турки возобновили попытку атаковать нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя баталіонами финляндцевъ и однимъ баталіономъ павловцевъ, съ потерею 27 нижнихъ чиновъ.

26 ноября.—Предположенный въ Высочайшемъ присутствіи георгіевскій парадъ не состоялся. И слава Богу: не время и не мѣсто для парадовъ!

Сегодня получена телеграмма Деллингсгаузена объ артиллерійскихъ потеряхъ въ сраженіи у Марени и Елены 22-го ноября. Непріятелю досталось: 11 орудій 4-хъ ф. калибра (изъ нихъ 4 подбитыхъ), 10 передковъ, 6 зарядныхъ ящиковъ, 1 запасный лафетъ, 44 чел. прислуги, 116 лошадей и сбруя на 84 лошади.

Для разслѣдованія причинъ пораженія подъ Еленою Великій Князь послалъ сегодня ординарца своего (!) л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Цурикова. Ему поручено: именемъ Великаго Князя поблагодарить войска и разузнать, отчего кавалерія прозѣвала наступленіе турокъ?

Ординарческое ли это дѣло?! И который уже разъ на адъютантовъ и ординарцевъ возлагаются порученія, совершенно не соотвѣтствующія ихъ скромному служебному положенію. Вспоминается случай посылки ординарца, полевой конной артиллеріи штабсъ-капитана князя Оболенскаго, для объявленія командиру 9 корпуса генералъ-лейтенанту барону Криденеру—неудовольствія главнокомандующаго послѣ 2-й Плевны! Ординарецъ, по словамъ очевидцевъ, исполнилъ это порученіе съ полнымъ апломбомъ. Каково положеніе старика корпуснаго командира!

Получены двѣ телеграммы Цесаревича:

1) Отъ 12 час. 50 мин. пополудни:

«На постахъ все тихо и спокойно. На правомъ флангѣ, на ковачицкой позиціи, была вялая перестрѣлка. Противъ уланскихъ постовъ у Красне показался-было непріятель, но отошелъ.

«Въ 12-мъ корпусѣ дѣлать передвиженія войскъ пока не полагаю. Въ 13-мъ корпусѣ собраны уже въ Чаиркіоѣ Нарвскій и Копорскій полки, а въ Копривицѣ—Невскій и Софійскій. Съ авангардныхъ позицій я приказалъ смѣнить сегодня же Софійскій полкъ Нѣжинскимъ. Софійскій полкъ прибудетъ въ Церковну завтра или послѣ-завтра, и тогда подвижной резервъ въ составѣ дивизіи будетъ вполнѣ готовъ, а тремя полками можно распоряжаться уже и теперь.

«Чувствуется большой недостатокъ кавалеріи въ отрядѣ. Те-

перь, съ уходомъ бригады 11-й кавал. дивизіи, передовая линія протянулась далеко къ югу. Въ Кадыкіой, для связи съ Кесаревомъ, приданы баталіону эскадронъ и сотня, такъ что чаиркіойскому резерву придать кавалерію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, даже для прикрытія движенія его, если онъ будетъ потребованъ на османъ-базарскую дорогу.

«Въ случаѣ, что 1-я пѣхотная дивизія будетъ потребована въ Кесарево, то 1-й бригадѣ 32-й дивизіи, занимающей Косабину, Ковачицу и Водицу, приказано удержать эту позицію и при возможности переходить въ наступленіе. Если же 1-ю дивизію потребуютъ къ Тырнову, то генералъ-маіору Горшкову приказано перейти на чаиркіойскую позицію. Сообщеніе съ Деллингсгаузеномъ поддерживается.—Генералъ-адъютантъ Александръ».

2) Отъ 3 ч. 30 мин. пополудни:

«Положеніе отряда моего далеко не завидное. Все, что только возможно, отняли; резервовъ — никакихъ. Въ случаѣ серьезной атаки непріятеля успѣхъ весьма сомнительный съ нашей стороны. Все отъ меня зависящее сдѣлаю, и будемъ держаться, сколько возможно, но неровенъ часъ. Я постоянно просилъ подкрѣпленій, и постоянно мнѣ отказывали, или брали, что было. Теперь одна надежда на Бога.—Саша».

Сегодня же (въ которомъ часу—не знаю, и поэтому не могу судить, есть ли это отвѣтъ на телеграмму Цесаревича, или же наоборотъ, вышеприведенная телеграмма его есть отвѣтная на нижеприведенную). Великій Князь послалъ Цесаревичу слѣдующую собственноручную телеграмму:

«Поздравляю тебя съ твоимъ именинникомъ [1]). По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, намъ необходимо держать ухо востро. Турки намѣреваются сдѣлать теперь же общее наступленіе со всѣхъ сторонъ. Войска, отбросившія насъ отъ Елены, въ числѣ 40 тысячъ, подъ начальствомъ Реуфа-паши, — собраны изъ рущукскихъ войскъ и Стамбула. На тебя полагаютъ наступленіе, по частнымъ слухамъ, сообщеннымъ изъ Лондона — изъ Сарнасуфляра и Эски-

[1]) 26 ноября были именины великаго князя Георгія Александровича.

Джумы по направленію на Церковну. Увѣренъ, что ты съумѣешь ихъ удержать и наказать. Богъ съ тобою.—Николай».

Одновременная телеграмма великому князю Владиміру Алексадровичу въ Брестовацъ:

«Поздравляю молодого кавалера съ кавалерскимъ праздникомъ. Да поможетъ тебѣ Господь снова проучить врага, который замышляетъ наступленіе на насъ со всѣхъ сторонъ.—Николай».

Телеграмма генералу Гурко въ Осиково:

«Противъ Мирскаго до 40 тысячъ войскъ Реуфа-паши, собранныхъ частями изъ рущукской арміи и Стамбула. Получены свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать всю мою армію со всѣхъ сторонъ, не исключая и тебя. Да поможетъ намъ Богъ выдержать. Поздравляю тебя и новыхъ орденскихъ кавалеровъ съ праздникомъ.—Николай».

Отъ кого Великій Князь получилъ эти тревожныя свѣдѣнія— мнѣ неизвѣстно. Но подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній онъ былъ сегодня совсѣмъ нездоровъ.

27 ноября.—Государь съ утра запросилъ Великаго Князя телеграммою:

«Каковъ ты сегодня? Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко».

Великій Князь отвѣчалъ:

«Деллингсгаузенъ доноситъ, что вчера, 26-го, въ Яковцахъ и Златарицѣ была лишь незначительная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ, большой подвижной резервъ уже сформированъ. Мнѣ лучше. Если завтра будетъ такъ же и ничто меня не задержитъ, постараюсь пріѣхать къ тебѣ къ завтраку».

Поздно вечеромъ Великій Князь получилъ собственноручную записку Тотлебена: «По показаніямъ перебѣжчиковъ, Османъ-паша собирается выходить изъ Плевны или въ эту, или въ слѣдующую ночь. Съ нашихъ батарей и траншей дѣйствительно замѣчено, что передовыя турецкія траншеи опустѣли, что турецкія войска отовсюду отходятъ къ Плевнѣ и далѣе къ р. Виду. Всѣ начальники предупреждены, всѣ мѣры приняты».

Около 1 часу ночи Непокойчицкій самъ зашелъ въ нашу кибитку, далъ прочесть эту записку и предупредилъ, что Великій Князь собирается съ утра выѣхать на передовыя позиціи. Распорядившись, чтобы верховыя лошади были къ утру готовы, мы легли спать.

28 ноября.—Холодный, немного вѣтреный день (термометръ на нулѣ). Рано утромъ былъ туманъ, который, впрочемъ, скоро разошелся.

Какъ встали, такъ узнали о подтвержденіи вчерашнихъ свѣдѣній Тотлебена. Еще ночью, въ началѣ 4-го часа, туденицкій телеграфистъ Свѣнцицкій телеграфировалъ флигель-адъютанту полковнику Чингисхану: «Со всѣхъ пунктовъ обложенія Плевны получены донесенія о движеніи непріятеля; затѣмъ дезертиръ показалъ, что Османъ намѣренъ сегодня ночью оставить Плевну. Кромѣ того, получено извѣстіе, что кришинскій редутъ оставленъ турками, и что они строятъ второй мостъ черезъ Видъ.

Утромъ пришло уже оффиціальное донесеніе, что турки атаковали гренадерскій корпусъ.

Великій Князь рѣшилъ сперва ѣхать на скобелевскую позицію. Но, получивъ телеграмму Государя, что онъ ѣдетъ на туденицкій редутъ, объявилъ, что надо отправиться туда же и тамъ ожидать Государя. Съ тѣмъ мы и выѣхали около 9½ час. утра.

Получивъ по дорогѣ телеграмму Скобелева о занятіи имъ (безъ боя) кришинскихъ редутовъ, Великій Князь завернулъ сперва къ Тотлебену въ Туденицу. Отъ него мы узнали, что турки очистили также гривицкій и опанецкій редуты, которые уже заняты: первый — нашими, а опанецкій редутъ — румынскими войсками. Тогда Великій Князь предложилъ Тотлебену и князю Имеретинскому ѣхать вмѣстѣ на туденицкій редутъ и тамъ ожидать Государя. Пріѣхали, но, убѣдившись, что оттуда ничего не видно, стали искать мѣста, удобнаго для наблюденія за ходомъ боя. По дорогѣ Великій Князь все время отдавалъ приказанія встрѣчавшимся войскамъ: «Вы идите тоже туда, въ тылъ непріятелю»; или: «Что же вы нейдете? Вамъ тоже надо идти туда». Съ такими же приказаніями разсылалъ и адъютантовъ, и ординарцевъ, напр.: «Поѣзжай,

скажи командиру 4-го корпуса, что жъ онъ нейдетъ? чтобъ тоже шелъ!» Наконецъ, князь Имеретинскій не выдержалъ и сказалъ: «Ваше высочество, позвольте имъ подождать, пока придетъ приказаніе отъ корпуснаго командира: всѣ распоряженія уже сдѣланы и будутъ исполнены. Вѣдь обстановка выяснилась только за четверть часа до вашего пріѣзда къ намъ, и тогда только были отданы соотвѣтствующія приказанія. Неудивительно, что онѣ еще не исполнены».

Это немного успокоило Великаго Князя. Рѣшилъ ѣхать въ Радишево и остановиться тамъ на телеграфной станціи, чтобы имѣть возможность получать донесенія и разсылать приказанія. Только-что тронулись—новое рѣшеніе: свернуть влѣво на виднѣвшійся вдали холмъ, откуда, по мнѣнію Великаго Князя, все должно быть видно. Но на пути къ этому холму оказалось множество препятствій. Во-первыхъ, наши собственныя траншеи, вдоль линіи которыхъ мы долго путались, отыскивая мѣсто для переѣзда. Кончили тѣмъ, что поѣхали гуськомъ по дну рва и выбрались, наконецъ, въ поле пѣшкомъ, переведя лошадей въ поводу черезъ наши насыпи и рвы.

Въ полѣ, отдѣлявшемъ наши передовыя траншеи отъ турецкихъ, тамъ и сямъ лежали еще трупы, или, вѣрнѣе, скелеты нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ, штурмовавшихъ Плевну 30 августа. Скелеты были, однако, одѣты, даже кепи лежали рядомъ съ ними. Въ числѣ скелетовъ одинъ въ офицерскомъ мундирѣ, но, конечно, уже нельзя было разобрать, какого полка.

Выѣхали, наконецъ, на намѣченный издали холмъ. Оказалось, что и съ него ничего не видно. Объ установленіи сообщенія съ телеграфною станціею, чтобы всѣ знали, гдѣ находится главнокомандующій и начальникъ отряда обложенія со своими начальниками штабовъ—позабыли. Левицкій два раза напоминалъ Непокойчицкому, но безъ результата. Наконецъ, князь Имеретинскій самъ распорядился послать казаковъ на ближайшую телеграфную станцію. Но это ни къ чему не повело, такъ какъ мы переѣзжали цѣлый день съ мѣста на мѣсто, и найти насъ можно было только случайно.

Увидавъ вдали другой холмъ, поѣхали туда. Оказалось, что онъ находится уже за линіей турецкихъ укрѣпленій. Начали пры-

гать и перелѣзать черезъ нѣсколько брустверовъ и рвовъ, держа лошадей въ поводу. При этомъ ежеминутно предостерегали другъ друга отъ валявшихся во множествѣ нашихъ же неразорвавшихся гранатъ. Стоило какой-нибудь лошади удачно наступить на ударную трубку—былъ бы взрывъ.

Турецкія укрѣпленія оказались прибранными начисто: ни одной валяющейся сумки или манерки. Въ нашихъ же траншеяхъ было разбросано много разныхъ вещей и еще больше — всякой дряни. И тылъ нашихъ траншей былъ сильно загаженъ — по русскому обыкновенію; въ тылу же турецкихъ траншей было почти совсѣмъ чисто.

Наконецъ, увидали у себя подъ ногами заколдованную Плевну. Тамъ было тихо и, казалось, совершенно пусто. Вдали, верстахъ въ четырехъ, на Опанецкихъ высотахъ, виднѣлась масса румынскихъ войскъ; влѣво—наступающія между Плевною и за Видомъ войска Скобелева; а вправо и гораздо ближе къ намъ—наступалъ 9-й корпусъ барона Криденера. Пушечная и ружейная пальба, все время раздававшаяся изъ-за р. Вида, вдругъ прекратилась, но никто не зналъ, почему. Къ намъ прибѣжали изъ Плевны нѣсколько человѣкъ болгаръ и съ низкими поклонами, наперерывъ стали разсказывать, что турки еще вчера вечеромъ собрались въ путь, запрягли всю артиллерію и обозъ и всю ночь проходили сквозь Плевну, къ мосту черезъ Видъ. Одинъ изъ этихъ болгаръ очень хорошо говорилъ по-нѣмецки.

Выслушавъ ихъ, поѣхали въ Плевну, причемъ Великій Князь объявилъ, что мы будемъ тамъ ночевать, хотя до ночи было еще очень далеко и мы еще ровно ничего не знали объ исходѣ боя. Только-что это неожиданное рѣшеніе было объявлено—подъѣхалъ какой-то саперный полковникъ и доложилъ Великому Князю, что въ Плевну ворвались кучки нашихъ и румынскихъ солдатъ-мародеровъ и приступили къ грабежу; что вслѣдствіе этого раненые турки открыли по мародерамъ огонь изъ домовъ. Немедленно въ Плевну былъ посланъ комендантъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Штейнъ, съ наличными жандармами, а барону Криденеру послано приказаніе послать въ распоряженіе Штейна галицкій пѣхотный полкъ. При этомъ Штейну все-таки было приказано при-

готовить въ Плевнѣ квартиру для Великаго Князя со свитою. Отправивъ Штейна, поѣхали вдоль окраины Плевны къ р. Виду. По пути туда, прежде всего получили румынское донесеніе объ окончапіи боя и о сдачѣ Османа-паши. Не рѣшались, однако, вполнѣ вѣрить послѣднему (что бой кончился—было ясно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась пальба), въ виду испытанной малонадежности румынскихъ донесеній. Черезъ $^1/_4$ часа встрѣтили казака, везшаго турецкое знамя, и съ нимъ адъютанта командира 4-го корпуса, генералъ-лейтенанта Зотова. Этотъ адъютантъ доложилъ, что бой конченъ, что вся турецкая армія сдалась командиру гренадерскаго корпуса Ганецкому и что даже совсѣмъ по близости стоитъ часть турецкихъ войскъ, уже положившая оружіе. Что сталось съ Османомъ — адъютантъ не зналъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя было уже сомнѣваться въ полной побѣдѣ. Снявъ шапки, мы всѣ перекрестились и прокричали восторженное ура.

Двинулись дальше. Вдругъ видимъ, что вправо отъ насъ, шагахъ въ 300, неподвижно стоитъ нѣсколько баталіоновъ. Присмотрѣлись, подъѣхали ближе,—оказывается, турки! Составили ружья въ козлы и спокойно стоятъ и сидятъ около нихъ. Нашихъ—никого. Узнавъ о сдачѣ своихъ передовыхъ войскъ, турки сами составили ружья и ожидаютъ плѣна. Къ нимъ приставили одного казачьяго офицера и одного казака и велѣли передать «плѣнные» баталіоны барону Криденеру, когда подойдутъ его войска.

Доѣхавъ до дороги, спускающейся къ мосту черезъ р. Видъ, Великій Князь, для сокращенія пути, предпочелъ спуститься прямикомъ съ крутого берега къ рѣкѣ. Спѣшились и спустились съ величайшимъ трудомъ по мокрой, вязкой кручѣ, держа лошадей въ поводу. Очутившись, наконецъ, въ долинѣ, переѣхали вбродъ рѣку Видъ и два рукава и — выѣхали почти къ тому же мосту. Вдали, въ разстояніи около версты, виднѣлась масса войскъ. Подъѣхалъ М. Д. Скобелевъ и доложилъ Великому Князю, что Османъ-паша, дѣйствительно, взятъ въ плѣнъ и притомъ раненымъ, и что онъ, Скобелевъ, самъ его видѣлъ. Вотъ когда мы грянули самое восторженное ура! Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ и самъ герой дня, И. С. Ганецкій, котораго Великій Князь горячо обнялъ и расцѣловалъ. Затѣмъ начался объѣздъ войскъ. Восторгъ гренадеръ былъ

въ полномъ смыслѣ слова неописанный: лица офицеровъ и солдатъ сіяли, ура кричали всѣ оглушительно и безъ конпа. Поблагодаривъ гренадеръ, Великій Князь направился къ румынамъ и натолкнулся на отвратительную картину. Вся румынская пѣхота, какая тутъ была, вразсыпную занималась грабежомъ. Тащили ружья, сумки, шашки, расхватывали турецкую рухлядь съ повозокъ, увозили на себѣ пушки. Великій Князь крикнулъ на грабителей — никакого вниманія. Два румынскихъ офицера свиты Великаго Князя оставались совершенно безучастны, пока онъ не крикнулъ имъ, чтобъ немедленно уняли своихъ и потребовали къ нему старшаго начальника. Подъѣхалъ бригадный командиръ: Великій Князь жестоко распекъ его по-французски и, приказавъ тотчасъ же возстановить порядокъ, поѣхалъ дальше. Но какъ я узналъ потомъ—грабежъ не прекратился, а продолжался до поздняго вечера.

Мы же повернули обратно по плевнинской дорогѣ къ мосту, такъ какъ Ганецкій доложилъ, что тамъ оставленъ раненый Османъ-паша. По обѣ стороны пути стояли массами турки, повозки, скотъ. Поле было усѣяно брошенными ружьями и патронамн. Понять не могу, какъ эти патроны не взрывало подъ ногами нашихъ лошадей. По пути къ мосту натолкнулись опять на безобразную сцену: румыны угоняли плѣнныхъ турокъ въ свой лагерь и увозили туда же брошенныя орудія. Они и подошли лишь тогда, когда все было кончено: всю тяжесть боя вынесли на себѣ 3-я гренадерская и часть 2-й гренадерской дивизіи. Великій Князь подозвалъ къ себѣ румынскаго полкового командира (подполковника) и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему остановить своихъ и вернуть заграбленныя орудія и плѣнныхъ. Румынъ, даже не приложивъ руку къ козырьку, отвѣчалъ: «C'est impossible, Monseigneur». Великій Князь вспыхнулъ. «Quand je l'ordonne, c'est possible et que ce soit fait! Votre nom?»

Вскорѣ подъѣхалъ самъ князь Карлъ, которому Великій Князь и сообщилъ фамилію этого наглеца (я ее не разслышалъ). Взыскано ли съ него или нѣтъ—неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что не только этотъ полковой командиръ, но и большинство румынскихъ офицеровъ и солдатъ были пьяны: вѣроятно, напились передъ боемъ для храбрости.

Вскорѣ по соединеніи съ княземъ Карломъ, мы переѣхали черезъ Видъ по мосту (прочному, на каменныхъ устояхъ) и увидѣли ѣхавшую намъ навстрѣчу коляску: въ ней сидѣлъ Османъ-паша, очень красивый и моложавый. На переднемъ сидѣньи, противъ него, сидѣлъ докторъ. Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ къ нему, подалъ руку и высказалъ ему по-французски свое уваженіе къ его храбрости и славной оборонѣ Плевны; мы же всѣ въ одинъ голосъ, не сговорившись, закричали: «Браво, Османъ-паша!» Онъ былъ видимо очень взволнованъ такимъ пріемомъ и поручилъ своему доктору передать Великому Князю по-французски (самъ онъ плохо понимаетъ этотъ языкъ и знаетъ на немъ лишь нѣсколько словъ), что онъ тронутъ его вниманіемъ и очень благодаренъ. Послѣ Великаго Князя къ Осману подъѣзжали, называли себя, жали руку и говорили любезности: князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и другіе старшіе генералы. Когда было названо имя Тотлебена, Османъ-паша встрепенулся, взглянулъ на него пристально, низко наклонилъ голову и съ особымъ чувствомъ отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Затѣмъ, такъ какъ, по словамъ доктора, рана Османа-паши еще не была перевязана—Великій Князь разрѣшилъ ему ѣхать въ Плевну, на свою квартиру, и тамъ переночевать. Коляска Османа повернула обратно, а вслѣдъ за нею поѣхали шажкомъ и мы. Тутъ я познакомился съ его начальникомъ штаба, Тевфикъ-пашой, котораго М. Д. Скобелевъ взялъ подъ свое покровительство и пригласилъ къ себѣ ночевать. Я сказалъ Тевфику нѣсколько комплиментовъ, но онъ былъ такъ огорченъ и разстроенъ, что отвѣчалъ полусловами, съ растерянною улыбкой.

Тутъ же мы увидѣли главную массу турецкихъ плѣнныхъ. Они стояли сплошною, безпорядочною, необозримою толпою къ югу отъ дороги. Большинство имѣло жалкій видъ и смотрѣло или мрачно, или равнодушно. Но были между ними и довольныя, даже сіяющія лица. Люди, лошади, волы, повозки, пушки—все стояло въ перемѣшку. Тутъ же валялись массами брошенныя ружья, штыки, обнаженныя шашки, сумки, мѣшки, патроны и т. п. На многихъ повозкахъ лежали раненые; около другихъ стояли толпы солдатъ, ѣвшихъ рисъ. Мы долго ѣхали среди густой толпы плѣн-

ныхъ: они съ тупымъ равнодушіемъ, покорно разступались, давая намъ дорогу. Ни одного свирѣпаго или злобнаго взгляда! Эти люди, которые выдержали столько мѣсяцевъ осады, которые еще сегодня утромъ съ самозабвеніемъ шли героями въ атаку,—теперь имѣли забитый, смиренный, жалкій видъ. Грустно было смотрѣть на эту подавленную несчастьемъ храбрую армію.

Выбравшись, наконецъ, изъ толпы, мы въѣхали въ заколдованную Плевну. Это—лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ болгарскихъ городовъ. Дома и заборы каменные; въ числѣ домовъ нѣсколько большихъ двухъ-этажныхъ, совсѣмъ европейской архитектуры. Разрушенныхъ домовъ мало: большая часть совершенно невредимы. Улицы довольно широкія и мощеныя, но мостовая обратилась въ густой грязный кисель. Проѣхавъ всю Плевну, мы не замѣтили никакихъ признаковъ присутствія массы больныхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, послѣ оказалось, что почти всѣ дома и подвалы переполнены ими. Въ послѣдующіе дни ежедневно открывали умирающихъ и раненыхъ турокъ, валявшихся въ погребахъ какъ со свѣжими, такъ и съ разложившимися трупами. Выяснилось, что раненыхъ и больныхъ вовсе не лечили, а просто оставляли на произволъ судьбы. А вчера, 27-го ноября, передъ выступленіемъ, ихъ даже заперли, «для порядка». По словамъ болгаръ, такое обращеніе съ больными и ранеными было правиломъ. Такимъ образомъ, турецкіе солдаты, впередъ зная, что въ случаѣ выбытія изъ строя будутъ оставлены безъ помощи и призрѣнія—все-таки не падали духомъ и храбро сражались, безропотно повинуясь начальству. Какой великолѣпный боевой матеріалъ! Съ такими солдатами, при правильной организаціи и при искусныхъ, заботливыхъ начальникахъ—можно чудеса дѣлать.

Сегодня, когда полученъ былъ приказъ сдаваться,—передъ многими турецкими таборами задымились костры: турки сожгли большую часть своихъ знаменъ, чтобы они намъ не достались. Это не то, что пресловутый Базенъ, который, сдавая Мецъ и всю армію въ плѣнъ нѣмцамъ,—чуть не при описи сдалъ имъ французскія знамена.

Благодаря тому, что въ Плевнѣ не оказалось ни одного незараженнаго дома,—намѣреніе почевать тамъ было оставлено. Уже

смерклось, когда мы оттуда выѣхали и, направившись по ловчинскому шоссе, вернулись въ 9 час. вечера домой, пробывъ почти 12 часовъ верхомъ безъ пищи и питья.

Только-что я сошелъ съ лошади, какъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить и дать къ подписи двѣ телеграммы: Государю и циркулярную—во всеобщее свѣдѣніе. Вотъ онѣ:

«Порадимъ, Государю Императору:

«Имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество со славною новою побѣдою. Послѣ пятичасового жаркаго боя, вся армія Османа-паши взята въ плѣнъ и положила оружіе къ ногамъ вашего величества. Самъ Османъ-паша, легко раненый въ ногу, взятъ въ плѣнъ. Вся артиллерія, весь обозъ, всѣ склады и лагери достались въ наши руки. Вся армія въ полномъ составѣ въ плѣну. Постараюсь привести въ извѣстность трофеи завтра. Наша потеря относительно невелика. Много пострадали и болѣе всѣхъ отличились Астраханскій, мой Сибирскій и Самогитскій гренадерскіе полки. Всѣ вообще войска вели себя блистательно.—Николай».

Вслѣдъ за этою телеграммою была послана другая: 1) Государю; 2) Императрицѣ въ Царское-Село; 3) Наслѣднику въ Брестовацъ; 4) великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ; 5) начальнику главнаго штаба въ Петербургъ; 6) генералу Дрентельну и 7) русскому консулу Стюарту въ Бухарестъ; 8) одесскому градоначальнику; 9) Радецкому на Шипку; 10) Гурко въ Осиково, вслѣдъ; 11) Циммерману въ Черноводы; 13) Деллингсгаузену въ Тырновъ; 13) Карцову въ Ловчу:

«Сегодня, 28-го ноября, въ $7^1/_2$ час. утра, вся армія Османа-паши атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться. Атака была ведена съ отчаянною храбростью: часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи. Но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пятичасового жаркаго боя турки были отброшены. Окруженный надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ войсками нашими, храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, раненый въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміей. Привести въ извѣстность число плѣн-

ныхъ и трофеи пока нѣтъ возможности. Могу лишь сказать, что въ наши руки попало все, что было въ Плевнѣ. У насъ потери пока еще не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата невелики. Больше всѣхъ отличились и пострадали Астраханскій, мой Сибирскій и Самогитскій гренадерскіе полки.— Николай».

Сверхъ того, Непокойчицкій телеграфировалъ нашему консулу въ Бухарестъ, чтобы онъ передалъ эту депешу по-французски въ Цетинье и Бѣлградъ.

По отправкѣ этихъ телеграммъ, сѣли ужинать. Весь вечеръ повсемѣстно гремѣло «Боже Царя храни» и перекатывалось неумолкаемое восторженное ура. Долго я не могъ заснуть въ эту ночь отъ массы пережитыхъ за день впечатлѣній и отъ радостнаго волненія. Государя съ его свитою мы сегодня такъ и не видали. Пріѣхавъ на тученицкій редутъ и никого тамъ не найдя, онъ довольно скоро, впрочемъ, получилъ радостное извѣстіе. Великій Князь послалъ къ Государю съ докладомъ о побѣдѣ своего любимаго ординарца и крестника, л.-гв. уланскаго полка, поручика Дерфельдена. Но еще до его прибытія Государь узналъ о плѣненіи Османа-паши со всею арміей отъ помощника коменданта главной квартиры, скромнаго кавалерійскаго полковника Моравскаго. Онъ ѣхалъ обратно въ Боготъ съ какимъ-то порученіемъ и, повстрѣчавшись Государю случайно, въ восторгѣ замахалъ фуражкою, крича прерывающимся голосомъ: «Ваше императорское величество! Плевна взята, вся армія и самъ Османъ въ плѣну!» Государь воскликнулъ: «Не можетъ быть! Почемъ ты знаешь?» Моравскій перекрестился:

— «Ей-Богу правда. Самъ видѣлъ!»

Въ порывѣ радости, Государь тутъ же поздравилъ его флигель-адъютантомъ. Бѣдный Моравскій совершенно ошалѣлъ отъ неожиданнаго счастья.

Недолго, впрочемъ, этотъ простецъ носилъ царскіе вензеля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его произвели въ генералы, чтобы съ почетомъ удалить изъ царской свиты, въ которой онъ былъ не подъ масть и самъ чувствовалъ себя неловко.

Государь назначилъ и Дерфельдена флигель-адъютантомъ, но

на другой или на третій день, послѣ тонкаго намека Великаго Князя на то, какъ не повезло его любимцу Христи [1]).

Отвѣтная телеграмма Государя изъ Порадима пришла сегодня же къ 10-ти час. вечера:

«Поздравляю отъ души съ полнымъ нашимъ успѣхомъ и спасибо тебѣ и всѣмъ моимъ молодцамъ. Завтра въ 12 час. хочу прибыть прямо въ Плевну и отслужить тамъ передъ войскомъ благодарственный молебенъ. Предоставляю тебѣ выбрать мѣсто за городомъ и сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, выславъ туда и моихъ лошадей. Сожалѣю, что не могъ обнять тебя сегодня же».

Что телеграфировалъ на это Великій Князь собственноручно — я не знаю, но только къ 11 час. вечера была получена слѣдующая телеграмма Государя:

«Никакого сбора войскъ для молебна я не хочу дѣлать, а отслужить намѣренъ передъ тѣми, которыя ближе будутъ къ Плевнѣ, куда во всякомъ случаѣ я пріѣду завтра къ 12 часамъ».

29 ноября.—Сегодня состоялся торжественный молебенъ на гривицкомъ шоссе, на турецкомъ редутѣ № 5, гдѣ была ставка Османа-паши, въ присутствіи Государя и Великаго Князя со свитами и всѣхъ вблизи расположенныхъ войскъ.

Государь сіялъ радостью и осыпалъ всѣхъ своими милостями. Изъ своихъ рукъ пожаловалъ: Великому Князю Георгія 1-й степени, Непокойчицкому и Тотлебену — 2-й степени, Ганецкому и князю Имеретинскому—3-й степени, Левицкому — 4-й степени. Послѣдній скромно стоялъ въ сторонѣ; ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ удостоиться какой-либо награды, тѣмъ болѣе, что стоустая молва давно избрала его козломъ отпущенія за всѣ бывшія неудачи. Вдругъ Государь обвелъ глазами свиту и позвалъ: «Левицкій!» Тотъ растерянно подошелъ. Государь подалъ ему георгіевскій крестъ. Левицкій, окончательно растерявшись, не рѣшался даже принять крестъ, а только сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Ваше величество, за что? Я недостоинъ!» Государь

[1]) Уменьшительное отъ имени—Христофоръ.

улыбнулся. «А ты забылъ наше совѣщаніе въ сентябрѣ, на которомъ ты первый подалъ голосъ, чтобъ намъ оставаться здѣсь?» Левицкій отвѣчалъ: «Забылъ, ваше величество!» Государь отвѣтилъ: «А я этого не забылъ и никогда не забуду».

Левицкій былъ такъ потрясенъ этою неожиданною милостью, что весь день въ себя придти не могъ.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ
К. В. Левицкій.

Только къ $5^1/_2$ час. пополудни мы вернулись въ Боготъ, усталые, голодные, но счастливые.

Государь съ Великимъ Княземъ, высшими чинами и со своею свитою завтракалъ въ Плевнѣ и затѣмъ милостиво принялъ Османа-пашу, долго бесѣдовалъ съ нимъ и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему саблю.

30 ноября. — Сегодня у Государя въ Порадимѣ — большой военный совѣтъ. Туда поѣхали Великій Князь, Непокойчицкій, Тотлебенъ, князь Масальскій, князь Имеретинскій и Левицкій. Послѣдніе трое, однако, не были приглашены на совѣщаніе. Участвовали только Великій Князь, князь Карлъ, Непокойчицкій, военный министръ, Тотлебенъ и Обручевъ.

На этомъ совѣщаніи рѣшено:

1) Усилить западный отрядъ Гурко 9-мъ арм. корпусомъ и 3-ю гвард. пѣх. дивизіею. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій обойти турецкія позиціи у Арабъ-Конака и Лютикова и, оттѣснивъ армію Мехмеда-Али, наступать къ Софіи и далѣе, вдоль южнаго склона Балканъ, къ Казанлыку, съ цѣлью выйти въ тылъ турецкой шипкинской позиціи. Если же Мехмедъ-Али отступитъ къ Филиппополю, то преслѣдовать его и гнать далѣе къ Адріанополю. Оба пути наступленія должны привести къ одной и той же цѣли: туркамъ придется бросить Шипку и отступать къ Адріанополю.

2) Усилить шипкинскій отрядъ Радецкаго 11-мъ корпусомъ и частью 4-го корпуса подъ начальствомъ Скобелева, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти войска тоже перешли въ наступленіе, когда Гурко перевалитъ черезъ Балканы.

3) Плевнинскій отрядъ расформировать, направивъ, какъ выше сказано, часть его къ Гурко и часть къ Радецкому, часть 4-го корпуса на подкрѣпленіе Цесаревичу и оставивъ гренадерскій корпусъ въ общемъ резервѣ.

3) Рущукскому отряду Цесаревича оставаться въ прежнемъ положеніи, отчасти для маскированія наступательныхъ дѣйствій, отчасти для прикрытія линіи сообщенія Систово-Тырновъ. Присоединить къ рущукскому отряду всѣ отряды наши, находящіеся въ Журжевѣ, Ольтеницѣ и Каларашѣ, замѣнивъ ихъ въ этихъ пунктахъ румынскими войсками.

Сегодня привезли изъ Плевны въ Боготъ Османа-пашу. Для него заранѣе была поставлена особая кибитка, рядомъ съ нашимъ столовымъ шатромъ, и у кибитки поставленъ офицерскій караулъ. Съ приближеніемъ коляски Османа-паши, которую конвоировала румынская кавалерія, караулъ взялъ на плечо, а когда коляска остановилась — Осману-пашѣ была отдана честь съ барабаннымъ

боемъ. Османъ, видимо тронутый, приложилъ руку къ фескѣ. Сопровождавшій его драгоманъ Макѣевъ объяснилъ ему, что по Высочайшему повелѣнію ему отдается такая же честь, какъ русскому фельдмаршалу. Османъ поблагодарилъ и при помощи своего доктора (турка, говорящаго по-французски), Макѣева и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ—съ трудомъ вылѣзъ изъ коляски. Ходить онъ еще не можетъ. Вмѣстѣ съ нимъ помѣщенъ и его докторъ.

Привезли также и прочихъ плѣнныхъ пашей. Ихъ оказалось всего десять, изъ нихъ двухъ младшихъ подарили румынамъ. По словамъ Макѣева, турки очень этимъ возмущены: самъ Османъ сказалъ ему, что этимъ двумъ пашамъ придется, по возвращеніи изъ плѣна, выйти въ отставку, какъ опозореннымъ. Турки вообще смотрятъ на румынъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Румыны же со своей стороны очень обижены, что имъ дали только двухъ пашей, и то самыхъ младшихъ: они убѣждены, наперекоръ очевидности, что намъ безъ ихъ содѣйствія не удалось бы взять Плевну. Замѣчательное самомнѣніе!

Подъ вечеръ получено радостное извѣстіе еще объ одномъ важномъ успѣхѣ нашего оружія: отряду Цесаревича удалось сегодня блистательно отбить ожесточенную турецкую атаку, направленную главнымъ образомъ на лѣвый флангъ рущукскаго отряда, какъ ближайшій къ самому чувствительному мѣсту—къ систовской переправѣ.

Объ этомъ важномъ событіи немедленно было донесено Государю и сообщено повсемѣстно слѣдующею телеграммою:

«Вчера, 29 ноября, съ 4-хъ часовъ пополудни турки начали переправляться большими силами черезъ Ломъ у деревни Красной. Къ вечеру переправилось уже болѣе 30-ти таборовъ. Сегодня, 30 ноября, утромъ турки атаковали всѣми силами корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Послѣ упорнѣйшаго боя, корпусъ великаго князя блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ общее наступленіе, а между тѣмъ по приказанію Наслѣдника-Цесаревича, лично присутствовавшаго въ сраженіи, подоспѣвшая бригада 35-й дивизіи ударила на лѣвый флангъ непріятеля. Дѣло было поистинѣ блестящее. Подробности дополнительно.

«На прочихъ мѣстахъ театра войны новаго ничего нѣтъ. У Яковцевъ и Златарицы войска наши попрежнему стоятъ на позиціи въ виду непріятеля.

«Противъ Лютикова, Арабъ-Конака и Златицы войска наши также занимаютъ прежнія позиціи.—Николай».

Въ 9 час. вечера Государь отвѣтилъ:

«Благодарю отъ души. Ты поймешь, какъ я счастливъ и что сердце мое преисполнено благодарности къ Богу за новую Его милость. Сашѣ съ радостью вручу самъ Георгія 2-й степени и потому прошу ничего ему объ этомъ не говорить, равно и Владиміру, которому назначаю шпагу съ брилліантами».

Вслѣдъ за симъ была получена телеграмма Радецкаго съ Шипки:

«Непріятель и его орудія до сихъ поръ еще на позиціи. Еслибъ я имѣлъ нѣсколько большія силы, то движеніемъ въ обходъ фланговъ и занятіемъ деревни Шипки можно было бы предупредить свозъ орудій и удобное его отступленіе».

Къ сегодняшнему вечеру были собраны свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ въ приснопамятный день 28-го ноября и Государю донесено слѣдующею телеграммою:

«Наша потеря въ гренадерскомъ корпусѣ въ день взятія Плевны 28 ноября:

«Убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 582.

«Ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 40, нижнихъ чиновъ 1.207.

«Контужено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 3.

«Всего штабъ- и оберъ-офицеровъ 57, нижнихъ чиновъ 1.792.

«Потеря турокъ 28 ноября, по показанію Тевфикъ-паши, болѣе 4.000.

«Наши трофеи—плѣнныхъ: пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2.000; нижнихъ чиновъ: пѣхоты, за вычетомъ 4.000 потери, около 36.000; кавалеріи 1.200. Орудій взято 77.

«Число больныхъ и раненыхъ, не участвовавшихъ въ бою 28 ноября, еще неизвѣстно; число знаменъ—тоже.

«Знамя, отбитое съ бою, взялъ рядовой астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка Егоръ Ждановъ.

«Плѣнные паши привезены сегодня въ Боготъ. Къ юртѣ Османа-паши я приказалъ поставить офицерскій караулъ, который при встрѣчѣ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ.—Николай».

Въ 9 час. вечера сегодня скончался, ко всеобщему сожалѣнію, тяжело раненый гусарскій полковой адъютантъ, юный поручикъ графъ Бобринскій. Великій Князь, не желая огорчать Государя этимъ извѣстіемъ на ночь, отложилъ телеграмму о смерти Бобринскаго до утра.

1 декабря.—Сегодня уже выступили изъ-подъ Плевны: 2-я пѣхотная дивизія въ Кацелово (на Янтрѣ), въ распоряженіе Цесаревича, а командиръ 4-го армейскаго корпуса со своимъ штабомъ, 30-ю пѣхотною дивизіею, 9-мъ драгунскимъ Казанскимъ и 9-мъ гусарскимъ Кіевскимъ полками—въ Тырновъ, на подкрѣпленіе Радецкаго.

Великій Князь, получивъ дополнительную телеграмму Цесаревича о сраженіи 30 ноября, телеграфировалъ Государю:

«Вчерашняя атака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владиміра была ведена, по крайней мѣрѣ, 60-ю баталіонами и преимущественно на лѣвый флангъ и на центръ. Противъ праваго фланга были только слабыя демонстраціи. Мечку непріятель атаковалъ шесть разъ, но каждый разъ былъ отбрасываемъ съ огромнымъ урономъ. Къ часу дня подошла къ правому флангу 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Ей было послано приказаніе немедленно взять во флангъ боевую линію турокъ. Когда бригада эта вступила въ бой и открыла огонь, то весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля по направленію на Красное до наступленія темноты. Турки отступали на Красное только потому, что путь на Чифликъ былъ имъ отрѣзанъ нашими войсками. Потеря турокъ должна быть очень велика: поле сраженія усѣяно тѣлами убитыхъ и брошенными ранеными. Наши потери еще не приведены въ извѣстность, но нѣсколько менѣе понесенныхъ 14-го ноября, хотя въ бою участвовало больше войскъ, чѣмъ тогда. Въ свитѣ Великаго Князя Владиміра двое ранены: одна пуля упала около него самого. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы.—Николай».

На эту телеграмму Государь отвѣтилъ:

«Видно, что вчерашнее дѣло было серьезное и успѣхъ полный. Ты поймешь, сколь я счастливъ. Ѣду сейчасъ къ молебну. Крайне сожалѣю о бѣдномъ Бобринскомъ. Пріѣхалъ ли его отецъ? До свиданія завтра въ 12 часовъ».

По случаю расформированія отряда обложенія Плевны, номинальный начальникъ этого отряда, князь Карлъ Румынскій, составилъ прощальный приказъ, который я, по просьбѣ князя Имеретинскаго, перевелъ съ французскаго языка на русскій. Вотъ онъ:

«Приказъ по войскамъ отряда обложенія Плевны. № 31. Порадимъ 2-го декабря 1877 года.

«Офицеры и солдаты русской арміи! Ваша стойкость, ваши геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріятель мнилъ неприступною твердынею и непреоборимою преградою побѣдоносному шествію вашему, которая стоила христіанскому воинству столькихъ потоковъ благородной крови, — наконецъ пала.

«Цѣль, для которой былъ сформированъ отрядъ обложенія,— достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми его величество Государь Императоръ удостоилъ мнѣ ввѣрить,—я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

«Вы сражались все время на глазахъ вашего августѣйшаго повелителя и вашего рыцаря-главнокомандующаго, его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. Они были свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому—не мнѣ воздать вамъ должную хвалу.

«Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и высшихъ воинскихъ добродѣтелей моимъ юнымъ войскамъ, которыя, принявъ огненное крещеніе въ союзѣ съ славною русскою арміей,—навсегда соединились съ вами узами военнаго братства. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ боевыхъ товарищахъ, столь же доброе воспоминаніе, какое они навсегда сохранятъ о васъ.

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя начальство надъ отрядомъ и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ

и въ предстоящей еще борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вами уже такъ доблестно завоеваны.

«На прощанье провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно:—Да здравствуетъ его величество Императоръ Всероссійскій! Ура!»

Подлинный подписалъ начальникъ отряда обложенія Плевны—Карлъ.

Сегодня за завтракомъ этотъ приказъ былъ прочитанъ вслухъ, послѣ чего исполнены гимны нашъ и румынскій.

Планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій вызываетъ необходимость перемѣщенія и нашей главной квартиры. Государь со своею главною квартирою уѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ: это рѣшено. Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича хочетъ взять съ собою. Начальникомъ рущукскаго отряда предполагается назначить или Тотлебена, или князя Дондукова-Корсакова, а начальникомъ штаба этого отряда, во всякомъ случаѣ, князя Имеретинскаго.

Намъ слѣдовало бы, выждавъ перехода Балканъ войсками Гурко, перейти въ Ловчу или Сельви, а затѣмъ, когда Гурко, наступая вдоль южнаго склона Балканъ, минуетъ эти пункты—перейти въ Габрово и наконецъ въ Шипку. Но Великій Князь уже проговорился, что лелѣетъ другую мысль: ему хочется переѣхать въ Орханію, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками Гурко.

Если онъ это исполнитъ, то фактически не будетъ главнокомандующимъ, ибо, при нахожденіи на крайнемъ правомъ флангѣ, невозможно общее руководство военными дѣйствіями, въ особенности же по мѣстнымъ условіямъ и въ зимнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Гурко лишится всякой самостоятельности, разъ что главнокомандующій, братъ Государя, постоянно будетъ у него надъ душой.

Богъ дастъ, еще удастся отклонить Великаго Князя отъ этой несчастной мысли.

2 декабря.—Сегодня состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ гренадерскому корпусу и другимъ частямъ войскъ, участвовавшимъ во взятіи Плевны. Къ сожалѣнію, я не могъ быть

на этомъ историческомъ парадѣ, ибо былъ заваленъ спѣшною работою.

3 декабря.—Вчера поздно вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя слѣдующую телеграмму:

«Прочитавъ сообщенное тобою послѣднее донесеніе Гурко, нахожу также крайне желательнымъ немедля приступить къ исполненію плана дѣйствій, о которомъ мы условились. Признаюсь, не легко мнѣ съ вами разставаться. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами».

Государь уѣзжаетъ завтра къ Наслѣднику и оттуда въ Россію.

Сегодня утромъ получена интересная депеша «Agence Havas», изъ Вѣны, отъ вчерашняго вечера; вотъ ея содержаніе въ русскомъ переводѣ:

«Константинополь, среда (т.-е. 30 ноября).—Паденіе Плевны произвело сильное впечатлѣніе на Порту. Опять возникъ вопросъ о смѣнѣ великаго визиря. Увѣряютъ, что Шакиру-пашѣ предписано замѣнить въ Софіи Мехмеда-Али, какъ отказавшагося, по недостаточности силъ, отъ совокупнаго движенія съ Сулейманомъ, когда послѣдній двинулся по направленію на Тырновъ. Ходитъ слухъ, что Мухтаръ также будетъ смѣщенъ. Христіане повидимому вовсе не расположены вступать въ національную стражу. Въ греческихъ и армянскихъ церквахъ прибиты воззванія противъ военной службы».

Я потому привожу дословно текстъ этой телеграммы, что она очень всѣхъ порадовала. Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что Государь склоненъ заключить миръ, если турки будутъ его просить, но перемирія—ни въ какомъ случаѣ не будетъ.

Послѣ-завтра отправляютъ въ Россію Османа-пашу. Куда—еще неизвѣстно, ибо выборъ мѣста предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ свое рѣшеніе телеграммою въ Кишиневъ, бессарабскому губернатору. Османа повезетъ туда адъютантъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ Бибиковъ.

Османъ-паша просилъ позволенія телеграфировать о своемъ плѣненіи въ Константинополь. Разумѣется, ему это позволили. Сегодня я снялъ на память копію съ этой исторической телеграммы:

«Constantinople.— Riza-bey, maumtoz-effendi-zode, secrétaire du grand-visir.

«Vous ne devez pas ignorer, que depuis un mois et demi nous étions assiégés. Ne recevant pas depuis lors aucun secours et manquant complétement de vivres—j'ai pris la résolution, avec mes troupes, de frayer chemin à travers les rangs de l'armée russe. Mais, malgré touts mes efforts n'ayant pu réussir, suis tombé avec ma garnison prisonnier de guerre. Bravoure de mes soldats ayant été appréciée, j'ai trouvé l'accueil le plus bienveillant de S. M. l'Empereur, ainsi que de la part de son auguste frère. Ayant reçu légère blessure, à la jambe gauche, me porte assez bien. Ne connaissant pas encore endroit, où serai envoyé, vous écrirez lettres détaillées à mon arrivée à la résidence, qui me sera désignée.— Osman» [1]).

Сегодня я просилъ Великаго Князя дать солдатскій георгіевскій крестъ корреспонденту «Новаго Времени» В. И. Немировичу-Данченко, въ награду за его храбрость во время обложенія Плевны: онъ почти безотлучно находился на позиціи Скобелева и ежедневно былъ въ огнѣ. Великій Князь согласился и, приказавъ мнѣ привести его къ нему, лично вручилъ Немировичу крестъ. Конечно, онъ былъ въ полномъ восторгѣ.

4 декабря.—Вчера вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя (изъ Брестоваца, под. въ 6 ч. вечера 3 декабря) слѣд. телеграмму:

«Вручилъ условленныя награды обоимъ братьямъ (т. е. Це-

[1]) «Константинополь, Риза-бею, маумтозъ-эффенди-зодъ, секретарю великаго визиря:

«Вамъ небезъизвѣстно, что въ продолженіе полутора мѣсяцевъ мы были осаждены. Не получая съ тѣхъ поръ никакой помощи и совершенно истощивъ продовольственные запасы, я съ моими войсками рѣшился пробиться сквозь русскую армію. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ это не удалось, и я со всѣмъ гарнизономъ попалъ въ плѣнъ. Во уваженіе къ храбрости моихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно благосклонно принятъ какъ его величествомъ Императоромъ, такъ и его августѣйшимъ братомъ. Будучи легко раненъ въ лѣвую ногу, чувствую себя довольно хорошо. Такъ какъ мѣсто моего пребыванія мнѣ еще неизвѣстно, прошу написать мнѣ подробно уже по прибытіи моемъ по назначенію.— Османъ».

саревичу и Великому Князю Владиміру). Ты поймешь ихъ радость и мою. Здѣсь послѣ 30 ноября все спокойно. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко».

Сегодня узналъ, что Цесаревичъ отказался ѣхать въ Россію до окончанія войны. Высоко-доблестный поступокъ! Сколь многіе простые смертные, не исключая и весьма-высокопоставленныхъ, спятъ и видятъ, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ. А наслѣдникъ престола, проникнутый высокимъ сознаніемъ долга, предпочитаетъ остаться на своемъ тяжеломъ, скучномъ и неблагодарномъ посту. Краснорѣчивый урокъ, но едва-ли онъ устыдитъ желающихъ отсюда вырваться: самое большое, если наиболѣе осторожные изъ нихъ будутъ сдерживать свои вожделѣнія.

Штабъ бывшаго отряда обложенія Плевны все время усиленно занятъ отправкою плѣнныхъ: около одной трети ихъ уже отправлено. Дѣло это шло сперва черезъ пень-колоду вслѣдствіе того, что Великій Князь отдавалъ прямыя приказанія на этотъ счетъ разнымъ лицамъ, помимо и безъ вѣдома Тотлебена. Приказанія скрещивались и приводили къ путаницѣ и безпорядку, что̀, конечно, отражалось на участи плѣнныхъ: первые два—три дня они, буквально, голодали. Теперь Великій Князь пересталъ интересоваться этою новинкою, и дѣло наладилось.

Сегодня графъ Протасовъ-Бахметевъ, Левицкій и я, въ сопровожденіи драгомана Макѣева, были съ визитомъ у Османа паши. Пробыли у него недолго, чтобы не безпокоить своимъ любопытствомъ и чтобы не мѣшать ему поговорить съ Тевфикъ-пашой, который пришелъ вслѣдъ за нами, чтобы проститься со своимъ начальникомъ: его уже увозятъ. Весь разговоръ нашъ заключался въ комплиментахъ храбрости Османа и его арміи. Мы высказали ему, что всѣ русскіе всегда уважаютъ храбрыхъ и доблестныхъ враговъ, и что въ Россіи, куда онъ теперь поѣдетъ, всѣ постараются скрасить ему тяжесть плѣна, насколько возможно. Въ заключеніе мы пожелали ему счастливаго пути, добраго здоровья и скораго возвращенія на свободу.

Все это передавалъ ему Макѣевъ. Османъ отвѣчалъ любезностями, но весьма односложными. Во время визита онъ лежалъ на

походной кровати, мы сидѣли около него на табуретахъ, а его докторъ и Тевфикъ-паша стояли.

Великій Князь заходилъ къ Осману три раза. Османъ просилъ Великаго Князя принять на память его боевого коня, котораго Великій Князь и принялъ съ благодарностью, но, кажется, ничѣмъ его не отдарилъ: по крайней мѣрѣ, я ничего объ этомъ не слышалъ.

Отъ Макѣева узналъ, что возвращенная Государемъ Осману-пашѣ сабля—не та, которая была пожалована ему султаномъ за отраженіе штурма 30-го августа. Жалованная сабля не успѣла до него дойти и, по слухамъ, лежитъ въ Софіи.

Вчера только полученъ точный списокъ взятыхъ въ Плевнѣ въ плѣнъ турецкихъ генераловъ: ферикъ (генералъ-лейт.) Адель-паша; ливы (генералъ-маіоры): Тахиръ-паша [1]), Тевфикъ-паша (начальникъ штаба и начальникъ инженеровъ), Ахметъ-паша (начальникъ артиллеріи), Атыфъ, Садыкъ, Таиръ-Эмиръ, Гуссейнъ-Вашри и Эдхемъ—паши. Всего съ Османомъ 10 пашей.

Сегодня отецъ и старшій братъ умершаго отъ ранъ поручика графа Владиміра Бобринскаго увезли его тѣло въ Россію.

Сегодня утромъ Великій Князь получилъ слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Цесаревича изъ Брестовца:

«Отъ всей души благодарю за поздравленіе, а въ особенности за лестныя слова. Благодарю Бога, что Онъ не оставилъ насъ и съ честью вывелъ насъ изъ труднаго и тяжелаго положенія, въ которомъ мы находились. Только вчера узналъ о высшей военной наградѣ, тобою полученной. Отъ всего сердца поздравляю и обнимаю».

2) Отъ великаго князя Владиміра Александровича, изъ Абланова:

«Счастливъ и радъ, что Господь сподобилъ дважды отразить настойчивыя атаки непріятеля. Да будетъ милость Его на насъ и впредь. Обнимаетъ тебя счастливѣйшій изъ корпусныхъ командировъ».

[1]) Номинальный начальникъ штаба.

Вскорѣ затѣмъ получена и телеграмма Государя изъ Брестовца, отъ 1 ч. настоящаго дня:

«Саша увѣдомитъ тебя о нѣсколькихъ наградахъ, которыя я далъ здѣсь. Прикажи Тотлебену и Имеретинскому отправиться сюда немедля. Сейчасъ отправлюсь далѣе; телеграфируй мнѣ сегодня во Фратешти, завтра—въ Бухарестъ».

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ получена телеграмма отъ генерала Струкова изъ Петрошанъ: «Государь Императоръ прибудетъ сюда въ три часа. Поѣздъ готовъ до Фратешти, гдѣ ночлегъ».

Государю послано сегодня три телеграммы:

1) Въ Брестовацъ:

«Деллингсгаузенъ донесъ, что вслѣдствіе усиленія турокъ противъ нашего хаинкіойскаго отряда и въ виду произведенной противъ него непріятелемъ усиленной рекогносцировки, онъ направилъ туда бригаду 26-й дивизіи. Еленинскій и златарицкій отряды расположились на позиціяхъ впереди этихъ пунктовъ, выдвинувъ авангарды къ Беброву».

«Князь Миланъ сербскій телеграфируетъ мнѣ отъ 2-го декабря, что онъ вынужденъ снова поднять оружіе противъ турокъ и становится лично во главѣ своей арміи».

2) Во Фратешти:

«Вчера, 3-го декабря, на Шипкѣ была перестрѣлка, въ которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Отъ Деллингсгаузена и Гурко новаго ничего нѣтъ. 9-й корпусъ выступилъ сегодня по назначенію (т.-е. на подкрѣпленіе Гурко). Османа отправляю завтра въ Кишиневъ съ Бибиковымъ (адъютантъ Великаго Князя). До настоящаго дня всѣ паши и 20.000 плѣнныхъ уже отправлены».

5 декабря.—Сегодня утромъ Бибиковъ увезъ Османа-пашу въ Кишиневъ.

Ночью Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ составить и отправить Государю (во Фратешти) слѣдующую телеграмму:

«Наши передовыя войска, преслѣдуя турокъ, захватили те-

леграфную линію отъ Елены до Беброва, взяли запасы галетъ, нѣсколько плѣнныхъ, заняли Беброво и достигли разъѣздами Ахмедли. Турки потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Наша потеря 12 человѣкъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ Нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ. Пожаръ въ Еленѣ прекращенъ нашими войсками: сгорѣло только 40 домовъ».

Отвѣтъ отъ Государя на эту телеграмму былъ полученъ уже подъ вечеръ, изъ Бухареста, отъ 4 ч. 45 м. пополудни:

«Остался чрезвычайно доволенъ переправою въ Батинѣ. Здѣсь пріемъ восторженный. Радуюсь занятію Беброва, жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Не забудь благодарить императора Вильгельма за золотой вѣнокъ къ ордену «pour le mérite», который онъ тебѣ посылаетъ».

Цесаревичъ, на запросъ Великаго Князя (текстъ коего мнѣ неизвѣстенъ) отвѣтилъ слѣдующей телеграммою:

«Когда поѣдемъ съ Владиміромъ, рѣшительно не знаю. Напишу тебѣ на-дняхъ. Очень желалъ бы знать, куда направится гвардейскій корпусъ и что предполагаетъ предпринять. Мнѣ необходимо знать для собственныхъ соображеній и разсчета времени».

Телеграмму эту Великій Князь передалъ сегодня вечеромъ на храненіе, но что отвѣтилъ—не сказалъ.

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы агентства Гавасъ: 1) изъ Аѳинъ, отъ 4-го, о народной уличной манифестаціи въ пользу объявленія Турціи войны: участники разогнаны полиціей и жандармами; 2) изъ Константинополя, отъ 1-го декабря, черезъ Вѣну.

Обнародовано посланіе султана турецкому «парламенту» во вкусѣ и тонѣ англійскихъ тронныхъ рѣчей, очевидно, англійскаго издѣлія. Привожу переводъ съ французскаго текста депеши:

Султанъ, упомянувъ о войнѣ, начатой Россіею, добавилъ, что нѣкоторая часть его подданныхъ возмутилась, не взирая на дарованіе имъ правъ, обезпечивающихъ равноправность всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и языковъ. Румынія объявила Турціи войну безъ всякаго законнаго повода и тѣмъ усугубила затруднительность положенія. Но, не взирая на все это, страна энерги-

чески защищается, патріотизмъ турокъ и храбрость войскъ вызываютъ удивленіе всего міра. Султанъ вновь обращается къ патріотизму и содѣйствію народа для защиты законныхъ правъ Порты. Образованіе ополченія будетъ вскорѣ закончено: немусульманскіе подданные султана сами выражаютъ желаніе принять участіе въ защитѣ отечества. Конституція даровала всѣмъ турецкимъ подданнымъ равныя права и налагаетъ на всѣхъ равныя обязанности. А посему весьма естественно, что немусульманскіе подданные султана должны быть привлечены къ воинской повинности, составляющей первый долгъ и основу равноправія: правительство уже рѣшило, что воинская повинность должна ложиться не на однихъ только мусульманъ, но на всѣхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Единственное спасеніе имперіи—въ конституціи: султанъ желаетъ, чтобы всѣ его подданные могли вкусить блага прогресса и современной цивилизаціи. Султанъ настаиваетъ на преобразованіи финансовъ съ цѣлью выполненія лежащихъ на Турціи обязательствъ; на правильномъ распредѣленіи и взиманіи податей; на пересмотрѣ системы администраціи, судоустройства и судопроизводства; на реформѣ землевладѣнія и вакуфовъ; наконецъ, на преобразованіи жандармеріи. Къ несчастью, осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ задерживается войною. Масса беззащитныхъ женщинъ и дѣтей подверглась возмутительнымъ варварскимъ насиліямъ. Но султанъ надѣется, что въ будущемъ ничто не помѣшаетъ правильному отправленію правосудія. Муниципальный законъ, изданный въ прошломъ году, уже приведенъ въ исполненіе. Новые законопроекты, выработанные государственнымъ совѣтомъ, будутъ предложены на обсужденіе палатъ: такъ, напр., законы о производствѣ выборовъ, о правахъ и обязанностяхъ министровъ, объ устройствѣ судовъ. Сверхъ того, палаты будутъ спрошены по вопросамъ объ устройствѣ вилайетовъ, о законахъ печати, о податяхъ. Будетъ доложено о положеніи дѣла разработки тѣхъ 16-ти законопроектовъ, которые обсуждались въ послѣднюю сессію. Султанъ обращаетъ особое вниманіе палатъ на смѣту предстоящихъ расходовъ и прибавляетъ: внутреннія преобразованія, уже совершенныя, несмотря на войну, служатъ доказательствомъ искренности нашихъ намѣреній; въ обезпеченной свободѣ преній палаты

имѣютъ наилучшее средство раскрыть истину по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе.

Въ заключеніе султанъ говоритъ:

Наши отношенія съ дружественными державами—самыя сердечныя.

Кому нужна эта постыдная комедія англійскаго сочиненія? Кого этими благоглупостями благоудивить хотятъ?

Великій Князь говорилъ, что въ Петербургѣ вчера только установился санный путь. У насъ снѣгъ идетъ почти ежедневно, но только увеличиваетъ и безъ того глубокую грязь. Все время легкій морозъ по ночамъ и до 3^0 тепла днемъ. Такъ какъ у насъ въ кибиткѣ выше 5^0 не бываетъ, то Левицкій все стремится переѣхать въ землянку, но встрѣчаетъ рѣшительное несогласіе съ моей стороны. Великій Князь забавляется этимъ разногласіемъ и подтруниваетъ надъ Левицкимъ, что я его притѣсняю.

6 декабря.—Сегодня Тотлебенъ съ княземъ Имеретинскимъ и всѣмъ бывшимъ штабомъ отряда обложенія Плевны ѣдутъ въ Брестовацъ, къ Цесаревичу.

Характерно, что офицеры генеральнаго штаба всегда стремятся уйти изъ главной квартиры куда угодно. Причина вполнѣ понятна: во всякомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба на виду и въ серьезной работѣ, а въ главной квартирѣ—совершенно заслоненъ адъютантами и ординарцами Великаго Князя. Имъ даются всѣ видныя и серьезныя порученія, а офицеры генеральнаго штаба или корпятъ надъ бумагами, или принуждены слоняться безъ дѣла.

Фрезе вчера вернулся отъ Ганецкаго, который отъ него въ такомъ восторгѣ, что приписываетъ ему успѣхъ сраженія 28-го ноября и хочетъ представить его къ георгіевскому кресту.

Сегодня съ ранняго утра началась адская снѣжная метель, продолжавшаяся весь день и не утихшая и къ ночи. Вѣтеръ такъ и рветъ, снѣгъ крутитъ, морозъ усиливается.

Вчера получены извѣстія отъ агентства Гавасъ: Мехмедъ-Али-паша замѣненъ Шакиромъ-пашой; первый уже прибылъ въ Константинополь. Турецкія газеты, отъ 2-го декабря, говорятъ уже въ менѣе воинственномъ тонѣ. Въ Пештѣ 2-го декабря былъ турко-

фильскій митингъ: собралось до 8.000 чел.; постановили требовать отъ правительства, чтобы оно положило предѣлъ развитію русскихъ успѣховъ, хотя бы силою оружія. Президентъ совѣта, которому была послана депутація, ее однако не принялъ. Князь Миланъ 2-го декабря выѣхалъ изъ Бѣлграда въ Алексинацъ; моравскій отрядъ въ тотъ же день перешелъ границу и занялъ Сѣканицу и Топольницу. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены сегодня Гурко въ Осиково телеграммою:

Государю донесено сегодня въ Бухарестъ, вслѣдъ:

«Деллингсгаузенъ донесъ, что непріятель отступилъ по всей линіи и наши войска заняли прежнее расположеніе: Джулунъ, Златарицу, Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Бещи-Малѣ, Бебровѣ и Буйновцѣ. Ахмедли занято турецкимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія. У Цесаревича все спокойно: Тотлебенъ съ Имеретинскимъ ѣдутъ туда сегодня. Арнольди донесъ отъ 3-го декабря, что 30-го ноября, 1-го и 2-го декабря турецкая пѣхота съ кавалеріей и двумя орудіями пыталась наступать изъ Берковца на Боровцы для овладѣнія мостомъ черезъ Клиссу, но отражена двумя эскадронами харьковскихъ уланъ. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ».

Вслѣдъ за отправкою этой телеграммы, получена телеграмма Гурко, что, по донесенію изъ Врацы отъ 4-го декабря, турки, послѣ упомянутыхъ неудачныхъ попытокъ, оставили Берковацъ и отступили къ Софіи, бросивъ въ Берковцѣ одно орудіе. Вслѣдъ затѣмъ туда вступилъ разъѣздъ л.-гв. уланскаго его величества полка подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга.

Объ этомъ тотчасъ же было донесено Государю, съ добавленіемъ, что дѣло отправки плѣнной плевненской арміи приходитъ къ концу. Османъ-паша отправленъ вчера, двое пашей и 9.000 плѣнныхъ переданы румынамъ.

7 декабря.—Только сегодня, послѣ цѣлаго ряда напоминаній, получены точныя свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ въ сраженіи при Марени и Еленѣ 22-го ноября, которыя и сообщены немедленно начальнику главнаго штаба слѣдующими двумя телеграммами:

1) «Убито и взято въ плѣнъ (отдѣлить эти цифры невозможно) всего: 24 офиц. и 658 нижн. чиновъ».

2) «Ранено всего: 31 офиц. и 1.149 нижн. чиновъ».

Въ виду неизвѣстности фамилій офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, Великій Князь телеграфировалъ Убри, нашему послу въ Берлинѣ, чтобы онъ попросилъ князя Рейса (германскаго посла въ Константинополѣ) узнать и сообщить фамиліи плѣнныхъ, а также о состояніи здоровья тѣхъ изъ нихъ, которые ранены.

Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе: Непокойчицкій, М. Д. Скобелевъ и Левицкій. Рѣшено: 3-й стрѣлковой бригадѣ 9-го декабря выступить въ Ловчу, а 16-й пѣхотной дивизіи, 10-го декабря, въ Сельви.

Отъ Государя получена телеграмма со станціи Романъ, отъ 5 ч. пополудни:

«Прошу передать мое поздравленіе л.-гв. стрѣлковому баталіону императорской фамиліи съ ихъ праздникомъ и спасибо за молодецкую службу. Продолжаемъ путь благополучно».

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Въ отрядѣ Гурко новаго ничего нѣтъ. Вездѣ, особенно на Балканахъ, снѣжныя вьюги. Въ горахъ, занимаемыхъ войсками Гурко, такой туманъ, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Все это сильно замедляетъ движеніе войскъ, но тѣмъ не менѣе всѣ колонны идутъ по назначенію».

Гурко послана въ Осиково слѣдующая телеграмма:

«Нашъ греческій посланникъ телеграфируетъ изъ Аѳинъ: отъ султана скрываютъ неудачи въ Орханіи и окрестностяхъ, почему онъ настаиваетъ на наступленіи. 27-го ноября стараго стиля къ Ахмеду-Али подошли 12 баталіоновъ съ Шипки, что довело его армію до 43 баталіоновъ при 50 орудіяхъ. Значительная часть его войскъ—мобилизованная національная гвардія. Семь баталіоновъ было почти уничтожено, вѣроятно когда они атаковали Московскій полкъ (21-го ноября) и отправлено въ Софію, гдѣ, кромѣ того, находится только 1 баталіонъ, 2 эскадрона, 3 батареи. Армія, стоящая противъ васъ, деморализована».

Великій Князь посылалъ какую-то собственноручную телеграмму Цесаревичу, отъ котораго и получилъ подъ вечеръ слѣдующій отвѣтъ:

«Благодарю сердечно за именинника и поздравляю тоже съ

нашимъ баталіоннымъ праздникомъ. Пока лучше оставить конвой тамъ. Рѣшительно ничего не могу сказать, сколько времени останусь и куда поѣду. Переговоривши съ Тотлебеномъ, напишу тебѣ».

Вторая часть телеграммы мнѣ непонятна. Можно лишь догадываться, что Государь передъ отъѣздомъ въ Россію о чемъ-то условился съ Наслѣдникомъ и притомъ отчасти по предварительному соглашенію съ Великимъ Княземъ, отчасти же и безъ вѣдома послѣдняго.

Уже ночью получена отъ Государя телеграмма изъ Яссъ:

«Радуюсь занятію Берковца. Надѣюсь, что кавалерія будетъ вскорѣ замѣнена подошедшею пѣхотою. Здѣсь также снѣгъ и довольно сильный морозъ. Прошу телеграфировать мнѣ завтра въ Бирзулу».

9 декабря. Сегодня четвертый день снѣжной бури. Снѣгъ по колѣно и 8^0 мороза. Въ кибиткѣ нашей все время термометръ стоитъ на 0 днемъ, а по ночамъ и утрамъ — 3^0 мороза. Тѣмъ не менѣе, приходится все время усиленно писать.

Но нѣтъ худа безъ добра. Быть можетъ, благодаря этой адской погодѣ, удалось окончательно отклонить Великаго Князя отъ намѣренія переѣхать въ Орханію и далѣе вслѣдъ за войсками Гурко. Слава Богу: вчера онъ объявилъ, что переѣдетъ въ Сельви. Дивизіону л.-гв. казачьяго его величества полка уже приказано идти впередъ, въ Ловчу.

Вчера Государю послана слѣдующая телеграмма:

«Гурко и Радецкій доносятъ, что снѣгъ завалилъ всѣ дороги и тропинки. Метели съ морозомъ продолжаются третій день. Нѣтъ никакой возможности двигаться. Здѣсь буря съ метелью. Снѣгу навалило выше колѣна. Движеніе обозовъ остановилось. Дай Богъ, чтобы поскорѣе эта непогода кончилась».

Сегодня вечеромъ послана Государю же слѣдующая телеграмма:

«Вьюга прекратилась, но вездѣ снѣгъ выше колѣнъ и большой морозъ. Войска на Шипкѣ и на горѣ св. Николая сильно страдаютъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности наступленія. У меня въ палаткѣ менѣе 5^0. За обѣдомъ сегодня вода и вина замерзли. Варку можемъ дѣлать только разъ въ день. Отогрѣваемся

чаемъ. Войска веселы и даже поютъ, чтобы хоть этимъ согрѣться. Болѣзненность пока небольшая, кромѣ 24-й дивизіи на Шипкѣ, гдѣ до тысячи больныхъ въ каждомъ полку».

Выступленіе Скобелева отложено до завтра, по причинѣ адской погоды. Переходъ въ наступленіе войскъ Гурко назначенъ на 11-е.

Сегодня, вскорѣ послѣ обѣда, Великій Князь послалъ за мной и удержалъ до вечера, отпустивъ лишь послѣ чаю. Это уже 4-й день подрядъ проходитъ такимъ образомъ: сперва читаю ему вслухъ полученныя въ теченіе дня реляціи, затѣмъ составляю и отправляю его депеши, и, наконецъ, идутъ просто разговоры. Сегодня Великій Князь вспоминалъ, какъ объявилъ мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, что беретъ меня съ собой, и спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвело это тогда на мою жену. Я отвѣчалъ, что разлука съ семьей, конечно, не легка, но что мы оба все-таки предпочитаемъ, чтобы мнѣ быть на войнѣ, чѣмъ оставаться дома: вполнѣ сознаемъ, что для военнаго не быть на войнѣ—значитъ чувствовать себя обойденнымъ, ненужнымъ. Но, конечно, было бы лицемѣріемъ съ моей стороны, если бы я вздумалъ увѣрять, что радъ затяжкѣ войны. Напротивъ, я буду искренно радоваться ея окончанію, но только со славою. А на это теперь надѣяться можно.

Великій Князь вздохнулъ и сказалъ: «Дай Богъ! Я дольше тебя терплю: ты всего восьмой мѣсяцъ въ разлукѣ съ семьей, а я—тринадцатый!»

10 декабря.—11° мороза. Чудный, ясный, сверкающій день. Много интересныхъ телеграммъ.

Полученныя:

1) Отъ Стюарта изъ Бухареста: Фельдманъ (нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ) телеграфируетъ отъ 9-го декабря, что Сулейманъ-паша получилъ приказаніе отвести всю свою армію въ Румелію, оставивъ въ крѣпостяхъ только самые необходимые гарнизоны. Онъ уже прибылъ въ Константинополь для участія въ военномъ совѣтѣ, который разрабатываетъ новый планъ дѣйствій. Реуфъ-паша назначенъ военнымъ министромъ.

2) Первая телеграмма Государя изъ Петербурга, отъ 11 ч. 30 м. сегодняшняго утра:

«Только-что воротился совершенно благополучно. Пріемъ самый восторженный. Всѣхъ нашелъ здоровыми. Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Да поможетъ намъ Богъ довершить святое дѣло».

3) Отъ Радецкаго съ Шипки отъ 12 ч. 55 м., сего дня, шифрованная, на имя Непокойчицкаго:

«Движеніе на деревню Шипку прямо по дорогѣ [1]) я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣплялся турками съ начала августа и, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестною обороною во многихъ мѣстахъ. Поэтому, при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть деревней Шипкой и долиною Тунджи движеніемъ нашего отряда отъ Тетевеня и Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла и, вслѣдствіе этого, я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій Его Высочества. Для полученія приказаній командирую начальника штаба генерала Дмитровскаго».

4) Отъ Гурко изъ Осикова, отъ 9-го декабря:

«Снѣгу выпало очень много: на горахъ болѣе аршина, въ Орханійской долинѣ полъ-аршина. Сегодня третій день стоятъ морозы. Сегодня въ Орханійской долинѣ около 4^0, а въ горахъ около 10^0. Санитарное состояніе съ каждымъ днемъ ухудшается. Въ Псковскомъ полку 6-го и 7-го декабря заболѣло 340 человѣкъ, но это самая большая болѣзненность. Среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 человѣкъ, въ полкахъ же, расположенныхъ по квартирамъ, значительно менѣе. На позиціяхъ стоитъ $6^1/_2$ полковъ; по квартирамъ 5. Произвожу по возможности чаще смѣну. Положеніе очень тяжелое. Движеніе будетъ очень трудное, но съ Божьею помощью надѣюсь преодолѣть трудности. Теперь разрабатываю дорогу. Непріятель стоитъ и нечего не предпринимаетъ, весьма сильно укрѣпившись на своей позиціи. Подкрѣпленія къ туркамъ

[1]) Такого движенія никто и не предлагалъ. Предположено движеніе въ обходъ турецкихъ шипкинскихъ позицій съ обоихъ фланговъ.

прибываютъ мало-по-малу. Теперь у Арабъ-Конака, кажется, около 40 баталіоновъ, у Лютикова и Златицы около 10 въ каждомъ пунктѣ, всего же около 60 баталіоновъ, но всѣ далеко неполные; самое большее по 400 человѣкъ въ таборѣ, а есть таборы около 150 человѣкъ. Болѣе всего боюсь тумановъ и продовольствія. Всѣ заготовленные мною насчетъ страны склады—въ Радомирцахъ, для трехъ прибывающихъ дивизій. Теперь у меня осталось 10.000 пудовъ сухарей, нагруженныхъ на повозки въ видѣ неприкосновеннаго запаса. Во Врачешѣ, въ складѣ, около 20.000 пудовъ муки, которая перепекается въ хлѣбъ въ устроенныхъ печахъ. Дальнѣйшаго запаса нѣтъ и не предвидится, дневной же расходъ—около 3.400 пудовъ. Теперь уменьшилъ дачу сухарей до 1 фунта; дней черезъ 10 не будетъ хлѣба. Крайне нуждаюсь въ перевозочныхъ средствахъ. Доставка скота весьма затруднительна. Жду прихода войскъ, чтобы перейти въ наступленіе, но прибытіе ихъ крайне затрудняется. Не знаю, когда подтянутся. Вся дорога ужасная и гололедица. Думаю, что раньше 13—14 декабря не буду въ состояніи двинуться: главное прошу спирту, чаю, сахару. Необходимо открыть въ Яблоницѣ 1 или 2 подвижныхъ госпиталя. 9-го декабря, 9 ч. вечера. Генералъ-адъютантъ Гурко».

5) Получена телеграмма князя Милана, что 7-го декабря сербы овладѣли съ боя проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями: потери еще неизвѣстны. 8-го декабря сербы обошли турецкую позицію у Бабиной-главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію. Того же числа, послѣ упорнаго боя, сербы взяли укрѣпленія у Чичины, у моста на Моравѣ, южнѣе Ниша. Турецкія сообщенія между Нишемъ и Лесковацомъ, который еще южнѣе, прерваны.

Объ этомъ немедленно донесено Государю, а князьямъ сербскому и румынскому посланы слѣдующія телеграммы.

Belgrad, à suivre.

Prince Milan de Serbie.

«Félicite de tout coeur avec bon et beau commencement. Remerciez sincèrement de ma part vos vaillantes troupes. Souhaite succès ultérieurs. Que Dieu nous protége».

Bucarest.

Prince Charles de Roumanie.

«Comme tu sais, les Serbes ont occupés le défilé de Saint-Nicolas. Je te prie donner ordre immédiat à Garalamba, qu'il transmet à Arnoldi [1]) cette nouvelle, afin qu'il entre en communication avec les Serbes, ainsi que tes troupes, qui marchent vers Viddin et Belgradschik».

Получена телеграмма нашего посланника изъ Аѳинъ, содержаніе которой экстренно передано Цесаревичу, Гурко и Радецкому слѣдующими телеграммами (подчеркнутыя слова — зашифрованы мною).

Осиково. Генералу Гурко вслѣдъ.

Шипка. Генералу Радецкому.

«Отъ посланника нашего изъ Аѳинъ получено свѣдѣніе, что Мехметъ-Али, прибывъ въ Константинополь, объявилъ, что Турціи остается одно: *вступить въ мирные переговоры непосредственно съ Россіей,* ибо всякое *вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ.* Сулейманъ также прибылъ въ Константинополь. При такихъ обстоятельствахъ считаю совершенно необходимымъ *ускорить наступленіе сколь возможно, дабы усилить давленіе на Турцію. Не теряйте времени*».

Брестовацъ.

Наслѣднику Цесаревичу.

Первая часть депеши—та же. Добавленіе: «Въ виду этого, я приказалъ *Гурко и Радецкому поспѣшить наступленіемъ, дабы усилить давленіе на Турцію.* Тебѣ же необходимо *слѣдить за непріятелемъ* возможно *бдительнѣе.* Сообщи мнѣ, какъ полагаешь вслѣдствіе этого распорядиться. Гдѣ Тотлебенъ?»

11 декабря.—Ясный, тихій морозный день: 12⁰. Морозы и глубокіе снѣга неожиданно связали намъ руки, только-что развязанныя паденіемъ Плевны. Дороги еще непроходимы, двигаться впередъ нельзя, а стоять на мѣстѣ—тоже скверно. Въ горахъ войскамъ столь тяжко, какъ было во времена суворовскаго похода че-

[1]) Командиръ 2-й бригады 4-й кавалер. дивизіи.

резъ Альпы. Если морозы затянутся, то надо или идти впередъ, или отходить назадъ.

Конечно, мы рѣшились на первое. Въ рѣшеніи наступать Великій Князь вполнѣ сходится съ Гурко, но расходится съ Радецкимъ, который предпочитаетъ ждать, пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выйдетъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Съ цѣлью убѣдить Великаго Князя согласиться съ его мнѣніемъ, Радецкій прислалъ своего начальника штаба Дмитровскаго, который и прибылъ сегодня. Но на этомъ пунктѣ Великаго Князя переубѣдить нельзя: онъ рѣшился твердо и ни за что не уступитъ, тѣмъ болѣе, что заручился Высочайшимъ одобреніемъ этого плана. Конечно, зимній переходъ черезъ Балканы—дѣло трудное и рискованное, но когда же и рисковать, какъ не теперь, пока турки еще подавлены плевненскою катастрофою. Допустивъ даже возможность неудачи, мы попадемъ лишь въ выжидательное положеніе, которое намъ и безъ того пришлось бы принять, если бы мы не рискнули наступать. А въ случаѣ удачи—конецъ войнѣ!

Морозы и снѣга, пріостановившіе переходъ въ наступленіе, задержали и нашъ предположенный переѣздъ въ Сельви на неопредѣленное время. Всѣ, начиная съ Великаго Князя, мечтаютъ поскорѣе выбраться отсюда. У насъ въ кибиткѣ становится довольно скверно. И не столь непріятенъ холодъ, сколько необходимость сидѣть цѣлый день при свѣчахъ. Уже съ 3-го декабря нельзя открывать тюндюкъ (отверстіе въ вершинѣ кибитки). Выходя на воздухъ, надо зажмуривать глаза, чтобы свѣтъ и снѣгъ не ослѣпляли. Снѣгу навалило такую пропасть, что идешь почти по поясъ между снѣжными валами, гдѣ прочищено; а гдѣ нѣтъ—утопаешь въ снѣгу.

Сегодня окончилъ составленіе перваго всеподданнѣйшаго отчета Государю (въ его присутствіи отчетовъ не составлялось) и вечеромъ читалъ его Великому Князю въ присутствіи Непокойчицкаго. Оба остались чрезвычайно довольны. Великій Князь сказалъ: «Отлично написано. Ты мнѣ дѣлаешь громадное облегченіе, я прежде писалъ эти письма самъ, а Михаилъ Николаевичъ и теперь ихъ пишетъ самъ, собственноручно. Ну, да ему хорошо писать въ Тифлисѣ, а я здѣсь такъ зябну, что и перо едва въ рукахъ держу. Большое тебѣ спасибо».

Непокойчицкій пригласилъ меня переписывать отчетъ набѣло у него въ хатѣ, такъ какъ у насъ въ кибиткѣ черезчуръ холодно. Дѣйствительно, выше 4° тепла не бываетъ, а вечеромъ, ночью и рано утромъ—ниже 0 и до 3° мороза.

Я сегодня же воспользовался этимъ приглашеніемъ и послѣ чая съ закускою у Великаго Князя пошелъ къ Непокойчицкому и началъ переписывать отчетъ, чѣмъ и занимался до 12 часовъ ночи.

Пока сидѣлъ у Великаго Князя, была получена телеграмма Государя отъ 4 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

«Дай Богъ, чтобы погода позволила, наконецъ, продолжать движеніе. Радуюсь первымъ успѣхамъ сербовъ. Твоихъ нашелъ здоровыми».

Государю сегодня было донесено:

«Съ 5-го декабря все тихо и столкновеній съ непріятелемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій снѣгъ, морозъ, на Дунаѣ у Зимницы показался ледъ. Дороги труднопроходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено, что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома: въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе. Цесаревичъ сообщилъ, что составляется соображеніе для движенія впередъ вслѣдъ за турками».

12 декабря.—Дмитровскій имѣлъ продолжительную аудіенцію у Великаго Князя, который, конечно, остался непреклоненъ и отдалъ ему положительное приказаніе: немедленно приступить къ расчисткѣ обходныхъ путей и вообще ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ для наступленія, которое должно быть начато около 20-го декабря.

Дмитровскій, упорно отстаивая взглядъ своего корпуснаго командира, настойчиво доказывалъ Великому Князю необходимость обождать, пока Гурко не совершитъ переходъ черезъ Балканы и не выйдетъ въ тылъ Шипкѣ. Указывалъ на крайнюю рискованность наступленія, на трудность обходнаго движенія по горнымъ тропинкамъ, заваленнымъ снѣгомъ. Великій Князь стоялъ на своемъ. Возражая противъ доказательствъ трудности обходнаго движенія, онъ между прочимъ сослался на отзывъ генеральнаго штаба полковника Соболева (правитель канцеляріи князя Черкасскаго по

гражданскому управленію), что онъ самъ ѣздилъ по лѣвому обходному пути и удостовѣряетъ, что это путь широкій и вовсе не трудный. Дмитровскій напомнилъ Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ тамъ лѣтомъ и безъ непріятеля, а теперь зима и всѣ пути или преграждены, или наблюдаются турками. Великій Князь отвѣтилъ, что, по словамъ Соболева, онъ и теперь берется проѣхать. Дмитровскій разсердился. «Если Соболевъ это говоритъ, такъ пускай онъ это и докажетъ. Пришлите его къ намъ, ваше высочество: пусть онъ ведетъ колонну по этой дорогѣ». Великій Князь согласился и приказалъ Соболеву собираться ѣхать на Шипку въ распоряженіе Радецкаго.

Дмитровскій тоже возвращается на Шипку, или сегодня же, или завтра утромъ.

Прелестная черта характера Великаго Князя: никогда не сердится и не обижается, когда ему возражаютъ. Дмитровскій, прямой, честный и чуждый всякой дипломатіи человѣкъ, отстаивалъ свои убѣжденія и спорилъ рѣзко, иногда даже грубо. Великій Князь нисколько не сердился, несмотря на то, что оспаривалась его завѣтная, прочно въ немъ засѣвшая, мысль. Рѣдко съ какимъ начальникомъ, даже изъ простыхъ смертныхъ, можно говорить такъ прямо, просто и откровенно, какъ съ нимъ.

Отъ князя Карла изъ Турну-Магурели получена телеграмма, что 10-го декабря занята румынами безъ боя Арчеръ-Паланка, очищенная турками. Отъ князя Милана сербскаго—что Тимокскій отрядъ занялъ безъ боя Адліе, а моравскій отрядъ — Мраморъ. Турки отступили.

Государю сегодня донесено:

«Въ отрядѣ Цесаревича 11-го декабря были перестрѣлки съ турками у нашихъ разъѣздовъ, ходившихъ къ Нисовой и Соленику, которые оказались занятыми непріятелемъ, хотя и гораздо слабѣе прежняго. У Батинскаго моста показался мелкій ледъ. У Браилова ледоходъ начался такъ неожиданно и сильно, что мостъ былъ сорванъ и 21 плотъ снесло на три версты. Пароходъ нашъ засѣлъ во льду и не могъ подойти къ мосту до прекращенія ледохода. Великій князь Алексѣй доноситъ при этомъ, что сообщеніе у Браилова не можетъ быть въ настоящую минуту возстановлено.

«11-го декабря, при ясной погодѣ, турки сильно бомбардировали фортъ св. Николая на Шипкѣ, но наши потерпѣли лишь ничтожныя потери. Сегодня на Шипкѣ опять метель при сильномъ морозѣ.

«Сербы окружили Нишъ и, будучи атакованы къ сѣверу отъ него турками, отбили атаку. Турки оставили на мѣстѣ 70 тѣлъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ Государь уѣхалъ, у Великаго Князя упразднены завтраки и обѣдаемъ гораздо раньше, между 2—3 часами. По вечерамъ Великій Князь развлекается тѣмъ, что устраиваетъ въ своей кибиткѣ, на походной складной плитѣ, домашнюю стряпню къ ужину. Въ этомъ развлеченіи главная роль принадлежитъ Скобелеву-отцу, великому человѣку на малыя дѣла: недаромъ ему дано мѣткое прозвище: «сынъ знаменитаго отца и отецъ знаменитаго сына». Это прозвище, такъ сказать, Высочайше утвержденнаго образца: самъ Государь призналъ его необыкновенную мѣткость и много смѣялся, когда услышалъ его въ первый разъ.

Скобелевъ-отецъ сегодня великолѣпно приготовилъ варенаго судака къ ужину.

Сегодня Великій Князь получилъ изъ Москвы письмо, которое вечеромъ было прочитано мною вслухъ и очень всѣхъ насмѣшило. Привожу его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

«Его Инпираторскому Высочеству Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаивичю.

Писмо.

«Отъ прикащика бань В Москве у болшова каменава Моста Крестянина Андрея Ивлива Сослужащими.

Милай И низабвенной Нашъ батюшка благодетиль Николаи Николаивичь Мы Сечясъ получили Отъ вашеи Милости чресъ Московскихъ ведомостеи редактора Каткова Телеграму О взятіи Плевны и Асмана Пашы. Мы Срадостию Прочитали На томъ мѣсти гдѣ Милостию божыю имели щястия васъ Встречять 1875 года 12 Сентября Въ 10-ть чясовъ Вечира На томъ Самомъ Подъезди Наружы Собнаженными головами И прочитавшы Кричяли Отрадости какъ Я И сомнои все Служащии даже И женщины ура.

«Втакомъ Случяи Спишимъ Поздравить Ваше Инпираторское Высочиство Николаи Николаивичь Съ блистательнои Победои А

то унасъ Обвашемъ здаровьи было Сомнительно. Но Теперичя Слава Господу богу Наша ожидания Оправдались. Молимъ Мы Объ васъ ивашыхъ Подвижникахъ Господа бога чтоба Онъ вамъ послалъ быть Здаровымъ И нивридимымъ И покорать Врага Какъ Госпоть Послалъ С. Вел: Мучинику И победоносцу Георгию Покорать Змея Подногами Такъ жа И вамъ Пошли Господи одержать Победи И Возвратитца Здаровымъ И нивридимымъ Внашу Матушку Москву. А мы Все помолимся Московскимъ Угодникамъ. Ваше Инпираторское Высочество Извинитя насъ· Что Мы Осмелились вамъ Написать Писмо Мы очинь рады и низнаемъ какъ васъ благодарить Приподаимъ къ вашымъ стапамъ Преданныя Вашы Служытели И прикащикъ Каменовскихъ бань крестянинъ Андрей Ивливъ».

Великій Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму, которая и была немедленно отправлена. Вотъ она:

«Москва. Бани у большого каменнаго моста. Крестьянину Андрею Іевлеву со служащими.

«Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобы Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца.—Николай».

Отчетъ я переписалъ, но Великій Князь не захотѣлъ подписывать его сегодня, а велѣлъ дать къ подписи завтра вечеромъ, ибо курьеръ поѣдетъ только 14-го утромъ. И дѣйствительно: за цѣлыя сутки можетъ явиться необходимость что-нибудь и прибавить.

13 декабря.—Сегодня Государю донесено:

«Князь Рейссъ телеграфируетъ черезъ Берлинъ, что въ Константинополь привезены и водворены въ Сераскеріатѣ наши плѣнные офицеры: Сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Сучковъ; Орловскаго полка: командиръ полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны Домбровскій и Розовъ, подпоручики Сотскій и Ласкевичъ. Всѣ ранены: состояніе здоровья удовлетворительно.

«Румыны заняли 10-го декабря Арцеръ-Паланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣплять ее.

«9-й корпусъ прибылъ по назначенію 11-го декабря.

«На восточномъ фронтѣ дивизіонъ Чугуевскихъ уланъ съ 2 орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сида турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 чел., взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Аяслара. 2 улана ранены, 1 офицеръ и 2 улана контужены.

«Развѣдками обнаружено, что Иванъ-Чифликъ занятъ лишь небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и взвода кавалеріи. Въ Соленикскомъ лагерѣ непріятельскихъ войскъ также немного. По дорогѣ на Османбазаръ турки занимаютъ небольшими отрядами Чабанъ, Куруджеренъ и Джумалу.

«Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ. Морозы продолжаются: рукава Дуная у Журжевскаго берега замерзли. Въ Орханійской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18°, а въ горахъ больше 20°. Плѣнные, которые уже всѣ отсюда отправлены, массами умираютъ по дорогѣ отъ холода. Помочь столь бѣдственному положенію ихъ не могу: морозы наступили внезапно и захватили плѣнныхъ уже въ слѣдованіи. По точному счету, численность взятой въ плѣнъ арміи Османа оказалась 44.000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя 28-го ноября. Теперь еще осталось въ Плевнѣ 3.600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи».

Отъ Государя вечеромъ полученъ слѣдующій отвѣтъ изъ Петербурга, отъ 2 ч. 50 м. пополудни:

«Крайне сожалѣю о продолжающихся морозахъ и метеляхъ, мѣшающихъ движенію войскъ. Съ сегодняшнимъ курьеромъ не имѣлъ возможности тебѣ написать: онъ везетъ тебѣ, Сашѣ и Владиміру письма императора Вильгельма съ крестами «pour le mérite». Вчерашняя церемонія удалась вполнѣ. Вмѣсто умершаго Леонова [1]) полагалъ бы назначить Ежена [2]). Завтра, если погода

[1]) Командиръ 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизіи.

[2]) Т.-е. князя Евгенія Максиміліановича Романовскаго. Предположеніе это не состоялось по неизвѣстной мнѣ причинѣ: Князь остался состоять въ распоряженіи е. и. в. главнокомандующаго.

позволитъ, полагаю сдѣлать смотръ всѣмъ войскамъ передъ колонною» (Александровскою).

Сегодня вечеромъ Великій Князь подписалъ 1-й отчетъ Государю; завтра утромъ отправится курьеръ. Привожу отчетъ дословно, по сохранившейся у меня одного черновой [1]).

Его Императорскому Величеству.

Главнокомандующаго дѣйствующею арміею—рапортъ.

«Въ письмѣ моемъ Вашему Величеству отъ 7-го сего декабря [2]) я уже представилъ общій очеркъ всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы мною для исполненія утвержденнаго Вашимъ Величествомъ плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящемъ рапортѣ я имѣю въ виду представить Вашему Величеству общій систематическій сводъ всего, что произошло со дня паденія Плевны по 10-е декабря включительно.

«Съ расформированіемъ плевненскаго отряда обложенія и съ образованіемъ восточнаго, центральнаго и западнаго отрядовъ и общаго резерва арміи—потребовалось совершить значительныя передвиженія войскъ.

«28-го ноября пала Плевна, съ Османомъ-пашей и его арміей. 1-го декабря отрядъ обложенія былъ уже расформированъ и въ тотъ же день 4-й корпусъ, назначенный на усиленіе рущукскаго отряда, переименованнаго въ восточный,—былъ двинутъ на присоединеніе къ нему двумя колоннами: правая, изъ войскъ 30 пѣхотной дивизіи съ 9-мъ гусарскимъ Кіевскимъ полкомъ—на Тырновъ; лѣвая, въ составѣ 2-й пѣхотной дивизіи (включенной въ составъ 4-го корпуса вмѣсто 16-й пѣх. дивизіи, получившей особое назначеніе), съ 9 драгунскимъ Казанскимъ полкомъ и донскою № 2 батареею—на Косово. Обѣ колонны прибыли къ 9 декабря и расположились: правая—въ Тырновѣ, гдѣ останется впредь до особаго распоряженія; лѣвая—въ Дольнемъ-монастырѣ,

[1]) Всѣ остальные отчеты, мною составленные и собственноручно переписанные, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ ниже: черновыя этихъ отчетовъ въ дѣла не попадали, а сохранились у меня, ибо писаны наскоро, сокращенными полусловами и кромѣ меня самого—никто этихъ черновыхъ и разобрать не можетъ.

[2]) Письмо это было собственноручное, и я его содержанія не знаю.

Гельбунарѣ и Бешбунарѣ. Штабъ корпуса—при 30-й пѣхотной дивизіи.

«Такимъ образомъ, прежде всего былъ усиленъ нашъ восточный отрядъ въ томъ вниманіи, что противъ него стоитъ наименѣе разстроенная турецкая армія Сулеймана-паши.

«Почти въ то же время были двинуты и войска, назначенныя на усиленіе западнаго отряда. Но такъ какъ съ этимъ отрядомъ существуетъ только одно хорошее сообщеніе—Софійское шоссе, то войска, посланныя на подкрѣпленіе генералъ-адъютанту Гурко, поневолѣ пришлось двинуть въ одной колоннѣ, вслѣдствіе чего, конечно, подкрѣпленія не могутъ подойти къ нему такъ скоро, какъ это было бы желательно. 3-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ-подъ Плевны 2-го и прибыла 7-го декабря ко Врачешу; 9-й же корпусъ, или, точнѣе, 31-я пѣхотная дивизія, 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи и Донской № 34 полкъ выступили 4-го и 5-го декабря и должны были прибыть къ Орханіи 9-го и 10-го декабря. Что касается до 2-й бригады 5-й пѣх. дивизіи, то она образуетъ особый отрядъ, который 11-го сосредоточится во Врацѣ и будетъ служить для обезпеченія праваго фланга генералъ-адъютанта Гурко, находясь, конечно, въ полномъ его распоряженіи.

«Такимъ образомъ, къ 12-му декабря къ генералъ-адъютанту Гурко подойдутъ всѣ назначенныя въ его распоряженіе подкрѣпленія, и тогда западный отрядъ можетъ перейти въ наступленіе. Но, какъ доноситъ генералъ-адъютантъ Гурко, онъ едва ли будетъ въ состояніи начать рѣшительныя дѣйствія ранѣе 13-го или 14-го декабря, ибо глубокій снѣгъ, завалившій всѣ дороги, морозъ и гололедица представятъ огромныя препятствія.

«Могу лишь сказать, что генералъ-адъютантъ Гурко принимаетъ самыя энергическія мѣры для ускоренія возможности наступленія, такъ какъ положеніе его войскъ, занимающихъ позиціи въ горахъ—почти невыносимо. Только половина его войскъ расположена въ резервѣ по квартирамъ: другая половина бивакируетъ въ горахъ, на морозѣ, по колѣна въ снѣгу. Если температура смягчается, то морозъ смѣняется пронизывающею сыростью, дождями и такими сильными туманами, что въ пяти шагахъ ничего

не видно. Счастье еще, что при такихъ условіяхъ болѣзненность меньше, чѣмъ можно было бы опасаться: среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 чел. въ каждомъ полку, изъ числа стоящихъ на позиціяхъ. Только въ Псковскомъ пѣхотномъ полку въ теченіе двухъ дней (6-го и 7-го декабря) заболѣло 340 чел. Въ полкахъ, расположенныхъ по квартирамъ, болѣзненность значительно менѣе.

«Въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Величеству, въ составѣ западнаго отряда находятся части войскъ 3-й пѣх. дивизіи, притянутыя изъ Ловчи и Трояна. Эти войска, по прибытіи подкрѣпленій, должны быть стянуты къ лѣвому флангу отряда, съ тѣмъ, чтобы по первому востребованію можно было бы направить ихъ, вмѣстѣ съ Кавказскою казачьею и сводною Донскою (21 и 26 полки) бригадами,—на Златицу, Карлово и далѣе на Казанлыкъ. Тогда и остальныя части 3-й пѣх. дивизіи будутъ спущены съ горъ и мало-по-малу вся дивизія соберется на походѣ и подойдетъ къ Казанлыку уже въ полномъ составѣ. Само собою разумѣется, что этотъ маршъ будетъ согласованъ съ наступленіемъ изъ центра, отъ Габрова, такъ чтобы 3-я пѣх. дивизія примкнула къ нашимъ войскамъ, которыя будутъ спускаться съ Шипки.

«Кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Арнольди остался въ прежнемъ составѣ: 4-й уланскій Харьковскій и 4-й гусарскій Маріупольскій полки, 8-я конная батарея и румынская бригада Рошіоровъ съ конною батареею. Назначеніе его осталось прежнее: держать связь между румынскими войсками, занимающими Рахово и Ломъ-Паланку и западнымъ отрядомъ, наблюдая дорогу на Берковацъ. Очищеніе этого важнаго пункта турками и занятіе его нашими войсками много облегчило задачу этого отряда. Теперь, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди войти немедленно съ ними въ связь и постоянно поддерживать ее.

«Румынскія войска, какъ извѣстно Вашему Величеству, получили по взятіи Плевны разныя второстепенныя назначенія. 1-я, 2-я и 3-я дивизіи назначены для операцій противъ Акъ-Паланки, а 4-я дивизія—для конвоированія плѣнныхъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы по сдачѣ ихъ въ вѣдѣніе генералъ-адъютанта Дрентельна смѣнить

наши войска, занимающія нынѣ Калarашъ, Ольтеницу и Журжево. Эти послѣднія, освободившись, будутъ направлены на присоединеніе къ своимъ частямъ, а именно:

«Изъ Калараша: 96-й пѣх. Омскій полкъ съ двумя батареями—на Шипку; 1-й гусарскій Сумскій полкъ съ 1-ю конною батареею—въ общій резервъ арміи, туда, гдѣ онъ къ тому времени будетъ расположенъ.

«Донской № 40 полкъ останется въ Каларашѣ.

«Изъ Ольтеницы и Журжева: 2-я бригада 32 пѣх. дивизіи съ двумя батареями и 2-я бригада 11-й кавалер. дивизіи—въ составъ своего 11-го корпуса.

«Князь Карлъ предполагаетъ поставить на смѣну этимъ войскамъ 4 баталіона съ 2-мя батареями въ Журжевѣ, столько же въ Каларашѣ и одинъ баталіонъ съ батареею въ Ольтеницѣ; три полка каларашей по берегу Дуная отъ Журжева до Калараша. Я нахожу, однако, это число войскъ недостаточнымъ, какъ по числу частей, такъ и по слабости ихъ состава, въ особенности въ виду возможности замерзанія Дуная. Поэтому я намѣренъ предложить князю Карлу усилить журжевскій отрядъ еще 4-мя баталіонами.

«Въ распоряженіе румынскихъ военныхъ властей передана также крѣпость Никополь, причемъ, однако, тамъ оставлены нашъ этапный начальникъ и наше гражданское управленіе. Послѣднее вводится также и въ Раховѣ, Ломъ-Паланкѣ, Врацѣ и прочихъ вновь занятыхъ пунктахъ виддинскаго пашалыка.

«Въ Плевнѣ учреждено также наше военно-этапное и гражданское управленіе: гарнизонъ города составитъ одинъ резервный баталіонъ, который я приказалъ туда направить. Этапная линія, шедшая прежде отъ Карагача болгарскаго къ Дольному Дубняку черезъ Порадимъ, Боготъ, Ральево и Медованъ — теперь сокращена и идетъ прямо на Плевну, минуя послѣдніе четыре пункта. Отъ Дольнаго Дубняка она устраивается черезъ Телишъ, Горный Луковецъ, Блажницу, Яблоницу и Осиково до Орханіи включительно.

«Я не сказалъ ничего о времени, когда румынскія войска смѣнятъ наши на лѣвомъ берегу Дуная. Опредѣлить это пока еще

нельзя, такъ какъ на смѣну назначена та румынская дивизія, которая конвоируетъ плѣнныхъ.

Когда будетъ окончено это хлопотливое дѣло — совсѣмъ невозможно сказать, ибо оно находится въ полной зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ. Отсюда плѣнные уже всѣ отправлены: первою выступила партія (9.000 чел., при 2-хъ пашахъ, 25 штабъ и 200 оберъ-офицерахъ) тѣхъ плѣнныхъ, которые были выдѣлены мною для румынской арміи. Затѣмъ ежедневно выступало по 3.000 чел. съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и слѣдуетъ черезъ Бресляницу, Никополь, Турну, Пятру, Александрію и Фратешти на Бухарестъ, откуда плѣнные уже отправляются далѣе по желѣзной дорогѣ, по распоряженію генералъ - адъютанта Дрентельна. Но слѣдованіе плѣнныхъ по этому маршруту страшно замедляется морозомъ и снѣжными завалами на дорогахъ. Непривычные къ суровому климату и истощенные недостаточнымъ продовольствіемъ и усиленными трудами во время обложенія, турки заболѣваютъ, замерзаютъ и умираютъ массами по пути; а тѣ, которые здоровы, едва двигаются. Приходится давать имъ частые отдыхи и дневки противъ маршрута, вслѣдствіе чего задерживаются и позади идущія партіи. Но это мало спасаетъ несчастныхъ турокъ отъ гибели. Мы нашли возможность, несмотря на множество затрудненій, съ самаго начала кормить всю массу плѣнныхъ и призрѣть брошенныхъ на произволъ судьбы и найденныхъ нами въ Плевнѣ раненыхъ и больныхъ: размѣстить ихъ всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось оставить ихъ на бивакѣ. Между тѣмъ вдругъ наступили холода, выпалъ глубокій снѣгъ, и эти несчастные, и прежде дрожавшіе отъ холоду въ своихъ лохмотьяхъ, босые, начали умирать массами. Тѣ, которые съ наступленіемъ морозовъ еще не были отправлены, были кое-какъ помѣщены вмѣстѣ съ нашими солдатами въ землянкахъ гренадерскаго корпуса; но тѣ, которыхъ морозъ захватилъ въ пути—сильно пострадали. Я безсиленъ противъ этого и могу лишь пожалѣть, что Османъ-паша не внялъ въ свое время моему предложенію капитулировать, которое я сдѣлалъ ему единственно въ видахъ человѣколюбія.

«Численность плѣнной Плевнинской арміи оказалась не въ

40.000, какъ было опредѣлено первоначально, а въ 44.000 слишкомъ. Число орудій и знаменъ до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность окончательно, такъ какъ большая часть орудій была закопана, а знамена или спрятаны, или сожжены. До сихъ поръ найдено 88 орудій, а знаменъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ Вашему Величеству уже извѣстно (одно, зеленое, взято рядовымъ Астраханскаго гренадерскаго полка Ждановымъ съ бою; другое, красное, взято въ обозѣ адъютантомъ командира 4-го корпуса, Пинкорнелли), — найдено 2 зеленыхъ, 3 красныхъ и сверхъ того 2 значка. Знамена эти при семъ повергаются къ стопамъ Вашего Величества.

«Обращаюсь теперь къ *центральному отряду*, ядро котораго составляетъ 8 корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и первые три полка 24-й пѣхотной дивизіи. Всѣ эти войска уже сосредоточены на Шипкѣ и въ Габровѣ. Только Елецкій полкъ съ двумя батареями (пѣшею и горною) попрежнему занимаетъ Хаинкіойскій перевалъ.

«Эти силы я признаю недостаточными для того, чтобы сбросить турокъ съ горныхъ позицій, занимаемыхъ ими вокругъ Шипки. Между тѣмъ необходимо сдѣлать это возможно скорѣе, такъ какъ положеніе войскъ, занимающихъ Шипку, крайне тяжелое. Морозъ, мятели, снѣгъ выше колѣнъ; рѣзкіе вѣтры, препятствующіе разводить костры, чтобы обогрѣться; однимъ словомъ, трудно представить себѣ все то, что уже вынесъ и продолжаетъ выносить Шипкинскій отрядъ. Достаточно вспомнить, что еще въ началѣ сентября мѣстные жители считали невозможнымъ, чтобы наши войска могли остаться на Шипкѣ даже осенью. Между тѣмъ не только прошла осень, но и наступила зима, а генералъ-лейтенантъ Радецкій попрежнему стоитъ на своемъ посту, столь прославленномъ предыдущею геройскою обороною. Но эта стойкость и обходится намъ очень дорого: уменьшенія болѣзненности нельзя достичь никакими мѣрами. Особенно велика убыль въ полкахъ 24-й пѣхотной дивизіи, гдѣ болѣе $^1/_3$ всего состава людей постоянно находится въ лазаретахъ. Только спускъ на южную сторону Балканъ можетъ пріостановить дальнѣйшее таяніе отряда.

«Я сдѣлалъ все, что могъ для *подготовки* перехода въ на-

ступленіе. Но при всемъ моемъ желаніи его ускорить, не могу даже приблизительно сказать, когда онъ состоится. Все зависитъ отъ погоды и состоянія дорогъ. Генералъ-Лейтенантъ Радецкій рѣшительно заявляетъ, что теперь всѣ пути черезъ Балканы такъ завалены снѣгомъ, что движеніе по нимъ немыслимо. Одно, что при этихъ обстоятельствахъ я могу сдѣлать, это сосредоточить войска такимъ образомъ, чтобы можно было двинуться впередъ немедленно, какъ только состояніе дорогъ позволитъ. Съ этою цѣлью я уже двинулъ въ Сельви особый, нарочно для этого сформированный мною отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2, состоящій изъ 16-й пѣхотной дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады, 4-го сапернаго баталіона и донского № 9 полка: всего 17 баталіоновъ, 6 сотенъ и 48 орудій (при этомъ одна 4-хъ фунт. батарея 16-й артилл. бригады замѣнена скорострѣльною батареею). Отрядъ этотъ выступилъ изъ-подъ Плевны 9 и 10 декабря и долженъ прибыть въ Сельви 13 и 14 декабря. Тамъ онъ будетъ ожидать моихъ приказаній насчетъ дальнѣйшаго движенія уже за Балканы.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы по возможности сократить число войскъ восточнаго отряда, охраняющихъ нашу коммуникаціонную линію, и увеличить число войскъ, которое я хочу двинуть за Балканы, я приказалъ обратить Тырновъ въ обширный укрѣпленный лагерь, для защиты котораго можно было бы обойтись двумя пѣхотными дивизіями. Этотъ самъ по себѣ весьма важный пунктъ имѣетъ теперь еще особое значеніе, какъ обширный складъ всякаго рода запасовъ, ибо тамъ, а также въ Габровѣ, Сельви и Ловчѣ собирается, по заблаговременному моему распоряженію, 20-дневный запасъ для 11-ти пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизій. Прочное укрѣпленіе Тырнова дастъ мнѣ возможность обойтись меньшимъ числомъ войскъ для охраненія коммуникаціонной линіи. Но и помимо этого, я думаю, что если подтвердятся приходящія ко мнѣ съ разныхъ сторонъ извѣстія о томъ, что армія Сулеймана отступаетъ за Балканы, оставляя въ четыреугольникѣ крѣпостей лишь одни гарнизоны, то можно будетъ тронуть, вслѣдъ за непріятелемъ, большую часть восточнаго отряда, оставивъ лишь необходимое число войскъ для наблюденія за крѣпостями.

«Я бы и теперь уже сдѣлалъ это, въ виду полнаго согласія идущихъ со всевозможныхъ сторонъ показаній насчетъ того, что турки переносятъ свою оборону за Балканы и поставили себѣ теперь главною цѣлью—затруднить наше дебушированіе въ Румелію и прикрыть Адріанополь. Но, во-первыхъ, я ожидаю еше, что скажетъ по этому поводу его императорское высочество начальникъ восточнаго отряда, мнѣніе котораго я запросилъ; а во-вторыхъ, морозъ и непроходимость дорогъ связываютъ мнѣ руки. Я принужденъ самъ попрежнему оставаться въ Боготѣ, такъ какъ не вижу цѣли куда-либо переѣзжать прежде, чѣмъ откроется возможность движенія впередъ черезъ горы, такъ какъ всякое мое передвиженіе обнаружитъ мои намѣренія. Общій резервъ пока тоже здѣсь. Гренадерскій корпусъ вокругъ Дольнаго Дубняка, а кавалерію (1-й драгунскій, 1-й и 9-й уланскіе и донской № 7 полкъ съ 7-ю конною батареею), въ видахъ облегченія довольствія лошадей, я приказалъ размѣстить по квартирамъ между Ловчею, Трояномъ и Турскимъ Изворомъ. Донской № 4 полкъ содержитъ пока летучую почту между главною квартирою и отрядами: генералъ-адъютанта Гурко и генералъ-маіора Арнольди.

«Въ общемъ, положеніе мое можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ: стратегическое положеніе, съ паденіемъ Плевны, даетъ мнѣ полный перевѣсъ въ силахъ надъ непріятелемъ, но наступившая въ то же время строгая и снѣжная зима съ мятелями отняла у меня всякую возможность этимъ воспользоваться. Теперь я нахожусь опять въ полной зависимости отъ стихійныхъ силъ, какъ это было уже въ промежутокъ времени между 12 апрѣля и началомъ іюня, но съ тою лишь разницею, что тогда неблагопріятныя вліянія природы только парализовали мои дѣйствія, а теперь они, сверхъ того, вредно вліяютъ на здоровье арміи. Къ этому нужно еще прибавить, что, кромѣ увеличенія болѣзненности, затрудненій въ подвозѣ и невозможности движенія черезъ горы безъ колоссальныхъ работъ (которыя уже производятся) по прокладкѣ путей, предстоитъ еще одно грозное затрудненіе: ранній ледоходъ на Дунаѣ, который сдѣлаетъ наши сообщенія съ Румыніей весьма хрупкими и ненадежными.

«Выводъ изъ настоящаго положенія тотъ, что мнѣ едва ли

удастся помѣшать весьма вѣроятному сосредоточенію турецкихъ войскъ за Балканами и спуститься съ горъ прежде, чѣмъ они успѣютъ собраться и устроиться на южномъ ихъ склонѣ. Для непріятеля снѣжные завалы въ горныхъ проходахъ не имѣютъ такого значенія, какъ для насъ, ибо онъ можетъ совершенно спокойно расчищать себѣ пути на Сливно и Котелъ, вполнѣ ему принадлежащіе. Мы-же можемъ воспользоваться лишь обходными проселками и тропинками, такъ какъ главные выходы изъ Балканъ (Твардица, Хаинкіой, Шипка, Златица, Арабъ-Конакъ) вездѣ заперты непріятелемъ.

«Будемъ надѣяться, что съ помощью Божіей намъ удастся преодолѣть и всѣ эти затрудненія, какъ удалось уже, благодаря несравненному мужеству и терпѣнію славной арміи Вашего Величества, преодолѣть массу другихъ затрудненій.

«Въ заключеніе представляю Вашему Величеству общій перечень военныхъ дѣйствій, съ 28-го ноября по 10-е декабря включительно.

1) *Въ восточномъ отрядѣ.* 29-го ноября, въ 4 часа пополудни, турки начали переправляться большими силами черезъ р. Ломъ у дер. Красной и къ вечеру уже переправили болѣе 30-ти таборовъ, а 30-го ноября утромъ атаковали нашъ 12-й корпусъ болѣе, чѣмъ 60-ю таборами. Общій ходъ боя, окончившагося блистательнымъ отраженіемъ турецкой атаки, а также наши потери въ этомъ бою уже извѣстны Вашему Величеству. Подробную реляцію я представлю немедленно по полученіи отъ его императорскаго высочества начальника восточнаго отряда.

«Послѣ этого на всемъ восточномъ фронтѣ нашемъ наступило полное затишье и, кромѣ ничтожныхъ и непродолжительныхъ аванпостныхъ перестрѣлокъ, никакихъ дѣйствій не было. Разъѣздами обнаружено, что турки оставили свои передовыя позиціи на среднемъ теченіи Лома, смѣнили свои войска, во многихъ пунктахъ, вооруженными жителями и—по показаніямъ болгаръ—стягиваются къ Балканамъ. То же самое замѣчено и передовыми отрядами 11-го корпуса. Первымъ признакомъ было поспѣшное очищеніе турками Елены 2-го декабря, причемъ они даже бросили запасы галетъ и оставили телеграфную линію между

Еленою и Бебровымъ. Передовыя войска наши немедленно двинулись вслѣдъ за непріятелемъ и, занявъ 3-го декабря позиціи впереди Елены и Златарицы, выдвинули авангарды къ Беброву, Буйновцу и Бѣщи-Малѣ. Пожаръ въ Еленѣ, которая была зажжена непріятелемъ, войска наши успѣли потушить: сгорѣло только 40 домовъ. Но зато Беброво найдено совершенно разоренным: турки буквально не оставили камня на камнѣ въ этомъ несчастномъ мѣстечкѣ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось только до Ахмедли, которое и понынѣ занято непріятельскимъ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Командующій 11-мъ корпусомъ приказалъ ограничиться однимъ лишь наблюденіемъ за этимъ отрядомъ, такъ какъ выбивать его оттуда безцѣльно. Во время преслѣдованія мы потеряли 12 чел., въ томъ числѣ тяжело раненъ Нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ.

«Такимъ образомъ, несчастное Еленинское дѣло 22-го ноября не имѣло никакихъ послѣдствій. Туркамъ, впрочемъ, трудно было развить пріобрѣтенный ими частный успѣхъ, такъ какъ немедленно по полученіи извѣстія о дѣлѣ 22-го ноября, были сдѣланы всѣ распоряженія для того, чтобы преградить имъ дальнѣйшій путь на Тырновъ. И дѣйствительно, благодаря обдуманному расположенію войскъ, черезъ два дня послѣ дѣла, у Яковцевъ и Златарицы было уже сосредоточено 31 баталіонъ и 12 эскадроновъ: два полка 9-й пѣхотной дивизіи, три полка 11-й пѣхотной дивизіи, вся 26-я пѣхотная дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи и драгунскій военнаго ордена полкъ. Кромѣ того, вся 1-я пѣхотная дивизія была собрана въ Чаиркіоѣ и Копривицѣ, въ полной готовности: или идти къ Тырнову, или ударить черезъ Кесарево во флангъ туркамъ, если бы они вздумали продолжать наступленіе.

«Тѣмъ не менѣе, Еленинское дѣло составляетъ весьма прискорбный эпизодъ. Не говоря уже о понесенныхъ нами большихъ потеряхъ и о потерѣ 11-ти орудій, дѣло это раздуто Сулейманомъ-пашей въ большое сраженіе и не могло не поднять духъ невѣжественной и фанатической мусульманской массы, вліяніе которой въ Константинополѣ такъ чувствительно отражается на настроеніи султана и его правительства. Я еще не могу разъяснить Вашему

Величеству причины, по которымъ дѣло 22-го ноября выпало столь несчастливо для насъ, ибо не имѣю подробной реляціи. Для всесторонняго разъясненія дѣла я приказалъ, чтобы, независимо отъ общей реляціи, мнѣ были представлены подробныя донесенія о дѣйствіяхъ каждой отдѣльной части прямо отъ командировъ этихъ частей. Всѣ эти донесенія я представлю Вашему Величеству съ моимъ заключеніемъ.

«2) *Въ центральномъ отрядѣ,* на Шипкѣ, была 3-го и 4-го декабря ружейная и артиллерійская перестрѣлка, во время которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Послѣ 4-го декабря на Шипкѣ было все тихо.

«3) *Въ Западномъ отрядѣ,* съ 28-го ноября по 10-е декабря, произошло лишь одно столкновеніе съ непріятелемъ, а именно: 30-го ноября турки, получивъ въ Златицѣ подкрѣпленія, атаковали отрядъ свиты Вашего Величества генералъ-маіора Брока, занимавшій позиціи у дер. Челопецъ и Клиссакіой, на дорогахъ въ Златицу изъ Софіи и Этрополя. Бой продолжался съ утра до сумерекъ и вечеромъ турки утвердились на высотахъ, командующихъ вышеупомянутыми нашими позиціями, вслѣдствіе чего генералъ Брокъ приказалъ ихъ очистить. Дальнѣйшихъ подробностей объ этой стычкѣ еще нѣтъ и послѣ этого никакихъ новыхъ столкновеній съ турками не было.

«3-го декабря турецкій отрядъ, занимавшій Берковацъ, послѣ слабыхъ попытокъ пройти къ Кутловацу, повторенныхъ три раза (30-го ноября, 1-го и 2-го декабря) и отраженныхъ одними харьковскими уланами,—совсѣмъ очистилъ Берковацъ, оставивъ тамъ одно орудіе. Этотъ важный пунктъ занятъ нынѣ Харьковскимъ уланскимъ полкомъ съ 4 орудіями, а передовые отряды наши проникли уже въ Клиссуру и заняли брошенное турецкое укрѣпленіе впереди нея.

«Сопоставляя время очищенія Берковаца съ паденіемъ Плевны, можно безошибочно заключить, что въ виду послѣдняго событія турки окончательно отказались отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій въ Западной Болгаріи, тѣмъ болѣе, что сербы уже открыли военныя дѣйствія. Какъ они разовьются дальше—сказать трудно; но по крайней мѣрѣ начало, о которомъ я уже телеграфировалъ

Вашему Величеству, было весьма удачное.—Николай.—Боготъ, 13-го декабря 1877 года».

14 декабря.—Ночью Великій Князь получилъ слѣдующую телеграмму Гурко изъ Орханіи отъ 9 часовъ вчерашняго утра:

«Сейчасъ выступаю за Балканы тремя колоннами: одною на гору Умургачъ и Жиляву; другою на Чурьякъ, Потопъ, Елешницу; третьей изъ Этрополя на Бабу-гору и Буново. Надѣюсь утромъ 14-го декабря быть въ долинѣ Софіи и въ Мирковѣ. Да поможетъ намъ Богъ».

Великій Князь, какъ только всталъ, сейчасъ же прошелъ самъ къ Непокойчицкому и потребовалъ туда же и меня. До самаго обѣда я просидѣлъ тамъ, составляя и шифруя депеши. При этомъ случаѣ узналъ секретъ, который давно чувствовалъ по разнымъ намекамъ и недомолвкамъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ депешахъ Государю и Наслѣднику, но только не зналъ, въ чемъ секретъ заключается. Теперь все выяснилось, но мнѣ приказано молчать, ибо никто въ главной квартирѣ, кромѣ Великаго Князя и Непокойчицкаго, объ этомъ и не подозрѣваетъ. Оказывается, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества въ Петербургъ, условлено: если Гурко удастся перевалить черезъ Балканы, то Цесаревичъ сдаетъ начальство надъ восточнымъ отрядомъ Тотлебену и ѣдетъ принимать начальство надъ западнымъ отрядомъ, а Гурко дѣлается его начальникомъ штаба. Великій Князь Владиміръ Александровичъ сдаетъ 12-й корпусъ его настоящему командиру Ванновскому, ѣдетъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ въ западный отрядъ и вступаетъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Князь Имеретинскій дѣлается начальникомъ штаба восточнаго отряда Тотлебена. Вотъ, слѣдовательно, истинная причина, почему оба они сидятъ въ штабѣ Цесаревича безъ всякаго дѣла.

Гурко объ этомъ ничего не знаетъ. Едва ли эта комбинація будетъ пріятнымъ для него сюрпризомъ. Хотя и лестно быть начальникомъ штаба у своего будущаго Государя, но обратиться въ подначальное лицо изъ полководца, да еще немедленно по совершеніи блистательнаго, труднаго подвига—едва ли можетъ кому-нибудь доставить удовольствіе, особенно такому самостоятельному

и самолюбивому человѣку, какъ Гурко: онъ будетъ кровно обиженъ. Онъ даже и не годится въ начальники штаба и не выдержитъ этого положенія: характеръ слишкомъ независимый, крутой и строптивый.

Въ случаѣ—чего Боже сохрани—переходъ черезъ Балканы не удастся, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ возвратятся въ Петербургъ, такъ что начальство надъ восточнымъ отрядомъ во всякомъ случаѣ перейдетъ къ Тотлебену.

Вотъ тѣ депеши, которыя составлены и отправлены сегодня вслѣдствіе полученія телеграммы Гурко. Подчеркнутыя слова—зашифрованы.

1) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу [1]).

«*Отъѣздъ твой и* Владиміра *въ Питеръ* теперь *немыслимъ. Гвардія* двинулась *вчера впередъ.* Если Богъ благословитъ, *она сегодня* будетъ *за Балканами.* Поэтому прошу тебя еще *выждать на мѣстѣ* моего *увѣдомленія о результатахъ ея движенія.* Если будетъ *удача,* то увѣдомлю и тогда *твой пріѣздъ къ ней* будетъ *полезенъ и поручу* въ такомъ случаѣ *твоей командѣ,* имѣя *Гурко начальникомъ штаба,* всѣ войска *западнаго отряда.* Объ этомъ *условился я съ папа* до его *отъѣзда,* о чемъ, какъ я вижу, *онъ съ тобою говорилъ.* Обо всемъ этомъ сообщаю только лично для тебя и прошу никому объ этомъ не говорить, и равно *не давай знать объ этомъ и папа*». Николай.

2) Шипка. Генералу Радецкому.

«*Гурко двинулся* вчера *тремя колоннами на перевалы черезъ Балканы* и полагалъ быть сегодня *въ долинѣ Софіи. Готовьтесь:* Великій Князь скажетъ вамъ, *когда тронуться.* Наши вошли въ связь съ сербами». Непокойчицкій.

3) Тырновъ. Генералу Деллингсгаузену [2]).

Сообщено то же самое, съ прибавленіемъ, что если наступленіе Гурко будетъ удачно, то около 20-го декабря перейдетъ

[1]) Эту телеграмму Великій Князь составилъ самъ и приказалъ мнѣ только зашифровать.

[2]) Текстъ этой шифрованной депеши у меня не сохранился; записано только ея содержаніе.

въ наступленіе и Радецкій; а для отвлеченія силъ и вниманія турокъ онъ, Деллингсгаузенъ, долженъ произвести демонстраци на Хаинкіой, Твардицу, Ахмедли и по Османъ-Базарской дорогѣ. Для этого онъ можетъ располагать и 30-ю пѣхотною дивизіею, по преимущественно по Османъ-Базарской дорогѣ. Посему приготовиться и ожидать приказаній.

Получивъ сегодня же утромъ депешу Цесаревича о предположенныхъ имъ наступательныхъ дѣйствіяхъ (текста этой депеши у меня не сохранилось), Великій Князь отвѣчалъ ему:

4) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

«Предположенное *движеніе,* какъ *общее наступленіе,* кажется мнѣ *преждевременнымъ,* и притомъ *колонна отъ Кацелева* на *Огарчинъ, Еникіой и Карахасанкіой* не будетъ ли слишкомъ *уединена.* Полагалъ бы пока *занять* только *сильными авангардами главнѣйшіе пункты по Лому и Кара-Лому, отъ нихъ выслать подвижныя колонны для рекогносцировки* и затѣмъ, на основаніи *добытыхъ свѣдѣній,* точно и опредѣленно поставить *цѣль для наступленія массою.* Повторяю, что *наступленіе съ праваго фланга 13-го корпуса* болѣе соотвѣтствуетъ *общему плану.* За этимъ *флангомъ* и нужно будетъ *держать главные резервы.* Сообразно съ этимъ и сдѣлай распоряженіе, о результатѣ котораго сообщи мнѣ». Николай.

Сегодня же получены свѣдѣнія [1]) о расположеніи сербскихъ войскъ.

Несмотря на сомнительную достовѣрность свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ мало-авторитетнаго источника и переданныхъ столь юнымъ и неопытнымъ офицеромъ (корнетъ Галлъ произведенъ въ офицеры въ нынѣшнемъ году), Великій Князь донесъ все это телеграммою Государю и сообщилъ князю Карлу: послѣднему не только для свѣдѣнія, но и для распоряженій.

5) Bucarest. Prince Charles de Roumanie.

«Les Serbes sont devant Pirot et leurs avant-postes à Tchuprovo et vers Bélémir. Mes troupes sont déjà en communication avec eux.

[1]) Отъ ординарца Великаго Князя, корнета Галла, вернувшагося изъ Бѣлемира.

J'ai prié Cernat [1]) d'envoyer une de ses brigades de cavalerie avec une batterie vers Belgradtchick pour tenir les communications avec nous et les Serbes. Je te prie en même temps de faire tes dispositions pour cerner Widdin et Belgradtchick. Les Serbes sont de ce côté à Adlié, où j'ai donné ordre qu'ils restent». Nicolas.

Если удастся сбросить турокъ съ Шипки, то всѣ войска Радецкаго, сосредоточившись у Казанлыка, будутъ ожидать прибытія гренадерскаго корпуса и резервной кавалеріи для дальнѣйшаго наступленія по указанію главнокомандующаго.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, читалъ ему вслухъ иностранныя газеты.

15-го декабря.—Сегодня получено отъ генералъ-адъютанта Аркаса изъ Севастополя радостное извѣстіе о взятіи и приводѣ вчера въ Севастополь флигель-адъютантомъ Барановымъ турецкаго парохода «Мерсина» съ цѣлымъ таборомъ анатолійскаго низама (1 штабъ-офицеръ, 10 оберъ-офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ); на пароходѣ, кромѣ того, найдена весьма важная переписка Мухтара-паши. Это извѣстіе немедленно было сообщено всѣмъ начальникамъ отрядовъ для объявленія по войскамъ.

Радецкій сообщилъ, что болѣзненность въ 24-й пѣхотной дивизіи увеличилась до чрезвычайности: въ Красноярскомъ пѣхотномъ полку осталось налицо всего 397 нижнихъ чиновъ. Поэтому онъ принужденъ отправить всю дивизію на поправку въ Сельви. Для защиты шипкинской позиціи остается только 14-я пѣхотная дивизія и Брянскій пѣхотный полкъ. 16-я пѣхотная дивизія подходитъ сегодня изъ Сельви къ Габрову. Поповъ (адъютантъ Великаго Князя, капитанъ л.-гв. сапернаго баталіона), посланный укрѣплять Тырновъ, телеграфировалъ сегодня, что шереметская позиція выбрана окончательно и укрѣпленія намѣчены Байковымъ (подполковникъ генеральнаго штаба). По окончаніи укрѣпленій Тырновъ будетъ недоступенъ со стороны Османъ-Базара. Работа идетъ крайне вяло по винѣ болгаръ. Посему, въ виду возведенія редута

[1]) Телеграмма эта послана Чернату, въ Ломъ-Паланку, Непокойчицкимъ.

на 16 орудій, необходимо прислать для работъ баталіонъ саперъ и полкъ пѣхоты.

Вечеромъ узналъ о полученіи слѣдующей телеграммы Государя отъ 14-го декабря 2 ч. 20 м. дня: «Весьма радъ, что девятый корпусъ прибылъ по назначенію. Надѣюсь, что морозы не помѣшаютъ дальнѣйшему движенію. Только-что воротился со смотра передъ Александровскою колонною: всѣ войска представились въ отличномъ видѣ и въ особенности кирасиры. Погода весьма пріятная, термометръ на замерзаніи и снѣгу очень мало».

Всѣ эти дни по вечерамъ сижу подолгу у Великаго Князя: составляю и шифрую телеграммы, ужинаю, пью чай, читаю ему вслухъ реляціи и иностранныя газеты. Третьяго дня произвелъ большой фуроръ, прочитавъ ему à livre ouvert, прямо въ русскомъ переводѣ, безъ запинокъ и шероховатостей, передовую статью вѣнской газеты «Die Presse». У Великаго Князя стоитъ на столѣ круглая коробка съ шоколадными конфектами, которыми онъ меня всегда угощаетъ послѣ чтенія. Артамонову (штабъ-офицеру надъ вожатыми) онъ даетъ по конфектѣ за каждое пріятное извѣстіе.

16 декабря, пятница. — Вернувшись вчера отъ Великаго Князя въ свою кибитку, я проработалъ до половины второго ночи. Только-что легъ спать, какъ за мной пришелъ камердинеръ Великаго Князя. Поспѣшилъ къ нему. Онъ только-что получилъ огромную шифрованную депешу изъ Вѣны отъ нашего военнаго агента Фельдмана. Я просидѣлъ у Великаго Князя за дешифровкою до $5^1/_2$ часовъ утра. Когда дѣло стало подходить къ концу, Великій Князь послалъ за Непокойчицкимъ и Левицкимъ и велѣлъ мнѣ прочесть разобранную депешу вслухъ. Послѣ этого Непокойчицкій увелъ меня къ себѣ — составлять и шифровать извлеченія изъ этой депеши для Цесаревича и Радецкаго. За этою работою я просидѣлъ до 7 ч. утра, затѣмъ проспалъ полураздѣтымъ часа три и опять засѣлъ за работу на цѣлый день.

Подлинная депеша Фельдмана у меня не сохранилась: привожу лишь текстъ того извлеченія изъ нея, которое было сообщено телеграммами Цесаревичу и Радецкому (зашифрованы были только подчеркнутыя слова):

«Турки рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы *облегчить* сколь возможно *условія* будущаго *мира* и *преградить* намъ *путь къ Царьграду*. Для этого *укрѣпляются* три *позиціи:* между *Софіею и Филиппополемъ,* въ *Адріанополѣ* и передъ *Царьградомъ*. Въ *Адріанополѣ* организуютъ *резервную армію,* преимущественно изъ *рекрутъ. Кадрами* ея служатъ: *войска,* привозимыя изъ *Варны моремъ* черезъ *Царьградъ,* которыхъ отправлено уже въ *Адріанополь восемь тысячъ,* и войска, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ *Эпира и Өессаліи*. Всего собрано пока въ *Адріанополѣ тридцать* таборовъ. Общую числительность тамошней арміи хотятъ довести до *ста пятидесяти* тысячъ. Организуетъ ее и руководитъ инженерными работами *Сулейманъ*. Чтобы дать ему время окончить это дѣло, всѣмъ прочимъ приказано *задерживать насъ* возможно *долѣе. Шипку* будто бы хотятъ *оставить, бросивъ* въ случаѣ крайности даже *артиллерію. Софію* также. Въ *Шумлѣ* и *Рущукѣ* войскъ *мало,* въ *провіантѣ* и *боевыхъ запасахъ* вездѣ *недостатокъ*».

«*Циммерману* приказано послать *сильный отрядъ* для рекогносцировки и по возможности для *разрушенія желѣзной дороги Рущукъ-Варна*».

Отъ Гурко извѣстій нѣтъ.

Сегодня вдругъ стала оттепель, а послѣ 6 часовъ вечера поднялся сильный вѣтеръ.

17 декабря, суббота. — Циммерманъ (к-ръ 14-го корпуса) отвѣтилъ на посланную ему вчера телеграмму, шифромъ, что «вчера 16-го декабря посланъ мною значительный кавалерійскій отрядъ къ Базарджику. По всѣмъ прежнимъ извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000, о чемъ я доносилъ, одной кавалеріи, поддержанной 4-мя полками пѣхоты. Очень трудно и рискованно двинуться по рущукской дорогѣ Варна-Шумла, оставивъ у себя въ тылу Базарджикъ. Отъ насъ до линіи варненской желѣзной дороги около 140 верстъ, лѣсистая мѣстность, за Базарджикомъ крайне пересѣченная. Сулейманъ прибылъ въ Константинополь еще 8-го декабря. По свѣдѣніямъ, турки рѣшили: держаться въ оборонительномъ положеніи на линіи Рущукъ-Варна-Силистрія и въ Базард-

жикѣ, а излишекъ своихъ войскъ, отъ 10 до 20 тысячъ, отправить къ Адріанополю. Движеніе этихъ войскъ, кажется, уже оканчивается. Согласно вашего приказанія буду приготовлять отрядъ и ожидать прибытія нарочнаго, о которомъ изволите упоминать».

Что именно телеграфировалъ Великій Князь Циммерману и о какомъ нарочномъ идетъ рѣчь—я не знаю.

Сегодня получена телеграмма Гурко: послѣ неимовѣрно-труднаго похода черезъ снѣжныя горы по обледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ 9-ти фунтовыя орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на Софійскомъ шоссе. Благодаря тому, что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только 5 человѣкъ ранеными: 2-хъ въ Преображенскомъ полку и 3-хъ въ кавказской казачьей бригадѣ. Насколько труденъ переходъ черезъ Балканы въ настоящее время, видно изъ того, что отъ Врачеша до Негошева, Елешницы и Жилявы пришлось идти почти три дня.

Это радостное извѣстіе было немедленно сообщено Государю и циркулярно.

Сегодня же получена телеграмма изъ Николаева отъ генералъ-адъютанта Аркаса: «въ ночь на 16-е декабря минные катера, посланные съ парохода «Константинъ», атаковали на батумскомъ рейдѣ трехмачтовый турецкій броненосецъ. Пущенная съ катера «Чесма» самодвижущаяся мина Уайтхеда, ударивши въ середину судна, взорвалась подъ трубой; другая, пущенная съ катера «Синопъ», взорвалась противъ гротмачты. Поднявшаяся тревога, стрѣльба и высланная погоня заставили катера отступить и скрыться въ Поти и къ Сухуму. Затѣмъ «Константинъ», забравъ свои катера, отправился въ Севастополь. Послѣдствія произведеннаго взрыва неизвѣстны. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ».

Почти одновременно получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. вечера 16-го декабря:

«Новый молодецкій подвигъ нашихъ моряковъ меня очень порадовалъ. Надѣюсь, что погода у васъ наконецъ поправится и

что можно будетъ продолжать наступательныя дѣйствія. Я немного простудился и чувствую лихорадку».

Съ Шипки Радецкій телеграфировалъ сегодня въ $6^1/_2$ ч. вечера: «со вчерашняго вечера здѣсь сильная мятель при морозѣ 15 градусовъ. Войска смѣняются сколь возможно чаще».

18 декабря, воскресенье.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 11 ч. 20 м. сегодняшняго утра: «Радуемся овладѣнію выходомъ въ Софійскую долину. Кажется, можно надѣяться, что Арабъ-Конакъ будетъ брошенъ и войска будутъ менѣе страдать отъ холода въ долинѣ. Я все еще не совсѣмъ отдѣлался отъ лихорадки».

Поглощенъ составленіемъ отчета Государю. Великій Князь предполагалъ завтра выѣхать въ Ловчу и оттуда на Шипку, но сегодня вечеромъ это отмѣнено, вслѣдствіе полученія телеграммы Радецкаго, что раньше 24-го онъ никакъ не можетъ начать наступленіе. Теперь предположено выждать 24-го. Я доволенъ. Какъ ни скверно здѣсь, но по крайней мѣрѣ всѣ дѣла идутъ безъ задержки. Стоитъ только намъ тронуться, весь механизмъ управленія надолго расклеится, ибо разъ начнется кочевка,—не скоро кончится. Необходимо выждать хоть до тѣхъ поръ, пока не окончится переходъ Гурко за Балканы. Надо надѣяться, что, несмотря на колоссальныя трудности, это смѣлое предпріятіе завершится удачно.

Вернулся изъ Петербурга адъютантъ Великаго Князя Орловъ. Говоритъ, что переѣздъ по Болгаріи и Румыніи—нѣчто ужасное. На обыкновенныхъ дорогахъ невылазная грязь, невообразимая неурядица, отсутствіе лошадей и ямщиковъ. На станціяхъ приходится ждать иногда по нѣскольку сутокъ; 15 — 20-верстный перегонъ надо ѣхать цѣлый день, а иногда приходится и заночевать въ полѣ. На желѣзныхъ дорогахъ безпрестанныя задержки, остановки, сходъ съ рельсовъ, пропажа вещей. Такъ, напримѣръ, тотъ багажный вагонъ, въ которомъ ѣхали вещи Орлова, былъ неизвѣстно почему отцѣпленъ въ Яссахъ и если найденъ впослѣдствіи, то только благодаря тому, что въ этомъ же вагонѣ были вещи инженера путей сообщенія Струве.

Предстоящее намъ путешествіе будетъ тоже не безъ приключеній, по теперешнему времени года. Съ обозомъ почти навѣрняка не увидимся, если пойдемъ безостановочно впередъ.

Слава Богу, что кончится житье въ кибиткѣ и будемъ ночевать въ домахъ. Надоѣла кибитка. Теперь чуть не черезъ день если не буря, то сильный вѣтеръ: вслѣдствіе этого въ кибиткѣ почти такъ же холодно, какъ и на воздухѣ. Импровизированную печку (вѣрнѣе—углубленіе въ землѣ) топимъ почти безпрерывно и все-таки въ кибиткѣ морозъ: днемъ отъ 1—2°, а ночью и подъ утро до — 4°. Кромѣ того, за невозможностью открыть тюндюкъ (верхнее отверстіе), приходится цѣлый день работать при свѣчахъ. Выйдешь на воздухъ—глаза слѣпитъ отъ постояннаго сидѣнья въ полупотьмахъ.

Если переходъ Гурко и Радецкаго черезъ Балканы удастся, то, вѣроятно, будемъ встрѣчать новый годъ или на Балканахъ, или за Балканами. Если турки не запросятъ мира—пойдемъ на Адріанополь. Такъ какъ онъ сильно укрѣпленъ, то Великій Князь полагаетъ тамъ не задерживаться, а оставить передъ нимъ наблюдательный отрядъ и идти прямо на Демотику. Это предположеніе содержится въ большой тайнѣ.

Но какъ мы будемъ продовольствовать армію и снабжать ее боевыми припасами, когда очутимся за Балканами; какъ устроимъ тамъ санитарную часть—это вопросъ, о которомъ никто не задумывается. Великъ Богъ земли русской—вывезетъ!

Дай Богъ поскорѣе окончить войну. Политическія обстоятельства сложились столь благопріятно для насъ, что такая обстановка едва ли повторится. Случай доканать Турцію—единственный. Но я сильно сомнѣваюсь въ умѣньи использовать его до конца и порѣшить Восточный вопросъ окончательно. Если удастся добиться образованія изъ Болгаріи вассальнаго государства, усиленія Сербіи и Черногоріи и нѣкотораго территоріальнаго приращенія для насъ—то и слава Богу. Полное уничтоженіе Парижскаго трактата — само собой. Большаго результата мы не сможемъ добитъся. Легко стереть Турцію съ карты Европы, сидя въ дипломатическомъ и редакціонномъ кабинетѣ, а на дѣлѣ—мудрено.

У насъ здѣсь новая забава: телефонъ. Онъ попалъ сюда слу-

чайно. Нѣкто генералъ-маіоръ Адамовичъ выписалъ себѣ ящикъ вина. Привезли ящикъ. Раскупорилъ, видитъ какія-то трубки, похожія на стетоскопы, и отсылаетъ ящикъ къ военно-медицинскому инспектору. Въ то время, когда онъ съ недоумѣніемъ разсматривалъ странную посылку, къ нему случайно зашелъ начальникъ полевого телеграфа Г. М. Шталь, опозналъ въ загадочной посылкѣ телефонный аппаратъ и забралъ его къ себѣ. Тотчасъ же телефонъ былъ установленъ между походною телеграфною станціею и кибиткою Великаго Князя, на разстояніи около версты. Два дня забавлялись переговорами по телефону съ телеграфною станціей, а затѣмъ рѣшили попробовать соединиться съ Порадимомъ. Опять удалось: за 15 верстъ можно переговариваться и узнавать голосъ говорящаго. Но надо говорить очень выразительно и раздѣльно, иначе ничего не разберешь. Весь инструментъ простъ, легокъ, укладистъ и почти никакихъ приспособленій не требуетъ: можно пользоваться обыкновенною телеграфною проволокою. Шталь говоритъ, что можно переговариваться на разстояніи до 60-ти верстъ. Но нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого интереснѣйшаго изобрѣтенія, которому, конечно, предстоитъ великая будущность.

19 декабря.—Сегодня получены и донесены Государю по телеграфу слѣдующія извѣстія:

1) «16-го декабря сербы заняли Пиротъ. Подробности этого молодецкаго дѣла слѣдующія. По занятіи Бабиной-Главы и взятіи съ боя прохода св. Николая, былъ двинутъ сильный развѣдочный отрядъ къ укрѣпленному лагерю Будиндолъ, прикрывающему Пиротъ съ сѣвера. Лагерь этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ укрѣпленій, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Нишавы между деревнями Станечна, Нишоръ и Сопотъ. Такъ какъ лагерь оказался сильно занятымъ и почти неприступнымъ съ фронта, то рѣшено было сперва атаковать Акъ-Паланку, а потомъ уже Пиротъ. 12-го началось наступленіе: правая колонна атаковала и взяла Акъ-Паланку, а лѣвая производила въ этотъ день канонаду и демонстративныя атаки противъ Будиндола, для отвлеченія вниманія непріятеля. Общій резервъ оставался на Бабиной-Главѣ. 14-го де-

кабря правая колонна, усиленная частью резерва, двинулась отъ Акъ-Паланки къ Пироту. 15-го въ 8 часовъ утра она атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи и въ 4 часа пополудни овладѣла Блатой и Бѣлявой, гдѣ и переночевала. Лѣвая колонна, съ первымъ выстрѣломъ правой колонны, двинулась въ атаку съ фронта, взяла Станечну и вошла съ правою колонною въ связь. 16-го декабря, съ разсвѣтомъ, бой возобновился по всей линіи. Правая колонна въ 11 часовъ утра уже вступила въ Пиротъ, встрѣченная жителями съ духовенствомъ во главѣ. Лѣвая же колонна сломила упорное сопротивленіе турокъ лишь тогда, когда они узнали, что у нихъ въ тылу занятъ Пиротъ. Потери: болѣе 50-ти убитыхъ и около 150-ти раненыхъ. Турки, которыхъ было 6 таборовъ, понесли большія потери: вся позиція усѣяна ихъ трупами. Сербы взяли 23 орудія, въ томъ числѣ 4 крупповскихъ».

2) «Генералъ Криденеръ доноситъ отъ 18-го декабря, что 17-го турки очистили Лютиково, которое и занято нашими войсками. Противъ турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандорникъ наши войска занимаютъ: съ сѣвера перевалъ Баба-Конакъ; съ юго-востока Бабу-гору и обходятъ правый флангъ турокъ; съ юго-запада занимаютъ пространство между Даушкіой, Елешницей и Софійскимъ шоссе. Погода перемѣнно отвратительная: морозъ, мятель, глубокіе снѣга. Люди молодцами».

3) «Получилъ еще донесеніе отъ Гурко изъ Чурьяка отъ часу дня 17-го декабря, что турки стоятъ на своихъ позиціяхъ и что сообщенія ихъ съ Софіей совершенно прерваны. Это донесеніе болѣе старое, чѣмъ донесеніе Криденера, которое я уже тебѣ сообщилъ. Цесаревичъ телеграфировалъ сегодня, что у него 18-го декабря все было тихо, только ва центрѣ была безвредная перестрѣлка разъѣздовъ. Снѣга такъ много, что лошади едва двигаются. Ледоходъ продолжается; вчера около полудня даже пароходъ у Батина долженъ былъ прекратить рейсы. Вода спадаетъ. Надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ».

17-го декабря до 5-ти часовъ вечера была перестрѣлка между Журжевымъ и Рущукомъ».

20 декабря.—Вчера я прочелъ Великому Князю, а ночью и сегодня утромъ переписалъ и представилъ къ подписи слѣдующее донесеніе Государю [1]), изъ Богота:

«Настоящее мое донесеніе начну съ того, что сосредоточиваетъ на себѣ теперь мое почти исключительное вниманіе: съ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко.

«Авангарды этого отряда перешли 16-го декабря Балканы. Подробности этого молодецкаго марша мнѣ еще неизвѣстны, но я могу представить вашему величеству довольно полный очеркъ всѣхъ подготовительныхъ распоряженій, сдѣланныхъ генералъ-адъютантомъ Гурко.

10-го декабря онъ раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на шесть отрядовъ. Эти шесть отрядовъ сформированы вновь. Кромѣ нихъ еще три прежнихъ. Всего $78^1/_2$ баталіоновъ, 47 эскадроновъ и сотенъ, 160 орудій.

Въ первыхъ четырехъ отрядахъ было приказано взять только по одному зарядному ящику на орудіе, выбравъ для сего самыхъ лучшихъ лошадей. Людямъ приказано выдать сухарный запасъ по разсчету 1 фунтъ на человѣка въ день, на время съ 13—18 декабря включительно, и водки по три чарки на каждаго. Мясную порцію увеличить; порціонному скоту слѣдовать за войсками. Всѣ обозы и парки, какъ артиллерійскіе, такъ и интендантскіе, были собраны къ вечеру 12-го декабря къ д. Правецъ подъ начальствомъ командира л.-гв. жандармскаго эскадрона полковника Шевича. Всѣ батареи, не вошедшія въ составъ отрядовъ, къ тому же времени собраны у д. Лажени и построены по-батарейно въ нѣсколько линій такимъ образомъ, чтобы всякая батарея, въ какой бы она линіи ни стояла, могла по первому требованію выѣхать безъ всякой помѣхи. Начальство надъ этимъ артиллерійскимъ резервомъ ввѣрено одному изъ батарейныхъ командировъ.

Дороги для движенія войскъ были разработаны, насколько возможно, заблаговременно и для охраненія дорогъ разставлены въ разныхъ мѣстахъ команды саперъ подъ начальствомъ офицеровъ.

13-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко началъ свое трудное

[1]) Отправлено сегодня же съ фельдъегеремъ капитаномъ Фельшемъ.

движенiе въ обходъ турецкой позицiи у Арабъ-Конака. Цѣль движенiя—выйти въ Софiйскую долину и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать турецкимъ войскамъ, расположеннымъ у Арабъ-Конака, путь отступленiя на Софiю. Подробности движенiя лучше всего видны изъ прилагаемой при семъ диспозицiи, отданной генералъ-адъютантомъ Гурко на 13 декабря.

16-го декабря утромъ головы колоннъ, очнвидно, уже овладѣли южными выходами изъ Балканъ, ибо въ 6 часовъ пополудни 16-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко отправилъ мнѣ изъ д. Чурьякъ (до Осикова съ вѣстовымъ, а оттуда по телеграфу) слѣдующее донесенiе:

«Выходъ въ долину Софiи открытъ. Я занимаю теперь Нѣгошево, Елешницу и Жиляву. Моя главная квартира въ Чурьякѣ. Три баталiона стоятъ надъ Даушкiоемъ. Кавказская казачья бригада и Астраханскiй драгунскiй полкъ занимаютъ шоссе между Стольникомъ и Бугаровымъ. Овладѣнiе выходами въ долину сопровождалось небольшимъ дѣломъ, причемъ мы потеряли 5 чел. ранеными (2 л.-гв. Преображенскаго полка, 3 кавказской бригады). Колонна Г. М. Дандевиля заняла Бабу-гору и выходитъ въ тылъ Шандорнику. Екатеринославскiй драгунскiй полкъ съ двумя сотнями казаковъ долженъ былъ занять Буново и Мирково. Генералъ Брокъ опять занялъ Челопецъ. Движенiе войскъ встрѣчаетъ невообразимыя трудности: подъемъ орудiй на перевалы представляетъ гигантскую работу. Колонны соберутся не ранѣе 17-го декабря вечеромъ, такъ что окончательный выходъ въ долину послѣдуетъ не ранѣе 18-го декабря. Турки были захвачены врасплохъ. Кавказская бригада отбила два транспорта съ сѣномъ и боевыми припасами».

Это было первое полученное мною донесенiе, такъ какъ всѣ приготовленiя свои къ походу генералъ-адъютантъ Гурко держалъ въ строжайшей тайнѣ.

Имѣя въ виду тѣ невѣроятныя трудности, съ которыми сопряженъ въ настоящее время переходъ черезъ горы, по заваленнымъ снѣгомъ и обледенѣлымъ дорогамъ, я сильно опасался, что предположенный переходъ черезъ Балканы будетъ, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ. Но, слава Богу, начало сдѣлано: желѣзная воля и образцовая распорядительность генералъ-адъютанта Гурко и безпри-

мѣрное мужество, терпѣніе и усердіе войскъ преодолѣли препятствія такъ же, какъ славные предки наши во времена Суворова. Разъ, что начало сдѣлано, я начинаю надѣяться, что и прочимъ войскамъ западнаго отряда удастся спуститься въ Софійскую долину и заставить турокъ очистить позиціи у Арабъ-Конака и Шандорника.

Въ виду этого я, немедленно по полученіи телеграммы Гурко 19-го декабря, сдѣлалъ всѣ распоряженія для перехода черезъ Балканы и на Шипкѣ. 3-й стрѣлковой бригадѣ, находящейся пока еще въ Ловчѣ, я приказалъ двинуться 18-го декабря въ распоряженіе генерала Радецкаго. Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й съ 16-ю пѣх. дивизіей находится въ настоящее время въ Габровѣ, но уже получилъ приказаніе придвинуться 18-го декабря къ Зеленому-Древу и Топлишу. Движеніе войскъ генерала Радецкаго я предполагаю начать, во всякомъ случаѣ, 24-го декабря. Въ общихъ чертахъ предположено совершить движеніе слѣдующимъ образомъ:

Правая колонна генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го пойдетъ отъ Зеленаго-Древа на Иметли.

Лѣвая колонна генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго пойдетъ отъ Травны на Крестецъ, Сельцо и Янину, выславъ прикрывающій боковой отрядъ къ Маглышу.

Обѣ колонны, достигнувъ Иметли и Янины, двинутся въ обходъ обоихъ фланговъ турокъ, на д. Шипку или на г. Казанлыкъ. Движеніе начнется не ранѣе 24-го декабря, если позволитъ погода. Но во всякомъ случаѣ войска могутъ взять съ собой только горную артиллерію.

Три полка 24-й пѣх. дивизіи отправлены пока на поправку въ г. Сельви, такъ какъ число больныхъ въ этой дивизіи, попавшей прямо въ неслыханно-тяжелыя условія шипкинской службы, не успѣвъ втянуться въ эти условія помаленьку, дошло до огромной цифры.

Для облегченія обхода шипкинской позиціи я приказалъ генералу барону Деллингсгаузену произвести, одновременно съ этимъ обходомъ, демонстраціи на Ахмедли, Твардицу и Хаинкіой, условившись съ Радецкимъ относительно времени ихъ производства. Для усиленія демонстрацій я предоставилъ генералъ-лейтенанту

Деллингсгаузену право привлечь къ нимъ и 30-ю пѣхотную дивизію, но преимущественно на Османъ-Базарской дорогѣ.

24-го же декабря я предполагаю перевести мою главную квартиру изъ Богота въ Ловчу и оттуда черезъ Сельви въ Габрово; въ послѣднемъ пунктѣ разсчитываю быть 29-го или 30-го декабря. Вмѣстѣ со мною пойдетъ, четырьмя эшелонами, весь гренадерскій корпусъ, который 30-го или 31-го декабря соберется въ Габрово и Сельви. Съ головнымъ эшелономъ гренадерскаго корпуса идетъ 1-й лейбъ-драгунскій Московскій вашего величества полкъ и донской № 1 полкъ. 1-й и 9-й уланскіе полки соберутся 30-го и 31-го декабря въ Сельви, но далѣе не пойдутъ впередъ безъ особаго моего приказанія [1]).

Дальнѣйшее движеніе гренадерскаго корпуса и мое будетъ вполнѣ зависѣть отъ хода дѣлъ: если Богъ поможетъ выжить турокъ съ Шипки и благополучно перевалить черезъ Балканы, то я вмѣстѣ съ гренадерскимъ корпусомъ пойду вслѣдъ за отрядомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго, займу выгодную позицію и выжду, пока подойдутъ войска западнаго отряда, которыя хочу направить отъ Софіи на Филиппополь. Буду стараться облегчить ему это движеніе. Если удастся овладѣть Филиппополемъ, то, устроивъ и обезпечивъ свой тылъ, я двинусь со всѣми силами по направленію къ Адріанополю.

Не могу, однако, скрыть отъ Вашего Величества, что, какъ операція перехода черезъ Балканы, такъ и дальнѣйшее наступленіе будетъ сопряжено къ колоссальными затрудненіями. Каждый шагъ впередъ придется расчищать отъ снѣга и гололедицы; бивакированіе въ горахъ есть не отдыхъ, а страданіе для войскъ. А когда удастся перевалить черезъ горы, то невозможно ручаться за поддержаніе правильнаго сообщенія съ тыломъ: оно будетъ вполнѣ зависѣть отъ капризовъ погоды. Уже теперь я съ арміей почти отрѣзанъ отъ сообщеній съ имперіей вслѣдствіе

[1]) Въ настоящее время резервная кавалерія расположена слѣдующимъ образомъ: 1-й драгунскій полкъ— Хирва; 1-й уланскій—Демяново; 1-й донской казачій—Чадырлы; 9-й уланскій—Акинджиляръ; 1-я конная батарея и парки дивизіи—Рава.

ледохода на Дунаѣ [1]), а тогда на сообщеніяхъ моихъ явится еще вторая преграда — Балканы. Подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ будетъ и крайне затруднителенъ, и неправиленъ.

Но, несмотря на это, я только и думаю о томъ, какъ бы поскорѣе Богъ помогъ перебраться за Балканы, ибо хотя впереди можетъ придтись и очень круто, но стоять на мѣстѣ — еще хуже. Средства края почти совершенно истощены: продовольствіе по сю сторону Балканъ можетъ быть основано только на подвозѣ, а подвозъ крайне труденъ. Продукты же, не поддающіеся дальней перевозкѣ, какъ сѣно и фуражъ, почти совсѣмъ на исходѣ. Въ особенности трудно въ этомъ отношеніи войскамъ отряда Цесаревича. Мѣстность, въ которой онъ находится, вообще была очень бѣдна фуражемъ съ самаго начала, а теперь—отрядъ положительно бѣдствуетъ. Подвезти трудно, купить негдѣ. Цесаревичу уже пришлось приказать выдать въ войска неприкосновенный запасъ ячменя, сѣна и конскихъ консервовъ изъ Бѣловскаго склада.

Я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для экстреннаго подвоза въ восточный отрядъ этихъ запасовъ, но не могу быть увѣреннымъ, что они прибудутъ своевременно, ибо это вполнѣ зависитъ отъ состоянія переправы и дорогъ.

О состояніи дорогъ я уже писалъ Вашему Величеству. Могу лишь прибавить, что онѣ почти непроходимы вездѣ, а не только въ горахъ. Ужасное состояніе дорогъ, въ связи съ разореннымъ положеніемъ восточной части Болгаріи, которая теперь обращается въ совершенную пустыню уходящими изъ нея въ Дели-Орманскіе лѣса мусульманскими жителями, заставило меня призадуматься надъ предположеннымъ мною наступательнымъ движеніемъ восточнаго отряда. Какъ извѣстно Вашему Величеству, я хотѣлъ, чтобы отрядъ этотъ, одновременно съ движеніемъ войскъ генералъ-лейтенанта Радецкаго за Балканы, занялъ линію рѣкъ

[1]) 10 декабря начался ледоходъ; 11-го былъ сорванъ мостъ у Браилова; 14-го разведены мосты у Систова и Батина и переправа совершенно прекратилась. При этомъ систовскіе мосты потерпѣли такія поврежденія, что придется впослѣдствіи, на первое время, изъ двухъ мостовъ оставить одинъ. Вода спадаетъ; надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ.

Лома и Кара-Лома и утвердившись на ней, выслалъ впередъ подвижныя колонны. Сообразно съ этимъ, его императорское высочество начальникъ отряда представилъ мнѣ свои соображенія. Но, получивъ отъ него рядъ донесеній о совершенной непроходимости дорогъ, о крайнемъ недостаткѣ фуража, о сожженіи деревень уходящимъ мусульманскимъ населеніемъ, я пришелъ къ заключенію, что, пожалуй, благоразумнѣе будетъ отказаться отъ этого движенія. Помѣшать турецкимъ войскамъ уходить за Балканы и сосредоточивать войска для защиты Адріанополя мы не могли и не можемъ. Они уходятъ не по обыкновеннымъ дорогамъ, а переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ въ Варну, оттуда моремъ въ Константинополь и затѣмъ опять по желѣзной дорогѣ до Адріанополя. Поэтому безцѣльно занимать пустое, разоренное и выжженное пространство: только увеличатся продовольственныя затрудненія и напрасно утомятся войска. Я полагаю, что лучше ихъ поберечь теперь, чтобы потомъ можно было двинуть возможно дальше за Балканы. Въ этомъ смыслѣ я телеграфировалъ Цесаревичу, который и пріостановилъ сдѣланныя уже имъ распоряженія для движенія впередъ.

Но чтобы не допустить турокъ спокойно пользоваться рущукско-варнскою желѣзною дорогою для перевозки войскъ, я приказалъ направить отряды для разрушенія ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отъ восточнаго отряда должны быть отправлены только команды охотниковъ для разрушенія ея въ двухъ мѣстахъ: между Рущукомъ и Разградомъ и между Разградомъ и Шумлой. Генералу же Циммерману я велѣлъ выдвинуть для этой цѣли впередъ всю кавалерію и для поддержки ея — отъ 3—4 пѣхотныхъ полковъ. Генералъ Циммерманъ выслалъ кавалерійскій отрядъ къ Базарджику еще 16-го декабря. По имѣющимся у него извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000-мъ отрядомъ. Поэтому онъ полагаетъ, что пройти мимо Базарджика до варна-шумлинской желѣзной дороги чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что мѣстность за Базарджикомъ крайне лѣсистая и пересѣченная. По его же свѣдѣніямъ, турки отправили изъ четыреугольника крѣпостей черезъ Варну моремъ въ Константинополь и оттуда въ Адріанополь только отъ 10—20.000, остальныя

же войска оставили въ Рущукѣ, Силистріи, Базарджикѣ и Варнѣ, рѣшивъ держаться въ Восточной Болгаріи въ оборонительномъ положеніи.

Мнѣ остается лишь сказать о кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-маіора Арнольди. Отрядъ этотъ вошелъ въ связь съ сербами еще 9-го декабря у Бѣлемира. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди выдвинуть 4-й гусарскій Маріупольскій полкъ (безъ артиллеріи) отъ Бѣлемира къ Пироту съ тѣмъ, чтобы онъ наступалъ оттуда къ Софіи вмѣстѣ съ передовыми сербскими войсками; а 4-й уланскій Харьковскій полкъ, съ 8-ю конною батареею, въ случаѣ оставленія турками Гинчъ-пасса, двинуть отъ Берковаца черезъ этотъ проходъ въ Софійскую долину и приказать ему войти въ связь какъ съ сербами, такъ и съ войсками генералъ-адъютанта Гурко. Для содержанія же связи съ сербами въ сторонѣ Бѣлградчика я просилъ князя Карла выставить бригаду румынской кавалеріи.

Долженъ сказать, что лишь нужда заставляетъ меня обратиться къ содѣйствію румынской кавалеріи. Хотя она и несетъ службу чрезвычайно аккуратно и усердно, но смотритъ на Болгарію не какъ на освобождаемую, а какъ на завоевываемую страну; до меня уже не разъ доходили жалобы на нарушеніе румынами права собственности.

Кромѣ занятія авангардомъ западнаго отряда выходовъ въ Софійскую долину, военныхъ дѣйствій въ промежутокъ времени между 11—17 декабря не происходило; были лишь незначительныя перестрѣлки между разъѣздами на восточномъ фронтѣ. Самымъ выдающимся было дѣло 12-го декабря у Сида и Аяслара, въ которомъ полковникъ Полторацкій съ дивизіономъ Чугуевскихъ уланъ и двумя орудіями 18-й конной батареи настигъ турецкій транспортъ, отбилъ скотъ и, разбивъ на голову прикрытіе, разсѣялъ его, изрубивъ 26 чел. и взявъ 18 чел. въ плѣнъ. Въ этомъ дѣлѣ 1 офицеръ и 2 улана были контужены и 2 улана ранены.

16-го декабря охотники Якутскаго пѣхотнаго полка сожгли 18 крайнихъ домовъ деревни Чаталъ-дере (южнѣе Джулуна), изъ которой вооруженные жители постоянно стрѣляли по нашимъ

разъѣздамъ. При этомъ у насъ 2 нижнихъ чина ранено и 1 пропалъ безъ вѣсти.

Златицкое дѣло 30-го ноября, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ донесеніи, оказалось лишь ничтожною перестрѣлкою, хотя и продолжавшеюся цѣлый день, но съ большого разстоянія и безъ всякаго результата. Мы потеряли въ этой перестрѣлкѣ 2 чел. убитыми и 13 ранеными. Генералъ Брокъ очистилъ, однако, послѣ этого дѣла д. Челопецъ и занялъ ее вновь лишь съ началомъ перехода черезъ горы прочихъ частей западнаго отряда.

Дѣло подъ Еленой 22-го ноября, какъ оказывается изъ общей и частныхъ реляцій, при семъ представляемыхъ, имѣло столь несчастный для насъ исходъ лишь вслѣдствіе нѣсколько неразсчетливой стойкости войскъ, слишкомъ долго и упорно защищавшихъ передовыя позиціи, не имѣвшія для насъ особаго значенія. Отступленіе, неизбѣжное при подавляющемъ перевѣсѣ атаковавшаго насъ непріятеля, было начато слишкомъ поздно и привело поэтому къ столь чувствительной потерѣ въ офицерахъ, нижнихъ чинахъ и орудіяхъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ.

Румынскія войска, занявъ Арцеръ-Паланку, взяли на себя всѣ операціи противъ Бѣлградчика и Виддина. Для скорѣйшаго обложенія сего послѣдняго приняты всѣ мѣры.

Сербы превзошли всѣ мои ожиданія. Перейдя 3-го и 4-го декабря границу, они въ продолженіе двухъ недѣль достигли весьма серьезныхъ результатовъ. 7-го декабря они взяли съ бою проходъ св. Николая; 8-го обошли турецкую позицію у Бабиной-Главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію; въ тотъ же день взяли съ бою укрѣпленія у Чичины южнѣе Ниша, прервавъ его сообщеніе съ Лесковацемъ. 9-го вошли въ связь съ нашими войсками по дорогѣ изъ Бѣлградчика на Берковацъ, у Бѣлемира. Заняли Мраморъ и Адліе, откуда турки отступили безъ боя. У Адліе вошли въ связь съ румынами, дѣйствовавшими противъ Бѣлградчика. Будучи атакованы сѣвернѣе Ниша турками, отбили атаку съ большимъ урономъ. 11-го де-

кабря атаковали Куршумле, выбили оттуда гарнизонъ, состоявшій изъ 200 чел. низама и 2.000 арнаутовъ и баши-бузуковъ и овладѣли этимъ пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевые припасы и лошадей. 12-го декабря взяли, послѣ восьмичасового боя, Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковацъ, овладѣвъ при этомъ тремя орудіями. 16-го декабря взяли Пиротъ и въ немъ 23 орудія.

Достойно замѣчанія, что оба послѣдніе пункта были взяты благодаря остроумно-составленному, заранѣе-обдуманному плану и точному, искусному его исполненію. Атака на Акъ-Паланку была произведена раньше атаки на Пиротъ потому, что по предварительной рекогносцировкѣ укрѣпленій послѣдняго оказалось, что взять ихъ съ фронта чрезвычайно трудно. Поэтому было рѣшено сперва овладѣть Акъ-Паланкой, а потомъ уже направить оттуда главный ударъ на лѣвый флангъ пиротской позиціи, наименѣе защищенный природою и укрѣпленіями. Овладѣвъ Акъ-Паланкою при помощи искуснаго обходнаго движенія, исполненнаго подъ покровомъ тумана, сербы двинулись оттуда къ Пироту 14-го декабря. Колонна, стоявшая противъ Пирота со стороны Бабиной-Главы, между тѣмъ, все время обманывала турокъ канонадою и ложными атаками съ фронта. 15-го декабря подошла правая колонна отъ Акъ-Паланки и овладѣла деревнями Блатой и Бѣлявой, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Между тѣмъ, лѣвая колонна, атаковавъ съ фронта, взяла д. Станечну. 16-го декабря Пиротъ былъ взятъ, причемъ лѣвая колонна заняла городъ въ тылу непріятеля и этимъ заставила его поспѣшно отступать. Теперь сербы могутъ выполнить задачу, данную имъ мною въ началѣ войны: оставивъ отрядъ для наблюденія за Нишемъ, идти на Софію, на соединеніе съ нашими войсками».

21 декабря.—Ночью я былъ потребованъ къ Великому Князю: онъ получилъ радостную депешу объ окончательномъ переходѣ отряда Гурко черезъ Балканы. Просидѣлъ у Великаго Князя часа три, составляя телеграммы во всѣ мѣста. Государю послана слѣдующая:

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ славнаго, блистательнаго перехода черезъ Балканы. Генералъ Гурко,

послѣ восьмидневной гигантской борьбы съ горами, морозами, снѣгами, бурями и метелями, перешелъ черезъ Балканы, спустился въ Софійскую долину и 19-го декабря, послѣ упорнаго боя при деревнѣ Ташкисенѣ, продолжавшагося до 6-ти часовъ вечера, овладѣлъ этою укрѣпленною позиціею, кромѣ одного редута у караулки. Ночью турки бросили всѣ свои позиціи. 20-го декабря рано утромъ наши войска, занявъ Арабъ-Конакъ, Шандорникъ и Дольные-Комарцы, начали преслѣдовать турокъ: часть пѣхоты по пятамъ, на Петричево, а гвардейская кавалерія туда же на перерѣзъ, черезъ Балово и Черкескіой. Самъ Гурко, давъ наиболѣе утомленнымъ войскамъ столь необходимый отдыхъ, идетъ на Софію. Этропольскій отрядъ долженъ былъ 20-го же соединиться съ челопецкимъ отрядомъ генерала Брока, съ тѣмъ, чтобы по возможности отрѣзать туркамъ путь на Петричево. Потеря наша въ бою 19-го декабря— около 700 человѣкъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ легко раненъ въ шею командиръ л.-гв. Волынскаго полка генералъ Мирковичъ. Благодарю Бога, который помогъ войскамъ Вашего Величества совершить столь блестящій подвигъ при такихъ трудныхъ условіяхъ, описать которыя нѣтъ возможности».

Сегодня передъ обѣдомъ былъ торжественный благодарственный молебенъ на площадкѣ передъ кибиткою Великаго Князя, вокругъ которой были выстроены лейбъ-казаки и сводный конвойный баталіонъ. Передъ молебномъ Великій Князь приказалъ мнѣ выйти на середину и прочесть вслухъ вышеприведенную телеграмму.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, какъ это уже вошло въ обыкновеніе. На основаніи полученныхъ въ теченіе дня донесеній, отправлены еще слѣдующія двѣ телеграммы Государю:

1) «Бой сербовъ съ турками 16-го декабря у Пирота былъ весьма упорный и кровопролитный. Турецкій отрядъ, состоявшій изъ 12-ти таборовъ, отступилъ къ Софіи, потерявъ съ 12-го по 16-е декабря включительно не менѣе 900 чел. и оставивъ въ рукахъ сербовъ 24 орудія. Паша, командовавшій отрядомъ, былъ раненъ и бѣжалъ. Побѣда эта стоила сербамъ болѣе 700 чел. убитыми и ранеными. Послалъ имъ отъ твоего имени 150 георгіевскихъ крестовъ. Приказалъ имъ идти на Софію, на соединеніе съ Гурко».

2) «Никакихъ новыхъ извѣстій нѣтъ. Морозы продолжаются. Густой ледъ идетъ во весь Дунай, такъ что сообщеніе почти прекратилось. Это меня очень безпокоитъ. Принялъ всѣ мѣры для скорѣйшаго доставленія и установки желѣзнаго моста, но когда онъ будетъ доставленъ—не могу сказать опредѣлительно».

22 декабря.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 9-ти час. вечера 20-го:

«Благодарю Бога за новую побѣду, намъ дарованную, и окончательный переходъ войскъ Гурко черезъ Балканы. Объяви ему и всѣмъ нашимъ молодцамъ мое сердечное спасибо и пошли всѣмъ участвовавшимъ въ бою по три креста на роту, батарею и эскадронъ. Дай Богъ, чтобъ удалось намъ скоро покончить съ Софіей».

Государю посланы сегодня двѣ телеграммы:

1) «Новаго ничего нѣтъ. Депешу твою получилъ и немедленно переслалъ твою благодарность Гурко и его отряду по телеграфу. Гдѣ Гурко—еще не знаю. Ледъ продолжаетъ идти сплошными массами, такъ что сообщенія почти нѣтъ».

Вечеромъ, когда были получены отовсюду донесенія,—вторая телеграмма:

2) «Гурко телеграфируетъ изъ Ташкисена отъ 11-ти часовъ утра 21-го декабря: 20-го декабря, въ то время, когда войска наши занимали оставленныя турками позиціи и часть войскъ двинулась преслѣдовать ихъ—происходило горячее дѣло у Горнаго-Бугарова. Тамъ стоялъ отрядъ генерала Вельяминова изъ 5-ти баталіоновъ 1-й бригады 31-ой пѣх. дивизіи съ 6-ью орудіями и кавказскою казачьею бригадою, выставленный заслономъ къ сторонѣ Софіи. Отрядъ этотъ былъ атакованъ 12-ю таборами съ кавалеріей и 8-ью орудіями, вышедшими изъ Софіи. Окруживъ Вельяминова съ трехъ сторонъ и сильно обстрѣлявъ нашъ отрядъ перекрестнымъ огнемъ, турки стремительно бросились въ атаку. Но 1-ая бригада 31-ой дивизіи, подпустивъ ихъ на 50 шаговъ, дала залпъ почти въ упоръ и затѣмъ ударила въ штыки. Послѣ кровопролитнаго рукопашнаго боя, въ которомъ наши молодцы взяли одно знамя, турки были отброшены и, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ, бѣжали. Наши преслѣдовали ихъ. Вообще дѣло это, блестящее само по

себѣ, заслуживаетъ особаго вниманія еще и потому, что генералъ Вельяминовъ, находясь въ очень трудномъ и одно время даже въ критическомъ положеніи, справлялся съ турками одинъ, не просилъ подкрѣпленій и тѣмъ далъ возможность прочимъ войскамъ спокойно продолжать свое дѣло. Наша потеря предполагается около 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ—подполковникъ Тамбовскаго полка Богаевскій. Трофеи наши при занятіи Арабъ-Конака и Ташкисена еще не приведены въ извѣстность. На Шандорникѣ взяты оставленныя турками 10 стальныхъ крупповскихъ орудій.

«Гурко полагалъ двинуться на Софію 21-го декабря. Свѣдѣній о томъ, двинулся или нѣтъ—еще не имѣется».

«Объ отрядѣ Дандевиля, который долженъ былъ обойти Шандорникъ черезъ Бабу-Гору, получены слѣдующія свѣдѣнія. Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря отряду этому также пришлось вынести тяжкую борьбу, но не съ турками, а съ грознымъ снѣжнымъ бураномъ, который захватилъ отрядъ ночью, при 15-ти-градусномъ морозѣ, на Баба-Горѣ, на высотѣ 5.600 футовъ. Четыре орудія были совсѣмъ занесены снѣгомъ и откопаны только на третій день болгарами подъ руководствомъ доктора Цареградскаго, перешедшаго къ намъ отъ турокъ. Заболѣло и обморозилось 10 офицеровъ и 180 нижнихъ чиновъ, а 53 нижнихъ чина совсѣмъ замерзли. Несмотря на столь ужасное положеніе, отрядъ Дандевиля велъ себя геройски. При поданіи помощи заболѣвшимъ и отмороженнымъ особенно отличились доктора летучаго отряда Краснаго Креста, Головачевъ и Веймаръ.

«Въ отрядѣ Цесаревича 20 декабря охотники Рыльскаго полка имѣли стычку съ турками, устроившими имъ въ Гаговѣ засаду. Турки были выбиты, оставивъ на мѣстѣ 10 тѣлъ: у насъ ранены поручикъ Лопатинскій и одинъ рядовой. 20-го декабря двѣ роты Якутскаго полка атаковали деревню Чатальдере, но она оказалась такъ сильно занятою черкесами и баши-бузуками, что лишь по прибытіи пяти ротъ того же полка на подкрѣпленіе непріятель былъ выбитъ и деревня сожжена, такъ какъ служила постояннымъ сборнымъ пунктомъ баши-бузуковъ. Турки оставили на мѣстѣ 42 трупа. Наши потеряли 2 убитыми и 8 ранеными.

«17 декабря наши журжевскія батареи, замѣтивъ, что въ Рущукъ съ юга-востока идетъ отрядъ около 2.000 съ 4 орудіями, открыли по немъ огонь. Одна бомба такъ удачно попала въ лошадей и орудія, что весь отрядъ тотчасъ спустился за насыпь шоссе. Но, имѣя въ виду, что непріятель долженъ былъ опять подняться на шоссе, когда подойдетъ къ воротамъ крѣпости, наша батарея № 16 заранѣе навела туда орудія. Когда колонна поднялась на шоссе, былъ сдѣланъ выстрѣлъ, но снарядъ перелетѣлъ и случайно попалъ въ домъ съ флагомъ «Красной Луны», по которому обыкновенно не стрѣляли. Вдругъ изъ дома этого выскочило до 300 вооруженныхъ солдатъ. Такъ какъ этотъ случай обнаружилъ, что турки прикрываютъ флагомъ съ «Красною Луною» казармы, то 18 декабря наши журжевскія батареи снова направили огонь какъ на этотъ домъ, такъ и на сосѣдніе карантинные домики, турки отвѣчали съ двухъ батарей и съ форта Эюбъ-табія».

Великій Князь съ каждымъ днемъ становится все привѣтливѣе и довѣрчивѣе ко мнѣ, Видимо ему очень нравится, что я никогда не навязываюсь ни лично, ни со своими мнѣніями: являюсь— когда зоветъ; высказываюсь — когда спроситъ, и всегда прямо и откровенно, не стараясь приноровиться ни къ чьему взгляду, не исключая и его собственнаго. Каждый разъ, какъ я вхожу, привѣтливо встрѣчаетъ: «А! Кампфъ-фонъ-Газенъ! Садись!» Если позоветъ вечеромъ уже послѣ своего чая, непремѣнно велитъ подать мнѣ отдѣльно. Сегодня просидѣлъ у него очень долго: сперва пригласилъ позавтракать (у него сидѣли адъютантъ полковникъ Скалонъ и бывшій его адъютантъ, свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Олсуфьевъ, только что пріѣхавшій), а затѣмъ удержалъ у себя просто для бесѣды. Графъ Олсуфьевъ привезъ ему множество извѣстій изъ Петербурга, по поводу которыхъ и завязался безконечный разговоръ. Великій Князь сказалъ, что до него постоянно доходятъ извѣстія, какъ его бранятъ и осыпаютъ клеветами въ Петербургѣ, но что его это нисколько не удивляетъ: давно привыкъ. «Меня,— сказалъ онъ, — придворные вообще не любятъ, а въ императорской главной квартирѣ постоянно противъ меня интриговали и интригуютъ. Когда главная квартира была здѣсь,—только и дѣлали, что меня критиковали и старались уро-

нить меня въ глазахъ Государя. По этой части отличался Рылѣевъ, да и Тимашевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) тоже противъ меня: онъ не только не запрещаетъ прозрачныя нападки на меня въ нашихъ газетахъ, но еще про себя радуется, а можетъ быть и поощряетъ. Въ «Голосѣ» была возмутительная корреспонденція противъ меня за подписью Стэнли. А Стэнли, между тѣмъ, никогда ея не писалъ, удостовѣрилъ это письменно и самъ поѣхалъ въ Петербургъ просить Тимашева оказать содѣйствіе къ открытію, кто позволилъ себѣ подписаться его именемъ. Тимашевъ его не принялъ, о чемъ Стэнли теперь и сообщилъ, приложивъ письменное удостовѣреніе редакціи «Голоса», что авторъ корреспонденціи не есть Стэнли, что это—недоразумѣніе».

Я предложилъ Великому Князю послать Тимашеву телеграмму. Онъ вполнѣ одобрилъ эту мысль и *продиктовалъ* мнѣ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Телеграммою отъ 26 ноября я просилъ тебя помочь Стэнли открыть имя настоящаго автора корреспонденціи «Голоса», приписанной ему. Сегодня узналъ, что ты даже его не принялъ. Очень сожалѣю, что ты не исполнилъ моей просьбы, потому что я даромъ никогда ни о чемъ не прошу. Прошу доложить Государю какъ упомянутую корреспонденцію, такъ и о моемъ желаніи знать имя настоящаго автора. Стэнли не есть авторъ, въ чемъ я получилъ письменное удостовѣреніе редакціи «Голоса».

Вечеромъ я опять долго сидѣлъ у Великаго Князя. Съ дѣлами покончили скоро, время ушло преимущественно на разговоры о петербургскихъ сплетняхъ и о предстоящихъ дѣйствіяхъ Гурко и Радецкаго. Великій Князь съ нетерпѣніемъ ждетъ перехода послѣдняго въ наступленіе. Радецкій все настаиваетъ, чтобы подождать, пока подойдутъ войска Гурко, а Великій Князь ждать не хочетъ и требуетъ, чтобы движеніе въ обходъ Шипки было начато немедленно.

23 декабря.—Сегодня пріѣхалъ съ Шипки Фрезе, котораго Великій Князь посылалъ къ Радецкому. Говоритъ, что Радецкій теперь окончательно рѣшилъ начать обходное движеніе завтра, 24-го, хотя и продолжаетъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Впрочемъ,—

совершенно спокоенъ; говоритъ, что Николай Чудотворецъ такъ прекрасно велъ себя всю кампанію, что и теперь насъ не оставитъ. Князь Святополкъ-Мирскій, которому ввѣрено начальство надъ лѣвой колонною, ведетъ себя странно: вслухъ ропщетъ, предрекаетъ неудачу и заранѣе винитъ въ ней всѣхъ, кромѣ себя. Нижніе чины его дивизіи (9-й пѣхотной), съ своей стороны, сомнѣваются въ своемъ начальникѣ. Между ними уже сложилось убѣжденіе, что «князь — несчастливый: куда ни пріѣдетъ, несчастіе случается».

Одинъ Скобелевъ увѣренъ въ успѣхѣ. Посмотримъ, что Богъ дастъ.

Дурно то, что опять предпринимается серьезное дѣйствіе безъ резерва. Давно слѣдовало бы передвинуть отсюда обѣ гренадерскія дивизіи къ Габрову. Скалонъ мнѣ говорилъ сегодня, что Левицкій отсовѣтовалъ Великому Князю трогать отсюда гренадеръ, а держать ихъ при себѣ, чтобы «быть готовымъ на всѣ случайности». По моему, это значитъ не быть готовымъ ни на что.

24 декабря.—Вчера около 8 часовъ вечера въ кибитку нашу вдругъ вошелъ Великій Князь со своимъ ординарцемъ Клейгельсомъ, только-что пріѣхавшимъ отъ Гурко, и приказалъ мнѣ со словъ Клейгельса записать всѣ подробности перехода черезъ Балканы, составить телеграмму Государю и затѣмъ принести къ нему. Въ 10-мъ часу эта работа была кончена, Великій Князь подписалъ телеграмму и оставилъ меня къ чаю.

Сегодня утромъ былъ разбуженъ криками «ура», вскочилъ и, не умывшись, побѣжалъ къ Великому Князю. Оказалось, что Великій Князь получилъ телеграмму о взятіи Софіи, и я какъ разъ успѣлъ во-время, чтобы составить и послать объ этомъ краткую телеграмму Государю.

Затѣмъ почти весь день я былъ занятъ составленіемъ и разсылкою подробныхъ телеграммъ о дѣйствіяхъ Гурко. Непокойчицкій пригласилъ меня заняться этимъ въ его хатѣ, гдѣ, конечно, гораздо теплѣе, чѣмъ въ нашей кибиткѣ. Около 1 часу туда пришелъ самъ Великій Князь. Узнавъ объ этомъ, хозяйка хаты, болгарка, вошла въ комнату и поднесла Великому Князю

вышитое полотенце своей работы, прося принять на память о взятіи Софіи. Онъ милостиво и ласково принялъ. Болгарка съ низкими поклонами удалилась, но черезъ нѣсколько минутъ вернулась еще съ двумя полотенцами: одно просила принять Непокойчицкаго, другое подарила мнѣ.

Великій Князь, обождавъ, пока я кончилъ, подписалъ телеграммы и ушелъ, пригласивъ Непокойчицкаго и меня сегодня вечеромъ къ себѣ «на елку».

Составленіе сегодняшнихъ телеграммъ шло такъ спѣшно, что съ нѣкоторыхъ у меня не сохранилось копій. Обыкновенно я составлялъ телеграммы въ полевыхъ записныхъ книжкахъ, такъ что отрывной карандашный подлинникъ посылался на телеграфъ, а копія, отпечатанная посредствомъ переводнаго коленкора, оставалась въ книжкѣ. Сегодня нѣкоторыя телеграммы пришлось писать на отдѣльныхъ листкахъ, а снимать копіи не было времени. Привожу лишь тѣ телеграммы, которыя сохранились въ моихъ полевыхъ книжкахъ.

1) Подробности боя при Ташкисенѣ, 19-го декабря: съ вечера 18-го сосредоточились всѣ три эшелона орханійской колонны, т.-е. отряды Рауха, Курлова и Философова. Съ разсвѣтомъ 19-го двинулись: Раухъ съ Преображенскимъ полкомъ на турецкія укрѣпленія вправо отъ Ташкисена; Курловъ со 2-ю бригадою 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи — въ обходъ лѣваго фланга турокъ на Далначово; вся кавалерія — правѣе отряда Курлова, въ обходъ тыла, къ Дольнымъ-Комарцамъ; Философовъ съ 1-й бригадой 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи 2-мъ и 3-мъ стрѣлковыми баталіонами — въ общій резервъ на Софійское шоссе. Колонна Вельяминова выдвинута къ Горному-Бугарову, заслономъ отъ Софіи, гдѣ было около 20-ти таборовъ. Въ 9 часовъ утра завязался бой. Отрядъ Рауха выдвинулъ для обезпеченія своего лѣваго фланга и для связи съ войсками графа Шувалова отрядъ полковника Васмунда изъ лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго баталіона и двухъ баталіоновъ Козловскаго полка къ Горному-Верху. Графъ Шуваловъ, съ своей стороны, выдвинулъ впередъ и вправо, для связи съ Васмундомъ, лейбъ-гвардіи Московскій и Павловскій полки и баталіонъ Измайловскаго.

Одновременно съ началомъ дѣла въ отрядѣ Рауха, открыли артиллерійскій огонь войска графа Шувалова и принца Ольденбургскаго, оставленныя противъ фронта турецкихъ позицій Арабъ-Конака и Шандорника. Демонстрацію эту вели такъ энергично, что цѣлый день удержали турецкіе резервы отъ движенія къ Ташкисену. Между тѣмъ генералъ Раухъ, поддерживая съ фронта одну канонаду, направилъ преображенцевъ и стрѣлковъ императорской фамиліи въ тылъ Ташкисена, горами. Атака съ фронта была бы безцѣльна, такъ какъ позиція сильно укрѣплена и каждый домъ приспособленъ къ оборонѣ. Артиллерійскій и стрѣлковый бой продолжался съ 9 до 2 часовъ. Въ 2 часа дня послышалось «ура» въ тылу турецкой позиціи: то преображенцы и стрѣлки императорской фамиліи ворвались съ тылу въ Ташкисенъ, заставъ турокъ уже отступающими, такъ какъ въ это же время колонна генерала Курлова кончила обходъ и стала на шоссе позади Ташкисена на командующихъ высотахъ, отрѣзавъ туркамъ прямое отступленіе на Арабъ-Конакъ. Поэтому турки бѣжали изъ Ташкисена уже не по шоссе, а въ разсыпную, по горнымъ тропинкамъ, бросая лошадей, патронные ящики и раненыхъ. Артиллерію они увезли, повидимому, еще раньше, около полудня, такъ какъ послѣ одного чрезвычайно удачнаго выстрѣла 1-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, произведшаго на турецкой позиціи сильный взрывъ, артиллерійскій огонь непріятеля совсѣмъ прекратился. Непріятеля преслѣдовала одна колонна Курлова, но она, за сильнымъ туманомъ, далеко уйти не могла. Прочія войска ночевали на взятыхъ позиціяхъ.

Послѣ ташкисенскаго пораженія, турки очевидно начали очищать Арабъ-Конакъ и Шандорникъ и ночью ушли, оставивъ, однако, арріергарды, потому что когда, 19 декабря, въ 8 часовъ вечера, охотники лейбъ-гвардіи Семеновскаго и Московскаго полковъ подкрались къ укрѣпленіямъ, то были встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что отошли. Отступленіе турокъ съ Арабъ-Конака и Шандорника выяснилось только 20 декабря утромъ.

2) Дополнительныя подробности о переходѣ Балканъ:

13-го декабря войска двинулись отъ Орханіи на Чурьякъ и

отъ Врачеша на Умургачъ и Жиляву. Во главѣ орханiйской колонны, которая шла тремя эшелонами, прокладывали новую дорогу гвардейскiе саперы съ преображенцами. Эта работа была начата 9-го декабря. Чтобы скрыть ее отъ турокъ, была занята у южнаго склона Балканъ деревчя Чурьякъ, въ которую эскадронъ Астраханскихъ драгунъ не пускалъ черкесскiе разъѣзды. Въ Чурьякѣ саперы и преображенцы ежедневно отдыхали, скрываясь по домамъ, приходя туда съ разсвѣтомъ и уходя опять въ сумерки разрабатывать дорогу по ночамъ. Съ 9 по 13 декабря была устроена дорога въ ширину хода 9-ти-фунтового орудiя; мѣстами подѣланы гати и переброшены мосты. Благодаря принятымъ мѣрамъ, турки ничего этого не замѣтили. Но 12-го декабря началась вьюга, чуть не испортившая всю работу: дорога обледенѣла къ 13-му, какъ зеркало. Авангарду орханiйской колонны Рауха пришлось разбиться поротно къ каждому орудiю и зарядному ящику, чтобы втащить артиллерiю на перевалъ. Впереди авангарда вырубали ступени на обледенѣвшей дорогѣ, чтобы люди, тащившiе артиллерiю, имѣли какую-нибудь опору при подъемѣ. Шагъ за шагомъ взбирался на перевалъ авангардъ, таща на себѣ артиллерiю. Выступивъ въ 11 часовъ утра 13-го декабря, авангардъ только утромъ 14-го втащилъ свою артиллерiю на перевалъ, т.-е. 24 часа продолжался подъемъ на разстоянiи всего 8 верстъ. Спускъ съ перевала начался лишь съ наступленiемъ темноты 14-го декабря, ибо часть южнаго склона видна съ турецкихъ позицiй Арабъ-Конака и Шандорника. Спускъ былъ еще тяжелѣе подъема и такъ крутъ, что пришлось привязывать орудiя и ящики къ деревьямъ и на канатахъ спускать отъ одного до другого. При этомъ зарядные ящики скатывались пустые, а заряды переносились на рукахъ. Ружья оставляли на перевалѣ: люди возвращались за ними по мѣрѣ спуска артиллерiи съ горъ. Только около полудня 15-го декабря авангардъ Рауха началъ собираться въ Чурьякѣ. Генералъ Гурко, лично наблюдавшiй за переходомъ авангарда черезъ Балканы, расположился въ Чурьякѣ еще 14-го вечеромъ. 2-й и 3-й эшелоны орханiйской колонны спустились съ Балканъ только къ 19-му. Такимъ образомъ, колонна эта употребила на пере-

ходъ черезъ Балканы, на разстояніе всего отъ 12 до 15 верстъ, слишкомъ шесть сутокъ: столь невѣроятныя трудности представлялъ этотъ переходъ.

Колонна Вельяминова, шедшая отъ Врачеша черезъ Умургачъ по неразработанной тропинкѣ, преодолѣла еще большія трудности. По временамъ почти отчаявались въ возможности перехода. Эта колонна должна была снимать орудія съ лафетовъ и везти ихъ на саняхъ. Во время перехода ей былъ измѣненъ маршрутъ: вмѣсто Жилявы велѣно идти на Чурьякъ, ибо рекогносцировка показала, что турки заняли и укрѣпили новую позицію у Ташкисена, которую и рѣшено было атаковать. Выступивъ изъ Врачеша 13-го, колонна Вельяминова прибыла къ Чурьяку 18-го декабря. Турки, не замѣтивъ во-время нашего движенія черезъ Балканы, не успѣли ему помѣшать и поэтому приготовились только встрѣтить въ укрѣпленной позиціи Ташкисенъ, гдѣ и разыгрался бой 19-го декабря. Результатъ его извѣстенъ.

3) Подробности дѣла 21-го декабря [1]): при овладѣніи мостомъ черезъ Искеръ у Враждевны, въ 8 верстахъ не доходя Софіи, въ дѣлѣ участвовалъ авангардъ генерала Рауха, состоявшій изъ Преображенскаго и Измайловскаго полковъ и гвардейской стрѣлковой бригады. Бой продолжался полтора часа и рѣшенъ былъ обходнымъ движеніемъ Преображенскаго полка, перешедшаго Искеръ по льду. Вслѣдствіе этого турки бросили ложементы, бѣжали на софійскій мостъ и зажгли его, но огонь былъ тотчасъ потушенъ и наша артиллерія прошла по мосту. Въ дѣлѣ 19-го декабря у Ташкисена былъ раненъ и взятъ нами въ плѣнъ англійской службы полковникъ Бекеръ, участвовавшій съ турками въ бою. Изъ числа раненыхъ 19-го декабря доставлены въ орханійскій лазаретъ Государыни Цесаревны: командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка генералъ-маіоръ Мирковичъ въ шею и грудь тяжело; прикомандированный къ этому полку подпоручикъ Гончаренко — въ правое предплечье легко; контуженные капи-

[1]) Изъ послѣдующихъ донесеній Гурко выяснилось, что число это ошибочно: дѣло было не 21-го, а 22-го декабря, а Софія занята не 22-го, а 23-го.

танъ Вервингъ, поручикъ Измайловъ и прусскаго полка прапорщикъ Ивашенцовъ—всѣ легко.

Я уже сказалъ выше, что Великій Князь пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ на елку. Приглашенными оказались: Непокойчицкій, Левицкій, Галлъ съ сыномъ, графъ Олсуфьевъ, Чингисханъ, Скобелевъ-отецъ, Струковъ, Кладищевъ, адъютанты: Скалонъ и Орловъ, комендантъ главной квартиры Штейнъ, я, художникъ Макаровъ и дежурный ординарецъ Андреевскій.

Я пришелъ раньше другихъ и участвовалъ въ приготовленіяхъ, которыя заключались въ слѣдующемъ. Черезъ всю кибитку была протянута веревка, къ которой подвѣшены пирожки, куски кулебяки, ломтики ветчины, колбаса и т. п. Три главныхъ подарка — жарившаяся на походной плитѣ индюшка и двѣ бутылки стараго венгерскаго вина 1834 года — поставлены на столъ. По стѣнамъ кибитки подвѣшены фонари. На всѣ подарки прицѣплены нумерки. Я рѣзалъ бумагу. Великій Князь надписывалъ нумера, а Скалонъ ихъ прицѣплялъ. Скобелевъ-отецъ занимался жареньемъ индюшки.

Къ 8 часамъ вечера собрались всѣ приглашенные, и Великій Князь, положивъ всѣ билетики въ свою фуражку, предложилъ вынимать ихъ. Жареная индюшка досталась Левицкому, а обѣ бутылки венгерскаго—мнѣ и маленькому Галлу. Самъ Великій Князь выигралъ кусокъ ветчины. Левицкому пришлось разрѣзывать свой выигрышъ на куски и дѣлить его между всѣми. Простоявъ для этого слишкомъ полчаса у горячей плиты, онъ совсѣмъ умаялся. Я налилъ изъ своей бутылки первую рюмку Великому Князю, вторую выпилъ самъ за его здоровье, а затѣмъ по очереди поднесъ по рюмкѣ всѣмъ, начиная съ Непокойчицкаго. Закусивши, напились чаю и около 10 часовъ вечера разошлись спать.

25 декабря.—Только-что проснулся, какъ меня потребовалъ Великій Князь и *продиктовалъ* слѣдующую телеграмму военному министру:

«Гвардейскія войска отъ стоянки и работы на высокихъ Балканахъ и при походѣ черезъ нихъ остались въ эту минуту—*равно*

офицеры и нижніе чины—безъ сапогъ уже давно, а теперь *окончательно безъ шароваръ*. Мундиры и шинели—*одни лохмотья* и то *безъ ворса*, на нихъ одна *клѣтчатка*. У большинства *бѣлья* нѣтъ, а у кого *осталось*, то *въ клочкахъ и истлѣвшее*. Прошу убѣдительно, немедленно, энергической *высылки* всякаго рода *одежды и обуви* для гвардіи. Даже *турецкое одѣяніе, найденное* въ Орханіи и выданное *офицерамъ и людямъ*, уже все *изорвалось* при неимовѣрно трудныхъ и гигантскихъ работахъ перехода черезъ Балканы. Прошу увѣдомить о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ на праздники».

Великій Князь самъ подчеркнулъ слова, которыя слѣдуетъ зашифровать, и, приказавъ сдѣлать это при себѣ, подписалъ телеграмму, отправилъ ее и отпустилъ меня. Затѣмъ я приступилъ къ составленію отчета Государю за истекающую недѣлю, но въ теченіе дня Великій Князь нѣсколько разъ требовалъ меня къ себѣ для шифрованія и дешифровки телеграммъ по совершенно особому и весьма интересному дѣлу.

У меня нѣтъ копій со всѣхъ этихъ телеграммъ, потому что Великій Князь входящія оставлялъ у себя, а исходящія писалъ самъ, заставляя меня дешифрировать первыя и зашифровывать вторыя. Поэтому я могу только передать содержаніе этой интереснѣйшей телеграфной переписки.

Еще 14-го декабря я записалъ въ своемъ дневникѣ, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества изъ арміи, было условлено: какъ только Гурко благополучно совершитъ подвигъ зимняго перехода черезъ Балканы, Цесаревичъ поѣдетъ принять отъ него начальство надъ всѣмъ западнымъ отрядомъ, а великій князь Владиміръ Александровичъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ и вступитъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ; Гурко же обратится въ начальника штаба Цесаревича.

Хотя, по словамъ Великаго Князя, Государь высказалъ ему, что это останется въ глубочайшемъ секретѣ между ними обоими, однако очевидно, что Его Величество, повидавшись на пути въ Россію съ Цесаревичемъ, посвятилъ и его въ тайну. Это ясно видно изъ шифрованной депеши Великаго Князя Цесаревичу отъ 14-го декабря.

Во всякомъ случаѣ, до нынѣшняго дня предполагалось,—какъ мнѣ говорилъ сегодня Великій Князь,—привести вышеупомянутое предположеніе въ исполненіе по занятіи отрядомъ Гурко Филиппополя.

Нынче ночью Великій Князь съ изумленіемъ получилъ телеграмму отъ Цесаревича, въ которой онъ выражаетъ желаніе имѣть начальникомъ штаба Обручева, а Гурко обратить въ начальника кавалеріи западнаго отряда.

Великій Князь самъ составилъ отвѣтную телеграмму (которую и приказалъ мнѣ зашифровать), смыслъ которой былъ слѣдующій: 1) Гурко, послѣ только-что совершеннаго имъ блистательнаго подвига и послѣ того, что онъ со славою руководилъ дѣйствіями цѣлой арміи болѣе чѣмъ изъ двухъ корпусовъ—невозможно обратить въ начальника кавалеріи той же арміи; 2) Обручевъ—совсѣмъ неподходящій начальникъ штаба, ибо нигдѣ себя на практикѣ не заявилъ, ни театра войны, ни войскъ не знаетъ и войскамъ неизвѣстенъ; Гурко же заявилъ себя блистательно, знаетъ войска и войска его знаютъ и ему вѣрятъ; 3) Великій Князь лично противъ Обручева еще и потому, что не можетъ забыть, какъ онъ, въ 1863 году, будучи начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, демонстративно отчислился отъ должности, не желая идти на «братоубійственную войну» русскихъ съ поляками.

Великій Князь добавилъ, что еще въ Ливадіи, въ 1876 году, Государь, по рекомендаціи военнаго министра, предлагалъ ему взять Обручева, но онъ, Великій Князь, тогда же категорически доложилъ Его Величеству, что по вышеупомянутой причинѣ не желаетъ вообще имѣть Обручева въ составѣ арміи ни на какой должности.

Только-что я зашифровалъ и отправилъ эту телеграмму Цесаревичу, какъ получается (при мнѣ) телеграмма самого Государя, что онъ, «съ согласія Саши», *назначаетъ* къ нему начальникомъ штаба Обручева. Ясно, что Государь обмѣнялся телеграммами съ Наслѣдникомъ еще раньше.

Великій Князь очень разсердился и немедленно самъ составилъ отвѣтную депешу, прося, въ видѣ «особаго ему одолженія», отмѣнить это назначеніе, такъ какъ онъ положительно не желаетъ

имѣть Обручева не только начальникомъ штаба Цесаревича, но вообще въ арміи.

Я тутъ же зашифровалъ эту телеграмму, и она была немедленно отправлена.

Неожиданно народившійся «Обручевскій вопросъ» чрезвычайно взволновалъ и разстроилъ Великаго Князя, такъ что онъ весь день и вечеръ безпрестанно возвращался къ этому вопросу и высказывалъ свои догадки. Вечеромъ за чаемъ онъ выразилъ предположеніе, что это—двойная интрига: съ одной стороны, въ Петербургѣ, гдѣ военный министръ усиленно проводитъ своего любимца Обручева и расположилъ въ его пользу Государя, котораго уже успѣли вооружить противъ Гурко, изъ зависти, приближенные къ Его Величеству чины его главной квартиры; съ другой стороны, въ штабѣ Цесаревича, гдѣ Гурко терпѣть не могутъ, завидуютъ его военной славѣ и рады случаю его унизить и оскорбить. Цесаревичъ Обручева совсѣмъ не знаетъ, и если съ такою готовностью согласился имѣть его своимъ начальникомъ штаба, то только потому, что ему внушено сильнѣйшее предубѣжденіе противъ Гурко.

Къ тому же, прибавлю отъ себя, Наслѣднику и его приближеннымъ, конечно, пишутъ изъ гвардіи и жалуются на рѣзкость и крутость Гурко. Мнѣ частнымъ образомъ положительно извѣстно, что большинство гвардейскаго начальства не можетъ простить Гурко его быстрое возвышеніе, не можетъ забыть, что еще полгода тому назадъ онъ былъ только начальникомъ гвардейской дивизіи, а теперь сталъ изъ недавнихъ товарищей властнымъ и строгимъ начальникомъ, который всѣхъ держитъ въ страхѣ и требуетъ безпрекословнаго повиновенія.

Конечно, ему не могутъ простить и той рѣчи, которую онъ держалъ передъ собраніемъ всѣхъ начальникокъ отдѣльныхъ частей войскъ гвардіи, въ началѣ похода отъ Плевны къ Балканамъ, кажется—въ Осиковѣ. Мнѣ передавали объ этомъ событіи такъ.

Приказавъ всему гвардейскому начальству собраться, Гурко вышелъ и сказалъ имъ слѣдующія грозныя слова:

— До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ васъ, господа, позволяютъ себѣ осуждать меня и мои распоряженія, не стѣсняясь присутствіемъ подчиненныхъ и даже—при нижнихъ чинахъ. Я со-

бралъ васъ для того, чтобы напомнить вамъ, что я поставленъ начальникомъ надъ вами волею Государя Императора и только ему, отечеству и исторіи обязанъ отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Отъ васъ я требую безпрекословнаго повиновенія и сумѣю заставить всѣхъ и каждаго въ точности исполнять, а не критиковать мои распоряженія. Прошу васъ всѣхъ это накрѣпко запомнить. А теперь оффиціальный разговоръ конченъ, и я предоставляю каждому изъ васъ свободно высказать, кто и чѣмъ недоволенъ. Если я въ чемъ нибудь ошибся—готовъ поправиться.

Затѣмъ, обращаясь къ старшему въ чинѣ, графу Шувалову, Гурко спросилъ:

— Ваше сіятельство, что вы имѣете сказать?

— Ничего,—отвѣчалъ графъ:—я никакихъ неудовольствій не имѣю.

— А вы?—обратился Гурко къ слѣдующему по старшинству генералу.

— Я ничего, ваше превосходительство, я только говорилъ, что трудно...

— Трудно?—перебилъ его Гурко;—такъ если большимъ людямъ трудно, я уберу ихъ въ резервъ, а впередъ пойду съ маленькими.

Послѣ этого и самъ Гурко ужъ никого больше не спрашивалъ, и тѣмъ эта приснопамятная бесѣда кончилась. Разумѣется, умолкъ и ропотъ. Но, конечно, никто этого не забылъ и не простилъ, тѣмъ болѣе, что и до и послѣ этого разговора Гурко никогда не стѣснялся рѣзко распекать высшихъ начальниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они того стоили.

Все это записывалось ему на счетъ и, конечно, сообщалось, съ надлежащими украшеніями, въ Петербургъ, всевозможнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ штабъ рущукскаго отряда, гдѣ весьма благосклонно выслушивалось и принималось къ свѣдѣнію все, что свидѣтельствовало противъ Гурко. Тамъ съ самаго дня прибытія гвардіи на театръ войны были обижены тѣмъ, что она была отдана подъ команду Гурко.

Отсюда понятно, что Наслѣдникъ согласился бы на всякаго начальника штаба, какого бы ни предложилъ ему Государь, только бы не имѣть около себя антипатичнаго ему Гурко.

Понятно также, что Великій Князь такъ разстроился неожиданнымъ измѣненіемъ первоначальнаго предположенія Государя Онъ не разъ повторялъ, что для Гурко быть начальникомъ штаба у Наслѣдника — не обидно, но онъ не можетъ допустить, чтобы послѣ такого подвига, какъ зимній переходъ черезъ Балканы, Гурко обратился въ начальника кавалеріи, и чтобы мѣсто начальника штаба занялъ Обручевъ.

Великій Князь, подъ этимъ впечатлѣніемъ, равнодушно отнесся къ полученной сегодня депешѣ Государя (отъ 10 час. вечера 24-го декабря), которая при иныхъ обстоятельствахъ очень порадовала бы его. Вотъ эта депеша:

«Лучшаго подарка на елку, какъ Софія, ты не могъ мнѣ сдѣлать. Жду съ нетерпѣніемъ подробностей и послѣдствій. Обнимаю отъ души и поздравляю съ праздникомъ. Я еще не выхожу изъ моей комнаты. Срочную депешу твою получилъ сегодня утромъ».

Невесело прошелъ для Великаго Князя первый день Рождества!

26 декабря.—Вчера, уйдя отъ Великаго Князя послѣ чаю, около 10 час. вечера, я сидѣлъ до 3-хъ час. ночи за составленіемъ отчета Государю. Сегодня утромъ Великій Князь послалъ за мной и объявилъ, чтобы я не торопился заканчивать отчетъ, потому что онъ завтра курьера не пошлетъ, а выждетъ результата шипкинской обходной операціи.

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ сухую отвѣтную телеграмму Наслѣдника, которую ночью получилъ и самъ дешифрировалъ. Эту телеграмму я запомнилъ дословно:

«Отъ просьбы своей отказаться не могу; если же нѣтъ, то отказываюсь отъ командованія отрядомъ и буду ожидать приказаній Государя».

Этотъ отвѣтъ, въ связи съ напряженнымъ ожиданіемъ результата шипкинской операціи, чрезвычайно разстроилъ Великаго Князя.

27 декабря, вторникъ.—Сегодня всталъ въ 5 час. утра. Въ $5^1/_2$ час. получена и немедленно передана Государю телеграмма начальника 3-й пѣхотной дивизіи Карцова о занятіи Трояновскаго

перевала. Около 9 час. утра покинули Боготъ и двинулись въ Ловчу. Погода сіяющая, морозная; воздухъ дивный, но дорога очень скользкая. Около 12 час. дня прибыли въ Ловчу: встрѣча восторженная. Великій Князь помѣстился въ лучшемъ домѣ города. Хозяйка, оказавшаяся русскою изъ Одессы, угощала насъ всѣхъ чаемъ. Мы съ Левицкимъ устроились въ бывшей квартирѣ Карцова и наслаждались давно неиспытаннымъ тепломъ жилого дома: съ самаго отъѣзда изъ Плоэшти не жили подъ крышей. Обѣдали въ двѣ очереди, чѣмъ Богъ послалъ, въ какомъ-то сараѣ.

Вечеромъ Великій Князь послалъ за мной и передалъ отправленную и зашифрованную вчера имъ самимъ телеграмму Государю слѣдующаго содержанія:

«Завтра 27-го числа, предполагается *атака на Шипку съ обоихъ фланговъ: съ лѣваго—князь Мирскій*, *а съ праваго—Скобелевъ*. Войска уже начали движеніе 23-го числа вечеромъ. До сихъ поръ не встрѣчали турецкихъ войскъ и дошли вчера: *лѣвая до Сельца на южномъ скатѣ перевала, правая колонна заняла Иметлійскій перевалъ*. Да поможетъ намъ Богъ *завтра*. Какъ твое здоровье,—меня очень безпокоитъ, что ты до сихъ поръ не поправился. Морозы въ горахъ доходятъ до 22 градусовъ. Отъ Гурко еще ничего не получалъ».

Вѣроятно, Великій Князь посылалъ еще въ сочельникъ телеграмму, въ которой испрашивалъ какія-то награды, потому что сегодня вечеромъ получена имъ отъ Государя слѣдующая, очевидно отвѣтная, телеграмма отъ 12 ч. 50 м. пополудни 25-го декабря: «Награды разрѣшу, когда узнаю подробности. До сихъ поръ изъ твоихъ телеграммъ не знаю даже, какія части входили въ составъ отрядовъ. Весьма желательно, чтобы и въ телеграфныхъ донесеніяхъ назывались войска и главные начальники, а то я въ совершенномъ туманѣ. Мнѣ лучше, и я могу присутствовать на молебнѣ».

Очевидно, что Государь 25-го декабря утромъ еще не получилъ подробныхъ телеграммъ о переходѣ черезъ Балканы.

28 декабря, среда, Ловча.—Со вчерашняго вечера вдругъ завернула оттепель, продолжающаяся и сегодня.

Утромъ, закончивъ составленіе недѣльнаго отчета Государю, прочелъ его Великому Князю и затѣмъ засѣлъ его переписывать.

Въ 4$^1/_2$ часа пополудни въ первый разъ запахло миромъ. На имя Великаго Князя пришла черезъ Бухарестъ, отъ турецкаго военнаго министра Реуфа-паши, французская телеграмма (отправленная изъ Константинополя вчера, 27-го декабря) слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю увѣдомить Ваше Высочество, что Высокая Порта поручила главнокомандующему въ Румеліи, Мехмеду-Али-пашѣ, находящемуся нынѣ въ Татаръ-Базарджикѣ, войти въ переговоры о перемиріи, снабдивъ его надлежащими для сего полномочіями. Посему благоволите приказать увѣдомить его, куда ему пріѣхать и съ кѣмъ вступить въ переговоры. Отвѣтъ уплаченъ. Константинополь, 8 января. Военный министръ Реуфъ-паша».

Великій Князь немедленно отвѣтилъ слѣдующею телеграммою:

«Péra. Ministre de la guerre Réouf-Pacha.

«Contenu de votre télégramme transmis à l'Empereur. Negociations ne pourraient avoir lieu qu'avec moi directement. — Il ne saurait toutefois être question en ce moment d'armistice sans bases de paix.—Nicolas».

Вмѣстѣ съ тѣмъ послана шифрованная телеграмма Государю:

«Сію минуту получилъ открытую телеграмму изъ Константинополя отъ военнаго министра Реуфа-паши отъ вчерашняго 27-го числа. Онъ увѣдомляетъ, что Блистательною Портою послано румелійскому главнокомандующему Мехмеду-Али уполномочіе просить у меня перемирія, и проситъ увѣдомить, съ кѣмъ ему вести переговоры. Я отвѣтилъ Реуфу-пашѣ, какъ съ тобою было условлено, что уполномоченный долженъ быть присланъ ко мнѣ и что не можетъ быть рѣчи о перемиріи безъ предварительнаго принятія основаній мира. Поэтому убѣдительно прошу о присылкѣ мнѣ инструкцій по телеграфу.—Николай».

Обѣ эти депеши Великій Князь составлялъ и шифровалъ съ Нелидовымъ; затѣмъ самъ составилъ телеграмму Гурко и приказалъ мнѣ ее зашифровать. Въ этой телеграммѣ (точной копіи съ нея въ моихъ рукахъ не осталось) предписывалось Гурко: дать знать Мехмеду-Али въ Татаръ-Базарджикъ, чтобъ ѣхалъ въ глав-

ную квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергически продолжать военныя дѣйствія, отнюдь не пріостанавливая ихъ впредь до особаго приказанія.

Главныя основанія мира лежатъ въ секретномъ портфелѣ Нелидова. Они были установлены въ общихъ чертахъ наканунѣ или за день до отъѣзда Государя изъ арміи; окончательно формулированы и утверждены Государемъ во время его остановки въ Бухарестѣ на пути въ Россію и затѣмъ присланы Великому Князю съ Нелидовымъ, у котораго и хранятся.

Нелидовъ объясняетъ просьбу турокъ о перемиріи такъ: они, довѣряя авторитетному изреченію Мольтке, считали зимній переходъ черезъ Балканы невозможнымъ и разсчитывали, что неопредѣленное положеніе дѣлъ затянется до весны, а къ тому времени сложится благопріятная для нихъ политическая обстановка. Переходъ Гурко черезъ Балканы долженъ былъ поразить ихъ какъ громомъ. Зная характеръ и повадки англійскаго посла Лейярда, Нелидовъ полагаетъ, что онъ навѣрное былъ противъ предложенія перемирія и вѣроятно совѣтовалъ туркамъ подождать открытія парламента, обѣщая его поддержку и англійское посредничество. Турки же на этотъ разъ его не послушали и поспѣшили заговорить о перемиріи, въ надеждѣ пріостановить дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ.

Предположеніе весьма вѣроятное. Что турки никакъ не ожидали нашего перехода черезъ Балканы—видно уже изъ того, что Сулейманъ-паша былъ командированъ въ Софію для организаціи обороны и пріѣхалъ туда—какъ разъ въ день ташкисенскаго боя и наканунѣ боя при Горномъ-Бугаровѣ. Убѣдившись собственными глазами въ пораженіи турецкихъ войскъ, Сулейманъ поспѣшилъ уѣхать и на обратномъ пути чуть не попался въ плѣнъ Астраханскимъ драгунамъ.

Сегодня мы всѣ весь день въ напряженномъ ожиданіи. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій съ Шипки, кромѣ увѣдомленія, что былъ бой вчера, идетъ съ $5^1/_2$ ч. утра и сегодня; что 26-го ранены Куропаткинъ и Ласковскій; что вчера Скобелевъ и Мирскій спустились съ горъ; наконецъ, что сегодня, около 11 часовъ утра, самъ Радецкій перешелъ въ наступленіе. Хотя вся совокупность

этихъ извѣстій и производитъ очень хорошее впечатлѣніе, но, однако, это все—вѣсти неоффиціальныя; отъ Радецкаго — ни звука.

10 ч. вечера.—Ура! Нѣтъ больше Шипки! Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго событія.

Около 7 ч. веч. ко мнѣ зашелъ генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, присланный Карцовымъ съ подробнымъ докладомъ о взятіи Траяновскаго перевала. Великій Князь, выслушавъ, послалъ его ко мнѣ для того, чтобы я съ его словъ составилъ телеграмму Государю и принесъ къ подписи. Въ $7^1/_2$ ч. я пошелъ къ Великому Князю. Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ упрекомъ, что я самъ къ нему не пришелъ, и столь же ласково пошутилъ, что и вчера вечеромъ онъ три раза за мной посылалъ и меня едва нашли. Подписавъ телеграммы, усадилъ меня около себя. Тутъ были еще Струковъ, Чингисханъ, Скалонъ и Орловъ; послѣднему Великій Князь велѣлъ разливать чай. Во время чаепитія разговоръ исключительно вертѣлся на томъ, какъ хорошо было бы, еслибъ удалось прогнать турокъ съ Шипки, какъ это ошеломило бы турокъ и приблизило бы побѣдоносную развязку войны. Во время этого разговора вошелъ Нелидовъ. Струковъ и Орловъ сейчасъ же ушли, а Чингисхану, Скалону и мнѣ Великій Князь велѣлъ остаться.

Нелидовъ высказалъ предположеніе, что турки уже знаютъ наши главныя мирныя условія отъ германскаго посла, принца Рейсса, которому они сообщены императоромъ Вильгельмомъ именно на тотъ случай, если турки захотятъ разузнать у него что-либо на этотъ счетъ. Нелидовъ думаетъ также, что Порта, черезъ того же принца Рейсса, уже сообщила Государю о своей готовности принять наши мирныя условія. Предположеніе это Нелидовъ основывалъ на увѣренномъ тонѣ депеши Реуфа-паши, который считаетъ перемиріе какъ бы рѣшеннымъ дѣломъ: эту увѣренность можно себѣ объяснить только тѣмъ, что онъ предполагаетъ Великаго Князя уже освѣдомленнымъ изъ Петербурга.

Послѣ непродолжительнаго обмѣна мыслей на эту тему (причемъ я осторожно замѣтилъ, что предположеніе это очень остроумно, но и слишкомъ тонко), Нелидовъ ушелъ. Мы трое остались. Не прошло и трехъ минутъ, какъ вдругъ входитъ, безъ доклада, на-

чальникъ телеграфной станціи и подаетъ Великому Князю депешу [1]). Великій Князь, пробѣжавъ ее глазами, всталъ и прочелъ вслухъ, постепенно возвышая голосъ:

«Приношу вашему высочеству поздравленіе со сдачею всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Вессель-паши противъ нашей позиціи. Всего сдалось 10 батарей, 41 баталіонъ и 1 полкъ кавалеріи. Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ, а генералъ Скобелевъ находится въ Шипкѣ. Съ докладомъ ѣдетъ въ Сельви генералъ Дмитровскій. — Генералъ-лейтенантъ Радецкій».

Мы всѣ разомъ, съ крикомъ «ура», выбѣжали въ корридоръ къ Непокойчицкому, который уже шелъ изъ своей комнаты навстрѣчу. Въ одну минуту въ корридоръ набралась масса народа отовсюду. Великій Князь еще разъ прочелъ телеграмму вслухъ. Нескончаемое «ура» было подхвачено на улицѣ, и радостная вѣсть тотчасъ же разнеслась по всей Ловчѣ. Пяти минутъ не прошло, какъ во всѣхъ концахъ города раздались торжественные звуки «Боже, Царя храни» и колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ.

Мы всѣ обнимали и цѣловали Великаго Князя. Взявъ у него депешу, я побѣжалъ къ нему въ комнату и составилъ слѣдующую телеграмму Государю:

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ блистательною побѣдою. Сегодня, 28-го декабря, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ сдачи Плевны, взята въ плѣнъ генераломъ Радецкимъ, послѣ упорнаго боя, вся шипкинская армія. Всего сдались 41 баталіонъ, 10 батарей и одинъ полкъ кавалеріи, подъ начальствомъ Вессель-паши. Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ, а Скобелевъ — деревню Шипку».

Великій Князь, подписавъ эту телеграмму, приказалъ самому Чингисхану подать ее на телеграфъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ я составилъ циркулярную депешу о великомъ событіи, и Великій Князь, подписавъ ее, отправилъ. Въ это время прибѣжалъ Левицкій, задыхаясь и плача отъ радости. До $9^1/_2$ ч. вечера сидѣли у Великаго Князя: Непокойчицкій, Левицкій, Чингисханъ, Скалонъ

[1]) Подана на станціи Шипка въ 7 ч. 15 м. вечера.

и я. Все время бесѣдовали о великомъ значенiи сегодняшняго событiя. Вдругъ Великiй Князь всталъ и началъ отъ радости приплясывать по комнатѣ, а вслѣдъ за нимъ и мы, не исключая старика Непокойчицкаго.

Въ 9½ ч. вечера Великiй Князь насъ отпустилъ, сказавъ, что завтра переѣзжаемъ въ Сельви, 30-го перейдемъ въ Габрово, а

Генералъ-Лейтенантъ **М. Д. Скобелевъ.**

31-го—черезъ Балканы въ Казанлыкъ, чтобы встрѣтить новый годъ уже за Балканами.

Слава Радецкому, Скобелеву и Мирскому, но слава и Великому Князю, которому принадлежитъ эта идея и который настоялъ на ея исполненiи. Радецкiй нѣсколько разъ отнѣкивался, указывая на страшный рискъ этого отчаяннаго предпрiятiя въ самое неблагопрiятное время года, и во всякомъ случаѣ настаивалъ на необхо-

димости подождать подхода войскъ Гурко. Великій Князь упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ Радецкій, уже двинувъ войска въ обходъ, телеграфировалъ Великому Князю шифромъ, слагая съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Къ крайнему сожалѣнію, у меня не сохранилась копія съ этой телеграммы, но я помню ее почти дословно. Радецкій телеграфировалъ такъ: «Войска двинулись согласно диспозиціи. Считаю долгомъ совѣсти доложить, что исполняю только приказаніе вашего высочества».

Если бы обходъ Шипки не удался, то, конечно, всѣ, начиная съ Государя, тотчасъ же обвинили бы въ этомъ Великаго Князя. А исторія осудила бы его по документамъ, ибо въ представленіяхъ Радецкаго о необходимости подождать — недостатка не было.

Теперь, конечно, вся слава достанется на долю однихъ исполнителей, ибо уже съ самаго начала плевненскихъ неудачъ общественное мнѣніе (по импульсу сверху) сдѣлало Великаго Князя главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ неудачъ.

Когда-то еще наступитъ время, когда все тайное сдѣлается явнымъ и Великому Князю отдадутъ должное! Намъ до этого не дожить. Первыя впечатлѣнія, подъ которыми слагается общественное мнѣніе современниковъ — самыя живучія: ближайшія поколѣнія не въ состояніи будутъ отрѣшиться отъ предубѣжденій, сложившихся у отцовъ подъ непосредственнымъ давленіемъ крупныхъ историческихъ событій. Только тогда, когда событія эти отойдутъ «на историческую дистанцію», — имъ будетъ дана вполнѣ безпристрастная оцѣнка.

Эти мысли я не разъ высказывалъ Великому Князю въ тѣ минуты, когда онъ, удручаемый доходившими до него изъ Петербурга извѣстіями объ утратѣ къ нему довѣрія и о шипящей противъ него клеветѣ, впадалъ въ уныніе и жаловался на несправедливость судьбы. Я говорилъ ему, что съ этимъ неизбѣжнымъ удѣломъ всякаго крупнаго историческаго дѣятеля ему необходимо примириться, постараться спокойно нести свой крестъ и всегда помнить, что только претерпѣвшій до конца спасется.

Все это написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго событія, между 10 и 11 часами вечера 28-го декабря.

29 декабря.—Переѣхали (опять верхомъ) изъ Ловчи въ Сельви. Прехорошенькій городокъ, чистый, цвѣтущій, съ опрятными домами и мощеными улицами. Встрѣча Великаго Князя была еще восторженнѣе, чѣмъ въ Ловчѣ.

Весь день посвященъ окончанію и перепискѣ отчета Государю, ибо въ 7 ч. утра завтра отправляется курьеръ.

Ночью я составилъ, а сегодня утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ, Великій Князь подписалъ и отправилъ изъ Ловчи Государю слѣдующую телеграмму:

«Подробности славнаго боя 28-го декабря, окончившагося плѣненіемъ всей турецкой шипкинской арміи, мнѣ еще неизвѣстны, но могу сообщить теперь, какъ это событіе было подготовлено.

«Тотчасъ по взятіи Плевны, я послалъ на подкрѣпленіе Гурко 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и 9-й корпусъ, дабы онъ первый могъ открыть выходъ за Балканы съ увѣренностью въ успѣхѣ. Карцову и Радецкому приказалъ приготовиться; на подкрѣпленіе послѣдняго послалъ отдѣльный отрядъ Скобелева изъ 16-й дивизіи, трехъ баталіоновъ 3-й стрѣлковой бригады и 9-го донского казачьяго полка. Карцова подкрѣпилъ только 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ.

«Какъ только отрядъ Гурко перешагнулъ Балканы, я немедленно приказалъ Радецкому и Карцову проложить себѣ путь, а Деллингсгаузену отвлекать часть турецкихъ силъ демонстраціями на Ахмедли, Твардицу и Хаинкіой. Въ распоряженіе Радецкаго далъ еще 30-ю пѣх. дивизію и три кавалерійскихъ полка: 1-й драгунскій, 1-й уланскій и 1-й казачій. Рѣшено было начать движеніе: Карцову 21-го черезъ Траянъ; Радецкому — по направленію къ д. Шипкѣ, 24-го декабря. Такъ и было исполнено.

«Подробности перехода Карцова уже извѣстны: онъ спустился съ горъ съ пятью баталіонами своей[1]) дивизіи, 10-мъ стрѣлк. баталіономъ, десятью сотнями 24-го и 30-го донскихъ казачьихъ полковъ и тремя батареями. Остальныя части его дивизіи подходятъ къ нему отъ Златицы, куда спустились изъ Этрополя.

[1]) 3-й пѣхотной.

«Двѣ обходныя колонны были направлены къ деревнѣ Шипкѣ: правая, генерала Скобелева 2-го, изъ 16-й пѣх. дивизіи, 9, 11 и 12 стрѣлковыхъ баталіоновъ, болгарскаго ополченія, двухъ ротъ 4-го сапернаго баталіона и 9-го донского казачьяго полка, черезъ Зелено-Древо, Караджи и Иметли; лѣвая, князя Святополкъ-Мирскаго, изъ 9-й и 30-й пѣхотныхъ дивизій, 4-й стрѣлковой бригады и частей 21-го и 23-го донскихъ казачьихъ полковъ — черезъ Крестецъ, Сельцо, Гузово и Янину. Самъ Радецкій остался на Николаѣ, три полка 1-й кавалерійской дивизіи притянулъ 26-го декабря къ Габрову. Войска взяли съ собою восьмидневный запасъ сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя: половина — на людяхъ, половина — на вьюкахъ. Мяса такую же порцію въ живомъ скотѣ. Патроновъ по 96 на людяхъ и по 76 — на вьюкахъ. Аптеки и перевязочные припасы также на вьюкахъ.

«25-го, при сильномъ морозѣ, князь Мирскій дошелъ до Сельца, Скобелевъ — до Караджи. Артиллерія подвезена на солдатахъ. Затрудненія преодолѣны, несмотря на страшные снѣжные заносы, мѣстами выше полуторы сажени. Войска шли бодро, молодцами. 26-го князь Мирскій прошелъ отъ Сельца къ Гузову, а Скобелевъ занялъ Иметли. 27-го оба двинулись къ деревнѣ Шипкѣ и подошли къ ней съ боемъ, на разстояніи трехъ верстъ каждый. Къ величайшему сожалѣнію, при предварительной рекогносцировкѣ у Иметли ранены: адъютантъ мой, полковникъ Ласковскій, въ руку и одинъ изъ блистательнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подполковникъ Куропаткинъ, тяжело въ ключицу. 28-го, около шести часовъ утра, Скобелевъ и князь Мирскій завязали бой при сильномъ туманѣ, вѣтрѣ и снѣгѣ. Около 11 часовъ утра генералъ Радецкій самъ двинулся съ Николая въ атаку съ 14-ю дивизіею. Около шести часовъ вечера онъ прислалъ мнѣ телеграмму о взятіи всей шипкинской арміи въ плѣнъ.

«Теперь для насъ нѣтъ болѣе Балканъ: въ суровую зиму славныя войска Вашего Императорскаго Величества преодолѣли эту грозную преграду и сломили отчаянное сопротивленіе врага на всемъ пространствѣ отъ Софіи до Хаинкіоя и Твардицы. Начатый разгромомъ софійской арміи, переходъ нашъ черезъ Балканы за-

вершился плѣненіемъ арміи шипкинской. Возблагодаримъ Бога, даровавшаго намъ столь полную побѣду.

«Вездѣ войска наши идутъ впередъ».

По прибытіи въ Сельви, на основаніи полученныхъ тамъ телеграфныхъ донесеній, была составлена и отправлена Государю слѣдующая телеграмма:

«Головные отряды войскъ Карцова заняли 28-го декабря Сопотъ и Карлово.

«Генералъ Радецкій сообщаетъ, что число плѣнныхъ и трофеи еще не приведены въ извѣстность. По показанію Вессель-паши, численность плѣнной арміи около 22.000, въ томъ числѣ одинъ дивизіонный генералъ, два бригадныхъ генерала, 80 штабъ-офицеровъ, 280 оберъ-офицеровъ. Знаменъ насчитано только 5, значковъ множество. Въ числѣ взятыхъ орудій — 11 дальнобойныхъ мортиръ.

«Бой продолжался два дня: 27-го и 28-го декабря. Весь день 27-го декабря вынесла па своихъ плечахъ колонна князя Мирскаго, который былъ вынужденъ завязать бой у деревни Шипки раньше, чѣмъ подошла колонна Скобелева. Колонна князя Мирскаго понесла значительныя потери, но взяла съ боя 2 орудія и около 100 плѣнныхъ. Въ числѣ раненыхъ: командиръ 1-й бригады 9-й пѣх. дивизіи генералъ Домбровскій, командиръ Елецкаго полка полковникъ Громанъ и командующій Орловскимъ полкомъ подполковникъ Хоменко. Князь Мирскій ночевалъ на полѣ сраженія. Вечеромъ подошла къ Шипкѣ, съ запада, колонна генерала Скобелева, шедшая также съ боемъ отъ самой Иметли; при ней три полка 1-й кавалер. дивизіи, направленные генераломъ Радецкимъ на присоединеніе къ Скобелеву, тотчасъ по прибытіи ихъ къ Габрову. 28-го декабря поднялась снѣжная вьюга; отъ густого тумана вовсе не было видно, что дѣлается въ долинѣ. Тѣмъ не менѣе, получивъ донесеніе, что обѣ обходныя колонны съ утра вступили въ бой у деревни Шипки, генералъ Радецкій рѣшился двинуть въ атаку съ фронта 2-ю бригаду 14-й дивизіи и одинъ баталіонъ Брянскаго полка. Благодаря туману, нашимъ удалось овладѣть первою линіей ложементовъ. Турки, замѣтивъ это, открыли сильную бомбардировку, особенно изъ мортиръ.

Завязался горячій бой. Къ тремъ часамъ дня турецкій огонь сталъ стихать, а къ четыремъ — совершенно умолкъ. Около 4½ час. къ генералу Радецкому прибылъ сперва ординарецъ генерала Скобелева, а затѣмъ генералъ Столѣтовъ, съ донесеніемъ, что турецкая армія сдается. Потери наши за два дня упорнаго боя еще неизвѣстны, но должны быть значительны. Смѣло можно сказать, что достославная пятимѣсячная оборона Шипкинскаго перевала не могла закончиться болѣе блестящимъ образомъ».

Въ теченіе дня 29-го декабря, въ Сельви получены слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Государя, отъ 12 час. 20 мин. дня 28-го декабря:

«Телеграммы твои съ подробностями о славныхъ дѣлахъ разныхъ отрядовъ Гурко дошли до меня только вчера (т.-е. 27-го декабря). Ожидаю теперь съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отрядовъ Мирскаго и Скобелева. Мнѣ гораздо лучше, но изъ предосторожности я еще не выѣзжаю. Повтори имена начальниковъ, которыхъ представляешь къ Георгію 4-й степени».

2) Отъ Государя, отъ 2 час. 30 мин. дня 28-го декабря (получена 29-го дек. въ 7 час. 25 мин. вечера) *шифрованная:*

«Гурко будетъ произведенъ перваго января [1]) и останется въ твоемъ распоряженіи и временно при настоящемъ командованіи западнымъ отрядомъ. Желаю, чтобы ты отпустилъ Сашу и Владиміра на двѣ недѣли. Тотлебенъ и Ванновскій должны ихъ замѣстить, а въ должность послѣдняго вступить Имеретинскому. Напиши мнѣ, что имѣешь лично противъ Обручева. Генерала Рауха считаю вполнѣ достойнымъ Георгія 3-й степени. О дѣйствіяхъ Шувалова судить еще не могу».

3) Отъ Государя *шифрованная* отъ сего 29-го дек. 1 час. 10 мин. дня; получена вечеромъ послѣ 8 час.:

«Отвѣтъ, данный тобою на предложеніе Порты о перемиріи, вполнѣ одобряю. Инструкціи на этотъ случай отправлены съ фельдъегеремъ двадцать перваго декабря. Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ имъ нашихъ условій, по возможности

[1]) Въ генералы отъ кавалеріи.

протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ».

4) Отъ Государя, отъ сего 29-го дек. 10 час. 40 мин. утра (получ. въ 8 час. 40 мин. вечера):

«Благодарю Бога отъ глубины души за вновь дарованную намъ столь славную побѣду. Спасибо тебѣ и всѣмъ главнымъ начальникамъ, участвовавшимъ въ плѣненіи шипкинской арміи, равно всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, коимъ пошли по пяти крестовъ на роту, батарею и эскадронъ. Генерала Радецкаго произвожу въ полные генералы и назначаю Георгія 2-й степени, а о прочихъ буду ожидать твоего представленія. Сегодня же отслужимъ молебенъ. Я совсѣмъ поправился».

5) Отъ Наслѣдника Цесаревича, изъ Брестовца, отъ 7 час. 5 мин. сегодняшняго вечера (получ. въ 8 час. 40 мин. веч.):

«Правда ли, что заключено перемиріе между нашимъ правительствомъ и турецкимъ? Къ намъ явились два парламентера съ письменными заявленіями. Одинъ офицеръ генеральнаго штаба съ письмомъ къ тебѣ явился парламентеромъ изъ Рущука и на словахъ подтверждаетъ то же самое».

6) Отъ него же, отъ 8 час. 10 мин. сего вечера (получ. въ 8 час. 40 мин. веч.):

«Сего числа около 2 часовъ дня явился турецкій парламентеръ съ запискою на французскомъ языкѣ на имя начальника отряда въ Церковнѣ съ извѣщеніемъ о заключеніи перемирія. По неимѣнію никакихъ инструкцій, я приказалъ парламентеру отказать. Въ 6 час. вечера получено донесеніе отъ генерала Косича о прибытіи въ 12-й корпусъ турецкаго офицера-парламентера, имѣющаго открытое письмо на турецкомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Главнокомандующему дунайскою арміей.

«Такъ какъ между двумя воюющими державами заключено перемиріе, то, по приказанію сераскиріата, я посылаю офицера генеральнаго штаба, Фуадъ-бея, къ вашему высочеству, чтобы вы удостоили устнымъ или письменнымъ отвѣтомъ объ инструкціяхъ, которыя вы получили по этому предмету. Подлинное подписалъ комендантъ Рущука Ахмедъ».

«Испрашиваю ваше высочество, благоугодно ли будетъ принять

парламентера, или прикажете переслать только письмо.—Генералъ-адъютантъ Александръ».

Такъ какъ я былъ весь вечеръ и часть ночи занятъ окончаніемъ отчета Государю, то и не знаю, что именно отвѣтилъ Цесаревичу Великій Князь, но почти увѣренъ, что велѣлъ парламентера отправить восвояси.

Генералъ-Адъютантъ І. В. Гурко.

7) Отъ Гурко уже ночью получена телеграмма, написанная имъ въ Софіи 29-го декабря въ 12 час. дня, а поданная на телеграфной станціи Орханія въ 9 час. 10 мин. вечера:

«Въ Ихтиманъ изъ Самакова въ колонну Вельяминова пріѣзжали парламентеры съ извѣстіями, будто бы заключено перемиріе. Я не вѣрю этимъ парламентерамъ и приказалъ продолжать военныя дѣйствія. Нахожу, что въ настоящемъ нашемъ положеніи

перемиріе не можетъ быть заключено безъ непремѣннаго условія уступки Филиппополя и Эски-Загры. Мы теперь все еще отдѣлены отъ турокъ горами; необходимо, чтобы раньше заключенія перемирія мы вступили въ такое положеніе, чтобы между обѣими воюющими сторонами не было никакихъ трудныхъ препятствій. Сейчасъ выѣзжаю въ Ихтиманъ. Здѣсь оставляю вторую бригаду первой гвардейской пѣхотной дивизіи и два полка 4-й кавалер. дивизіи, которые, впрочемъ, еще не прибыли. — Генералъ-адъютантъ Гурко».

30 декабря.—Проработавъ большую часть ночи, я сегодня къ 7 час. утра представилъ Великому Князю къ подписи отчетъ Государю за время съ 19-го по 27-е декабря. Въ 7$^{1}/_{2}$ час. утра курьеръ съ этимъ отчетомъ уже былъ отправленъ.

Вотъ дословное содержаніе отчета:

«Его Императорскому Величеству

«Главнокомандующаго дѣйствующею арміей

«Рапортъ.

«Въ продолженіе истекшей недѣли съ 19 по 27 декабря приводились въ исполненіе всѣ предначертанія мои, о которыхъ я уже доносилъ Вашему Величеству.

«Самымъ крупнымъ событіемъ этой недѣли былъ окончательный переходъ черезъ Балканы войскъ западнаго отряда и послѣдовавшее затѣмъ занятіе Софіи.

«При той обстановкѣ, въ которой совершенъ былъ этотъ переходъ, я смѣло могу сказать, что онъ навсегда останется въ памяти потомства, какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Честь и слава несравненнымъ войскамъ Вашего Величества, совершившимъ его, а главное—честь и слава генералъ-адъютанту Гурко, доблестному ихъ предводителю. Его желѣзной энергіи и настойчивости, его разумной распорядительности и осторожности, я приписываю блестящій успѣхъ этого труднаго дѣла, казавшагося почти невозможнымъ.

«Все, что мнѣ извѣстно объ этомъ славномъ походѣ, я уже сообщилъ Вашему Величеству подробными телеграммами. Чтобы не повторять ихъ содержанія, перейду прямо къ отчету о тѣхъ распо-

ряженіяхъ, которыя были мною сдѣланы какъ въ связи съ этимъ событіемъ, такъ и вызваны имъ.

«Съ выходомъ въ Софійскую долину, генералъ-адъютантъ Гурко сталъ ощущать относительный недостатокъ въ кавалеріи. Принимая во вниманіе, что ему дѣйствительно приходится теперь и преслѣдовать отступающаго въ разныя стороны непріятеля, и освѣщать нѣсколько дорогъ, расходящихся радіусами изъ Софіи, я направилъ къ нему 9-ю кавалерійскую дивизію безъ казачьяго полка (находящагося въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го). 9-й гусарскій Кіевскій и 9-й драгунскій Казанскій полки, находившіеся при 30-й пѣхотной дивизіи въ Тырновѣ, двинулись оттуда черезъ Ловчу, Микре и Турскій-Изворъ къ Орханіи, куда должны прибыть 1-го января, а 9-й уланскій Бугскій полкъ прибудетъ туда же 28-го декабря. Изъ Орханіи эти три полка получатъ дальнѣйшее направленіе уже по усмотрѣнію генералъ-адъютанта Гурко.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ западнаго отряда должны, однако, отдѣлиться и примкнуть къ своей дивизіи: 1½ баталіона 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка (1-й баталіонъ безъ стрѣлковой роты; 6-я, 8-я и 2-я стрѣлковыя роты), 11-й пѣхотный Псковской и 12-й пѣхотный Великолуцкій полки, 2-я, 4-я и 6-я батареи 3-й артилл. бригады. Части эти находились подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко временно и останутся теперь въ Орханіи. Это присоединеніе я имѣлъ въ виду еще до перехода Балканъ и затѣмъ подтвердилъ о томъ генералъ-адъютанту Гурко, который и сдѣлалъ 24-го декабря распоряженіе, чтобы вышеупомянутыя части войскъ выступили изъ Златицы немедленно на Рахманли и Теке, подъ начальствомъ полковника графа Комаровскаго. (Генералу Дандевилю я поручилъ временное командованіе 3-ю гвард. пѣх. дивизіей, такъ какъ въ ней выбыло изъ строя 4 генерала [1]). Когда именно выступилъ изъ Златицы этотъ отрядъ — я еще не имѣю свѣдѣній.

«За отдѣленіемъ этихъ войскъ, западный отрядъ будетъ состоять изъ гвардейскаго и 9-го корпусовъ въ полномъ составѣ (безъ

[1]) Убиты: начальникъ дивизіи Каталей и бригадный командиръ Философовъ; раненъ командиръ л.-гв. Волынскаго полка Мирковичъ.

9-го донского казачьяго полка), 4-го Екатеринославскаго и 8-го Астраханскаго драгунскихъ полковъ, кавказской казачьей бригады и семи сотенъ сводной казачьей бригады (донскихъ полковъ №№ 21 и 26). Кромѣ того, я подчинилъ генералъ-адъютанту Гурко и отдѣльный кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Арнольди (4-й уланскій Харьковскій и 4-й гусарскій Маріупольскій полки съ 8-ю конною батареею), который я приказалъ притянуть къ Софіи, такъ какъ присутствіе его по сію сторону Балканъ становится теперь уже ненужнымъ. Маріупольскіе гусары подойдутъ отъ Пирота, а генералъ-маіоръ Арнольди съ харьковскими уланами и батареею—отъ Берковца.

«Съ этими силами генералъ-адъютантъ Гурко долженъ двинуться на Филиппополь, предоставивъ обезпеченіе своего тыла сербскимъ войскамъ, которыя должны нынѣ уже подойти къ Софіи.

«Войскамъ этимъ я поставилъ задачею: занявъ Софію, направить отрядъ за турками, отступившими отъ Софіи, и постараться дойти до Ускюба, съ цѣлью захватить митровицкую желѣзную дорогу. Какую часть нашихъ войскъ оставить въ Софіи (такъ какъ я нахожу неудобнымъ совершенно вывести изъ нея всѣ наши войска)—я предоставилъ рѣшить генералъ-адъютанту Гурко, указавъ ему, впрочемъ, что, сколько мнѣ кажется, достаточно оставить тамъ полкъ пѣхоты съ батареею и полкомъ кавалеріи. Впрочемъ, самъ генералъ-адъютантъ Гурко, еще до полученія моего приказанія, вошелъ въ связь съ сербами тотчасъ по занятіи Софіи и предложилъ имъ сдѣлать именно то, что я въ то же время приказалъ.

«Какъ уже упомянуто выше, общая цѣль дѣйствій западнаго отряда—наступленіе на Филиппополь. Это задача далеко не легкая. Во-первыхъ, предстоитъ сдѣлать трудный переходъ черезъ горныії хребетъ, отдѣляющій Софійскую долину отъ долины р. Марицы; во-вторыхъ, надо открыть выходы въ эту долину съ бою, такъ какъ они сильно укрѣплены и заняты турками. Если же съ помощью Божіей это удастся, то надо овладѣть еще ключомъ къ Филиппополю, Татаръ-Базарджикомъ, который также укрѣпленъ и къ которому турки уже давно и поспѣшно подвозятъ подкрѣпленія.

«Силы непріятеля, съ которыми имѣлъ дѣло генералъ-адъютантъ Гурко, слѣдующія:

«У Ташкисена, Арабъ-Конака и Шандорника было около 50 таборовъ подъ начальствомъ Шакира-паши.

«Въ Софіи—25 таборовъ.

«Изъ Софіи турки отступили сперва по кюстендильской дорогѣ, а потомъ свернули на Дубницу; слѣдовательно, полагать надо, имѣютъ въ виду идти на Самаково.

«Прочія турецкія войска отступили отъ Ташкисена, Арабъ-Конака и Шандорника по двумъ дорогамъ: черезъ Мечку на Отлукіой и по долинѣ Топольницы на Пойбренъ. Подкрѣпленія же, направленныя къ нимъ изъ Адріанополя на Филиппополь, по свѣдѣніямъ отъ греческаго консула въ этомъ городѣ, еще 16-го декабря выступили изъ Татаръ-Базарджика по ихтиманской дорогѣ къ Капучику (впереди Траяновыхъ-воротъ). Числительная сила этихъ подкрѣпленій, по тому же источнику, доходитъ до 24.000 чел. О томъ, что Капучикъ занятъ и что туда подходятъ подкрѣпленія, доносилъ и генералъ-адъютантъ Гурко. Очевидно изъ этого, что турки намѣрены заградить намъ выходъ въ долину Марицы.

«Правда, что, по свѣдѣніямъ генералъ-адъютанта Гурко, армія Шакира-паши отступила сильно деморализованная и ослабленная потерею большого числа убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и бѣглыхъ. Численность таборовъ теперь отъ 250 до 300 чел., не болѣе.

«Генералъ-адъютантъ Гурко надѣется, и я раздѣляю эту надежду, что такое состояніе турецкой арміи облегчитъ ему его задачу.

«Для наступленія на Базарджикъ генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ воспользоваться четырьмя дорогами: 1) черезъ Мечку на Отлукіой; 2) на Пойбренъ, по ущелью р. Топольницы; 3) отъ Софіи черезъ Ихтиманъ и Траяновы-ворота и 4) отъ Софіи черезъ Самаково. Къ Самакову онъ уже послалъ отрядъ, чтобы отрѣзать непріятельскимъ войскамъ, отступившимъ отъ Софіи, путь на Татаръ-Базарджикъ. Постоянными обходами турецкихъ позицій онъ надѣется заставить непріятеля отступить въ долину Марицы.

«Это общее наступленіе генералъ-адъютантъ Гурко полагалъ начать 26-го декабря, такъ что, въ случаѣ успѣха, западный отрядъ можетъ выйти въ долину Марицы не ранѣе 2-го или 3-го января.

«Начать наступленіе ранѣе 26-го декабря не было никакой возможности. Только къ вечеру 18-го всѣ обходныя колонны западнаго отряда перевалили черезъ Балканы; 19-го былъ бой у Ташкисена, 20-го — при Горномъ-Бугаровѣ и въ то же время — спускъ съ горъ колоннъ генералъ-адъютанта графа Шувалова и свиты Вашего Величества генералъ-маіора принца Ольденбургскаго; 21-го — спускъ съ горъ запоздавшаго по случаю метели отряда генералъ-маіора Дандевиля; преслѣдованіе турокъ къ сторонѣ Петричева и въ то же время — наступленіе на Софію; 22-го — дѣло на р. Искеръ и овладѣніе мостомъ у Враждебны; 23-го — занятіе Софіи. Когда войска спустились съ горъ, у нихъ оставалось сухарей всего на 1 день. Поэтому необходимо было дать время подойти транспортамъ и обезпечить продовольствіе войскъ. А подъемъ обозовъ на перевалъ и спускъ ихъ въ долину Софіи — чрезвычайно тяжелъ въ настоящее время года, особенно по причинѣ гололедицы.

«Помимо собственныхъ продовольственныхъ средствъ, генералъ-адъютантъ Гурко энергически организуетъ продовольствіе войскъ и мѣстными средствами, заявляя, что край богатъ и неразоренъ. Опытность, уже пріобрѣтенная имъ по этой части въ первомъ забалканскомъ походѣ, служитъ мнѣ порукою въ томъ, что онъ сумѣетъ устроить продовольствіе войскъ на счетъ края и на этотъ разъ.

«Въ настоящее время генералъ-адъютантъ Гурко вѣроятно началъ уже свое движеніе. Теперь, когда мы, благодаря генералъ-лейтенанту Карцову, владѣемъ траянскимъ проходомъ и уже занимаемъ Карлово, я могу значительно облегчить наступленіе западнаго отряда, двинувъ отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова по прямой дорогѣ отъ Карлова на Филиппополь, въ тылъ туркамъ. Движеніе это теперь вполнѣ возможно и обезпечено, такъ какъ съ 28-го декабря шипкинской турецкой арміи уже не существуетъ.

«Бывшій сельви-ловчинскій, нынѣ траянскій отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова въ настоящее время уже весь спустился съ перевала въ долину р. Гіопса. Остальныя части 3-й пѣхотной дивизіи, находившіяся въ составѣ западнаго отряда, должны подойти на соединеніе отъ Златицы и Тетевеня.

«Траянскій отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова перешелъ Бал-

каны въ слѣдующемъ составѣ: 9-й пѣхотный Староингерманландскій полкъ; 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка: 3-й баталіонъ, 1-я стрѣлковая, 5-я и 7-я роты, итого восемь ротъ; 10-й стрѣлковый баталіонъ [1]); одна рота 6-го сапернаго баталіона; донского № 24 полка 4½ сотни [2]); донской № 30 полкъ въ полномъ составѣ и 6 орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады. Всего: 6 баталіоновъ, 10½ сотенъ и 6 орудій.

«Кромѣ войскъ, генералъ-лейтенантъ Карцовъ взялъ съ собой нѣсколько сформированныхъ имъ, изъ охотниковъ, болгарскихъ четъ, всего до 1.000 чел. Четы эти вооружены ружьями Шасспо, которыя, по просьбѣ генералъ-лейтенанта Карцова, были отданы въ его распоряженіе, послѣ перевооруженія дружинъ болгарскаго ополченія ружьями Крынка.

«Отрядъ двинулся тремя эшелонами.

«Головной эшелонъ отряда выступилъ еще 21-го и, послѣ крайне труднаго подъема, прибылъ на Траянскій перевалъ 22-го декабря тремя колоннами:

«Правая, двѣ роты 10-го пѣхотнаго полка (5-я и 7-я), 3½ сотни казаковъ (двѣ сотни 30-го и 1½ сотни 24-го донскихъ полковъ) и 1 болгарская чета, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова — отъ д. Шипкова.

«Средняя, изъ 10-го стрѣлковаго баталіона, двухъ ротъ 9-го пѣхотнаго полка (3-й и 4-й), одной роты саперъ, двухъ орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады, двухъ сотенъ донского № 30 полка и одной болгарской четы, подъ начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго баталіона полковника Бородина — отъ Княжевацкихъ-Колибъ.

«Лѣвая, изъ одной сотни донскаго № 30 полка и всѣхъ остальныхъ болгарскихъ четъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба

[1]) Въ виду малочисленности отряда генералъ-лейтенанта Карцова, я приказалъ временно отдѣлить въ его распоряженіе этотъ баталіонъ отъ 3-й стрѣлковой бригады, остальные баталіоны которой вошли въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Радецкаго.

[2]) Остальныя 1½ сотни этого полка случайно попали въ отрядъ генералъ-адъютанта Гурко и должны присоединиться къ своему полку одновременно съ частями 3-й пѣхотной дивизіи, въ отрядѣ этомъ теперь находящимися.

подполковника Сосновскаго — отъ монастыря Успенія. Эта колонна соединилась на перевалѣ съ среднею.

«Въ тотъ же день, 23 декабря, въ сумерки, были посланы на рекогносцировку къ подошвѣ перевала двѣ роты стрѣлковъ и одна рота 9-го пѣхотнаго полка. Роты эти, пройдя первое турецкое укрѣпленіе, оказавшееся брошеннымъ, наткнулись въ туманѣ на другое, болѣе сильное, съ двухъ-ярусною обороною, и, потерявъ 1 офицера и 10 нижнихъ чиновъ тяжело ранеными, вернулись на перевалъ. Поэтому, а равно для отдыха людямъ, генералъ-лейтенантъ Карцовъ не велѣлъ начинать атаку, пока не подойдетъ второй эшелонъ. Эшелонъ этотъ, состоявшій изъ 1½ баталіона 9-го пѣхотнаго полка (3-й баталіонъ, 1-я, 2-я и 1-я стрѣлковая роты) и трехъ сотенъ, подъ начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго полка полковника графа Татищева, долженъ былъ прибыть на перевалъ 24-го декабря. Третій эшелонъ, изъ остальныхъ войскъ отряда, при которомъ слѣдовалъ и самъ генералъ-лейтенантъ Карцовъ — днемъ позже, 25-го декабря.

«Съ прибытіемъ на перевалъ второго эшелона, общее начальство надъ обоими эшелонами принялъ полковникъ графъ Татищевъ и въ ночь на 25-е декабря атаковалъ укрѣпленія, запирающія выходъ изъ Балканъ.

«Атака оказалась невозможною. Весь спускъ въ Теке былъ сильно укрѣпленъ; оборона двухъ-ярусная какъ ружейная, такъ и артиллерійская. На выстрѣлы нашихъ двухъ орудій, втащенныхъ на перевалъ послѣ неимовѣрныхъ трехъ-дневныхъ усилій, непріятель отвѣчалъ также орудійными выстрѣлами.

«Убѣдившись, что фронтальная атака будетъ стоить громадныхъ потерь, а обходъ почти невозможенъ (колонна подполковника Сухомлинова, направленная на Рахманли, чуть не погибла въ снѣгахъ и, выбившись изъ силъ, 24-го декабря вернулась на перевалъ); оставаться же всему отряду на перевалѣ значило бы его погубить, ибо бивакировать въ снѣгу при 22-хъ градусномъ морозѣ немыслимо, — ген.-л. Карцовъ отказался отъ наступленія и рѣшился выждать результатовъ дѣйствій на Шипкѣ. На Траянскомъ перевалѣ оставилъ только авангардъ изъ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ при 2-хъ орудіяхъ, а всѣ остальныя войска спустилъ внизъ

и размѣстилъ по хуторамъ (колибамъ) у сѣверной подошвы перевала.

«Рекогносцировка Траяна стоила намъ 8-ми нижнихъ чиновъ убитыми, 2-хъ офицеровъ и 18-ти нижнихъ чиновъ ранеными; кромѣ того, обморозилось два офицера и 60 нижнихъ чиновъ. Во всякомъ случаѣ она принесла нѣкоторую долю пользы, ибо турки двинули къ Теке и Корнаре подкрѣпленія отъ Калофера, — слѣдовательно, оттянули ихъ отъ Шипки. Имѣя въ виду всю важность освобожденія Шипкинскаго перевала, я приказалъ ген.-л. Карцову продолжать энергически демонстрировать съ Траяна, дабы удержать турецкія войска противъ себя и тѣмъ облегчить дѣйствія генерала Радецкаго.

«Въ такомъ положеніи было дѣло къ утру 25 декабря.

«25 декабря ген.-л. Карцовъ нашелъ возможность все-таки обойти турецкія укрѣпленія и немедленно исполнилъ это. Въ ночь съ 25-го на 26-е декабря обходная колонна была двинута въ тылъ туркамъ къ Корнаре; къ утру 26-го были заняты тамъ непріятельскіе ложементы и послѣ непродолжительнаго боя, подробности котораго мнѣ неизвѣстны, турки бросили всѣ свои укрѣпленія и бѣжали. 26-го декабря къ 2 часамъ дня ген.-л. Карцовъ спустилъ съ горъ весь свой отрядъ и занялъ Теке. Отрядъ стоитъ теперь у Теке и Корнаре, занявъ 28-го декабря кавалерійскими отрядами Карлово и Сопотъ. Остальныя части 3-й пѣхотной дивизіи, находившіяся въ составѣ западнаго отряда, идутъ къ ней на присоединеніе отъ Златицы и Тетевеня. Чтобы усилить кавалерію траянскаго отряда, я остановилъ 28-го декабря въ Ловчѣ 9-й драгунскій Казанскій полкъ, слѣдовавшій на Орханію, и приказалъ ему свернуть на Траянъ и поступить въ распоряженіе ген.-л. Карцова. Поставивъ ген.-л. Карцову цѣлью движеніе отъ Карлова къ Филиппополю, я предоставилъ ему самому рѣшить, въ зависимости отъ обстановки, когда онъ можетъ начать это движеніе.

«28 декабря, послѣ двухъ-дневнаго упорнаго боя, взята въ плѣнъ вся шипкинская армія. О томъ, какъ было подготовлено это событіе, а равно все, что мнѣ извѣстно о томъ, какъ оно совершилось, я уже имѣлъ счастіе донести Вашему Величесту по телеграфу. Подробную реляцію не замедлю представить тотчасъ по по-

лученіи. Генералу Радецкому я приказалъ возможно скорѣе занять Эски-Загру.

«Сегодня я съ частью моей главной квартиры перехожу въ Габрово. Гренадерскій корпусъ идетъ къ Шипкѣ 4-мя эшелонами, по-бригадно; головной эшелонъ сегодня выступаетъ изъ Сельви въ Габрово.

«Въ заключеніе доношу Вашему Величеству, вслѣдствіе телеграммы отъ 25-го декабря, что я немедленно называю въ телеграммахъ моихъ части войскъ, участвовавшія въ дѣлахъ, а равно и составъ колоннъ, и имена начальниковъ, какъ скоро узнаю объ этомъ самъ. Могутъ быть, конечно, случаи, когда это неудобно объявлять во всеобщее свѣдѣніе, но въ подобныхъ случаяхъ я буду доносить Вашему Величеству объ этомъ шифрованными телеграммами.—Николай».

Сельви, 30 декабря 1877 г.—Передъ отъѣздомъ изъ Сельви Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

«Во всѣ наши отряды явились парламентеры съ извѣщеніемъ, что будто перемиріе заключено, и просятъ заявленія условій. Отъ Реуфа-паши изъ Константинополя получилъ вторично телеграмму съ просьбою скораго извѣстія. О рѣшеніи по этому убѣдительно прошу сообщить мнѣ возможно скорѣе отвѣтъ на шифрованную мою телеграмму изъ Ловчи, чтобы вывести меня изъ затруднительнаго положенія».

Въ 8 час. утра мы выѣхали изъ Сельви верхомъ и около 1 часа дня прибыли въ Габрово. Восторгъ населенія, поголовно высыпавшаго на встрѣчу Великому Князю, былъ неописанный. Нѣчто подобное было при въѣздѣ въ Тырновъ 30-го іюня, но тогда это было упоеніе почти безкровною легкою побѣдою, а теперь—совсѣмъ другое. На всѣхъ лицахъ было ясное, восторженное сознаніе величія одержанныхъ блистательныхъ побѣдъ.

Габрово со своимъ округомъ—палладіумъ болгарскаго народнаго самосознанія. Здѣсь никогда не умирала мысль объ освобожденіи отъ турецкаго ига. Здѣсь же сосредоточивался цвѣтъ болгарской интеллигенціи. Населеніе Габрова сроднилось съ нашими войсками, переживъ сообща съ ними всѣ горести и радости шипкинской эпопеи.

Шагъ за шагомъ двигалось наше тріумфальное шествіе по габровскимъ улицамъ черезъ увитыя хвойною зеленью арки, подъ звуки «Боже, Царя храни» и при непрерывающихся оглушительныхъ крикахъ «ура». У подъѣзда дома, отведеннаго для Великаго Князя, его встрѣтили привѣтственными рѣчами: сперва болгарская дама, затѣмъ мужчина. Непокойчицкому, Левицкому и мнѣ отведенъ домъ рядомъ, на берегу Янтры, около моста.

Габрово сильно напоминаетъ швейцарскія горныя села южнѣе Интерлакена, не только характеромъ мѣстности, но и архитектурою домовъ, внѣшнимъ видомъ улицъ и даже костюмами жителей.

Почти тотчасъ же по прибытіи, Великій Князь (и мы всѣ съ нимъ) посѣтилъ нашихъ раненыхъ, лежавшихъ въ женскомъ монастырѣ и въ зданіи гимназіи. Въ монастырѣ лежали исключительно раненые офицеры и въ числѣ ихъ тяжело-раненый Куропаткинъ и легко-раненый Ласковскій. Это — длинное одноэтажное зданіе съ большимъ внутреннимъ квадратнымъ дворомъ, обнесенное снаружи высокою каменною оградою. Монахини привѣтствовали прибытіе Великаго Князя оглушительнымъ, рѣзкимъ звономъ мѣдныхъ тарелокъ: не думаю, чтобы эта манера выражать свой восторгъ была пріятна раненымъ.

Въ огромномъ двухъ-этажномъ зданіи гимназіи лежали также офицеры, но преимущественно нижніе чины.

Всѣ, даже очень тяжко раненые, имѣли не только веселый, но воодушевленный видъ. Ни стона, ни жалобы. Великій Князь почти со всѣми ласково поговорилъ, приказавъ мнѣ записать фамиліи нѣкоторыхъ, для присылки именныхъ георгіевскихъ крестовъ.

Пользуясь тѣмъ, что нѣтъ немедленной срочной работы, я съ Фрезе прогулялся по городу, любуясь праздничнымъ оживленіемъ жителей и разсматривая толпы плѣнныхъ турокъ, которыхъ наши солдатики гнали черезъ городъ, добродушно разговаривая и шутя съ ними на ломаномъ русскомъ языкѣ, воображая, что такъ имъ понятнѣе. Видѣли три простенькихъ ресторана: «Москва», «Шипка» и «Петербургъ» и зашли въ послѣдній, биткомъ набитый нашими и плѣнными турецкими офицерами. Между ними шелъ оживленный, совершенно дружелюбный разговоръ. Наши угощали турокъ и привели ихъ въ совершенное умиленіе. Одинъ изъ нихъ при насъ ска-

залъ: «Да еслибъ мы раньше знали, что русскіе такіе милые люди, такъ давно бы сдались!» Другой тотчасъ перевелъ это на французскій языкъ, и наше офицерство было въ восторгѣ.

Сегодня опять со всѣхъ сторонъ получены телеграммы о турецкихъ парламентерахъ, просящихъ перемирія. Они являлись къ Наслѣднику, Деллингсгаузену и Гурко. Наслѣдникъ и Деллингсгаузенъ ихъ не приняли, а Гурко задержалъ.

Вечеромъ получены слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Государя отъ 29-го декабря 1 ч. 40 мин. дня (шифрованная).

«Отвѣтъ, данный тобою на предложеніе Порты о перемиріи, вполнѣ одобряю. Инструкціи на этотъ случай отправлены съ фельдъегеремъ 21-го декабря. Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ нашихъ условій, а по возможности протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ».

2) Отъ Государя, отъ 2 час. 40 мин. нынѣшняго дня.

«Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Карандѣева [1]) и подробностей послѣдняго боя подъ Шипкою. Съ сегодняшнимъ курьеромъ послалъ тебѣ георгіевскій темлякъ, который, полагаю, тебѣ пріятно будетъ надѣть на твою саблю. Я поправляюсь, но еще слабъ. Каково тебѣ, здоровъ ли?»

3) Отъ князя Карла изъ Бухареста, 11 ч. 40 м. сегодняшняго утра:

«Après une lutte de trois heures, mes troupes ont occupé Nazir-Mahala, qui était défendu comme un point de haute importance avec beaucoup d'acharnement par les turcs, qui se sont retirés sur Widdin. J'ai donné ordre de pousser les opérations avec rigueur, pour isoler Widdin le plus tôt possible. Je te félicite de tout coeur pour la brillante victoire de Chipka, qui va donner une toute autre tournure aux opérations futures.—Charles».

4) Отъ нашего генеральнаго консула Стюарта изъ Бухареста, отъ 5 ч. 40 м. сегодняшняго вечера:

[1]) Ординарецъ Великаго Князя, поручикъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка, посланный курьеромъ.

«Ionine télégraphie aujourd'hui: 29 décembre la forteresse d'Antivari vient capituler avec 1.400 prisonniers combattants, la population civile et auprès de 2.000 armes. La garnison à perdu pendant le siège plus de 400 hommes. Détails pas encore connus».

31 декабря. — Рано утромъ, передъ выѣздомъ изъ Габрова, на основаніи присланныхъ Скобелевымъ свѣдѣній, была отправлена слѣдующая телеграмма Государю:

«Пока знаю только потери колонны Скобелева. Убито: офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 294. Ранено: офицеровъ 38, нижнихъ чиновъ 1.190. Въ числѣ раненыхъ генералъ Гренквистъ въ ногу, съ раздробленіемъ кости. Скобелевская колонна взяла съ боя на штыкахъ 12 полевыхъ орудій и нѣсколько знаменъ. 2 орудія были взяты болгарскими дружинами, которыя дрались блистательно. Всѣ вообще шли въ атаку съ музыкой, съ распущенными знаменами, въ ногу, равняясь какъ на парадѣ. Штыковая отчаянная свалка въ Шейновѣ продолжалась минутъ десять, даже пальба на время смолкла. 1-й и 9-й донскіе полки изрубили массу турокъ и взяли нѣсколько тысячъ бѣжавшихъ въ плѣнъ».

Въ 8 часовъ утра мы выѣхали изъ Габрова: Великій Князь съ Непокойчицкимъ въ коляскѣ, а за нимъ мы, т.-е. Скобелевъ-отецъ, Левицкій, Чингисханъ, Струковъ, Скалонъ, Фрезе, я, два ординарца и докторъ Обермиллеръ съ лекаремъ Березкинымъ. Первыя 6 верстъ ѣхали ущельемъ по ровной дорогѣ, а затѣмъ почти вдругъ начался очень крутой подъемъ. Всѣ ѣхавшіе въ экипажахъ должны были вылѣзти и идти пѣшкомъ. Струковъ слѣзъ съ коня и повелъ его въ поводу. Я одинъ остался верхомъ, потому что больше надѣялся на цѣпкость ногъ моей кобылы, чѣмъ на свои собственныя ноги. День былъ чудный: солнечный и тихій, при морозѣ около 6°. Гололедица страшная: лошади ежеминутно скользили, осторожно переступая шагъ за шагомъ; многія падали. Около 1 часу дня мы наконецъ взобрались на Шипкинскій перевалъ. Тамъ была выстроена для встрѣчи Великаго Князя 14-я пѣхотная дивизія (бывшая Драгомировская). Какими орлами смотрѣли эти люди! Какой видъ, какая осанка, какое восторженное воодушевленіе!

Великій Князь, сѣвъ верхомъ, объѣхалъ дивизію и задушевно

поблагодарилъ ее за тяжкіе труды и блестящіе подвиги. Дѣйствительно непостижимо, какъ войска Радецкаго вытерпѣли на Шипкѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. На голыхъ вершинахъ, на рѣзкомъ вѣтру и лютомъ морозѣ, при безпрестанныхъ вьюгахъ и метеляхъ—ютились въ земляныхъ норахъ и снѣговыхъ сугробахъ. Турки, занимая командующія высоты по обѣ стороны перевала, постоянно обстрѣливали всю дорогу перекрестнымъ огнемъ. Ходить за водой можно было только съ опасностью жизни. Пищу на передовыя позиціи привозили только съ наступленіемъ темноты. Командиръ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка, полковникъ Духонинъ, ежедневно отмѣчавшій, кто при какихъ обстоятельствахъ былъ убитъ или раненъ, говорилъ мнѣ, что только въ его полку убито и ранено 280 человѣкъ при отправленіи естественныхъ потребностей. Тѣ изъ защитниковъ Шипки, которые участвовали въ оборонѣ Севастополя, положительно утверждаютъ, что пять мѣсяцевъ на Шипкѣ были куда тяжелѣе одиннадцати мѣсяцевъ въ Севастополѣ.

Было бы только справедливо, еслибъ въ память этой безпримѣрной обороны былъ учрежденъ особый «шипкинскій крестъ» и каждый мѣсяцъ стоянки на Шипкѣ былъ зачтенъ за годъ службы.

Объѣхавъ войска, Великій Князь зашелъ въ землянку начальника 14-й пѣхотной дивизіи Петрушевскаго и потребовалъ туда Вессель-пашу, который, въ числѣ прочихъ пашей, находился на перевалѣ.

Вессель-паша, представъ передъ Великаго Князя, горячо сталъ высказывать претензію, что его атаковали черезъ 36 часовъ по заключеніи перемирія. Такъ какъ разговоръ шелъ черезъ переводчика, то долго нельзя было понять причину столь непредвидѣнной претензіи. Наконецъ дѣло объяснилось. Въ самый день боя 28-го декабря, но уже послѣ сдачи турецкой арміи, пріѣхалъ въ деревню Шипку турецкій офицеръ съ письмомъ отъ Сулеймана-паши къ Вессель-пашѣ и, разумѣется, былъ взятъ въ плѣнъ, а письмо представлено Радецкому. Въ письмѣ этомъ Сулейманъ увѣдомлялъ Весселя, что Порта рѣшила заключить перемиріе, и поэтому ему, Весселю, предписывается воздерживаться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Радецкій, изъ любезности, велѣлъ переводчику сообщить уже плѣнному Вессель-пашѣ содержаніе этого письма, такъ какъ оно

было адресовано на его имя. Переводчикъ ли переврал, или Вессель-паша его не понялъ, но только послѣднiй вообразилъ, что перемирiе уже было заключено, когда его атаковали, перехвативъ письмо къ нему. Великiй Князь долго, но терпѣливо выслушивалъ эти вздорныя претензiи отъ переводчика, передававшаго ихъ на дубоватомъ французскомъ языкѣ, и старался объяснить Вессель-пашѣ неосновательность его подозрѣнiй. Наконецъ, такъ какъ паша продолжалъ стоять на томъ, что его атаковали неправильно, Великiй Князь разсердился и велѣлъ переводчику передать Вессель-пашѣ слѣдующiя слова: «Для того, чтобы перемирiе состоялось, недостаточно желанiя одной стороны, а нужно согласiе обѣихъ сторонъ. А я и до сихъ поръ не изъявилъ на то согласiя, напротивъ: энергически продолжаю военныя дѣйствiя. Когда и на какихъ условiяхъ согласиться на перемирiе,—это мое дѣло. Ваше правительство можетъ его предлагать, но отъ меня зависитъ, принимать или нѣтъ». Выслушавъ эти слова и замѣтивъ гнѣвъ Великаго Князя, Вессель-паша умолкъ, отстегнулъ свою саблю (которую Радецкiй ему возвратилъ еще 28-го) и подалъ ее Великому Князю.

Послѣ этого пашу увели, а Великiй Князь съ Непокойчицкимъ остался у Петрушевскаго отдохнуть и напиться чаю. Мы всѣ тоже закусили и выпили мѣстнаго краснаго вина у штабныхъ.

Пробывъ на перевалѣ около часа времени, сѣли верхомъ и двинулись въ путь. Сперва обогнули гору св. Николая, а оттуда сразу начали круто спускаться: дорога, очень скользкая, извивалась змѣей между скалъ и глубокихъ пропастей. Мы воображали, что за Балканами чуть не весна, а между тѣмъ увидѣли такую же сплошную снѣжную равнину, а вдали—неясныя очертанiя Малыхъ Балканъ, замыкающихъ Казанлыкскую долину съ юга.

У подножiя Балканъ встрѣтилъ Великаго Князя Радецкiй со всѣмъ своимъ штабомъ. Великiй Князь обнялъ и разцѣловалъ его, поздравилъ «высокопревосходительствомъ» и, снявъ съ себя орденъ св. Георгiя 2-й степени, передалъ ему. Радецкiй такъ сконфузился, что сунулъ орденъ въ карманъ, и Великому Князю пришлось настоять на томъ, чтобъ онъ его надѣлъ.

Вмѣстѣ съ Радецкимъ и его штабомъ Великiй Князь направился къ виднѣвшимся вдали войскамъ. Проѣхали мы мимо бывшей де-

ревни Шипки, которая, по словамъ Фрезе (участника перваго забалканскаго похода), въ іюлѣ состояла изъ 400 каменныхъ домовъ, утопавшихъ въ роскошной зелени. 8-го августа несчастная деревня была, буквально, сравнена съ землей черкесами и баши-бузуками Сулеймана-паши.

Позади бывшей деревни были выстроены всѣ войска, принимавшія участіе въ сраженіяхъ 27-го и 28-го декабря. Великій Князь объѣхалъ и горячо благодарилъ всѣхъ отъ имени Государя и отъ себя: восторженное «ура» такъ и раскатывалось по Казанлыкской долинѣ. Окончивъ объѣздъ, Великій Князь выѣхалъ передъ середину и своимъ звонкимъ голосомъ скомандовалъ: «Слушай, на караулъ!» Затѣмъ, снявъ фуражку, громко провозгласилъ: «Генералу Радецкому ура!» и, обернувшись къ нему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его. Войска съ воодушевленіемъ подхватили «ура» своему любимому начальнику. Простодушный Радецкій совершенно переконфузился и только пробормоталъ что-то невнятное.

Послѣ этого отправились верхомъ дальше.

Отъ деревни Шипки до Казанлыка—верстъ 12. Около 5 часовъ дня мы въѣхали въ городъ, почти совершенно оставленный жителями, какъ болгарами, такъ и турками, но зато переполненный турецкими лазаретами «Красной Луны». Ими оказались заняты всѣ лучшіе дома, такъ что намъ пришлось размѣститься кое-какъ.

Городъ прелестный. Всѣ дома каменные, при каждомъ домѣ садъ и фонтанъ во внутреннемъ дворѣ. Дворы эти чрезвычайно изящны. Въ садахъ—все роскошныя южныя деревья и кусты. Кругомъ всего города верстъ на пять—сплошные розовые сады: производство розоваго масла — казанлыкская спеціальность; даже вся его долина носитъ названіе «долины розъ». Чтобы получить одинъ фунтъ розоваго масла, нужно около 1.000 фунтовъ розъ. Поэтому масло это ужасно дорого: одна бутылка (шампанскаго образца) стоитъ на мѣстѣ 350 рублей.

Однако, положеніе наше въ опустѣломъ городѣ было довольно печальное. Обозъ нашъ—еще за Балканами. Ничего достать нельзя. Квартира—однѣ голыя стѣны. Къ счастію, захватили съ собой изъ Габрова двѣ жареныхъ курицы, большую черствую булку и полбутылки коньяку. Этимъ пообѣдали. Для нашихъ лошадей казакъ

ухитрился добыть откуда-то ячменя на два дня: мы предпочли не спрашивать, откуда, ибо — вѣроятно—стащилъ. Когда стемнѣло, онъ же досталъ восьмериковую свѣчку, которую приклеили на подоконникъ.

Гдѣ помѣстился Великій Князь и всѣ прочіе чины — мы не знали. Съ усталости и отъ нечего-дѣлать я легъ спать на лавку, завернувшись въ кожанъ и подложивъ сѣдельную подушку подъ голову.

Въ 11 часовъ вечера пришелъ Фрезе, разбудилъ Левицкаго и меня и предложилъ встрѣчать новый годъ: у него съ собой во вьюкѣ оказался чай и «альберы». Живо былъ заваренъ чай въ походномъ чайникѣ, и мы съ наслажденіемъ принялись за чаепитіе. Левицкій, впрочемъ, выпилъ только одинъ стаканъ и затѣмъ, повалившись опять на лавку, заснулъ какъ убитый. Мы съ Фрезе встрѣтили новый годъ вдвоемъ, обмѣнялись дружескими благопожеланіями и тоже улеглись. Но не прошло и получаса, какъ я былъ разбуженъ: Великій Князь требуетъ къ себѣ.

Оказалось, что у него тоже была встрѣча новаго года вродѣ нашей: нашелся хлѣбъ, холодная говядина и двѣ бутылки краснаго болгарскаго вина. Всѣ собрались къ нему къ 12-ти часамъ ночи, кромѣ Левицкаго, Фрезе и меня. Великій Князь послалъ одного изъ ординарцевъ на розыски: около часу ночи я былъ найденъ и доставленъ. Великій Князь усадилъ меня и сталъ угощать остатками своего роскошнаго ужина. Такъ какъ у него ничего съ собой не было, то въ этотъ день онъ со свитою обѣдалъ у Радецкаго. Только Левицкаго и меня никакъ не могли найти.

Въ виду поздняго времени я засиживаться не сталъ, наскоро закусилъ, поблагодарилъ и ушелъ къ себѣ...

1878-й годъ.

1 января, Казанлыкъ.—Наша ближайшая телеграфная станція—на Шипкинскомъ перевалѣ. Только сегодня, среди дня была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ $8^{1}/_{2}$ ч. вечера, 31 декабря, Великому Князю Николаю Николаевичу:

«Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій. Шифрованный отвѣтъ отправленъ тебѣ 29 декабря [1]. Между тѣмъ, необходимо движеніе впередъ, безъ всякаго замедленія. Благодарю за письмо, полученное вчера вечеромъ. Клейгельсъ [2] прибылъ сегодня: назначилъ его флигель-адъютантомъ. Ожидаю твоихъ отвѣтовъ на мои вопросы и подробности дѣла 28 числа. Я поправился и силы возвращаются».

Ночью (вѣрнѣе, вчера вечеромъ, къ 12-ти ч. ночи) Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующія телеграммы:

1) «Вся ввѣренная мнѣ армія, со мною во главѣ, повергаетъ свое поздравленіе съ новымъ годомъ Вашему Величеству. Всѣ мы готовы и стремимся довести святое дѣло, начатое Вашимъ Величествомъ, до конца, повергая всѣ наши силы и нашу жизнь къ Вашимъ стопамъ. Сегодня на вершинахъ Балканскихъ горъ и у подножія ихъ прокричали Вашему Величеству «ура!». Казанлыкъ, 12 часовъ ночи, 1878 г.».

2) «Отъ всего сердца благодарю тебя за золотую саблю. Награда эта доставила мнѣ огромное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что получилъ ее сегодня въ Казанлыкѣ, послѣ того что перешелъ лично Балканы. Завтра двигается пѣхота на Эски-Загру, и часть по долинѣ Тунджи—въ Хаскіой. Кавалерія уже сегодня пошла на Эски-Загру. Войска, видѣнныя мною сегодня, а именно: 9, 14, 16 и

[1] Полученъ 29 декабря вечеромъ (см. выше).

[2] Ординарецъ Великаго Князя, поручикъ л.-гв. драгунскаго полка.

30-я пѣхотныя дивизіи, 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады, храбрѣйшія болгарскія дружины и 1-я кавалерійская дивизія глядятъ, въ полномъ смыслѣ слова, молодцами, чистые герои. Твое «спасибо» было принято съ восторгомъ. Только теперь, видя своими глазами и испытавъ переходъ черезъ горы самъ, понимаешь всѣ трудности этого громаднаго, гигантскаго дѣла. Затрудненія и препятствія—невообразимыя и немыслимыя. Просто становишься въ тупикъ, какъ все это можно было сдѣлать. Положительно одному русскому войску это возможно. Описать и разсказать невозможно: все будетъ блѣдно передъ истиной. Отъ всей души обнимаю тебя и императрицу. Да хранитъ васъ Богъ и подастъ тебѣ кончить дѣло во славу матушки Россіи».

У меня бережно хранится черновой подлинникъ этой телеграммы, собственноручно имъ написанный карандашомъ. Телеграмма эта особенно дорога, какъ безыскусственное личное изліяніе чувствъ, волновавшихъ Великаго Князя въ этотъ знаменательный день.

Въ теченіе сегодняшняго дня Великій Князь послалъ Государю еще одну телеграмму, слѣдующаго содержанія:

«Счастливъ, что ты такъ доволенъ нашими чудо-богатырями. Дѣйствительно, для русскаго войска нѣтъ ничего невозможнаго. Душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и за добрыя пожеланія. Прошу пожаловать слѣдующія награды: за проходъ черезъ Траянскій перевалъ по статуту параграфа 365, статьѣ 40, для генеральнаго штаба Георгія 4-й степени подполковникамъ Сухомлинову и Сосновскому, и по той же статьѣ подполковнику графу Келлеру, за переходъ у Шипки на Иметли, и полковнику Соболеву у Шипки же, отъ Травны на Сельцо; князю Святополкъ-Мирскому—Георгія 3-й степени; командиру Углицкаго полка полковнику Панютину—Георгія 4-й степени; во главѣ полка, со знаменемъ въ рукахъ, первому вскочившему на турецкій редутъ у деревни Шейново, генералу Скобелеву 2-му—бриллiантовую шпагу съ надписью: «За переходъ черезъ Балканы».

Очевидно, это — отвѣтъ на телеграмму Государя, сегодня полученную, но я этой телеграммы не видѣлъ, и содержанія ея не знаю.

Сегодня Великій Князь со всею свитою обѣдалъ у Радецкаго.

За отсутствіемъ вина, пришлось пить тосты за здоровье Государя, Императрицы, Великаго Князя и русской арміи—водою. За обѣдомъ Великій Князь, какъ новопожалованный кавалеръ золотого оружія, попросилъ Радецкаго подарить ему свой георгіевскій темлякъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись, и остались бесѣдовать только М. Д. Скобелевъ, Дмитровскій, Столѣтовъ, Левицкій и я. Скобелевъ, волнуясь, горячо доказывалъ, что турецкая армія сдалась благодаря ему, а князь Мирскій не только этого не признаетъ, но еще взводитъ на него разныя напраслины. Дмитровскій защищалъ князя Мирскаго и доказывалъ Скобелеву, что онъ самъ во многомъ виноватъ, и не ему обвинять другихъ. Мы трое (Столѣтовъ, Левицкій и я) только слушали. Изъ хода преній я однако понялъ, что пререканія между Скобелевымъ и княземъ Мирскимъ начались еще во время сраженія, и что, кажется, виноваты оба.

Когда окончательно разошлись, то, по пути домой, я напомнилъ Скобелеву, что онъ еще 29-го ноября [1]) обѣщалъ мнѣ дать кинжалъ или шашку изъ Плевны — на память. Онъ тотчасъ же снялъ съ себя и передалъ мнѣ турецкую саблю, прося взять ее на память. «Это, — сказалъ онъ, — сабля того турецкаго полковника, который командовалъ войсками на Зеленыхъ горахъ, противъ меня. 29 ноября я его разыскалъ, взялъ къ себѣ въ палатку и просилъ не отбирать отъ него оружіе. Когда ему пришлось отправляться въ Россію, онъ отдалъ эту саблю мнѣ на память, и я съ тѣхъ поръ не снималъ ее, а теперь—дарю на память вамъ».

Я было посовѣстился брать такую достопамятную вещь, сталъ отказываться, но Скобелевъ настоялъ: «Я — азіатъ: что разъ подарилъ, назадъ не возьму». — Оставалось лишь горячо поблагодарить и принять.

Вечеромъ, уже около 9 часовъ, пришелъ нашъ обозъ. Всѣ очень обрадовались, ибо ничего у насъ не было. Самому Великому Князю два дня пришлось заимствоваться отъ Радецкаго не только чаемъ и сахаромъ, но даже полотенцами и мыломъ.

Кибитки наши однако не пришли. Ихъ перевозили, конечно,

[1]) По взятіи Плевны, ему было поручено наблюдать за отобраніемъ оружія у плѣнныхъ турокъ.

въ разобранномъ видѣ, на нѣсколькихъ подводахъ. Когда подводы эти застряли на Шипкинскомъ перевалѣ, солдатики живо разобрали войлочныя кошмы себѣ на подстилки и одѣяла, а камышевый переплетъ и деревянный приборъ — на растопки. Вѣроятно, конвоиры обоза были въ разбродѣ и во-время не досмотрѣли, а когда спохватились — ничего ни у кого доискаться не могли. Доложили объ этомъ, съ разными предосторожностями, Великому Князю, но онъ только разсмѣялся: «Вотъ ловкія шельмы! Ну, Богъ съ ними, — пусть погрѣются, довольно назяблись. Мнѣ вѣдь эти кибитки больше не нужны».

2 января. — Сегодня Сухомлиновъ привезъ турецкаго парламентера, котораго однако Великій Князь не принялъ и велѣлъ отправить обратно съ отвѣтомъ, что перемирія не будетъ, пока не будутъ подписаны предварительныя условія мира.

Исторія этого парламентера такая. Послалъ его филиппопольскій губернаторъ, по приказанію военнаго министра, Реуфа-паши, съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія. Поѣхалъ онъ на Карлово съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ Великому Князю въ Ловчу, и наткнулся въ Карловѣ на отрядъ Карцова, къ которому и обратился съ просьбою доставить его къ Великому Князю. Карцовъ, не зная еще, что Великій Князь перевалилъ Балканы, велѣлъ Сухомлинову везти парламентера въ Габрово. По пути Сухомлиновъ узналъ отъ встрѣтившагося казачьяго разъѣзда о плѣненіи шипкинской арміи и о томъ, что Великій Князь уже долженъ быть въ Казанлыкѣ, и сообразно съ этимъ измѣнилъ маршрутъ. Когда парламентеръ спросилъ: «Гдѣ же мы перевалимъ черезъ Балканы?» — Сухомлиновъ отвѣтилъ: «Совсѣмъ не перевалимъ». — «Какъ такъ?» — «Не нужно: главная квартира Великаго Князя въ Казанлыкѣ, а ваша шипкинская армія — въ плѣну». Бѣдный турокъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Alors—nous sommes perdus!» Оправившись, онъ самъ разсказалъ Сухомлинову, что, значитъ, правъ былъ Сулейманъ-паша, который, получивъ 27-го декабря предписаніе Порты заключить перемиріе и, конечно, ничего еще не зная о томъ, что происходитъ на Шипкѣ, съ раздраженіемъ сказалъ «Въ Константинополѣ, должно быть, считаютъ русскихъ дураками.

Развѣ они для того только-что совершили переходъ черезъ Балканы, чтобы перемиріе заключать? Если наши не хотятъ больше воевать, такъ ужъ надо прямо просить мира, а не перемирія».

Сегодня же Великій Князь отправилъ слѣдующую телеграмму, составленную Нелидовымъ по-французски:

«Переговоры о перемиріи въ настоящее время въ слѣдующемъ положеніи:

«31-го, отвѣчая Реуфу-пашѣ на просьбу сообщить основанія мира, которыми я обусловливаю заключеніе перемирія, — я заявилъ, что сообщу эти основанія тому лицу, которое будетъ прислано ко мнѣ со всѣми полномочіями для принятія ихъ. Въ виду успѣховъ, достигнутыхъ нами по полученіи указаній Вашего Величества и въ виду занятія съ тѣхъ поръ сербами турецкой территоріи, — я позволяю себѣ спросить: не благоугодно ли разрѣшить замѣну, въ основаніяхъ мира, словъ: «кромѣ нѣкоторыхъ проектовъ, подлежащихъ опредѣленію и т. д.» — упоминаніемъ объ одной только Шумлѣ. Кромѣ того, въ третьемъ пунктѣ, касающемся Сербіи, сказать: вмѣсто «исправленіе границъ» — «увеличеніе территоріи».

Сегодня и отъ Государя получена слѣдующая шифрованная телеграмма:

«Вслѣдствіе твоего отвѣта насчетъ назначенія Обручева, котораго считаю вполнѣ способнымъ и достойнымъ того мѣста, о которомъ просилъ Саша, желаю, чтобы и Саша, и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи».

Такимъ образомъ поконченъ столь неожиданно возникшій и сразу обострившійся вопросъ о замѣщеніи Гурко Цесаревичемъ и о назначеніи къ нему начальникомъ штаба Обручева. Но очевидно, что Государь недоволенъ неуступчивостью Великаго Князя. Что касается Цесаревича, то онъ уже давно и вполнѣ опредѣленно выразилъ свое неудовольствіе. Дай Богъ, чтобъ этотъ инцидентъ не повредилъ Великому Князю. Хотя, съ другой стороны, если бы онъ покорился, то его же всѣ обвинили бы въ смѣщеніи Гурко, и оправдываться было бы невозможно. По крайней мѣрѣ, онъ поступилъ по совѣсти и по убѣжденію.

Самъ Великій Князь, по беззаботности характера, вполнѣ доволенъ и считаетъ инцидентъ исчерпаннымъ.

3 января. — Получена телеграмма Реуфа-паши отъ 1-го января, что уполномоченными Порты назначены Серверъ-паша и Намыкъ-паша, которые выѣзжаютъ изъ Константинополя сегодня. Государю послана сегодня масса телеграммъ, такъ что работы было много. Вотъ эти телеграммы:

1) «Здѣсь полная зима. Санитарное состояніе войскъ очень удовлетворительно. Орудій взято болѣе 70. Командующій на Шипкѣ турецкимъ корпусомъ былъ Вессель-паша. Кромѣ него, взято трое пашей, офицеровъ 280, нижнихъ чиновъ 25.000. Знаменъ — 7. Потери наши: ранены генералы Гренквистъ и Домбровскій, полковникъ Громанъ, подполковникъ Хоменко, флигель-адъютантъ графъ Толстой (въ руку легко, остался во фронтѣ). Офицеровъ у Мирскаго убито 19, ранено 116; нижнихъ чиновъ убито 1.083, ранено 4.246; всего до 5.464 человѣкъ. Отличились особенно 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады, полки Сѣвскій, Елецкій, Орловскій, Углицкій, Казанскій и Болгарское ополченіе, Подольскій и Житомирскій. Мое здоровье удовлетворительно; вчера былъ сильно утомленъ, Богъ дастъ дотяну до конца. Сегодня получилъ телеграмму Реуфа-паши съ увѣдомленіемъ, что Серверъ-паша и Намыкъ-паша ѣдутъ ко мнѣ уполномоченными для переговоровъ о перемиріи. Ожидаю ихъ сюда 5-го января». (Составлена Великимъ Княземъ собственноручно).

2) «Ожидаю отвѣта на вопросы о назначеніи и обязанностяхъ коммиссара, изложенные въ запискѣ, подписанной княземъ Черкасскимъ и черезъ адъютанта моего Андреева препровожденной къ военному министру. Въ настоящую минуту рѣшеніе вопросовъ этихъ становится самымъ неотложнымъ, а потому Вашему Величеству не благоугодно ли будетъ разрѣшить князю Черкасскому теперь же прибыть въ Петербургъ для личнаго полученія указаній и представленія соображеній по возникающимъ вновь обстоятельствамъ. Отъѣздъ его теперь облегчается введеніемъ на югѣ отъ Балканъ временнаго военно-полицейскаго управленія. На время его отсутствія генералъ Анучинъ можетъ исправлять его должность».

Телеграмму эту тоже составлялъ самъ Великій Князь.

3) «Вчера, 2-го января, нашъ передовой отрядъ занялъ Іени-Загру, которая очищена войсками, оставлена жителями и зажжена. Войска продолжаютъ быстро двигаться впередъ. Отъ Гурко новыхъ

свѣдѣній еще нѣтъ. О распредѣленіи войскъ по отрядамъ и о направленіи колоннъ донесу шифромъ».

4) [1]) «*Наступаю* на *Адріанополь* такъ: *Правая колонна Гурко,* если займетъ *Филиппополь,* то въ *обходъ Адріанополя* черезъ *Хаскіой. Карцовъ* со своей дивизіей, *двумя донскими* полками, *казанскими* драгунами—отъ *Карлова* на *перерѣзъ* туркамъ на *Филиппополь* или *Чирпанъ,* а далѣе—какъ *промежуточный* отрядъ между *Гурко* и *центромъ. Центръ:* въ авангардѣ *Скобелевъ* съ *шестнадцатою и тридцатою* дивизіями, обѣими *стрѣлковыми бригадами, тремя* полками *первой* кавалерійской дивизіи и *девятымъ* донскимъ полкомъ, черезъ *Эски-Загру* и *Гютерли на Херманли.* За нимъ—*я съ гренадерами. Лѣвая колонна Радецкаго* на *Сливно и Ямболи* и далѣе на *Адріанополь* съ *сѣверной* стороны. *Три* полка *девятой* дивизіи 2-го января пошли уже *на Іени-Загру и Ямболи. Двадцатьшестая* дивизія съ *двумя* полками *тринадцатой* кавалерійской дивизіи *спустится* съ *горъ* черезъ *Хаинкіой* и *Твардицу* и пойдетъ на *Сливно.* Самъ *Радецкій* съ *четырнадцатою дивизіей и двадцатьтретьимъ донскимъ полкомъ* пойдетъ въ *резервѣ* за *ямбольскимъ* отрядомъ. Движеніе начинаютъ: *Скобелевъ—третьяго* января; *двадцатьшестая* дивизія и *Радецкій*—около *шестого* января; *я* надѣюсь тронуться *седьмого* января съ *головнымъ* эшелономъ *гренадеръ.* Прочіе уже идутъ».

5) «Счетъ взятыхъ на Шипкѣ трофеевъ продолжается. Плѣнныхъ оказалось не 25, а 32 тысячи; всѣ они уже отправлены. Орудій насчитано теперь 93, знаменъ 10.

«Турки очистили Котелъ, Старорѣку, Сливно и стягиваются къ Ямболи, предавая пламени всѣ запасы на пути. Твардица занята авангардомъ отряда генерала Малахова. Орденскіе драгуны пошли къ Сливнѣ и Эски-Загрѣ. Генералъ Струковъ съ московскими драгунами вечеромъ 2-го января дошелъ до Аладага, верстахъ въ пяти отъ Трнова-Сейменли и сегодня намѣревался идти далѣе. Войска наши быстро и безостановочно идутъ вездѣ впередъ. Турки ото-

[1]) Слова, набранныя курсивомъ, были мною зашифрованы.

всюду бѣжали. Небольшія партіи баши-бузуковъ взяты Струковымъ въ плѣнъ. Колонна генерала Карцова изъ Чукурли дошла, 2-го января, пѣхотою до Каратопрака на Карлово-Филиппопольскомъ шоссе, а казаки его вступили въ Карамустафляръ для связи съ отрядомъ генерала Гурко».

Начальство надъ передовою кавалеріею авангарда Скобелева Великій Князь поручилъ своему любимцу, Свиты Его Величества генералъ-маіору Струкову, какъ лихому и неутомимому кавалеристу. Подъ его команду отданы 1-й лейбъ-драгунскій Московскій и 1-й уланскій С.-Петербургскій полки, безъ артиллеріи, такъ какъ ея вообще нѣтъ: ее еще спускаютъ съ Балканъ съ невѣроятными усиліями. При авангардѣ Скобелева, составляющемъ цѣлый сводный корпусъ, всего только 12 орудій разныхъ батарей: это вся артиллерія, какая оказалась вчера подъ рукою. Зарядныхъ ящиковъ — ни одного: наступаемъ только съ передковымъ запасомъ. Запаса патроновъ нѣтъ вовсе. Словомъ, это не наступленіе, а бѣгство впередъ, на удалую.

Съ точки зрѣнія военнаго искусства—это, конечно, преступленіе, но принимая въ соображеніе обстоятельства — вполнѣ правильно. Ждать, пока все подойдетъ и подтянется — значило бы упустить драгоцѣнное время и дать туркамъ опомниться. Теперь они объяты паникой, и надо этимъ пользоваться. Этотъ способъ дѣйствій какъ разъ по душѣ Великому Князю; повелѣніе же Государя въ телеграммѣ отъ 31 декабря—«необходимо движеніе впередъ безъ всякаго замедленія» — пришло 1 января какъ нельзя болѣе кстати. Опираясь на Высочайшее повелѣніе, Великій Князь не опасается укора въ легкомысленномъ, неподготовленномъ наступленіи, который былъ ему сдѣланъ послѣ неудачи перваго забалканскаго похода. Да впрочемъ теперь и мудрено ожидать неудачи, ибо обстановка совсѣмъ другая: тогда вся турецкая армія была цѣла и нетронута, а теперь—частью плѣнена, частью разбита и, конечно, остатки ея деморализованы, иначе Порта не просила бы такъ настойчиво о перемиріи.

Если бы Великій Князь не поспѣшилъ за Балканы лично—наступательное движеніе началось бы нескоро. Радецкій съ Дмитровскимъ вовсе не были расположены трогаться съ мѣста. Дми-

тровскій спорилъ противъ немедленнаго наступленія такъ же горячо, какъ мѣсяцъ тому назадъ противъ идеи обхода Шипки. И теперь продолжаетъ ворчать и каркать. Это—прирожденный пессимистъ: ему все и всегда представляется въ мрачномъ свѣтѣ. Будучи храбръ, распорядителенъ и невозмутимо-спокоенъ въ опасности — только и говоритъ о неизбѣжности пораженій и предвидитъ однѣ неудачи. Ненавидитъ письменную часть, въ чемъ вполнѣ сходится со своимъ начальникомъ Радецкимъ, съ которымъ вообще живетъ душа въ душу. Реляціи у Дмитровскаго надо вымогать силою: онъ считаетъ подробныя описанія военныхъ дѣйствій глупымъ хвастовствомъ. Ругаетъ Шипку, какъ напрасную (!) могилу множества людей, и все твердитъ, что какъ только кончится война—уйдетъ изъ строя въ губернскіе воинскіе начальники. Съ осени мучится нажитымъ на Шипкѣ кашлемъ, ни на минуту не оставляетъ своего труднаго поста и при этомъ все твердитъ и до сихъ поръ обиженно повторяетъ, что онъ дѣйствительно совсѣмъ боленъ, а никто не вѣритъ и всѣ думаютъ, что онъ притворяется. Разувѣрять его въ этомъ— напрасный трудъ. Будучи правою рукою Радецкаго съ самаго начала войны — все твердитъ, что онъ неспособенъ быть начальникомъ штаба, что постоянно просился въ бригадные командиры. Будучи благороднѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ человѣкомъ—постоянно ворчитъ, бранится, азартно и безтолково споритъ. И чѣмъ кротче и терпѣливѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ больше онъ выходитъ изъ себя. Хорошъ его костюмъ теперь: въ день послѣдняго шипкинскаго боя у него пропало все имущество, и онъ остался въ одномъ омерзительно-засаленномъ черномъ полушубкѣ со свернувшимися въ трубочки генеральскими погонами и при дрянной черкесской шашкѣ, взятой имъ съ убитаго черкеса еще при переправѣ черезъ Дунай. Радецкій представилъ его, какъ своего ближайшаго сотрудника, прямо къ Георгію 3-й степени, но это едва ли пройдетъ, такъ какъ кавалерская дума не можетъ присуждать высшую степень, минуя низшую. Это можетъ только Государь, а на это нельзя надѣяться, ибо Дмитровскій не только избѣгалъ выставляться на видъ, но никогда не допускалъ, чтобъ его имя попадало въ реляцію. А Радецкій, этотъ чисто-русскій герой-простецъ, никогда не придавалъ содержанію реляцій никакого значенія.

4 января.—Телеграммы начали сильно запаздывать. Сегодня получены двѣ отъ Государя:

1-я, отъ 2½ ч. дня 1-го января: «Всѣ твои телеграммы до 31-го декабря включительно получилъ и прочелъ ихъ съ величайшимъ интересомъ. Горжусь нашими славными войсками, доказавшими, что для нихъ невозможнаго нѣтъ. Поздравляю съ новымъ годомъ; да поможетъ тебѣ Богъ довершить святое дѣло, за которое уже пролито столько дорогой крови. За славныя дѣла Гурко назначаю: Георгія третьей степени генералъ-маіору Рауху и генералъ-адъютанту графу Шувалову; Георгія четвертой степени принцу Александру Ольденбургскому, генералъ-маіорамъ Нагловскому и Дандевилю. Отвѣтъ твой Реуфъ-пашѣ вполнѣ одобряю».

2-я, отъ 6½ ч. вечера 3-го января: «Князь Горчаковъ сообщаетъ тебѣ телеграмму, полученную мною вчера прямо отъ султана, и мой отвѣтъ [1]). Онъ ни въ чемъ не измѣняетъ данныхъ тебѣ инструкцій. До окончательнаго заключенія перемирія, военныя дѣйствія должны продолжаться съ величайшею энергіей».

Великій Князь чрезвычайно доволенъ этою телеграммою, и уже заговорилъ о томъ, что надо и ему ускорить свой выѣздъ изъ Казанлыка.

Сегодня было засѣданіе Георгіевской кавалерской думы, по окончаніи котораго была послана Государю слѣдующая телеграмма:

«За неутомимую и успѣшную распорядительность морскими командами и средствами съ 14-го іюня до настоящаго времени по устройству и поддержанію мостовъ и переправъ у Зимницы, Петрошанъ и Никополя, даже при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, и за успѣшное принятіе всѣхъ мѣръ не допустить непріятеля нанести вредъ нашимъ переправамъ, чѣмъ обезпечилось довольствіе арміи и доставилась возможность вести военныя дѣйствія спокойно и безостановочно, Дума, по статьямъ 376 и 377 и примѣняясь къ статьѣ 380 статута ордена св. Георгія, постановила: удостоить Его Императорское Высочество Великаго Князя Алексѣя Александровича орденомъ св. Георгія 4-й степени. Казанлыкъ, 4 января 1878». Подписали: Главнокомандующій Николай, гене-

[1]) Полученъ 5 января. См. ниже.

ралъ-адъютантъ Непокойчицкій, генералъ-отъ-инфантеріи Радецкій, генералъ-лейтенантъ Ганецкій, генералъ-адъютантъ князь Масальскій и свиты Его Величества генералъ-маіоръ Левицкій.

Генер.-адъют. **Гр. П. А. Шуваловъ.** Ген.-маіоръ **Нагловскій.** Ген.-маіоръ **Раухъ.** Ген.-адъют. **Гурко.**

Судя по слогу, думаю, что составлялъ телеграмму самъ Великій Князь; сохранившаяся черновая писана рукою его адъютанта Скалона.

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній были посланы Государю сегодня вечеромъ еще двѣ телеграммы:

1) «Московскіе Вашего Величества драгуны въ ночь со 2-го на 3-е января сняли рельсы на филиппопольской и ямбольской линіяхъ. Поѣзда больше не ходятъ. Турецкія войска идутъ въ Адріанополь грунтовою дорогою. По собраннымъ драгунами свѣдѣніямъ, Сулейманъ-паша, находящійся въ Филиппополѣ, будто бы приказалъ все жечь и рѣзать. Базарджикъ и Филиппополь будто бы горятъ. Казаки 1-го донского полка заняли Чирпанъ. Села между Эски-Загрой и Чирпаномъ всѣ цѣлы. Болгары всѣ остались на мѣстахъ. Въ туже ночь, со 2-го на 3-е января, 2-й эскадронъ драгунъ Вашего Величества совершилъ набѣгъ на станцію Трново, разрушилъ желѣзную дорогу и телеграфъ, затѣмъ отошелъ подъ огнемъ пѣхоты и шести орудій. 3-го января утромъ генералъ Струковъ, съ эскадрономъ Вашего Величества Московскаго драгунскаго полка, имѣя за собой второй дивизіонъ того же полка, вновь атаковалъ станцію Трново. Занимавшіе ее 300 чел. низама и 5.000 вооруженныхъ жителей бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросивъ всѣ шесть орудій, которыя и были взяты эскадрономъ Вашего Величества. Желѣзнодорожный мостъ, зажженный бѣжавшимъ непріятелемъ, драгуны успѣли потушить. На станціи захвачены всѣ документы и телеграфный аппаратъ. 3-й эскадронъ драгунъ преслѣдуетъ бѣгущихъ турокъ по направленію на Адріанополь. Наша потеря—всего одинъ раненый драгунъ. 1-й донской полкъ, нагнавъ близъ Чирпана три транспорта подъ прикрытіемъ пѣхоты и кавалеріи, атаковалъ и разсѣялъ прикрытіе, а обозъ изъ 200 повозокъ, 1.000 штукъ рогатаго скота и 300 барановъ захватилъ. Восемь турокъ взялъ въ плѣнъ. У насъ одинъ казакъ убитъ, одинъ раненъ. Петербургскаго уланскаго полка поручикъ Пятницкій съ разъѣздомъ нагналъ на ямбольской желѣзной дорогѣ небольшой пѣхотный отрядъ, атаковалъ его и взялъ 9 чел. въ плѣнъ. Разъѣзды, посланные на Сливно, встрѣтили у д. Генджели около полусотни конныхъ черкесовъ, которые при нашемъ появленіи бѣжали».

Грѣшный человѣкъ, я думаю, что всѣ эти побѣдоносныя стычки были не съ войсками, а съ бѣгущими отъ страха жителями. Одни только шесть орудій на станціи Трново возбуждаютъ сомнѣніе: от-

куда они взялись? Низама, т.-е. регулярныхъ войскъ, всего 300 ч., а орудій при нихъ шесть. Такой пропорціи между пѣхотою и артиллеріей не бываетъ. Не были ли эти орудія просто брошены? Впрочемъ, не стоитъ и гадать: все равно это никогда не разъяснится.

2) «Получилъ увѣдомленіе, что доблестныя сербскія войска при взятіи Ниша овладѣли массою артиллеріи всякаго калибра, большими складами ружей Мартини, патроновъ и всякихъ боевыхъ запасовъ. Отъ нашихъ отрядовъ новыхъ свѣдѣній нѣтъ. Запасы продовольствія всякаго рода захвачены вездѣ громадные. Ледоходъ на Дунаѣ продолжается, сообщеніе крайне затруднительно. Казанлыкъ, 4-го января, 9 ч. вечера».

Струкову послано приказаніе распорядиться, чтобы ѣдущіе къ намъ для мирныхъ переговоровъ паши Серверъ и Намыкъ были встрѣчены и доставлены въ главную квартиру съ почетомъ. Когда они пріѣдутъ—никто не знаетъ и не можетъ знать, ибо они могутъ воспользоваться желѣзною дорогою только до Адріанополя, а какъ доберутся оттуда до Казанлыка—неизвѣстно.

О томъ, что дѣлается на свѣтѣ, мы давно уже ничего не знаемъ. Даже въ Боготѣ газеты сильно запаздывали изъ-за ледохода на Дунаѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ мы изъ Богота выѣхали—ни газетъ, ни писемъ никто не получалъ. Единому Богу извѣстно, когда будетъ устроено правильное почтовое сообщеніе черезъ Балканы. Шипкинскій перевалъ теперь такъ запруженъ, что обоза Великаго Князя до сихъ поръ нѣтъ. Продовольствуемся со дня на день, чѣмъ придется. Не говоря уже о полномъ отсутствіи водки и вина, даже сахару нѣтъ. Къ сегодняшнему утру у Великаго Князя оставалось ровно 8 кусковъ. Чай пили вчера съ медомъ, а сегодня съ турецкимъ сливовымъ вареньемъ, котораго хватило, впрочемъ, только на 5 чел.

Между тѣмъ, всѣ могли бы прекрасно довольствоваться, если бы у насъ былъ хоть какой-нибудь порядокъ и система.

Изобиліе запасовъ всякаго рода въ Казанлыкѣ и окрестностяхъ (да и вообще вездѣ)—поразительное: рису и зерна—горы; фуража—сколько угодно; скота—вволю. Но такъ какъ интендантства у насъ все равно что не существуетъ, то некому и заняться собираніемъ и правильнымъ распредѣленіемъ богатѣйшихъ мѣстныхъ

запасовъ. Да никто объ этомъ и не думаетъ, никакихъ распоряженій по обезпеченію продовольственной части никто не дѣлаетъ. Какъ части войскъ, такъ и отдѣльныя лица вполнѣ предоставлены самимъ себѣ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого все расхищается и расходуется совершенно зря.

Сегодня, напримѣръ, случайно найдены здѣсь неистощимые запасы разнаго варенья и несчетное число мѣшковъ съ грецкими орѣхами. Все это будетъ растащено и исчезнетъ безъ толку.

Кстати, курьезный случай вышелъ вчера. Одинъ солдатикъ, обшаривая пустой домъ, нашелъ огромную бутыль съ розовымъ масломъ, стоющую, по крайней мѣрѣ, рублей 400. Понюхалъ и сперва смазалъ себѣ волосы, усы и бороду, а въ заключеніе—сапоги. Эта операція была замѣчена случайно лишь тогда, когда бутыль съ драгоцѣннымъ масломъ совсѣмъ опустѣла. Солдатикъ, впрочемъ, нисколько не смутился; когда ему разъяснили, что онъ извелъ 400 рублей на свои сапоги, онъ не повѣрилъ.

Все собираюсь пойти осмотрѣть весь городъ, да некогда. Здѣсь интересно, главнымъ образомъ, производить внутренній осмотръ домовъ, вѣрнѣе—внутреннихъ дворовъ. По восточному обыкновенію, самыя лучшія зданія скрыты въ глубинѣ дворовъ, а на улицы выходятъ хотя также хорошіе каменные дома, но далеко не такіе, какъ во дворахъ, гдѣ они устроены изящно и окружены садами, цвѣтниками и фонтанами. Сосѣдніе дворы часто сообщаются внутренними узенькими калитками въ каменныхъ стѣнахъ, такъ что можно пройти не только въ сосѣдній, но черезъ цѣлый рядъ сосѣднихъ дворовъ, совсѣмъ не выходя на улицу.

Мы живемъ въ турецкой части города, такъ какъ болгарская частью разрушена, частью занята госпиталями «красной луны». Впрочемъ, и въ турецкой части города заняты этими госпиталями всѣ лучшіе дома. Нашъ домъ—на небольшой площади—каменный двухэтажный: въ нижнемъ этажѣ конюшни. Противъ насъ—мечеть и передъ нею фонтанъ. На другой сторонѣ площади—домикъ Великаго Князя, во дворѣ и въ саду. Домикъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ переднею: въ одной комнатѣ—самъ Великій Князь, въ другой—оба его камердинера. Снаружи, во всю ширину домика, крытый балконъ.

Изъ садика Великаго Князя калитка и ходъ между двухъ каменныхъ стѣнъ въ другой садикъ, также окруженный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною. Въ садикѣ длинный одноэтажный домъ, съ крытымъ балкономъ во весь фасадъ и съ двумя входами въ двѣ отдѣльныя квартиры, каждая изъ одной комнаты съ переднею. Въ одной живетъ Непокойчицкій, а другая была предназначена для Левицкаго и меня. Узнавъ объ этомъ лишь 1-го января, мы было туда перешли, но черезъ полчаса вернулись на прежнюю квартиру—такой тамъ былъ невыносимый воздухъ. Вмѣсто насъ туда, однако, въѣхали Чингисханъ со Скалономъ и очень скоро открыли причину удушливаго зловонія: топившаяся печка была завалена разною дрянью, отъ сгоранія которой и шелъ невыносимый запахъ. Тѣмъ не менѣе, я не жалѣю, что мы вернулись на первоначальную квартиру: комната просторнѣе, выше и свѣтлѣе и полъ деревянный (а тамъ—глинобитный), да и для прислуги есть просторная комната, чего тамъ вовсе нѣтъ.

5 января.—Сегодня съ утра и до обѣда, а послѣ обѣда до 12-ти часовъ ночи,—безвыходно просидѣлъ у Великаго Князя, читая ему вслухъ полученныя телеграммы и реляціи, составляя по его указаніямъ и отправляя исходящія телеграммы. Измучился ужасно, не отъ работы, а отъ жары: онъ любитъ тепло и натоплено у него до духоты. Выбѣгалъ, съ его разрѣшенія, нѣсколько разъ на дворъ, чтобы отдышаться, когда становилось совсѣмъ томно.

Первое извѣстіе, изъ-за котораго Великій Князь послалъ за мной сегодня утромъ, была крайне обрадовавшая его записка (не помню, отъ кого, но только не отъ Гурко,—кажется, изъ отряда Карцова), что Филиппополь занятъ. На основаніи этой записки онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму Государю:

«Филиппополь вчера занятъ гвардейскою кавалеріею и кавалеріей Карцова, съ которою послалъ Скобелева-отца. Самъ Гурко, говорятъ, въ Татаръ-Базарджикѣ. Посылаю ему приказаніе идти прямо къ Адріанополю. Скобелевъ 2-й сегодня подойдетъ къ Гютерли и Сейменли. Да поможетъ Богъ. Паши изъ Константинополя еще не прибыли. Часть гренадеръ уже спустилась съ перевала. Мой обозъ все еще не пришелъ. Какъ твое здоровье? —Николай».

Несмотря на то, что отъ самого Гурко еще нѣтъ никакихъ извѣстій и неизвѣстно, гдѣ онъ, что сталось съ отступавшими передъ нимъ турецкими войсками Шакира-паши—Великій Князь такъ воодушевился занятіемъ Филиппополя, что тотчасъ послалъ за Непокойчицкимъ и объявилъ, что намъ надо тоже идти впередъ и завтра же переѣхать въ Эски-Загру, 7-го въ Гютерли, а 8-го въ Херманли, чтобы встрѣтиться съ турецкими уполномоченными не здѣсь, а возможно ближе къ Адріанополю. Непокойчицкій выразилъ полное сочувствіе этому рѣшенію. Тогда Великій Князь сказалъ: «А не потребовать ли по этому случаю сдачи Рущука?»—и когда Непокойчицкій и съ этою мыслью согласился, обратился ко мнѣ: «Пиши телеграмму».

«Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

«Немедленно пошли парламентера въ Рущукъ потребовать сдачи крѣпости, для чего сдѣлать наступленіе, не ввязываясь въ упорный бой. Вообще, полезно сдѣлать наступленіе къ Разграду, и если онъ брошенъ или слабо занятъ, то овладѣть имъ, потребовавъ предварительно сдачи. Филиппополь занятъ вчера въ полдень. Скобелевъ съ авангардомъ будетъ завтра на филиппопольско-адріанопольской дорогѣ. Самъ перехожу завтра въ Эски-Загру. Казанлыкъ, 5 января, 11 час. утра».

Великій Князь послалъ за Нелидовымъ и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи ѣхать навстрѣчу уполномоченнымъ. Нелидовъ пришелъ въ отчаяніе и доложилъ, что, во-первыхъ, неудобно, назначивъ уже Казанлыкъ мѣстомъ переговоровъ, не выждать явки уполномоченныхъ здѣсь; во-вторыхъ, уполномоченные могутъ придраться къ этому и заявить Портѣ, что съ нами невозможно вести переговоры; Порта же получитъ предлогъ заявить всей Европѣ, что мы, согласившись на веденіе переговоровъ, на самомъ дѣлѣ стремимся къ полному разрушенію турецкой имперіи, а это неизбѣжно вызоветъ англійское и, быть можетъ, австрійское вмѣшательство.

Доводы эти, однако, не поколебали Великаго Князя, и онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе только поздно вечеромъ.

Тѣмъ временемъ пришли двѣ телеграммы—отъ Государя и отъ князя Горчакова: первая отъ 2-го, вторая отъ 3-го января.

Телеграмма Государя, отъ 2 час. 58 мин. дня 2-го января, гласила:

«Благодарю сердечно за вчерашнюю телеграмму. Радъ, что могъ доставить тебѣ удовольствіе послѣ всей радости, которую я испыталъ, узнавъ послѣдніе подвиги нашихъ молодцовъ при переходѣ черезъ Балканы и плѣненіи шипкинской арміи. Объявилъ ли ты Радецкому его производство и что я жалую ему Георгія 2-й степени? Получилъ ли ты инструкцію, отправленную отсюда 21-го декабря?»

На эту телеграмму Великій Князь тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующею:

«Еще 31-го числа, когда я былъ встрѣченъ Радецкимъ при спускѣ въ долину съ перевала, мы всѣ прокричали «ура» храброму защитнику шипкинскаго прохода. Тутъ же ему сказалъ, что онъ произведенъ, и лично надѣлъ на него Георгія 2-й степени; былъ тронутъ до слезъ. Прошу, какъ милости, наградить его начальника штаба генерала Дмитровскаго, храбраго его пятимѣсячнаго сподвижника при достославной шипкинской оборонѣ, отличнѣйшаго офицера во всѣхъ отношеніяхъ, Георгіемъ 4-й степени».

Телеграмма князя Горчакова отъ 3-го января (переводъ съ французскаго):

«Султанъ телеграфировалъ 1-го января Государю: «Глубоко оплакивая несчастныя обстоятельства, повлекшія за собою эту злополучную войну между двумя имперіями, призванными къ постоянной жизни въ добромъ согласіи, и пламенно желая возможно скорѣе покончить съ безполезнымъ кровопролитіемъ, противнымъ также и столь извѣстнымъ человѣколюбивымъ чувствамъ Е. И. В.,—я, по соглашенію моего правительства съ е. и. в. Великимъ Княземъ Николаемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Сервера-пашу и высокаго сановника имперіи Намыка-пашу уполномоченными, поручивъ имъ условиться съ Великимъ Княземъ объ основаніяхъ мира и объ условіяхъ перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣ-завтра, во вторникъ 15-го января. Я надѣюсь, что Ваше Величество, въ ожиданіи результата этихъ переговоровъ, соизволите дать соотвѣтствующія повелѣнія о прекращеніи военныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны.

«Государь отвѣчалъ, что и онъ желаетъ мира и возстановленія хорошихъ отношеній съ Портою, но что не можетъ согласиться на

заключенiе перемирiя иначе, какъ по принятiи Портою условiй, уже препровожденныхъ главнокомандующему».

Вечеромъ было получено отъ Гурко радостное извѣстiе о взятiи Филиппополя, на основанiи котораго была составлена мною и въ 11 час. вечера подписана Великимъ Княземъ слѣдующая телеграмма Государю:

Низложенный султанъ
Мухаммедъ-Мурадъ.

«Войска генерала Гурко, послѣ упорнаго боя у Айранли и Филиппополя, овладѣли этимъ городомъ 3-го января поздно вечеромъ. Первымъ ворвался въ городъ эскадронъ охотниковъ л.-гв. драгунскаго полка, подъ командою капитана Бураго, послѣ жаркаго боя, причемъ прапорщикъ графъ Ребиндеръ взялъ два орудiя. Такъ какъ бой происходилъ въ темнотѣ, то турки не замѣтили малочисленности нашихъ и бѣжали изъ города въ паническомъ страхѣ. Дѣло 3-го января происходило слѣдующимъ образомъ: графъ Шуваловъ, съ лейбъ-гренадерами, Павловцами, тремя батальонами московцевъ и гвардейскою стрѣлковою бригадою, двинулся отъ Адакiоя, перешелъ Марицу по поясъ вбродъ при ледоходѣ и атаковалъ съ фронта

турецкую позицію у Кадыкіоя. Баронъ Криденеръ съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и Воронежскимъ полкомъ двинулся отъ Челопца, овладѣлъ частью Филиппополя сѣвернѣе Марицы послѣ недолгаго боя, но, найдя мостъ разрушеннымъ, могъ занять лишь небольшими частями южную часть города уже поздно ночью. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ съ 1-ю бригадою 5-й пѣх. див., л.-гв.

Генералъ-Адъютантъ
Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ.

Финляндскимъ полкомъ и баталіономъ московцевъ двинулся отъ Дуванкіоя къ Айранли. Часть этой колонны перешла Марицу вбродъ, но большая часть перевезена лейбъ-драгунскимъ эскадрономъ охотниковъ и Бугскими уланами на лошадяхъ. Позднимъ вечеромъ колонна эта обошла правый флангъ турокъ.

«Турки, въ числѣ около 40 таборовъ, отступили отъ Кадыкіоя

и Айранли къ Дермендере, къ горамъ. Такимъ образомъ, благодаря дѣлу графа Шувалова 3-го января, турецкая армія разрѣзана пополамъ и половина ея отброшена отъ прямого пути отступленія. Это та половина, которая отступала отъ Самакова. Другая половина, также около 40 таборовъ, отступавшая отъ Отлукіоя и Петричева, подъ начальствомъ самого Сулеймана, успѣла пройти Филиппополь раньше 3-го января и отступаетъ на Адріанополь, оставивъ въ Филиппополѣ только аріергардъ, который также отброшенъ оттуда къ горамъ.

«4-го января, утромъ, генералъ Гурко послалъ 3-ю гвард. пѣх. дивизію, Астраханскій и Екатеринославскій драгунскіе полки и прибывшую въ Филиппополь около полудня кавалерію генерала Скобелева 1-го на Станимаки, чтобы отрѣзать туркамъ прямой путь отступленія. Прочія войска направилъ съ фронта и въ обхватъ обоихъ фланговъ на Дермендере. Всю гвардейскую кавалерію—вслѣдъ за тою частью арміи, которая отступаетъ на Адріанополь. Самъ Гурко въ 11 часовъ утра 4-го января въѣхалъ въ Филиппополь, приказалъ поднять надъ бывшимъ домомъ нашего консула русскій флагъ и отслужилъ въ соборѣ благодарственный молебенъ о здравіи Вашего Величества. Потеря въ бою 3-го января еще неизвѣстна, но невелика. Изъ офицеровъ убитъ адъютантъ л.-гв. 2-й артиллер. бригады прапорщикъ Бартлимановъ; ранены: командующій л.-гв. Преображенскимъ полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій легко и полковникъ того же полка фонъ-Стрезовъ—тяжело. Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ Семеновскимъ, подъ начальствомъ генерала Рауха, наступалъ въ резервѣ за колонною графа Шувалова и вступилъ въ боевую линію къ концу дѣла.

«Вчера, 4-го января, занятъ городъ Сливно. Второй дивизіонъ орденскихъ драгунъ маіора Кардашевскаго вступилъ туда отъ Твардицы и, въ то же время, донской Бакланова полкъ — отъ Іени-Загры. Турки очистили Котелъ, Сливно, Ямболи и стягиваются къ Адріанополю. Нашъ разъѣздъ вчера же посланъ на Карнабадъ.

«Извѣстіе, что Сулейманъ-паша приказалъ все жечь, уничтожать и рѣзать при отступленіи — подтверждается. Татаръ-Базарджикъ совершенно разоренъ, разграбленъ и на половину сожженъ. Въ Сливнѣ болгарскій кварталъ — также. Филиппополь наши успѣли

спасти, но села между Базарджикомъ и Филиппополемъ почти всѣ разрушены».

Полученіе отъ Гурко этого донесенія помогло намъ [1]) уговорить сперва Непокойчицкаго, а потомъ, уже при его поддержкѣ, самого Великаго Князя отмѣнить назначенный на завтра переѣздъ въ Эски-Загру. Слава Богу! До сихъ поръ нѣтъ даже телеграфа дальше Шипкинскаго перевала: телеграммы присылаются оттуда съ нарочнымъ. Уходя еще дальше впередъ, мы еще болѣе замедлимъ телеграфное сообщеніе въ такое время, когда дорогъ каждый часъ. Полевое управленіе арміи до сихъ поръ еще не собралось даже въ Казанлыкъ, а частью еще за Балканами, частью разсыпано по дорогѣ отъ Габрова до Шипки. Артиллерія и обозы — тоже. На Шипкинскомъ перевалѣ — настоящее столпотвореніе. Однимъ словомъ, мы, грозные побѣдители, находимся въ столь же полной дезорганизаціи, какъ и бѣгущіе побѣжденные. Послѣдніе бѣгутъ, потерявъ голову, отъ насъ, а мы бѣжимъ, очертя голову, за ними. Если главнокомандующій будетъ неотступно слѣдовать за авангардомъ, то общее руководство военными дѣйствіями исчезнетъ окончательно. Наконецъ, мы совершенно не знаемъ, что насъ ждетъ у Адріанополя: намъ извѣстно только, что онъ хорошо укрѣпленъ и вооруженъ. Что, если тамъ найдется такой же энергическій паша, какъ Османъ? Тогда поневолѣ придется остановиться: вѣдь мы идемъ впередъ безъ артиллеріи и почти безъ зарядовъ и патроновъ. Ни у насъ, ни у Гурко ничего съ собой нѣтъ: все оставлено за Балканами.

Сегодня вечеромъ, отпуская меня, Великій Князь предупредилъ, что дня черезъ два-три хочетъ послать курьера, такъ чтобы былъ готовъ отчетъ Государю. Кромѣ того: какъ только будетъ заключено перемиріе, надо составить для Государя же общій обзоръ военныхъ дѣйствій отъ паденія Плевны до перемирія. Работы будетъ немало.

6 января. — Сегодня опять просидѣлъ весь день у Великаго Князя почти безвыходно, читая ему реляціи, входящія телеграммы

[1]) Нелидову, Скалону и мнѣ.

и иностранныя газеты (которыя сегодня впервые до насъ дошли по выступленіи изъ Богота) и составляя телеграммы Государю и другимъ лицамъ.

Отъ Государя только получена одна телеграмма, отъ 5 ч. 10 м. пополудни 5-го января:

«Въ дополненіе вчерашней твоей телеграммы желаю знать, какія мѣры приняты при наступательномъ движеніи къ Адріанополю для обезпеченія тыла и лѣваго фланга со стороны восточныхъ балканскихъ проходовъ, и какія приказанія даны восточному отряду».

Эта телеграмма, очевидно, вызвана шифрованною телеграммою Великаго Князя отъ 3-го января, въ которой говорится о наступленіи на Адріанополь, но ничего не упоминается о восточномъ (рущукскомъ) отрядѣ Цесаревича. Когда я спросилъ, что приказано будетъ отвѣчать Государю на эту телеграмму, Великій Князь ничего не отвѣтилъ. Зная, что онъ иногда телеграфируетъ Государю самъ, ничего не говоря о содержаніи телеграммъ мнѣ, я, конечно, замолчалъ, тѣмъ болѣе, что почувствовалъ, какъ непріятенъ былъ ему вопросъ Государя. Дѣйствительно, вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ напоминаніе и предостереженіе: наступать хорошо, но надо обезпечить свой тылъ и лѣвый флангъ, чтобы не повторилась Плевна. А говоря по совѣсти, опасеніе Государя вполнѣ основательно: и теперь, какъ и тогда, мы ни о тылѣ, ни о флангахъ не думаемъ, а лишь неудержимо стремимся впередъ.

Такъ я и не знаю, что Великій Князь отвѣтилъ Государю. Можетъ быть, даже вовсе не отвѣчалъ.

Получено донесеніе, что вчера, 5-го января, прибыли въ Херманли турецкіе уполномоченные со свитою. Тамъ они были встрѣчены сперва Струковымъ, затѣмъ Скобелевымъ 2-мъ, который просилъ задержать ихъ подъ какимъ-то предлогомъ, чтобы дать ему время стянуть и устроить свои войска. Когда все было подготовлено, Скобелевъ послалъ имъ «проводника», который и провелъ ихъ черезъ бивакъ всѣхъ 32 баталіоновъ Скобелевскаго авангарда. У въѣзда на бивакъ былъ выставленъ почетный караулъ съ музыкою и лихая уральская сотня со значкомъ: послѣдняя была назначена въ почетный конвой. На бивакѣ вездѣ гремѣла музыка, за-

ливались пѣсенники и отхватывали трепака плясуны. Ординарцемъ къ уполномоченнымъ явился молоденькій и хорошенькій Галлъ, корнетъ л.-гв. коннаго полка. Однимъ словомъ, Скобелевъ, какъ знатокъ восточныхъ людей, устроилъ для уполномоченныхъ эффектную декорацію, которая, несомнѣнно, произвела надлежащее впечатлѣніе, хотя турки свой обычай тоже выдержали: и виду не подали, что это на нихъ подѣйствовало.

Немедленно по полученіи этого донесенія, были посланы Великимъ Княземъ имъ навстрѣчу дипломатическій чиновникъ М. А. Хитрово и адъютантъ полковникъ Орловъ.

На основаніи полученныхъ сегодня донесеній, были посланы Государю слѣдующія двѣ телеграммы:

1) «Московскіе Вашего Величества драгуны продолжаютъ отличаться. Взявъ 3-го января Трново, они, 4-го января, послѣ упорнаго ружейнаго и рукопашнаго боя съ вооруженными жителями, продолжавшагося всю ночь, взяли Херманли. Первымъ ворвался въ городъ третій эскадронъ маіора Чулкова. Убито 2, ранено 8 драгунъ. Быстрое занятіе двухъ столь важныхъ пунктовъ совершилось благодаря смѣлости, энергіи и разумной распорядительности генерала Струкова. Генералъ Скобелевъ 2-й поручилъ ему теперь командованіе всѣмъ авангардомъ своего отряда, который 5-го января подошелъ къ Трнову, а сегодня, 6-го января, весь стягивается къ Херманли. Авангардъ генерала Струкова идетъ сегодня далѣе: драгуны Вашего Величества попрежнему въ головѣ. Поведеніе ихъ выше всякой похвалы: всѣ, отъ полкового командира до послѣдняго рядового, молодцы.

«По свѣдѣніямъ отъ 5-го января, Сулейманъ-паша съ частью арміи, отступающею отъ Филиппополя, находится у Папазли».

2) Въ другой телеграммѣ сообщаются малозначащія подробности о занятіи Сейменли на основаніи донесеній Струкова, а въ заключеніе—доносится о прибытіи въ Херманли 5-го января турецкихъ уполномоченныхъ Сервера и Намыка-пашей со свитою, въ составѣ которой еще двое пашей: Неджибъ и Османъ, первый въ чинѣ ферика (генералъ-лейтенантъ), второй — лива (генералъ-маіоръ). Отрядъ Скобелева 2-го прошелъ до Херманли 82 версты въ 40 часовъ, переваливъ при этомъ Малые Балканы, почти безъ отсталыхъ.

7 января. — Сегодня третій день почти безвыходно сижу у Великаго Князя за непрерывною работой.

Два крупныхъ событія: донесеніе Гурко объ окончательномъ разгромѣ арміи Сулеймана-паши и прибытіе турецкихъ уполномоченныхъ.

Донесеніе Гурко было получено въ первомъ часу дня, и тотчасъ же послана Государю слѣдующая телеграмма:

«Поздравляю Ваше Величество съ новою блестящею побѣдою. Генералъ Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой арміи отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, настойчиво продолжалъ атаку 4-го января у Дермендере, 5-го января у Беластицы и Карагача и кончилъ тѣмъ, что окончательно отбросилъ турокъ въ горы Деспотодагъ, за Еникіой и Ласкову. Турки потеряли 49 орудій, взятыхъ нами съ бою, и одними убитыми, по крайней мѣрѣ, 4.000. Плѣнныхъ забрано и забирается масса: число опредѣлить пока трудно, но значительно болѣе 3.000. Турки бѣжали горными тропинками въ разсыпную. Путь къ Адріанополю черезъ Хаскіой отрѣзанъ имъ окончательно. Генералъ Гурко доноситъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ храбрости, энергіи, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова. Не находитъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не можетъ нахвалиться самоотверженіемъ, изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ шесть дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала: Вакарель и Трояновы Ворота. Послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Потери наши еще не приведены въ извѣстность, но — около 500 чел. Офицеровъ убито 5, ранено 15, контужено 3.

«6-го января пѣхота продолжала настойчиво преслѣдовать непріятеля: одна колонна отъ Беластицы на Еникіой, другая—отъ Станимаки ущельемъ рѣки Нарѣчинъ. Гвердейская кавалерія ночевала на 6-е января въ Чатанѣ, а 6-го двинулась дальше по шоссе къ Хаскіою. 5-го января вошла въ связь съ разъѣздами Скобелева 2-го у Чирпана. Кавалерія Скобелева 1-го направлена 6-го января

отъ Станимаки къ востоку, на Кетенликъ. Подробности дополнительно. Казанлыкъ, 7-го января, 1 ч. дня».

Турецкіе уполномоченные, со свитою и 80-ю человѣками прислуги, прибыли сегодня, къ 4-мъ часамъ пополудни, и были встрѣчены съ почетомъ. Прежде всего ихъ накормили, потому что они со вчерашняго дня ничего не ѣли: ихъ огромный обозъ, съ походною кухнею и султанскимъ поваромъ, сильно отсталъ, а по пути — отъ Херманли сюда—все разрушено и ничего достать нельзя. Угощалъ ихъ походный гофмаршалъ Великаго Князя, генералъ Галлъ, со свойственными ему радушіемъ и любезностью. Торжественная аудіенція у Великаго Князя назначена завтра въ 11 час. утра. Сегодня, вечеромъ, былъ у нихъ съ визитомъ Нелидовъ и, вернувшись, доложилъ Великому Князю, что настроеніе уполномоченныхъ угнетенное, что они готовы на все наихудшее, и полагаются лишь на милосердіе и великодушіе нашего Государя. Этотъ отвѣтъ какъ бы доказываетъ, что турки перестали уже надѣяться на фактическую помощь подзадорившей ихъ Англіи. Добрый знакъ!

Отъ Государя получено сегодня двѣ телеграммы:

1) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 2 ч. 50 м. дня: «Съ 1-го января до вчерашняго вечера не получалъ отъ тебя ни одной телеграммы: онѣ дошли до меня разомъ до 4-го января включительно. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда полковника Соболева [1]). Письмо отправилъ къ тебѣ вчера съ Николашею [2]). Здѣсь также довольно сильные морозы: завтра никакого парада не будетъ, и я на Іордань не пойду, хотя и чувствую себя хорошо».

2) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 9 ч. 10 м. вечера: «Очень счастливъ за Алексѣя [3]) и утверждаю награды и всѣхъ

[1]) Генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ былъ отправленъ курьеромъ съ подробною реляціею о послѣднемъ шипкинскомъ боѣ. Великій Князь хотѣлъ послать подполковника графа Келлера, но этому воспротивился Дмитровскій, указавшій на то, что тогда М. Д. Скобелевъ останется безъ начальника штаба; графъ Келлеръ заступилъ мѣсто раненаго Куропаткина.

[2]) Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

[3]) Рѣчь идетъ о присужденіи Думою Георгія 4-й степени Великому Князю Алексѣю Александровичу.

прочихъ, о которыхъ упомянуто въ телеграммѣ твоей отъ 2-го января, за Траянъ и Шипку. Обращаю твое особенное вниманіе на шифрованную депешу князя Горчакова, отправленную отсюда сегодня».

Эта телеграмма получена одновременно съ Государевою и мною была расшифрована. Вотъ она:

«Государь Императоръ желаетъ, что если ваше императорское высочество еще не сообщили туркамъ условія мира, долженствующія предшествовать заключенію мира, чтобы вы ихъ спросили, какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, телеграфируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы придти съ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами несогласна, и, если можно, получить отвѣты на собственноручныя письма Государя Императора въ Вѣну и Берлинъ, сегодня (т.-е. 5-го января) отправленныя. Имѣемъ причины предполагать, что Порта просила переговоровъ для умноженія своихъ военныхъ силъ и воспользованія нашими политическими условіями, дабы укрѣпить враждебное намъ положеніе Биконсфильда и, сколь возможно, разрознить насъ съ нашими союзниками. Во всякомъ случаѣ, военныя дѣйствія не должны быть останавливаемы».

Отвѣтъ на эту телеграмму отложенъ Великимъ Княземъ до завтра, послѣ пріема турецкихъ уполномоченныхъ. Онъ недоволенъ этою телеграммою, ибо находитъ, что выраженное въ ней желаніе затянуть переговоры для выигрыша времени несогласно съ прежними указаніями Государя и состоялось теперь лишь подъ впечатлѣніями непрерывно измѣняющейся обстановки. Великій Князь думаетъ, что было бы всего лучше оглушить Биконсфильда заключеніемъ перемирія на тѣхъ основахъ, которыя были зрѣло обдуманы заранѣе, а съ Австріей вообще не стоитъ много разговаривать. Наконецъ, Великій Князь высказалъ предположеніе (объ основательности коего судить совсѣмъ не могу), что Государя теперь начнутъ сбивать съ толку и князь Горчаковъ, и графъ Игнатьевъ: первый изъ ревности, чтобы дѣло принятія турками главныхъ основаній мира не обошлось безъ него, а второй—изъ опасенія, чтобы не успѣли сойтись съ турками безъ его прямого участія. Онъ такъ старался довести до

войны, что ему будетъ крайне обидно, если онъ не будетъ играть никакой роли въ ея окончаніи.

Въ 9 ч. вечера, на основаніи полученныхъ отъ Гурко и Скобелева донесеній, были посланы Государю слѣдующія телеграммы:

1) «Подробности боя 4-го и 5-го января: турецкія войска, отброшенныя 3-го января къ Дермендере, состояли изъ 35 таборовъ, подъ начальствомъ Фуада-паши. Изъ нихъ 24 табора приведены Фуадомъ изъ-подъ Шумлы. На 4-е января Гурко приказалъ:

«Графу Шувалову съ его колонною и колоннами Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова, атаковать Дермендере, охватывая турецкій правый флангъ.

«Дандевилю съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, сводною бригадою Екатеринославскихъ и Астраханскихъ драгунъ Краснова и сотнями казачьей бригады Курнакова идти на Станимаки, на перерѣзъ. Гвардейской кавалеріи перейти на правый берегъ Марицы къ Ени-Магале и стать на пути отступленія турокъ.

«Графъ Шуваловъ, сдѣлавъ отъ Кадыкіоя и Айранли захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, къ ночи сталъ фронтомъ къ горамъ, правымъ флангомъ противъ Дермендере, лѣвымъ—противъ Маркова. Весь день его правый флангъ, служившій осью захожденія, велъ демонстративный бой у Дермендере, удержавъ тамъ значительную часть турецкихъ силъ. Остальныя пробирались, между тѣмъ, черезъ Марково, Беластицу и Карагачъ на Станимаки, но на пути наткнулись на колонну Дандевиля. Этой колоннѣ выпала главная часть боя 4-го января. Генералъ Красновъ, командовавшій авангардомъ изъ сводной драгунской бригады и 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, найдя мостъ черезъ Марицу уничтоженнымъ, а броды—по грудь, перевезъ всю пѣхоту на лодкахъ, паромахъ и драгунскихъ лошадяхъ. Къ 3 ч. пополудни подошелъ къ Карагачу, замѣтилъ близко идущую турецкую колонну съ артиллеріей и немедленно атаковалъ. 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ударомъ въ штыки, отбросила турокъ въ горы, сразу взявъ 18 орудій. Турки, выждавъ приближавшееся подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе и, несмотря на нашъ огонь, бросились въ рукопашную отбивать свою артиллерію. Будучи отбиты, отошли въ горы, опять выждали вновь подходившія подкрѣ-

пленія, вторично ударили въ штыки, но, несмотря на отчаянную храбрость атаки, снова и окончательно отброшены въ горы молодцами-литовцами и австрійцами. Одинъ паша, окруженный, не хотѣлъ сдаваться, дрался какъ левъ, изрубилъ и переранилъ болѣе 15-ти человѣкъ, прежде чѣмъ былъ заколотъ. Ночью турки бросили Дермендере и Марково и сосредоточились всѣ у Беластицы. Наши войска ночевали на своихъ позиціяхъ. Вся колонна Дандевиля подтянулась къ авангарду Краснова.

«Съ утра 5-го января графъ Шуваловъ рокировалъ свои войска влѣво и примкнулъ къ правому флангу Дандевиля. Въ то же время, съ фронта велась канонада и перестрѣлка. Турки два раза переходили въ наступленіе противъ Дандевиля и разъ—противъ лейбъ-гренадеръ, но были отбиты. Сомкнувъ боевую линію, графъ Шуваловъ двинулъ въ атаку: колонну Вельяминова— въ обхватъ лѣваго фланга, горами; дивизію Дандевиля—съ фронта. Послѣдняя взяла въ штыки Беластицу, и въ ней, послѣ упорнаго рукопашнаго боя—11 орудій. Войска графа Шувалова, охвативъ турокъ, взяли 17 орудій. Побѣда была полная. Непріятель вразбродъ бѣжалъ въ горы, за Еникіой и Ласкову. Преслѣдованіе прекращено съ наступленіемъ темноты, и возобновлено 6-го января, утромъ, какъ я уже сообщалъ.—Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера».

2) «Генералъ Скобелевъ 2-й, прочно занявъ Сейменли, Трновъ, Гютерли и Херманли, послалъ во всѣ стороны разъѣзды, которые, 6-го января, уже появились въ Мустафа-Паша, близъ Адріанополя. Голова турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Филиппополя, показалась, 6-го января, у Хаскіоя. Дальнѣйшихъ свѣдѣній еще нѣтъ. Турецкіе уполномоченные прибыли сегодня, вечеромъ, сюда. Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера.—Николай».

8-го января.—Сегодня утромъ, въ 11 ч., Великій Князь принималъ турецкихъ уполномоченныхъ въ оффиціальной аудіенціи, а затѣмъ они имѣли предварительное частное совѣщаніе съ Нелидовымъ, который якобы частнымъ же образомъ сообщилъ имъ главныя основанія мира на размышленіе, съ предупрежденіемъ, что завтра будетъ оффиціальная бесѣда объ этомъ съ Великимъ Княземъ, и надо имъ обдумать свой отвѣтъ.

Государю же послана слѣдующая шифрованная телеграмма, самимъ Великимъ Княземъ составленная:

«Депешу твою и шифрованную канцлера, отъ 5-го, получилъ вчера, когда турецкіе уполномоченные уже прибыли. Сейчасъ имѣлъ съ ними свиданіе. Согласно твоему желанію, настаивалъ неоднократно на выраженіи ихъ предложеній. Они отвѣчали, что предложеній никакихъ не имѣютъ, а по полученіи султаномъ твоего отвѣта посланы выслушать отъ меня предлагаемыя нами условія мира. Такъ какъ они, съ своей стороны, упрашивали остановить скорѣе военныя дѣйствія, то я, согласно заявленному Портѣ тобою и мною, вынужденъ былъ сообщить имъ условія, по принятіи коихъ мы можемъ прекратить военныя дѣйствія. Они взяли ихъ на разсмотрѣніе. Съ другой стороны, съ 3-го января, послѣ телеграммъ моихъ, на которыя получилъ отвѣтъ только сегодня [1]), военныя событія до того измѣнились, что, послѣ новаго разбитія арміи Сулеймана у Филиппополя, стою у воротъ Адріанополя. Затягивать переговоры и продолжать военныя дѣйствія имѣло бы послѣдствіемъ занятіе Адріанополя и движеніе далѣе, на Константинополь, влекущее за собой неизбѣжное въ военномъ отношеніи занятіе Галлиполи, что, согласно твоимъ указаніямъ, было бы лишь усложненіемъ дѣлъ политическихъ. Посему, какъ выше сказано, я не могъ не объявить уполномоченнымъ Порты условій мира въ томъ видѣ, какъ я ихъ получилъ, дабы можно было, если они будутъ приняты, заключить перемиріе. Наконецъ, изъ перваго свиданія съ турками я вынесъ убѣжденіе, что всякая искусственная затяжка переговоровъ, при быстротѣ нашего наступленія, можетъ только произвести въ Турціи, а быть можетъ и въ Европѣ, неблаговидное впечатлѣніе, какъ будто мы желаемъ выиграть время для большаго захвата непріятельской страны».

Я не знаю, что телеграфировалъ Великому Князю Государь, но недоумѣваю по поводу общаго тона великокняжескаго отвѣта. Точно самъ не радъ, что предстоитъ занятіе Адріанополя, точно опасается этого. И какое ему дѣло до того, что подумаютъ Турція и Европа? Чѣмъ больше захватимъ, тѣмъ лучше для насъ: тѣмъ податливѣе будутъ турецкіе уполномоченные.

[1]) Что это за отвѣтъ—мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ расшифрованъ Нелидовымъ и хранится въ секретѣ.

Сегодня вечеромъ сидѣлъ у Великаго Князя за чаемъ (были еще Непокойчицкій, Нелидовъ, Кладищевъ, Чингисханъ и Скалонъ), когда онъ получилъ записку отъ Струкова изъ Мустафа-Паши, отъ $8^1/_2$ ч. вечера 7-го января, что паника среди турокъ дошла до апогея. Губернаторъ и войска бѣжали изъ Адріанополя, взорвавъ пороховые и артиллерійскіе склады. Въ городѣ—пожаръ и хаосъ. Пять человѣкъ иностранцевъ пріѣхали къ Струкову съ просьбою поскорѣе занять Адріанополь для возстановленія порядка.

Записка эта произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Если до этого дошло, то, быть можетъ, и въ Константинополѣ въ настоящую минуту уже царитъ анархія, исчезло правительство, разваливается Оттоманская имперія. Не даромъ мусульманское населеніе, съ самаго начала войны, поголовно уходитъ отовсюду, гдѣ появляются наши войска. Точно инстинктивно предчувствуетъ, что гдѣ мы утверждались, тамъ мусульманамъ больше не жить. Не даромъ же ими овладѣлъ суевѣрный страхъ и роковое убѣжденіе, что пришелъ конецъ господству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Скобелевъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ донесеній, писалъ, что турки, убѣгая въ совершенномъ ужасѣ, вспоминали о явившейся 24-го декабря на небѣ яркой звѣздѣ подъ полумѣсяцемъ, и говорили, что это небесное знаменіе не къ добру для нихъ. Дѣйствительно, мы всѣ любовались въ Боготѣ этимъ чуднымъ явленіемъ: помнится, это былъ «Юпитеръ», блиставшій какъ разъ подъ полумѣсяцемъ въ видѣ подвѣска къ нему.

Можно себѣ представить, что дѣлается теперь по пути отъ Адріанополя къ Царьграду и въ самомъ Царьградѣ, куда стремятся всѣ бѣглецы-мусульмане! Что, если мы въ самомъ дѣлѣ, сами того не желая, уже разрушили Оттоманскую имперію и, оканчивая войну съ нею, кладемъ начало европейской войнѣ за турецкое наслѣдство? Оно, конечно, хорошо, если проклятый восточный вопросъ разрѣшится теперь же, хотя бы цѣною трехлѣтней европейской войны. Но сознаюсь: во мнѣ нѣтъ настолько величія души, чтобы не бояться этого грознаго вопроса. Если бы во мнѣ была увѣренность, что вопросъ этотъ разрѣшится въ нашу пользу, я готовъ былъ бы даже пожертвовать собою для всероссійскаго блага. Но этой увѣренности нѣтъ: не нашимъ слабымъ силамъ вывозить на своихъ плечахъ міровыя событія. Намъ не справиться со всею Европою, которая, несомнѣнно, ополчится про-

тивъ насъ и ни за что не позволитъ намъ рѣшить восточный вопросъ согласно съ нашими выгодами. Россія и теперь уже пугало, а тогда сдѣлается кошмаромъ всей Европы.

Впрочемъ, лучше всего отдаться на волю Провидѣнія. Событія идутъ быстро и складываются для насъ благопріятно: остается плыть по теченію и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ можно. Это война роковая съ самаго начала: не мы ее ведемъ, а она насъ ведетъ, и неизвѣстно, куда приведетъ.

Немедленно по полученіи записки Струкова, Великій Князь приказалъ мнѣ составить цѣлый рядъ телеграммъ. Вотъ онѣ:

1) Государю (эта телеграмма была уже отправлена до полученія записки Струкова):

«При занятіи Сливна командиръ 4-го эскадрона орденскихъ драгунъ нашелъ тамъ наши зарядные ящики и лафетъ, взятые турками подъ Еленой. Кромѣ того—запасъ шанцоваго инструмента на 1.600 чел., громадный складъ сукна и денежный ящикъ.

«Мустафа-Паша, близъ Адріанополя, занятъ 6-го января дивизіономъ московскихъ лейбъ-драгунъ, послѣ небольшой стычки съ башибузуками, которые отброшены. Наши потери въ этомъ дѣлѣ еще неизвѣстны. Станція, городъ и мостъ заняты 7-го января. Генералъ Струковъ съ остальными эскадронами московскихъ драгунъ и петербургскими уланами двинулся отъ Херманли къ Чермену. Ночью съ 6-го на 7-е января маіоръ Искандербегъ съ 4-мъ эскадрономъ петербургскихъ уланъ открылъ на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли огромный турецкій обозъ, растянувшійся на десять верстъ, и замѣтилъ много костровъ у д. Деврали. 7-го января, съ разсвѣтомъ, Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ отрядомъ изъ четырехъ баталіоновъ съ артиллеріей и сотнею казаковъ. Казанлыкъ, 8-го января, $8^3/_4$ ч. вечера».

2) Генералъ-лейтенанту Скобелеву (съ ординарцемъ):

«Сейчасъ получилъ записку Струкова отъ $8^1/_2$ вечера 7-го января. Поспѣши занять Адріанополь, если возможно, немедленно, хотя небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ. Поздравляю тебя съ бриліантовою шпагою съ надписью: «За переходъ черезъ Балканы». Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера» [1]).

[1]) Депеша эта оказалась запоздавшею; въ это время Адріанополь уже былъ занятъ Струковымъ.

3) Генералу-отъ-инфантеріи Радецкому (съ ординарцемъ):

«Струковъ доноситъ отъ $8^1/_2$ вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, губернаторъ и войска бѣжали, начался пожаръ и безпорядки. Склады пороха и снарядовъ взорваны на воздухъ. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову, прося занять городъ и возстановить порядокъ. Спѣшите, насколько возможно, въ Адріанополь, руководствуясь отношеніемъ начальника полевого штаба, посланнымъ вамъ вчера. Скобелеву я приказалъ возможно скорѣе двинуть въ Адріанополь хотя небольшой самостоятельный отрядъ. О времени вступленія вашего въ Адріанополь донесите мнѣ съ тѣмъ же ординарцемъ, который привезетъ эту записку. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера».

4) Филиппополь, Генералъ-адъютанту Гурко (съ ординарцемъ):

«Сейчасъ получилъ донесеніе Струкова отъ $8^1/_2$ ч. вечера 7 января изъ Мустафа-Паши, что въ Адріанополѣ паника, дошедшая до того, что губернаторъ и войска бѣжали. Склады пороха и зарядовъ взорваны. Струковъ самъ слышалъ взрывъ. Начался пожаръ и безпорядокъ. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову съ просьбою поспѣшить въ Адріанополь для водворенія порядка. Я только что послалъ Скобелеву 2-му приказаніе немедленно занять Адріанополь хотя небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ, а Радецкому поспѣшить туда же отъ Ямболи.

Передай мое большое спасибо молодецкимъ войскамъ. Спасибо тебѣ отъ всей глубины души, совершенный ты молодецъ. Спасибо также моему старому вѣрному другу Шувалову. Сыну его даю Станислава 3 степени. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера».

5) Государю:

«Струковъ доноситъ отъ $8^1/_2$ ч. вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, начавшаяся еще со времени моего перехода черезъ Балканы, усилившаяся по занятіи Трнова и Херманли и дошедшая теперь до того, что губернаторъ и войска бѣжали, склады пороха и зарядовъ взорваны. Струковъ самъ слышалъ взрывъ. Начался пожаръ и безпорядки. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову съ просьбою поспѣшить въ Адріанополь, для водворенія порядка. Я сейчасъ послалъ Скобелеву 2-му приказаніе занять немедленно Адріанополь самостоятельнымъ отрядомъ, если это извѣстіе

вѣрно. Радецкому тоже приказалъ поспѣшить въ Адріанополь отъ Ямболи. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера».

9-го января.—Сегодня, въ 12 час. дня, Серверъ и Намыкъ-паши были оффиціально приняты Великимъ Княземъ. Переговоры продолжались ровно два часа. Присутствовали только Непокойчицкій и Нелидовъ. Послѣдній разсказывалъ мнѣ, что по поводу предъявленныхъ уполномоченнымъ главныхъ основаній мира, Намыкъ-паша обратился къ Великому Князю со слѣдующею рѣчью: «Александръ Македонскій, лишивъ индійскаго царя Пора его владѣній, все-таки почтилъ его царскій санъ. Мы побѣждены вполнѣ, мы это сознаемъ, и пришли къ Вашему Высочеству заявить, что полагаемся на великодушіе и милосердіе русскаго Государя. Мы имѣемъ весьма широкія полномочія, но то, что вы требуете, почти равносильно уничтоженію турецкой имперіи. Я не могу взять на себя согласиться на подобныя условія. Позвольте просить васъ умѣрить ваши требованія».

Великій Князь отвѣчалъ, что никакихъ уступокъ сдѣлать не можетъ, даетъ имъ два часа на размышленіе, а затѣмъ, если они условій не примутъ—будетъ энергически продолжать наступленіе и двинется впередъ.

Въ 4 часа дня уполномоченные пріѣхали къ Великому Князю вторично. Заявили, что вполнѣ понимаютъ, что намъ нѣтъ разсчета имъ уступать, и что съ каждымъ новымъ успѣхомъ нашего оружія мы имѣемъ полное основаніе даже усугубить тяжесть предлагаемыхъ условій. Тѣмъ не менѣе, они совершенно не вправѣ принять эти условія, а должны запросить Порту. «Если бы, прибавили они, мы имѣли прямыя телеграфныя сношенія съ Константинополемъ [1]), то сообщили бы ваши условія и получили бы приказаніе по телеграфу. Но такъ какъ депеша наша можетъ придти туда не ранѣе какъ черезъ 36 часовъ (простыя, нешифрованныя телеграммы идутъ 18 часовъ), то можетъ пройти 4—5 дней, прежде чѣмъ мы получимъ отвѣтъ. Поэтому лучше намъ самимъ ѣхать въ Константинополь за инструкціями».

[1]) Депеши въ Константинополь и обратно передаются замѣчательно—кружнымъ путемъ: до Шипки—съ нарочными; далѣе—по военному телеграфу до Зимницы, оттуда черезъ Бухарестъ и Вѣну въ Бриндизи (Италія) и черезъ Александрію (Египетъ) въ Константинополь.

Великій Князь отвѣтилъ, что очень сожалѣетъ о недостаточности ихъ полномочій, считаетъ переговоры прерванными, будетъ телеграфировать объ этомъ Государю и продолжать наступленіе. Теперь, если уполномоченные даже передумаютъ, онъ, Великій Князь, уже не въ вправѣ принять ихъ согласіе на предложенныя условія, а испроситъ Высочайшее повелѣніе: останутся ли прежнія, или будутъ поставлены новыя условія. Обстановка мѣняется въ нашу пользу ежедневно, и посему условія, которыя считаются достаточными сегодня, могутъ оказаться недостаточными уже завтра.

Такимъ образомъ, сегодняшніе переговоры кончились ничѣмъ, или, вѣрнѣе,—оборваны. Нелидовъ разсказывалъ мнѣ, что Серверъ и Намыкъ паши, а равно лица изъ свиты, въ частныхъ бесѣдахъ озлобленно ругаютъ Англію, которая втравила ихъ въ войну, а теперь бросила на произволъ судьбы. Серверъ-паша, кромѣ Англіи, ожесточенно порицалъ графа Игнатьева, называя его злѣйшимъ врагомъ не только Турціи, но и своего собственнаго отечества. Серверъ-паша, между прочимъ, выразился такъ: «Я всегда былъ сторонникомъ тѣснаго согласія и союза съ Россіей; я никогда бы отъ этой политики не отступился, еслибъ меня не вынудилъ къ этому Игнатьевъ. Но согласитесь сами, что мнѣ было дѣлать, когда онъ во всеуслышаніе началъ говорить всѣмъ: «je porte Server dans ma poche, c'est mon homme?» Мнѣ поневолѣ пришлось стать противъ соглашенія съ Россіей,—иначе мое правительство заподозрило бы, что я подкупленъ».

Въ томъ, что произошла задержка въ принятіи мирныхъ условій и, вслѣдствіе этого, отсрочка перемирія—бѣды никакой для насъ нѣтъ: это очень опасно для самихъ турокъ, ибо дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ можетъ привести къ низверженію султана и революціи въ Константинополѣ. Но и для насъ, по моему глубокому убѣжденію, такая катастрофа очень нежелательна. Сохраненіе турецкаго владычества въ Константинополѣ—нашъ прямой интересъ, ибо мы не въ силахъ замѣнить его своимъ. Хотя, благодаря безпримѣрнымъ подвигамъ нашихъ войскъ, мы и оказались достаточно сильны, чтобы разгромить турецкую имперію,—намъ, однако, совершенно не подъ силу удержать Константинополь за собой. Стоитъ намъ только овладѣть имъ—возгорится европейская война. Ни за что намъ не дозволятъ захватить Царьградъ и проливы.

Вслѣдствіе перерыва переговоровъ, Великій Князь уже назначилъ на 12-е января отъѣздъ отсюда, пославъ Государю сегодня вечеромъ слѣдующую шифрованную телеграмму:

«Послѣ двухъ новыхъ засѣданій сегодня, турки объявили, что не считаютъ себя уполномоченными принять пунктъ 1-й и послѣднюю половину 4-го. Я объявилъ имъ, что считаю поэтому условія непринятыми. Они просили позволенія телеграфировать султану. Я отвѣчалъ, что беру на себя разрѣшить имъ ожидать отвѣта, не выѣзжая изъ моей главной квартиры, но при этомъ предупредилъ ихъ, что военныя дѣйствія будутъ энергически продолжаться, и что теперь отвѣтъ Порты, даже вполнѣ удовлетворительный, въ виду быстро измѣняющихся событій, я не считаю себя болѣе вправѣ принять безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ тебя. А потому прошу увѣдомить меня возможно скорѣе: могу ли я, въ случаѣ принятія султаномъ предъявленныхъ нами условій, заключить на ихъ основаніи перемиріе, или долженъ ожидать новыхъ инструкцій.

«Кромѣ того, въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скораго движенія нашихъ войскъ, возможнаго въ эту уже минуту занятія нами Адріанополя и неоднократно высказаннаго тобою желанія о безостановочномъ движеніи впередъ нашихъ войскъ, — испрашиваю: какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, что легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адріанополя до Стамбула включительно; а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ:

«1) если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ;

«2) если будетъ иностранный дессантъ въ Константинополѣ;

«3) если тамъ будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ; и—

«4) какъ отнестись къ Галлиполи — съ англичанами и безъ англичанъ?

«Жду съ нетерпѣніемъ неотлагательнаго отвѣта для принятія своевременныхъ мѣръ».

Сегодня же, 9-го января, получены двѣ весьма важныя телеграммы:

1) Отъ Государя, поданная въ СПб., 6-го января, въ 4 ч. 30 м. дня:

«Всѣ телеграммы твои отъ 3-го и 4-го января до меня дошли вчера вечеромъ. Вижу съ удовольствіемъ, что наступленіе съ настойчивостью продолжается. Отвѣты на записки Нелидова и князя Черкасскаго тебѣ посланы. Нахожу присутствіе послѣдняго на мѣстѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ».

2) Отъ военнаго министра, подана въ Петербургѣ 4-го января въ 1 ч. 35 м. пополуночи (шифрованная):

«По Высочайшему повелѣнію довожу до свѣдѣнія Вашего Высочества, что Англіею сдѣланъ намъ запросъ: будутъ ли русскія силы направлены на Галлиполи, при чемъ высказано мнѣніе, что всякое дѣйствіе, могущее поставить Дарданеллы подъ вліяніе Россіи, затруднитъ окончательное мирное соглашеніе. На это данъ отвѣтъ, что мы вовсе не имѣемъ въ виду направлять наши дѣйствія на Галлиполи, если только турки не стянутъ туда свои силы.—Милютинъ».

Начинается назойливое англійское вмѣшательство! И зачѣмъ имъ отвѣчаютъ? Какое право имѣютъ англичане указывать намъ? Возмутительно!

Сегодня же Великій Князь послалъ двѣ телеграммы Цесаревичу въ Брестовацъ:

1) «Прошу тебя направить 8-ю кавалерійскую дивизію черезъ Тырновъ, Твардицу или Старорѣку на Ямболи и далѣе черезъ Ваково къ Адріанополю, на присоединеніе къ 8-му корпусу».

2) «Прошу тебя, чтобы Омскій полкъ съ батареями 24-й артиллерійской бригады былъ двинутъ немедленно на присоединеніе къ своей дивизіи въ Тырновъ, а Сумскій гусарскій—на Тырновъ, Старорѣку, Ямболи и Ваково къ Адріанополю на присоединеніе тоже къ своей дивизіи. Отдай соотвѣтствующія приказанія Дрентельну [1]) и сообщи ихъ мнѣ».

10-го января.—Сегодня въ 11 ч. утра получено донесеніе Струкова о занятіи Адріанополя. Великій Князь въ восторгѣ и приказалъ мнѣ немедленно составить слѣдующую телеграмму Государю:

«Только сію минуту получилъ донесеніе Струкова изъ Адріа-

[1]) Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ былъ начальникомъ военныхъ сообщеній арміи, находился въ Бухарестѣ, а упомянутыя въ телеграммѣ части войскъ находились на лѣвомъ берегу Дуная, въ его вѣдѣніи.

нополя. Лихой генералъ Струковъ занялъ городъ безъ выстрѣла 8-го января съ $5^1/_2$ эскадронами 1-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи. Населеніе въ восторгѣ, горячо благодаритъ за спасеніе отъ шаекъ черкесовъ и баши-бузуковъ, нахлынувшихъ на городъ по уходѣ регулярныхъ войскъ, толпами убѣгавшихъ изъ Адріанополя. Такъ какъ власти всѣ бѣжали, то генералъ Струковъ установилъ временное правленіе изъ выборныхъ лицъ разныхъ націй, подъ предсѣдательствомъ высшаго духовнаго лица. 8-го января двинутъ изъ Херманли къ Адріанополю пѣхотный полкъ съ артиллеріею 30-й дивизіи. Полагаю, что теперь онъ уже прибылъ. Выѣзжаю отсюда въ Адріанополь 12-го и надѣюсь тамъ быть 15-го января».

Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, Великій Князь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не принимать перемирія на тѣхъ условіяхъ, которыя турки не рѣшились принять вчера. Если не получитъ особаго Высочайшаго повелѣнія, то и разговаривать съ уполномоченными больше не хочетъ, а намѣревается, пользуясь разгромомъ турецкихъ войскъ и всеобщею паникою, стремительно наступать не только на Константинополь, но и на Галлиполи. Великій Князь говоритъ, что въ телеграммѣ Милютина сообщается лишь о данномъ Англіи обѣщаніи не занимать Галлиполи условно, въ томъ только случаѣ, если тамъ не будетъ турецкихъ войскъ. А такъ какъ мы имѣемъ полное право предполагать тамъ эти войска и всегда можемъ сослаться на дошедшіе до насъ слухи объ этомъ, то и стѣсняться нечего: Галлиполи непремѣнно надо занять и поскорѣе, чтобы создать совершившійся фактъ прежде, чѣмъ получится запрещеніе. Съ англичанами церемониться нечего: они сами ни съ кѣмъ не церемонятся; надо пользоваться рѣдкимъ случаемъ имъ отплатить.

Съ горячимъ сочувствіемъ и восторгомъ слушалъ я эти разсужденія Великаго Князя. Не могъ удержаться, чтобъ не пожалѣть вслухъ о существованіи телеграфнаго сообщенія съ Петербургомъ. Великій Князь вполнѣ присоединился къ этому сожалѣнію.

Весь день прошелъ въ горячкѣ полученія и отправки телеграммъ.

Великому князю Алексѣю Александровичу послано въ Петрошаны двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія [1]):

[1]) Обѣ составлены самимъ Великимъ Княземъ.

1) «Перевези твой обозъ и тяжести на правый берегъ Дуная и только-что сдашь все прибывшее морскимъ командамъ и когда найдешь возможнымъ, то выступай самъ и дай мнѣ о томъ немедленно знать. Иди на Тырновъ,—теперь же вышли офицера къ Деллингсгаузену въ Сливно, чтобы онъ указалъ, гдѣ лучше пройти: черезъ Твардицу или Старорѣку. Если твои люди не будутъ въ состояніи пройти черезъ горы, то не задерживайся ими, а иди, не останавливаясь, прямо на Адріанополь. Чѣмъ скорѣе выступишь, тѣмъ лучше».

2) «Возьми съ собою всѣ снаряды, необходимые для устройства миноносныхъ лодокъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ лодки не пройдутъ черезъ горы, то возможно было бы приспособить ихъ къ другимъ судамъ, которыя найдемъ въ Мраморномъ морѣ. Адріанополь занятъ нами 8-го числа; поэтому чѣмъ скорѣе дойдемъ, тѣмъ лучше. Постараюсь для тебя приготовить поѣздъ желѣзной дороги въ Ямболи для перевозки въ Адріанополь. Не забудь взять съ собой мины и минную команду гвардейскаго санернаго баталіона и гальванической роты».

Отъ Государя получена сегодня только одна телеграмма, а Его Величеству Великій Князь посылалъ одну телеграмму за другою.

Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 30 м. дня 8-го января, была слѣдующая:

«Благодарю за письма отъ 29-го декабря и за телеграмму съ подробностями дѣлъ генераловъ Гурко и Струкова. Передай мое спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ и моимъ драгунамъ въ особенности. Выдай имъ кресты, по пяти на эскадронъ».

Государю посланы сегодня, одна за другою, слѣдующія телеграммы:

1) «Побѣда, одержанная генераломъ Гурко въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ, 3, 4 и 5-го января, оказалась еще полнѣе и блистательнѣе, чѣмъ я сообщилъ сперва. Выяснилось, что Гурко имѣлъ дѣло не съ половиною, а со всею арміей Сулеймана-паши, подъ личнымъ его начальствомъ, въ числѣ отъ 80 до 90 таборовъ, всего болѣе 40 тысячъ. Только послѣ боя 5-го января была разрѣзана почти пополамъ окончательно. Одна половина, подъ начальствомъ Фуада-паши, потерявъ въ бою 4-го и 5-го января

46 орудій, бѣжала, въ ночь на 6-е января, въ горы на Нарѣчинъ и Добролукъ, въ полномъ разстройствѣ, побросавъ по дорогѣ съ кручъ оставшіяся при ней орудія, числомъ около 12. Другая половина, около 40 таборовъ при 40 слишкомъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Сулеймана, бѣжала въ ту же ночь, также горами, на Тахталы, Караджаларъ и Гюмюрджи, къ сторонѣ Хаскіоя. Генералъ Гурко поручилъ преслѣдовать ее генералу Скобелеву 1-му, усиливъ ее сводною драгунскою бригадою Краснова. Сулейманъ ночевалъ на 6-е въ Тахталы, а на 7-е въ Караджаларѣ, откуда выступилъ до разсвѣта: большая часть пѣхоты впереди, затѣмъ 40 орудій и въ арріергардѣ 5 таборовъ. Къ разсвѣту 7-го января кавалерія Скобелева 1-го подошла къ Караджалару. Шедшій въ головѣ 30-й донской Грекова полкъ, увидѣвъ артиллерію съ прикрытіемъ, мгновенно развернулся и бросился въ атаку. Пять таборовъ, пораженные неожиданностью, бросились бѣжать, и всѣ 40 орудій были взяты казаками полка Грекова. Такимъ образомъ, армія Сулеймана лишилась почти всей артиллеріи: считая вмѣстѣ съ сброшенными съ кручи, которыя уже приказано вытащить, въ наши руки досталось 97 орудій. По показаніямъ плѣнныхъ, у Сулеймана осталось затѣмъ лишь небольшое число горныхъ орудій. Часть арміи, бѣжавшая съ самимъ Сулейманомъ, должна или наткнуться у Хаскіоя на отрядъ Скобелева 2-го, или бѣжать прямо на югъ, въ горы. Кромѣ отряда Скобелева 2-го, къ Хаскіою собралась еще къ 6-му января гвардейская кавалерія, которой приказано: идти туркамъ навстрѣчу, задержать ихъ и сообщить Скобелеву 2-му, дабы могъ ихъ перехватить. Наконецъ, отряду генерала Карцева приказано также идти отъ Чирпана черезъ Кояджи на Хаскіой».

2) «Какъ я уже телеграфировалъ, въ ночь съ 6-го на 7-е января, былъ открытъ Петербургскими уланами по дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли громадный обозъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и вооруженныхъ жителей. Съ разсвѣтомъ 7-го января, генералъ Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ Углицкимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 2-мя орудіями. Въ 12 верстахъ отъ Херманли полковникъ Панютинъ настигъ непріятеля въ числѣ 6-ти таборовъ и массы вооруженныхъ жителей и послѣ двухчасового боя разбилъ и разсѣялъ турокъ и овладѣлъ всѣмъ обо-

зомъ—около 20 тысячъ повозокъ. Наша потеря—4 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. Къ величайшему сожалѣнію, здѣсь находилось нѣсколько тысячъ мусульманскаго населенія, выведеннаго по распоряженію Сулеймана изъ Филиппополя и окрестностей. Эти несчастные съ началомъ боя въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ въ обозѣ дѣтей. Пока шелъ бой, большая часть ихъ имущества была разграблена болгарами. Дѣти были призрѣны нашими войсками, грабежъ по окончаніи боя пріостановленъ, приняты мѣры для возвращенія дѣтей матерямъ, которыя мало-по-малу и начали возвращаться. Тѣмъ не менѣе, положеніе несчастныхъ мусульманскихъ жителей ужасное. Вслѣдствіе распоряженія Сулеймана и овладѣвшей ими неописанной паники, они бѣгутъ отовсюду безъ оглядки, уничтожая свои дома, забирая семейства и имущество, которое теряютъ по дорогѣ. Все это неизбѣжно погибнетъ, тогда какъ, оставаясь на мѣстѣ, они могли бы жить спокойно, подъ защитою нашихъ военныхъ властей. Глубоко скорблю, что блистательные успѣхи, нами достигнутые, помимо моей воли влекутъ за собой столь грустныя послѣдствія, которыхъ я не могъ предупредить и которыя теперь могу лишь съ большимъ трудомъ смягчить».

3) «8-го января къ Адріанополю подошелъ уже самостоятельный пѣхотный отрядъ съ артиллеріей. 9-го января разсчитывалъ прибыть туда уже по желѣзной дорогѣ самъ генералъ Скобелевъ 2-й, съ остальными войсками авангарда арміи. Обращаю вниманіе твое на то, что во вторую столицу турецкой имперіи первыми вступили полки, носящіе названія нашихъ обѣихъ столицъ: лейбъ-драгунскій Московскій и Петербургскій уланскій».

4) «События такъ быстро совершаются и опережаютъ всѣ возможныя предположенія, что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царь-града. Въ виду этого, для твоихъ политическихъ соображеній сообщаю, что 15-го января надѣюсь быть въ Адріанополѣ. Къ тому времени войска Гурко могутъ быть по дорогѣ на Демотику, куда онъ мною направленъ отъ Хаскіоя. Часть пѣхоты Скобелева 2-го теперь уже въ Адріанополѣ.

«Радецкій будетъ тамъ около 15-го. Голова гренадеръ тоже 15-го у Херманли. Полагаю двинуть 17-го пѣхоту по дорогамъ отъ

Адріанополя на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Константинополя. Вездѣ устраиваю хлѣбопеченіе, на что со стороны мѣстныхъ жителей имѣю много предложеній.—Казанлыкъ, 10-го января, 1 ч. дня».

5) «Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами. Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться, и въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т.-е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ и при окончательномъ разсчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ.—Казанлыкъ, 10-го января, 3 ч. дня».

Послѣднія двѣ телеграммы составлены самимъ Великимъ Княземъ, а мною только зашифрованы. Созрѣвшая въ Великомъ Князѣ рѣшимость идти безостановочно на Константинополь и Галлиполи одновременно—вполнѣ соотвѣтствуетъ необычайно и неожиданно благопріятной для насъ обстановкѣ. Такія историческія минуты очень рѣдки и никогда не повторяются: ихъ надо хватать на лету. Хотя мы идемъ впередъ почти съ голыми руками, но можно быть увѣренными, что даже ничѣмъ не рискуемъ: паника черезчуръ велика и сопротивленія ожидать нечего, если только не давать туркамъ времени опомниться. Великій Князь правъ: ужъ если турки оставили безъ боя хорошо укрѣпленный и вооруженный Адріанополь, то они безъ сопротивленія отдадутъ и Константинополь. Въ особенности же правъ Великій Князь, торопясь занять сверхъ того и Галлиполи: это единственный шансъ не допустить англичанъ до активнаго вмѣшательства въ наши дѣла. Нельзя пропускать ихъ черезъ Дарда-

неллы, это—главное. Конечно, у насъ нѣтъ не только флота, но даже артиллеріи, которая почти вся еще за Балканами. Но ни англичане, ни турки этого еще не знаютъ; слѣдовательно, достаточно занять Галлиполи, чтобы англичане призадумались и замялись. Время выиграемъ, это главное, а что дѣлать дальше—видно будетъ.

Весьма возможно, что наше появленіе передъ Константинополемъ вызоветъ тамъ революцію, сверженіе или бѣгство султана на азіатскій берегъ. Возможно, что обстоятельства усложнятся до того, что произойдетъ общій пожаръ и европейская война за турецкое наслѣдство. Придется тогда поневолѣ рѣшать восточный вопросъ, хотя мы къ этому вовсе не готовы. Что же дѣлать. Все-таки намъ выгоднѣе имѣть на этотъ случай въ своихъ рукахъ такіе два важныхъ залога, какъ Царьградъ и Галлиполи.

Будущее всегда загадочно. Но нельзя упускать такіе рѣдкіе случаи повернуть его въ нашу пользу. Или теперь, или никогда!

11 января.— Сегодня, въ первый разъ за Балканами, чудный, теплый, солнечный день. Можно ходить безъ пальто.

Съ лихорадочною поспѣшностью заканчиваю отчетъ Государю: писалъ всю ночь до 5 ч. утра; завтра утромъ, передъ выступленіемъ, Великій Князь непремѣнно желаетъ его отослать. Завтра должны ночевать въ Эски-Загрѣ, 13-го перейти въ Трново-Сейменли, а оттуда, можетъ быть,—уже по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь: Скобелевъ надѣялся возстановить по ней движеніе даже вчера. Намыкъ и Серверъ паши поѣдутъ съ нами; ихъ свита—днемъ позже. Сегодня къ нимъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ султана—Иццетъ-бей, съ какимъ-то письмомъ.

Телеграммы изъ Петербурга стали страшно запаздывать.

Отъ Государя получена телеграмма, поданная 6-го января въ 3 ч. 58 м. дня! На Шипкѣ телеграфное сообщеніе было нѣкоторое время прервано снѣжною бурею, такъ что телеграмма была прислана оттуда только сегодня утромъ, вмѣстѣ съ другою, поданною въ Петербургѣ вчера, 10-го января, въ 10 ч. 41 м. вечера. Вотъ эти телеграммы:

1) «Чрезвычайно обрадованъ какъ занятіемъ Филиппополя, такъ и Херманли и Трново и молодецкими дѣйствіями моихъ драгунъ со

Струковымъ. Извѣсти, когда получишь телеграмму, князя Горчакова отъ 5-го января. Да поможетъ намъ Богъ».

2) (Шифрованная). «При теперешнихъ обстоятельствахъ желаю, чтобы Саша и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи до заключенія перемирія».

Въ 1 ч. 30 м. дня была получена отъ Скобелева 2-го телеграмма изъ Адріанополя, отъ 10-го января (часъ отправленія не помѣченъ), которая была передана до Херманли, а оттуда прислана съ нарочнымъ. Составлена по французски, привожу ее въ переводѣ:

«Казанлыкъ, начальнику штаба арміи.

«Конница авангарда, послѣ цѣлаго ряда стычекъ съ конницею Ахмеда-Эюбъ-паши, заняла городъ, спѣшно очищенный 2.000 пѣхоты и массою баши-бузуковъ, которые взорвали арсеналъ, пороховой складъ и старый султанскій дворецъ. Конница потеряла около 30 чел. Разбѣжавшіеся баши-бузуки рѣжутъ, грабятъ и насилуютъ въ селеніяхъ. Летучіе отряды преслѣдуютъ. Грекъ Фассо, котораго султанъ назначилъ губернаторомъ, не былъ признанъ начальникомъ моего авангарда Струковымъ. Я утвердилъ это рѣшеніе. Для управленія городомъ образована временная комиссія изъ представителей разныхъ народностей, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, воспитанника Кіевской духовной академіи. Австрійскій консулъ протестовалъ, но мы оставили протестъ безъ вниманія. Смѣлая иниціатива начальника моего авангарда спасла древнюю столицу отъ разграбленія баши-бузуками и поддержала порядокъ среди чрезвычайно возбужденной массы населенія. Черезъ часъ городъ будетъ занятъ Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Я отправляюсь въ конакъ, поддержу порядокъ. Войска займутъ казармы и укрѣпленія. Авангардъ генерала Струкова съ многочисленною конницею сейчасъ выступаетъ на Киркилиссу, Люле-Бургасъ. Гвардейская кавалерія на Демотику. Общее начальство надъ всею кавалеріею ввѣрено генералу Дохтурову».

Государю было немедленно телеграфировано Великимъ Княземъ:

«Въ стычкахъ съ баши-бузуками и небольшими кавалерійскими отрядами передъ занятіемъ Адріанополя Струковъ потерялъ двухъ офицеровъ ранеными, а нижнихъ чиновъ четыре убитыми и около пятнадцати ранеными. Несмотря на 10-ти-дневный непрерывный походъ по снѣжнымъ дорогамъ, при 10-ти-градусномъ морозѣ съ вѣ-

тромъ, при безпрестанныхъ стычкахъ, въ постоянно напряженномъ состояніи—въ кавалеріи Струкова нѣтъ ни больныхъ, ни отсталыхъ. Адріанополь былъ поспѣшно очищенъ Ахмедъ-Эюбомъ съ 2.000 пѣхоты. Пороховой складъ, арсеналъ и старый султанскій сераль взорваны имъ. По выходѣ войскъ, арсеналъ и большая часть складовъ были разграблены еще до вступленія Струкова. Баши-бузуки и уходящіе турки начали рѣзать, грабить и жечь окрестныя селенія. Городъ былъ спасенъ отъ грабежа лишь благодаря энергіи и рѣшительности генерала Струкова, которому съ трудомъ удалось сдержать возбужденныя массы народа и внушить страхъ бродящимъ въ окрестностяхъ баши-бузукамъ. Вступивъ въ Адріанополь, Струковъ успѣлъ захватить 22 крупповскихъ орудія и 4 орудія большого калибра. При арсеналѣ осталось два турецкихъ офицера съ 73 солдатами. Струковъ учредилъ для управленія городомъ временную коммиссію изъ представителей разныхъ націй, преимущественно духовнаго званія, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа, бывшаго воспитанника кіевской академіи. Вчера, 10-го января, прибылъ въ Адріанополь генералъ Скобелевъ 2-й, утвердилъ всѣ сдѣланныя Струковымъ распоряженія, немедленно двинулъ его съ кавалеріей на Киркилиссу и Люле-Бургасъ, а гвардейской кавалеріи приказалъ направиться на Демотику. Общее руководство всею кавалеріею поручилъ генералу Дохтурову [1]). Около 2-хъ час. пополудни, 10-го января, долженъ былъ вступить въ Адріановоль Владимірскій полкъ. Вчера же вступили туда Шуйскій полкъ, 11-й стрѣлковый баталіонъ и 4 орудія. Войска помѣстились въ казармахъ и фортахъ внѣ города; Скобелевъ—въ конакѣ. Телеграфное сообщеніе между Адріанополемъ и Херманли установлено вновь, личный составъ остался на мѣстѣ. Скобелевъ прислалъ мнѣ телеграмму на французскомъ языкѣ изъ Адріанополя, которая получена въ Херманли въ $12^1/_2$ ч. пополудни 10-го января, оттуда послана летучею почтою и сейчасъ мною получена. Австрійскій консулъ протестовалъ противъ установленія Струковымъ временнаго управленія, но какъ Струковъ, такъ затѣмъ и Скобелевъ, оставили протестъ безъ вниманія.

[1]) Ген.-лейт. Дохтуровъ былъ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи, но вслѣдствіе назначенія Струкова начальникомъ авангарда—остался ни при чемъ.

«Сейчасъ получилъ донесеніе Гурко, что число взятыхъ нами орудій не 97, а 110. — Казанлыкъ, 11-го января, 2 ч. пополудни».

Сегодня Великій Князь получилъ двѣ телеграммы отъ Цесаревича:

1) «Ведутся ли переговоры и какой оборотъ они принимаютъ; мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. На что можемъ разсчитывать?»

2) «Въ отрядѣ все тихо и благополучно. Перебѣжчики болгары изъ Рущука показали, что въ Рущукѣ до 12 тысячъ войска. Болгары жалуются, что черкесы обращаются съ ними жестоко и грозятъ ихъ всѣхъ перерѣзать. Не признаете ли Ваше Императорское Высочество возможнымъ повліять на уполномоченныхъ Турціи въ виду защиты болгаръ отъ звѣрствъ и угрозъ черкесовъ. 8-я кавалерійская дивизія выступаетъ сегодня изъ Раховицъ первымъ эшелономъ, а всѣхъ эшелоновъ три.—Генералъ-адъютантъ Александръ».

Мнѣ неизвѣстно, что отвѣтилъ Великій Князь Цесаревичу.

12 января.—Прочитавъ вчера вечеромъ Великому Князю черновой отчетъ, я переписывалъ его набѣло всю ночь напролетъ и къ $5^1/_2$ ч. сегодняшняго утра представилъ его Великому Князю къ подписи. Великій Князь, еще вчера вечеромъ выражавшій опасеніе, что я не успѣю кончить переписку,—былъ въ восторгѣ, горячо благодарилъ и удивлялся моей выносливости. Подписавъ и отправивъ отчетъ Государю [1]) съ фельдъегеремъ, Великій Князь сталъ угощать меня чаемъ съ свѣжими булками и даже масломъ. Это было очень кстати, потому что всѣ вещи наши, да и кухня Великаго Князя, ушли еще съ вечера, и у насъ не было ровно ничего.

Въ $6^1/_2$ ч. утра мы выѣхали изъ Казанлыка верхомъ, въ совершенной темнотѣ. Около 8 ч. начался чудный разсвѣтъ. Отраженіе и переливы лучей восходящаго солнца на скатахъ горъ, окружающихъ казанлыкскую долину, представляли волшебное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что освѣщеніе мѣнялось безпрерывно. Восторгались люди даже мало-впечатлительные къ красотамъ природы. Теперь нѣтъ ни снѣга на горахъ, ни зелени, и все-таки какъ чудно хорошо! Можно

[1]) Отчетъ приведенъ ниже.

себѣ представить, какое чарующее зрѣлище представляетъ восходъ солнца зимою и лѣтомъ.

Проѣхавъ верстъ 12, мы вступили въ ущелье Малыхъ-Балканъ. Сперва шла довольно широкая дорога, но затѣмъ вдругъ съузилась и начала извиваться то по узкимъ карнизамъ, то по дну быстраго ручья. Это—Дербендкіойское ущелье. Изумительно, какъ здѣсь прошелъ нашъ обозъ, да еще ночью. Онъ выступилъ вчера въ 7 ч. вечера, и мы его уже застали въ Эски-Загрѣ, куда онъ благополучно прибылъ сегодня въ 11 ч. утра, отдѣлавшись лишь нѣсколькими поломанными дышлами и колесами.

Эски-Загру мы увидѣли въ развалинахъ. По словамъ участниковъ перваго забалканскаго похода, это былъ большой, богатый городъ, еще красивѣе Казанлыка. Теперь въ немъ уцѣлѣло счетомъ 29 домовъ, да и то совершенно опустошенныхъ, съ выбитыми стеклами. Даже каменныя стѣны разрушены до основанія. Это была месть турокъ болгарамъ послѣ сраженія 18-го іюля, за разрушеніе ими мусульманскихъ домовъ въ началѣ іюля, когда появился отрядъ Гурко. Надо правду сказать, что турки во время войны ни разу не начинали свирѣпствовать надъ болгарами сами, а всегда лишь въ отместку за болгарскія неистовства надъ мусульманами. Болгары такъ ненавидятъ турокъ, что тотчасъ начинаютъ ихъ грабить и рѣзать вездѣ, гдѣ только появятся наши войска. Ненависть страшная, и причина ея— 400-лѣтнее безправное рабство. Но въ матеріальномъ отношеніи—болгарамъ могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у нихъ изобиліе и богатство. Ужасна только полная необезпеченность: сегодня богатъ, а завтра, по капризу любого мусульманина, не только нищъ, но и мертвъ. Этимъ вполнѣ объясняется и страстная ненависть къ туркамъ, и горячее стремленіе къ освобожденію отъ мусульманскаго ига.

Теперь, впрочемъ, и угнетатели, и угнетенные прониклись убѣжденіемъ, что турецкому владычеству пришелъ конецъ. Турки убѣждены въ этомъ, повидимому, еще больше болгаръ: не даромъ же они поголовно покидаютъ свои родныя села и уходятъ отовсюду, гдѣ ожидаются наши войска. Это даже не бѣгство: это—выселеніе цѣлаго народа.

Сегодня вечеромъ, за чаемъ, Великій Князь высказывалъ опасеніе, какъ бы Горчаковъ и его дипломатическіе подручные, вѣчно оглядывающіеся на Англію и Австрію, не затормозили наше наступленіе. Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполнѣ овладѣла Великимъ Княземъ; онъ только объ этомъ и думаетъ и говоритъ, и ужасно боится, чтобы Государь его не остановилъ. Этимъ онъ объясняетъ и свое неудержимое стремленіе впередъ, безъ всякой заботы о своемъ тылѣ. Онъ говорилъ сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азіатскій берегъ Босфора и Дарданеллъ и—уже укрѣпившись на обоихъ берегахъ—диктовать свои условія не только султану, но и Англіи съ Австріей.

Планъ величественный, но неисполнимый. Занять съ налету, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержаться нельзя. У насъ нѣтъ ни флота, ни артиллеріи, ни боевыхъ запасовъ, ни обозовъ. Артиллерію и боевые запасы еще можно захватить у турокъ и подвезти моремъ изъ Одессы, но флотъ—взять неоткуда.

По моему мнѣнію, лучше меньше захватить, но ужъ за то все захваченное удержать. На сушѣ мы для англичанъ неуязвимы, а на морскомъ берегу—беззащитны передъ ихъ флотомъ. Я не разъ высказывалъ это Великому Князю. До занятія Адріанополя онъ съ этимъ соглашался. Но со времени нежданно-негаданнаго захвата Адріанополя онъ такъ проникся стремленіемъ въ Царьградъ, что объ осторожности и слышать не хочетъ. Непокойчицкій всецѣло раздѣляетъ всѣ его взгляды. Стало быть, и разговаривать нечего. Въ Эски-Загрѣ вечеромъ получена телеграмма Скобелева 2-го изъ Адріанополя, помѣченная сегодняшнимъ числомъ 1 ч. 10 м. дня и переданная латинскими буквами:

«Сегодня въ каѳедральномъ соборѣ отслужено торжественное молебствіе архіереемъ, въ присутствіи войскъ гвардіи и арміи. Баши-бузуки неистовствуютъ въ окрестностяхъ. Въ Константинополѣ, по вѣроятнымъ свѣдѣніямъ, паника: увозятъ архивы, и султанъ готовится бѣжать».

Еще до полученія этой телеграммы (содержаніе которой, сколько мнѣ извѣстно, не было сообщено Государю), Великій Князь телеграфировалъ Государю слѣдующее:

«Прибылъ въ Эски-Загру, завтра переѣзжаю въ Сейменли. Отъ Скобелева 2-го получилъ увѣдомленіе, что порядокъ въ Адріанополѣ окончательно возстановленъ. Все пошло обыкновенной колеей, всѣ магазины открыты. Скобелевъ 2-й осмотрѣлъ, усилилъ и прочно занялъ укрѣпленія Адріанополя, обращенныя къ сторонѣ Царьграда.—Эски-Загра, 12-го января 8 ч. вечера».

Кромѣ того была послана Великимъ Княземъ сегодня слѣдующая шифрованная телеграмма (зашифрованы были только *подчеркнутыя* слова):

«Николаевъ, генералъ-адъютанту Аркасу [1]).

«Прошу *собрать* елико возможно большее число *транспортныхъ паровыхъ судовъ* по твоему усмотрѣнію, переговоривъ съ *Чихачевымъ* [2]), *въ Одессѣ* или *Севастополѣ,* съ тѣмъ, чтобы, по первому моему требованію, можно было направить эти *суда* въ тѣ *порты,* которые *я укажу,* для *доставки провіанта и фуража* или для *обратной перевозки войскъ*. Увѣдомь, сколько *судовъ, гдѣ* и къ какому *сроку могутъ быть собраны.—Эски-Загра. 12 января»*.

Прежде чѣмъ перейти къ дневнику 13-го января, привожу упомянутый выше отчетъ Государю, отправленный Великимъ Княземъ сегодня, въ 6 час. утра, изъ Казанлыка:

«Со времени представленія послѣдняго моего донесенія, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что я до сихъ поръ не могъ представить Вашему Величеству общій ихъ обзоръ, такъ какъ едва успѣвалъ справляться съ непрерывнымъ рядомъ спѣшныхъ распоряженій, которыя необходимо было сдѣлать вслѣдствіе этихъ событій. Лишь теперь, когда занятъ безъ выстрѣла столь важный во всѣхъ отношеніяхъ пунктъ, какъ Адріанополь, я могу представить Вашему Величеству хотя краткій, но законченный отчетъ обо всемъ, что произошло послѣ 28-го декабря. Краткій потому, что я завтра, 12-го января, выступаю въ Адріанополь самъ, дабы находиться въ центрѣ сдвигающихся къ нему отовсюду войскъ и дать каждому отряду надлежащее направленіе.

[1]) Главный командиръ черноморскаго флота и портовъ.

[2]) Предсѣдатель «Русскаго Общества пароходства и торговли».

«Какъ извѣстно уже Вашему Величеству, я, тотчасъ же по полученіи извѣстія о славномъ боѣ 28-го декабря и о плѣненіи шипкинской арміи, двинулся безостановочно за Балканы, чтобы лично ускорить дальнѣйшее общее наступленіе и не дать туркамъ опомниться отъ нежданной для нихъ катастрофы на Шипкѣ. Разсчетъ мой оправдался даже свыше моихъ ожиданій. Плѣненіе шипкинской арміи и послѣдовавшее затѣмъ быстрое наступленіе наше повлекли за собой сперва отступленіе, а затѣмъ полный разгромъ и почти совершенное уничтоженіе всей арміи Сулеймана-паши. Въ то же время, занятіе Татаръ-Базарджика, Филиппополя, Карлова, Чирпана, Сейменли-Трнова, Херманли, Сливно, Ямболи, короче—всего пространства отъ Балканскихъ до Родопскихъ и Деспотодагскихъ горъ, и наконецъ—бѣгство турецкихъ войскъ и властей изъ Адріанополя и занятіе безъ выстрѣла древней столицы Оттоманской имперіи, на твердыни которой друзья Турціи возлагали столь пышныя надежды.

«Оглядываясь на эти міровыя событія, я горжусь тѣмъ, что предугадалъ волю Вашего Величества и не упустилъ ни одной минуты, чтобы воспользоваться результатами одержанныхъ побѣдъ.

«27-го декабря я выѣхалъ изъ Богота, 30-го былъ въ Габровѣ, а 31-го перевалилъ черезъ Балканы и вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ. Въ тотъ же день послалъ всѣ три полка 1-й кавалерійской дивизіи занять Эски-Загру (что и было исполнено 1-го и 2-го января), приказавъ идти оттуда дальше на Сейменли-Трново и Херманли.

«На другой день, 1-го января, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для энергичнаго общаго наступленія.

1) Западному отряду генералъ-адъютанта Гурко, въ случаѣ занятія Филиппополя, составить правую колонну для общаго наступленія на Адріанополь, направившись на Хаскіой и оттуда въ обходъ Адріанополя съ южной стороны на Демотику.

2) Кавалеріи отряда генералъ-лейтенанта Карцова (Казанскій драгунскій и Донской № 30 полки и части Донскаго № 24 полка) поступить подъ начальство генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го, быстро выдвинуться къ Филиппополю, войти въ связь съ западнымъ отрядомъ и дѣйствовать совокупно съ его кавалеріей, по общимъ моимъ указаніямъ и подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-адъютанта Гурко.

3) Пѣхотѣ генералъ-лейтенанта Карцова (1-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, два сводныхъ баталіона отъ полковъ пострадавшей 2-й бригады, 10-й стрѣлковый баталіонъ, рота 6-го сапернаго баталіона и два 9-ти фунт. орудія [1]); итого $9^1/_4$ баталіоновъ и 2 орудія), наступать безостановочно на перерѣзъ туркамъ, къ Филиппополю или Чирпану, какъ прикажетъ генералъ-адъютантъ Гурко, въ распоряженіе котораго ему поступить. Во всякомъ случаѣ держать связь съ центромъ.

4) Авангарду средней колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го (16-я пѣхотная дивизія, три полка 30-й пѣхотной дивизіи [2]), 4-я стрѣлковая бригада, 3-я стрѣлковая бригада безъ 10-го стрѣлковаго баталіона, двѣ сотни пластуновъ, 1-я кавалерійская дивизія безъ Сумскаго гусарскаго полка, Донской № 9 полкъ и вся спущенная съ горъ артиллерія: три дивизіона и одинъ взводъ 9-й, 14-й и 16-й артиллерійскихъ бригадъ; итого $28^1/_2$ баталіоновъ, 20 эскадроновъ и сотенъ и 22 орудія), двинуться на Адріанополь 3-го января, черезъ Эски-Загру, Сейменли и Херманли, выславъ заранѣе впередъ всѣ три полка 1-й кавалерійской дивизіи для занятія Эски-Загры, Ени-Загры и для захвата важныхъ желѣзнодорожныхъ узловъ Трнова и Херманли и моста черезъ Марицу. Начальство надъ 1-ю бригадою 1-й кавалерійской дивизіи я возложилъ на свиты Вашего Величества генералъ-маіора Струкова, такъ какъ командиръ этой бригады, генералъ-маіоръ Лошкаревъ, былъ назначенъ мною комендантомъ Шипкинскаго перевала.

5) Средней колоннѣ, гренадерскому корпусу, выступить 2-го января изъ Габрова, имѣя въ головѣ 2-ю гренадерскую дивизію и возможно поспѣшнѣе переваливать черезъ Балканы, помогая при этомъ подъему и спуску артиллеріи и обозовъ 8-го корпуса и про-

[1]) Остальныя орудія, въ виду необходимости безостановочнаго наступленія, генералъ-лейтенантъ Карцовъ не успѣлъ перевести черезъ Траянъ. Онѣ остались отчасти въ Ловчѣ, отчасти въ Орханіи. Всѣ слабые и больные 3-й пѣхотной дивизіи сведены въ одну команду подъ начальствомъ подполковника Кобордо и оставлены въ Карловѣ для охраны устроеннаго тамъ Карцевымъ продовольственнаго склада.

[2]) Серпуховскій пѣхотный полкъ оставленъ на спускѣ съ Шипкинскаго перевала, а Брянскій полкъ—на подъемѣ на Шипку, чтобы помогать втаскивать и стаскивать артиллерію и обозы.

чихъ войскъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ шипкинскомъ бою. Собираться въ Казанлыкѣ и окрестныхъ деревняхъ; по мѣрѣ сбора, выступать оттуда по-бригадно, по пути авангарда Скобелева 2-го, забирая съ собою тѣ батареи 16 и 30 артиллерійскихъ бригадъ, которыя къ тому времени будутъ спущены съ Балканъ.

6) Лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго (8-й корпусъ, безъ Брянскаго пѣхотнаго полка, оставленнаго впредь до приказанія у подъема на Шипкинскій перевалъ; 23-й донской казачій полкъ; 14-я артиллерійская бригада безъ одной батареи, пострадавшей подъ Еленою [1]) и одна горная батарея), употребить самыя энергическія мѣры для ускоренія спуска съ Балканъ отставшей артиллеріи и обозовъ и, собравъ все это, двинуться черезъ Ески-Загру и Ени-Загру къ Ямболи и оттуда, долиною Тунджи, черезъ Ваково къ Адріанополю. Авангардъ, въ составѣ трехъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи съ горною батареею и донскимъ № 23-мъ полкомъ,—двинуть немедленно, 2-го января, для скорѣйшаго занятія Ески-Загры, Ени-Загры и, если возможно, Ямболи.

Три полка 8-й кавалерійской дивизіи съ батареею, находившіеся въ составѣ восточнаго отряда, стянуть къ Раховицамъ [2]) въ окрестностяхъ Трнова и немедленно двинуть на присоединеніе къ своему корпусу черезъ Твардицу.

7) Лѣвому боковому отряду генералъ-лейтенанта Деллингсгаузена (26-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 13-й кавалерійской дивизіи съ 20-ю конною батареею) перейти Балканы, отъ Елены и Ахмедли, черезъ Твардицкій проходъ; занять Сливно и Ямболи, охранять лѣвый флангъ арміи со стороны Шумлы и сообщенія съ тыломъ черезъ восточные Балканы и выслать: отряды на Котелъ, Карнабадъ и разъѣзды къ Айдосу, стараясь войти въ связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Циммермана и выслать особый летучій отрядъ на Бургасъ. Впредь до прибытія частей этого отряда въ Ямболи, генералу отъ-инфантеріи Радецкому оставить тамъ, для обезпеченія своего тыла, Орловскій пѣхотный полкъ.

[1]) 9-я артиллерійская бригада отстала и въ настоящее время находится въ Казанлыкѣ.

[2]) Стянулись къ 8-му января.

Тремъ полкамъ 24-й пѣхотной дивизіи [1]), по окончаніи конвоированія плѣнныхъ, перейти Балканы, собраться къ Сливно и Ямболи и поступить также въ составъ лѣваго бокового отряда, подъ начальство генералъ-лейтенанта Деллингсгаузена.

8) На смѣну частямъ 26-й пѣхотной дивизіи, охранявшимъ Трновъ со стороны Котла, выслать временно части 11-й пѣхотной дивизіи съ Османъ-Базарской дороги, смѣнивъ ихъ, въ свою очередь, болгарскимъ ополченіемъ съ двумя батареями 26-й артиллерійской бригады, когда ополченіе окончитъ конвоированіе плѣнныхъ.

9) Для конвоированія взятыхъ на Шипкѣ плѣнныхъ, назначить: отъ Казанлыка до Трново—болгарское ополченіе; отъ Трнова до Иванчи — части 24-й пѣхотной дивизіи; отъ Иванчи до Царевицы—части 2-й пѣхотной дивизіи; далѣе—резервныя войска.

10) Для охраненія Шипкинскаго перевала и въ помощь артиллеріи и обозамъ оставить впредь до приказанія: на подъемѣ—Брянскій, на спускѣ— Серпуховскій пѣхотные полки.

11) Всѣмъ полевымъ войскамъ, оставшимся по ту сторону Балканъ (кромѣ нижне-дунайскаго отряда), образовать одинъ восточный отрядъ подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и перейти въ общее наступленіе къ сторонѣ Рущука, Разграда, Ески-Джумы и Османъ-Базара, подаваясь преимущественно правымъ флангомъ впередъ и стараясь прежде всего овладѣть Османъ-Базаромъ. Если окажется возможнымъ, то овладѣть Разградомъ; во всякомъ случаѣ постараться стать на желѣзнодорожномъ сообщеніи Рущука съ Шумлой.

Составъ восточнаго отряда: л.-гв. Атаманскій полкъ, 12-й корпусъ съ донскимъ № 37 полкомъ, 13-й корпусъ безъ 13-й кавалерійской дивизіи, 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи, 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи съ батареею, бригада 2-й донской казачьей дивизіи (полки №№ 36 и 39) съ донскою № 21 батареею [2]), дивизіонъ ингушей, скорострѣльная полубата-

[1]) Безъ 96-го пѣхотнаго Омскаго полка, оставшагося на лѣвомъ берегу Дуная, въ Румыніи.

[2]) Другая бригада этой дивизіи находится: полкъ № 24-й—въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го; полкъ № 38-й—въ распоряженіи полеваго интенданта арміи и въ разныхъ командировкахъ; донская батарея № 19-й—въ составѣ западнаго отряда.

рея [1]); войска подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Зотова: 2-я и 11-я пѣхотныя дивизіи, 6 дружинъ болгарскаго ополченія съ двумя батареями 26-й артиллерійской бригады и 2-я бригада 13-й кавалерійской дивизіи. Всего 84 баталіона, 58 эскадрона и сотенъ и 370 орудій.

12) Части полевыхъ войскъ, находящіяся на лѣвомъ берегу Дуная и подчиненныя также Его Императорскому Высочеству начальнику восточнаго отряда, при первой возможности (какъ только установится переправа или станетъ ледъ), двинуть: 2-ю бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, 2-ю бригаду 11-й пѣхотной дивизій, 1-й гусарскій Сумскій полкъ и 96-й пѣхотный Омскій полкъ на присоединеніе къ своимъ дивизіямъ; гвардейскій экипажъ, гренадерскій и 1-й саперные баталіоны—немедленно на Адріанополь.

Донской № 40 полкъ оставить на лѣвомъ берегу Дуная.

13) Нижне-дунайскому отряду генералъ-лейтенанта Циммермана перейти главными силами въ наступленіе на Хаджи-Оглу—Базарджикъ, стараться овладѣть этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ и затѣмъ—разрушить рущукско-варнскую желѣзную дорогу, выдвинуть отрядъ на Праводы и оттуда установить связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Деллингсгаузена, выславъ разъѣзды къ Айдосу и Карнабаду. Для обезпеченія своего праваго фланга—выставить боковой отрядъ для наблюденія за Силистріей; для обезпеченія тыла и со стороны моря—занять линію Черноводы—Кюстенджи частями 36-й пѣхотной дивизіи.

14) Для охраненія коммуникаціонныхъ линій перевести въ Болгарію 18 резервныхъ баталіоновъ. Изъ нихъ 10 баталіоновъ распредѣлить по тремъ этапнымъ линіямъ: а) Систово—Трновъ; б) Систово — Плевна — Орханія; в) Плевна — Ловча — Сельви — Габрово. Изъ остальныхъ 8-ми: два баталіона назначить въ распоряженіе князя Черкасскаго, а 6 баталіоновъ въ распоряженіе военнаго губернатора г. Софіи (а теперь и Филиппополя) генералъ-лейтенанта Столыпина. Въ его-же распоряженіе я назначилъ донской № 4-й полкъ, который приказалъ стянуть къ Филиппополю съ линіи Плевна—Орханія, гдѣ онъ содержалъ летучую почту.

[1]) Другая полубатарея—при 8-мъ корпусѣ генерала Радецкаго.

15) Въ Казанлыкскомъ округѣ Я установилъ временное военное управленіе, назначивъ военнымъ начальникомъ округа полковника генеральнаго штаба Ильяшевича и въ его распоряженіе— Уральскую казачью сотню. Главная задача этого управленія—привести въ извѣстность найденные повсюду громадные турецкіе запасы и организовать правильное пользованіе ими.

Всѣ эти распоряженія частію уже приведены, частію приводятся въ исполненіе. Вотъ ихъ результаты:

1) Генералъ-адъютантъ Гурко, давъ войскамъ необходимый отдыхъ и оставивъ въ Софіи генералъ-маіора Арнольди со 2-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Харьковскимъ уланскимъ и Маріупольскимъ гусарскимъ полками, одною пѣшею и одною конною батареями—со всѣми остальными войсками западнаго отряда началъ наступленіе на Татаръ-Базарджикъ четырьмя колоннами, 25-го и 27-го декабря.

Правая колонна генералъ-лейтенанта Вельяминова—отъ Софіи на Самаково. Составъ колонны: Пензенскаго, Козловскаго и Тамбовскаго пѣхотныхъ полковъ—8 баталіоновъ; кавказская казачья бригада—12 сотенъ; 2-й гвардейской конной батареи—4 орудія; 5-й гвардейской конной батареи—2 орудія и донская № 8-й батарея—6 орудій. Итого: 8 баталіоновъ, 12 сотенъ и 12 орудій.

Правая средняя колонна генералъ-адъютанта графа Шувалова—по шоссе черезъ Ихтиманъ и Трояновы Ворота. Составъ колонны: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 4-мя батареями—8 баталіоновъ и 16 орудій; 2-я гвардейская пѣхотная дивизія со своею артиллеріей—16 баталіоновъ и 24 орудія; гвардейская стрѣлковая бригада—4 бат.; л.-гв. саперный баталіонъ; 3-я гвардейская и гренадерская артиллерійская бригада—24 орудія; 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 4 орудіями 3-й гвардейской конной батареи—8 эскадроновъ и 4 орудія; л.-гв. донская казачья батарея—6 орудій и 8-й драгунскій Астраханскій полкъ—4 эскадрона. Всего: 30 баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 74 орудія.

Лѣвая средняя колонна генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульдера (1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями: 6 баталіоновъ и 8 орудій)—по долинѣ р. Топольницы.

Лѣвая колонна генералъ-лейтенанта барона Криденера—черезъ Отлукіой (Панаюриште). Составъ колонны: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія безъ одного баталіона—15 баталіоновъ; Костромской, Галицкій и Воронежскій пѣхотные полки—9 баталіоновъ; 1-й батареи л.-гв. артиллерійской бригады 4 орудія; 31-я артиллерійская бригада и четыре батареи 5-й артиллерійской бригады—40 орудій; 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 2-мя орудіями 5-й гвардейской конной батареи—16 эскадроновъ и 2 орудія; Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона; сводной донской казачьей бригады—4 сотни; донскія №№ 15-й и 19-й батареи—12 орудій. Итого: 24 баталіона, 24 эскадрона и 58 орудій.

Всего подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко: 68 баталіоновъ, 48 эскадроновъ и сотенъ и 152 орудія. Кромѣ того, Бугскій уланскій и Кіевскій гусарскій полки; но когда они къ генералъ-адъютанту Гурко прибыли и въ составѣ какихъ колоннъ находятся—изъ его рапортовъ не видно.

28-го декабря, въ день шипкинскаго боя, были заняты съ боя: Ихтиманъ, Пойбренъ (въ ущельи р. Топольницы) и Мечка (на Отлукійской дорогѣ).

29-го декабря самъ Гурко выѣхалъ изъ Софіи.

30-го декабря генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ взялъ послѣ упорнаго боя Самаково, а генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ безъ выстрѣла занялъ Трояновы Ворота, выставивъ кавалерію къ Вѣтреновѣ. Трудный перевалъ у Трояновыхъ Воротъ достался намъ такъ легко потому, что Сулейманъ-паша, получивъ 29-го вечеромъ извѣстіе о шипкинской катастрофѣ, въ ту-же ночь началъ поспѣшно отступать по всей линіи.

31-го декабря былъ занятъ Татаръ-Базарджикъ.

3-го января 1878 г. одержана побѣда у Айранли и Кадыкіоя: взятъ Филиппополь и турки отброшены отъ прямаго пути отступленія въ горы.

4-го января новый побѣдоносный бой у Дермендере и Карагача, окончившійся пораженіемъ турокъ и взятіемъ съ боя 18-ти орудій. Въ этотъ же день къ западному отряду присоединилась кавалерія генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го, котораго генералъ-

адъютантъ Гурко еще усилилъ сводною драгунскою бригадою (Екатеринославскій и Астраханскій полки) и немедленно направилъ на Станимаки.

5-го января—бой у Беластицы. Результатъ: половина турецкой арміи, потерявъ въ ожесточенномъ бою 28 орудій и побросавъ всѣ остальныя съ кручи—бѣжала въ горы на югъ въ полномъ разстройствѣ. Другая половина, подъ личнымъ начальствомъ Сулеймана, бросилась горными-же дорогами на востокъ черезъ Тахталы, Караджаларъ и Кюмюрджи.

6-го января—преслѣдованіе разгромленныхъ остатковъ турецкой арміи.

7-го января утромъ колонна Сулеймана-паши потеряла у Караджалара всю свою полевую артиллерію (40 орудій), взятую съ налету полковникомъ Грековымъ съ донскимъ № 30 полкомъ.

Какая судьба постигла затѣмъ пѣхоту Сулеймана—мнѣ еще неизвѣстно. Ему предстоитъ одно изъ двухъ: или наткнуться у Хаскіоя на войска генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, какъ это уже и случилось 7-го же января съ тѣми 5-ю таборами, которые конвоировали филиппопольскихъ мусульманъ съ ихъ обозами, или-же броситься также на югъ, въ горы. И то, и другое равносильно полному уничтоженію этихъ уже совершенно-деморализованныхъ остатковъ арміи, собранной для прегражденія намъ выходовъ изъ Балканъ.

Послѣ 6-ти-дневнаго труднаго похода и послѣдовавшаго за нимъ 3-хъ-дневнаго боя, западный отрядъ долженъ былъ на время пріостановиться, чтобы оправиться, отдохнуть и подтянуть свои обозы и парки, оставшіеся далеко позади. Генералъ-адъютантъ Гурко далъ своимъ измученнымъ войскамъ отдыхъ у Филиппополя, выдвинувъ гвардейскую кавалерію къ 6-му января къ Хаскіою, а кавалерію генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го къ Кетенлику.

10-го января западный отрядъ выступилъ изъ Филиппополя. Въ Хаскіой голова должна прибыть 12-го января; далѣе предполагаю направить отрядъ на Демотику. Въ Филиппополѣ генералъ-адъютантъ Гурко предполагалъ оставить бригаду 31-й пѣхотной дивизіи и Кіевскій гусарскій полкъ.

Всѣ подробности дѣйствій отряда Ваше Величество изволите

усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ подлинныхъ реляцій, хотя всѣ онѣ составлены еще наскоро. Добавлю только, что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, у турокъ взято всего не 97, а 110 орудій, изъ числа коихъ 108 стальныхъ крупповскихъ самаго новѣйшаго образца, представляющихъ послѣднее слово науки и принятыхъ въ послѣднее время, по отзыву маіора Лигница, для германской артиллеріи. Большая часть этихъ орудій—дальнобойныя. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, генералъ-адъютантъ Гурко имѣлъ противъ себя 3-го, 4-го и 5-го января около 90 таборовъ, изъ коихъ не 24, а 40 были привезены по желѣзной дорогѣ изъ Ямболи и Сливно въ Татаръ-Базарджикъ между 3-мъ—13-мъ декабря. Эти таборы состояли изъ 600—700 человѣкъ каждый, и были подъ начальствомъ Фуада и Сабида пашей. Остальные таборы, числомъ около 50, составляли армію Шакира-паши и были очень слабаго состава: по 250—300 человѣкъ каждый. Общая численность всей разсѣянной арміи Сулеймана-паши была отъ 40 до 45.000 человѣкъ.

2) Отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова 1-го января перешелъ изъ Карлова въ Чукурли, а 2-го прибылъ въ Каратопракъ. Получивъ тамъ свѣдѣніе, что турки уже уходятъ изъ Филиппополя, онъ направился на перерѣзъ къ Чирпану и тамъ получилъ, 7-го января, приказаніе генералъ-адъютанта Гурко идти черезъ Каяджикъ (на р. Марицѣ) къ Хаскіою, куда и прибылъ 9-го января. Тамъ отряду приказано выждать прибытія войскъ генералъ-адъютанта Гурко, чтобы вмѣстѣ идти на Демотику.

3) Авангардъ средней колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, выполнилъ возложенную на него задачу блистательно. 1-го января выступила изъ Казанлыка кавалерія, заняла Ески-Загру, а оттуда разошлась вѣеромъ по тремъ направленіямъ: Петербургскіе уланы на Ени-Загру, Московскіе драгуны на Сейменли, а донской № 1-й полкъ на Чирпанъ. 2-го января всѣ эти пункты были заняты. Въ ночь со 2-го на 3-е января 2-й эскадронъ Московскихъ драгунъ Вашего Величества совершилъ набѣгъ на Трново, разобралъ рельсы и прервалъ телеграфное сообщеніе, а 3-го января, утромъ генералъ Струковъ съ лейбъ-эскадрономъ, лихимъ налетомъ овладѣлъ мостомъ, станціей и телеграфомъ у Трнова, обративъ въ бѣгство стоявшій тамъ та-

боръ пѣхоты и пяти-тысячную толпу вооруженныхъ жителей и взялъ при этомъ 6 орудій

Въ тотъ-же день выступили изъ Казанлыка главныя силы авангарда, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го и, сдѣлавъ въ 40 часовъ 82 версты, стянулись 5-го января къ Трнову, занявъ еще наканунѣ, 4-го января, боковымъ отрядомъ Гютерлю.

Въ ночь съ 4-го на 5-е января генералъ Струковъ съ Московскими драгунами занялъ Херманли, а 5-го января генералъ Скобелевъ 2-й выдвинулъ туда авангардъ въ составѣ Владимірскаго пѣхотнаго полка и 11-го стрѣлковаго баталіона съ 4 орудіями и командою саперъ.

Петербургскій уланскій полкъ, между тѣмъ, выждавъ въ Ени-Загрѣ прибытія донского № 23-го полка (изъ авангарда лѣвой колонны), двинулся на присоединеніе къ войскамъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го и 5-го января прибылъ въ Карабунаръ.

Донской № 1-й полкъ, занявъ Чирпанъ, открылъ связь съ гвардейскою кавалеріей.

6-го января дивизіонъ Московскихъ лейбъ-драгунъ занялъ Мустафа-Пашу; 7-го собралась туда вся 1-я бригада 1-ой кавалерійской дивизіи и сотня донскаго № 1 полка.

8-го января генералъ Струковъ, оставивъ $1^1/_2$ эскадрона въ Мустафапашѣ, занялъ безъ выстрѣла г. Адріанополь и установилъ тамъ временное управленіе изъ выборныхъ лицъ, такъ какъ власти всѣ бѣжали.

Въ то же время генералъ Скобелевъ 2-й стянулъ къ Херманли всѣ свои войска. 7-го января полковникъ Панютинъ съ Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 2-мя орудіями разбилъ и разсѣялъ на Хаскіойской дорогѣ 6 таборовъ пѣхоты, прикрывавшихъ обозъ филиппопольскихъ жителей и взялъ весь этотъ обозъ, свыше 20.000 повозокъ.

10-го января прибылъ въ Адріанополь самъ генералъ Скобелевъ 2-й и вступили: Владимірскій и Шуйскій пѣхотные полки, 11-й стрѣлковый баталіонъ и 4 девяти-фунтовыхъ орудія. Въ тотъ же день генералъ Струковъ съ кавалеріей былъ направленъ на Кирк-килиссу и Люле-Бургасъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й распорядился, чтобы гвардейская кавалерія шла на Демотику.

4) Средняя колонна, гренадерскій корпусъ, выступивъ 2-го января изъ Габрова, была сильно задержана спускомъ съ Балканъ артиллеріи 8-го корпуса, 16-й и 30-й пѣхотныхъ дивизій, а также обозомъ моей главной квартиры. Поэтому, головной эшелонъ, 1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи, могла выступить изъ Казанлыка только 11-го января и прибудетъ въ Трново-Сеймени только къ 15-му.

5) Лѣвая колонна выступила: авангардъ князя Святополкъ-Мирскаго 2-го января, а главныя силы генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго—6-го января. Ени-Загра и Ямболи были заняты безъ боя. Къ 10-му января вся колонна стянулась въ Ямболи. По моему расчету, голова можетъ подойти къ Адріанополю 15-го января.

6) Лѣвый боковой отрядъ началъ переходить Балканы черезъ Твардицкій проходъ 2-го января, имѣя въ головѣ 13-й драгунскій Военнаго Ордена полкъ, а за нимъ—Петрозаводскій пѣхотный полкъ, разработавшій дорогу для движенія артиллеріи и обозовъ. 4-го января 2-й дивизіонъ Орденскаго драгунскаго полка занялъ Сливно. Въ теченіи 6-ти дней, усиленными трудами Петрозаводскаго пѣхотнаго полка разработана дорога и спущенъ съ горъ почти весь отрядъ съ частью артиллеріи. Къ 10-му января весь отрядъ уже долженъ былъ сосредоточиться въ Сливнѣ и окрестностяхъ.

«На этомъ я долженъ кончить мой отчетъ Вашему Величеству, такъ какъ сегодня, 12-го января, тотчасъ же выѣзжаю изъ Казанлыка въ Эски-Загру и буду слѣдовать безостановочно до Адріанополя.—Казанлыкъ, 12-го января 1878 г.».

Составляя этотъ отчетъ, я невольно думалъ все время о томъ, до какой степени у насъ вошло въ привычку разстраивать постоянную организацію и замѣнять ее временными импровизаціями. Нѣтъ почти ни одной цѣлой дивизіи, не говоря уже о корпусахъ: все растрепано и разбросано. Вездѣ вмѣсто постоянныхъ соединеній—временныя; постоянные начальники замѣнены халифами на часъ: сегодня—одинъ, завтра—другой. Все перепуталось и перемѣшалось.

Примѣръ столь легкаго отношенія къ постоянной организаціи подалъ, конечно, Великій Князь, но и другіе высшіе начальники поступаютъ точно такъ же, особенно Гурко.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины: отчего же такое пристрастіе къ замѣнѣ организаціи—импровизаціей?

Причинъ, по моему, двѣ: 1) недовѣріе къ военнымъ дарованіямъ и качествамъ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, и 2) стремленіе дать видныя назначенія лицамъ довѣреннымъ или просто своимъ любимцамъ. Тѣхъ, кому не довѣряютъ, не устраняютъ совсѣмъ, а только выдергиваютъ изъ-подъ ихъ команды войска, образуютъ временные сводные отряды и ввѣряютъ начальство надъ ними лицамъ довѣреннымъ.

Теперь, напримѣръ, 4-й корпусъ совсѣмъ изъятъ изъ-подъ начальства своего корпуснаго командира Зотова и ввѣренъ Скобелеву; самъ же Зотовъ и штабъ 4-го корпуса оставлены въ Трновѣ. Дохтуровъ, начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, замѣненъ Струковымъ. Гвардейскія дивизіи не имѣютъ постоянныхъ начальниковъ. Кавалерійскія дивизіи разрознены всѣ, кромѣ находящихся въ составѣ восточнаго отряда Цесаревича. И т. д., и т. д.

13-го января.—Вчера, поздно вечеромъ, пріѣхалъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, употребившій на весь путь отъ Петербурга до Эски-Загры только 8 дней.

Сегодня выступили изъ Эски-Загры въ 6 час. утра и, сдѣлавъ 52 версты по снѣжной равнинѣ, прибыли въ Сейменли—болгарскую деревню на самомъ берегу рѣки Марицы. Отсюда, берегомъ, отходитъ желѣзнодорожная вѣтвь къ сѣверу, на Ямболи. На другомъ берегу Марицы—станція Трново на линіи желѣзной дороги Филиппополь—Адріанополь.

Расположились въ станціонныхъ домикахъ.

Сегодня, въ 6 час. утра, передъ отъѣздомъ изъ Эски-Загры, Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

«Отъ всей души благодарю за письмо, привезенное сегодня ночью Николашею. Счастливъ, что ты всѣмъ доволенъ, и благодарю за пожалованную съ алмазами саблю съ славною надписью. Также счастливъ, что исполнилъ и точно такъ дѣйствовалъ, какъ ты желалъ, что увидишь изъ посланныхъ мною вчера донесеній. Сейчасъ выѣзжаю».

Вечеромъ, въ Сейменли, была получена телеграмма Государя отъ 2 час. 30 м. дня 11-го января:

«Очень радъ занятію Адріанополя и что ты самъ туда отправ-

ляешься. Радостную эту вѣсть получилъ по возвращеніи съ крестинъ внука Бориса. Дальнѣйшія мои приказанія получишь шифромъ».

Великій Князь отправилъ изъ Сейменли двѣ телеграммы Государю:

1) «Прибылъ въ Сейменли, завтра ѣду въ Херманли, и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь, гдѣ завтра же увижу гвардію и лично поблагодарю ее отъ твоего имени. — Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера».

2) «Скобелевъ 2-й доноситъ, что, осмотрѣвъ адріанопольскія укрѣпленія, нашелъ ихъ отлично устроенными. Всѣ долговременной профили, съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами. Орудій найдено не 26, а гораздо больше: сколько именно, еще не сосчитано.

«По послѣднему донесенію Гурко, кавалерія Скобелева 1-го взяла 7-го января, кромѣ тѣхъ 40 орудій, которыя были захвачены донскимъ полкомъ Грекова, еще 13, такъ что всего 53.—Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера».

14-го января, суббота.—Сегодня, въ 6 час. утра, послали впередъ, въ Херманли, нашихъ вторыхъ верховыхъ лошадей для заблаговременной постановки въ вагоны поѣзда, ожидающаго насъ для переѣзда въ Адріанополь. Въ $7^1/_2$ час. утра я уговорилъ Левицкаго ѣхать впередъ, захвативъ съ собой нашу повозку, чтобы успѣть лично поставить ее въ поѣздъ и не остаться въ Адріанополѣ совсѣмъ безъ вещей. Эта предосторожность оправдалась блистательно: еслибъ мы лично не конвоировали свою повозку, то она не дошла бы вовсе или опоздала бы на нѣсколько дней.

Прежде всего, черезъ Марицу пришлось переѣзжать по единственно уцѣлѣвшему желѣзнодорожному мосту, а затѣмъ—по длинной гати. Эта переправа была сравнительно нетрудна. Но когда пришлось спускаться съ гати—началась каторга. Только при помощи конвойныхъ казаковъ, ожидавшихъ на этомъ мѣстѣ Великаго Князя для поддержки его экипажа, удалось спустить нашу легкую повозку невредимой. Далѣе, до Херманли, состояніе дороги было неописуемо. Достаточно сказать, что эти десять верстъ мы проѣхали, верхомъ, пять часовъ! А доѣхавши, удивлялись, какъ это Господь пронесъ! Невылазная грязь, глубокія ямы и рытвины, бурные разлившіеся ручьи, полное отсут-

ствіе мостовъ. И при этомъ еще густой туманъ и мелкій, дробный дождь.

Доѣхали до Херманли—новая прелесть. Все мѣстечко завалено трупами, палыми лошадьми, буйволами, волами и овцами, изломанными повозками, всякою домашнею рухлядью и рванью. Встрѣченные нами очевидцы разсказывали, что это еще ничего, а вотъ дорога отъ Филиппополя до Херманли, въ особенности на послѣднемъ участкѣ отъ Хаскіоя, вся усѣяна трупами людей и падалью. Потребуются сверхъестественныя усилія, чтобы все это убрать и зарыть.

Проѣхавъ мѣстечко, попали на ужаснѣйшую дорогу, ведущую къ станціи Херманли. Тамъ сами распорядились внести въ товарный вагонъ необходимыя вещи, а повозку съ прочими вещами оставили для слѣдованія въ Адріанополь обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

Вскорѣ прибылъ и Великій Князь съ Непокойчицкимъ и свитою, и мы всѣ вошли въ вагоны. Какъ дико было очутиться опять въ поѣздѣ: вѣдь съ мая мѣсяца мы не видали желѣзной дороги.

Турецкія желѣзныя дороги построены на англо-австрійскіе капиталы еврейскимъ банкиромъ Гиршемъ, бельгійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Парижѣ, и построены гораздо лучше, чѣмъ румынскія (строитель Струсбергъ). Разсказываютъ, что Гиршъ, еще въ началѣ войны, просилъ Игнатьева похлопотать, чтобы мы, если желѣзная дорога попадетъ въ наши руки, не повреждали ее безъ крайней необходимости, а онъ за это обѣщается служить намъ усерднѣе, чѣмъ туркамъ. Правда это или нѣтъ, но, дѣйствительно, служащіе на желѣзной дорогѣ (преимущественно нѣмцы) тотчасъ же предложили свои услуги начальникамъ нашихъ передовыхъ войскъ, какъ только они появились. Всѣ служащіе остались на своихъ мѣстахъ. Служатъ охотно и любезно. Къ сожалѣнію, подвижного состава мало: турки увезли въ Константинополь большую часть локомотивовъ и вагоновъ. Предстоитъ также возобновить филиппопольскій желѣзнодорожный мостъ, разрушенный турками, и тогда будетъ сквозное движеніе до Татаръ-Базарджика.

По пути отъ Херманли до Адріанополя нашъ поѣздъ все время обгонялъ гвардейскія войска, шедшія вдоль полотна дороги. Великій Князь, стоя у открытаго окна, здоровался и благодарилъ войска,

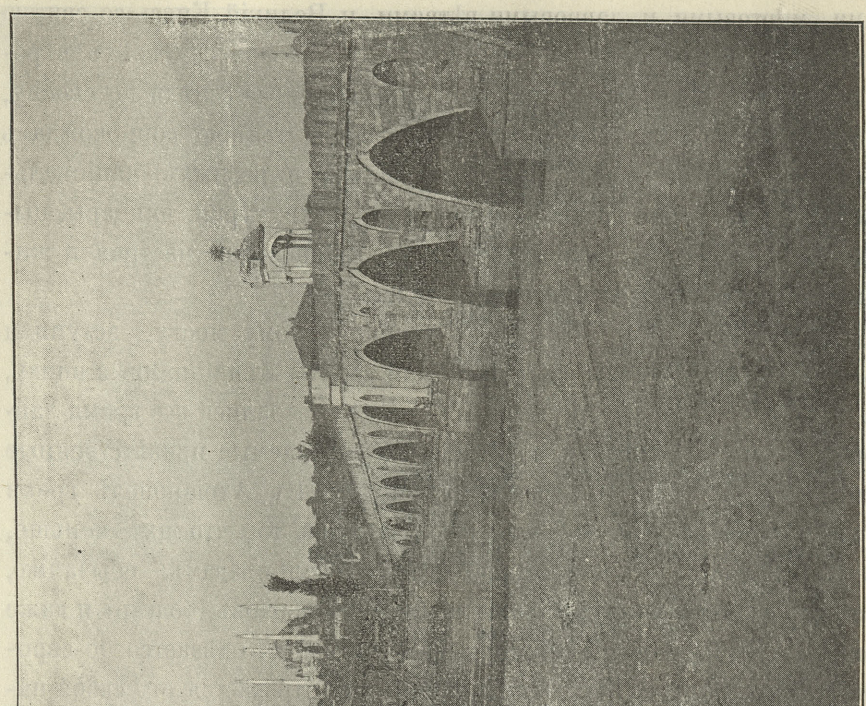
отвѣчавшія ему восторженными криками «ура». Но въ какомъ обтрепаномъ видѣ шла гвардія! По костюмамъ, головнымъ уборамъ и обуви — настоящіе баши-бузуки. Шинели порыжѣлыя и дырявыя; погоны оборванные; вмѣсто фуражекъ—болгарскія овчинныя шапки, фески, чалмы, платки. А на комъ сохранились фуражки — нельзя распознать цвѣтовъ. Сапоговъ почти ни у кого нѣтъ—все опанки, опорки, какія-то подобія лаптей, суконки, обвязанныя веревочками, а то и просто босикомъ.

Къ 4 час. пополудни прибыли въ Адріанополь. На станціи былъ выстроенъ почетный караулъ отъ одного изъ полковъ Скобелевской (16-й пѣх.) дивизіи, со знаменемъ. На правомъ флангѣ— Гурко и Скобелевъ съ многочисленными свитами: всѣ начальствующія лица и штабы обоихъ отрядовъ.

Встрѣча была задушевно-трогательная. Великій Князь обнималъ, цѣловалъ и горячо благодарилъ героевъ.

У выхода со станціи сѣли верхомъ. Тутъ стоялъ второй почетный караулъ — отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и за нимъ—весь полкъ шпалерами; далѣе, шпалерами же — почти вся Скобелевская дивизія. Великій Князь задушевно благодарилъ; войска встрѣчали его восторженно.

За шпалерами войскъ начались и тянулись до самаго Адріанополя (станція верстахъ въ двухъ отъ города) шпалеры мѣстнаго населенія, массами высыпавшаго встрѣчать Великаго Князя. Впереди шпалеръ стояли, одна за другою, депутаціи отъ обществъ: греческаго, армянскаго, болгарскаго и еврейскаго со значками и знаменами. При каждой депутаціи—многочисленное духовенство съ хорами пѣвчихъ, хоругвями и зажженными свѣчами, христіанское же духовенство—еще съ крестами. Греки и болгары привели хоры молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, а армяне и евреи—хоры мальчиковъ. Еврейчики до такой степени громко и пронзительно выводили свой привѣтственный гимнъ, что я сталъ опасаться за цѣлость моей барабанной перепонки. Христіанское хоровое пѣніе было тоже немного мелодичнѣе. Депутаціи по очереди произносили привѣтственныя рѣчи, которыхъ мы, конечно, не поняли, а только угадывали ихъ смыслъ. Рѣчи эти были, впрочемъ, поднесены потомъ на бумагѣ, съ приложенными къ нимъ русскими переводами.

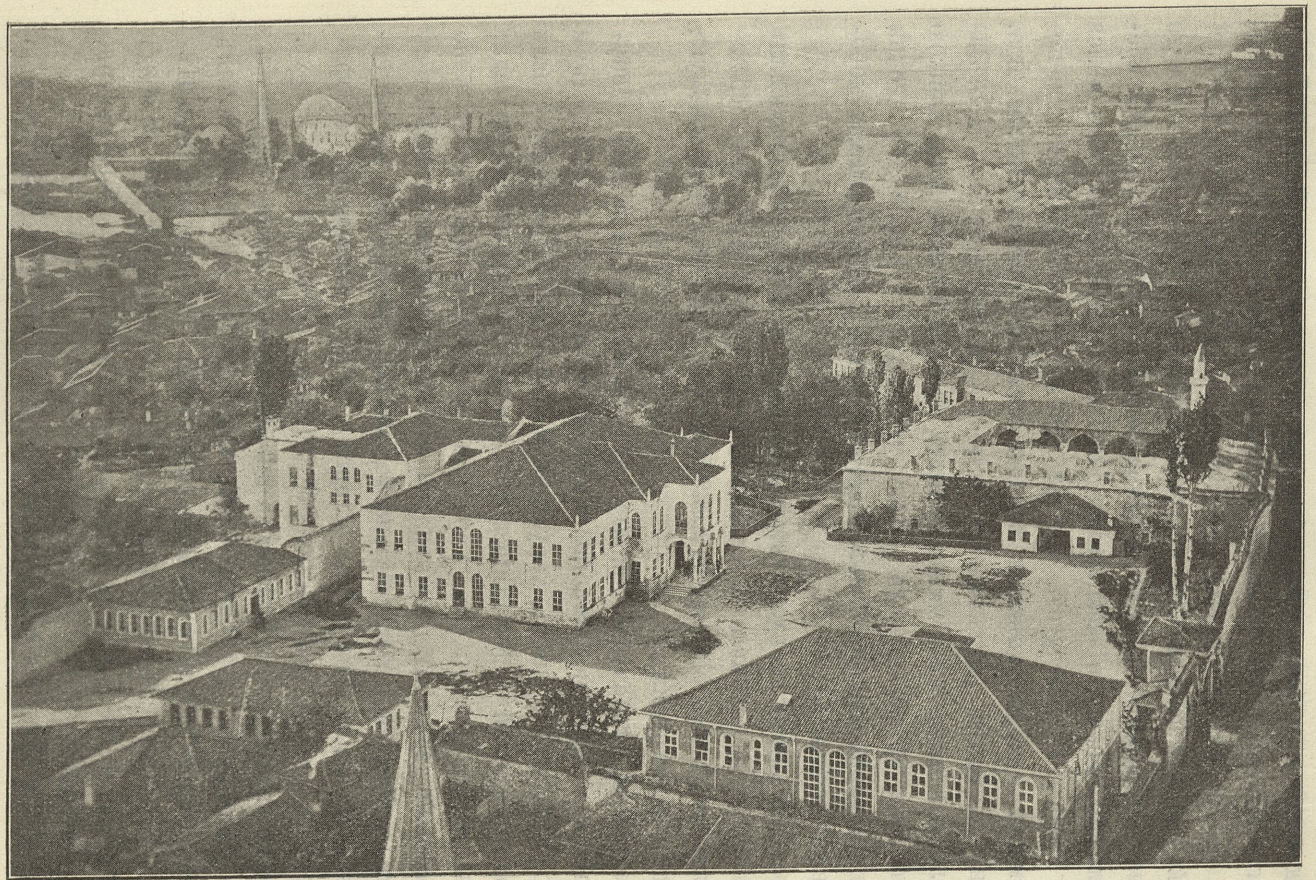

Въѣздъ въ Адріанополь 14-го января 1878 года.

По произнесеніи рѣчей, всѣ мы были забросаны букетами, вѣнками, миртовыми и лавровыми вѣтвями, и Великій Князь со свитою двинулся далѣе, шагомъ. Впереди пошло духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій съ крестами, иконами, хоругвями; всѣ пѣли по своему, кто во что гораздъ. По сторонамъ тѣсною толпою сопровождалъ насъ народъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ и разныхъ національностей. Тутъ были греки, болгары, куцовлахи, турки, цинцары, цыгане, армяне, евреи, арабы, персы. Необыкновенно пестрая и живописная, живая и возбужденная толпа.

Переѣхавъ рѣку Марицу по великолѣпному мосту, вступили въ городъ. Всѣ окна и балконы были заняты женщинами, а внизу, на улицахъ, толпились мужчины. Отовсюду сыпались все время лавровыя и миртовыя вѣтви и неслись неумолкаемые привѣтственные клики: «да жіе!» и (по-гречески) «зито!» Въ Адріанополѣ греки играютъ преобладающую роль, не смотря на то, что ихъ меньше, чѣмъ болгаръ. Послѣдніе сильно огречены по нравамъ, обычаямъ, костюму и даже языку; значительная часть грековъ, болгаръ и даже армянъ, составляющихъ мѣстную интеллигенцію, одѣвается по-европейски, исповѣдуетъ католицизмъ и почти отрекается отъ своей національности. Эти интеллигентные и зажиточные люди называютъ себя «католиками» и держатся особнякомъ отъ своихъ православныхъ земляковъ.

Слѣдуя среди непрерывныхъ овацій по главной улицѣ, доѣхали, наконецъ, до конака, т.-е. губернаторскаго дома. Огромный каменный домъ съ обширнымъ дворомъ, по краямъ котораго — многочисленные отдѣльные флигеля. Въ верхнемъ этажѣ было отведено помѣщеніе для Великаго Князя изъ четырехъ комнатъ, рядомъ съ нимъ — двѣ комнаты Непокойчицкому, а слѣдующія двѣ, на томъ же широчайшемъ корридорѣ — Левицкому и мнѣ. Комнаты высокія, просторныя, съ большими окнами; полы устланы старыми, затоптанными коврами; стѣны уставлены дрянными, сильно-засаленными диванами; на плохо - запирающихся окнахъ — засаленныя штофныя портьеры. Посреди каждой комнаты—маленькая желѣзная печь, отъ которой поднимается труба вверхъ до потолка, загибается подъ прямымъ угломъ по потолку и выходитъ наружу черезъ верхнее оконное стекло.

Адріанополь. Губернаторскій домъ (конакъ). Мѣстопребываніе Великаго Князя Главнокомандующаго и полеваго штаба арміи въ январѣ и въ началѣ февраля 1878 года.

Такъ какъ обозъ Великаго Князя еще Богъ вѣсть гдѣ, то немедленно надо было позаботиться о пропитаніи, ибо Великій Князь могъ пригласить къ своему обѣду только самыхъ высшихъ чиновъ, не болѣе какъ на двѣнадцать кувертовъ всего. Я пошелъ по главной улицѣ и набрелъ на «Hôtel d'Amérique». Оказался — просто греческій трактиръ, очень просторный, но и очень грязный, переполненный нашими офицерами. Съ грѣхомъ пополамъ объяснился съ греческою прислугою, кое-что понимавшею по-французски и по-нѣмецки и даже успѣвшею заучить нѣсколько русскихъ словъ. Ѣда, конечно, весьма неважная: супъ и сильно проперченное мясо. Запилъ дряннымъ мѣстнымъ краснымъ виномъ и закончилъ чашкою отличнаго турецкаго кофе (очень крѣпкаго, съ гущей). Всѣ окна въ трактирѣ были настежь: тепло, несмотря на непрерывно моросившій дождь.

Только-что вернулся въ конакъ, какъ Великій Князь прислалъ за мной, для составленія телеграммы Государю. Только-что составилъ одну, какъ онъ приказалъ составить вторую, шифрованную. Вотъ эти телеграммы:

1) «Благополучно прибылъ въ Адріанополь, встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ болгарскимъ, греческимъ, армянскимъ и еврейскимъ, съ пѣніемъ, хоругвями и знаменами. Шпалерами стояли Преображенскій и Владимірскій полки и 4-я стрѣлковая бригада; глядѣли молодцами. Отъ Херманли до Андріанополя доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, обогнавъ по дорогѣ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріею; видъ блистательно-молодецкій, несмотря на то, что совсѣмъ оборваны. Гвардейцы встрѣтили меня восторженно: и офицеры, и солдаты кричали ура безъ конца, бросая шапки вверхъ. Помѣстился въ конакѣ. Невыразимо-странное чувство — сознавать, что находишься въ Адріанополѣ. Струковъ съ кавалеріей занялъ вчера Киркилиссу и Баба-Ески, подходитъ къ Люле-Бургасу. Пѣхота Скобелева заняла: 16-я дивизія и 3-я стрѣлковая бригада Хаскіони, а 30-я дивизія Демотику.—Адріанополь, 14-го января, 8 ч. вечера».

2) [1]) «По теперешнимъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, было

[1]) Зашифрованы только подчеркнутыя слова.

бы полезно приготовить къ отправкѣ изъ *Севастополя на судахъ Общества пароходства и торговли одну дивизію десятаго корпуса съ тремя девятифунтовыми батареями* съ тѣмъ, чтобы по моему усмотрѣнію можно было *высадить ее на томъ мѣстѣ,* которое найду необходимымъ и удобнымъ. Въ случаѣ твоего согласія, прошу меня увѣдомить или приказать *Семекѣ* [1]) сообщить, около какого времени все можетъ быть готово къ *отплытію.*—Адріанополь, 14-го января, 9 ч. вечера».

За чаемъ Великій Князь много и оживленно разговаривалъ и дѣлился со мною своими мыслями. Онъ мечтаетъ высадить ту дивизію, о которой идетъ рѣчь въ телеграммѣ Государю, на азіатскій берегъ Босфора, но не говоритъ этого прямо, изъ опасенія, что Государь отвергнетъ этотъ смѣлый планъ. Нужно замѣтить, однако, что мы уже слишкомъ двѣ недѣли ровно ничего не знаемъ, что дѣлается на свѣтѣ, ибо ни газетъ, ни писемъ не получаемъ. Не знаемъ также, что дѣлается у турокъ, питаясь только адріанопольскими слухами и сплетнями, которые вкратцѣ сводятся къ слѣдующему:

Султанъ будто бы бѣжалъ въ Бруссу; въ Константинополѣ— революція; англичане высадили 10.000-й отрядъ въ Галлиполи, и не сегодня — завтра займутъ Константинополь. Прибавляютъ еще, что Англія уже объявила намъ войну.

Сплошное ли это вранье, или тутъ есть доля правды, и какая именно—ничего неизвѣстно.

При такой полной неосвѣдомленности какъ будто и неудобно мечтать о высадкѣ на азіатскій берегъ Босфора, до котораго мы и сами-то не дошли.

19-го или 20-го января Великій Князь думаетъ двинуться дальше впередъ. О перерывѣ переговоровъ съ турецкими уполномоченными нимало не безпокоится — напротивъ, очень радъ, ибо чѣмъ больше пройдетъ времени до возобновленія переговоровъ, тѣмъ дальше впередъ продвинутся наши войска.

15-го января, воскресенье.—Въ 10 ч. утра отправились всѣ въ греческій соборъ къ обѣднѣ. Все духовенство, съ митрополи-

[1]) Командующій войсками одесскаго военнаго округа.

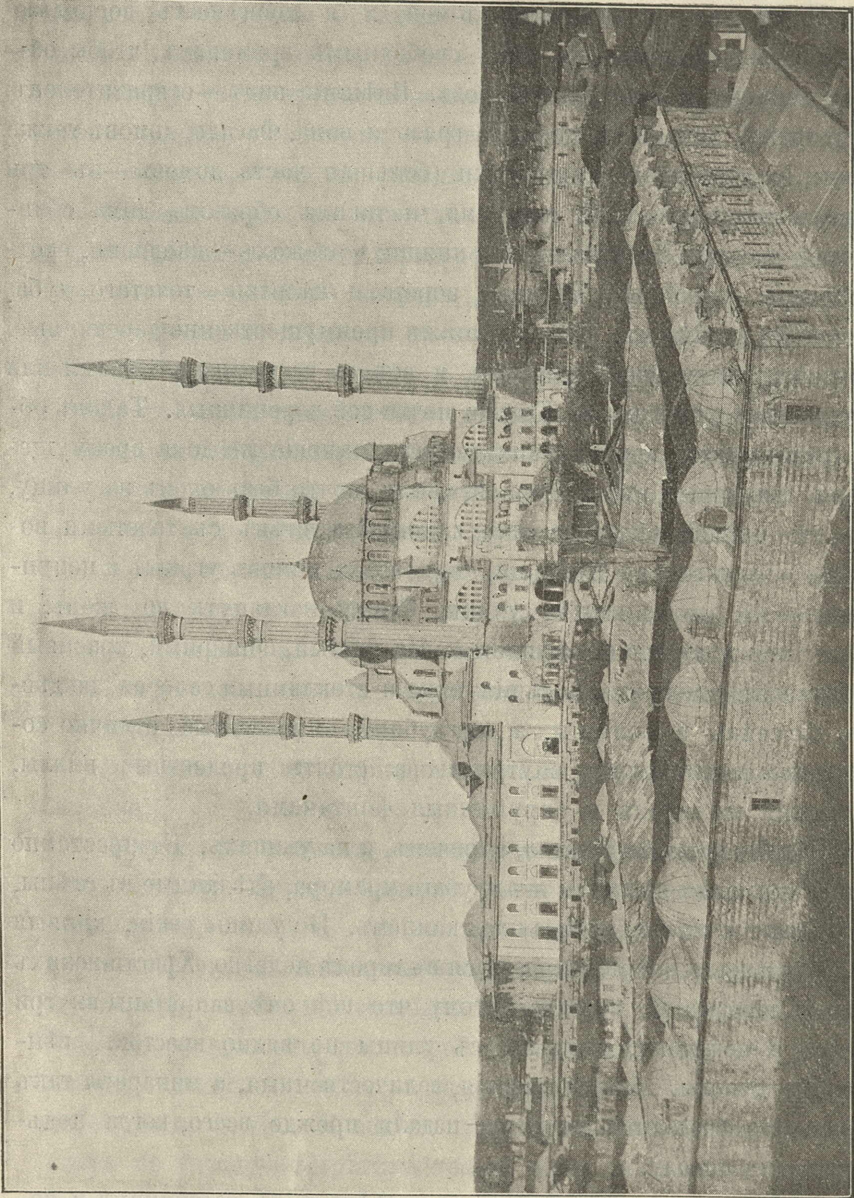
томъ во главѣ, вышло Великому Князю навстрѣчу и проводило его до особаго возвышеннаго мѣста рядомъ съ митрополичьимъ. На этомъ же мѣстѣ, въ 1829 г., слушалъ обѣдню Дибичъ.

Богослуженіе тянулось очень долго. Я подробно разсмотрѣлъ соборъ. По архитектурѣ и убранству кажется очень древнимъ, но ему всего 170 лѣтъ, и впечатлѣніе древности—отъ выдержанности византійскаго стиля. Полъ мраморный, мозаичный. Стѣны и потолокъ сплошь усажены небольшими квадратными иконами. Иконостасъ рѣзной бронзы. Соборъ раздѣленъ по длинѣ балюстрадами на три части: въ средней части стояли мы, а за балюстрадами справа и слѣва—мѣстные жители. Съ правой стороны во всю длину церкви—женское отдѣленіе, отгороженное наглухо частою бронзовою рѣшеткою. Такое же помѣщеніе устроено для женщинъ и на хорахъ. По восточному обыкновенію—женщины должны быть невидимы для мужчинъ, что вполнѣ и достигнуто. Не знаю, видятъ ли онѣ что-нибудь сквозь рѣшетку, но мы ничего за нею разсмотрѣть не могли.

Церковное пѣніе—ниже всякой критики. Пѣли древне-греческимъ обычаемъ, т.-е. однотонно, пронзительно и гнусаво.

По окончаніи богослуженія, митрополитъ просилъ Великаго Князя осчастливить его своимъ посѣщеніемъ. Начался торжественный выходъ изъ собора въ митрополичій домъ. Впереди шли пѣвчіе, священники и діаконы съ иконами, хоругвями, крестами и зажженными свѣчами. За ними слѣдовалъ митрополитъ со своею духовною свитою, затѣмъ Великій Князь и мы. Перешли черезъ улицу и вошли въ митрополичій домъ. Тамъ, въ огромной пріемной залѣ, вся процессія остановилась и построилась лицомъ къ Великому Князю, съ митрополитомъ впереди. Пѣвчіе спѣли что-то божественное по-гречески, а затѣмъ вмѣстѣ съ духовенствомъ троекратно крикнули оглушительное «зито!». Митрополитъ, здоровенный, коренастый брюнетъ, кричалъ громче всѣхъ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Скобелева, онъ только недѣли четыре тому назадъ получилъ отъ султана звѣзду ордена Османіэ съ брилліантами, въ награду за усердіе, съ которымъ онъ угождалъ мусульманамъ, травилъ болгаръ и ругалъ русскихъ. Говорятъ, что онъ даже благословлялъ баши-бузуковъ. Лукавый и лживый народъ—греки: исподлились совсѣмъ еще въ византійскія времена.

По окончаніи церемоніальнаго пріема, митрополитъ пригласилъ Великаго Князя со свитою въ сосѣднюю большую и свѣтлую го-

Адріанополь. Главная мечеть.

стиную, устланную коврами, уставленную по стѣнамъ диванами и увѣшанную портретами разныхъ духовныхъ лицъ. Тамъ насъ прежде

всего угостили папиросами, затѣмъ подали варенье нѣсколько сортовъ и къ нему воду, а въ заключеніе обнесли чаемъ со сливками и бѣлымъ хлѣбомъ. Духовенство куритъ поголовно.

Послѣ чая мы вернулись домой, и я поспѣшилъ воспользоваться столь рѣдкимъ для меня свободнымъ временемъ, чтобы объѣхать верхомъ и осмотрѣть городъ. Внѣшній видъ—отвратителенъ: на улицахъ, хотя и мощеныхъ, грязь и вонь. Фасады домовъ также мрачны и грязны; верхніе этажи (большая часть домовъ—въ три этажа) выступаютъ надъ нижними, и такимъ образомъ дома сближаются кверху. Въ каменныхъ нижнихъ этажахъ—конюшни, скотные дворы и амбары. Входныя ворота и калитки—толстаго дуба, окованнаго желѣзомъ. Верхніе этажи преимущественно деревянные. Оконъ на улицу очень немного, и всѣ съ частыми желѣзными или деревянными рѣшетками. Крыши почти всѣ черепичныя. Таковъ общій типъ домовъ христіанскихъ; мусульманскіе же дома преимущественно каменные въ полтора этажа и почти безъ оконъ на улицу, такъ что имѣютъ видъ глухихъ каменныхъ стѣнъ съ толстыми воротами и калитками. Внѣшній видъ всѣхъ домовъ угрюмъ и неприглядень. Но это только съ улицы. Стоитъ заглянуть во дворъ, и впечатлѣніе совершенно мѣняется. На чистый, обширный, красивый дворъ весело смотрятъ большія окна и стеклянныя галереи, во дворахъ бассейны и фонтаны, а въ глубинѣ—прелестные, отлично содержимые сады. Иногда внутри двора стоятъ прелестныя виллы, утопающія въ зелени и окруженныя фонтанами.

Обиліе воды замѣчается, впрочемъ, и на улицахъ. Безпрестанно видишь краны съ чашками изъ грубаго мрамора, вдѣланные въ стѣны, и отводныя канавки, обдѣланныя камнемъ. Но улицы узкія, кривыя и перепутанныя,—оріентироваться въ городѣ нелегко. Христіанскихъ церквей совсѣмъ не видать, потому что всѣ онѣ запрятаны внутри дворовъ и невысоки, такъ что съ улицы не видно крестовъ, вѣнчающихъ куполы. Мечети высокія, величественныя, а минареты такъ высоки, что бросаются въ глаза издали прежде всего, когда подъѣзжаешь къ городу.

Объѣздивъ верхомъ городъ, я пообѣдалъ въ гостинницѣ и пошелъ пѣшкомъ на базаръ. По словамъ одного изъ чиновниковъ нашей дипломатической канцеляріи, Ульянова, который пробылъ здѣсь

два года консуломъ,—зданіе базара сооружено еще при первыхъ византійскихъ императорахъ, а самый городъ построенъ еще римскимъ императоромъ Адріаномъ, со временъ котораго уцѣлѣли остатокъ каменной стѣны и башня въ видѣ усѣченнаго конуса. Къ этой башнѣ и припертъ сбоку базаръ. Это—крытый сводчатый корридоръ между двумя древними каменными стѣнами. Освѣщеніе сверху, узкими окнами, пробитыми въ сводчатомъ потолкѣ. Длина корридора—около полуверсты; главные входы съ обоихъ концовъ и сверхъ того боковые входы съ разныхъ улицъ. Лавки всѣ открытыя, безъ дверей: продается въ нихъ втридорога преимущественно разная дрянь. Есть, впрочемъ, много ковровъ, шалей и шелковыхъ матерій, но по сумасшедшимъ цѣнамъ: въ восточныхъ магазинахъ на Невскомъ проспектѣ все это и лучше, и дешевле. Очень можетъ быть, конечно, что цѣны неестественно вздуты по случаю нашего прихода, и что если поторговаться, то сильно уступятъ, но такъ какъ я ни торговаться не умѣю, ни масштаба для безобидной цѣны не знаю, то ничего и не купилъ, кромѣ двухъ-трехъ бездѣлокъ.

Кромѣ внутренняго базара, есть еще и наружный: такія же открытыя лавки съ внѣшней стороны обѣихъ стѣнъ. Въ наружныхъ лавкахъ торгуютъ мясомъ, зеленью и прочими съѣстными припасами. Какъ внутреннія, такъ и наружныя лавки не отличаются чистотою, а нѣкоторыя возмутительно-грязны.

Извозчиковъ въ Адріанополѣ мало: это крытые парные шарабанчики.

Народу на улицахъ—масса: все это громко галдитъ на разныхъ языкахъ. Турки, большею частью, въ чалмахъ; греки, болгары, армяне и проч.—въ красныхъ (краповыхъ) фескахъ съ черными кисточками. Женщины-мусульманки всѣ съ закрытыми лицами и большею частью въ зеленыхъ накидкахъ. Женщины-христіанки лицъ не закрываютъ, но покрой одежды тотъ же, что у мусульманокъ. Носятъ не юбки, а шальвары. Лишь немногія одѣты поевропейски, и тѣхъ я видѣлъ лишь при выходѣ изъ собора, а странствуя по городу—встрѣтилъ только одну такую, переходившую черезъ улицу изъ одного дома въ другой. Шляпки ни на одной женщинѣ не видалъ. Не замѣтилъ также европейской обуви: всѣ женщины въ деревянныхъ сандаліяхъ или, точнѣе, на деревянныхъ по-

дошвахъ, притянутыхъ къ ногѣ ремешкомъ; каждая подошва съ двумя каблуками, переднимъ и заднимъ. Обувь необыкновенно неудобная, однако ходятъ быстро и ловко.

По разспросамъ, теперешняя теплая дождливая погода и означаетъ здѣсь зиму.

Весь вечеръ провелъ у Великаго Князя, преимущественно за разговорами, такъ какъ дѣла было очень немного. Телеграммы приходятъ съ весьма большимъ запозданіемъ, потому что непрерывное сообщеніе все еще не устроено, а извѣстія изъ передовыхъ отрядовъ тоже не могутъ приходить скоро. Отъ Государя получена лишь слѣдующая телеграмма, поданная 13-го января:

«Приказанія мои шифромъ отправилъ къ тебѣ вчера (т.-е. 12-го) утромъ. Съ большимъ любопытствомъ прочелъ я телеграммы твои съ подробностями о занятіи Адріанополя. Движеніе кавалеріи впередъ вполнѣ одобряю».

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній вновь послана Государю телеграмма:

«Въ ночь съ 12-го на 13-е января, Струковъ взялъ Люле-Бургасъ. Станція желѣзной дороги взята съ бою двумя сотнями донского № 1 полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Кутейникова. Убитъ 1 и раненъ 1 казакъ. Взято много плѣнныхъ, задержано до 200 вагоновъ съ локомотивомъ. Струковъ, нагнавъ отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50 тысячъ, которое все было вооружено, остановилъ его и приказалъ выдать оружіе, что послѣ нѣкотораго сопротивленія и было исполнено. Всю эту массу Струковъ намѣренъ отправить подъ конвоемъ въ Родосто, откуда, по слухамъ, мусульманъ перевозятъ на азіатскій берегъ.

«Точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ еще нѣтъ. По показаніямъ плѣнныхъ, войска отъ Сливны и Котла, около 25 тысячъ, подъ начальствомъ пашей Керима, Гассана и Хаджи-Гуссейна, шли къ Адріанополю. Но когда пришли, 6-го января, въ Ханлы-Енидже, то прибылъ Мехмедъ-Али-паша, который повернулъ ихъ на Киркилиссу и оттуда, 9-го января, на Царьградъ. Вчера, 14 января, пѣхота генерала Шнитникова заняла безъ боя Демотику и Узунъ-Кепри. Жители, въ томъ числѣ и мусульмане, встрѣтили наши войска тор-

жественно съ хлѣбомъ-солью, какъ избавителей отъ баши-бузуковъ и черкесовъ. Въ городѣ взятъ складъ сухарей и консервовъ.

«Сегодня подходитъ къ Адріанополю авангардъ колонны генерала Радецкаго.

«Сегодня слушалъ въ соборѣ торжественную обѣдню, отслуженную митрополитомъ соборне въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа. Погода теплая, но безпрестанно льетъ сильный дождь и дуетъ сильный вѣтеръ. Адріанополь, 15-го января, 9 ч. вечера».

16 января.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ нѣсколько телеграммъ и между ними телеграмма Цесаревича изъ Брестовца отъ 10 ч. 40 м. утра 15-го января, адресованная въ Казанлыкъ.

«Очень удивленъ, что ждешь съ нетерпѣніемъ нашего движенія впередъ, когда самъ же приказалъ пріостановиться и никакого боя не предпринимать. Я получаю столько различныхъ и разнорѣчивыхъ приказаній, что не знаю, какъ ихъ исполнять».

Очевидно, это недовольный отвѣтъ на какую-то телеграмму Великаго Князя, мнѣ неизвѣстную. Я знаю только одно,—что еще изъ Казанлыка, но когда именно—не знаю, было послано приказаніе перейти въ общее наступленіе къ Рущуку, Разграду, Эски-Джумѣ и Османъ-Базару, о чемъ, по личному указанію Великаго Князя, я и упомянулъ въ послѣднемъ его отчетѣ, отправленномъ 12-го января изъ Казанлыка передъ самымъ отъѣздомъ.

Какая и въ чемъ тутъ вышла путаница—не знаю, и отвѣтилъ ли Великій Князь на эту телеграмму—тоже не знаю. Жаль только, что отношенія Наслѣдника къ Великому Князю все болѣе и болѣе портятся, и что Великій Князь слишкомъ легко къ этому относится.

Пріѣхалъ графъ Шуваловъ; встрѣтилъ меня съ задушевною сердечностію. Очень постарѣлъ, обросъ клочковатою сѣдою бородою. Много и подробно разговаривалъ со мной и дѣлился своими впечатлѣніями. Чрезвычайно доволенъ своею 2-ю гвард. пѣх. дивизіей вообще, а отъ командира л.-гв. Московскаго полка Гриппенберга (моего стараго товарища по полку) въ совершенномъ восторгѣ и полкъ превозноситъ до небесъ. Очень доволенъ своимъ дивизіоннымъ адъютантомъ Энгельгардтомъ, а начальника штаба полковника Бальца называетъ «докторомъ Бальцомъ». Далъ ему весьма мѣткое

опредѣленіе: усерднѣйшая и добросовѣстнѣйшая бездарность, никакой инціативы и самостоятельности, но незамѣнимый исполнитель приказаній.

Съ л.-гв. Московскимъ полкомъ случилось нынче ночью большое несчастіе: въ турецкой казармѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли знамя 4-го баталіона и 11 чел. нижнихъ чиновъ, и болѣе 100 чел. ушиблось или обгорѣло.

Полкъ только нынче ночью пришелъ въ Адріанополь, сдѣлавъ тяжкій переходъ по невылазной грязи и переправившись вбродъ черезъ разливъ р. Марицы. Разумѣется, всѣ были страшно утомлены. Помѣщеніе было отведено во 2-мъ этажѣ деревянныхъ турецкихъ казармъ, ибо въ нижнемъ этажѣ уже были расположены лейбъ-гренадеры и гвардейскіе саперы. Вмѣстѣ съ л.-гв. Московскимъ полкомъ пришли также квартирьеры л.-гв. Финляндскаго полка, которымъ отвели какой-то нежилой уголокъ внизу на ночь. Говорятъ, будто эти квартирьеры, чтобы согрѣться, развели огонь на земляномъ полу и около костра заснули. Какъ бы то ни было, но казармы загорѣлись снизу и пламя распространилось съ ужасающею быстротой. Изъ нижняго этажа успѣли выскочить всѣ, а разоспавшіеся съ устали въ верхнемъ этажѣ московцы очнулись лишь тогда, когда все зданіе было объято пламенемъ. Съ просонья многіе сами себя перекалѣчили въ суетѣ. Въ переполохѣ, вмѣсто того, чтобы спустить знамя изъ окна, понесли его къ выходу на лѣстницу, уже горѣвшую. Что было дальше—неизвѣстно, но только знамя погибло въ огнѣ вмѣстѣ съ карауломъ. У многихъ офицеровъ и солдатъ сгорѣло рѣшительно все: нѣкоторые спаслись, буквально, въ однѣхъ рубашкахъ.

Объ этомъ печальномъ происшествіи было немедлено донесено Великимъ Княземъ Государю въ слѣдующей телеграмѣ:

«Московскій полкъ, прибывшій въ 5 часовъ утра, помѣстился въ деревянныхъ казармахъ и только-что успѣлъ заснуть, какъ начался пожаръ, охватившій сразу все зданіе, такъ что люди, бывшіе во второмъ этажѣ, едва успѣли спастись, бросаясь изъ оконъ, причемъ до 100 человѣкъ сильно ушиблось, караулъ же изъ 11-ти человѣкъ при знамени 4-го баталіона, спасая свое знамя, сгорѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Полкъ въ отчаяніи. Все начальство и я свидѣ-

тельствуемъ, что все было сдѣлано для спасенія знамени, и потому просимъ милости Вашего Величества къ этому полку, столь неоднократно блистательно отличавшемуся подъ предводительствомъ своего доблестнаго командира. 2-я и 3-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи собрались сюда, промокнувъ до костей, вслѣдствіе проливныхъ дождей и глубокихъ бродовъ.—Адріанополь, 16-го января».

Вечеръ провелъ вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ у Великаго Князя, въ оживленной бесѣдѣ.

17 января.—Сегодня утромъ Великій Князь произвелъ смотръ собравшимся въ Адріанополѣ частямъ гвардіи. Всѣхъ горячо благодарилъ, особенно л.-гв. Московскій полкъ. По окончаніи смотра, я остался въ полку и бесѣдовалъ съ старыми товарищами. Около 2-хъ ч., вмѣстѣ съ Гриппенбергомъ (командиръ л.-гв. Московскаго полка), отправился къ графу Шувалову, который пригласилъ насъ обоихъ остаться обѣдать. Къ обѣду пришли еще Любовицкій (командиръ л.-гв. гренадерскаго полка), Брокъ (командиръ 1-й бригады 2-й гв. пѣх. дивизіи), В. Д. Скалонъ (командиръ л.-гв. сапернаго баталіона) и весь штабъ дивизіи. Весело и оживленно, незамѣтно прошло время, такъ что я вернулся домой только въ 5 ч., и очень встревожился, узнавъ, что Великій Князь уже три раза присылалъ за мной. Сейчасъ же побѣжалъ къ нему, извинялся, но Великій Князь только забавлялся тѣмъ, что меня такъ долго не было на лицо, и цѣлый вечеръ поддразнивалъ меня тѣмъ, что я «загулялъ» по случаю пріѣзда графа Шувалова. Къ тому же и надобность во мнѣ миновала: онъ посылалъ за мной для дешифровки большой телеграммы, полученной отъ Государя. Когда я пришелъ, телеграмма уже была дешифрована, и онъ передалъ мнѣ ея текстъ en clair. Вотъ эта, чрезвычайной важности, телеграмма:

Подана въ Петербургѣ 12-го января, въ 10 ч. 40 м. утра.

Получена въ Адріанополѣ 17-го января, 2 ч. дня.

«Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполно-

моченнымъ, что если, въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты—вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четырехъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

«По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ.

«По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго дессанта въ Константинополѣ, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

«По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска.

«Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія, съ своей стороны, обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галлиполи.

«Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ».

Изъ этой телеграммы ясно, что въ день ея отправленія, 12-го января, существовало полное и точное соглашеніе съ Англіей и разрывъ съ нею предотвращенъ, но дорогою цѣною: обѣщаніемъ не занимать ни Константинополя, ни Галлиполи. По словамъ Ве-

ликаго Князя, турецкіе уполномоченные тоже получили сегодня какую-то очень важную депешу изъ Константинополя и черезъ Нелидова просили Великаго Князя дать имъ завтра аудіенцію, такъ какъ они имѣютъ сдѣлать сообщеніе особой важности.

Какъ будто занимается заря близкаго мира. Дай Богъ! Достаточно ли надежно только соглашеніе съ Англіей: отъ нея всегда можно ожидать всякой подлости. По моему, лучше бы не входить съ ней ни въ какія соглашенія.

Вечеромъ, на основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній, была послана Великимъ Княземъ Государю слѣдующая телеграмма:

«Кавалерія нижне-дунайскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Манзея, наступая къ Хаджи-Оглу-Базарджику, встрѣтила 10-го января, утромъ, у Чаиръ-Ормана турецкій отрядъ изъ 3-хъ таборовъ низама, 6 орудій, 1,000 чел. египетской конницы и черкесовъ, аттаковала пѣхоту, опрокинула и преслѣдовала ее вплоть до Базарджика. При этомъ взводъ Бѣлорусскихъ гусаръ, подъ командою ротмистра Гернгроса, несмотря на сильный ружейный огонь, врубился въ роту низама, положилъ на мѣстѣ 25 чел., въ томъ числѣ баталіоннаго командира и адъютанта, и взялъ 18 чел. въ плѣнъ. Подъ вечеръ турецкая пѣхота съ 20-ю орудіями сдѣлала вылазку изъ Базарджика, но казаки генералъ-адъютанта Шамшева, поддержанные лейбъ-Бородинскимъ полкомъ съ баттареею, подъ начальствомъ генерала Жукова, принудили непріятеля отступить. При этомъ 2 казачьихъ офицера ранены, а нижнихъ чиновъ убито 3 казака и ранено 17, въ томъ числѣ 14 казаковъ.

«Отрядъ Цесаревича занялъ 12-го января Садину безъ боя.

«Передовой отрядъ Струкова сего 17-го января двинулся изъ Люле-Бургаса къ Чорлу. Струковъ доноситъ, что масса бѣгущихъ мусульманъ производитъ на всемъ пути пожары, грабежи, насилія и убійства. Близъ Люле-Бургаса онъ настигъ отъ 180 до 200 тысячъ турокъ, черкесовъ и цыганъ при 20.000 повозокъ, обезоружилъ ихъ насколько было возможно, и предложилъ имъ самимъ рѣшить: идти ли дальше, или вернуться домой? Бѣглецы были крайне удивлены: турецкія власти понуждали ихъ выселяться, увѣряя, что русскія войска ихъ разорятъ и перебьютъ. Если бы, говорили старшины, мы знали, что вы намъ не сдѣлаете зла, то всѣ остались бы

спокойно дома. Затѣмъ часть бѣглецовъ вернулась обратно, а часть пошла далѣе на Родосто. Кромѣ бѣглецовъ-жителей, Струковъ перехватилъ нѣсколько партій баши-бузуковъ, черкесовъ и регулярныхъ солдатъ при офицерахъ, съ обозомъ, въ которомъ нашелъ и забралъ 2 знамени. Сегодня смотрѣлъ гвардію, которой передалъ твое спасибо.—Адріанополь, 17-го января, 9 ч. вечера».

18 января.—Сегодня, въ 12 часовъ, къ Великому Князю явились турецкіе уполномоченные и безпрекословно приняли какъ предварительныя условія мира, такъ и условія перемирія. Намыкъ-паша сказалъ Великому Князю: «Vos armes sont victorieuses, votre ambition est satisfaite, mais la Turquie est perdue. Nous acceptons tout ce que vous voulez».

Завтра все будетъ окончательно оформлено и подписано.

Всѣ радуются близкому окончанію войны: на этотъ счетъ нѣтъ двухъ мнѣній. Съ помощью Божіей и заступничествомъ Николая Чудотворца, одолѣли Турцію, закончили кампанію съ трескомъ и блескомъ и можемъ вполнѣ удовлетвориться этимъ. Даже Скобелевъ 2-й сознаетъ и признаетъ, что намъ еще не подъ силу рѣшать восточный вопросъ окончательно. Наше побѣдное шествіе совершается теперь войсками въ рубищахъ, безъ сапогъ, почти безъ патроновъ, зарядовъ и артиллеріи, безъ обозовъ, безъ обезпеченнаго продовольствія, безъ всякаго сообщенія не только съ Россіей, но даже съ Румыніей и придунайской Болгаріей. Миръ необходимъ, пока еще наши европейскіе недруги не уяснили себѣ нашего положенія. Турція повержена въ прахъ, но англичане не дремлютъ.

Нелидовъ надѣется, что черезъ мѣсяцъ можетъ быть уже подписанъ окончательный миръ. Дай Богъ! Пора домой: это желаніе общее.

Подъ впечатлѣніемъ согласія турокъ на всѣ поставленныя имъ условія, Великимъ Княземъ уже овладѣлъ духъ непосѣдства. Вчера только начала собираться въ Адріанополь главная квартира, не раньше, какъ черезъ недѣлю, соберется вся, а уже Великій Князь заговорилъ о переѣздѣ въ Родосто, Эрекли или другой пунктъ на Мраморномъ морѣ. А между тѣмъ, всѣ дѣла по управленію арміей совершенно заброшены со дня выѣзда изъ Богота, никакихъ общихъ

распоряженій нѣтъ, одно стихійное стремленіе впередъ, а въ тылу— невѣроятный хаосъ. Теперь слѣдовало бы, оставаясь въ Адріанополѣ, наверстать все упущенное, собрать и наладить сложную машину управленія арміей, упорядочить сообщенія, организовать тыловое управленіе въ придунайской и въ забалканской Болгаріи, устроить подвозъ боевыхъ запасовъ и продовольствіе мѣстными средствами, вывозъ больныхъ и раненыхъ, и т. д., и т. д. Работы пропасть и притомъ настоятельно-неотложной. Ничего этого Великій Князь не признаетъ, и только неудержимо стремится впередъ. Его ничѣмъ нельзя убѣдить, что главнокомандующему нельзя постоянно быть впереди. Какъ я ни люблю его, но долженъ сказать, что это не главнокомандующій, а только лихой начальникъ авангарда.

Сегодня онъ съ утра уже телеграфировалъ Государю:

«Депешу твою шифрованную получилъ вчера вечеромъ. Сегодня буду вести переговоры».

Только сегодня получена шифрованная депеша князя Горчакова, отъ 14-го января, слѣдующаго содержанія:

«Намъ сообщаютъ изъ Берлина [1]): Рейссъ [2]) телеграфируетъ отъ 12-го января, что Турція рѣшила принять наши условія и подписать перемиріе. Шуваловъ [3]) телеграфируетъ отъ 12-го: положеніе очень ухудшилось. Рѣчь идетъ уже не о вступленіи флота и не о Галлиполи, а о немедленномъ разрывѣ съ нами. Отъ 13-го января: Дерби и Карнарвонъ подали въ отставку, вслѣдствіе требованія кредитовъ. Я исправилъ текстъ нашихъ условій, искаженный Лейярдомъ, въ особенности по вопросу о Дарданеллахъ, и возобновилъ увѣреніе, что мы не будемъ поднимать европейскіе вопросы изолированно. Отданный вчера вечеромъ приказъ флоту: вступить въ Дарданеллы, хотя бы даже вооруженною силою—отмѣненъ сегодня утромъ, но опасаются, что отмѣна уже запоздаетъ.

«Орловъ отъ 13-го: султанъ убѣдительно проситъ остановить флотъ. Онъ высказываетъ опасеніе, чтобы Россія не взглянула на это, какъ на угрозу, и не прервала переговоры. Если же Англія

[1]) Очевидно, Бисмаркъ.

[2]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Петръ Андреевичъ.

настоитъ на своемъ, султанъ проситъ заявить намъ, что это дѣлается противъ его воли.

«Отмѣна приказа флоту пришла своевременно. Дерби больше не появляется въ парламентѣ. Я сообщилъ ему наши условія, произведшія на него успокоительное впечатлѣніе.—Горчаковъ».

Эта чрезвычайно важная телеграмма составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Петербургѣ послѣ отправки Государевой депеши отъ 12-го января 10 ч. 40 м. утра, полученной здѣсь вчера. Свѣдѣнія, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, на основаніи депешъ принца Рейсса и графа Шувалова, отъ 12-го,—не могли быть въ виду Государя *до* отправки вышеупомянутой его телеграммы.

Сопоставляя всѣ свѣдѣнія отъ 12-го и 13-го января, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Султанъ въ смертномъ страхѣ и боится англійскаго вмѣшательства больше, чѣмъ нашего наступленія.

2) Германія вполнѣ на нашей сторонѣ.

3) Австро-Венгрія ничѣмъ себя не заявляетъ.

4) Англія настроена непримиримо и не въ состояніи переварить нашихъ успѣховъ. Занятіе нами Константинополя и Галлиполи повлечетъ за собою неминуемый разрывъ и англійское вмѣшательство, а что изъ этого усложненія выйдетъ—это предвидѣть не возможно.

Но, съ другой стороны, англичанъ все равно никакими уступками не проймешь, напротивъ, всякая уступка только усилитъ ихъ нахальную назойливость. Тѣмъ болѣе, что Лейярдъ—нашъ личный заклятый врагъ—неустанно будетъ подливать масла въ огонь и со свойственною ему настойчивостью добьется открыто-враждебныхъ дѣйствій правительства.

Хотя и мудрено судить о томъ, какъ поступить, ничего не зная, но, все-таки, кажется, что лучше не давать англичанамъ никакихъ обязательствъ, даже не стѣсняться и тѣми, которыя уже даны, а дѣйствовать такъ, какъ намъ самимъ выгоднѣе. Англичане сами всегда такъ дѣлаютъ, и намъ надо дѣлать то же самое.

Трудно только ожидать отъ нашей дипломатіи рѣшительныхъ разговоровъ съ Англіей. Да и самъ Государь уже старъ, нервенъ, впечатлителенъ и измученъ войной: у него слишкомъ изболѣлась

душа, чтобы рисковать разрывомъ съ Англіей. Онъ самъ жаждетъ мира и пойдетъ на большія уступки, чтобы избѣжать новой войны. Миролюбивое настроеніе Государя ясно и изъ вчера полученной телеграммы: Великій Князь, однако, справедливо недоумѣваетъ, какъ исполнить данныя въ этой телеграммѣ указанія. Мудрено входить въ «дружескія» соглашенія съ иностранными флотами и дессантами, которыя, если явятся въ Константинополь, то ужъ, конечно, не съ дружескими намѣреніями. Безусловное запрещеніе занимать Константинополь и Галлиполи тоже не обезпечитъ намъ «дружеское соглашеніе». Наконецъ, запрещеніе вступать въ Константинополь даже въ случаѣ занятія его иностраннымъ (т.-е. англійскимъ) дессантомъ, поставитъ насъ самихъ въ положеніе до-нельзя обидное. Мы побѣдоносно прошли всю Турцію изъ края въ край, а столицу ея будутъ занимать англичане? Если ужъ намъ нельзя вступать въ Константинополь и Галлиполи, то пускать туда англичанъ и подавно нельзя.

Высочайшія повелѣнія даны въ такой категорической формѣ, что уклониться отъ ихъ исполненія нельзя, а исполнить ихъ, подойдя къ Константинополю вплотную—будетъ невозможно. По моему мнѣнію, выходъ изъ этого труднаго положенія одинъ: остановить передовыя войска, какъ приказано, т.-е. подъ стѣнами Константинополя и на Мраморномъ морѣ, не доходя Галлиполи, а самому Великому Князю оставаться въ Адріанополѣ. Но онъ на это ни за что не согласится: его неудержимо тянетъ впередъ, и онъ долго здѣсь не вытерпитъ.

Какъ жаль, что сохранилось телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ! Не будь телеграммы Государя отъ 12-го января, мы заняли бы Константинополь и Галлиполи такъ же шутя, какъ Адріанополь. Тогда и съ Англіей былъ бы совсѣмъ другой разговоръ.

Это послѣднее мнѣніе Великій Князь вполнѣ раздѣляетъ. Пока не была получена сегодня телеграмма князя Горчакова, въ телеграмму Государя, вчера полученную, какъ-то не вдумались. Только сегодня, внимательно сопоставивъ содержаніе обѣихъ телеграммъ, мы вполнѣ поняли всю трудность настоящаго положенія. На самомъ интересномъ мѣстѣ намъ поставлена точка.

Безъ сомнѣнія, Государь, запрещая вступленіе наше въ Царь-

градъ, вполнѣ сознаетъ громадность этой жертвы, приносимой имъ ради сохраненія мира съ Англіей. Дай Богъ, чтобы жертва эта достигла своей цѣли и не помрачила обаяніе успѣховъ нашего оружія.

Получена отвѣтная телеграмма отъ главнаго командира черноморскаго флота (подана въ Николаевѣ въ 6 ч. 10 м. вечера, 16-го января):

«Телеграмму Вашего Высочества [1]) получилъ только 15-го вечеромъ. Спѣшу донести, что въ настоящее время въ Одессѣ и Севастополѣ могутъ быть приготовлены для указанной цѣли 11 большихъ пароходовъ и 14 малыхъ. Для собранія командъ и изготовленія потребуется 10 дней. Пять большихъ активныхъ пароходовъ, одинъ взятый и одинъ малый пароходъ могутъ слѣдовать немедленно по назначенію. 4 самыхъ большихъ парохода «Общества» находятся въ Англіи и могутъ прибыть въ Черное море черезъ 22 дня по полученія приказанія. Въ одинъ разъ, всѣ вмѣстѣ, могутъ поднять около двухъ милліоновъ пудовъ или до 25.000 дессанта. Съ открытіемъ навигаціи, въ портахъ, весною, число указанныхъ пароходовъ можетъ быть увеличено еще 10-ю большими и 5-ю малыми пароходами, имѣющими возможность поднять 600.000 пудовъ или до 10.000 дессанта. Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній Вашего Высочества.—Генералъ-адъютантъ Аркасъ».

Вечеромъ Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

«Вслѣдствіе занятія войсками Цесаревича Садины, турки очистили Соленикъ, Констанцу, Гагово, Хайдаркіой и Карахасанкіой, передавъ пламени всѣ попутныя деревни. Карахасанкіой занятъ нами 13-го, Соленикъ и Констанца—14-го января. Въ небольшой стычкѣ ранено у насъ три человѣка. 14-го января турки окончательно очистили всю линію Чернаго и Бѣлаго Лома и стянули все къ Рущуку и Разграду.

«16-го января Струковъ получилъ отъ одного изъ вице-консуловъ Родосто письменную просьбу поспѣшить туда для огражденія города отъ насилій и разбоя черкесовъ. Посему приказано поспѣшить отъ Айроболя къ Родосто.

1) Была послана 12-го января.

«Московцамъ удалось, къ величайшей ихъ радости, найти въ развалинахъ казармы орла отъ сгорѣвшаго знамени, хотя и сильно поврежденнаго.—18-го января, въ 8 ч. веч.».

19 января, четвергъ.—Всеобщая радость и ликованіе! Въ 6 часовъ вечера Великій Князь и паши Намыкъ и Серверъ, подписали главныя основанія мира, а около 7 ч. — Непокойчицкій, Левицкій, Неджидъ-паша и Османъ-паша—условія перемирія [1]).

Къ 6 ч. вечера масса генераловъ и офицеровъ, какъ главной квартиры, такъ и войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, уже толпилась въ большой пріемной залѣ, въ ожиданіи оффиціальнаго объявленія о перемиріи. Тутъ же были корреспонденты: «Новаго Времени»—Немировичъ-Данченко и Ивановъ, «Московскихъ Вѣдомостей»—князь Шаховской, и одесской газеты «Правда»—Гроссулъ-Толстой.

Я пошелъ къ Великому Князю около $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера и засталъ уже у него: великаго князя Николая Николаевича Младшаго, принца А. П. Ольденбургскаго и Д. А. Скалона. Вмѣстѣ со мною вошли командиръ баталіона Императорской Фамиліи графъ Клейнмихель (бывшій адъютантъ Великаго Князя) и адъютанты Поповъ и Мухановъ, а немного погодя—графъ П. А. Шуваловъ и Скобелевъ-отецъ. Всѣ мы поздравили Великаго Князя, который сіялъ радостью. Ровно въ 7 ч. пришелъ Непокойчицкій и доложилъ о подписаніи условій перемирія. Великій Князь крѣпко обнялъ и долго цѣловалъ его. Затѣмъ Великій Князь (а за нимъ и мы всѣ) вышелъ въ пріемную залу и громогласно объявилъ всѣмъ собравшимся о радостномъ событіи. Восторгъ былъ всеобщій и неописанный. Всѣ набросились на Великаго Князя и цѣловали его—кто куда могъ. Едва пробившись черезъ восторженную толпу. Великій Князь перешелъ въ сосѣднюю комнату, открылъ окно и объявилъ ту же радостную вѣсть стоявшимъ во дворѣ караулу, сводной гвардейской конвойной ротѣ и сводному конвойному баталіону. Началось совершенно оглушительное «ура», которое тотчасъ было подхвачено на улицахъ и пошло перекатываться по всему городу. А на дворѣ

[1]) См. приложеніе № 5.

музыка конвойнаго баталіона заиграла «Боже, Царя храни», которое затѣмъ повторялось, съ малыми перерывами, весь вечеръ.

Въ то же время, въ комнату, куда перешелъ Великій Князь, внесли аналой, пришли священникъ и діаконъ въ золотыхъ ризахъ, и начался благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Передъ началомъ молебна, Великій Князь приказалъ привести со двора наверхъ и построить въ большой пріемной залѣ хоръ музыки и конвойныя части войскъ.

Горячо и съ глубокимъ благоговѣніемъ помолились мы всѣ. По окончаніи молебна, Великій Князь перешелъ въ большую залу и провозгласилъ «ура» Государю Императору. Это «ура» продолжалось бы безъ конца, еслибъ Великій Князь не возстановилъ (съ трудомъ) тишину. Звонко, задушевно провозгласилъ онъ «ура» нашей доблестной, несравненной арміи. Новые восторженные крики, возобновившіеся съ еще большею силою, когда великій князь Николай Николаевичъ Младшій крикнулъ: «Ура нашему главнокомандующему!» Въ заключеніе Великій Князь провозгласилъ «ура» доблестному вождю, генералъ-адъютанту Гурко, котораго и не было въ числѣ присутствовавшихъ.

Всѣ эти восторги были, однако, довольно опасны. Тысячная толпа не только кричала, но и топала ногами по жидкому деревянному полу, который легко могъ обрушиться, ибо покоился на деревянныхъ же столбахъ довольно сомнительной прочности. Всеобщее ликованіе могло бы завершиться страшнымъ несчастіемъ. Поэтому я да и многіе другіе вздохнули свободно, когда Великій Князь, наконецъ, ушелъ изъ залы въ свой кабинетъ. Непокойчицкій, графъ Шуваловъ, Нелидовъ, Левицкій, Скалонъ, Чингисханъ и я пошли вмѣстѣ съ нимъ. Остальные стали мало-по-малу расходиться. Музыка продолжала играть сперва въ залѣ, потомъ на дворѣ.

Мы остались у Великаго Князя пить чай и сидѣли довольно долго, бесѣдуя по поводу совершившагося событія. Подъ конецъ остались только графъ Шуваловъ, Скалонъ и я: Великій Князь самъ удержалъ насъ, когда мы тоже хотѣли уйти по примѣру прочихъ. Затѣмъ пришелъ еще полковникъ Гальяръ, который обѣдалъ у французскаго консула и разсказалъ, что всѣ иностранные консулы поражены нашими подвигами и достигнутыми войною результатами.

Въ сегодняшнемъ разговорѣ Великій Князь упомянулъ, что окончательно рѣшилъ переѣхать отсюда на берегъ Мраморнаго моря въ Селиврію, ибо турецкіе уполномоченные указали на это мѣсто, какъ на наиболѣе подходящее. Изъ Одессы ему пришлютъ туда императорскую яхту «Ливадія», и на ней онъ собирается съѣздить не только въ Константинополь, но даже на Аѳонъ, гдѣ онъ уже былъ въ 1875 году. Сказалъ, что возьметъ туда съ собою и меня. Графа Игнатьева ожидаетъ не ранѣе 23-го января и не позже, какъ къ 1-му февраля. Мечтаетъ пригнать заключеніе окончательнаго мира къ 19-му февраля. Государь очень любитъ сближеніе достопамятныхъ чиселъ, а тутъ вышло бы очень кстати освободить христіанъ отъ ига мусульманскаго въ день освобожденія крестьянъ отъ рабства. Къ 25-му марта надѣется возвратиться въ Россію.

Все это, конечно, гаданія. Дай Богъ, чтобъ сбылось.

Около 10-ти часовъ вечера мы ушли отъ Великаго Князя.

О заключеніи перемирія отправлены были сегодня вечеромъ Великимъ Княземъ слѣдующія телеграммы:

1) Государю:

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество. Предпринятое Вами святое дѣло благополучно приведено къ концу. Основанія мира, предложенныя Вашимъ Величествомъ, приняты Портою, и протоколъ сію минуту подписанъ мною и уполномоченными султана. Перемиріе заключено и подписано, и приказанія о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій немедленно отправляются во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ дунайскія крѣпости, Разградъ и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками. Подробности—съ курьеромъ, котораго отправляю на-дняхъ.—Адріанополь, 19 января, 6 час. вечера».

2) Циркулярная:

«Сегодня, 19-го января, въ 6 часовъ вечера, я и турецкіе уполномоченные подписали предварительныя условія мира. Часъ спустя, подписаны условія перемирія.

«Вмѣстѣ съ симъ посылаю приказаніе нашимъ и всѣмъ союзнымъ войскамъ—немедленно прекратить военныя дѣйствія.—Адріанополь, 19 января, въ час. вечера».

3) Тифлисъ. Великому Князю Михаилу Николаевичу:

«Основанія мира сію минуту подписаны мною и турецкими

уполномоченными, также подписаны условія перемирія. Эрзерумъ, Виддинъ, Рущукъ, Силистрія и Разградъ очищаются турецкими войсками и занимаются нашими. О чемъ тебя увѣдомляю по приказанію Государя съ тѣмъ, чтобы ты, по соглашенію съ турецкимъ главнокомандующимъ, опредѣлилъ демаркаціонную линію».

20 января.—Телеграммы стали опять жестоко запаздывать. Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 16-го января въ 12 ч. 40 м. ночи:

«Телеграммы твои отъ 12-го и 13-го января получилъ вчера. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія о прибытіи твоемъ въ Адріанополь. Правда ли, что турки приняли наши условія для перемирія, какъ заграничныя телеграммы увѣряютъ? Получилъ ли ты шифрованную телеграмму мою отъ 12-го января?»

Такимъ образомъ, до Государя гораздо быстрѣе доходятъ свѣдѣнія о насъ изъ-за границы, чѣмъ отъ насъ самихъ. Изъ этой же телеграммы видно, какое значеніе придаетъ Государь своимъ повелѣніямъ, даннымъ въ телеграммѣ отъ 12-го января, полученной здѣсь только 17-го.

Не знаю, что отвѣчалъ Великій Князь на эту телеграмму: со мной по этому поводу ничего не говорилъ. Когда я, вечеромъ, по обыкновенію, былъ у него, онъ только подписалъ нижеприводимую телеграмму Государю, составленную мною заранѣе по свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня:

«17-го января кавалерійскій авангардъ Струкова взялъ съ боя Чорлу. Въ бою участвовали эскадронъ лейбъ-драгунскаго Московскаго полка, эскадронъ Петербургскаго уланскаго полка и двѣ сотни перваго Донского полка. Турокъ было до 1.000 чел. регулярной конницы и черкесовъ. Послѣ рукопашной схватки турки стали отступать: сперва стройно, потомъ въ безпорядкѣ. Особенно отличились штабсъ-ротмистръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, сотникъ Кареловъ и извѣстный художникъ Верещагинъ, который все время участвуетъ во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ охотникомъ. У насъ убито 4, ранено 9 нижнихъ чиновъ. Занятый городъ Чорлу оказался совершенно нетронутымъ. Командовавшій тамъ паша бѣжалъ, оставивъ въ конакѣ всѣ бумаги. Телеграфный аппаратъ захваченъ въ цѣлости.

«15-го января генералъ Эрнротъ занялъ Османъ-Базаръ, совершенно разоренный и разграбленный турками передъ уходомъ.

«Я вступилъ въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о немедленномъ открытіи международнаго телеграфнаго сообщенія между Адріанополемъ и Константинополемъ и по кабелю съ Одессой. Надѣюсь, что дня черезъ три сообщеніе установится. Точно также будетъ установлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Константинополемъ.

«Въ ночь съ 15-го на 16-е скоропостижно скончался начальникъ 13-й кавалерійской дивизіи генералъ баронъ Раденъ.

«Сейчасъ получилъ донесеніе Циммермана о бывшемъ 14-го января жаркомъ дѣлѣ близъ Базарджика. Непріятель, выступивъ оттуда въ значительныхъ силахъ, аттаковалъ нашъ правый флангъ, бригаду Нильсона и казаковъ Шамшева. Генералъ Циммерманъ тотчасъ двинулся на поддержку съ бригадою Донаурова отъ Чаиръ-Ормана, а генералы Манзей и Жуковъ подошли слѣва отъ бальчикской дороги. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ участвовалъ весь 14-й корпусъ. Послѣ четырехъ часовъ жаркаго боя непріятель былъ отброшенъ въ Базарджикъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ, въ числѣ которыхъ найденъ и трупъ египетскаго генерала Захаріи-паши. Наши преслѣдовали непріятеля до самыхъ укрѣпленій. Наиболѣе отличились генералъ Нильсонъ и полковникъ Елецъ съ Тарутинскимъ полкомъ, который и пострадалъ больше другихъ. Нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 166, контужено 20. Подъ генераломъ Нильсономъ убита лошадь.

«По соглашенію съ турецкимъ правительствомъ, приняты мѣры для немедленнаго возстановленія полной свободы торговли какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.—Адріанополь, 20-го января, 9 ч. вечера».

Сегодня ночью ожидается пріѣздъ принца Александра Баттенбергскаго изъ Петербурга. Такъ какъ это любимый племянникъ императрицы, то Великій Князь объ этомъ телеграфировалъ собственноручно. Кромѣ того, продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму генералъ-адъютанту Аркасу въ Николаевъ:

«Депешу твою отъ 16-го получилъ. Такъ какъ перемиріе заключено, и свобода торговли выговорена на сушѣ и на морѣ, то снесись съ морскимъ министерствомъ, дабы распорядилось немед-

леннымъ возвращеніемъ нашихъ четырехъ пароходовъ изъ Англіи, съ тѣмъ, чтобы, по заключеніи мира, они могли вмѣстѣ съ прочими судами служить для обратной перевозки войскъ».

21 января. — Вчера днемъ и всю ночь пришлось усиленно работать надъ составленіемъ срочнаго отчета Государю, и сегодня утромъ читалъ его Великому Князю, который по обыкновенію остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ выражалъ удивленіе моей способности схватывать на лету его мысли и указанія и такъ быстро писать. Теперь надо весь день и всю ночь самому переписывать отчетъ, ибо завтра ѣдетъ курьеромъ въ Петербургъ ординарецъ Великаго Князя, поручикъ Рыдзевскій.

Погода уже четвертый день стоитъ чудная: тихо, тепло, солнце сіяетъ такъ ласково. Работаю при открытыхъ окнахъ.

Въ 2 часа Великій Князь давалъ обѣдъ турецкимъ уполномоченнымъ, на который и я былъ приглашенъ. По обѣ стороны Великаго Князя сидѣли Серверъ и Намыкъ паши; противъ него— подписавшіе перемиріе генералы Неджибъ и Османъ паши, а по обѣ стороны ихъ — Непокойчицкій, Радецкій, Гурко и адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ. Никакихъ тостовъ не было. Послѣ обѣда я поспѣшилъ уйти, чтобы успѣть окончить переписку отчета.

Вечеромъ, когда пришелъ къ Великому Князю, надо было расшифровать двѣ депеши:

1) Отъ князя Горчакова, 16-го января:

«Шуваловъ телеграфируетъ, что въ прощальной аудіенціи Беканану австрійскій императоръ неодобрительно отозвался о нашихъ мирныхъ условіяхъ».

Какое намъ до этого дѣло?!

2) Отъ Государя, 18-го января (отвѣтъ на просьбу Великаго Князя отъ 14-го):

«Приказалъ составить соображеніе о средствахъ для амбаркаціи одной дивизіи въ Севастополѣ, но, признаюсь, недоумѣваю, возможно ли рѣшиться на подобное предпріятіе въ виду турецкаго флота. Притомъ, желаю знать цѣль и мѣсто высадки».

На эту телеграмму немедленно былъ составленъ, зашифрованъ и отправленъ слѣдующій отвѣтъ Великаго Князя:

«13-ю дивизію я полагалъ посадить на суда и двинуть къ Босфору, къ тому времени, когда, въ случаѣ непринятія Портою мирныхъ основаній, военныя дѣйствія привели бы насъ съ сухого пути къ Царьграду и Босфору. Полагалъ высадить эту дивизію на Малоазіатскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на Скутари. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Игнатьевъ долженъ выѣхать изъ Бухареста 23-го числа».

Нельзя не сказать, что объясненіе это довольно слабое, и нѣтъ сомнѣнія, что мысль о дессантѣ на малоазіатскій берегъ Босфора останется безъ послѣдствій. Едва ли и самъ Великій Князь будетъ на этомъ настаивать: мысль мелькнула внезапно, а теперь она его больше не занимаетъ.

Кромѣ вышеприведенной отвѣтной телеграммы, послана Государю еще слѣдующая:

«Послѣ небольшой перестрѣлки у Хиседжи и затѣмъ боя у Хасанлара, гдѣ турки ожидали нашихъ на позиціи, 15-го января отрядъ нашъ сбилъ непріятеля, вечеромъ подошелъ къ Разграду, и 16-го января утромъ занялъ его уже безъ боя. Патронная фабрика и пороховой заводъ достались въ наши руки.

«Сегодня я давалъ обѣдъ турецкимъ уполномоченнымъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ русскіе ордена, явились, имѣя ихъ на себѣ.

«Всѣ они вообще были чрезвычайно любезны и внимательны.

«Сандро [1]) прибылъ нынче ночью благополучно сюда, совершенно здоровъ.—Адріанополь, 21-го января, 9 ч. вечера».

22 января.—Сегодня отправленъ съ поручикомъ Рыдзевскимъ слѣдующій *Отчетъ Государю:*

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ славнымъ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Непріятель склонилъ голову передъ силою побѣдоноснаго русскаго оружія: 18-го января турецкіе уполномоченные заявили мнѣ, что покоряются нашимъ условіямъ, а 19-го, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ташкисенскаго боя, подписали предварительныя условія мира и подробныя условія перемирія. Текстъ

[1]) Уменьшительное имя принца Александра Баттенбергскаго.

этихъ послѣднихъ условій имѣю счастіе представить при семъ Вашему Величеству.

«Въ настоящемъ отчетѣ я долженъ представить Вашему Величеству обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя я предполагалъ принять на случай продолженія военныхъ дѣйствій и того положенія, въ которомъ заключеніе перемирія застало войска.

«14-го января я прибылъ въ Адріанополь. Ко времени моего пріѣзда туда, расположеніе войскъ по сю сторону Балканъ было слѣдующее:

«1) Правая колонна генералъ-адъютанта Гурко, со включеннымъ въ нее отрядомъ ген.-лейт. Карцова:

«1-я бригада 2-й гвард. кавал. дивизіи шла въ резервѣ за 1-ю кавалерійскою дивизіею. 2-я и 3-я бригады 2-й гвард. кав. дивизіи, съ двумя сотнями казачьей бригады Курнакова—въ слѣдованіи къ Айраболю.

«1-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи, 1-я бригада 3-й пѣх. дивизіи, 10-й стрѣлковый баталіонъ, одна рота 4-го и одна рота 6-го саперныхъ баталіоновъ и двѣ сотни Донского № 24 полка находились въ Адріанополѣ.

«Два сводныхъ баталіона полковъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи и двѣ сотни Донскаго № 24 полка—въ слѣдованіи отъ Мустафа-паши къ Адріанополю.

«2-я и 3-я гвард. пѣх. дивизіи и гвардейская стрѣлковая бригада—въ слѣдованіи отъ Херманли къ Мустафа-пашѣ.

«5-я пѣх. дивизія и 9-й уланскій Бугскій полкъ—въ слѣдованіи отъ Хаскіоя къ Херманли.

«Сводная драгунская бригада—въ слѣдованіи къ Демотикѣ.

«9-й драгунскій Казанскій полкъ, Донской № 30 полкъ и двѣ сотни Донского № 24 полка—въ слѣдованіи отъ Хаскіоя по долинѣ рѣки Арды къ Местанлы, вслѣдъ за отступающими остатками арміи Сулеймана-паши.

«Кавказская казачья бригада съ двумя сотнями Донской казачьей бригады Курнакова преслѣдовала части арміи Сулеймана, отступавшія на Нарѣчинъ.

«Для охраненія Софійско-Адріанопольской коммуникаціонной линіи были оставлены:

«Въ Софіи—2-я бригада 1-й гв. пѣх. дивизіи, 4-й уланскій Харьковскій и 4-й гусарскій Маріупольскій полки съ батареею.

«Въ Филиппополѣ—31-я пѣх. дивизія и 9-й гусарскій Кіевскій полкъ.

«Въ Херманли—три роты Ярославскаго пѣх. полка.

«Въ Сейменли, для охраненія моста через р. Марицу—одна рота Коломенскаго пѣх. полка.

«Въ Мустафа-пашѣ—одна рота Ярославскаго пѣх. полка.

«Въ слѣдованіи отъ Орханіи, для занятія летучихъ постовъ между Орханіей и Филиппополемъ—Донскій № 4 казачій полкъ.

«2) Средняя колонна генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го:

«Кавалерія Свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова (12 эскадроновъ и сотенъ) въ Люле-Бургасѣ, выдвинувъ боковые отряды къ Киркилиссѣ и Айроболю.

«За нею въ видѣ репли—три баталіона 3-й стрѣлковой бригады и три полка 16-й пѣх. дивизіи—въ Хавса.

«Три полка 30-й пѣх. дивизіи—въ Узунъ-Кепри, занимая боковымъ отрядомъ Демотику.

«4-я стрѣлковая бригада, 61-й пѣх. Владимірскій полкъ и двѣ сотни Донского № 9 полка—въ Адріанополѣ.

«Двѣ сотни Донского № 9 полка—на постахъ отъ Казанлыка до Адріанополя.

«3) Лѣвая колонна генералъ-отъ-инфантеріи Радецкаго (8-й корпусъ съ Донскимъ № 23 казачьимъ полкомъ) въ одномъ переходѣ не доходя Адріанополя. Авангардъ прибылъ сюда 15-го, а главныя силы 16-го января.

«Отъ лѣвой колонны оставлена въ Казанлыкѣ, въ распоряженіи начальника округа, Уральская казачья сотня.

«4) Резервъ арміи (гренадерскій корпусъ) 14-го января находился: 1-й эшелонъ (1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи)—въ Трновѣ и Сейменли; 2-й эшелонъ (2-я бригада той же дивизіи)—въЕски-Загрѣ; 3-й и 4-й эшелоны (3-я гренадерская дивизія)—собирались въ Казанлыкѣ.

«5) Лѣвый боковой отрядъ генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена: 26-я пѣхотная дивизія въ Сливно и Ямболи; 1-я бригада 13-й кавалерійской дивизіи наступала къ Карнабаду.

«Всѣ вообще войска, а отрядъ генералъ-адъютанта Гурко въ особенности, были крайне утомлены форсированными маршами по распустившимся отъ проливныхъ дождей дорогамъ. Одежда изношена и истрепана. Вмѣсто фуражекъ, нѣкоторые—въ болгарскихъ шапкахъ и даже въ чалмахъ. Обувь въ самомъ жалкомъ видѣ: у кого сапоги безъ подошвъ, у кого опанки, а у многихъ ноги обернуты разнымъ тряпьемъ. Бѣлья почти нѣтъ. Палатокъ давно уже нѣтъ: или сгнили отъ дождей, или пошли на онучи и портянки. Обозъ далеко позади: войска западнаго отряда не видали его съ тѣхъ поръ, какъ выступили изъ Орханіи. Вслѣдствіе этого даже большинство офицеровъ имѣли при себѣ лишь то, что могли унести на себѣ сами или увезти въ кабурахъ верховыхъ лошадей. Артиллерія всѣхъ колоннъ на половину оставлена позади, такъ какъ дожидаться спуска ея съ горъ было некогда. О паркахъ и говорить нечего: всѣ отстали на нѣсколько переходовъ. Запасъ зарядовъ ограничивался лишь тѣмъ, что помѣщается въ передкахъ орудій и передкахъ зарядныхъ ящиковъ: задніе ходы ящиковъ почти всѣхъ батарей пришлось оставить за горами, въ виду невозможности ихъ везти. Запасъ патроновъ— не менѣе 100 на ружье, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — до 150-ти. Боевая сила слабая: у пѣхоты—вслѣдствіе большого числа отсталыхъ, неизбѣжнаго при столь неимовѣрно-быстромъ движеніи; у кавалеріи—отъ усиленной и продолжительной развѣдывательной и сторожевой службы и отъ энергическаго преслѣдованія непріятеля по труднымъ горнымъ дорогамъ и тропинкамъ, при гололедицѣ. Среднимъ числомъ было по 500 штыковъ въ баталіонѣ и по 80 всадниковъ въ эскадронѣ.

«Но, несмотря на все это, бодрость въ людяхъ удивительная. Духъ офицеровъ и солдатъ превосходный.

«Состояніе здоровья, благодаря обильному продовольствію на счетъ средствъ страны и захваченнымъ турецкимъ запасамъ, въ особенности же благодаря обильной мясной дачѣ—хорошо. Даже большинство отсталыхъ были совершенно здоровые люди, которые не могли идти лишь по недостатку обуви или потому, что обморозили ноги еще на Балканахъ. Поэтому, если-бы дать войскамъ продолжительный отдыхъ, необходимый для сбора отсталыхъ, исправленія одежды и обуви, ковки и поправки лошадей, и для того, чтобы

подтянуть артиллерію, обозы и парки, то войска могли бы скоро быть приведены въ состояніе настолько хорошее, какъ нельзя было даже ожидать послѣ тѣхъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній, которые онѣ вынесли.

«Но дать этотъ отдыхъ, по моему крайнему убѣжденію, было нельзя. Турки, послѣ неожиданнаго для нихъ перехода нашего черезъ Балканы, послѣдовательнаго спуска нашего съ горъ въ разныхъ мѣстахъ, еще болѣе неожиданнаго плѣненія шипкинской арміи и быстраго появленія нашихъ войскъ въ тылу Сулеймана на пути къ Адріанополю, были поражены какъ громовымъ ударомъ. Всюду распространился паническій ужасъ. Все мусульманское населеніе забалканской Болгаріи почти поголовно бѣжало: или къ Константинополю, забравъ все, что можно, съ собой и уничтожая все остальное; или вооруженными шайками въ горы, къ югу отъ Самакова и Филиппополя. Разгромленная армія Сулеймана-паши бѣжала вразсыпную къ Эгейскому морю.

«Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я твердо рѣшился продолжать самое энергическое наступленіе къ Константинополю, не ожидая ни сбора отсталыхъ, ни исправленія обуви, ни артиллеріи, ни парковъ, а идти безостановочно впередъ, съ тѣмъ, что есть подъ рукою, чтобы не дать туркамъ времени ни оправиться отъ овладѣвшей ими паники, ни организовать оборону столицы, ни собрать и подвезти туда моремъ остатки разбитой арміи Сулеймана и другія войска. Именно въ это время турки стягивали все, что могли, къ Константинополю, на линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмеджи, уклоняясь при отступленіи отъ всякихъ столкновеній, даже съ нашими разъѣздами.

«Я приказалъ авангарду и кавалеріи наступать безостановочно, а главнымъ силамъ начать общее наступленіе тотчасъ, какъ только соберется къ Адріанополю весь отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, т.-е. 19-го января. Затѣмъ, въ виду разлива Марицы и сноса мостовъ, и происшедшей оттого задержки въ движеніи войскъ между Херманли и Адріанополемъ, я отсрочилъ начало общаго наступленія до 21-го января.

«Общій планъ наступленія былъ слѣдующій:

«Итти къ Константинополю, для атаки укрѣпленной позиціи Деркосъ-Чекмедже, тремя колоннами: 1) Лѣвая—черезъ Киркилиссу

и Визу на Деркосъ; 2) Средняя—черезъ Люле-Бургасъ, Чорлу, Мусселимъ, Беюкъ (на желѣзной дорогѣ) на Чаталджу; 3) Правая—по пути средней колонны до Чорлу, а оттуда на Селиврію къ Буюкъ-Чекмедже. Общему резерву—за среднею колонною. Для обезпеченія лѣваго фланга оставить лѣвый боковой отрядъ въ Сливно и Ямболи и отъ него авангардъ въ Карнабадѣ, а летучіе передовые отряды—въ Айдосѣ и Бургасѣ.

«Для обезпеченія праваго фланга—занять Демотику, выдвинувъ оттуда наблюдательный отрядъ къ Деде-Агачу и сильный заслонъ къ сторонѣ Галлиполи, на Уршу и Шаркіой. Для того, чтобы въ точности выяснить, куда дѣвались остатки разсѣявшейся арміи Сулеймана—направить долиною Арды особый отрядъ черезъ Местанлы къ Гюмурджинѣ, а оттуда—на Деде-Агачъ и черезъ низовья Марицы къ Галлиполи. Для обезпеченія тыла вообще—оставить отряды въ Софіи, Филиппополѣ, Херманли и Адріанополѣ.

«Въ тоже время, по сѣверную сторону Балканъ, продолжать начатое уже общее наступленіе: войскамъ Цесаревича—на Рущукъ, Разградъ, Ески-Джуму, Османъ-Базаръ и Котелъ, а войскамъ генералъ-лейтенанта Циммермана—на Хаджи-Оглу Базарджикъ и далѣе на Праводы. Если подтвердится свѣдѣніе о малочисленности непріятельскихъ войскъ, оставшихся къ сѣверу отъ Балканъ, то, кромѣ тѣхъ частей войскъ, которыя я уже приказалъ двинуть за Балканы и о которыхъ доносилъ Вашему Величеству (три полка 8-й кавалерійской дивизіи, всю 24-ю пѣх. дивизію и 1-й гусарскій Сумскій полкъ)—Его Императорскому Высочеству начальнику восточнаго отряда направить къ Адріанополю еще 2-ю и 32-ю пѣхотныя дивизіи въ полномъ составѣ.

«Общее наступленіе къ Константинополю не состоялось. 19-го января было заключено перемиріе, которое застало войска, приблизительно [1]), въ слѣдующемъ положеніи:

А) *По сѣверную сторону Балканъ:*

«1) Восточный отрядъ занялъ линію Чернаго и Бѣлаго Лома, Разградъ и Османъ-Базаръ. Движеніе на Котелъ задержано разливомъ рѣкъ.

¹) Приблизительно потому, что имѣющіяся свѣдѣнія относятся къ 17 января.

«2) Отрядъ генералъ-лейтенанта Циммермана—передъ укрѣпленіями Хаджи-Оглу Базарджикъ.

«3) Войска, которыя должны были перейти въ Болгарію изъ Румыніи—остались на лѣвомъ берегу Дуная, за отсутствіемъ переправы.

«4) Движеніе 24-й пѣхотной дивизіи за Балканы задержано распутицею отъ разливовъ рѣкъ и горныхъ потоковъ.

«5) Движеніе 2-й и 32-й пѣхотныхъ дивизій я отмѣнилъ.

«Б) *За Балканами:*

«1) Лѣвый боковой отрядъ ген.-лейт. барона Деллингсгаузена—въ Сливно и Ямболи.

«2) Лѣвая колонна генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго вся въ Адріанополѣ съ 17-го января.

«Впереди ея—л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ, который 18-го января двинулся отъ Киркилиссы на Бунаръ-Гиссаръ, Визу, Сарай и Странжео къ Укталы. Три полка 8-й кавалерійской дивизіи—въ слѣдованіи къ Адріанополю (отъ Дольныхъ Раховицъ черезъ Твардицу и Іени-Загру, а далѣе—по желѣзной дорогѣ), куда должны прибыть 23-го января.

«3) Средняя колонна ген.-лейт. Скобелева 2-го: Свиты Его Величества ген.-маіоръ Струковъ съ тремя полками 1-й кавалерійской дивизіи занялъ 17-го января съ боя Чорлу. Самъ ген.-лейт. Скобелевъ 2-й, съ 16-ю пѣхотной дивизіей, обѣими стрѣлковыми бригадами л.-гв. Уланскимъ полкомъ и Донскимъ казачьемъ № 9 полкомъ—въ Люле-Бургасѣ. Три полка 30-й пѣхотной дивизіи — въ слѣдованіи изъ Демотики въ Люле-Бургасъ.

«4) Правая колонна генералъ-адъютанта Гурко: 2-я и 3-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи — въ Айроболѣ и въ слѣдованіи къ Родосто; вся гвардейская пѣхота, 5-я пѣхотная дивизія, Бугскій уланскій, Екатеринославскій и Астраханскій драгунскіе полки — въ Адріанополѣ и окрестностяхъ, куда собрались 17-го января.

«5) Правый боковой отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова—въ Демотикѣ, куда прибылъ 17-го января.

«6) Отдѣльный кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Чернозубова—въ слѣдованіи изъ Караджалара на Местанлы.

«7) Резервъ арміи,—Гренадерскій корпусъ,—въ окрестностяхъ Херманли, куда собрался весь 21-го января.

«Кавказская казачья бригада—въ слѣдованіи отъ Филиппополя къ Херманли.

«Прочія войска—на прежнихъ мѣстахъ. Выступленіе бригады 31-й пѣхотной дивизіи изъ Филиппополя въ Адріанополь—я отмѣнилъ.

«Въ этомъ положеніи войска останутся теперь нѣсколько дней, отдохнутъ, приведутъ въ исправность одежду и обувь затѣмъ будутъ поставлены по квартирамъ, на все время перемирія, такъ, чтобы сочетать удобства размѣщенія съ полною готовностью къ возобновленію военныхъ дѣйствій на случай, если бы миръ не состоялся. Я еще не рѣшилъ окончательно, какъ расположу для этой цѣли войска; пока могу лишь сказать, что постараюсь какъ можно скорѣе вывести большую часть ихъ изъ Адріанополя, такъ какъ скученное расположеніе въ этомъ городѣ можетъ породить эпидемическія болѣзни, которыхъ до сихъ поръ, славу Богу, не было. Въ Адріанополѣ я оставлю только 5-ю пѣх. дивизію и Бугскій уланскій полкъ. Управленіе этимъ городомъ и всѣми санджаками Адріанопольскаго вилайета, находящимися въ нашей власти, я ввѣрилъ, съ 17-го января, командиру 9-го арм. корпуса ген.-лейт. Свѣчину, на правахъ военнаго генералъ-губернатора. Помощникомъ его назначилъ начальника штаба того же корпуса, генералъ-маіора Липинскаго.— Адріанополь, 22-го января 1878 г.».

Отъ Государя получена сегодня слѣдующая телеграмма, поданная въ Петербургѣ 19-го января въ 12 ч. 40 м. пополуночи:

«Сообщаю тебѣ телеграмму султана, полученную сегодня вечеромъ, и мой отвѣтъ:

«Его Величеству Императору Всероссійскому. Константинополь, 30-го января 1878. Мое правительство телеграфировало 24-го сего мѣсяца моимъ уполномоченнымъ о принятіи главныхъ основаній, предложенныхъ Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ для заключенія перемирія и возстановленія мира. Съ тѣхъ поръ прошло шесть дней, но мое правительство все еще не получило отвѣта на это сообщеніе. По принятіи моимъ правительствомъ главныхъ основаній перемирія и мира, продолженіе военныхъ дѣйствій уже не

вызывается необходимостью и не можетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ увеличенія страданій моихъ подданныхъ, уже подвергшихся столь тяжкимъ испытаніямъ. Посему я обращаюсь къ человѣколюбивымъ чувствамъ В. И. В. и прошу: соблаговолите повелѣть командующимъ арміями прекратить враждебныя дѣйствія. — Абдулъ Гамидъ».

«Мой отвѣтъ:

«Его величеству султану, въ Константинополь.

«Я еще не имѣлъ извѣстія о полученіи уполномоченными вашего величества въ главной квартирѣ согласія вашего на принятіе главныхъ основаній перемирія. Когда уполномоченные объ этомъ заявятъ—братъ мой уполномоченъ согласиться на перемиріе. Ваше величество можете быть убѣждены, что я искренно раздѣляю ваше желаніе мира, но мнѣ нуженъ, я скажу даже, *намъ* нуженъ миръ прочный и солидный.— Александръ».

Изъ этой телеграммы ясно видно, до какой степени султанъ дрожалъ за свою судьбу, и какъ плохо, слѣдовательно, чувствовали себя турки все послѣднее время.

Вечерняя обычная телеграмма Великаго Князя Государю была сегодня очень коротка:

«Новаго ничего нѣтъ. По донесенію отъ 18-го января, генералъ Столѣтовъ занялъ Котелъ послѣ ряда безпрерывныхъ стычекъ. Въ одной изъ нихъ тяжело раненъ въ руку флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій. Сегодня отправилъ къ тебѣ курьеромъ ординарца моего Рыдзевскаго съ журналомъ и условіями перемирія.— Адріанополь, 22-го января, 8 ч. вечера».

23 января.—Я совсѣмъ забылъ упомянуть, что вчера Великій Князь давалъ большой обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ находящіеся въ Адріанополѣ старшіе начальники, до командировъ отдѣльныхъ частей войскъ и начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ включительно. Передъ этимъ обѣдомъ, разбирая вновь полученныя газеты, я нашелъ въ нихъ письмо командира прусскаго гвардейскаго корпуса, принца Августа Виртембергскаго, къ нашему Государю, и прочелъ его Великому Князю, который велѣлъ мнѣ, подъ конецъ обѣда, прочесть это письмо вслухъ всѣмъ приглашен-

нымъ. По окончанія чтенія, Великій Князь всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье вѣрнаго друга нашего Государя, императора германскаго, и «ура» ему. Музыка заиграла германскій гимнъ, который былъ выслушанъ стоя и покрытъ криками «ура».

Сегодня Великій Князь приказалъ составить двѣ благодарственныхъ телеграммы: французскую—императору Вильгельму и нѣмецкую—принцу Августу Виртембергскому. Составленіе первой взялъ на себя самъ Непокойчицкій, а вторую—приказалъ составить мнѣ. Вотъ онѣ обѣ:

1) «Берлинъ. Его величеству императору.

«Вчера узналъ изъ полученныхъ мною изъ Петербурга газетъ о чудномъ письмѣ, которое принцъ Августъ Виртембергскій послалъ, съ вашего соизволенія, отъ своего имени и отъ лица блистательнаго геройскаго корпуса прусской гвардіи,—моему брату Государю Императору, поздравляя его съ побѣдами дѣйствующей арміи, въ составъ которой входитъ и гвардія. Письмо это было прочитано въ присутствіи начальниковъ частей войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собравшихся у меня къ обѣду. Взрывъ восторга былъ необычайный. Дружелюбныя чувства несравненныхъ собратій по оружію заставили забиться всѣ сердца и долго не умолкало наше «ура» во славу вашу и вашей арміи. Какъ отъ себя, такъ и отъ лица всей арміи, и въ особенности гвардейскаго корпуса, я счастливъ выразить вашему величеству чувства нашей живѣйшей благодарности. Да сохранится навсегда взаимное чувство братства, во славу обѣихъ армій и на процвѣтаніе обѣихъ имперій».

2) «Берлинъ. Принцу Августу Виртембергскому, командиру гвардейскаго корпуса.

«Ваше королевское высочество. Только вчера мы имѣли неожиданное удовольствіе прочесть ваше столь дорогое для насъ письмо Государю Императору нашему, отъ имени прославленной прусской гвардіи. Благодаря случаю, письмо было получено именно въ то время, когда всѣ начальники частей войскъ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собрались ко мнѣ къ обѣду. Это доставило мнѣ радость прочесть ваше письмо вслухъ представителямъ нашей гвардіи и провозгласить здравицу дорогому и вѣрному другу Россіи, великому императору Вильгельму и его славной гвардіи и арміи. Послѣдо-

вало восторженное, нескончаемое «ура». Дай Богъ, чтобы наши взаимно-дружескія чувства и наше старинное, уже много десятковъ лѣтъ продолжающееся братство по оружію—оставалось незыблемо и впредь.—Главнокомандующій Николай».

Государю было донесено объ этомъ особою телеграммою, и кромѣ того послана слѣдующая:

«Циммерманъ доноситъ, что послѣ дѣла 14-го января турки ночью очистили Базарджикъ и, оставивъ тамъ склады оружія и артиллерійскаго имущества, отступили въ Варну. Три мечети, армянскую церковь и провіантскій складъ въ болгарской церкви турки подожгли, но жители потушили пожаръ. Въ Базарджикѣ остался госпиталь «Красной Луны» съ 250 тяжело ранеными турками и египтянами и 70 больными. Городъ не разоренъ; укрѣпленія, весьма сильныя, также цѣлы.—Адріанополь, 23-го января 8 ч. вечера».

Уже по отправленіи этой телеграммы, была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. 55 м. вечера 20-го января: «Послѣднее извѣстіе изъ Константинополя о согласіи Порты на наши условія послано оттуда 12-го числа, но до сихъ поръ не имѣю отъ тебя извѣстія, начаты ли переговоры о перемиріи. По общимъ политическимъ соображеніямъ, желательно ускорить заключеніе перемирія и не давать предлога къ толкованію, будто мы нарочно тянемъ переговоры, чтобъ ближе подойти къ Царьграду. Такое желаніе отнюдь не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія».

Изъ этого видно, какъ запаздываютъ телеграммы: 20-го, вечеромъ, Государь не зналъ даже о началѣ переговоровъ, тогда какъ 19-го вечеромъ они уже были кончены.

24 января.—Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 18-го января, въ 5 ч. 40 м. дня:

«Телеграммы твои по прибытіи въ Адріанополь получилъ только сегодня. Радуюсь радушному пріему и блестящему состоянію, въ которомъ нашелъ гвардію. Повтори ей мое спасибо за молодецкую службу. На чемъ остановились переговоры? Правда ли, что турки приняли наши условія? Желательно весьма ускорить устройствомъ телеграфной линіи до Адріанополя».

Не знаю, что отвѣтилъ Великій Князь. Вечеромъ сидѣлъ у него очень долго. Были еще графъ Шуваловъ и принцъ «Сандро» Баттенбергъ (третьяго дня пріѣхавшій); Великій Князь разспрашивалъ его о разныхъ подробностяхъ петербургской придворной жизни, о тамошнемъ настроеніи и т. п. Между прочимъ, принцъ разсказалъ, что Государь послалъ его для участія во второмъ забалканскомъ походѣ (онъ участвовалъ и въ первомъ), никакъ не ожидая, что онъ будетъ законченъ такъ быстро. При дворѣ, по словамъ принца, ожидали, что мы подойдемъ къ Адріанополю лишь позднею весною. Такимъ образомъ, быстрый захватъ всей забалканской Болгаріи долженъ былъ быть для Государя полнымъ сюрпризомъ. Впрочемъ, это было сюрпризомъ и для насъ самихъ.

Получена сегодня еще депеша отъ князя Милана сербскаго, изъ Ниша, отъ 22-го января (3-го февраля), въ отвѣтъ на увѣдомленіе о перемиріи:

«Принося благодарность Вашему Императорскому Высочеству за августѣйшее сообщеніе о перемиріи, которымъ вы меня удостоили и которое я получилъ только сегодня, 22-го, послѣ обѣда,—я почтительно довожу до высокаго свѣдѣнія вашего, что я поспѣшилъ послать всѣмъ начальникамъ приказаніе: немедленно прекратить военныя дѣйствія и войти въ сношеніе съ оттоманскими начальниками объ установленіи демаркаціонной линіи сообразно съ инструкціями, которыя будутъ мною даны по прибытіи офицера, спеціально посланнаго Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ. Я особенно тронутъ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, съ которымъ Ваше Императорское Высочество изволили сообщить мнѣ, что Его Величество Государь Императоръ, нашъ августѣйшій покровитель, великодушно удостоилъ взять интересы Сербіи подъ свое могущественное покровительство.—Князь Миланъ Сербскій».

25 января. — Получены двѣ сильно запоздалыя телеграммы Государя:

1) Отъ 4 ч. пополудни 20-го января:

«Крайне сожалѣю о пожарѣ казармы, въ которой помѣщался л.-гв. Московскій полкъ, и о погибшихъ людяхъ и знамени 4-го баталіона. Прикажу имъ выдать новое. Понять не могу,

что не получилъ еще извѣщенія о принятіи турками нашихъ условій».

2) Отъ 3 ч. 40 м. дня 21-го января:

«Телеграмму твою отъ 19-го числа о заключеніи перемирія только-что получилъ, и благодарю Бога за достигнутый результатъ. Условія насчетъ крѣпостей признаю весьма выгодными. Сообщи мнѣ, положенъ ли срокъ перемирію? Желаю, чтобы ты разрѣшилъ сыновьямъ моимъ возвратиться сюда на нѣкоторое время».

На вторую телеграмму Великій Князь немедленно отвѣтилъ въ $9^1/_2$ ч. вечера:

«Срокъ на перемиріе не назначенъ. Они просили, но я отклонилъ, потому что нахожу, что выгоды отъ этого не было бы никакой, а выговорено, что перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ. Такъ что если увижу, что переговоры будутъ затягиваться, то я всегда воленъ имъ назначить срокъ, и если ихъ не окончатъ къ тому времени, то буду всегда въ состояніи прервать переговоры. Всѣмъ тремъ племянникамъ далъ немедленное приказаніе выѣхать въ Петербургъ».

Еще до полученія телеграммы Государя, Великій Князь телеграфировалъ ему сегодня слѣдующее:

«Турки ждутъ съ нетерпѣніемъ скорѣй покончить дѣло и заключить миръ. Про Игнатьева еще ничего не знаю, гдѣ онъ. Турки весьма любезны и во всемъ до крайности предупредительны. Сегодня войска мои выступаютъ изъ Адріанополя для занятія болѣе удобныхъ мѣстъ и чтобъ приблизиться къ демаркаціонной линіи. Здоровье войскъ пока самое удовлетворительное».

Наслѣднику Цесаревичу послана телеграмма въ Брестовацъ:

«Государь приказалъ мнѣ васъ троихъ немедленно отпустить на нѣкоторое время въ Петербургъ. Поэтому, на время твоего отсутствія, прошу тебя передать командованіе восточнымъ отрядомъ Тотлебену, а Ванновскому вернуться къ своему корпусу. Дай знать мнѣ, когда полагаете всѣ трое выѣхать».

Затѣмъ Государю послана еще одна телеграмма, составленная по полученнымъ въ теченіе дня свѣдѣніямъ:

«Цесаревичъ сообщаетъ, что къ 21-му января окончательно обложилъ Рущукъ и готовился уже потребовать черезъ парламен-

тера сдачи крѣпости, а въ случаѣ отказа начать усиленное бомбардированіе, какъ получилъ мою телеграмму о заключеніи перемирія и посему пріостановилъ дѣйствія.

«Циммерманъ доноситъ, что 19-го января высланный имъ летучій отрядъ охотниковъ Кинбурнскаго драгунскаго полка, капитана Раховича, разрушилъ динамитомъ на протяженіи двухъ верстъ желѣзную дорогу, въ 17 верстахъ отъ Варны, сжегъ станцію Гебеджи и испортилъ двѣ телеграфныя линіи».

Великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ:

«Крѣпости турки должны очистить, со дня полученія на мѣстѣ начальниками ихъ на то приказанія, въ семидневный срокъ. Орудія и имущество остаются за турками и, если не могутъ быть вывезены въ назначенный срокъ, то принимаются нашими властями на храненіе по инвентарю, въ двухъ экземплярахъ описей. Продовольственные припасы, подверженные порчѣ, могутъ быть проданы турками или уступлены намъ, по взаимному соглашенію. Блокада портовъ Чернаго моря снимается, торговое плаваніе возстановляется. О Батумѣ ничего пока не выговорено. — Адріанополь, 25-го января, 9½ ч. вечера».

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы:

1) Отъ князя Карла Румынскаго, изъ Бухареста, отъ 4-го февраля (23-го января), 2 ч. пополудни:

«Я получилъ депешу, которою Ваше Императорское Высочество извѣщаете меня о заключеніи перемирія. Прежде всего поздравляю отъ всего сердца васъ и доблестную императорскую армію съ блестящими успѣхами и достигнутыми славными результатами. Очень сожалѣю, что въ Петербургѣ не приняли во вниманіе нашу просьбу о допущеніи румынскаго уполномоченнаго къ участію въ заключеніи перемирія, въ качествѣ представителя союзной воюющей націи. Это ставитъ мое правительство въ весьма затруднительное положеніе передъ страною. Принимая въ соображеніе это незаслуженное устраненіе, я прикажу приготовиться къ занятію Виддина и Бѣлградчика и удержу эти крѣпости и прочіе города дунайскаго побережья въ видѣ залога, впредь до уплаты военныхъ издержекъ и вознагражденія, которое Турція должна уплатить Румыніи.—Карлъ».

Замѣчательная притязательность! Конечно, не самъ князь Карлъ

сочинилъ эту телеграмму, а его первый министръ Братіано. Турки смотрятъ на румынъ (и совершенно правильно), какъ на возмутившихся вассаловъ, а румыны возмнили себя равноправною намъ воюющею державою. Не только желаютъ наравнѣ съ нами участвовать въ мирныхъ переговорахъ, но еще убѣждены въ своемъ правѣ требовать отъ Турціи уплаты денежныхъ издержекъ за свое возстаніе противъ ея верховной власти. Какое самомнѣніе! Они даже забыли, что независимость Румыніи еще должна быть оформлена мирнымъ договоромъ и признана всѣми державами.

Сомнѣнія нѣтъ, что турецкіе уполномоченные наотрѣзъ отказались бы вести мирные переговоры съ румынами.

Черногорскіе орлы, которые никогда не были подвластны туркамъ, не выражаютъ претензіи участвовать въ мирныхъ переговорахъ, а румынскіе индюки уже надулись и распустили хвосты. Вотъ что телеграфируетъ князь черногорскій изъ Данилограда, отъ 6 ч. вечера того же 4-го февраля (23-го января):

«Въ лагерѣ у Подгорицы, 22-го января, я имѣлъ честь получить депешу Вашего Императорскаго Высочества. Съ безграничною радостью мы узнали о подписаніи предварительныхъ мирныхъ условій, полагающемъ конецъ жертвамъ благородной русской арміи и столь славно вѣнчающемъ усилія главнокомандующаго. Отъ всего сердца благодарю, что Ваше Высочество приняли въ этомъ случаѣ подъ свое покровительство интересы Черногоріи. Ожидаю съ величайшимъ довѣріемъ подробностей, которыя Ваше Императорское Высочество соблаговолили послать мнѣ съ ординарцемъ, въ увѣренности, что за участь Черногоріи безпокоиться нечего, ибо она въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. Отдаю немедленно приказанія начальникамъ моихъ передовыхъ постовъ условиться съ турецкими начальниками насчетъ прекращенія военныхъ дѣйствій, на основѣ сохраненія обѣими сторонами своихъ позицій.—Николай».

Доблестный вождь геройскаго независимаго народа не предъявляетъ никакихъ претензій, а Румынія, всего четверть вѣка тому назадъ полуосвобожденная отъ многовѣковаго турецкаго ига—мнитъ себя нашею равноправною союзницею. Впрочемъ, румыны уже теперь убѣждены, что они взяли Плевну,—и еслибъ не ихъ опереточныя войска, то мы бы пропали.

26 января.—Никакихъ свѣдѣній ни откуда не получено, кромѣ извѣстія о предстоящемъ прибытіи Игнатьева. Великій Князь въ 9 часовъ вечера телеграфировалъ Государю:

«Сегодня вечеромъ жду Игнатьева: онъ уже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ изъ Сейменли.

«Сегодня утромъ Серверъ и Намыкъ уѣхали въ Константинополь за инструкціями, съ тѣмъ, чтобы на-дняхъ вернуться».

27 января.—Сегодня рано утромъ прибылъ Игнатьевъ. Я его еще не видалъ, но вечеромъ за чаемъ Великій Князь разсказывалъ, что Государь желаетъ по возможности заключить сепаратный миръ съ Турціей и предоставляетъ Великому Князю съ Игнатьевымъ и Нелидовымъ выяснить путемъ переговоровъ, расположены ли къ этому сами турки, или нѣтъ. Ничего существенно-новаго въ инструкціяхъ Игнатьева нѣтъ, кромѣ трехъ пунктовъ: 1) Болгарія должна сдѣлаться не автономною провинціею, а вассальнымъ государствомъ; посему въ ней не должно вовсе быть турецкихъ войскъ, а слѣдовательно и Шумла должна быть отъ нихъ очищена; 2) часть дани, которую вассальная Болгарія должна платить султану, должна быть, въ теченіе 38 лѣтъ, уплачиваема Россіи въ вознагражденіе за военныя издержки; 3) Турція должна возвратить свободу болгарамъ, сосланнымъ въ Малую Азію: все это цвѣтъ интеллигенціи, необходимый Болгаріи для начала новой жизни.

Границы будущаго княжества Болгарскаго уже намѣчены въ предварительныхъ условіяхъ мира.

Румыны просили Государя, черезъ Игнатьева, о передачѣ имъ Виддина со всѣмъ его имуществомъ. Князь Горчаковъ уже сообщилъ Великому Князю, что со стороны Государя препятствій нѣтъ (notre auguste Maître n'a rien contre), но Великій Князь находитъ, что этого сдѣлать нельзя: по условіямъ перемирія турки вправѣ вывезти изъ всѣхъ очищаемыхъ ими крѣпостей весь военный матеріалъ въ семидневный срокъ, а что не успѣютъ вывезти—все-таки остается ихъ собственностью.

Со словъ Игнатьева, Великій Князь полагаетъ, что турки согласятся на всѣ наши условія. Сомнѣваюсь: Игнатьевъ слишкомъ извѣстенъ своимъ оптимизмомъ, а Великій Князь слишкомъ

часто смѣшиваетъ свои желанія и даже иллюзіи съ дѣйствительностью.

Мысль о переселеніи на берегъ Мраморнаго моря лелѣется Великимъ Княземъ попрежнему. Еще третьяго дня великій князь Николай Николаевичъ Младшій поѣхалъ съ Галломъ въ Селиврію и Родосто на развѣдку. Сегодня Великій Князь сказалъ, что Игнатьевъ также сочувствуетъ его мысли о переѣздѣ, находя весьма важнымъ быть, во время переговоровъ, поближе къ Константинополю.

По моему, доводъ несостоятельный. Близость Селивріи къ Константинополю—только геометрическая. Изъ Адріанополя всего 4—6 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и обезпеченное телеграфное сообщеніе, а Селиврія—въ 45 верстахъ отъ Константинополя (Родосто—еще дальше) и въ 30-ти верстахъ отъ ближайшей телеграфной станціи. Дорога такъ плоха, что хоть новую строй, а телеграфъ на 30 верстъ надо устраивать вновь. Единственное удобное сообщеніе, да и то не вполнѣ,—моремъ. Но у Селивріи мелководно, такъ что пароходы близко подойти не могутъ, да ихъ пока и нѣтъ. Однимъ словомъ—переѣзжать изъ Адріанополя не разсчетъ, съ какой стороны ни поверни.

Скалонъ, Чингисханъ и я высказали все это Великому Князю и упрашивали его не спѣшить переѣздомъ, приказать устроить сперва дорогу и телеграфъ и привести пароходы, а переѣзжать—уже на готовое. Великій Князь слушалъ, не возражая, но, конечно, не намъ его переубѣдить: мысль о скорѣйшемъ переѣздѣ въ Селиврію засѣла слишкомъ крѣпко.

Великій Князь разсказалъ еще, что распрашивалъ Игнатьева объ обстоятельствахъ предполагавшагося назначенія Обручева начальникомъ штаба къ Цесаревичу. По словамъ Игнатьева, Цесаревичъ просилъ назначить графа Воронцова-Дашкова, но Государь отказалъ наотрѣзъ и предложилъ Цесаревичу, по совѣту Милютина, взять въ начальники штаба Обручева. Цесаревичъ, по совѣту графа Воронцова-Дашкова, согласился. Послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ, назначеніе Обручева было предложено Великому Князю уже какъ ходатайство Цесаревича.

Точность этого разсказа—на отвѣтственности Игнатьева, но Ве-

ликій Князь повѣрилъ вполнѣ и долго разсуждалъ сегодня вечеромъ съ нами на эту тему.

Отъ Государя получена телеграмма, посланная 22-го января въ 4 ч. 45 м. дня:

«Телеграмма твоя отъ 18-го дошла до меня сегодня, а вчера вечеромъ (т.-е. 21-го) получилъ письмо твое отъ 11-го января. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю. Сегодня отслужили молебенъ и былъ потомъ у отличнаго развода Выборгскаго полка. Мы должны остаться наготовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира».

Государю донесено:

«17-го января войска наши заняли Ески-Джуму, гдѣ нашли картину страшнаго разрушенія. Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ, а у околицы валялось болѣе 200 труповъ зарѣзанныхъ и изувѣченныхъ женщинъ и дѣтей. Изъ Ески-Джумы войска наши продвинулись впередъ до Ески-Стамбула и Вербицы, но когда, 23-го января, было получено въ Ески-Джумѣ извѣстіе о перемиріи, то войскамъ немедленно приказано было очистить Ески-Стамбулъ и Вербицу и отойти за демаркаціонную линію.

«Сегодня рано утромъ прибылъ графъ Игнатьевъ.—Адріанополь, 27 января, 8 ч. вечера».

29 января. — 24-го января было, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя, засѣданіе Георгіевской кавалерской думы.

Въ засѣданіи этой кавалерской думы вышелъ слѣдующій рѣдкій случай. При обсужденіи вопроса о фонъ-Раабенѣ, котораго князь Святополкъ-Мирскій представилъ къ георгіевскому кресту за послѣдній шипкинскій бой, Великій Князь возразилъ, что за одно и то же дѣло нельзя давать крестъ двоимъ. Представленіе фонъ-Раабена было обусловлено тѣмъ, что онъ развѣдалъ обходный путь лѣвой колонны и провелъ ее, а между тѣмъ за это уже получилъ георгіевскій крестъ Соболевъ. Князь Мирскій возразилъ, что Соболевъ былъ при его колоннѣ только волонтеромъ, и онъ его къ кресту не представлялъ. Дѣйствительно, Великій Князь поторопился, представивъ Соболева телеграммою къ Георгію самъ: онъ *думалъ*, что Соболевъ велъ лѣвую колонну, а мысль эта засѣла у него въ го-

ловѣ потому, что еще въ началѣ декабря Соболевъ доказывалъ въ главной квартирѣ легкость обхода праваго фланга турокъ, а Дмитровскій съ нимъ спорилъ, напоминая Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ по этой дорогѣ любителемъ и лѣтомъ, когда непріятеля не было, а теперь—зима и противъ насъ турки. Тогда кончилось тѣмъ, что Соболевъ былъ командированъ въ распоряженіе князя Мирскаго, и Великій Князь остался подъ впечатлѣніемъ, что онъ проведетъ лѣвую колонну.

Когда въ думѣ дѣло выяснилось, Соболевъ уже былъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ за подвигъ, котораго не совершалъ. Тѣмъ не менѣе, Великій Князь настойчиво отвергалъ представленіе фонъ-Раабена. Долго длился горячій споръ между Великимъ Княземъ и княземъ Мирскимъ. Наконецъ, послѣдній заявилъ: если фонъ-Раабену нельзя дать креста согласно представленію, то онъ заслужилъ его вторично за бой 27-го декабря. А именно: онъ, князь Мирскій, сражаясь цѣлый день одинъ и потерявъ надежду на условленное содѣйствіе колонны Скобелева, уже рѣшилъ ночью отступить—и если этого не сдѣлалъ, то только по усиленному настоянію фонъ-Раабена. А еслибъ онъ отступилъ, то на слѣдующій день, 28-го декабря, Скобелеву тоже пришлось бы сражаться одному, и сдача турецкой арміи не могла бы состояться.

Этотъ неотразимый аргументъ подѣйствовалъ, и фонъ-Раабену былъ присужденъ георгіевскій крестъ. Рѣдкій начальникъ рѣшился бы завинить самого себя, только чтобъ добиться заслуженной награды подчиненному. Великій Князь вполнѣ оцѣнилъ благородный поступокъ кн. Мирскаго и тутъ же, въ думѣ, выразилъ ему это.

Погода уже нѣсколько дней дивная, совсѣмъ лѣтняя, и не только днемъ, но и вечеромъ.

Вернулись великій князь Николай Николаевичъ Младшій и Галлъ, ѣздившіе на Мраморное море выбирать мѣсто для главной квартиры. Къ большому моему удовольствію оказалось, что удобнаго мѣста нѣтъ. Помѣщеній очень мало и всѣ «безпечныя». Съ продовольствіемъ трудно, а фуража вовсе нѣтъ. Дороги (отъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій) къ Родосто, Селиври и Эрекли невозможно плохи. Эти свѣдѣнія значительно охладили стремленіе къ переѣзду: дастъ Богъ, ничего изъ этого не выйдетъ.

Вечеромъ получена отъ Сервера-паши (министра иностранныхъ дѣлъ) изъ Константинополя очень серьезная телеграмма, возвѣщающая начало англійскаго вмѣшательства въ наши дѣла. По настоящему, на эту телеграмму слѣдовало бы отвѣтить движеніемъ нашихъ войскъ впередъ къ Константинополю, но понятно, что послѣ состоявшагося перемирія Великій Князь этого не можетъ сдѣлать. Пришлось ограничиться донесеніемъ Государю. На шифровку депешъ ушелъ весь вечеръ.

Прежде всего Государю была послана предупредительная телеграмма слѣдующаго содержанія, составленная Великимъ Княземъ лично:

«Немедленно за симъ посылаю тебѣ депешу, полученную мною отъ Порты, и мой отвѣтъ, составленный въ убѣжденіи, что въ этомъ случаѣ, поддерживая ее, я дѣйствую въ смыслѣ твоихъ намѣреній, и что въ томъ же духѣ ты приказалъ вліять на кабинеты въ Петербургѣ».

Затѣмъ, уже послѣ полуночи, началась передача Государю слѣдующей депеши (помѣченной посему 30-мъ января), составленной по-французски и зашифрованной Нелидовымъ, отъ имени Великаго Князя:

«Получилъ сегодня вечеромъ (т.-е. 29-го) слѣдующую депешу:

«Отъ Сервера-паши: Британское посольство въ Константинополѣ и комендантъ Дарданеллъ увѣдомили насъ вчера вечеромъ (т.-е. 28-го января), что шесть судовъ англійскаго флота получили приказаніе пройти проливъ. Черезъ нѣсколько часовъ комендантъ снова телеграфировалъ намъ для свѣдѣнія, что вслѣдствіе его заявленія о неимѣніи отъ Порты приказа на разрѣшеніе пропуска — суда эти возвратились въ Безику. Оттоманскій посолъ въ Лондонѣ телеграфируетъ намъ съ своей стороны, что лордъ Дэрби заявилъ въ парламентѣ объ отданномъ адмиралу Горнби приказаніи идти съ шестью судами къ Константинополю, для защиты англійскихъ подданныхъ, и что о рѣшеніи этомъ сообщено правительствамъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Оставаясь вѣрною духу своихъ обязательствъ, Блистательная Порта считаетъ долгомъ довести вышеизложенное до вашего свѣдѣнія и поспѣшаетъ заявить, что безопасность столицы не оставляетъ ничего желать, и что она будетъ настаивать передъ британскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ упомянутой мѣры».

«*Я отвѣтилъ:* «Благодарю васъ за сообщеніе о попыткѣ англійскаго флота войти въ проливъ. Отвѣтъ Порты тѣмъ болѣе одобряю, что если бы я опасался за христіанъ и соотечественниковъ нашихъ въ столицѣ султана, то счелъ бы своею обязанностью прибѣгнуть къ подобнымъ же мѣрамъ. Во всякомъ случаѣ, принимая въ соображеніе то стѣсненное положеніе, въ которомъ окажется Порта вслѣдствіе присутствія въ столицѣ иностранной вооруженной силы, попирающей традиціонный принципъ закрытія проливовъ, и имѣя въ виду то прискорбное вліяніе, которое можетъ быть оказано давленіемъ этого рода на ходъ нашихъ переговоровъ,—я счелъ долгомъ донести объ этомъ Государю Императору на случай, если и я буду вынужденъ обезпечить безопасность нашего соглашенія принятіемъ соотвѣтствующихъ гарантій».

Очевидно, англичане заварятъ кашу, расхлебать которую будетъ нелегко.

30 января.—Цѣлый рядъ важныхъ телеграммъ. Настроеніе напряженное. Будущее становится загадочнымъ.

Государь телеграфируетъ отъ 12 ч. 20 м. дня 25-го января (телеграмма эта шла только доЕски-Загры, а оттуда—съ нарочнымъ):

«Всѣ телеграммы твои до 20-го числа включительно до меня дошли. Сегодня (25-го) отправляется къ тебѣ полковникъ Боголюбовъ, а завтра или въ пятницу (27-го)—фельдъегерь съ моимъ письмомъ. Обращаю особенное вниманіе твое на шифрованную телеграмму вчера (24-го) Нелидову. Вчера утромъ, при пріемѣ просителей, одна нигилистка выстрѣлила почти въ упоръ въ бѣднаго Трепова и причинила ему весьма серьезную рану».

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена и та шифрованная телеграмма князя Горчакова Нелидову, отъ 24-го января; эта телеграмма сообщаетъ, что въ виду грабежей и убійствъ башибузуками въ Эпирѣ и Ѳессаліи, греческій король ввелъ туда свои войска для защиты подданныхъ; но императоръ далъ ему совѣтъ немедленно вывести войска обратно, такъ какъ это можетъ повредить заключенію мира; Турціи же предложено прекратить безпорядки и не вступать въ борьбу съ греками.

Это намѣреніе Греціи пристроиться къ намъ по окончаніи войны — напоминаетъ Крыловскаго зайца, явившагося къ дѣлежу шкуры убитаго медвѣдя. Надо надѣяться, что «инцидентъ исчерпанъ».

Великій Князь отвѣчалъ собственноручно:

«Получилъ твою телеграмму отъ 25-го числа только сегодня ночью. По шифрованной телеграммѣ будетъ все исполнено. Очень жаль бѣднаго Трепова. Все благополучно. Здоровье войскъ покуда хорошо, но очень боюсь весны, потому что по всему краю валяются во множествѣ падаль и мертвыя тѣла, какъ послѣдствіе рѣзни турками болгаръ при уходѣ первыхъ изъ селеній и мести болгаръ туркамъ. Хотя приняты мѣры для уборки и погребенія тѣлъ, но число ихъ такъ велико, что, боюсь, можетъ развиться зараза».

Кромѣ этой телеграммы, Государю послана сегодня еще слѣдующая:

«Войска генерала Циммермана, до полученія приказанія моего насчетъ перемирія, заняли 22-го января Бальчикъ, Козлуджу и Праводы. Генералъ-адъютантъ Манзей, вступившій туда съ кинбурнскими драгунами и бѣлорусскими гусарами, былъ встрѣченъ жителями съ хлѣбомъ-солью. Непріятель передъ нимъ бѣжалъ. По полученіи извѣстія о перемиріи, Циммерманъ послалъ 23-го января въ Варну полковника Повало-Швейковскаго и капитана Гершельмана, которые и были приняты принцемъ Гассаномъ весьма любезно. Несмотря на то, что онъ имѣлъ лишь полуоффиціальное извѣщеніе о перемиріи, принцъ Гассанъ изъявилъ готовность назначить на другой же день офицеровъ для проведенія демаркаціонной линіи. Видѣнныя нашими офицерами египетскія войска всѣ имѣютъ отличную военную выправку, прекрасно одѣты и строго дисциплинированы.

«25-го января, также еще до полученія извѣстія о перемиріи, генералъ Чернозубовъ съ Казанскимъ драгунскимъ и 30-мъ Донскимъ полками занялъ Гіумурджину на берегу Эгейскаго моря, въ то время, когда въ сосѣднемъ портѣ Карагачъ садились на суда остатки арміи Сулеймана. Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ съ трубачомъ и двумя казаками въѣхалъ въ Гіумурджину и потребовалъ отъ каймакама сдачи города еще тогда, когда на дворѣ каймакама стояло около полусотни кавалеристовъ конвоя Су-

леймана. Каймакамъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ нашего офицера, безпрекословно покорился, а турецкіе всадники ускакали въ Карагачъ. Отрядъ нашъ занималъ Гіумурджину около 24 часовъ, а затѣмъ, получивъ, черезъ Галлиполи и Константинополь, телеграмму генерала Шнитникова, изъ Чорлу, о перемиріи, отошелъ за демаркаціонную линію, въ Местанлы. Самъ Сулейманъ-паша находился въ это время въ Галлиполи.

«Посланные мною въ Черногорію для проведенія демаркаціонной линіи генеральнаго штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ 1-й и ординарецъ мой, поручикъ князь Платонъ Оболенскій, проѣхали туда черезъ Константинополь, гдѣ были встрѣчены чрезвычайно привѣтливо какъ турецкими властями и офицерами, такъ и населеніемъ. На станцію за ними прислали придворные экипажи, показывали городъ, катали ихъ по Босфору на каюкѣ военнаго министра. 27-го января, они выѣхали изъ Константинополя въ Рагузу на пароходѣ, вмѣстѣ съ назначенными для проведенія демаркаціонной линіи турецкими офицерами».

Вечеромъ получена телеграмма князя Горчакова отъ 26-го января; онъ сообщаетъ, что король греческій послѣдовалъ совѣту Государя.

1 февраля. — Вчера, въ 11 час. вечера, прибылъ Савфетъ-паша, уполномоченный султаномъ вести мирные переговоры съ гр. Игнатьевымъ.

Сегодня отправленъ Государю (съ полковникомъ Сухотинымъ, возвращающимся въ Петербургъ окончательно) слѣдующій отчетъ: «Немедленно по заключеніи перемирія, я послалъ повсюду телеграммы съ приказаніемъ прекратить военныя дѣйствія и остановиться для отдыха на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кого перемиріе застанетъ. Затѣмъ я далъ приказаніе, чтобы войска расположились на время перемирія слѣдующимъ образомъ.

1) Правая колонна генералъ-адъютанта Гурко:

Штабъ, 2-я бригада 2-й гвард. пѣх. дивизіи, гвардейская стрѣлковая бригада и л.-гв. Саперный баталіонъ — въ Чорлу.

1-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи съ Владикавказкимъ казачьимъ полкомъ — въ Селиври. (2-я бригада, по прибытіи изъ Софіи, расположится въ окрестностяхъ Селиври).

1-я бригада 2-й гв. пѣх. дивизіи — Эрикли.

3-я гвард. пѣх. дивизія—Люле-Бургасъ.

Гвардейская кавалерія и Терско-Горскій казачій полкъ — въ Родосто.

3-я пѣхотная дивизія съ 4-мъ драгунскимъ Екатеринославскимъ полкомъ—Эносъ, Шаркіой и Урша.

2) Средняя колонна ген.-лейт. Скобелева 2-го:

16-я пѣх. дивизія, три полка 30-й пѣх. дивизіи, 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады и три полка 1-й кавалерійской дивизіи—Чаталджа и окрестности.

3) Лѣвая колонна ген.-отъ-инфант. Радецкаго:

8-й арм. корпусъ безъ Брянскаго и Подольскаго пѣх. полковъ, но съ 8-ю кавалер. дивизіей въ полномъ составѣ; двѣ сотни пластуновъ; 23-й Донской казачій полкъ и Сводная Донская бригада (21 и 26 полки)—на пути отъ Адріанополя черезъ Бунаръ-Гиссаръ и Визу до Сарая и Мидіи включительно. Штабъ—въ Киркилиссѣ.

4) Лѣвый боковой отрядъ ген.-лейт. Деллингсгаузена: 26 пѣх. дивизія, 1-я бригада 13-й кавал. дивизіи и временно Подольскій пѣх. полкъ—въ прежнемъ распоряженіи, выдвинувъ отрядъ въ Бургасъ.

5) Резервъ арміи, подъ нач. ген.-лейт. Ганецкаго: штабъ—въ Адріанополѣ; 2-я гренад. дивизія съ Донскимъ каз. № 24 полкомъ—въ Демотикѣ, имѣя одинъ баталіонъ въ Деде-Агачѣ; 3-я гренад. дивизія—Херманли, Сейменли, Хаскіой и окрестности.

6) Въ распоряженіи Адріанопольскаго генералъ-губернатора ген.-лейт. Свѣчина:

Гарнизонъ г. Адріанополя: 5-я пѣх. дивизія, 9-й уланскій Бугскій и 9-й Донской казачій полки.

Отрядъ ген.-маіора Чернозубова въ долинѣ р. Арды: 9-й драгунскій Казанскій и 30-й Донской казачій полки.

7) Въ распоряженіи Филиппопольскаго губернатора ген.-лейт. Столыпина:

Въ Филиппополѣ и окрестностяхъ—три полка 31-й пѣх. дивизіи (безъ Воронежскаго полка) и 9-й гусарскій Кіевскій полкъ.

Софійскій отрядъ: временно—2-я бригада 1-й гвард. пѣх. ди-

визіи, впредь до смѣны ея 124-мъ пѣхотнымъ Воронежскимъ полкомъ, который 29-го января уже выступилъ изъ Филиппополя въ Софію; 4-й уланскій Харьковскій и 4-й гусарскій Маріупольскій полки съ конною батареею.

8) Въ распоряженіи Казанлыкскаго военнаго начальника:

Гарнизонъ Казанлыка: Серпуховскій пѣх. полкъ, Уральская казачья сотня и три сотни 31-го Донскаго каз. полка.

9) На Шипкинскомъ перевалѣ.—Брянскій пѣх. полкъ.

10) На коммуникаціонной линіи отъ Филиппополя до Арабъ Конака—4-й Донской каз. полкъ.

11) Восточный отрядъ Цесаревича занимаетъ Разградъ, Ески-Джуму, Османбазаръ и Котелъ и долженъ занять Рущукъ, который еще не очищенъ. Головныя войска 11 и 13 корпусовъ, до полученія извѣстія о перемиріи, подошли подъ самую Шумлу, занявъ Ески-Стамбулъ. Вслѣдствіе этого Цесаревичъ возбудилъ вопросъ объ измѣненіи демаркаціонной линіи, въ томъ вниманіи, что удаленіе нашихъ войскъ можетъ вызвать рѣзню христіанскаго населенія. Считая себя не вправѣ просить объ измѣненіи условій перемирія, я предложилъ Цесаревичу спросить командующаго турецкими войсками въ Шумлѣ: можетъ ли онъ поручиться за сохраненіе порядка и общественной безопасности въ мѣстностяхъ, которыя наши войска должны оставить. Если нѣтъ, то не согласится ли онъ на измѣненіе демаркаціонной линіи. Въ тоже время я сдѣлалъ запросъ по этому предмету въ Константинополь, но отвѣта еще не получилъ.

12) Отрядъ ген.-лейт. Циммермана занимаетъ Кюстенджи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ и Бальчикъ и выслалъ Каширскій пѣх. полкъ съ 39-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ для занятія Силистріи.

Низовья Дуная обезпечены бригадою 36-й пѣх. дивизіи съ 7-мъ уланскимъ Ольвіопольскиимъ полкомъ.

13) Войска, находящіяся за Дунаемъ, все еще не могли до сихъ поръ тронуться оттуда за отсутствіемъ сообщенія.

«Но такое расположеніе не всѣ еще войска занимаютъ: большая часть ихъ находится въ слѣдованіи, но въ концѣ этой недѣли будутъ всѣ на мѣстахъ, кромѣ 2-й бригады 1-й гвард. пѣх. дивизіи, которая придетъ немного позже.

«Генералъ-лейтенанту Скобелеву 2-му, на всякій случай, приказано быть готовымъ захватить линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмедже, по первому моему приказанію.

«Въ заключеніе, считаю долгомъ заявить Вашему Величеству, что турки вездѣ исполняютъ всѣ условія перемирія съ самою педантическою добросовѣстностью, какъ бы желая высказать этимъ свое искреннее желаніе быть съ нами въ дружбѣ».

Отъ Государя получена слѣдующая важная телеграмма (послана 30-го января, въ 5 ч. 40 м. дня).

«Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галлиполи и Дарданеллъ. Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ, въ такомъ случаѣ, полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ однако же, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно».

Вслѣдъ за этою телеграммою получены еще двѣ:

Отъ Государя, отъ $9\frac{1}{2}$ ч. вечера 31-го января:

«Всѣ телеграммы твои, отъ 27-го до 29-го включительно, дошли до меня сегодня. Удостоенныхъ думою Георгіемъ 4-й степени утверждаю, равно и генерала Петрушевскаго—Георгіемъ 3-й степени. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Рыдзевскаго. Приказалъ тебѣ сообщить телеграмму султана и мой отвѣтъ отъ сегодняшняго числа».

Отъ князя Горчакова, отъ 30-го января:

«По высочайшему повелѣнію я послалъ вчера (т.-е. 29-го января) нашимъ пяти посламъ слѣдующую телеграмму:

«Британское правительство, вслѣдствіе донесенія своего константинопольскаго посла, рѣшило воспользоваться недавно полученнымъ фирманомъ для отправки своего флота къ Константинополю, съ цѣлью обезпеченія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Прочія державы приняли ту же мѣру по отношенію къ своимъ подданнымъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ и насъ принять съ своей стороны мѣры для покровительства тѣмъ христіанамъ, жизнь и имущество коихъ могли бы быть угрожаемы, и, для до-

стиженія этой цѣли, имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь.—Горчаковъ».

Время уже упущено: теперь ничего изъ этого не выйдетъ. А можетъ выйти даже что-нибудь очень скверное для насъ же.

Получена еще телеграмма князя Карла изъ Бухареста, отъ 31-го января:

«Командующій виддинскою арміей обложенія представилъ мнѣ сегодня копію телеграммы, посланной оттоманскимъ военнымъ министромъ Реуфъ-пашою виддинскому коменданту Иззетъ-пашѣ объ очищеніи крѣпости. Согласно этой телеграммы, 5-й пунктъ условій перемирія гласитъ будто бы такъ:

«Оставляя крѣпость Виддинъ, оттоманскія войска отступятъ черезъ ущелье св. Николая съ оружіемъ, боевыми и вещевыми запасами и со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который можетъ быть увезенъ на Акпаланку, Нишъ, Лесковацъ и черезъ Вранью или Приштину, смотря по тому, гдѣ легче будетъ дойти до желѣзной дороги. Какъ военный матеріалъ крѣпости, такъ и принадлежащій государству, со всѣмъ, что къ нему относится, можетъ быть, по желанію, или увезенъ съ собой, или оставленъ подъ присмотромъ русскихъ военныхъ властей, которыя примутъ мѣры для его сохраненія впредь до заключенія мира, согласно двойного инвентаря за подписями обѣихъ сторонъ. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, подверженныхъ естественной порчѣ, то они могутъ быть проданы или уступлены русской военной власти, по взаимному соглашенію. Крѣпость должна быть очищена не позже какъ въ семидневный срокъ, считая со дня полученія мѣстнымъ начальствомъ приказанія объ этомъ».

«Не получивъ еще сообщенія о перемиріи, обѣщаннаго мнѣ телеграммою Вашего Императорскаго Высочества съ особымъ курьеромъ, прошу мнѣ телеграфировать срочно: вѣрно ли переданъ телеграммою Реуфа-паши пунктъ пятый условій перемирія.—Карлъ».

Отвѣтъ Великаго Князя:

«Пунктъ пятый переданъ вполнѣ точно».

2 февраля.—Внѣшнія затрудненія продолжаютъ наростать. Сегодня получена слѣдующая телеграмма Государю отъ $12^1/_2$ ч. дня

29-го января, т.-е. отправленная почти 30-ю часами раньше полученной вчера:

«Изъ Лондона получено оффиціальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лейардомъ, объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло состояться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царьградъ даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей».

Сопоставляя содержаніе этой телеграммы и вчера полученной съ прежними руководящими указаніями (см. дневникъ 17-го января, телеграмму Государя отъ 12-го, въ отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ 10-го января, о необходимости безостановочнаго движенія къ Константинополю и Галлиполи), очевидно, что потеря трехъ недѣль времени теперь невознаградима. Что можно было сдѣлать съ налету раньше, теперь уже нельзя. Повѣривъ англичанамъ, мы ихъ не предупредили, а теперь, владычествуя на морѣ, они будутъ господами положенія. Да и турки, имѣя за собою англійскій флотъ, уже не будутъ такъ сговорчивы, какъ прежде. По соглашенію съ ними занять Константинополь не удастся, а занять его силою—теперь мудрено: сила наша вѣдь только призрачная, у насъ почти вовсе нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ. Славу Богу, что этого никто, кромѣ насъ, не знаетъ.

Сегодня цѣлый день шли мирные переговоры между нашими и турецкими уполномоченными.

3 февраля.—Тяжелый день во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ.

Во-первыхъ, получены копіи депешъ, которыми обмѣнялись Государь и султанъ по поводу рѣшенія Государя ввести наши войска въ Константинополь (см. дневникъ 1-го февраля).

Отправлены изъ Петербурга 1-го февраля. Вотъ онѣ:

Телеграмма султана отъ 12-го февраля (31-го января) Государю Императору:

«Депеша Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го (т.-е. 30-го января) сего мѣсяца произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я принялъ на себя обязательства по отношенію къ вашимъ уполномоченнымъ съ цѣлью возстановленія мира. Всѣ народы, подвластные моему скипетру, имѣютъ одинаковое право на покровительство и живутъ въ совершенной безопасности. Права моей имперіи поддерживаются, какъ Вашему Величеству несомнѣнно уже извѣстно, даже въ послѣднемъ дарданельскомъ инцидентѣ, ибо англійскій флотъ удалился тотчасъ же по полученіи напоминанія моего правительства, что вступленіе его противно договорамъ. Посему я не могу ни на одну минуту предположить, чтобы Ваше Величество, будучи уже, конечно, освѣдомлены о дѣйствительныхъ подробностяхъ инцидента, могли привести въ исполненіе мѣры, указанныя въ вашей депешѣ».

Телеграмма Государя Императора султану отъ 31-го января:

«Только-что получилъ телеграмму вашего величества отъ полудня сего числа. Остаюсь въ томъ же дружелюбномъ и миролюбивомъ настроеніи, но мнѣ трудно согласовать ваше желаніе съ тѣмъ сообщеніемъ, которое я получилъ отъ англійскаго правительства. Оно дало мнѣ знать, что, несмотря на отказъ въ фирманѣ, часть англійскаго флота все-таки вступитъ въ Босфоръ для огражденія жизни и имущества британскихъ подданныхъ. Если англійская эскадра вступитъ въ Босфоръ, мнѣ невозможно не приказать части моихъ войскъ вступить временно въ Константинополь. Ваше величество въ слишкомъ высокой степени обладаете чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы не сознавать: если вышесказанное вступленіе осуществится, то и мнѣ невозможно дѣйствовать иначе».

Султанъ отвѣчалъ Государю Императору сегодня, 15-го (т.-е. 3-го февраля):

«Я получилъ отвѣтъ Вашего Величества 12-го, вечеромъ, и рѣшился написать королевѣ англійской, настаивая на отмѣнѣ мѣры, влекущей за собою неисчислимыя несчастія для человѣчества. Я все еще надѣюсь, что Ваше Величество соблаговолите содѣйствовать результату, достойному возвышенныхъ чувствъ вашихъ, къ которымъ

я взываю. Я прошу только отсрочки, достаточной для полученія отвѣта на мою депешу».

Государь отвѣчалъ султану:

«Я получилъ телеграмму вашего величества отъ 13-го. Я всегда готовъ содѣйствовать огражденію человѣчества отъ несчастій. Я обожду результата сношеній вашихъ съ королевою англійскою».

Получены еще три телеграммы Государя:

Отъ 1-го февраля, 2 ч. 30 м. дня: «Присутствіе Тотлебена здѣсь признаю необходимымъ. Прикажи ему сдать командованіе Дондукову и отправиться немедленно сюда.

«Телеграммы мои султану должны служить руководствомъ и тебѣ».

Отъ 2-го февраля, 12 ч. 50 м. дня: «По свѣдѣніямъ изъ Лондона, англійской эскадрѣ предписано во всякомъ случаѣ идти къ Константинополю, хотя бы и безъ согласія султана. Сообразно сему и намъ слѣдуетъ дѣйствовать, какъ мною приказано на этотъ случай».

Наконецъ *отъ 3 февраля, 4 ч. 20 м. ночи:*

«Сердечно благодарю за письмо съ Рыдзевскимъ, только-что пріѣхавшимъ. Вполнѣ понимаю вашу радость. Ты и вся армія исполнили вашъ долгъ свято, но дѣло далеко еще не кончено. Да поможетъ намъ Богъ довести его до конца, согласно съ достоинствомъ Россіи».

Рядъ этихъ телеграммъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Великій Князь, серьезно озабоченный, отвѣчалъ нижеслѣдующими телеграммами, посланными одна за другою: 1-я—около 2-хъ ч. дня, 2-я—въ 5 ч. 40 м. дня.

1) «Телеграммы твои всѣ получилъ, до 1-го числа включительно. Также и князя Горчакова—до 31-го включительно. Все будетъ исполнено. Все пока спокойно; переговоры съ Савфетомъ идутъ пока хорошо. Для принятія Рущука сегодня отправляется коммиссія».

2) «Получилъ сейчасъ твою телеграмму отъ сегодня 2 час. 40 м. дня [1]). Все будетъ исполнено, какъ тобою приказано. Сей-

[1]) Эта телеграмма, составленная и собственноручно написанная Великимъ Княземъ (я ее лишь зашифровалъ), заключаетъ въ себя явную ошибку. Никакой телеграммы „отъ сегодня 2 ч. 40 м. дня“ не было: Великій Князь отвѣчаетъ на вышеприведенную телеграмму Государя отъ 12 ч. 50 м. дня 2 февраля.

часъ получилъ извѣстіе, будто англійская эскадра прошла Дарданеллы, но въ Босфоръ еще не вступала. Турецкимъ уполномоченнымъ повторилъ предупрежденіе. Они очень взволнованы и опечалены нахальствомъ англичанъ, понимаютъ въ этомъ вопросъ дружества съ нами, послали объ этомъ извѣстить султана. Переговоры идутъ безостановочно и хорошо. Рущукъ и Силистрія принимаются нашими коммиссіями. Вездѣ учтивы и привѣтливы, и въ Силистріи, у турокъ за обѣдомъ, пили твое здоровье».

Сегодня вечеромъ за чаемъ, когда зашла бесѣда о натянутомъ, обостренномъ положеніи дѣлъ, я не задумался высказать Великому Князю свой взглядъ въ присутствіи князя Евгенія Максиміліановича (сегодня пріѣхавшаго), Скобелева 1-го, Чингисхана, Струкова и Скалона. По моему, запоздалое занятіе Константинополя неминуемо приведетъ къ разрыву съ Англіей, а быть можетъ и съ Австріей. Въ послѣднемъ случаѣ будемъ имѣть противъ себя и Румынію, представители которой глубоко оскорблены недопущеніемъ ихъ къ участію въ мирныхъ переговорахъ и предстоящимъ отторженіемъ отъ Румыніи устьевъ Дуная. Мы не можемъ доводить дѣло до европейской войны: флота у насъ нѣтъ, большая часть нашихъ войскъ въ Турціи, тылъ — въ Румыніи, обращенный къ сторонѣ Австріи. Въ Россіи осталось всего 17 дивизій, которыхъ не хватитъ даже для обороны береговъ и австрійской границы. А Польша? вѣдь подъ вліяніемъ зарубежныхъ польскихъ и венгерскихъ эмиссаровъ она можетъ возстать, если Австро-Венгрія станетъ во враждебное къ намъ положеніе.

Великій Князь возражалъ, что достоинство Россіи требуетъ нашего вступленія въ Константинополь, разъ что передъ нимъ явятся эскадры англійская и другихъ державъ. Я отстаивалъ свое мнѣніе: это погоня за призракомъ. Если Турція будетъ на нашей сторонѣ, то наше присутствіе въ Константинополѣ безполезно; если она будетъ противъ насъ, то насильственное занятіе Царьграда будетъ сигналомъ въ европейской войнѣ. Если вдуматься хорошенько, то всѣ разсчеты наши на соглашеніе съ Турціей ни на чемъ не основаны, кромѣ голословныхъ, сомнительно-искреннихъ жалобъ турецкихъ уполномоченныхъ на англичанъ. Они говорятъ теперь, что имъ самимъ не разсчетъ пускать англичанъ въ Дарданеллы, а такъ какъ

намъ пріятно этому вѣрить, то мы и вѣримъ. А если это только дипломатическая комедія? Можетъ быть, турки даже нарочно согласились на предварительныя условія мира и на перемиріе, чтобы выиграть время; можетъ быть, даже приходъ англійской эскадры— результатъ англо-турецкаго соглашенія, а протестъ Порты противъ пропуска въ Дарданеллы—притворный? Вѣдь туркамъ нѣтъ резона искать нашей дружбы, нечего отъ насъ и ждать: мы ихъ разгромили, раззорили, придушили и, наступя на горло, заставили подписать мирныя условія, почти стирающія Турцію съ карты Европы. Ради чего же турки пойдутъ теперь рука объ руку съ нами? что они могутъ этимъ выиграть? Очевидно, они насъ обманываютъ.

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ же Великій Князь сегодня разсказывалъ, какъ хитро турки повели переговоры. Они безпрекословно согласились очистить всѣ придунайскія крѣпости навсегда, но съ тѣмъ, чтобы границею Болгаріи были Балканы и чтобы всѣ забалканскіе болгары переселились въ сѣверную Болгарію, а турки оттуда—въ южную. Предложеніе несообразное и неисполнимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ дающее поводъ къ затяжкѣ переговоровъ, если только оно не будетъ безусловно отвергнуто.

Мысль о занятіи Константинополя лучше бросить, ибо занять его еще можно, но удержать нельзя. А скоро даже нельзя будетъ и занять безъ боя, когда подойдутъ войска изъ очищаемыхъ турками крѣпостей. У насъ ничего не подготовлено. Боевые запасы далеко позади, и неизвѣстно, когда подтянутся, а интендантской части вовсе нѣтъ. Жили мы до сихъ поръ, со дня перехода черезъ Балканы, исключительно мѣстными средствами, пользовались ими безсистемно и безпорядочно, а теперь и этого источника не предвидится. Мѣстность между Адріанополемъ и Константинополемъ рѣдко населена и средствами бѣдна: чѣмъ питаться будемъ, если война возобновится? Связи съ тыломъ у насъ не существуетъ, да и тылъ-то нашъ въ хаотическомъ состояніи. Дрентельнъ, на организаторскій талантъ котораго возлагались такія надежды, оказался совершенно безсиленъ, тѣмъ болѣе, что его начальникъ штаба Черкесовъ, главная его опора,—канцелярскій буквоѣдъ, хотя и честнѣйшій человѣкъ.

Однимъ словомъ, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій,

турки, имѣя за спиною англійскій флотъ, непремѣнно ободрятся. Имъ достаточно оказать пассивное сопротивленіе, чтобы поставить насъ въ очень тяжелое положеніе. Сразу обнаружится, что мы пришли подъ Константинополь почти съ голыми руками.

Нѣтъ! если не захватили Царьграда и Галлиполи сразу, пока еще турки не опомнились и англичане не подошли, то теперь лучше и не пробовать: ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Въ виду появленія англійской эскадры, намъ выгоднѣе не занимать ни одной береговой позиціи, ибо вдали отъ берега мы для англичанъ неуязвимы.

Великій Князь выслушивалъ всѣ мои разсужденія не только терпѣливо, но вполнѣ милостиво. Сперва возражалъ, а потомъ только слушалъ, и когда я замолкъ, обратился къ присутствующимъ со словами: «Бѣдный Газенкампфъ! какъ онъ взволновался и встревожился!» Я отвѣтилъ: «Какъ не встревожиться, когда намъ угрожаетъ европейская война, къ которой мы не готовы? Вѣдь это страшное дѣло!»

На это никто ничего не отвѣчалъ: всѣ, не исключая Великаго Князя, примолкли и призадумались. Минутъ пять еще посидѣли молча, затѣмъ всѣ встали и разошлись.

4 февраля, суббота.—Напряженно-тревожный день.

Утромъ Великій Князь послалъ за мной и передалъ для зашифрованія депешу Государю, которую самъ составилъ, приказавъ мнѣ сперва показать ее Непокойчицкому. Старикъ, прочитавъ ее, добродушно предложилъ мнѣ помочь зашифровать депешу, чтобы поскорѣе ее отправить. Вотъ ея содержаніе:

«Съ каждымъ днемъ занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ, войсками, привозимыми изъ оставляемыхъ ими крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы ты не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто бы европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ».

Во время шифрованія этой телеграммы Непокойчицкій сказалъ мнѣ, что на самомъ дѣлѣ Великому Князю положительно извѣстно, что мирный договоръ нашъ пойдетъ на разсмотрѣніе общеевропейской конференціи. Но такъ какъ онъ не извѣщенъ объ этомъ оффиціально, то и называетъ «слухомъ». Очевидно, слѣдовательно, что нашъ мирный договоръ ничего не будетъ стоить, пока его не признаютъ всѣ великія державы. Хороша перспектива!

Когда я представилъ Великому Князю вышеприведенную телеграмму къ подписи, онъ тотчасъ же далъ мнѣ для отправки уже составленную имъ самимъ вторую телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Сейчасъ получено извѣстіе, что четыре англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ въ часѣ разстоянія хода до Царьграда. Порта дала мнѣ знать, что желаетъ соглашенія съ нами по жгучему вопросу, но формальнаго приглашенія нѣтъ. Напротивъ: упрашиваютъ по возможности не входить. Мои войска находятся въ двухъ переходахъ отъ Царьграда. Испрашиваю: какъ желаешь смотрѣть на стояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ. Жду скорѣйшаго отвѣта».

Тотчасъ послѣ обѣда Великій Князь опять призвалъ меня и передалъ только-что полученную депешу Государя и уже готовый свой отвѣтъ, для отправки.

Телеграмма Государя, отъ сего 4 февраля, гласила:

«Всѣ донесенія твои и протоколы о переговорахъ прочелъ я съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Изъ сегодняшняго отвѣта моего султану [1]) ты увидишь, что я ни въ чемъ не измѣняю данныхъ тебѣ приказаній, въ шифрованной вчерашней моей телеграммѣ изложенныхъ [2]). Депеша Порты, о которой ты упоминаешь въ шифрованной телеграммѣ твоей отъ 29-го января [3]), была ли отправлена тобою по телеграфу или съ курьеромъ? Прошу тебя

[1]) Ничего еще не получено.

[2]) Эта депеша тоже еще не получена.

[3]) Очевидно, Государь получилъ предупреждающую русскую депешу Великаго Князя (см. 29-го января) и не получилъ шифрованную французскую, въ которой сообщался текстъ телеграммы Сервера-паши о намѣреніи англійской эскадры Горнби пройти черезъ Дарданеллы—и текстъ отвѣта Великаго Князя Серверу.

отвѣчать положительно на мои вопросы, а то я остаюсь въ недоразумѣніи».

Отвѣтъ Великаго Князя, отправленный въ 8 ч. 30 м. вечера, былъ слѣдующій:

«Большая телеграмма моя шифрованная, о которой упоминалъ, пошла не 29-го, а 30-го числа и отправлена по телеграфу, а не съ курьеромъ. Пока на всѣ дошедшія ко мнѣ отъ тебя телеграммы отвѣчалъ немедленно. Телеграммы твои сегодняшняго 4-го числа султану еще не получалъ, равно какъ и шифрованная твоя ко мнѣ отъ вчерашняго, т.-е. 3-го числа, еще не дошла. Многія депеши приходятъ непослѣдовательно: отправленныя позже — приходятъ раньше предыдущихъ, въ особенности шифрованныхъ, что иногда сбивчиво. Происходитъ это отъ частой порчи линіи и перерыва сообщенія. Теперь кабель въ Дунаѣ положенъ и дѣйствуетъ».

Только-что была отправлена эта депеша, какъ пришла шифрованная Государя, отъ 10 ч. 40 м. вечера 3-го февраля. Великій Князь приказалъ мнѣ расшифровать ее сейчасъ же, при немъ. И вотъ что мы прочли:

«Англійское министерство утверждаетъ, что эскадра, вступившая въ Босфоръ и Дарданеллы, имѣетъ мирное назначеніе: не допускаетъ, однако, что и съ нашей стороны вступленіе части войскъ въ Константинополь имѣло бы такой же характеръ. На это объявлено черезъ графа Шувалова, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же мирною цѣлью, сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но въ видѣ послѣдней уступки обѣщано Англіи, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ, ни на европейскій, ни на азіатскій. Сообщаю тебѣ объ этомъ»...

На этихъ словахъ депеша обрывалась [1]).

Но и этого достаточно. Изъ сказаннаго въ телеграммѣ Госу-

[1]) Окончаніе этой депеши, задержанное порчею телеграфа въ Казанлыкѣ во время передачи,—было получено на другое утро, 5-го февраля. Вотъ оно: «...для руководства. Что же касается до Босфора, то надобно зорко слѣдить, чтобы не допускать англійскія суда, и въ случаѣ какой-либо попытки ихъ въ эту сторону—постараться занять, если можно, съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега».

даря ясно, что періодъ «недоразумѣній» съ Англіей близится къ концу и переходитъ въ періодъ «пререканій», изъ коихъ назрѣютъ «усложненія», разрѣшатся «разрывомъ» и наконецъ—новою войной.

Государь, очевидно, полагалъ, что вступленіе англійской эскадры въ турецкія воды налагаетъ на насъ обязанность занять Константинополь. Великій Князь того же мнѣнія. А по моему, разъ мы не заняли Константинополя и Галлиполи во время турецкой паники и до прибытія англійской эскадры, то дѣлать это теперь—не только безцѣльно, но и очень рискованно. Если же занимать что-либо теперь, то именно Галлиполи, а не Константинополь, такъ какъ первый—ключъ къ послѣднему.

Я не удержался, чтобы не высказать это мнѣніе Великому Князю. Онъ выслушалъ ласково, но остался при своемъ мнѣніи, что Константинополь занять слѣдуетъ, риска тутъ нѣтъ, Англія намъ войны не объявитъ.

Вернувшись къ себѣ, я засталъ Гурко у Левицкаго и сообщилъ о полученномъ извѣстіи. Гурко полагаетъ, что идти теперь въ Константинополь—значитъ лѣзть въ ловушку, поставленную англичанами, которые насъ же обвинятъ въ томъ, что такимъ насиліемъ мы вызываемъ европейскую войну. Но, не входя даже въ чуждую намъ военнымъ, область политики—наступленіе на Константинополь есть очень серьезный шагъ, который нельзя дѣлать, не подготовивъ его успѣха. А между тѣмъ у насъ нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ, ни хлѣба, ни сухарей. Сторонники наступленія, на вопросъ, откуда все это возьмется, отвѣчаютъ: подвезутъ моремъ изъ Одессы. Отвѣтъ безсмысленный: англійскій флотъ уже въ Мраморномъ морѣ, а у насъ флота нѣтъ и негдѣ взять. Развѣ мыслимъ при такихъ условіяхъ какой-либо морской подвозъ и вообще морскія сношенія съ Россіей? Тѣмъ болѣе, что разрывъ съ Англіей неизбѣжно повлечетъ за собою и разрывъ съ Турціей, флотъ которой цѣлъ.

Гурко прямо отъ насъ пошелъ къ Непокойчицкому, чтобы переговорить серьезно. Едва ли только выйдетъ толкъ: Непокойчицкій всегда соглашается съ Великимъ Княземъ.

Одна надежда на Бога. Возобновленіе войны можетъ привести только къ потерѣ всего уже пріобрѣтеннаго.

5 февраля, воскресенье. — Сегодня былъ въ церкви. Меня очень успокоила и подкрѣпила проповѣдь на текстъ, какъ Спаситель на Геннисаретскомъ озерѣ повелѣлъ бурѣ утихнуть и когда она утихла, обратился къ ученикамъ своимъ съ кроткимъ укоромъ: «Гдѣ вѣра ваша?»

Этотъ величавый евангельскій эпизодъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ теперешнему положенію и глубоко запалъ мнѣ въ душу. Надо вѣрить несокрушимою вѣрою и умѣть претерпѣть до конца, чтобъ заслужить спасеніе.

Съ умиротворенною душою я засѣлъ за составленіе всеподданнѣйшаго отчета, и къ обѣду кончилъ его, несмотря на частые отрывы отъ работы. Но поздно вечеромъ, при чтеніи Великому Князю, въ немъ пришлось многое измѣнить и передѣлать, въ зависимости отъ полученныхъ сегодня извѣстій. А потому изложу сперва содержаніе сегодняшняго телеграфнаго обмѣна сношеній.

Прежде всего получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 40 м. пополудни 3-го февраля, шедшая почти двое сутокъ, несмотря на помѣтку: «экстренно».

«Шифрованная телеграмма твоя отъ 29-го января дошла до меня 1-го февраля, но заявленной въ ней другой телеграммы отъ того же числа не получалъ доселѣ, тогда какъ слѣдующія твои телеграммы, до 3-го февраля включительно, уже дошли. Еще разъ повторяю, что сообщаемыя тебѣ телеграммы къ султану должны служить руководствомъ и тебѣ. Необходимо поспѣшить пріемомъ крѣпостей и потребовать того же и въ Малой Азіи».

На это Великій Князь отвѣчалъ немедленно, въ 12 ч. дня:

«Телеграммы твои всѣ получены, но по причинѣ неоднократнаго перерыва линій онѣ дошли непослѣдовательно. До сихъ поръ англійская эскадра въ Босфоръ не вступала и даже удалилась отъ Принцевыхъ острововъ, оставаясь въ Мраморномъ морѣ, а потому и я демаркаціонной линіи не переступалъ. Но войска готовы и стягиваются. Переговоры съ турками о дружественномъ вступленіи въ Константинополь продолжаю, но султанъ отъ вчерашняго числа просилъ меня подождать твоего отвѣта на его послѣднюю телеграмму, въ которой онъ обѣщаетъ дѣйствовать въ согласіи съ тобою и увѣдомлять тебя о случающемся. Имѣть же отсюда постоянное наблю-

деніе за англичанами какъ на морѣ, такъ и на азіатскомъ берегу, и въ особенности предупредить ихъ въ Босфорѣ, какъ указано въ твоей шифрованной телеграммѣ отъ 3-го числа,—мнѣ при настоящемъ расположеніи войскъ физически невозможно, что и высказалъ тебѣ въ шифрованной депешѣ отъ 4-го числа».

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, была получена шифрованная князя Горчакова, отъ 3-го февраля, сообщавшая телеграмму Государя къ султану, съ предупрежденіемъ, что проходъ англійской эскадры чрезъ Дарданеллы къ островамъ Принцевъ уполномочиваетъ и насъ ввести временно въ Константинополь отрядъ нашихъ войскъ.

Въ 6 час. 10 мин. Великій Князь отправилъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

«Только сегодня въ 5 часовъ вечера получилъ отъ князя Горчакома копію съ телеграммы твоей султану отъ 3-го числа, о необходимости вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь, въ виду прохода англійской эскадры черезъ Дарданеллы и къ Принцевымъ островамъ. Поэтому сообщаю Савфету, что нахожусь вынужденнымъ сговориться съ султаномъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Царьградъ. Депеша Горчакова ко мнѣ опоздала потому, что шла черезъ Константинополь и, по всей вѣроятности, была тамъ умышленно задержана. Прошу, если возможно, въ случаѣ посылки телеграммъ черезъ Одессу, приказать пересылать для большой вѣрности дубликатъ черезъ Кишиневъ—Зимницу».

Эта депеша была послана во время совѣщанія, созваннаго Великимъ Княземъ, и продолжавшагося болѣе двухъ часовъ. Участвовали въ совѣщаніи только Непокойчицкій, Игнатьевъ и Нелидовъ. Одновременно шли и переговоры съ Савфетомъ-пашей. Результатомъ этого совѣщанія была слѣдующая шифрованная телеграмма Государю:

«Сейчасъ заявилъ Савфету, который немедленно послалъ съ нашимъ драгоманомъ Ону въ Константинополь Портѣ мое слѣдующее предложеніе: въ виду переполненія Царьграда бѣжавшими переселенцами и страшной болѣзненности въ столицѣ,—занять отрядомъ въ 10,000 человѣкъ не самый городъ, но Санъ-Стефано на берегу Мраморнаго моря, Кучукъ-Чекмедже и ближайшія деревни и казармы. Въ первое мѣсто переѣду самъ, гдѣ будутъ продолжаться перего-

воры, которые въ Адріанополѣ затрудняются большимъ разстояніемъ. Изъ Санъ-Стефано, составляющаго предмѣстье Константинополя, будетъ мнѣ возможно слѣдить за англійскимъ флотомъ. Есть надежда на принятіе Портою этого моего предложенія».

Вслѣдъ за окончаніемъ совѣщанія, закончившагося отправкою этой телеграммы, я пошелъ къ Великому Князю съ черновикомъ всеподданнѣйшаго отчета, но до чтенія его не дошло: Великій Князь отложилъ до завтра, ибо былъ, очевидно, слишкомъ всецѣло поглощенъ мыслью о переселеніи изъ Адріанополя въ Санъ-Стефано. Подошли еще князь Евгеній Максимиліановичъ, Струковъ, Чингисханъ и Скалонъ. Всѣхъ насъ Великій Князь угостилъ устрицами и артишоками, затѣмъ подали чай. Шла оживленная бесѣда, вертѣвшаяся исключительно на созданномъ англійскою наглостью осложненіи. Великій Князь разсказалъ, что въ виду настойчиваго требованія Государя занять Константинополь путемъ мирнаго соглашенія съ султаномъ и невозможности достигнуть этого соглашенія въ виду англійской эскадры — графъ Игнатьевъ придумалъ компромиссъ занятія Санъ-Стефано. Конечно, ни Великій Князь, ни мы даже не знали о существованіи такого «предмѣстья Константинополя», но Игнатьевъ увѣряетъ, что это—чудное мѣстечко на берегу Мраморнаго моря, что тамъ мы будемъ все равно, что въ Константинополѣ, а между тѣмъ англичанамъ придраться не къ чему. Посмотримъ. Великій Князь очень доволенъ Игнатьевскимъ изобрѣтеніемъ, и уже рѣшилъ, что введетъ въ Санъ-Стефано л.-гв. Преображенскій и Семеновскій полки съ частью л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, л.-гв. Саперный баталіонъ и л.-гв. Уланскій полкъ.

Сверхъ того, Великій Князь сообщилъ намъ: 1) англійскій флотъ отошелъ отъ Принцевыхъ островов въ бухту Муданія, на азіатскій берегъ Мраморнаго моря; дессантныхъ войскъ на судахъ нѣтъ; однимъ изъ судовъ эскадры командуетъ герцогъ Эдинбургскій, мужъ великой княгини Маріи Александровны. 2) Имѣется свѣдѣніе, что всѣ иностранныя эскадры, находящіяся въ водахъ Греціи и Леванта, спѣшатъ вслѣдъ за англичанами въ Мраморное море. 3) Султанъ, не возражая уже противъ вступленія нашихъ войскъ даже въ самый Константинополь, проситъ только обождать полученія имъ отвѣта на телеграмму, посланную королевѣ Викторіи. 4) Скобе-

левъ 2-й сообщаетъ изъ Чаталджи, что константинопольское население подготовлено уже къ возможности появленія тамъ нашихъ войскъ и относится къ этому совершенно спокойно.

Пока шелъ этотъ разговоръ, получилось извѣстіе, что англійская эскадра вернулась къ Принцевымъ островамъ и что адмиралъ Горнби уже съѣзжалъ на берегъ въ Константинополѣ, а зачѣмъ— неизвѣстно.

Всѣ мы дали волю накопившемуся противъ англичанъ озлобленію. Великій Князь замѣтилъ, что по тону телеграммъ Государя видно, что онъ крайне раздраженъ англійскимъ лукавымъ вѣроломствомъ. Онъ повѣрилъ англійскому обѣщанію не вступать въ Босфоръ, если мы не займемъ Галлиполи и Константинополя, и остановилъ насъ, когда мы могли вступить туда съ разбѣгу и безъ выстрѣла. А теперь, по заключеніи перемирія, англичане прошли въ Мраморное море и говорятъ намъ:—Мы слово держимъ, въ Босфоръ не вступаемъ; поэтому и вы не имѣете права вступать въ Константинополь. А если вступите, то это будетъ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи, а слѣдовательно и мы тогда свободны отъ даннаго обязательства не вступать въ Босфоръ.

Надо быть англичанами, чтобы придумать такую подлую дипломатическую передержку. Настоящіе политическіе шулеры!

Въ исходѣ 11-го часа разошлись по домамъ, страшно озлобленные противъ Англіи.

6 февраля.—Великій Князь, когда я явился съ черновымъ отчетомъ, сказалъ, что надо повременить впредь до выясненія результата переговоровъ съ турками, а теперь посылать не стоитъ.

Единственная извѣстная мнѣ телеграмма, отправленная Государю сегодня утромъ, была слѣдующая:

«Флигель-адъютантъ Шильдеръ былъ посланъ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ къ коменданту Рущука Ахмету-пашѣ съ предложеніемъ вывести турецкія войска пятью эшелонами, начиная съ 4-го февраля, по шумлинской дорогѣ, заранѣе очищенной нашими войсками. Комендантъ принялъ всѣ эти условія, и первый эшелонъ рущукскаго гарнизона уже выступилъ 4-го февраля утромъ. Наша телеграфная станція Левантъ-табія открыта въ тотъ же день

вечеромъ. Нашъ гарнизонъ можетъ занять Рущукъ 8-го февраля. Штабъ восточнаго отряда выступаетъ изъ Брестовца въ Рущукъ 7-го февраля. Князь Дондуковъ еще не пріѣхалъ на смѣну Тотлебену».

Полученныхъ телеграммъ—масса. Сегодня отъ нихъ отбою не было. Привожу длинный рядъ мнѣ извѣстныхъ:

1) Отъ Государя, отъ 9 ч. 30 м. вечера 4-го февраля (получена сегодня утромъ):

«Въ шифрованныхъ телеграммахъ моихъ отъ 29-го и 30-го января, 1-го и 3-го февраля ясно указано, какъ тебѣ слѣдуетъ дѣйствовать. Открытыя телеграммы мои къ султану также должны служить тебѣ руководствомъ, какъ я тебѣ неоднократно повторялъ объ этомъ. Удивляюсь твоему вопросу въ телеграммѣ твоей отъ сегодняшняго числа. Отвѣчай: доходятъ ли къ тебѣ копіи съ моихъ телеграммъ султану?»

Высочайшее неудовольствіе, столь ясно и категорически высказанное, очевидно вызвано вопросомъ Великаго Князя въ телеграммѣ отъ 4-го февраля: «испрашиваю, какъ желаешь смотрѣть на состояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ?»

Что отвѣчалъ Великій Князь Государю—я не знаю.

2) Отъ князя Горчакова, отъ 4-го февраля:

«Телеграмма его величества султана Его Величеству Государю Императору 3 (15) февраля 1878 г.—Справедливо, что часть англійской эскадры, пройдя Дарданеллы, не взирая на протестъ моего правительства, стала на якорь у Принцевыхъ острововъ. Но, не получивъ еще отвѣта отъ ея величества королевы, я считаю появленіе англійскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ временнымъ. Во всякомъ случаѣ, я не премину, какъ уже обѣщалъ Вашему Императорскому Величеству, сообщить вамъ ея отвѣтъ немедленно по полученіи, дабы мы могли, по взаимному соглашенію, принять необходимыя соотвѣтствующія мѣры. Въ ожиданіи отвѣта, англійскій адмиралъ и англійская эскадра покинутъ Принцевы острова съ цѣлью избрать якорную стоянку, значительно болѣе удаленную отъ Босфора. Посему надѣюсь, что Ваше Императорское Величество изволите согласиться отказаться отъ мѣры, указанной въ концѣ вашей телеграммы. Заключаю увѣреніемъ, что сочту долгомъ постоянно

сообщать Вашему Величеству о каждомъ моемъ шагѣ, съ цѣлью предотвратить всякое недоразумѣніе, могущее повлечь за собою гибельныя послѣдствія какъ для интересовъ человѣчества, такъ и для интересовъ моей имперіи».

«Телеграмма Его Величества Государя Императора его величеству султану. Петербургъ, 4-го февраля 1878 г.—Получилъ телеграмму вашего величества отъ 3-го. Теоретическій протестъ не помѣшалъ британской эскадрѣ пройти черезъ Дарданелльскій проливъ насильно. Прямое обращеніе вашего величества къ королевѣ не повлечетъ за собою удаленія эскадры. Посему предоставляю чувству вашей справедливости взвѣсить, возможно ли мнѣ отказаться отъ временнаго вступленія моихъ войскъ въ Константинополь. Ихъ присутствіе только облегчитъ вашему величеству поддержаніе общественнаго порядка».

3) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

«Султанъ телеграфировалъ вчера (т.-е. 4-го февраля) Государю: «Я получилъ телеграмму Вашего Величества отъ 16-го. Сейчасъ узналъ, что англійскія суда уже удаляются въ Муданію, за 50 миль отъ города, и что отвѣтъ изъ Лондона будетъ завтра вечеромъ (т.-е. 5-го) или послѣ-завтра (т.-е. 6-го). Довѣріе, оказанное мнѣ Вашимъ Величествомъ, не дозволяетъ мнѣ запаздывать обѣщаннымъ отвѣтомъ». Шуваловъ также телеграфируетъ отъ вчерашняго числа (т.-е. 4-го): «Англійская эскадра оставила Принцевы острова и удалилась въ заливъ Муданію».

4) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

«Шуваловъ проситъ разрѣшенія сдѣлать заявленіе насчетъ Галлиполи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Подтверждаемъ обѣщаніе не занимать его и не вступать на линію Булаира, съ условіемъ, чтобы ни одна часть англійскихъ войскъ не была высажена ни на азіатскомъ, ни на европейскомъ берегу». Смыслъ, говоритъ онъ, тотъ же, но эта редакція успокоитъ насчетъ безопасности флота и предотвратитъ разрывъ, который безъ этого будетъ очень близокъ. Государь его уполномочилъ на это».

Изъ всѣхъ этихъ телеграммъ ясно, что Государь очень разгнѣванъ, а несчастный султанъ очень встревоженъ англійскою наглостью и, попавъ между двухъ огней, не знаетъ, какъ быть, и

старается оттянуть наше вступленіе въ его столицу. Что же касается до предложенія нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, то оно совсѣмъ непонятно, ибо клонится къ успокоенію англичанъ, а не къ нашему. Довольно оригинально: англичане нагло нарушили трактаты, насильно пройдя въ Мраморное море, а мы имъ же обѣщаемъ не занимать ни Галлиполи, ни Булаирскія укрѣпленія. Я понялъ бы еще, еслибъ на этомъ условіи они совсѣмъ удалили свой флотъ и обѣщали больше не входить въ Дарданеллы. Но дѣлать такую уступку только за то, чтобы англичане не свозили на берегъ дессанта, который намъ совсѣмъ не страшенъ и котораго у нихъ даже и нѣтъ,—это что-то непостижимое.

5) Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 40 м. дня 5-го февраля: «Шифрованная телеграмма твоя отъ 30-го января дошла до меня только сегодня утромъ. Отвѣтъ твой одобряю. Но необходимо строго изслѣдовать причину столь непростительнаго замедленія. Прошу извѣщать меня всякій разъ о полученіи моихъ шифрованныхъ телеграммъ. Куда направляешь ты гвардейскій экипажъ и какимъ путемъ? Завтра ожидаю трехъ моихъ сыновей [1])».

6) Отвѣтъ Великаго Князя:

«Телеграмма моя шифрованная, отъ 30-го января, за неимѣніемъ тогда телеграфнаго сообщенія, была отправлена по казачьимъ постамъ на разстояніе болѣе 150 верстъ, въ самую грязь. Когда открылся телеграфъ вь Эски-Загрѣ, случилось поврежденіе на Шипкинскомъ перевалѣ, черезъ который проходитъ нашъ единственный телеграфный путь. Такъ что небрежности или умысла въ замедленіи этой телеграммы я не допускаю. Такъ какъ дипломатическіе переговоры исключительно передаются на французскомъ языкѣ, то прошу приказать немедленно выслать ко мнѣ черезъ Одессу, пароходомъ, телеграфистовъ, знающихъ французскій языкъ основательно, а то телеграммы приходятъ страшно искаженныя. Получилъ сегодня въ 10 ч. утра отъ Горчакова четыре телеграммы: двѣ отъ четвертаго, №№ 673 и 674, и двѣ отъ пятаго, №№ 807 и 837. Гвардейскій экипажъ идетъ черезъ Тырновъ, Твардицу, Іени-

[1]) Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, изъ дѣйствующей арміи.

Загру и по желѣзной дорогѣ сюда. Все благополучно. Эскадра англійская, по слухамъ, вчера пришла опять къ Принцевымъ островамъ».

7 февраля.—Утромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня 6-го февраля:

«Двѣ шифрованныхъ телеграммы твои отъ 5-го февраля получилъ сегодня утромъ. Распоряженія твои одобряю [1]). Запоздалыя телеграммы твои отъ 4-го также получилъ. Сыновья мои благополучно воротились».

Великій Князь отвѣчалъ:

«Благодарю за депешу, отъ 6-го числа, № 77. Радуюсь пріѣзду всѣхъ твоихъ трехъ молодцовъ. Пока изъ Константинополя отвѣта не получилъ. Погода чудная, весенняя».

Въ 11 ч. утра была получена отъ Государя вторая телеграмма, отъ 4 ч. 50 м. дня 6-го февраля:

«Миша телеграфируетъ, что турки не соглашаются очистить Батумъ. Я отвѣчалъ брату, что мы не можемъ настаивать на томъ, что не вошло въ условія перемирія, и что необходимо установить демаркаціонную линію сообразно дѣйствительному расположенію обѣихъ сторонъ; уступка же намъ Батума должна войти въ окончательныя условія мира».

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 11 ч. 30 м. утра.

«Получилъ твою телеграмму отъ 6-го числа, № 78. Миша меня уже давно спрашивалъ о Батумѣ, и я ему положительно сообщилъ, что въ предварительныхъ условіяхъ мира о Батумѣ ничего не выговорено».

Кромѣ того, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Состояніе здоровья войскъ весьма удовлетворительно. Никакихъ болѣзней, слава Богу, нѣтъ. 6-го февраля выѣхалъ изъ Рущука муширъ [2]) Ахмедъ-Кейсерли-паша; сегодня 7-го выступаетъ оттуда послѣдній эшелонъ турецкаго гарнизона и сегодня же должны

[1]) Т.-е.—рѣшеніе занять Санъ-Стефано вмѣсто Константинополя и заявленіе Савфету-пашѣ объ этомъ.

[2]) Полный генералъ.

вступить въ Рущукъ наши войска, а 8-го вступитъ Тотлебенъ съ штабомъ. Я приказалъ навести Новогеоргіевскій мостъ у Рущука, дополнивъ его Петрошанскимъ, который снять совсѣмъ. Желѣзный же мостъ, части котораго находятся въ пути на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Бухарестомъ, я приказалъ вернуть и собрать въ Новогеоргіевскѣ, такъ какъ на Дунай онъ все равно своевременно поспѣть не можетъ. Князь Дондуковъ до 8-го февраля долженъ остаться въ Разградѣ: раньше этого выѣхать на смѣну Тотлебена не можетъ. Очищеніе Дуная отъ минъ ниже Силистріи оказывается весьма труднымъ. Всѣ мины поставлены были при низкомъ уровнѣ воды, поэтому снять ихъ при полной водѣ весьма трудно, а до очищенія Дуная отъ льда даже невозможно. Вообще, свободное плаваніе по Дунаю, какъ полагаетъ Алексѣй, можетъ открыться нескоро.

«Подполковникъ генеральнаго штаба Шуруповъ, посланный Циммерманомъ въ Силистрію для переговоровъ о сдачѣ ея на основаніи условій перемирія, доноситъ, что комендантъ обѣщалъ очистить Силистрію въ семидневный срокъ, считая съ 4-го февраля, т.-е. къ 11-му февраля. Орудія, снаряды, порохъ турки могутъ увезти на судахъ по Дунаю. Продовольственные припасы, которые они не могутъ взять съ собой, будутъ проданы или уступлены намъ. Въ Силистріи находится 500 тысячъ окъ галетъ и 200 тысячъ кило ячменя и кукурузы. Турецкій гарнизонъ выступитъ въ Варну. Боголюбовъ еще не пріѣзжалъ».

Вечеромъ получена еще телеграмма Струкова изъ Чаталджи:

«Его высочество сынъ вашъ благополучно прибылъ въ часъ дня и немедленно выѣхалъ въ Селиври. Пребываніе всей главной квартиры въ Селиври почти невозможно».

Что, впрочемъ, было очевидно и раньше.

8 февраля. — Что насъ ждетъ: новая война, или скорый миръ? Вотъ вопросъ, пока неразрѣшимый. Отвѣта на предложеніе впустить насъ въ Санъ-Стефано все еще нѣтъ: ожидается сегодня вечеромъ. Турки умышленно затягиваютъ переговоры: вѣроятно, у нихъ опять какая-нибудь каверза на умѣ, внушенная англійскими интригами. Ведутъ нескончаемые споры о границѣ Болгаріи, тор-

гуются насчетъ суммы вознагражденія за военныя издержки. Оспариваютъ многіе пункты, на которые уже согласились при заключеніи перемирія. Когда это было замѣчено Савфету-пашѣ, то онъ весьма откровенно отвѣчалъ: «Тогда было другое положеніе, тогда мы подписали бы все, что вамъ угодно. Ну, а теперь еще поговоримъ: обстоятельства уже не тѣ».

Было бы лучше, еслибъ мы вовсе не затѣвали сепаратнаго мира и не ставили бы его своимъ вопросомъ чести. Подобный миръ имѣетъ значеніе лишь въ борьбѣ между равными: Турція же—открытое поле для общеевропейскихъ интригъ. Вѣдь если заключимъ сепаратный миръ, непріятный Европѣ,—Турція будетъ мѣшкать выполненіемъ его условій до тѣхъ поръ, пока не вмѣшаются другія державы. А безъ англійскаго и австрійскаго вмѣшательства не обойдется. Австрію еще можетъ сдержать старикъ Вильгельмъ I, единственный нашъ другъ. Но и эта заручка подъ вопросительнымъ знакомъ: дѣло можетъ такъ запутаться, что и Вильгельму будетъ неудобно открыто поддерживать насъ.

11 ч. вечера.—Переговоры въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ я думалъ. Изъ вечерняго разговора съ Великимъ Княземъ узналъ, что Савфетъ-паша, подписавъ вчера уступку намъ Карса, Баязета и Батума и условія, опредѣляющія границы Болгаріи и Черногоріи,—сегодня отъ всего этого отказался. Въ отвѣтъ на требованіе объяснить причину,—очень развязно заявилъ, что вчера онъ былъ утомленъ шестичасовымъ непрерывнымъ засѣданіемъ до потери сознанія, а сегодня очувствовался и передумалъ. Истинная причина—конечно, въ разсчетѣ на энергическую поддержку англичанъ: не даромъ же онъ получилъ сегодня изъ Константинополя четыре шифрованныхъ телеграммы.

Великій Князь послалъ Государю въ 7 ч. 20 м. вечера слѣдующую шифрованную телеграмму:

«*Экстренно.* Турецкое правительство имѣетъ намѣреніе теперь же послать къ тебѣ чрезвычайнаго посла, не кончивши дѣла здѣсь со мною. Игнатьевъ и я убѣдительно просимъ тебя отказать султану въ этомъ, ибо это только интрига и желаніе продлить переговоры. Могу ли заявить, что послѣ заключенія мира ты съ удовольствіемъ примешь посла? Прошу скорѣйшаго отвѣта».

Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ, но на мой профанскій взглядъ—мирные переговоры ведутся крайне легкомысленно.

Игнатьевъ началъ переговоры съ турками, какъ о перемиріи, такъ и теперь о мирѣ, не обмѣнявшись полномочіями, съ цѣлью скрыть свои, и, пользуясь этимъ, вымогать съ турокъ возможно большія уступки. Но, по моему, онъ самъ попался въ свою же ловушку какъ въ январѣ, такъ и нынѣ. Намыкъ и Серверъ паши, какъ это стало извѣстно теперь, имѣли неограниченныя полномочія. Но такъ какъ обмѣна полномочіями до начала переговоровъ не было, то оба они имѣли возможность торговаться съ 8-го по 19-е января, безпрестанно ссылаясь на необходимость испрашивать приказанія изъ Константинополя.

Но тогда затяжка переговоровъ на неопредѣленное время была невыгодна для самихъ турокъ, потому что мы продолжали подвигаться впередъ.

Теперь обстановка иная. Имѣя за спиной Лейарда и англійскій флотъ, турки могутъ только выиграть отъ затяжки мирныхъ переговоровъ. А сегодняшнюю нахальную выходку Савфета-паши можно было даже предвидѣть, ибо онъ еще 4-го февраля отказался отъ нѣкоторыхъ статей предварительныхъ условій мира, подписанныхъ 19-го января.

Игнатьевъ тогда же, 4-го февраля, далъ туркамъ срокъ для подписанія мира до 12-го (почему именно до 12-го—не знаю), а сегодня—потребовалъ безусловнаго подтвержденія вчерашняго согласія на уступку намъ Карса, Баязета и Батума и на новыя пограничныя черты Болгаріи и Черногоріи. Это требованіе, облеченное въ форму ультиматума, не имѣетъ, однако, главнаго его признака: назначенія крайняго срока исполненія. Слѣдовательно, турки сохраняютъ и впредь полную возможность отказаться завтра отъ уступокъ, подписанныхъ сегодня. Могутъ подписать хоть весь мирный договоръ, а затѣмъ отъ него отказаться. Что тогда дѣлать? возобновить военныя дѣйствія? Но тогда тотчасъ вмѣшаются Англія и Австрія. Турки же могутъ только выиграть отъ ихъ вмѣшательства, ибо тяжелѣе тѣхъ условій, которыя мы ставимъ имъ теперь—быть не можетъ. И выходитъ, что не стоило и задаваться сепаратнымъ миромъ, а лучше самимъ внести мирныя условія въ европейскій

ареопагъ. Вѣдь хуже будетъ для насъ же, если намъ потомъ навяжутъ уступки противъ мирныхъ условій, которыя будутъ выговорены теперь.

Вотъ еслибъ мы могли покончить войну съ Турціей безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, тогда—другое дѣло. Но мы этого не можемъ: сами заранѣе обѣщали, еще до войны, что не будемъ передѣлывать карту Турціи безъ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ.

9 февраля.—Получено извѣстіе, что турки, подъ вліяніемъ англичанъ, перемѣнили министерство и послали Намыкъ-пашу прямо къ Государю. Великій Князь немедленно принялъ самыя энергическія мѣры: 1) приказалъ задержать Намыка въ Одессѣ и не пускать оттуда впредь до высочайшаго повелѣнія; 2) объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что если къ 6 час. утра 11-го февраля не получитъ приглашенія вступить въ Санъ-Стефано, то займетъ его самъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣ тѣ пункты, какіе найдетъ нужнымъ; 3) войскамъ приказано быть готовыми къ немедленному переходу въ наступленіе; 4) Гурко—сегодня же ѣхать въ Чаталджу съ экстреннымъ поѣздомъ.

Великій Князь хотѣлъ-было выѣхать самъ туда завтра же, но Непокойчицкій убѣдилъ его подождать до 11-го. Это хорошо, но вотъ что худо: стоя здѣсь съ 14-го января, мы не позаботились притянуть изъ-за Балканъ свободныя войска. Даже вчера, когда Левицкій сказалъ Непокойчицкому: «если есть основаніе ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій, то надо теперь же распорядиться притянуть войска изъ-за Балканъ»,—Непокойчицкій отвѣтилъ: «Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо!»

Это было вчера, а что случится сегодня? Что будетъ дальше? Одному Богу извѣстно.

Во всякомъ случаѣ, жребій брошенъ.

Вотъ какія телеграммы получены и отправлены въ сегодняшнее тревожное утро.

1) Телеграмма Государя, отъ 11 ч. 35 м. утра 6-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

«Въ виду справедливыхъ опасеній, высказанныхъ тобою въ

телеграммѣ отъ 4-го февраля, полученной мною только сегодня, нахожу необходимымъ ускорить исполненіе сдѣланнаго тобою Портѣ предложенія относительно занятія ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій. Для сего нужно назначить кратчайшій по возможности срокъ для полученія согласія султана, и на случай его отказа приготовить достаточныя силы. По твоему сообщенію вообще предоставляю тебѣ дѣйствовать, не ожидая особыхъ моихъ разрѣшеній».

2) Отъ Государя, отъ 2 ч. 18 м. пополудни 7-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

«Всѣ телеграммы твои отъ сегодняшняго утра включительно получилъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшній отвѣтъ мой султану и на шифрованную телеграмму князя Горчакова къ тебѣ».

3) Князя Горчакова отъ 7-го февраля:

«Секретными путями узнали, что султанъ ищетъ соглашенія съ англичанами противъ насъ, и что его наружная любезность имѣетъ лишь цѣлью выиграть время».

4) Князя Горчакова, отъ 1 ч. пополудни 7 февраля, получена сегодня, въ 1 ч. дня:

Султанъ телеграфировалъ Государю отъ 6-го:

«Спѣшу увѣдомить Ваше Величество, что британское правительство приказало своему флоту отойти въ Муданію, за 50 миль отъ Константинополя, въ Мраморномъ морѣ, и рѣшило не вступать въ Босфоръ; окончательный отвѣтъ обѣщало мнѣ дать ко вторнику. Я отправляю, черезъ Одессу, особаго посла съ порученіемъ представить Вашему Величеству о грозящихъ мнѣ личныхъ опасностяхъ, и я надѣюсь на пріостановку до тѣхъ поръ предположеннаго вступленія императорскихъ войскъ. Я также отдалъ приказаніе, чтобы Савфетъ-паша постарался возможно скорѣе достигнуть заключенія предварительнаго мира, пребывая въ надеждѣ, что воля Вашего Величества дозволитъ уполномоченнымъ оставаться въ предѣлахъ принятыхъ основаній мира и въ предѣлахъ возможнаго. Я узналъ подробности, заставляющія меня предполагать непреодолимыя затрудненія. Устраненіе ихъ зависитъ отъ великодушія Вашего Величества».

Государь отвѣчалъ султану сегодня (т.-е. 7 февраля):

«Какъ только Савфетъ-паша окончитъ переговоры съ графомъ Игнатьевымъ на принятыхъ вашимъ величествомъ еще до заключенія перемирія основаніяхъ и по утвержденіи результата этихъ переговоровъ санкціею вашего величества—отъ васъ будетъ зависѣть отправить ко мнѣ, черезъ Одессу, особаго посла. До тѣхъ поръ оно было бы безцѣльно. Что касается до временнаго вступленія въ Константинополь части моихъ войскъ, то оно не можетъ быть ни отмѣнено, ни отсрочено, въ виду того, что англійская эскадра осталась въ Мраморномъ морѣ, а не удалилась за Дарданеллы. Я одобряю соглашеніе, предложенное моимъ братомъ по этому вопросу» [1]).

Великій Князь телеграфировалъ сегодня:

1) Государю, въ 11 ч. утра, шифромъ:

«Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, о которыхъ сказано въ сегодняшней телеграммѣ Игнатьева Горчакову, я рѣшился объявить уполномоченнымъ, что если я не получу до 6-ти часовъ утра 11-го числа приглашеніе вступить въ Санъ-Стефано, то займу самъ его и тѣ мѣста, которыя найду нужнымъ. Телеграмму твою, шифрованную отъ 6-го числа, № 87, получилъ только сейчасъ. Ты видишь, что я предугадалъ твое приказаніе и дѣйствую согласно твоему желанію».

2) Государю, въ 11 ч. утра:

«Твою телеграмму отъ 7-го числа, № 39, получилъ сегодня».

3) Государю, въ 1 ч. дня:

«Только-что получилъ копіи съ депеши султана и твой отвѣтъ ему. Англійская эскадра не ушла, а крейсируетъ у Принцевыхъ острововъ. Турки послали еще 7-го числа Намыка-пашу въ Одессу и далѣе, въ Петербургъ. Далъ знать Семекѣ: его далѣе не пропускать безъ твоего приказанія. Турки медлятъ, сошлись съ Лейардомъ, учиняютъ намъ различныя козни. Я дѣйствую на Савфета-пашу энергично, съ угрозою».

4) Генералъ-адъютанту Семекѣ, въ Одессу, отъ 11 ч. 30 м. утра, шифромъ:

[1]) Т.-е. занятіе Санъ-Стефано.

«Прошу посланнаго турецкаго, Намыка-пашу или какого другого турка, изъ Одессы въ Петербургъ не пропускать ранѣе, чѣмъ получите на то особое приказаніе отъ Государя».

Вечеръ провелъ у Великаго Князя. Онъ совершенно убѣжденъ, что турки покорятся и спокойно пропустятъ насъ въ Санъ-Стефано. Онъ разсказывалъ, что, принимая сегодня Савфетъ-пашу, прямо объявилъ ему, что Санъ-Стефано мы должны занять во что бы ни стало; что это еще уступка, которую онъ взялъ на себя, ибо Государь приказалъ занять Константинополь. Затѣмъ сказалъ Савфету, что увольненіе Сервера-паши принимаетъ за личное себѣ оскорбленіе. Въ «Daily-News» напечатано Макъ-Гаханомъ, что Серверъ въ Казанлыкѣ говорилъ, что Англія втравила Турцію въ войну съ нами, продолжаетъ натравливать на насъ, и что все это можно доказать документами. За это его теперь и смѣнили. Но Великій Князь считаетъ это придиркой, ибо истинная причина смѣны, конечно, не газетная статья, а фактъ подписанія Серверомъ главныхъ основаній мира. А такъ какъ и онъ, Великій Князь, тоже подписалъ эти основанія, то и считаетъ увольненіе Сервера-паши обидою себѣ, тѣмъ болѣе, что оно состоялось по наущеніямъ Лейарда. Вліянію того же Лейарда Великій Князь приписываетъ и миссію Намыка-паши къ Государю, состоявшуюся безъ его вѣдома и вопреки ясно выраженной волѣ Государя не принимать никакихъ пословъ до заключенія мира. «Что же,— сказалъ Великій Князь Савфету,— я долженъ думать о вашемъ правительствѣ, которое сегодня говоритъ одно, а завтра отказывается отъ своихъ словъ по наговору Лейарда?» Въ заключеніе Великій Князь объявилъ Савфету, для передачи султану, что онъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ, и 11-го февраля, въ 6 часовъ утра, выѣзжаетъ самъ, а его, Савфета, со всѣмъ посольствомъ, беретъ съ собою: вмѣстѣ поѣдемъ въ Чаталджу, и оттуда—въ Константинополь. «Отъ васъ зависитъ, какъ принять меня: я иду безъ намѣренія начинать военныя дѣйствія и самъ стрѣлять не буду; но если ваши начнутъ, то будемъ драться».

На это Савфетъ-паша съ жаромъ возразилъ: «Что касается до

нашихъ, то увѣряю, что они стрѣлять не станутъ». Великій Князь отвѣтилъ: «Я васъ ловлю на словѣ. Вы говорите, что наши стрѣлять не будутъ—очень радъ. Я сдѣлаю вотъ что: ваши офицеры пусть ѣдутъ во главѣ моихъ колоннъ, а вы поѣдете рядомъ со мною, верхомъ». Савфетъ поспѣшилъ увѣрить, что готовъ грудью заслонить Великаго Князя отъ всякой опасности, на что онъ отвѣтилъ, что ни въ какомъ заслонѣ не нуждается. Послѣ этого разговора турецкое посольство переполошилось: сегодня весь день посылали одну телеграмму за другою въ Константинополь. Будемъ надѣяться, что энергическая рѣчь Великаго Князя произведетъ и тамъ надлежащее впечатлѣніе.

Въ заключеніе, Великій Князь высказалъ, что не вѣритъ англійскимъ угрозамъ, убѣжденъ, что Англія намъ войны не объявитъ, и рѣзко бранилъ князя Горчакова за то, что онъ заранѣе согласился на европейскую конференцію. По словамъ Великаго Князя, конференцію предположено собрать въ Баденъ-Баденѣ.

Отъѣздъ нашъ назначенъ на 11-е февраля, въ 6 ч. утра, въ Чаталджу. Если, ко времени нашего прибытія туда, получимъ приглашеніе султана занять Санъ-Стефано, то поѣдемъ туда по желѣзной дорогѣ; если приглашенія не будетъ—двинемся обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

10 февраля.—Великій Князь получилъ отъ Савфета увѣреніе, что приглашеніе ему отъ султана вступить въ Санъ-Стефано непремѣнно будетъ.

Около 5 ч. дня получена телеграмма на французскомъ языкѣ изъ Константинополя отъ нашего перваго драгомана Ону, отъ 1 ч. 45 м. дня:

«Порта согласилась. Полковникъ князь Кантакузинъ, въ сопровожденіи Османа-паши, выѣхалъ сегодня въ Санъ-Стефано, для указанія тѣхъ сосѣднихъ мѣстностей, въ которыхъ расположатся войска, сопровождающія Ваше Высочество. Подробности—съ особымъ курьеромъ, отправляемымъ сегодня вечеромъ къ Савфету-пашѣ. Относительно чисто-военныхъ вопросовъ полковникъ князь Кантакузинъ донесетъ прямо штабу. Санъ-Стефано вполнѣ готово къ пріему Вашего Высочества».

Игнатьевъ увѣряетъ, что миръ будетъ окончательно подписанъ 19-го февраля.

11 февраля.— Встали въ четыре утра, а въ шесть, еще въ совершенной темнотѣ, отошелъ изъ Адріанополя нашъ поѣздъ. Ѣхали очень медленно, такъ какъ поѣздъ былъ и очень великъ, и сильно перегруженъ. Въ Чорлу была остановка для обѣда, заказаннаго по телеграфу. Въ Чаталджу прибыли около 6 ч. вечера. Тамъ уже былъ выстроенъ весь корпусъ Скобелева. Великій Князь объѣхалъ его и поблагодарилъ. Тутъ мы узнали, что два передовыхъ поѣзда, отправленные еще вчера, со сводною гвардейскою ротою, конвоемъ Великаго Князя и багажемъ,—были остановлены турками на демаркаціонной линіи, за неполученіемъ приказанія о пропускѣ изъ Константинополя. Великій Князь разсердился. Подозвавъ къ себѣ турецкаго полковника Таиръ-бея, состоящаго при Скобелевѣ (къ которому онъ былъ присланъ Мухтаръ-пашою уже нѣсколько дней тому назадъ),—Великій Князь распекъ его и приказалъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ подполковникомъ Соллогубомъ и корнетомъ Галломъ, на дежурномъ паровозѣ, на демаркаціонную линію и распорядиться пропускомъ обоихъ передовыхъ поѣздовъ; предупредить при этомъ, что онъ, Великій Князь, тотчасъ ѣдетъ слѣдомъ и требуетъ безотговорочнаго и безотлагательнаго пропуска. Это приказаніе Великій Князь заключилъ слѣдующими словами: «Quand j'ordonne quelque-chose, j'aime être obéis sur le champ. Dites leurs cela. Allez!» Бѣдный турокъ сконфузился и немедленно полетѣлъ впередъ со своими конвоирами, а мы усѣлись въ вагоны и, по полученіи телеграммы о прослѣдованіи черезъ демаркаціонную линію головныхъ поѣздовъ— тронулись вслѣдъ за ними, уже поздно вечеромъ. Прибыли въ Санъ-Стефано часовъ около 4-хъ утра, при чудномъ лунномъ свѣтѣ. На станціи уже ожидали Великаго Князя: военный министръ Реуфъ-паша, бывшій главнокомандующій Мехмедъ-Али-паша и мѣстное греческое духовенство. Великій Князь сѣлъ на коня и въѣхалъ въ Санъ-Стефано, предшествуемый греческимъ духовенствомъ съ иконами, хоругвями, зажженными свѣчами и хоромъ пѣвчихъ. Бѣдные паши, не имѣвшие верховыхъ лошадей, должны были плестись за Великимъ Княземъ пѣшкомъ. Къ

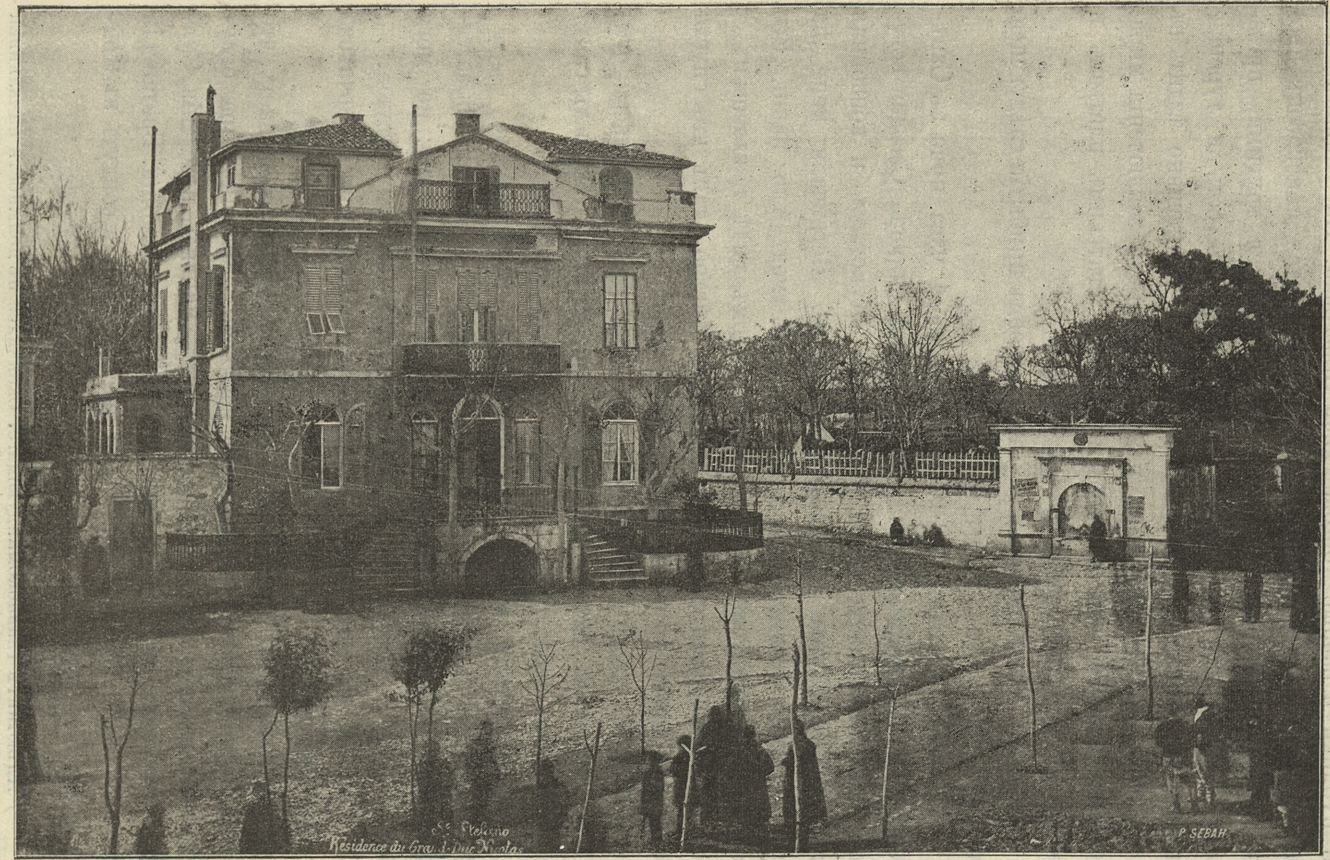
ихъ счастію, приготовленный для Великаго Князя домъ оказался очень недалеко отъ станціи. Домъ великолѣпный, хотя не очень большой, но трехэтажный. Отдѣланъ и меблированъ роскошно: гармоническая смѣсь восточнаго и европейскаго стилей и комфорта. Домъ этотъ принадлежитъ богачу-армянину Дадіани. Въ столовой уже были приготовлены чай и закуска, что было очень кстати. Реуфъ и Мехмедъ-Али паши побыли недолгое время и, откланявшись, уѣхали въ Константинополь: Великій Князь былъ съ ними обаятельно-милъ и привѣтливъ.

Левицкому и мнѣ отвели большую и хорошо меблированную комнату въ нижнемъ этажѣ прекраснаго дома, на набережной Мраморнаго моря, всего въ 2-хъ минутахъ ходьбы отъ дома Великаго Князя. При домѣ—чудный садъ.

Только въ 7 ч. утра 12-го февраля мы могли улечься спать, но уже въ 10 ч. утра встали.

12 февраля.—Еще ночью я любовался, при лунномъ сіяніи, чарующимъ видомъ Мраморнаго моря, а сегодня окончательно осмотрѣлся въ Санъ-Стефано. Чудный городокъ, сильно напоминающій итальянскіе и болѣе всего—Палланцу. Вдали на горизонтѣ синѣетъ малоазіатскій берегъ, и среди Мраморнаго моря выдаются три горы съ бѣлѣющими на нихъ домиками: это Принцевы острова. Константинополь съ набережной не виденъ, но если выйти на мысъ, занятый теперь 16-ю орудіями л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, то сразу открывается восхитительный видъ: весь Царьградъ, Скутари и Босфоръ. Прелесть зрѣлища усугубляется темною зеленью громадныхъ кипарисовъ, лавровъ и миртовъ. Совершенно забываешь, что теперь еще зима.

Всѣ дома Санъ-Стефано принадлежатъ грекамъ, армянамъ, левантинцамъ и отчасти европейцамъ разныхъ націй. Это — дачное мѣсто константинопольцевъ. Большинство домовъ—отельнаго типа, т.-е. въ каждомъ этажѣ центральная зала и изъ нея—двери въ отдѣльныя комнаты. Домъ, гдѣ мы живемъ, трехъ-этажный, и въ каждомъ этажѣ по такой залѣ: вездѣ мебель, есть даже билліардъ и піанино, а въ бель-этажѣ—большой балконъ, откуда чудный видъ на Мраморное море.

Санъ-Стефано.

Домъ Дадіани, въ которомъ жилъ Е. И. В. Главнокомандующій дѣйствующею арміею.

Сегодня съ утра набралась въ Санъ-Стефано масса любопытной публики и разные торговцы изъ Царьграда. На улицахъ—нетолченная труба. У пристани, которая приходится наискосокъ противъ нашей квартиры, одни пароходы смѣняются другими: пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ любопытные. Въ числѣ ихъ есть и турецкіе офицеры, но нашимъ офицерамъ строжайше воспрещено ѣздить въ Константинополь въ военномъ платьѣ, впредь до заключенія мира. Многіе, впрочемъ, уже раздобылись здѣсь статскимъ платьемъ и сегодня отправились смотрѣть Царьградъ.

Великій Князь донесъ Государю о своемъ прибытіи слѣдующею телеграммою:

«Прибылъ сегодня, 12-го февраля, въ 4 часа ночи въ Санъ-Стефано, съ согласія султана, по желѣзной дорогѣ. Сегодня вступаетъ Преображенскій полкъ. Казаки съ Жуковымъ и конвойная рота со мною. Турки очистили намъ мѣсто. Встрѣчали меня на станціи греческое духовенство, Реуфъ и Мехмедъ-Али паши. Все обстоитъ благополучно. Войска въ отличномъ видѣ и здоровьи».

Эта телеграмма дошла необычайно быстро, такъ что спустя нѣсколько часовъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

«Радуюсь твоему благополучному прибытію съ согласія султана и хорошему состоянію здоровья въ войскахъ. Каковъ ты самъ? Отправилъ къ тебѣ письмо сегодня съ Бибиковымъ» [1]).

Великій Князь тотчасъ же отвѣчалъ:

«Благодарю очень за письмо твое отъ 26-го января и за сегодняшнюю телеграмму. Здоровье мое все по прежнему: не могу долго стоять и ходить, но вообще порядочно себя чувствую».

Сегодня же получена слѣдующая телеграмма князя Горчакова отъ 10-го февраля:

«Шуваловъ телеграфируетъ отъ 9-го: Лейардъ сообщаетъ, что 30.000 русскихъ готовы вступить насильно. Условія мира оглушительны: сдача флота, изгнаніе всего мусульманскаго населенія. Султанъ подписать не можетъ, проситъ англійской помощи. Британскій кабинетъ очень встревоженъ. Если русскія войска войдутъ въ Кон-

[1]) Адъютантъ главнокомандующаго. Скончался въ должности начальника 2-й гвард. пѣхотной дивизіи въ 1899 или 1900 г.

стантинополь безъ согласія султана, то британское правительство будетъ вынуждено отозвать своего посла изъ Петербурга и предложить созывъ конференціи. Дерби добавилъ, что создаваемое нами положеніе равносильно разрыву перемирія, но если султанъ согласится, то положеніе измѣнится».

Это извѣщеніе такъ возмутило Великаго Князя, что онъ немедленно телеграфировалъ прямо графу Шувалову въ Лондонъ:

«Канцлеръ сообщилъ мнѣ содержаніе вашей телеграммы отъ 9-го. Сообщеніе Лейарда объ условіяхъ мира тенденціозно-ложное. Я прибылъ въ Санъ-Стефано съ согласія султана».

Вслѣдъ за симъ получены еще двѣ телеграммы князя Горчакова:

1) Отъ 10-го февраля:

«По высочайшему повелѣнію я телеграфировалъ Шувалову: «Мы еще не знаемъ въ точности условій адріанопольскихъ переговоровъ, вслѣдствіе перерыва телеграфнаго сообщенія съ 8-го февраля, но объявляемъ вполнѣ ложнымъ сообщеніе Лейарда, будто мы требуемъ изгнанія изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія. Рѣчь идетъ только о турецкихъ чиновникахъ и войскахъ. Британская эскадра прошла черезъ Дарданеллы, не взирая на протестъ Турціи. Между тѣмъ, въ случаѣ вступленія части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью защиты христіанъ, но безъ согласія султана, британское правительство сочтетъ себя вынужденнымъ отозвать своего посла изъ Петербурга. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Исторія, а быть можетъ и современники, произнесутъ свой приговоръ надъ столь полнымъ отсутствіемъ логики и надъ такимъ презрѣніемъ ко всеобщему миру».

2) Отъ сего 12-го февраля.

«Шуваловъ телеграфируетъ отъ 10-го: «Дерби выразилъ желаніе, чтобы вчерашній меморандумъ остался секретомъ обоихъ кабинетовъ. Декларація насчетъ Дарданеллъ принята къ свѣдѣнію». Я отвѣчалъ, что въ виду важности дѣла уже посланы сообщенія великимъ державамъ».

13 февраля.—Въ 2 ч. 20 м. дня получена телеграмма Государя отъ сего числа, 11 ч. утра (рѣдкая быстрота передачи!):

«Поздравленія твои, телеграммы отъ 12-го получилъ. Благо-

дарю за письмо отъ 31-го января съ полковникомъ Сухотинымъ, пріѣхавшимъ вчера вечеромъ. Всѣ распоряженія твои одобряю. Дошла ли шифрованная моя телеграмма отъ 9-го февраля? Передай моимъ уланамъ поздравленіе мое съ полковымъ праздникомъ и мое спасибо за молодецкую службу».

Великій Князь отвѣчалъ:

«Телеграмму твою отъ 13-го сегодня получилъ. Шифрованную отъ 9-го также получилъ своевременно. Реуфъ-паша былъ у меня сегодня: условился съ нимъ объ отводѣ всѣхъ турецкихъ войскъ съ бывшей демаркаціонной линіи, къ утру четверга 16-го февраля. Тогда Скобелевъ перейдетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ на линію Перенджикіой до Агачи, близъ Чернаго моря. У насъ погода чудная, на берегу моря играетъ музыка и гуляетъ публика, пріѣзжающая изъ Царьграда. Доѣзжалъ сегодня до турецкихъ форпостовъ, гдѣ разговаривалъ съ турецкимъ офицеромъ. Все благополучно.

Въ Санъ-Стефано необычайное оживленіе, вѣрнѣе—непротолкная. Наши офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, пріѣзжіе зѣваки изъ Константинополя, уличные торговцы, пѣвцы и музыканты, международныя дѣвицы легкаго поведенія,—все это съ утра до вечера толпится на улицахъ. Не только греки и армяне, но и сами турки относятся къ нашимъ войскамъ съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ: выражаютъ открытую радость нашему приходу и даже сами спрашиваютъ, когда мы придемъ въ Константинополь? Греки и левантинцы изъ Перы и Галаты заговариваютъ по-французски съ нашими офицерами и дѣлаютъ подчасъ самые наивно-невѣжественные вопросы. Сегодня одинъ весьма элегантный господинъ, за которымъ слѣдовали разряженныя дѣти, остановилъ Сухомлинова на улицѣ вопросомъ: пришелъ ли уже нашъ «одноглазый» полкъ,—и былъ очень разочарованъ, узнавъ, что такого полка нѣтъ. Ему передавали за вѣрное, что полкъ этотъ долженъ придти сегодня, и онъ нарочно привезъ своихъ дѣтей показать имъ эту диковинку.

На турецкихъ дипломатовъ нашъ быстрый переѣздъ въ Санъ-Стефано произвелъ благодѣтельное впечатлѣніе: они стали гораздо сговорчивѣе и уступчивѣе. Посмотримъ, что будетъ дальше.

14 февраля.—Сегодня въ 12 ч. дня получена шифрованная телеграмма Государя, отъ 10 ч. 20 м. (утра или вечера, неизвѣстно) 13-го февраля:

«Прошу тебя не терять изъ вида указаній моихъ въ телеграммѣ третьяго февраля относительно мѣръ охраненія Босфора [1]). Соглашеніе по этому предмету съ турецкимъ правительствомъ тѣмъ желательнѣе, что, вѣроятно, ты затруднился бы вооружить укрѣпленія Босфора нашею артиллеріею соотвѣтствующихъ калибровъ. Притомъ, для надежнаго охраненія Босфора, желательно занять оба его берега».

Такимъ образомъ, неисполнимое требованіе отъ 3-го февраля о занятіи укрѣпленій Босфора съ согласія султана—дополнено теперь еще менѣе исполнимымъ пожеланіемъ занять оба берега и не пропускать англійскую эскадру, для чего и воспользоваться турецкою береговою артиллеріею съ согласія султана. Намекъ на это достаточно ясенъ: *у насъ вѣдь нѣтъ другой артиллеріи, кромѣ полевой, да и той на лицо очень мало!*

Задача немыслимая. Великій Князь очень взволновался этою телеграммою. Цѣлый день онъ видимо обдумывалъ, что отвѣчать, но ни съ кѣмъ на этотъ счетъ не совѣтовался (только высказывался) и наконецъ вечеромъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующую телеграмму:

«Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 13-го числа. Все буду имѣть въ виду, но задача при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма трудная, благодаря близкому сроку конференціи, который, съ тѣхъ поръ что сталъ извѣстенъ туркамъ, оказываетъ вредное вліяніе на наши переговоры съ ними тѣмъ, что они, видимо, нарочно начали затягивать дѣло».

Вечеромъ получена еще слѣдующая телеграмма отъ великаго князя Константина Николаевича, отъ 12 час. сегодня:

«Государь приказываетъ тебѣ передать, что онъ желалъ бы, чтобы гвардейскій экипажъ былъ тобою употребленъ при оборонѣ

[1]) Въ телеграммѣ этой, полученной 4 февр., повелѣно было: «Въ случаѣ попытки англійскихъ судовъ въ сторону Босфора, постараться занять, съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега».

Босфора или сухимъ путемъ, или черезъ Одессу моремъ, если оно свободно отъ непріятеля».

Эта телеграмма интересна лишь какъ подтвержденіе, до чего крѣпко засѣла мысль о возможности заградить англійскому флоту доступъ въ Босфоръ, несмотря *на полное отсутствіе у насъ какъ флота, такъ и артиллеріи большого калибра,* единственно способной бороться съ англійскою судовою артиллеріею. Просто непостижимо, откуда могла явиться и созрѣть подобная мысль. Великій Князь предполагаетъ, что она внушена Государю, конечно черезъ военнаго министра, Обручевымъ, такъ какъ только въ его горячей головѣ могъ родиться столь фантастическій планъ. Въ подтвержденіе своего предположенія, Великій Князь вспоминалъ о запискѣ Обручева, поданной имъ въ 1876 г., осенью, когда Государь былъ въ Ливадіи: въ запискѣ этой доказывалось, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можно пройти отъ Дуная до Константинополя.

Эту собственноручную записку Обручева, вмѣстѣ съ другою его же запискою, составленною 23-го марта 1877 г., Великій Князь мнѣ передалъ впослѣдствіи. (См. приложенія).

Съ перваго же дня прибытія въ Санъ-Стефано я засѣлъ за пересоставленіе и дополненіе отчета Государю, начатаго еще въ Адріанополѣ. Вчера вечеромъ читалъ его Великому Князю, ночью переписывалъ, а сегодня Великій Князь его подписалъ и отправилъ (на пароходѣ въ Одессу) со своимъ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикомъ Скарятинымъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ сынъ графа П. А. Шувалова, молодой графъ П. П. Шуваловъ, только въ прошломъ году произведенный въ офицеры въ 24-ю артиллерійскую бригаду и состоявшій во все время войны ординарцемъ при отцѣ.

Привожу теперь полный текстъ отчета Великаго Князя:

«Съ 1-го февраля, когда я отправилъ послѣдній отчетъ мой Вашему Величеству, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Политическія затрудненія, возвѣщенныя мнѣ Вашимъ Величествомъ, побудили меня принять немедленныя мѣры къ усиленію готовности возобновить военныя дѣйствія...

«Еще 1 февраля, получивъ повелѣніе Вашего Величества за-

нять Константинополь въ случаѣ вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы, я приказалъ:

«Гренадерскій корпусъ приблизить: 3-ю гренад. дивизію изъ Херманли и окрестностей въ Демотику и Узунъ-Кепри; 2-ю гренад. дивизію изъ Демотики—на мѣсто 3-й пѣх. дивизіи: въ Эносъ, Шаркіой и Уршу.

«3-ю пѣх. дивизію передвинуть въ окрестности Родосто, чтобы ген.-адъют. Гурко имѣлъ ее подъ рукой.

«4-го февраля, по окончательномъ разъяснении видовъ Вашего Величества, я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія какъ для подготовки мирнаго вступленія въ Константинополь, въ случаѣ согласія на то султана, такъ и для занятія его силою, въ случаѣ отказа впустить насъ туда добровольно. При этомъ я объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что, въ виду переполненія Константинополя войсками и бѣжавшимъ мусульманскимъ населеніемъ, я не желаю стѣснять правительство султана и беру на себя сдѣлать ему снисхожденіе: въ самый Константинополь не вступлю, а ограничусь занятіемъ его предмѣстья Санъ-Стефано.

«Распоряженія мои были слѣдующія:

«1) Правой колоннѣ: ген.-адъютанту Гурко сосредоточить немедленно весь гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ ген.-адъют. графа Шувалова, къ Беюкъ-Чекмедже, причемъ однако, въ виду крайняго затрудненія въ фуражномъ довольствіи и малой надобности въ кавалеріи по свойствамъ мѣстности, я предоставилъ генералъ-адъютанту Гурко самому назначить: какую часть онъ признаетъ двинуть впередъ, какую оставить въ Родосто. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предупредилъ его, что въ случаѣ согласія Султана на наше вступленіе въ Санъ-Стефано, я назначаю для этого слѣдующія части войскъ: Собственный Вашего Величества конвой, сводный гвардейскій отрядъ конвоя Вашего Величества, 1-ю бригаду 1-й гвард. пѣх. дивизіи съ четырьмя батареями, гвардейскую стрѣлковую бригаду, л.-гв. Уланскій и л.-гв. Казачій Вашего Величества полки, л.-гв. Донскую Наслѣдника Цесаревича батарею, Мой конвойный баталіонъ, 4-ю стрѣлковую бригаду и Уральскую казачью сотню.

«2) Средней колоннѣ ген.-лейт. Скобелева 2-го быть готовой къ наступленію на Царьградъ по первому приказанію.

«3) Лѣвой колоннѣ генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго выдвинуться на линію Сарай-Виза, занять Мидію и, въ виду непроходимыхъ дорогъ по берегу Чернаго моря, наступать отъ Визы черезъ Черкескіой на Чаталджу, а оттуда далѣе—смотря по обстоятельствамъ.

«4) Резерву арміи, гренадерскому корпусу, двинуться: 3-й гренад. дивизіи не на Демотику, а на Чорлу и Чаталджу, гдѣ остановиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ моихъ приказаній; 2-й гренад. дивизіи, какъ сказано, итти на Шаркіой, Уршу и Эносъ и служить заслономъ къ сторонѣ Галлиполи.

«5) Прочія войска—безъ измѣненія, такъ какъ изъ Адріанополя, Казанлыка, Филиппополя и Софіи нельзя тронуть ни одного солдата. Для усиленія же войскъ, направленныхъ на Константинополь, я приказалъ двинуть немедленно, черезъ Балканы на Адріанополь, 2-ю пѣхотную дивизію и ускорить по возможности движеніе изъ Софіи 2-й бригады 1-й гвард. пѣх. дивизіи на присоединеніе къ гвардейскому корпусу.

«Отвѣтъ на мое предложеніе относительно Санъ-Стефано обѣщанъ былъ 8-го февраля вечеромъ, причемъ турецкіе уполномоченные дали понять, что почти увѣрены въ томъ, что султанъ пригласитъ насъ съ полною готовностью самъ.

«Но однако отвѣта къ условленному сроку не было: турки, очевидно, медлили умышленно. Въ виду этого, я 9-го февраля призвалъ къ себѣ Савфета-пашу и рѣшительно объявилъ ему, что если къ 6 часамъ утра 11-го февраля я не получу приглашенія или согласія султана вступить въ Санъ-Стефано, то вступлю туда самъ и займу при этомъ всѣ тѣ пункты, какіе найду нужнымъ. Стрѣлять первый не буду, но еслибы турки вздумали воспротивиться моему вступленію, то не задумаюсь настоять на своемъ насильно. Выѣзжаю изъ Адріанополя во всякомъ случаѣ въ 6 ч. утра 11-го февраля, а затѣмъ, когда доѣду до Чаталджи, то слѣдую далѣе въ Санъ-Стефано, смотря по обстоятельствамъ, какъ другъ или какъ врагъ, но иду туда непремѣнно. Его, Савфета, и всю его свиту беру съ собою. Что же касается до войскъ, то сосредоточиваю ихъ къ демаркаціонной линіи немедленно, съ тѣмъ, чтобы въ 6 час. утра 11-го февраля они ее во всякомъ случаѣ перешли.

«Савфетъ-паша принялъ мое заявленіе къ свѣдѣнію, повторилъ, что не сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ султана, и завѣрилъ меня, что къ назначенному сроку отвѣтъ непремѣнно будетъ. Дѣйствительно, въ ночь съ 10-го на 11-е февраля онъ получилъ и 11-го утромъ, уже въ вагонѣ, сообщилъ мнѣ, что султанъ согласенъ на вступленіе мое въ Санъ-Стефано, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ съ собою не 10.000, а 1.500 чел. войскъ и размѣстилъ ихъ въ трехъ пунктахъ: въ Санъ-Стефано, въ Кучукъ-Чекмедже и Буюкъ-Чекмедже. На это я возразилъ, что мнѣ, какъ побѣдителю, не приходится принимать такія условія, и разъ что турки позволяютъ себѣ указывать мнѣ—объявляю, что въ отвѣтъ на это я проведу за демаркаціонную линію уже не 10.000 человѣкъ, а столько, сколько найду нужнымъ; при этомъ требую, чтобы всѣ тѣ пункты, которые будутъ мною избраны для расположенія нашихъ войскъ, были очищаемы турецкими войсками немедленно по приближеніи нашихъ. А въ доказательство того, что я все-таки вступаю въ константинопольскія предмѣстья безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній — прикажу объявить по войскамъ, чтобы никто не смѣлъ переступать, подъ страхомъ смертной казни, ту черту, которую я назначу. Турецкимъ же войскамъ предоставляю вполнѣ свободно отходить и увозить, не торопясь, все свое имущество; а турецкимъ подданнымъ—полную свободу передвиженій какъ въ предѣлахъ занимаемаго мною раіона, такъ и изъ него въ Константинополь и обратно.

«Савфетъ-паша съ покорностью принялъ мое заявленіе.

«Прибывъ около 6-ти час. вечера 11-го февраля въ Чаталджу, я нашелъ тамъ всю среднюю колонну Скобелева 2-го въ полной готовности, произвелъ ей смотръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узналъ, что два головные поѣзда, отправленные 20-го февраля впередъ, съ собственнымъ Вашего Величества конвоемъ и сводно-гвардейскою конвойною Вашего Величества ротою, были задержаны турками на демаркаціонной линіи. Чтобы устранить всякія дальнѣйшія недоразумѣнія, я послалъ впередъ, на дежурномъ локомотивѣ, турецкаго полковника Таиръ-бея (находившагося уже нѣсколько дней при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, къ которому онъ былъ присланъ Мухтаромъ-пашой), въ сопровожденіи двухъ нашихъ офицеровъ, объявить туркамъ, что я не привыкъ къ неисполненію моихъ приказаній,

настаиваю на немедленномъ исполненіи, ѣду вслѣдъ за ними и требую безпрепятственнаго пропуска. Колоннѣ Скобелева я приказалъ оставаться на мѣстѣ впредь до особаго приказанія.

«Все уладилось благополучно, и около 4-хъ часовъ утра 12-го февраля я прибылъ въ Санъ-Стефано, гдѣ былъ встрѣченъ съ величайшею предупредительностью и вниманіемъ турецкимъ военнымъ министромъ Реуфомъ-пашой и бывшимъ главнокомандующимъ Мехмедомъ-Али-пашой, а также греческимъ духовенствомъ, которое вышло съ хоругвями и свѣчами. При этомъ я въѣхалъ въ мѣстечко верхомъ, предшествуемый духовенствомъ съ иконами, хоругвями и зажженными свѣчами; турецкіе же паши, не имѣя лошадей, поневолѣ шли за мной пѣшкомъ. Конвой мой, отправленный, какъ сказано выше, впередъ, былъ задержанъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, чтобы пропустить мой поѣздъ, такъ что я прибылъ въ Санъ-Стефано только въ сопровожденіи моей свиты, при собственномъ Вашего Величества конвоѣ и одной ротѣ конвойнаго баталіона.

«Между тѣмъ, головныя войска гвардейскаго корпуса, назначенныя мною для перехода демаркаціонной линіи, заняли 11-го февраля Кучукъ-Чекмедже, а 12-го вступили въ Санъ-Стефано.

«Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, выступивъ, какъ было назначено, въ 6 час. утра, прошелъ безпрепятственно Каликратъ и Беюкъ-Чекмедже и встрѣтилъ ординарца генералъ-адъютанта Гурко, возившаго письмо сего послѣдняго къ Мухтару-пашѣ. Офицеръ этотъ доложилъ графу, что Мухтаръ принялъ его довольно сухо и выразилъ удивленіе, что русскіе подвигаются такъ быстро, что даже не даютъ ему времени спокойно отойти. Въ виду этого извѣстія, ген.-адъют. графъ Шуваловъ, чтобы предупредить всякія непріятныя недоразумѣнія, послалъ къ Мухтару-пашѣ свиты Вашего Величества генералъ-маіора Скалона и генеральнаго штаба подполковника Скугаревскаго, съ приказаніемъ заявить ему, что онъ, графъ Шуваловъ, имѣетъ предписаніе занять сегодня же Кучукъ-Чекмедже, Галатарію, Фурію и С.-Стефано, и долженъ исполнить это во что бы то ни стало и не взирая ни на что, о чемъ и считаетъ долгомъ предупредить Мухтара-пашу. Но въ виду тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряженъ вывозъ артиллеріи и прочихъ военныхъ тяжестей, графъ Шуваловъ взялъ на себя предложить туркамъ: оставить все это на

мѣстѣ, подъ охраною турецкихъ часовыхъ, и вывезти потомъ помаленьку, ручаясь за полную сохранность турецкаго имущества.

«Г.-м. Скалонъ, при проѣздѣ черезъ Кучукъ-Чекмеджейскій мостъ, былъ встрѣченъ какимъ-то арабомъ, который спросилъ его, въ чемъ дѣло, попросилъ слѣдовать за собой и провелъ, но однако не къ Мухтару, а къ дивизіонному генералу Осману-пашѣ. Паша этотъ принялъ Скалона чрезвычайно любезно, но, видимо, старался оттянуть время, задерживая его любезными приглашеніями отдохнуть, выпить кофе и т. д. Впрочемъ, когда Скалонъ рѣшительно объявилъ, что долженъ видѣть Мухтара немедленно, Османъ-паша приказалъ проводить его къ нему. Оказалось, однако, что Мухтаръ уѣхалъ въ Константинополь, такъ что Скалонъ вынужденъ былъ вернуться и вступить въ переговоры съ Османомъ, какъ старшимъ. Османъ, выслушавъ предъявленное ему требованіе, попросилъ Скалона дать его письменно. Только-что онъ кончилъ писать, какъ пришло извѣстіе о прибытіи самого военнаго министра Реуфа-паши, чему Османъ, видимо, очень обрадовался. Скалонъ тотчасъ же поѣхалъ на встрѣчу турецкому сановнику, представился и передалъ все, что было приказано. Реуфъ-паша принялъ его чрезвычайно привѣтливо, и не только ничего не возражалъ, но даже выразилъ пріятное удивленіе, когда услышалъ, что все турецкое военное имущество можетъ быть спокойно вывезено. Онъ просилъ только, не можетъ ли графъ Шуваловъ повременить до утра, выѣхавъ съ вечера лишь лично съ конвоемъ. Скалонъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего не приказано, и что паша можетъ лично переговорить объ этомъ съ графомъ Шуваловымъ, причемъ, вѣроятно, убѣдится, что русскіе вступаютъ не врагами, а друзьями. Реуфъ-паша любезно отвѣчалъ, что въ этомъ увѣренъ, и что желалъ бы упроченія этой дружбы навсегда. Послѣ этого Скалонъ поѣхалъ обратно къ графу Шувалову. Послѣдній, выслушавъ его, приказалъ войскамъ продолжать слѣдованіе, а самъ со своимъ штабомъ и конвоемъ поскакалъ впередъ для личнаго свиданія съ Реуфомъ-пашой. Доѣхавъ до С.-Стефано, онъ встрѣтилъ Мехмеда-Али-пашу, который былъ чрезвычайно привѣтливъ и, между прочимъ, сказалъ ему: «Мы уже въ продолженіе двухъ дней приготовляемся встрѣтить русскихъ, и я буду счастливъ видѣть Е. И. В-во». Въ это время подъѣхалъ

и Реуфъ, который отнесся къ графу Шувалову съ величайшею предупредительностью и любезностью, пригласилъ его обѣдать, велѣлъ приготовить для него поѣздъ для обратнаго переѣзда въ Кучукъ-Чекмедже и въ разговорѣ замѣтилъ, что онъ приготовилъ бы все необходимое для нашихъ войскъ (фуражъ, сѣно, дрова и проч.), еслибъ ему дали два дня времени. Предупредилъ, что во всемъ этомъ будетъ на первое время большой недостатокъ, но что онъ немедленно сдѣлаетъ все возможное, чтобы войска поскорѣе имѣли все необходимое. Затѣмъ онъ условился съ графомъ Шуваловымъ, во избѣжаніе безпорядка и недоразумѣній, учредить смѣшанную коммиссію для расквартированія и для удовлетворенія всѣхъ нуждъ войскъ, а графъ Шуваловъ рѣшилъ: въ виду наступившей темноты, не вводить войскъ въ С.-Стефано до разсвѣта. Вообще, весь разговоръ турецкихъ властей съ графомъ Шуваловымъ имѣлъ самый дружелюбный характеръ. Бригадный генералъ Османъ-паша (былъ у насъ въ учебномъ баталіонѣ) былъ назначенъ Реуфомъ-пашой въ распоряженіе графа Шувалова. Считаю долгомъ доложить Вашему Величеству, что паша этотъ, видимо, вынесъ самыя лучшія воспоминанія о времени своего пребыванія у насъ, ибо относится и къ нашимъ войскамъ, и ко всѣмъ нашимъ требованіямъ — не только съ величайшимъ вниманіемъ и предупредительностью, но и съ искреннимъ дружелюбіемъ.

«Затѣмъ, графъ Шуваловъ простился съ пашами. Реуфъ и Мехмедъ-Али остались на станціи встрѣчать меня, а графъ Шуваловъ поѣхалъ на приготовленномъ для него поѣздѣ въ Кучукъ-Чекмедже и приказалъ: 1-й бригадѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи съ артиллеріею расположиться тамъ на ночлегъ, а гвардейской стрѣлковой бригадѣ, л.-гв. саперному баталіону, л.-гв. Уланскому полку и л.-гв. донской батареѣ—выдвинуться къ Галатаріи.

«12-го февраля весь гвардейскій отрядъ вступилъ въ Санъ-Стефано, представился мнѣ на смотръ и затѣмъ размѣщенъ по квартирамъ слѣдующимъ образомъ:

«Собственный Вашего Величества конвой, сводно-гвардейскій Вашего Величества конвой, л.-гв. Преображенскій полкъ, 1 — 4 батареи л.-гв. 1-й арт. бригады, мой конвойный баталіонъ и л.-гв. казачій Вашего Величества полкъ—въ С.-Стефано.

«Л.-гв. Семеновскій полкъ, 5 и 6 батареи л.-гв. 1-й арт. бригады—въ Галатаріи.

«Гвард. стрѣлковая бригада: два баталіона—на аванпостахъ по дорогѣ изъ С.-Стефано въ Константинополь; остальные два баталіона—въ Фуріи.

«Л.-гв. Уланскій полкъ и л.-гв. донская батарея—въ Нефасѣ.

«4-я стрѣлковая бригада—Салфакіой.

«Уральская казачья сотня еще въ слѣдованіи.

«2-я гв. пѣх. дивизія — Кучукъ-Чекмедже.

«3-я гв. пѣх. дивизія—Буюкъ-Чекмедже и Каликратъ.

«3-я пѣх. дивизія въ слѣдованіи къ Родосто.

«Прочія войска—безъ измѣненія.

«Съ каждымъ днемъ сюда набирается все большая масса любопытныхъ изъ Константинополя: тамъ убѣждены, что мы скоро туда вступимъ. Какъ курьезъ, сообщаю, что греческій костюмированный балъ отложенъ до вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь».

15 февраля.—Сегодня въ $9^1/_2$ час. утра получена телеграмма Государя отъ 9 ч. 50 м. вчерашняго утра:

«Игнатьеву приказалъ объявить туркамъ, что мы никакой конференціи не примемъ, пока не будутъ подписаны мирныя предложенія».

Вчера прибылъ командированный по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе Великаго Князя вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Поповъ. Его роль—быть консультантомъ Великаго Князя по морской части. Но самаго главнаго, флота,—у насъ нѣтъ!

Вчера вечеромъ былъ у одного изъ нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, М. А. Хитрово. У него сидѣлъ военный представитель Сербіи, полковникъ Катаржи, дядя княгини Наталіи. Страшно раздраженъ противъ гр. Игнатьева и говоритъ объ немъ съ нескрываемымъ озлобленіемъ. По его словамъ, гр. Игнатьевъ, проѣздомъ черезъ Бухарестъ, кровно оскорбилъ румынъ, а здѣсь—обидѣлъ и сербовъ. Первые уже сдѣлались, а вторые могутъ сдѣлаться нашими врагами и только благодаря пренебрежительному отношенію гр. Игнатьева къ интересамъ и въ особенности къ самолюбію обоихъ маленькихъ государствъ. У него съ ними нѣтъ серьезнаго

разговора, а одно глумленіе и издѣвательство. Точно также онъ оскорбляетъ и турецкихъ уполномоченныхъ, вслѣдствіе чего и переговоры о мирѣ идутъ такъ медленно и трудно. Впрочемъ, самое назначеніе гр. Игнатьева для веденія переговоровъ уже есть оскорбленіе для турокъ, такъ какъ они глубоко убѣждены, что именно онъ и никто другой довелъ дѣло до войны, которой они вовсе не желали. Турки не вѣрятъ гр. Игнатьеву ни въ одномъ словѣ и постоянно опасаются какого-либо подвоха съ его стороны. И если теперь они готовы броситься въ объятія англичанъ, которымъ тоже не вѣрятъ и которыхъ боятся—то и это надо поставить на счетъ гр. Игнатьева. Если бы веденіе переговоровъ было возложено на Нелидова — они были бы уже кончены.

Рѣзкость мнѣнія Катаржи безъ сомнѣнія вызвана какимъ-либо личнымъ его столкновеніемъ съ гр. Игнатьевымъ или рѣшительнымъ отклоненіемъ какого-либо сербскаго домогательства. По всей вѣроятности, гр. Игнатьевъ облекъ свой отказъ въ обидную для народнаго самолюбія форму. Предполагаю это потому, что по его же собственнымъ словамъ онъ въ Бухарестѣ сказалъ Братіано, въ отвѣтъ на его протестъ противъ предположеннаго возвращенія намъ клочка Бессарабіи, отторгнутаго послѣ Крымской войны: «не захотите отдать, такъ мы сами возьмемъ».

16 февраля.—Сегодня Катаржи, при встрѣчѣ со мною, высказался еще откровеннѣе. По его словамъ, сербы начали войну 1876 г. только по наущенію гр. Игнатьева, увѣрявшаго ихъ, что Россія немедленно двинется на поддержку. Когда было получено оффиціальное заявленіе Государя, что онъ войны не желаетъ—Сербія обратилась къ гр. Игнатьеву за разъясненіемъ этого противорѣчія. Онъ будто бы отвѣтилъ: «какъ же вы хотите, чтобъ Государь вамъ прямо высказалъ свое тайное желаніе? Разумѣется онъ этого не можетъ. А я вамъ повторяю: какъ только объявите войну,—Россія за вами вслѣдъ».

Въ этой увѣренности сербы и объявили войну. На вопросы, скоро-ли вступится Россія, Игнатьевъ неизмѣнно отвѣчалъ: «потерпите, продержитесь еще мѣсяцъ — другой». Такъ оно и шло до Алексинацкаго и Дьюнишскаго погрома.

Въ маѣ 1877 г. пріѣзжалъ въ Плоэшти Князь Миланъ, просилъ Государя разрѣшить сербскимъ войскамъ присоединиться къ нашимъ, чтобъ смыть позоръ прошлогоднихъ пораженій. Кооперація была рѣшительно отклонена. Но послѣ Плевнинскихъ неудачъ сама Россія предложила Сербіи принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сербское правительство изъявило полную готовность, но просило денежную субсидію. Деньги были посланы съ княземъ Церетелевымъ. Послѣ 3—4-хъ дневнаго пребыванія въ Бѣлградѣ, князь Церетелевъ нашелъ, что сербское министерство не соотвѣтствуетъ своему назначенію и предложилъ Князю Милану его распустить. Это требованіе вызвало большое раздраженіе и взаимные перекоры. Князь Церетелевъ уѣхалъ и доложилъ гр. Игнатьеву, а послѣдній Государю — что съ теперешнимъ сербскимъ министерствомъ невозможно вести дѣло. Это заявленіе было принято на вѣру и Великій Князь, — оговорившись, что очень цѣнитъ и уважаетъ Милана и его, Катаржи — не хотѣлъ и слушать никакихъ оправданій послѣдняго.

Наконецъ кооперація кое-какъ устроилась. Сербскія дѣла пошли очень удачно. Заключено перемиріе. Въ самомъ началѣ переговоровъ, гр. Игнатьевъ объявилъ Катаржи, что турки и слышать не хотятъ о какомъ-либо увеличеніи территоріи Сербіи, такъ какъ она себя «очень дурно вела» относительно Турціи. Ошеломленный Катаржи спросилъ, какое же значеніе можетъ имѣть подобное мнѣніе турокъ для постановки условій мира? Гр. Игнатьевъ отвѣчалъ: «сами виноваты: зачѣмъ такъ поторопились начать войну въ 1876 году?» — Да вѣдь Вы же насъ побудили ее начать. — «Нѣтъ, позвольте, вамъ Государь тогда велѣлъ подождать, а вы не послушались». — Да не вы ли говорили тогда, что это только для виду? — «Я! никогда я этого не говорилъ!»

Черезъ 2—3 дня — новый разговоръ. Гр. Игнатьевъ говоритъ Катаржи, что онъ «выхлопоталъ» для Сербіи исправленіе границы. Катаржи высказалъ свое удивленіе и огорченіе ничтожеству этого исправленія, совершенно не отвѣчающему сербскимъ надеждамъ и въ особенности обидному по сравненію съ крупными уступками Черногоріи. На это гр. Игнатьевъ возразилъ: «Черногорія — дѣло другое! Она три года подрядъ воевала, а вы что? Въ 1876 г. были

разбиты въ пухъ и прахъ, а теперь воевали какихъ-нибудь два мѣсяца, почти не имѣя противъ себя непріятеля». Глубоко оскорбленный Катаржи замолчалъ.

Оставляю это сообщеніе вполнѣ на его отвѣтственности: я только записалъ все имъ сказанное почти буквально.

Сегодня поздно вечеромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. пополудни нынѣшняго же дня:

«Запоздалыя телеграммы твои отъ 8, 9 и 10-го дошли до меня только сегодня. Изъ Лондона весьма неудовлетворительно: весьма желательно ускорить заключеніемъ мира».

На эту телеграмму Великій Князь немедленно отвѣчалъ (телеграмма эта помѣчена 17 февраля, ибо отправлена уже послѣ полуночи):

«Тороплю, сколько могу, наши переговоры. Здѣсь про Лондонъ ничего не слыхать. Правда ли, что отъ другихъ тоже неудовлетворительно?»

17 февраля.—Вчера турки опять заупрямились и прервали переговоры. Графъ Игнатьевъ, съ цѣлью ихъ устрашить, придумалъ и присовѣтовалъ Великому Князю произвести сегодня демонстрацію наступленія на Константинополь. Великій Князь охотно согласился, и вотъ какъ демонстрація эта состоялась:

Около 10 ч. утра построились впереди Санъ-Стефано, правымъ флангомъ къ Мраморному морю и фронтомъ къ Константинополю: л.-гв. Преображенскій и Семеновскій полки, гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный баталіонъ, сводный конвойный баталіонъ, собственный Его Величества конвой, л.-гв. казачій Его Величества полкъ и вся наличная артиллерія. Великій Князь объѣхалъ войска и затѣмъ приказалъ музыкѣ играть, а пѣсенникамъ—пѣть. Нижнимъ чинамъ было дано «вольно» и разрѣшено бѣжать вразсыпную впередъ, «смотрѣть Константинополь», хотя онъ и съ мѣста былъ виденъ, какъ на ладони. Въ скорости пріѣхалъ отъ графа Игнатьева князь Церетелевъ и что-то доложилъ Великому Князю. Войскамъ приказано было стать смирно въ ружье, а затѣмъ, по командѣ Великаго Князя, вся линія двинулась, съ музыкой, впередъ. Когда прошли шаговъ двѣсти—триста, было скомандовано: «стой!»

Великій Князь выѣхалъ передъ середину, поблагодарилъ и распустилъ войска.

Къ моему величайшему удивленію, эта невиннѣйшая демонстрація произвела желаемое впечатлѣніе: турецкіе уполномоченные одумались и возобновили переговоры. Графъ Игнатьевъ съ увѣренностью разсчитываетъ заставить турокъ подписать мирный договоръ непремѣнно 19-го февраля, въ день восшествія Государя на престолъ.

Отъ Государя получена необыкновенно запоздалая телеграмма, поданная въ Петербургѣ въ $8^1/_2$ ч. вечера 10-го (!) февраля:

«Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій: сегодня только получилъ шифрованныя телеграммы твои отъ 8-го и 9-го февраля. Дошли ли до тебя мои шифрованныя телеграммы отъ 6-го февраля и отвѣтъ мой султану отъ 7-го числа? Еще разъ прошу тебя положительно отвѣчать на мои вопросы и заявлять о полученіи всѣхъ моихъ телеграммъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшнюю телеграмму шифрованную отъ князя Горчакова. Никакого посланца отъ султана не намѣренъ принимать до заключенія мирныхъ переговоровъ».

Что отвѣчалъ Великій Князь—не знаю. Государева телеграмма отъ 6 февраля повелѣвала ускорить занятіе Санъ-Стефано и приготовиться вступить туда даже силою, въ случаѣ отказа султана насъ впустить. Эта телеграмма была получена 9-го февраля, въ одинъ день съ телеграммою князя Горчакова отъ 7-го, въ которой сообщалась просьба султана повременить вступленіемъ въ Санъ-Стефано и отказъ Государя на эту оттяжку. Великій Князь немедленно, 9-го же февраля, послалъ Государю три отвѣтныхъ телеграммы, но, конечно, онѣ 10-го дойти не успѣли.

18 февраля.—Положеніе крайне натянутое. Турки опять грозятъ прервать переговоры. Обезпокоенный Великій Князь послалъ въ 11 ч. утра слѣдующую шифрованную телеграмму Государю:

«Переговоры затягиваются, вслѣдствіе наущеній Лейарда, который пишетъ притомъ своему правительству разные вымыслы на нашъ счетъ, въ чемъ его поддерживаютъ Зичи и Фурнье [1]). Глав-

[1]) Послы австро-венгерскій и французскій.

ныя затрудненія для турокъ—новая граница Кавказа, въ особенности Саганлугъ и Баязетъ и денежное вознагражденіе».

Весь день прошелъ въ смутной тревогѣ. По озабоченнымъ лицамъ Великаго Князя и Непокойчицкаго видно было, что мирные переговоры висятъ на волоскѣ, который ежеминутно можетъ оборваться. Вечеромъ Великій Князь лично бесѣдовалъ съ турецкими уполномоченными. Какъ и о чемъ—не знаю, но 19-го февраля, утромъ, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Вечеромъ крупно поговорилъ съ уполномоченными, дѣло пошло хорошо на ладъ».

19 февраля.—Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 20 м. вчерашняго же дня, слѣдующаго содержанія:

«Сейчасъ съ панихиды [1]) въ крѣпости: чувствовалъ, что ты мысленно съ нами. Шифрованная телеграмма твоя отъ 8-го февраля дошла до меня только вчера. Столь непростительная неисправность требуетъ строгаго изслѣдованія. Флигель-адъютанту Чингису дѣлаю строгій выговоръ за безпорядокъ. Телеграмму твою отъ 16-го получилъ только вчера, а отъ 17-го—сегодня. Горчакову приказалъ сообщить тебѣ все, что есть вѣрнаго. Завтра ожидаю курьера изъ Лондона и Вѣны».

Бѣдный Чингисханъ получилъ Высочайшій выговоръ вмѣсто дѣйствительнаго начальника полевого телеграфа Штадя только потому, что Государю извѣстно его участіе въ пріемѣ и передачѣ депешъ. Чингисханъ—просто телеграфный спортсменъ и состоитъ при Штадѣ совершенно добровольнымъ помощникомъ, но къ дѣлу устройства и управленія полевымъ телеграфомъ совершенно непричастенъ и за его неисправность неотвѣтственъ. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось подпасть подъ царскій гнѣвъ. На словахъ Великій Князь оправдалъ бы его, но въ телеграммѣ—не рѣшился доложить Государю, что онъ объявилъ выговоръ не по надлежащему адресу. Отвѣтная телеграмма Великаго Князя отъ 10 ч. сегодняшняго утра была слѣдующая:

«Искренно благодарю за вчерашнюю депешу. Поздравляю съ сегодняшнимъ великимъ праздникомъ. Да хранитъ тебя Богъ для

[1] 18-го февраля—день кончины императора Николая I.

славы матушки-Россіи. Сегодня дѣлаю парадъ гвардіи и молебенъ. Да благословитъ Господь обрадовать тебя сегодня чѣмъ-нибудь хорошимъ. О медленности передачи телеграммъ дѣлаю изслѣдованіе».

Сегодняшній день былъ напряженно-утомительный. Утромъ была торжественная обѣдня и затѣмъ молебенъ въ греческомъ соборѣ. Съ 1 часу до $5^1/_2$ томились ожиданіемъ объявленія мира. Все было покончено уже ко вчерашнему вечеру, и на сегодня осталась только одна переписка мирнаго договора, но она-то и затянулась, тѣмъ болѣе, что подъ конецъ сдѣлали кляксъ, и пришлось вновь переписывать цѣлый листъ. Мы, т.-е. свита Великаго Князя, ожидали сперва у него въ пріемной, а затѣмъ верхомъ. Парадъ былъ назначенъ въ 2 ч., потому что наканунѣ разсчитывали переписать и подписать мирный договоръ не позже какъ къ 12 ч., а на самомъ дѣлѣ войскамъ пришлось дожидаться до $5^1/_2$. Великій Князь разъ пятнадцать посылалъ взадъ и впередъ состоявшаго при турецкихъ уполномоченныхъ адъютанта своего, полковника Орлова, съ приказаніемъ поторопиться. Наконецъ, въ $5^1/_4$ час. дня, Орловъ прискакалъ послѣдній разъ и доложилъ, что все готово. Тогда сѣлъ верхомъ и Великій Князь, мы выѣхали изъ Санъ-Стефано и остановились въ полѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ войскъ, въ ожиданіи пріѣзда графа Игнатьева. Тутъ же ожидала въ коляскѣ его супруга (вчера пріѣхавшая) и необозримая масса публики, наѣхавшей изъ Константинополя. Войска были выстроены фронтомъ къ Константинополю. День былъ сѣренькій, вѣтреный, но теплый.

Ровно въ $5^1/_2$ подъѣхалъ въ коляскѣ графъ Игнатьевъ и снявъ фуражку, сказалъ: «Поздравляю В. И. В. Миръ подписанъ». Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ его, затѣмъ крѣпко обнялся съ Непокойчицкимъ и поскакалъ къ войскамъ. Объѣхавъ войска и задушевно поздоровавшись, выѣхалъ передъ середину (гдѣ уже стоялъ походный аналой, священникъ и пѣвчіе) и вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Выждавъ, когда всѣ собрались, громкимъ голосомъ сказалъ:

«Поздравляю васъ, господа, и васъ, молодцы-ребята, съ славнымъ миромъ! Именемъ Государя благодарю васъ всѣхъ за доблестную службу, которую вы сослужили нашей матушкѣ-Россіи. Вы доказали, что если царь нашъ прикажетъ, то вы и невозможное сдѣлаете! Спасибо вамъ, орлы! ура!»

Отвѣтомъ было безконечное «ура» съ бросаньемъ шапокъ вверхъ и торжественные звуки «Боже, Царя храни!». Великій Князь поблагодарилъ еще разъ начальниковъ и всѣхъ офицеровъ.

Затѣмъ начался благодарственный молебенъ, подобнаго которому не было со дня взятія Парижа въ 1814 году. Царьградъ— весь какъ на ладони, озаренный послѣдними блѣдными лучами за-

Главнокомандующій, Е. И. В. Великій Князь
Николай Николаевичъ Старшій.
(Портретъ 1878 г.).

ходящаго солнца, окутаннаго таинственною дымкою облаковъ.

По окончаніи молебна—парадъ, единственный въ своемъ родѣ. Насколько скучны и надоѣдливы мирные парады, черезчуръ частые, настолько же былъ величественъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, торжественный парадъ. Надо было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ, съ какимъ гордымъ сознаніемъ своей несокруши-

мости, проходили мимо своего вождя эти войска, прославившіяся цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ, и съ какимъ почтительнымъ благоговѣніемъ смотрѣла на нихъ многотысячная толпа, собравшаяся изъ Царьграда и окрестностей. Кстати: весь л.-гв. Уланскій полкъ былъ вооруженъ длинными бамбуковыми пиками, отбитыми у турокъ и подаренными Великимъ Княземъ своему любимому шефскому полку.

Е. И. В. Великій Князь
Николай Николаевичъ Старшій.
(Портретъ 1876 г.).

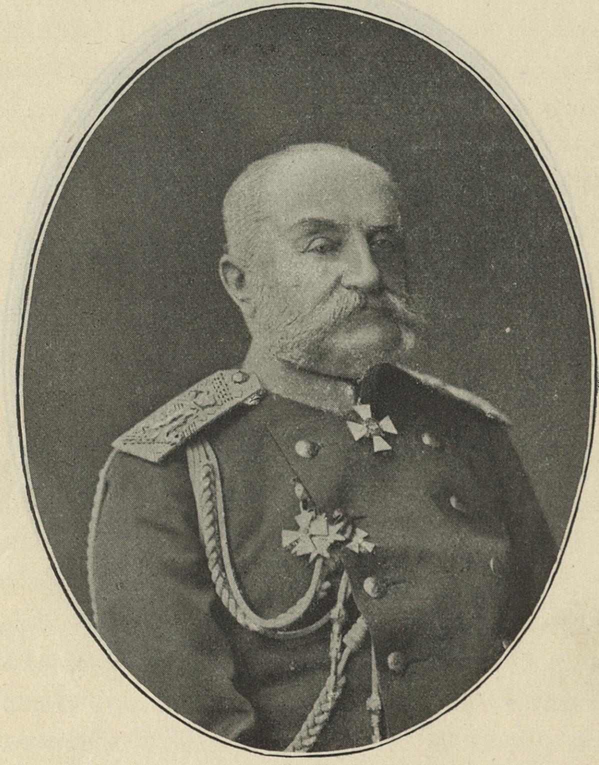
Уже совсѣмъ стемнѣло, когда парадъ кончился и мы вернулись въ Санъ-Стефано.

Обѣдъ былъ съ шампанскимъ и множествомъ тостовъ. Тотчасъ послѣ обѣда я пошелъ къ Великому Князю составлять подробную депешу Государю. Короткую онъ составилъ самъ тотчасъ же по прибытіи гр. Игнатьева (по-русски, латинскими буквами) и

отослалъ на телеграфъ съ поля, еще до молебна и парада, ровно въ $5^1/_2$ ч. вечера. Вотъ эта депеша:

«Петербургъ, Государю Императору.

«Счастіе имѣю поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ Васъ окончить предпринятое Вами великое святое дѣло; въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Начальникъ полевого штаба арміи, генералъ-адъютантъ
А. А. Непокойчицкій.

Телеграмма эта дошла замѣчательно быстро: уже въ 9 ч. 40 м. вечера былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Государя (отъ 8 ч. 40 м.):

«Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью».

Депеши Великаго Князя, посланныя Государю послѣ 9 ч. веч., были слѣдующія:

1) «Сегодня въ 2 часа дня былъ назначенъ парадъ слѣдующимъ войскамъ: твоему конвою и почетному гвардейскому твоему конвою; 1-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; первымъ тремъ полкамъ 2-й гвард. пѣх. дивизіи; гвардейской стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. саперному баталіону; моему конвойному баталіону; 4-й стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. уланскому и казачьему полкамъ; л.-гв. 1-й артилл. бригадѣ и первымъ четыремъ батареямъ л.-гв. 2-й артилл. бригады и л.-гв. донской батареѣ. Но такъ какъ переговоры подходили къ концу, то я отложилъ парадъ до подписанія мирнаго договора. Въ $5^1/_2$ ч. вечера графъ Игнатьевъ объявилъ мнѣ, что миръ подписанъ. Тотчасъ подъѣхалъ я къ войскамъ и поздравилъ ихъ съ славнымъ миромъ. Затѣмъ поблагодарилъ ихъ твоимъ именемъ за славную, доблестную службу и, собравъ офицеровъ, сказалъ имъ краткую рѣчь, поблагодаривъ ихъ особо. Царь приказалъ, и вы сдѣлали то, что считалось невозможнымъ: спасибо вамъ отъ имени Государя. Таковъ былъ смыслъ моей рѣчи. Восторженное, нескончаемое ура было отвѣтомъ. Послѣ этого былъ отслуженъ торжественный благодарственный молебенъ. Въ виду Царьграда и Святой Софіи, это торжество производило неизъяснимое впечатлѣніе. Затѣмъ, уже въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и прошли такъ великолѣпно, какъ никогда не проходили на Царицыномъ Лугу. День закончился обѣдомъ, за которымъ мы провозгласили восторженное ура за здоровье обожаемаго Государя и за славу и благоденствіе дорогого нашего отечества».

2) Отвѣтная, въ $10^1/_2$ вечера:

«Искренно благодарю за твою милѣйшую депешу. Минута, когда объявилъ войскамъ на парадѣ о мирѣ, была невыразимо-величественная, особенно когда молились на колѣняхъ и пѣли «Тебя Бога хвалимъ», подъ стѣнами Царьграда и въ виду Св. Софіи. Думалъ о тебѣ въ эту чудную минуту. Счастіе всѣхъ—невыразимое».

3) «Прошу тебя сообщить мнѣ, могутъ ли войска, кромѣ оккупаціонныхъ частей, быть отправлены въ Россію послѣ ратификаціи мира, или должны ожидать окончанія конференціи. Это свѣдѣніе

Санъ-Стефано.

Набережная Мраморнаго моря.—а) Домъ, въ которомъ жилъ генер.-адъют. графъ Н. П. Игнатьевъ и гдѣ былъ подписанъ мирный договоръ.

мнѣ нужно для соображенія средствъ перевозки войскъ моремъ въ то или другое время».

Послѣднюю депешу считаю очень преждевременною. Какъ-то неудобно въ самый день заключенія мира, при совершенно-невыяснившихся намѣреніяхъ Англіи, заводить рѣчь о возвращеніи войскъ, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ никакихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ.

Вообще, меня не очень радуетъ заключеніе мира, ибо не вѣрится въ его прочность: все боюсь, что это лишь конецъ 1-й части, за которою послѣдуетъ еще невѣдомая 2-я, а можетъ быть и 3-я часть. Многіе стыдятъ меня за пессимизмъ, совершенно несогласующійся съ моимъ неизмѣнно-бодрымъ настроеніемъ во время всей войны; но я никакъ не могу отдѣлаться отъ смутно-мрачныхъ предчувствій. Всѣ убѣждены, что недѣли черезъ двѣ мы уже уѣдемъ домой, но мнѣ не вѣрится.

При мнѣ сегодня Нелидовъ, въ присутствіи гр. Игнатьева, читалъ Великому Князю полный текстъ мирнаго договора, но читалъ такъ быстро, что, при всемъ моемъ навыкѣ проворно записывать, я могъ лишь занести въ свою записную полевую книжку слѣдующее:

1) Черногорія признается независимымъ государствомъ и получаетъ часть Герцеговины съ Никшичемъ и Гацко, часть Албаніи съ Антивари и Спужемъ. Новая граница будетъ проведена особою коммиссіею; могущіе возникнуть споры будутъ разрѣшаться русскимъ и австрійскимъ делегатами.

2) Сербія признается независимою и получаетъ часть Старой Сербіи, въ томъ числѣ Нишъ, Акпаланку и Куршумле. Пиротъ отходитъ къ Болгаріи.

3) Румынія признается независимою.

4) Болгарія дѣлается вассальнымъ княжествомъ, которое платитъ Портѣ дань. Размѣры дани будутъ опредѣлены конференціею, въ зависимости отъ того дохода, который Порта получала съ этой части своей территоріи.

5) Князь болгарскій будетъ избранъ и избираемъ впредь представителями болгарскаго народа, которые соберутся въ Трновѣ или Филиппополѣ. Тамъ же будетъ собираться и палата представителей. Князь будетъ утверждаемъ султаномъ, съ согласія великихъ дер-

жавъ. Онъ не можетъ быть избираемъ изъ семействъ главнѣйшихъ царствующихъ династій. Южная и восточная граница Болгаріи идетъ отъ Мидіи (на Черномъ морѣ) черезъ Люле-Бургасъ, огибаетъ Адріанополь, идетъ по р. Марицѣ до устья, затѣмъ по берегу моря и огибаетъ Салоники, которыя остаются за Турціей. Западную границу Болгаріи я не успѣлъ записать.

6) Въ первые два года со дня ратификаціи мирнаго договора, Болгарія управляется русскимъ коммисаромъ, а для обезпеченія порядка и введенія новаго устройства остается русская оккупаціонная армія, въ составѣ 6-ти дивизій пѣхоты и 2-хъ дивизій кавалеріи. Армія эта пользуется всѣми болгарскими черноморскими портами для сообщенія съ Россіей.

7) Турецкія войска выводятся изъ Болгаріи навсегда, а турецкій флотъ не имѣетъ права входа въ болгарскіе порты. Турція сохраняетъ право пользованія болгарскими дорогами, обыкновенными и желѣзными, для передвиженія своихъ войскъ и для провоза почты въ чрезполосныя части своей территоріи.

8) Всѣ дунайскія крѣпости, а также Шумла и Варна, срываются и не могутъ быть возобновляемы.

9) Боснія, Герцеговина, Эпиръ, Ѳессалія и островъ Критъ получаютъ административную автономію, для устройства которой будетъ образована спеціальная международная коммиссія.

10) Арменія также получаетъ административную автономію.

11) Всѣмъ турецкимъ подданнымъ, провинившимся передъ Портою во время настоящей войны, даруется полное прощеніе.

12) Турція обязывается уплатить Россіи 1.410 милліоновъ рублей за военныя издержки. Но, въ виду несостоятельности Порты, Россія соглашается принять въ уплату: а) Добруджу, которую предоставляетъ себѣ переуступить Румыніи, въ обмѣнъ на отошедшую къ ней, по Парижскому миру 1856 г., часть Бессарабіи; б) Арданганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ округами, до Саганлугскаго хребта. Эти территоріальныя уступки оцѣниваются въ 1.100 милліоновъ. Остальные 310 милліоновъ рублей уплачиваются по особому соглашенію (подразумѣвается—изъ болгарской дани).

13) Плаваніе по Дунаю—безусловно свободное. Очистка Сулинскаго рукава—на счетъ Турціи.

14) Босфоръ и Дарданеллы открываются для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ. Укрѣпленія обоихъ проливовъ упраздняются.

15) Русскіе монахи и паломники въ Святой землѣ уравниваются въ правахъ съ прочими, а наши монастыри на Аѳонѣ уравниваются въ правахъ съ греческими.

16) Обмѣнъ плѣнныхъ долженъ быть произведенъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ со дня ратификаціи договора.

17) Обмѣнъ ратификацій долженъ состояться въ теченіе 15-ти дней, т.-е. къ 7-му марта. Обѣ стороны признаютъ себя формально-связанными настоящимъ договоромъ.

Договоръ, а также полномочія гр. Игнатьева и Нелидова заключены въ красный бархатный переплетъ съ тисненымъ государственнымъ гербомъ и съ пришнурованною громадною государственною печатью, съ дессертную тарелку величиной. Шнуръ толстый серебряный, перевитый чернымъ и желтымъ шолкомъ и оканчивающійся двумя такими же тяжелыми кистями, пропущенными сквозь печать.

Сегодняшній день былъ омраченъ смертью князя Черкасскаго, начальника гражданскаго управленія Болгаріи и извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ. Онъ скончался внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ въ день 26-й годовщины освобожденія. Еще вчера былъ совершенно здоровъ и имѣлъ продолжительную дѣловую бесѣду съ Великимъ Княземъ. О смерти его Великій Князь сообщилъ Государю собственноручною телеграммою.

20 февраля.—Великій Князь послалъ сегодня Государю слѣдующія телеграммы:

1) Отъ 12 ч. дня: «Бибиковъ [1]) сейчасъ пріѣхалъ. Искренно благодарю за письмо. Счастливъ, что ты доволенъ моими распоряженіями. Отвѣчаю на то, что приказалъ сказать мнѣ черезъ Бибикова: всѣ телеграммы твои получалъ черезъ нѣсколько дней послѣ моихъ распоряженій, которыя, по счастью, совпадали съ твоими желаніями, что придавало мнѣ еще больше рѣшимости; на всѣ твои депеши отвѣчалъ, какъ только ихъ получалъ. Особенно опаздывали

[1]) Адъютантъ Великаго Князя, ѣздившій къ Государю курьеромъ.

шифрованныя и сообщаемыя по кабелю депеши твои султану и его тебѣ. Надо полагать, что задерживались преднамѣренно. Твой отвѣтъ вчера пришелъ въ $9^1/_2$ час. вечера».

2) «Сегодня у князя Рейсса [1]) родился сынъ. Софія Веймарская здѣсь, въ Константинополѣ. Мое здоровье все попрежнему: стоять и ходить долго не могу, верхомъ ѣзжу только шагомъ, а то боль дѣлается подъ ложкой. Кромѣ этого — я здоровъ. Надѣюсь, что теперь, съ заключеніемъ мира и съ прекращеніемъ большихъ заботъ, стану поправляться. Сердечно тебя обнимаю».

Въ 8 ч. вечера получена отвѣтная телеграмма Государя на вчерашнюю великокняжескую (подана въ Петербургѣ сегодня въ 4 ч. 40 м. дня):

«Хорошо сдѣлалъ, что передалъ вчера мое спасибо славнымъ нашимъ войскамъ. Вполнѣ понимаю, что вы ощущали во время молебна. Сегодня и у насъ былъ выходъ въ большую церковь, передъ которымъ получилъ твое письмо съ Скарятинымъ [2]). На вопросы твои отвѣчу, когда получу подробности о заключенномъ мирѣ. Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкасскомъ. О впечатлѣніи въ Лондонѣ и Вѣнѣ еще ничего не знаю».

21 февраля. — Въ 5 ч. 50 м. вечера получена телеграмма Государя, поданная сегодня же въ 12 ч. 5 м. дня:

«Всѣ донесенія твои, привезенныя Скарятинымъ, прочелъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю и повторяю тебѣ мое сердечное спасибо. Сожалѣю только, что ты все жалуешься на здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Игнатьева».

Великій Князь отвѣчалъ въ 11 ч. 10 м. вечера:

«Депешу твою отъ 21-го полудня получилъ, равно и шифрованную телеграмму князя Горчакова [3]). Счастливъ, что ты доволенъ всѣми моими распоряженіями. Здоровье мое крайне мнѣ надоѣло. Здоровье въ войскахъ пока еще удовлетворительно, хотя уже тифъ

[1]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[2]) Ординарецъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ л.-гв. Семеновскаго полка.

[3]) Этой телеграммы я не видалъ и содержаніе ея мнѣ неизвѣстно.

начинаетъ показываться. Свѣчинъ [1]) въ Адріанополѣ опасно заболѣлъ сыпнымъ тифомъ».

Около полуночи Великій Князь послалъ еще слѣдующую телеграмму:

«Въ виду крайней необходимости замѣнить князя Черкасскаго, не дозволишь ли мнѣ вызвать князя Дондукова» [2])?

Сегодня цѣлое утро меня душило безсильное негодованіе: довелось молча слушать переговоры Непокойчицкаго и Левицкаго съ представителемъ «Русскаго общества пароходства и торговли», капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Одессы, условиться насчетъ обратной перевозки нашихъ войскъ въ Россію на пароходахъ этого общества. Можно подумать, что это не русское, а иностранное общество, пользующееся случаемъ подороже продать намъ свои услуги. А между тѣмъ—это общество создано и поддерживается въ теченіе двадцати лѣтъ на казенныя, т.-е. кровныя народныя деньги: за эти двадцать лѣтъ ему уплачены милліоны субсидіями и помильною платою; оно разжирѣло на казенный счетъ и акціи его стоятъ чуть не вдесятеро противъ номинальной цѣны, а воротилы общества стали изъ бѣдняковъ милліонерами. Всѣ эти жертвы были принесены именно для того, чтобы въ случаѣ войны обратить этотъ коммерческій флотъ въ военный, котораго мы не имѣемъ права содержать въ Черномъ морѣ по Парижскому договору. И что же? теперь, когда въ первый разъ приходится сослужить службу родинѣ, отблагодарить правительство за многолѣтнія щедроты—представитель общества требуетъ плату по полному тарифу за перевозку какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, отказывается принять на себя устройство пристаней для погрузки артиллеріи, обозовъ и лошадей, несмотря на предлагаемую за это особую плату, и категорически уклоняется отъ включенія въ условія перевозки какой бы то ни было отвѣтственности за медленность и неисправность погрузки.

Слушаешь—и ушамъ своимъ не вѣришь! И вѣдь эти господа,

[1]) Адріанопольскій генералъ-губернаторъ, командиръ 9-го армейскаго корпуса.

[2]) Командиръ 13-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ.

снимающіе за счетъ казны сливки съ предоставленной имъ пароходной монополіи, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на государственной службѣ и пользуются всѣми ея преимуществами! Директора — свиты Его Величества контръ-адмиралъ Чихачевъ, контръ-адмиралъ Попандопуло и другіе, фамилій не знаю. Уполномоченный общества, Зеленый, пріѣхавшій сюда торговаться—тоже капитанъ 1-го ранга!

Гдѣ, въ какой странѣ возможно что-либо подобное?

Не могъ выдержать: высказалъ какъ Непокойчицкому, такъ и Великому Князю (сегодня вечеромъ) свое удивленіе и негодованіе по этому поводу. Но Непокойчицкій только загадочно, хотя и сочувственно, покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ, а Великій Князь развелъ руками и сказалъ: «Что дѣлать! такія имъ даны права, что они могутъ ставить намъ свои условія».

И дѣйствительно: по самоувѣренному тону капитана 1-го ранга Зеленаго, по апломбу, съ которымъ онъ ставитъ свои условія и отвергаетъ наши требованія, чувствуется, что за нимъ стоитъ сила, которую не намъ сломить.

Возмутительно!

22 февраля.—День прошелъ томительно скучно, но не безъинтересно. Левицкій продолжалъ вести переговоры съ капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, но я ушелъ изъ дому, чтобы не слушать. Если самъ Великій Князь признаетъ за «Русскимъ обществомъ пароходства и торговли» права независимой договаривающейся стороны, то помочь дѣлу нельзя, а портить себѣ кровь—не стоитъ.

Утромъ получено извѣстіе, что адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ скончался. Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Тифъ не на шутку начинаетъ работать. Сегодня скончался командиръ 9-го корпуса генералъ Свѣчинъ отъ сыпного тифа. Крайне необходимо подумать о вывозѣ лишняго числа войскъ».

На эту телеграмму полученъ въ $7^1/_4$ час. вечера слѣдующій отвѣтъ Государя отъ 1 ч. 5 м. пополудни:

«Крайне сожалѣю о развивающемся тифѣ и о смерти бѣднаго

Свѣчина. Князя Дондукова можешь вызвать теперь же [1]). О возвращеніи войскъ не могу еще ничего рѣшить, пока обстоятельства не разъяснятся».

Сегодня пріѣзжалъ къ Великому Князю съ визитомъ германскій посолъ въ Константинополѣ, князь Рейссъ. Онъ говорилъ Великому Князю, что, по его убѣжденію, Англія только угрожаетъ, но войны намъ не объявитъ. Это заявленіе вызвано распространившимся здѣсь сегодня слухомъ, будто бы англійскій посолъ Лейардъ потребовалъ, чтобы Порта въ 24-хъ-часовой срокъ сообщила ему мирный договоръ, еще даже не ратификованный султаномъ. Этотъ вздорный слухъ никого бы не встревожилъ, еслибъ его не повторялъ, допуская его правдоподобіе, самъ графъ Игнатьевъ. Нелидовъ, мнѣніе котораго я сегодня спрашивалъ, считаетъ этотъ слухъ нелѣпою сплетнею. Несомнѣнно лишь, что англичане бѣснуются на заключеніе нами сепаратнаго мира съ Турціей. Макъ-Гаханъ сдѣлалъ большую ошибку, опубликовавъ въ «Daily News» отзывъ Сервера-паши объ англичанахъ. Національное самолюбіе было этимъ оскорблено, въ общественномъ мнѣніи совершился поворотъ въ пользу политики Дизраэли, и толпа разбила стекла въ домахъ не только редакціи «Daily News», но и самого Гладстона.

Отсутствіе серьезнаго намѣренія англичанъ воевать подтверждаетъ, однако, и принцъ Александръ Баттенбергъ, вчера вернувшійся съ англійской эскадры адмирала Горнби, при которомъ состоитъ флагъ-офицеромъ братъ Баттенберга, принцъ Людвигъ. На эскадрѣ находится и мужъ великой княгини Маріи Александровны, герцогъ Эдинбургскій, который, по словамъ Александра Баттенберга, открыто ропщетъ на то непріятное положеніе, въ которое его поставила мать, королева Викторія. Она сдѣлала это будто бы нарочно, изъ нелюбви къ сыну. Не только герцогъ Эдинбургскій, но и англійскіе офицеры и самъ адмиралъ Горнби настроены будто бы весьма миролюбиво и сами рѣзко осуждаютъ своего посла Лейарда за его настойчивое стремленіе довести до открытаго разрыва между Англіей и Россіей.

[1]) Это отвѣтъ на вчерашнюю просьбу Великаго Князя. Мѣсто князя Черкасскаго надѣялся занять его помощникъ, генералъ-лейтенантъ Анучинъ, но Великому Князю онъ антипатиченъ,—чему вполнѣ сочувствую.

Насколько можно положиться на слова принца Александра— не берусь судить, ибо слишкомъ мало его знаю. Да его едва-ли кто-нибудь и знаетъ хорошо, кромѣ его тетки, Императрицы Маріи Александровны, которая его очень любитъ. У насъ онъ для всѣхъ человѣкъ чужой.

Нельзя, однако, не обратить вниманія, что даже по его успокоительнымъ словамъ, несомнѣнно стремленіе англійскаго посла Лейарда довести дѣло до разрыва. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, хватитъ ли у Лейарда на это вліянія.

Сегодня пришелъ изъ Россіи пароходъ «Русскаго общества пароходства и торговли», «Владиміръ», подъ военнымъ флагомъ. Онъ долженъ принять на бортъ графа Игнатьева, какъ только мирный договоръ будетъ ратификованъ султаномъ. Задержка ратификаціи происходитъ оттого, что договоръ переводится на турецкій языкъ и переписывается золотыми буквами, и лишь послѣ этого будетъ подписанъ султаномъ. Тогда графъ Игнатьевъ повезетъ турецкій текстъ договора въ Петербургъ и представитъ Государю, который въ свою очередь подпишетъ русскій текстъ и пошлетъ его султану. Это и будетъ обмѣнъ ратификацій, который долженъ быть учиненъ, согласно договору, въ 15-ти-дневный срокъ, считая съ 19-го февраля.

23 февраля.—Вчера Великій Князь получилъ письмо отъ низложеннаго султана Мухамедъ-Мурада, съ просьбою разрѣшить ему пріѣхать и отдаться подъ покровительство Россіи, такъ какъ онъ, Мурадъ, опасается за свою жизнь. Разумѣется, просьба эта останется безъ отвѣта: намъ нѣтъ никакого разсчета вызывать смуту въ Константинополѣ. Это значило бы играть въ руку англичанамъ, создавая для нихъ лишній поводъ къ вмѣшательству.

На сегодня былъ предположенъ торжественный визитъ Великаго Князя къ султану, но не состоялся. Повидимому, султанъ просилъ повременить визитомъ, ссылаясь на свое нездоровье; но говорятъ, что онъ уклоняется отъ пріема Великаго Князя потому, что боится Лейарда и, сверхъ того, опасается вообще выѣзжать изъ своего дворца. Визитъ же Великаго Князя потребуетъ контръ-визита,—а этимъ султанъ очень затрудняется. Какъ бы то ни было, но визитъ отложенъ на неопредѣленное время. Великому Князю это

очень не нравится: ему хотѣлось устроить свиданіе съ султаномъ поскорѣе.

Вчерашняя депеша Государя о невозможности немедленнаго рѣшенія вопроса о возвращеніи войскъ въ Россію, пока не выяснится обстановка, очень разстроила Великаго Князя, хотя на его преждевременный запросъ и не могло быть иного отвѣта. О сдѣланномъ же Великимъ Княземъ запросѣ всей главной квартирѣ было извѣстно, и легкомысленное большинство съ замираніемъ сердецъ ожидало благопріятнаго отвѣта. Поэтому, когда сегодня распространился слухъ о содержаніи Государевой телеграммы, всѣ повѣсили носы и скисли. Догадливые люди сейчасъ же стали соображать, что армія останется въ Турціи впредь до утвержденія нашего сепаратнаго мира европейскою конференціею. Къ Великому Князю приступили съ вопросами, гдѣ и когда конференція соберется. Великій Князь отвѣчалъ, что достовѣрно извѣстно только одно: что конференція соберется въ Берлинѣ и участіе Австріи обезпечено. Объ Англіи и Франціи ничего не извѣстно, такъ что теперь нельзя даже сказать, состоится ли конференція вообще. Если Англія упрется, то все можетъ разстроиться.

Отъ себя прибавлю, что Англія можетъ нагадить намъ такъ, какъ никто. Говорю это, впрочемъ, не отъ себя, а опираясь на опытъ исторіи. Англійская система воевать извѣстна. Пошлетъ во всѣ моря флотъ, который парализуетъ торговлю, уничтожаетъ торговыя суда и разоряетъ берега, преимущественно беззащитные. Изнуряя и разоряя противника, Англія, вмѣстѣ съ тѣмъ, интригуетъ до тѣхъ поръ, пока не образуетъ коалицію или не пріобрѣтетъ хоть одного сильнаго на сухомъ пути союзника: тогда дастъ деньги взаймы или въ видѣ субсидіи и начинаетъ воевать чужими солдатами, а отъ себя выставляетъ лишь небольшой вспомогательный корпусъ, только для обозначенія своего участія въ войнѣ.

Тянуть войну, выжидать благопріятнаго оборота обстоятельствъ Англіи даже выгодно. Сама она неуязвима, многочисленный флотъ ея вооруженъ постоянно и, плавая въ моряхъ всѣхъ пяти частей свѣта, вполнѣ можетъ окупить себя военными призами и грабежомъ открытыхъ коммерческихъ портовъ.

Воевала же она съ Наполеономъ I-мъ цѣлыхъ девятнадцать

лѣтъ, устраивая противъ него одну коалицію за другою. Союзникамъ ея крѣпко доставалось, а самой Англіи—ничего. Въ концѣ концовъ она доканала-таки Наполеона чужими руками и выиграла отъ его паденія больше всѣхъ.

Нашихъ теперешнихъ успѣховъ Англія переварить не можетъ и, конечно, все сдѣлаетъ, чтобы намъ навредить. Порукою этому служитъ та страстная ненависть, съ которою такъ энергично и настойчиво дѣйствуетъ противъ насъ Лейардъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Лондонѣ. Самое назначеніе Лейарда посломъ обусловливалось его непримиримымъ руссофобствомъ.

Намъ нельзя чрезмѣрно обольщаться нашими оглушительными успѣхами, а надо помнить, что конечный исходъ кампаніи не разъ уже висѣлъ, да и теперь даже виситъ на волоскѣ. Безъ сочувственной поддержки Германіи и безъ предварительнаго секретнаго обѣщанія крупной подачки Австріи (Боснія и Герцеговина) мы и воевать бы не могли. Наша поддержка дала Германіи возможность довести войну 1870—71 гг. до взятія Парижа, а теперь, благодаря германской поддержкѣ, мы побѣдоносно дошли до Константинополя. Семь лѣтъ тому назадъ, мы сдерживали Австрію, которая тогда была весьма непрочь отомстить Германіи за 1866 годъ; теперь подобную же услугу оказала Германія намъ. Еслибъ она не стояла за австрійской спиною, то императору Францу-Іосифу, пожалуй, и не удалось бы сдержать ярую ненависть къ намъ мадьяръ и антипатію австрійскихъ нѣмцевъ: симпатіи тѣхъ и другихъ всецѣло на сторонѣ англичанъ и турокъ.

Намъ вызывать европейскую войну не приходится: она сразу обнаружитъ нашу внутреннюю несостоятельность. Пріобрѣтенная нами военная слава разсѣется, какъ дымъ. Храбрости, самоотверженія, умѣнья переносить неслыханныя лишенія и преодолѣвать невѣроятныя препятствія у насъ отнять никто не можетъ. Но для веденія европейской войны нужны еще система, порядокъ и умѣнье,—а этого у насъ нѣтъ.

Нельзя также забывать, что всякая война съ Турціей—кто бы ее ни велъ—составляетъ общеевропейскій вопросъ. Ибо въ рукахъ Турціи «пупъ земли», Константинополь, малѣйшее прикосновеніе къ которому неминуемо вызываетъ общее вмѣшательство. Поэтому

мы не можемъ обижаться, если насъ не допускаютъ до отдѣльнаго мира съ Турціей, ибо она не есть полноправная держава. Да, къ тому же, мы заранѣе связали себя обѣщаніемъ заключить миръ съ Турціей не иначе, какъ по соглашенію съ другими державами.

Конечно, во внѣшней политикѣ издавна принято не церемониться съ стѣснительными обѣщаніями, если нарушеніе ихъ можетъ принести серьезныя выгоды. Но это можно дѣлать лишь тому, за кѣмъ сила, всегда стоящая на практикѣ выше права. По моему глубокому убѣжденію, за нами этой силы нѣтъ. А такъ какъ нѣтъ разсчета выносить свое внутреннее безсиліе всему свѣту на показъ, то благоразумнѣе замаскировать его личиною вѣрности своимъ обязательствамъ.

Игнатьевская политика держится противоположнаго взгляда: побольше запросить, чтобы было съ чего сбавлять. Я не считаю этотъ пріемъ государственнымъ. Мнѣ возражаютъ, что я ничего не понимаю въ политикѣ. Вполнѣ соглашаюсь, но все-таки остаюсь при убѣжденіи: все на свѣтѣ держится прежде всего на довѣріи, а посему главною задачею всѣхъ государственныхъ людей, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ, должно быть стремленіе заслужить всеобщее довѣріе и утвердить его за собой. На надувательной системѣ далеко не уѣдешь. Не даромъ есть пословица: «ложью свѣтъ пройдешь, да только не воротишься».

Сегодня, подъ огорчительнымъ впечатлѣніемъ телеграммы Государя о невозможности опредѣлить время возвращенія арміи въ Россію, Великій Князь самъ составилъ и послалъ военному министру слѣдующую шифрованную телеграмму [1]):

«Вслѣдствіе депеши Государя о томъ, что нельзя *рѣшить время возвращенія войскъ до разъясненія дѣла,* считаю обязанностью сообщить вамъ, что въ войскахъ, находящихся за Балканами, *обозъ пострадалъ до того, что его можно считать несуществующимъ,* и если имѣется въ виду *двинуть войска куда-либо въ бой,* то необходимо предупредить насъ, *дабы успѣть устроить вьюки.* Только войска *восточнаго отряда* [2]) имѣютъ *кое-какой*

[1]) Зашифрованныя слова—курсивомъ.

[2]) Наслѣдника Цесаревича, какъ стоявшій все время на мѣстѣ.

обозъ, одни они и 14-й корпусъ [1]) *въ состоянiи двинуться немедленно.* Дивизiонные лазареты *въ матерiальномъ отношенiи находятся въ полномъ разстройствѣ.* По всему вышесказанному прошу дать мнѣ знать, *что намѣрены съ нами дѣлать,* дабы мочь *все приготовить къ предназначенной цѣли*».

24 февраля.—Ночью была получена телеграмма отъ Великаго Князя Михаила Николаевича изъ Тифлиса, отъ 2 ч. 25 м. пополудни 23-го:

«Необходимо, чтобы командующiй турецкимъ батумскимъ корпусомъ Дервишъ-паша неотлагательно былъ извѣщенъ своимъ правительствомъ объ очищенiи Батума и территорiи около этого города, отходящихъ къ намъ. Онъ не получилъ должныхъ указанiй и полномочiй. Онъ затрудняется даже въ опредѣленiи требуемой нами демаркацiонной линiи, далеко не доходящей до предѣловъ, опредѣленныхъ нашими мирными условiями».

Великiй Князь отвѣчалъ брату сегодня утромъ:

«Требовать отъ турокъ очищенiя отходящихъ къ намъ мѣстъ до ратификацiи нельзя, но можешь торопить пашу, чтобъ все приготовилъ ко времени полученiя текста договора и чтобъ было все очищено въ срокъ, который по взаимному соглашенiю будетъ тобою назначенъ».

Около 6 ч. вечера пришла слѣдующая телеграмма военнаго министра, поданная въ Петербургѣ въ 2 ч. 5 м. дня:

«Государь Императоръ, одобривъ предложенный Вашимъ Высочествомъ выборъ дивизiй для оставленiя въ Болгарiи [2]), а равно назначенiе корпусными командирами генераловъ барона Деллингсгаузена [3]) и Манзея [4]), и командующимъ всѣми оккупацiонными войсками князя Дондукова-Корсакова, изволитъ полагать: не лучше ли изъ означенныхъ войскъ образовать два корпуса, въ каждомъ по три дивизiи пѣхоты и по одной кавалерiйской. Благоволите сообщить ваши соображенiя какъ по этому вопросу, такъ и о самомъ

[1]) На нижнемъ Дунаѣ, въ Добруджѣ.

[2]) Когда это предложено—не знаю.

[3]) Начальникъ 26-ой пѣх. дивизiи.

[4]) Начальникъ 7-ой кавалер. дивизiи.

распредѣленіи дивизій по корпусамъ, размѣщеніи ихъ и назначеніи корпусныхъ командировъ».

Въ 8 ч. вечера Великій Князь отвѣтилъ:

«Составить два корпуса нахожу неудобнымъ. Располагаю оккупаціонныя войска такъ: тринадцатый корпусъ: штабъ—Рущукъ, одна дивизія—Трновъ, другая—Шумла. Девятый корпусъ: штабъ—Филиппополь, одна дивизія—Сливно, другая—Софія. Четвертый корпусъ: штабъ—Ускюбъ, одна дивизія—Битолія, другая—Сересъ. Кавалерійскія дивизіи каждаго корпуса по границамъ Болгаріи по усмотрѣнію корпусныхъ командировъ».

Вечеромъ же получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. пополудни:

«Ожидаю съ нетерпѣніемъ ратификаціи трактата и надѣюсь, что Игнатьеву можно будетъ выѣхать въ воскресенье [1]). Очень радъ, что Людвигъ [2]) былъ у тебя съ братомъ. Я совершенно здоровъ. Нѣсколько дней, что у насъ совершенная оттепель».

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

«Очень счастливъ, что ты здоровъ. Игнатьевъ надѣется, что въ воскресенье выѣдетъ совмѣстно съ Реуфомъ-пашой. Тороплю турокъ съ ратификаціей. Погода здѣсь поправилась».

Отправляя эту телеграму, Великій Князь приказалъ мнѣ составить отчетъ Государю и представить ему къ подписи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы завтра вечеромъ сдать его курьеру, отправляемому 26-го февраля вмѣстѣ съ гр. Игнатьевымъ на пароходѣ «Владиміръ».

25 февраля.—Составленіе отчета Государю на сей разъ не потребовало напряженнаго труда. Ночью я его составилъ, сегодня утромъ прочелъ Великому Князю; въ теченіе дня, не торопясь, переписалъ, а въ 7 ч. вечера Великій Князь его подписалъ и сдалъ курьеру. Вотъ этотъ отчетъ:

«На другой день по вступленіи моемъ въ Санъ-Стефано, была установлена, по обоюдному словесному соглашенію моему съ Ре-

[1]) Т.-е. 26-го февраля.

[2]) Принцъ Баттенбергскій, офицеръ англійскаго флота.

уфомъ-пашой, новая демаркаціонная линія. Она идетъ отъ Чернаго моря на Агачлы, и оттуда черезъ Перенджикіой, Чифликъ-Хаджи-Петро-Мандра и по оврагу Беданица-дере къ кирпичному заводу на берегу Мраморнаго моря.

«О расположеніи войскъ позади этой линіи я уже доносилъ Вашему Императорскому Величеству. Турецкія же войска расположились между этою линіей и Константинополемъ. Штабъ Мухтара-паши остался также внѣ города, въ казармахъ «Даудъ-паша».

«На 19-ое февраля, чтобы ознаменовать высокоторжественный день вступленія на престолъ Вашего Величества, я назначилъ въ 2 ч. пополудни парадъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Санъ-Стефано и окрестностяхъ. Къ этому времени выстроились въ пять линій, фронтомъ къ Константинополю: въ 1-й линіи—собственный Вашего Величества конвой, сводная гвардейская рота почетнаго Вашего Величества конвоя и 1-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи; во 2-й линіи—первые три полка 2-й гвард. пѣх. дивизіи [1]); въ 3-й линіи—гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный баталіонъ, мой конвойный баталіонъ и 4-я стрѣлковая бригада; въ 4-й линіи—л.-гв. 1-я артилл. бригада и первыя четыре батареи л.-гв. 2-й артилл. бригады; въ 5-й линіи—сводный гвардейскій полуэскадронъ почетнаго Вашего Величества конвоя, л.-гв. уланскій полкъ, л.-гв. казачій Вашего Величества полкъ и л.-гв. донская казачья Наслѣдника Цесаревича батарея.

«Турки обѣщали мнѣ наканунѣ, что миръ будетъ подписанъ къ 12-ти, самое позднее—къ 1 ч. пополудни. Поэтому я и назначилъ парадъ въ 2 часа, съ тѣмъ, чтобы объявить войскамъ о заключеніи мира. Но переписка и исполненіе другихъ формальностей такъ затянули дѣло, что пришлось прождать до $4^1/_2$ ч. пополудни. Около $4^1/_4$ я сѣлъ верхомъ и, выѣхавъ изъ мѣстечка, остановился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ войскъ. Наконецъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, съ объявленіемъ, что миръ окончательно подписанъ.

«Провозгласивъ, вмѣстѣ съ моею свитою, громогласное ура

[1]) Л.-гв. Финляндскій полкъ не былъ на парадѣ по отдаленности расположенія.

Вашему Величеству, подхваченное многочисленною собравшеюся публикою и народомъ, я направился къ войскамъ. Объѣхавъ линіи, вызвалъ передъ середину, къ походному аналою, всѣхъ офицеровъ и, когда они собрались,—громко поздравилъ войска съ славнымъ миромъ. Единодушное, восторженное ура вырвалось у всего собраннаго войска и прокатилось до стѣнъ Царьграда. Шапки высоко полетѣли вверхъ. Радостные клики долго не умолкали; едва удалось унять общій восторгъ.

«Когда все утихло, я горячо поблагодарилъ отъ имени Вашего Величества какъ войска, такъ и въ особенности офицеровъ.

«Затѣмъ отслужено было торжественное благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Трудно передать то величественное и благоговѣйное впечатлѣніе, которое производило богослуженіе передъ строемъ побѣдоносныхъ войскъ, подъ самыми стѣнами Царьграда, въ виду высящагося надъ нимъ купола Святой Софіи. По окончаніи молебствія, въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Парадъ кончился уже въ темнотѣ, слабо озаряемой свѣтомъ санъ-стефанскаго маяка и отдаленнымъ мерцаніемъ константинопольскихъ огней.

«Я убѣжденъ, что всякій, присутствовавшій на этомъ единственномъ въ своемъ родѣ торжествѣ, сохранитъ о немъ воспоминаніе на всю жизнь и передастъ его своимъ дѣтямъ.

«По заключеніи мира, я призналъ необходимымъ дать нѣсколько болѣе просторное размѣщеніе войскамъ, для прекращенія уже начавшейся между ними болѣзненности, которая можетъ принять эпидемическій характеръ. Въ разныхъ мѣстахъ расположенія войскъ уже началъ появляться тифъ, преимущественно сыпной. Пока еще, слава Богу, до повальныхъ заболѣваній не дошло; но не скрою отъ Вашего Величества, что въ настоящее время года — и къ тому же въ отравленной трупными міазмами атмосферѣ—здоровье войскъ составляетъ предметъ самыхъ серьезныхъ моихъ опасеній.

«Новое расположеніе, которое я приказалъ занять, слѣдующее:

«Собственный Вашего Величества конвой, почетный сводно-гвардейскій Вашего Величества конвой, штабъ-гвардейскаго корпуса, л.-гв. Преображенскій полкъ, 1, 2, 3 и 4 батареи л.-гв. 1-й артилл.

бригады, гвардейскій экипажъ [1]), л.-гв. казачій Вашего Величества полкъ и мой конвойный баталіонъ — С.-Стефано.

«Л.-гв. Семеновскій полкъ съ 5-ю и 6-ю батареями л.-гв. 1-й артилл. бригады—Галатарія.

«Гвардейская стрѣлковая бригада (два баталіона поочередно на аванпостахъ) — Фурія.

«4-я стрѣлковая бригада — Салфакіой.

«Л.-гв. Уланскій полкъ, л.-гв. Донская батарея и Уральская казачья сотня—Нефасъ.

«2-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи—Кучукъ-Чекмедже и окрестности (начала прибывать изъ Софіи эшелонами 24-го февраля).

«2-я гвард. пѣх. дивизія — Беюкъ-Чекмедже и Каликратъ.

«3-я гвард. пѣх. дивизія—Селиври и окрестности.

«2-я гвард. кавал. дивизія (кромѣ л.-гв. Уланскаго полка)— Родосто и окрестности.

«Сводный корпусъ генералъ-лейт. Скобелева 2: штабъ—Беюкъ-Калкалы; 3-я стрѣлковая бригада—Тусункіой и Аязмы; 16-я пѣх. дивизія—Св. Георгій, Шамларе и Ташалыкъ; 30-я пѣх. дивизія—Хадымкіой, Накасъ, Ясыфанъ, Мухакіой, Махарлы и Чифликъ-Груша; три полка 1-й кавал. дивизіи съ одною батареею— Арнауткіой, Бечаскіой и Боклуджа.

«8-й арм. корпусъ—Чаталджа и окрестности (8-я кавал. дивизія въ Черкескіой и окрестностяхъ).

«3-я пѣхотная дивизія—Малгара и Айнарджикъ.

«Гренадерскій корпусъ: штабъ—Адріанополь; 2-я гренад. дивизія—Шаркіой, Урша и Эносъ; 3-я гренад. дивизія—Чорлу и окрестности.

«Прочія войска—безъ измѣненія.

«На случай возвращенія въ Россію, я приказалъ составить соображеніе о порядкѣ обратнаго движенія войскъ съ ихъ тяжестями. Пока выяснились лишь слѣдующія общія основанія:

«1) Всю пѣхоту съ обозами, артиллерію съ парками и гвардейскую кавалерію, находящуюся по сю сторону Балканъ—перевезти моремъ, на судахъ Русскаго Общества пароходства и торговли,

[1]) Прибылъ 25-го февраля.

въ Одессу, Николаевъ и Севастополь, а оттуда развезти по желѣзнымъ дорогамъ. Пользоваться Таганрогомъ, какъ мѣстомъ высадки, едва-ли будетъ выгодно, такъ какъ плаваніе до Таганрога увеличиваетъ продолжительность рейсовъ вдвое.

«2) Армейскую кавалерію вести обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, направляя ее преимущественно на Галацъ.

«3) Такимъ же порядкомъ вести, до русской границы, всѣ пѣхотныя и кавалерійскія части, оставшіяся по сѣверную сторону Балканъ. По желѣзнымъ дорогамъ—лишь въ предѣлахъ Россіи.

«4) Румынскими желѣзными дорогами пользоваться лишь для перевозки тяжестей, а для войскъ—лишь въ случаѣ, если онѣ будутъ совершенно свободны.

«5) Всю артиллерію, парки, запасы и большую часть обозовъ, оставшихся по сѣверную сторону Балканъ, сплавить по Дунаю до Рени, а оттуда по Бендеро-Галацкой желѣзной дорогѣ.

«Въ составъ оккупаціонной арміи я предназначаю 4-й, 9-й и 13-й корпуса съ 4-ю саперною бригадою и полагаю размѣстить ихъ слѣдующимъ образомъ:

«13-й корпусъ: штабъ—Рущукъ; одна дивизія—Шумла, другая—Трново.

«9-й корпусъ: штабъ—Филиппополь; одна дивизія—Сливно, другая—Софія.

«4-й корпусъ: штабъ—Ускюбъ; одна дивизія—Битолія (Монастырь), другая—Середъ.

«Кавалерія всѣхъ трехъ корпусовъ—по границамъ Болгаріи, по усмотрѣнію командующаго оккупаціонною арміей. По его-же усмотрѣнію—расположеніе 4-й саперной бригады.

«14-й корпусъ, 24-я и 26-я пѣхотныя дивизіи полагаю оставить на своихъ мѣстахъ впредь до окончательнаго очищенія Шумлы и Варны, вывода изъ сѣверной Болгаріи турецкихъ войскъ и окончательнаго разсѣянія бродящихъ тамъ повсюду шаекъ башибузуковъ.

«Хотя въ мирномъ договорѣ численность остающейся въ Болгаріи кавалеріи и опредѣлена въ двѣ дивизіи, но я полагаю, что оставленіе трехъ дивизій не возбудитъ со стороны турокъ серьезнаго протеста. Въ случаѣ какого-либо съ их стороны заявленія по этому поводу, я намѣренъ сказать, что мы оставляемъ здѣсь двѣ

дивизіи шестиполкового состава, такъ какъ составъ дивизій въ мирномъ договорѣ не предусмотрѣнъ».

Сегодня въ 8 ч. утра получена шифрованная депеша военнаго министра, отъ 8 ч. 40 м. вчерашняго вечера, слѣдующаго содержанія:

«Отвѣтъ на депешу 23-го февраля. Государь Императоръ изволитъ предполагать: немедленно по ратификаціи договора съ Портою и полученіи окончательнаго согласія державъ на конгрессъ въ Берлинѣ,—перевезти моремъ въ Одессу и Николаевъ: всѣ части гвардіи, обѣ гренадерскія дивизіи и нѣкоторыя другія части дѣйствующей арміи. Войска эти, если ко времени ихъ возвращенія въ Россію не будетъ еще полной увѣренности въ сохраненіи мира, расположатся въ кіевскомъ и одесскомъ округахъ, дабы въ случаѣ войны поступить въ составъ западныхъ армій. Ввѣренная же Вашему Высочеству армія, оставаясь на Забалканскомъ полуостровѣ, должна быть въ готовности захватить Босфоръ, дабы не впустить англійскій флотъ въ Черное море. Подробнѣе будетъ сообщено письменно, первымъ фельдъегеремъ. № 1049».

Теперь многое ясно. Во-первыхъ, что мы, заручившись согласіемъ императора Вильгельма на конгрессъ въ Берлинѣ, все еще не увѣрены въ окончательномъ согласіи на это другихъ державъ и, главнымъ образомъ—Англіи. Во-вторыхъ,—наши отношенія къ Австріи очевидно замутились, ибо предусматривается возможность формированія «западныхъ армій», для которыхъ только Австрія съ Румыніей и могутъ быть цѣлями дѣйствій. Наконецъ, въ-третьихъ, на остающіяся подъ начальствомъ Великаго Князя войска возлагается совершенно неисполнимая задача: не имѣя флота, захватить Босфоръ и не впускать англійскій флотъ въ Черное море. Какъ это сдѣлать? какія мѣры могутъ быть предположены въ Петербургѣ для достиженія подобной цѣли? Рѣшительно не могу себѣ представить.

Великій Князь, разсердившись на эту телеграмму, сегодня же утромъ телеграфировалъ уже Государю шифромъ:

«Военный министръ шифрованною депешею отъ вчерашняго числа сообщаетъ твои указанія о выводѣ части войскъ отсюда послѣ ратификаціи мирнаго договора и расположеніи ихъ, временно, въ одесскомъ и кіевскомъ округахъ, если обстоятельства того потре-

буютъ. Считаю долгомъ заявить, что для предстоящей мнѣ тогда цѣли остающихся войскъ за Балканами будетъ слишкомъ мало, такъ какъ 4-й и 9-й корпуса, послѣ ратификаціи мирнаго договора, я долженъ тотчасъ расположить, согласно вчерашней моей телеграммы военному министру. А потому, еслибы дѣйствительно угрожала намъ опасность новой войны, прошу оставить здѣсь гренадеръ, а западныя арміи усилить 11-мъ и 12-мъ корпусами и 2-ою пѣхотною дивизіей. 14-й корпусъ необходимо удержать въ Болгаріи до полнаго очищенія турками Шумлы и Варны».

Телеграмма эта совсѣмъ не въ точку бьетъ. Не понимаю, почему Великій Князь, вполнѣ сознающій невозможность возбранить англійскому флоту пройти черезъ Босфоръ въ Черное море,—не говоритъ этого Государю прямо и опредѣленно, а вмѣсто этого заводитъ рѣчь о недостаточности войскъ, предназначенныхъ для достиженія этой цѣли. Разъ нѣтъ флота у насъ—не все ли равно, сколько сухопутныхъ войскъ? Насколько мы неуязвимы для англичанъ на сушѣ, настолько же и они для насъ на водѣ. Сегодня вернулся изъ Константинополя М. Д. Скобелевъ и говоритъ, что тамъ настроеніе скверное. Санъ-Стефанскій миръ никто не считаетъ серьезнымъ и всѣ ждутъ объявленія намъ войны Англіей, которая спѣшно къ ней готовится. Мобилизуются два англійскихъ корпуса и часть остъ-индскихъ войскъ. Въ Вульвичѣ и Портсмутѣ работаютъ день и ночь.

Цѣлый день буря съ дождемъ и даже съ грозою.

26 февраля.—Сегодня пароходъ «Владиміръ» ушелъ въ Россію съ графомъ Игнатьевымъ и Реуфъ-пашой. Повезли къ Государю санъ-стефанскій мирный договоръ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Послѣ вчерашней бури—море какъ зеркало, а солнце ярко сіяетъ на высокомъ безоблачномъ небѣ.

Военный министръ сообщилъ сегодня телеграммою, что всѣ предположенія Великаго Князя о расположеніи въ Болгаріи оккупаціонныхъ войскъ—Государемъ одобрены; о приведеніи же этихъ предположеній въ исполненіе будетъ въ свое время особое Высочайшее повелѣніе.

По случаю дня рожденія Наслѣдника, Великій Князь послалъ

32*

ему сегодня двѣ телеграммы: одну лично отъ себя, а другую слѣдующаго содержанія:

«Всѣ части дѣйствующей арміи поздравляютъ Ваше Высочество съ днемъ вашего рожденія, съ гордостью вспоминая то время, которое вы провели въ ея средѣ, доблестно, въ теченіе семи мѣсяцевъ, отстаивая всѣ старанія непріятеля пробиться черезъ командуемыя вами войска».

Что отвѣчалъ Наслѣдникъ—не знаю, но Государь откликнулся слѣдующею телеграммою отъ 3½ ч. дня, полученною въ 6½ час. вечера:

«Сердечно благодарю за Сашу. Далъ ему сегодня саблю съ бриллiантами за все время командованія рущукскимъ отрядомъ. Выходъ былъ въ большую церковь. На шифрованную телеграмму (см. 25-го февраля)—отвѣчу завтра».

27 февраля. — Прибыла въ распоряженіе Великаго Князя императорская яхта «Ливадія» и на ней главный командиръ генералъ-адъютантъ Аркасъ изъ Одессы. Говоритъ, что, судя по спокойному настроенію торговаго міра, войны не будетъ. Англійскіе консулы и купцы утверждаютъ, что Англія вовсе не расположена воевать и что на конгрессѣ все уладится. Дай Богъ!

Государь телеграфировалъ сегодня (получ. 5 ч. 11 м. дня):

«На всѣ вопросы твои получишь подробныя указанія съ фельдъегеремъ, отправляющимся завтра».

28 февраля. — Еще телеграмма Государя отъ 11¼ сегодняшняго утра:

«Гвардію можно будетъ отправить, приблизительно, около нашего 15-го марта. Дальнѣйшія указанія получишь съ генераломъ Анненковымъ, котораго отправляю къ тебѣ по прибытіи Игнатьева».

1 марта.—Великій Князь мучится головною болью. Однако, сегодня самъ составилъ и велѣлъ зашифровать слѣдующую депешу Государю (отправленную въ 2½ ч. дня):

«Для свѣдѣнія и твоихъ соображеній сообщаю, что гвардейскій корпусъ, начавъ отправку отсюда пятнадцатаго числа, будетъ

перевезенъ окончательно въ Одессу и Николаевъ къ десятому апрѣля; гренадерскій же корпусъ, начавъ перевозку десятаго апрѣля, окончитъ къ двадцать-пятому,—все это въ томъ случаѣ, если буря не помѣшаетъ».

Не вѣрю всѣмъ этимъ соображеніямъ, ибо никакъ не могу согласовать ихъ съ недавними еще свѣдѣніями о вызывающемъ образѣ дѣйствій англичанъ. Проекты обратной перевозки войскъ разстроятъ они, а не бури. Мысль объ англичанахъ вообще мнѣ покою не даетъ: каждый день жду отъ нихъ какой-нибудь крупной непріятности. Еслибъ мы въ свое время заняли Галлиполи, англійская эскадра не рѣшилась бы пройти Дарданеллы, и тогда былъ бы совсѣмъ другой разговоръ. Упущенное на войнѣ время—непоправимо.

2 марта.—Въ 5 ч. 40 м. дня получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня:

«Игнатьевъ только-что прибылъ. Благодарю искренно за письмо отъ 25-го февраля. Объ оставленіи румынами Виддина и Бѣлградчика не сожалѣю, а напротивъ, доволенъ, что мы ихъ займемъ нашими войсками».

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

«Радуюсь пріѣзду Игнатьева. Князья Дондуковъ и Имеретинскій пріѣхали сегодня. Здѣсь все пока тихо и спокойно».

3 марта.—Пріѣзжалъ къ Великому Князю турецкій великій визирь Ахмедъ-Вефикъ-паша, о чемъ Великій Князь сегодня вечеромъ телеграфировалъ Государю:

«Сегодня былъ у меня первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша; переговорили о выходѣ нашихъ войскъ. Все благополучно. Погода грязная, дождь, но тепло».

А я все не могу отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что дѣла наши обстоятъ неладно, и что мы не скоро отсюда выберемся. Многіе сердятся на меня за пессимизмъ; даже Великій Князь выразилъ удивленіе, куда дѣвались моя прежняя бодрость духа и спокойная увѣренность.

4 марта.—Великій Князь нашелъ нужнымъ вчера запро-

сить Государя, когда и куда отправить его сводно-гвардейскій почетный конвой (рота и полуэскадронъ). Сегодня утромъ полученъ отвѣтъ Государя отъ 8 ч. вчерашняго вечера:

«Сегодня принималъ Реуфа-пашу и вслѣдъ затѣмъ утвердилъ мирный договоръ. Дондукову-Корсакову можешь объявить теперь же его назначеніе. Мою конвойную роту и полуэскадронъ отправь сюда при первой возможности».

5 марта.—Загадочное затишье разразилось-таки сегодня крупною непріятностью, свалившеюся намъ какъ снѣгъ на голову, хотя ее можно и должно было предвидѣть. Оказывается, что мы, не спросясь хозяевъ, намѣтили пунктомъ посадки войскъ Буюкдере на Босфорѣ, руководствуясь единственно тѣмъ соображеніемъ, что тамъ посадка удобнѣе, чѣмъ на Мраморномъ морѣ, и къ тому же—не на глазахъ у англичанъ. Сдѣлали всѣ подготовительныя распоряженія, объявили даже по войскамъ и тогда лишь сообщили туркамъ. Сегодня пріѣхалъ къ Великому Князю самъ Савфетъ-паша, крайне встревоженный, и сталъ умолять отказаться отъ посадки въ Буюкдере, такъ какъ Лейардъ объявилъ ему, что въ такомъ случаѣ англійскій флотъ вступитъ въ Босфоръ. Великій Князь донесъ объ этомъ казусѣ Государю двумя шифрованными депешами слѣдующаго содержанія:

1) «Турки дѣлаютъ намъ затрудненія въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, въ виду англичанъ, которые будто бы могутъ принять движеніе нашихъ войскъ къ Босфору за желаніе наше овладѣть пунктомъ на Босфорѣ. Порты же на Мраморномъ и Черномъ моряхъ неудобны для посадки войскъ, ибо рейды открытые и при малѣйшемъ вѣтрѣ нѣтъ возможности пароходамъ стоять на рейдѣ [1]). Между тѣмъ, посадка войскъ въ Буюкдере есть единственное средство приблизиться къ Босфору для завладѣнія, въ случаѣ разрыва съ Англіей, пунктомъ на проливѣ, тѣмъ болѣе, что возможность

[1]) Не знаю, кто увѣрилъ въ этомъ Великаго Князя, но считаю это крайнимъ преувеличеніемъ. Конечно, посадка на Босфорѣ удобнѣе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она почти невозможна на Мраморномъ морѣ. Кромѣ того, Буюкдере внѣ нашего расположенія, слѣдовательно безъ предварительнаго соглашенія съ турками мы тамъ совсѣмъ не вправѣ распоряжаться.

захватить проливъ силою становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, такъ какъ турецкія войска изъ крѣпостей Болгаріи свозятся преимущественно въ Царьградъ, гдѣ ихъ уже до ста тысячъ. Сажать войска въ Мраморномъ морѣ, въ виду возможности разрыва съ Англіей, даже опасно, потому что суда наши могутъ быть ими тамъ захвачены».

2) (Подана около 12 ч. дня). «Савфетъ былъ сейчасъ у меня для того, чтобъ условиться о мѣстѣ посадки войскъ. Послѣ объясненія съ нимъ, дѣло, кажется, уладится по моему желанію. Несмотря на это, не найдешь ли нужнымъ приказать объясниться съ Лофтусомъ [1]), такъ какъ сію минуту получилъ увѣдомленіе, что англичане угрожаютъ Портѣ: въ случаѣ посадки нашихъ войскъ въ Босфорѣ, занять Босфоръ своею эскадрою».

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь послалъ еще телеграмму Государю:

«Не полагаешь ли полезнымъ, чтобы князь Дондуковъ прибылъ въ Петербургъ до вступленія въ должность, для полученія послѣднихъ указаній лично отъ тебя?»

Отвѣтъ на всѣ эти телеграммы былъ полученъ около 11 ч. вечера:

«Если имѣешь на кого возложить временно завѣдываніе гражданскими дѣлами, можешь разрѣшить Дондукову прибыть сюда. На твои двѣ шифрованныя телеграммы отъ 5-го марта отвѣчаю шифромъ».

И почти одновременно получена еще слѣдующая шифрованная телеграмма:

«Въ западную Болгарію полагалъ бы послать на первое время лишь небольшіе отряды, преимущественно кавалерійскіе, для поддержанія спокойствія и порядка. Отдѣлять же туда значительную часть войскъ было бы опасно, ибо теперь главною нашею заботою должно быть сосредоточеніе большихъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и Галлиполи раіонѣ на случай войны съ Англіей. Ожидаю твоихъ соображеній по содержанію письма военнаго министра отъ 27-го февраля».

[1]) Великобританскій посолъ въ Петербургѣ.

Великій Князь отвѣчалъ немедленно:

«Телеграмму твою отъ сегодня 6 часовъ получилъ. Фельдъегерь отъ 27-го февраля еще не пріѣзжалъ. Все будетъ исполнено по твоему желанію».

Телеграмму Государя надо понимать такъ: 4-й корпусъ не слѣдуетъ уводить въ Ускюбъ, Монастырь и Сересъ (см. телеграмму Великаго Князя отъ 24-го февраля и отчетъ Государю отъ 25-го февраля, отправленный на пароходѣ «Владиміръ»), а напротивъ: приблизить къ главнымъ силамъ. Но не могу понять, какимъ образомъ сосредоточеніе нашихъ войскъ къ Константинополю и Галлиполи можетъ помѣшать англичанамъ хозяйничать на морѣ. Не понимаю также, почему Великій Князь не говоритъ этого Государю прямо. Не понимаю наконецъ, какъ распутается вопросъ о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере, возникшій единственно по нашему же легкомыслію. Еслибъ мы заранѣе сговорились объ этомъ съ турками—намъ все-таки легче было бы поставить на своемъ, не взирая на протестъ англичанъ. Но теперь—не вижу, какъ намъ это удастся, тѣмъ болѣе, что англичане вполнѣ вѣрно поняли этотъ проектъ, какъ предлогъ завладѣть опорнымъ пунктомъ на берегу Босфора, и отвести имъ глаза на этотъ счетъ, конечно, не удастся. Намъ, изъ амбиціи, надо теперь настаивать на своемъ, а между тѣмъ это почти навѣрное приведетъ къ формальному разрыву съ Англіей, ибо она по этому вопросу ни за что не уступитъ: себѣ дороже стоитъ!

И выходитъ, что мы стоимъ наканунѣ европейской войны. А между тѣмъ, мы и не готовы, и устали. Безошибочно могу сказать, что никто не хочетъ новой войны. Даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Гурко, стремится домой. Онъ уже просился въ отпускъ на словахъ; но такъ какъ Великій Князь наотрѣзъ отказалъ, то онъ подалъ рапортъ съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Погода холодная и дождливая.

6 марта.—День тихій и пасмурный, но къ вечеру—шквалъ, гроза и затѣмъ сильный вѣтеръ.

Настроеніе невыносимо-напряженное. Мрачная неизвѣстность

душитъ, какъ кошмаръ. Нелидовъ говорилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ изъ Константинополя отъ германскаго посольства свѣдѣніямъ, Англія принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, такъ что избѣжать войны съ нею будетъ очень трудно. Великій Князь отправляетъ его сегодня въ Константинополь, попытаться уладить съ турками вопросы о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере.

Съ утра (въ $8^1/_2$ час.) Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Фельдъегерь еще не пріѣхалъ, депешу шифрованную еще не получалъ. Жду ее съ нетерпѣніемъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Со вчера мнѣ опять нездоровится: боль подъ ложкой назойливая, дѣйствуетъ на нервы, въ особенности когда есть заботы и хлопоты, которыхъ теперь снова немало. Пишу объ этомъ потому, что неоднократно желалъ знать о моемъ здоровьи. Работаю, сколько силъ хватаетъ».

Въ 1 ч. 10 м. дня получена шифрованная депеша Государя отъ $9^1/_2$ ч. сегодняшняго утра:

«Въ виду явно-враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо пріостановить отправленіе гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыву англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ, или исполнить — помимо ихъ?»

Время давно уже потеряно и никакими мѣрами мы не можемъ помѣшать англичанамъ вступить въ Босфоръ и въ Черное море, когда имъ это вздумается. Въ Петербургѣ воображаютъ, что можно, не имѣя флота, преградить англичанамъ доступъ въ Босфоръ подводными минами. Къ сожалѣнію, и въ нашихъ руководящихъ сферахъ признаютъ это возможнымъ, хотя и очень труднымъ. А помоему, это чистѣйшая химера. Даже на Дунаѣ (а не на морѣ!) и противъ такого безпомощно-бездѣятельнаго противника, какъ турки — намъ только одинъ разъ удалась минная атака, и то лишь потому, что это былъ первый разъ. Всѣ остальныя попытки минныхъ атакъ были неудачны, а постановка минныхъ загражденій на Дунаѣ ока-

залась совершенно недѣйствительною. Уповать на однѣ мины, какъ на средство парализовать активныя дѣйствія англійскаго флота — совершенно безнадежное дѣло. У англичанъ вѣдь тоже есть и мины, и средства борьбы съ ними, но кромѣ того есть и сильный боевой флотъ, котораго у насъ нѣтъ вовсе.

Что же касается до надежды на помощь намъ турокъ, то можно лишь изумляться, кто могъ внушить Государю столь несообразную мысль!

Великій Князь отвѣчалъ на эту телеграмму въ 2 ч. 30 м. пополудни шифромъ и попрежнему уклончиво. Сколько могу судить, у него просто не хватаетъ духу рѣшительно высказаться: опасается возбудить гнѣвъ Государя. Вотъ эта депеша:

«Телеграмму шифрованную и фельдъегеря съ письмомъ военнаго министра [1]) получилъ. Такъ какъ въ письмѣ говорится о сформированіи на лѣвомъ берегу Дуная арміи для дѣйствій противъ Австріи, а въ телеграммахъ вчерашней и сегодняшней говорится только о дѣйствіяхъ противъ Англіи, то означаетъ ли это, что со стороны Австріи намъ теперь нечего опасаться. Про турокъ ничего положительнаго сказать не могу; скорѣй,—они не будутъ намъ содѣйствовать. Обо всемъ подумаю, узнаю и немедленно сообщу».

Въ 5 час. дня была получена еще одна телеграмма Государя отъ 3 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

«Крайне сожалѣю, что ты опять чувствуешь себя хуже. Да подкрѣпитъ тебя Богъ въ теперешнюю критическую минуту, гдѣ твоя дѣятельность для меня столь необходима. Обращаю твое особенное вниманіе на мою шифрованную телеграмму отъ вчерашняго вечера. Реуфъ-паша отправляется обратно завтра».

Въ 7 час. 15 мин. вечера Великій Князь отвѣчалъ:

«Искренно благодарю тебя за депешу. Будь увѣренъ, что буду работать, сколько силъ хватитъ. Да поможетъ намъ Богъ. Нелидова послалъ въ Константинополь: когда вернется, соображу и сообщу».

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, вернулся Нелидовъ съ весьма неутѣшительными, но отнюдь не неожиданными извѣстіями

[1]) Этого письма Великій Князь мнѣ не показывалъ.

Тотчасъ же была составлена, зашифрована и въ $9^1/_2$ час. вечера отправлена Государю слѣдующая телеграмма:

«Нелидовъ вернулся изъ Константинополя. Турки, послѣ долгихъ совѣщаній, наотрѣзъ отказываютъ въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, говоря, что они къ этому принуждены. Поэтому занятіе Босфора мирнымъ путемъ будетъ мнѣ почти невозможно. Намъ на содѣйствіе турокъ въ случаѣ разрыва съ Англіей разсчитывать положительно нельзя. А приблизиться къ Босфору безъ согласія турокъ— повлечетъ неминуемо къ разрыву съ Англіей,—что при болѣе успокоительныхъ извѣстіяхъ изъ Европы, полученныхъ здѣсь въ посольствахъ, мнѣ кажется нежелательно. Въ случаѣ войны съ Англіею я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ. Да поможетъ намъ Богъ, чтобы до этого не дошло».

Остаюсь при убѣжденіи, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ мѣръ, которыми мы могли бы помѣшать англійскому флоту вступить въ Босфоръ. Простое занятіе Буюкдере или иного пункта на Босфорѣ не можетъ стѣснить свободное плаваніе англичанъ, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ вовсе артиллеріи большого калибра, могущей состязаться съ британскою судовою артиллеріею. Слѣдовало бы прямо и рѣзко разбить иллюзію захвата Босфора [1]).

7 марта.—Весь день буря, холодъ и дождь. Вчера Великій Князь приказалъ: 11-ю пѣхотную дивизію отправить на присоединеніе къ своему 11-му корпусу (32 пѣх. и 11 кав. дивизіи) въ Румынію; весь 12-й корпусъ стянуть ближе къ Рущуку; 26-ю пѣх. дивизію притянуть къ Адріанополю; «Русскому обществу пароходства и торговли» объявить, что по политическимъ обстоятельствамъ перевозка войскъ въ Россію откладывается на неопредѣленное время,—и поэтому только-что заключенный съ обществомъ договоръ считается недѣйствительнымъ.

[1]) Впослѣдствіи, уже по окончаніи войны, я узналъ, что мысль о захватѣ Босфора зародилась въ горячей головѣ Н. Н. Обручева, любителя смѣлыхъ, фантастическихъ плановъ. У него была особая способность увлекательно и настойчиво проповѣдывать свои завѣтныя идеи и вселять ихъ, путемъ пламеннаго внушенія, въ головы лицъ, власть имѣющихъ. Онъ такъ глубоко вѣрилъ въ свои идеи, что увлекалъ этою вѣрою и другихъ, даже такого спокойнаго и трезваго мыслителя, какъ Д. А. Милютинъ.

Въ теченіе сегодняшняго дня состоялся слѣдующій обмѣнъ телеграммъ между военнымъ министромъ и Великимъ Княземъ.

Отъ военнаго министра получены три телеграммы:

1) *Шифромъ.* «Изъ телеграммы Государя Императора сего числа (6-го) Вашему Высочеству уже извѣстно, что отправленіе гвардіи и гренадеръ должно быть пріостановлено, почему распоряженія о перевозкѣ всей арміи были бы теперь преждевременны. Необходимо прежде рѣшить общій планъ на случай войны; теперь же воспользоваться морскимъ путемъ для перевозки только того, въ чемъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ надобности для продолженія дѣйствій балканской арміи».

2) *Шифромъ:* «Прошу сообщить мнѣ для доклада Государю Императору соображенія относительно срытія дунайскихъ крѣпостей: признается ли болѣе для насъ выгоднымъ исполнить неотлагательно или удержать за собою которыя-либо изъ нихъ въ предвидѣніи войны. Какія приняты мѣры къ очищенію турками Шумлы и Варны?»

3) *Шифромъ:* «Нынѣ въ составѣ дѣйствующей арміи двадцать-пять донскихъ полковъ и четырнадцать батарей. Сколько изъ нихъ Ваше Высочество полагаете возможнымъ выдѣлить изъ арміи? Желательно двинуть ихъ къ нашей границѣ неотлагательно, равно какъ и одну изъ кавалерійскихъ дивизій».

Великій Князь отвѣчалъ слѣдующими шифрованными телеграммами:

1) «Крѣпости дунайскія полагалъ бы необходимымъ срыть и начать немедленно. Насчетъ Шумлы и Варны сказано туркамъ, чтобы живѣе очищали, и приказано Ванновскому подгонять ихъ на мѣстѣ».

2) «Могу послать отсюда 1-ю кавалерійскую дивизію, 1-ю донскую дивизію съ ихъ артиллеріею, 21-й, 26-й и 37-й донскіе полки и двѣ донскія батареи. Нужно ли и когда двинуть въ Россію, согласно вашего письма, 1-ю саперную бригаду. Куда надо направить всѣ вышепоименованныя части?»

Вечеромъ въ $9^1/_2$ час. послана телеграмма Государю:

«По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, настроеніе въ Европѣ какъ будто успокоительнѣе. Соображеніе (объ оборонѣ Босфора) составляю, постараюсь прислать какъ можно скорѣе. Погода ужасная,

холодъ и буря второй день, даже шелъ снѣгъ. Здоровье мое все то же, но работаю дѣятельно».

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ вчерашняго 6-го марта:

«Завтра выѣзжаютъ курьеры, которые повезутъ нашъ предварительный мирный договоръ съ Портою посламъ при всѣхъ великихъ державахъ, съ приказаніемъ его сообщить. Условлено, что на берлинскомъ конгрессѣ каждый сохраняетъ свободу оцѣнки и дѣйствій; мы требуемъ того же и въ той же степени для себя и не допускаемъ обязательства склоняться передъ большинствомъ, такъ какъ это было бы противно обычаю, всегда соблюдаемому на конгрессахъ. Хотя Андраши [1]) и увѣряетъ въ своемъ миролюбивомъ настроеніи, однако тройственное соглашеніе, затѣянное въ Вѣнѣ, не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Бисмаркъ предлагаетъ предварительную конференцію въ Берлинѣ изъ шести членовъ, частью вторыхъ уполномоченныхъ, частью мѣстныхъ пословъ, для разработки вопросовъ, имѣющихъ быть представленными конгрессу, созывъ котораго отсрочить впредь до окончанія работъ предварительной конференціи. Хотя мнѣ лично эта комбинація не представляется практическою, Государь Императоръ соизволилъ на нее согласиться, назначивъ для участія въ ней нашего второго уполномоченнаго Игнатьева. Но Англія отвергаетъ эту конференцію, какъ безполезную, настаивая при этомъ, чтобы въ случаѣ, если конгрессъ состоится, — можно было обсуждать всѣ статьи нашего предварительнаго договора. Однако, Германія надѣется устранить всѣ препятствія. Получилъ сію минуту телеграмму Убри [2]), который увѣдомляетъ, что предварительная конференція составится только изъ мѣстныхъ пословъ, для опредѣленія подробностей формальнаго свойства, не затрогивая никакихъ вопросовъ. Мы согласились».

8 марта.—Ночью получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя, поданная вчера въ 8 час. 10 мин. вечера.

«Обѣ твои шифрованныя вчерашнія телеграммы получены. Ка-

[1]) Австро-венгерскій первый министръ.

[2]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

сательно отношеній Австріи тебѣ извѣстно изъ телеграммы канцлера настоящее положеніе дѣлъ. Стратегическія соображенія наши остаются прежнія. Въ моихъ телеграммахъ не упоминалось объ Австріи потому, что въ нихъ заключались лишь указанія на ближайшій предметъ нашихъ заботъ и распоряженій, именно на Босфоръ. Судя по твоей послѣдней телеграммѣ [1]), надѣюсь вполнѣ, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату пролива, когда окажется нужнымъ. Прошу сообщить, къ какому именно сроку считаешь возможнымъ это исполнить. Образъ дѣйствій турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями, полученными здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатьева».

Очевидно, убѣжденіе въ возможности захватить Босфоръ, не имѣя флота, засѣло очень крѣпко. Вотъ результатъ цѣлаго ряда уклончивыхъ отвѣтовъ Великаго Князя. Надо было сразу и категорически объявить это предпріятіе неисполнимымъ, не смущаясь боязнью прогнѣвить Государя. Сомнѣнія нѣтъ, что послѣ перваго порыва неудовольствія онъ самъ понялъ бы всю фантастичность этого плана. Теперь Великому Князю ничего не остается, какъ продолжать ту же систему недомолвокъ, вѣроятно, въ надеждѣ, что дѣло какъ-нибудь «образуется» и обойдется безъ необходимости осуществлять неосуществимое. Онъ отвѣтилъ Государю въ 11 ч. утра:

«Телеграмму Горчакова получилъ вчера вечеромъ, а твою—сегодня ночью. На твою телеграмму отвѣчу, собравъ свѣдѣнія о положеніи дорогъ, которыя вслѣдствіе постоянныхъ дождей стали непроходимы. О дѣйствіяхъ турокъ могу сказать, что хотя они въ своихъ увѣреніяхъ къ намъ дружелюбны, но находятся подъ сильнымъ гнетомъ Англіи и особенно Лейарда, а потому на нихъ надѣяться нельзя. Стараюсь всѣми силами ускорить мое свиданіе съ султаномъ;—надѣюсь, что тогда, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ лучше».

Сегодня утромъ, когда я пришелъ къ Великому Князю, онъ встрѣтилъ меня словами: «Lieber Freund, jezt denken Sie nicht an Abreise» («Любезный другъ, теперь и не думайте объ отъѣздѣ»).

[1]) Государь, очевидно, принялъ очень серьезно слова Великаго Князя: «въ случаѣ войны съ Англіей я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ». Между тѣмъ—ничего изъ этихъ распоряженій выйти не можетъ.

Я отвѣтилъ, что давно потерялъ на это всякую надежду, а при теперешнихъ обстоятельствахъ объ этомъ и думать не смѣю. Его этотъ естественный отвѣтъ, очевидно, тронулъ, и онъ сталъ мнѣ жаловаться на Гурко, который такъ настойчиво просилъ отпуска, что онъ уже было-согласился, но, по полученіи телеграммы Государя о явно-враждебномъ настроеніи Англіи, послалъ сказать Гурко, что онъ его отпустить не можетъ. Оказалось, что Гурко былъ уже на пароходѣ, и его вернули чуть не за 5 минутъ до отплытія, и теперь онъ на Великаго Князя дуется. Этимъ въ свою очередь очень обижается Великій Князь. «Я дольше всѣхъ въ разлукѣ съ семьею,— сказалъ онъ мнѣ: — я самъ тоскую, я совсѣмъ боленъ и все-таки терплю, а другіе пристаютъ, чтобы я ихъ въ такое тяжелое время отпустилъ!» Великій Князь былъ такъ взволнованъ и озабоченъ, что я счелъ неделикатнымъ излагать ему цѣликомъ свой взглядъ на теперешнее положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что это отчасти имѣло бы видъ напоминанія мыслей, высказанныхъ уже раньше и оставленныхъ безъ вниманія. Теперь этимъ дѣла не поправишь.

Каждый день можно ожидать разрыва, прежде чѣмъ дойдетъ до конгресса. Англія принимаетъ всѣ мѣры, чтобъ вывести насъ изъ терпѣнія и вызвать на такой поступокъ, который оправдаетъ объявленіе намъ войны въ глазахъ англійскаго общественнаго мнѣнія. Лейардъ даже не скрываетъ своего намѣренія довести до войны. Онъ разсчитываетъ, что Турція, если и будетъ нѣкоторое время колебаться, то, наконецъ, все-таки возобновитъ войну съ нами, въ надеждѣ, благодаря союзу съ Англіей, вернуть многое изъ того, что утрачено. У насъ же наоборотъ, до сихъ поръ было въ большомъ ходу и лишь теперь поколебалось совершенно неосновательное мнѣніе, что Турція охотно будетъ за-одно съ нами противъ Англіи, ибо ей будто бы выгоднѣе съ нами дружить. Я всегда рѣшительно оспаривалъ это самообольщеніе: союзъ съ Турціей мы можемъ только *купить,* заключивъ съ нею дополнительное секретное соглашеніе о добровольномъ отказѣ отъ нѣкоторыхъ условій санъ-стефанскаго договора и преподнеся затѣмъ этотъ сюрпризъ Европѣ на берлинскомъ конгрессѣ. Такъ, напр., мы могли бы съузить слишкомъ широко раздвинутыя границы Болгаріи и подарить совсѣмъ контрибуцію, уплата которой все равно весьма гадательна. Тогда еще, мо-

жетъ быть, Турція и рѣшится на союзъ съ нами, но и то едва-ли. А между тѣмъ, ради этого союза, стоило бы сдѣлать серьезнѣйшія уступки—и вотъ почему.

Мы стоимъ теперь на берегу моря, имѣя за собою вплоть до Адріанополя совершенную пустыню. Живемъ подвозомъ изъ Константинополя, Малой Азіи и Одессы, ибо на двѣсти верстъ позади насъ нѣтъ ни куска хлѣба, ни клочка сѣна и даже мясо на исходѣ, ибо скотъ, который еще есть, начинаетъ падать отъ чумы или другой какой-то повальной болѣзни. Подвозъ съ тыла невозможенъ. Средства желѣзной дороги такъ слабы, что не въ силахъ поддерживать даже правильное срочное сообщеніе, а грунтовыя дороги—вязкая глина, растворяющаяся отъ каждаго дождя такъ, что даже верховая ѣзда затруднительна. Былъ случай, что лошадь, вытаскивая ногу изъ глины, оставила въ ней все копыто. Даже горныя дороги черезъ Балканы удобопроходимѣе глинистыхъ дорогъ между р. Тунджею и Мраморнымъ моремъ. Поэтому невозможно и мечтать о подвозѣ осадныхъ орудій съ тылу,—а безъ нихъ нечего и думать о борьбѣ съ англійскою судовою артиллеріей: противъ нея наши полевыя орудія—только плевательницы.

Каково же наше положеніе въ случаѣ войны съ Англіей и враждебнаго, даже просто колеблющагося положенія Турціи? Морской подвозъ прекратится немедленно, слѣдовательно, нечего будетъ ѣсть. Стѣснить свободу дѣйствій англійскаго флота нечѣмъ: разсчитывать на минныя загражденія, какъ я уже доказывалъ выше—пустая мечта.

А если Турція, подъ давленіемъ Англіи, тоже объявитъ намъ войну, что тогда? Допустивъ даже, что мы турокъ опять разобьемъ, но что выигрываемъ? Константинополь? Но это будетъ непосильное для насъ бремя. Не имѣя ни флота, ни подвоза съ тыла, пріобрѣтемъ городъ съ милліоннымъ населеніемъ, которое начнетъ умирать тысячами отъ голоду и заразительныхъ болѣзней, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и мы. Къ тому же мы въ городѣ не въ состояніи удержаться: англійская эскадра, сама ничѣмъ не рискуя, выкуритъ насъ оттуда бомбардировкою. А въ глазахъ всей Европы будемъ виноваты мы: пойдетъ общій вопль, что мы совершили «le crime de Constantinople». На вооруженное содѣйствіе Германіи разсчитывать нечего: она дальше

доброжелательнаго нейтралитета не пойдетъ. Въ дальнемъ тылу нашемъ—недоброжелательная, крайне-ненадежная Австрія и озлобленная противъ насъ Румынія.

Выходъ изъ этого отчаяннаго положенія только одинъ: намъ надо купить союзъ Турціи. Только въ союзѣ съ нею мы можемъ не допустить англичанъ въ Босфоръ и оградить отъ нихъ свободное плаваніе по Черному морю, т. е. обезпечить себѣ подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ. Если мы дѣломъ, а не словами убѣдимъ турокъ, что даемъ имъ больше, чѣмъ они могутъ ожидать отъ англичанъ, то они предоставятъ намъ и свой флотъ, и свои береговыя батареи въ Дарданеллахъ и Босфорѣ. И тогда мы можемъ смѣло вступить въ борьбу съ англичанами, съ серьезными шансами на успѣхъ.

Если же, какъ я опасаюсь, время для такого соглашенія съ Турціей противъ Англіи уже безвозвратно упущено, то есть и другой исходъ. Надо добровольно выйти изъ теперешняго невозможнаго положенія, очистивъ нынѣ занимаемыя нами позиціи и отступивъ къ Адріанополю. Занимая всю новую Болгарію и усиливъ войска въ Румыніи и Бессарабіи, мы станемъ въ совершенно неуязвимое положеніе и по отношенію и къ Англіи, и къ Турціи, парализуемъ непріязненность Румыніи и Австріи и въ короткое время можемъ устроить совершенно обезпеченное сухопутное сообщеніе съ отечествомъ черезъ Добруджу и Нижній Дунай.

Не угодно ли тогда выкурить насъ съ Балканскаго полуострова. Задача для турокъ непосильная, а для англичанъ невозможная.

Но, конечно, изъ ложнаго стыда, мы никогда не сдѣлаемъ ни того, ни другого: т.-е., не станемъ ни покупать союзъ Турціи, ни отступать. Въ Петербургѣ носятся съ призрачнымъ планомъ захвата Босфора. Хотятъ вынудить у султана категорическій отвѣтъ, на чьей онъ сторонѣ: на нашей или на англійской, а въ случаѣ неблагопріятнаго или уклончиваго отвѣта—занять Константинополь и Босфоръ хотя бы даже силою. Подобный образъ дѣйствій—самый желанный для Англіи, которая тотчасъ же выставитъ насъ зачинщиками европейской войны.

А между тѣмъ войны никто у насъ не хочетъ ни въ Петербургѣ, ни здѣсь. Поэтому время уходитъ на безполезные переговоры,

а когда эта безполезность станетъ очевидною—несносная канитель сразу оборвется какимъ-нибудь рѣзкимъ поступкомъ, вродѣ нашего насильственнаго водворенія въ Санъ-Стефано. На первыхъ порахъ оно какъ будто и привело къ успѣху, но въ конечномъ результатѣ—только большой вредъ. Успѣхъ отъ вступленія въ Санъ-Стефано былъ чисто декоративный. Чего мы этимъ достигли? Только ускорили подписаніе мира, тоже декоративнаго, ибо онъ ничего не стоитъ, пока не будетъ признанъ европейскимъ конгрессомъ. А между тѣмъ занятіе Санъ-Стефано вызвало во всей Европѣ совершенно основательное подозрѣніе, что мы стремимся къ овладѣнію Константинополемъ. Въ Англіи должна была примолкнуть сильная и вліятельная партія сторонниковъ мира. Когда въ парламентѣ была прочитана депеша Лейарда о нашемъ движеніи на Константинополь,—глава оппозиціи, маркизъ Гартингтонъ, всталъ и объявилъ, что беретъ назадъ свой протестъ противъ чрезвычайнаго кредита правительству. Это произвело столь сильное впечатлѣніе, что и теперь сторонники войны продолжаютъ его использовать: въ настоящее время англійское общественное мнѣніе вполнѣ подготовлено къ войнѣ, и если она будетъ объявлена—никто не дерзнетъ протестовать. Это будетъ война популярная.

Чѣмъ она кончится—Богу одному извѣстно. Но вѣрю твердо: черезъ какія бы тяжкія испытанія намъ ни пришлось пройти, Божія гроза пойдетъ намъ впрокъ. Россія должна выйти и выйдетъ изъ европейской войны обновленною и освѣженною. Но только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ думать и дѣйствовать обдуманно и послѣдовательно, а не подъ впечатлѣніями данной минуты. Вѣчныя колебанія и рефлективно-судорожныя мимолетныя рѣшенія приведутъ насъ только къ смутѣ и въ настоящемъ, и въ будущемъ. А въ хронической смутѣ невозможна правильная, здоровая жизнь.

Заходилъ вечеромъ опять къ Великому Князю. Попрежнему—томительная неизвѣстность. Въ теченіе дня онъ обмѣнялся съ Государемъ слѣдующими телеграммами.

Государь телеграфировалъ отъ 1 ч. 40 м. сегодня:

«Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на мою вчерашнюю шифрован-

ную телеграмму (т.-е. полученную въ ночь съ 7-го на 8-е марта, см. выше). Мы никакихъ успокоительныхъ свѣдѣній не получали (это отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ $9^1/_2$ час. веч. 7-го марта), а напротивъ того. Надѣюсь, что дурная погода не усилила болѣзненность. Здѣсь довольно тепло. Письмо къ тебѣ отправилъ вчера въ Стефано съ фельдъегеремъ».

Великій Князь отвѣчалъ въ 5 ч. 15 м. дня:

«Отвѣтъ послалъ сегодня на твою вчерашнюю телеграмму въ 11 часовъ утра. Утромъ былъ совершенно здоровъ, а послѣ обѣда сдѣлалось круженіе головы и общая слабость. Утомился потому, что работы много. Записка моя отправляется завтра».

Что это за записка—не знаю.

Военный министръ сообщилъ, что Высочайше разрѣшено немедленно приступить къ срытію дунайскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Никополя, но желательно подольше удержать Виддинъ, на случай войны съ Австріей.

9 марта.—Томительный день. Свѣдѣній—никакихъ и ни откуда. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у М. Д. Скобелева.

10 марта.—Холодно, вѣтрено, пасмурно; по временамъ налетаетъ мелкій дождь. Ѣздилъ съ Великимъ Княземъ на императорскую яхту «Ливадія». Осмотрѣли ее: яхта роскошная, никогда не видалъ столь изящнаго и комфортабельно-устроеннаго судна. Великій Князь пожелалъ совершить морскую прогулку на паровомъ катерѣ; я уклонился, ибо не нахожу удовольствія кататься въ такую скверную погоду. Вернулся съ генераломъ Раухомъ на берегъ на шлюпкѣ.

По возвращеніи съ прогулки, Великій Князь получилъ депешу отъ Государя (отъ 3 ч. 50 м. сегодня):

«Слава Богу, что тебѣ лучше и что здоровье въ войскахъ удовлетворительно. Празднуемъ сегодня, по обыкновенію, большимъ обѣдомъ рожденіе императора Вильгельма. Новаго особеннаго ничего нѣтъ».

Въ 7 ч. веч. Великій Князь отвѣчалъ:

«Благодарю за депешу. Сегодня, чтобъ отдохнуть отъ занятій,

ѣздилъ на паровомъ катерѣ до Босфора. Морской воздухъ мнѣ очень пользителенъ. Здѣсь мы праздновали тоже рожденіе императора. Всѣ суда расцвѣтились флагами, вездѣ музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Поздравлялъ императора отъ своего имени и всей арміи. Какъ твое здоровье и Императрицы?»

Телеграмма императору Вильгельму была послана еще съ утра:

«Прошу В. В. принять почтительныя поздравленія мое и ввѣренной мнѣ арміи, имѣющей честь считать въ своихъ рядахъ три полка, августѣйшимъ шефомъ коихъ Вы состоите [1]). Да услышитъ Господь Богъ всѣ мои благопожеланія Вашему Величеству».

12 марта.—Неизвѣстность полная. Даже берлинскій конгрессъ сталъ вопросомъ, ибо Англія настаиваетъ на пересмотрѣ всего санъ-стефанскаго договора по статьямъ, а мы, конечно, этого не хотимъ. Нелидовъ полагаетъ, что, по соглашенію съ Бисмаркомъ и Андраши, удастся изобрѣсти такую формулу, которая обойдетъ англійскія требованія и поставитъ лондонскій кабинетъ въ невозможность уклониться отъ участія въ конгрессѣ. Со стороны Австріи пока нѣтъ опасеній, а одни сомнѣнія. На Турцію разсчитывать нечего; она, конечно, будетъ на сторонѣ Англіи. Очевидно, по настоянію Лейарда, турки уже заняли своими войсками Буюкдере и начали возводить тамъ укрѣпленія. Теперь очень важно поскорѣе выяснить, какое положеніе займетъ Османъ-паша, котораго Государь приказалъ освободить изъ плѣна. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ ожидаютъ его прибытія въ Константинополь. Его мнѣніе будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Нелидовъ все-таки надѣется на возможность скоро созвать берлинскій конгрессъ. Тотъ острый кризисъ, который переживаемъ теперь, надо терпѣливо переждать; а когда конгрессъ состоится,—самимъ предложить нѣкоторыя уступки, чтобы отнять у англичанъ возможность ихъ вымогать. Напримѣръ, отказаться отъ контрибуціи, которую все равно не получимъ, а воевать изъ-за этого—все равно что затрачивать тысячу рублей изъ-за полученія двадцати-

[1]) С.-Петербургскій гренадерскій, Калужскій пѣхотный и драгунскій Военнаго ордена.

рублеваго долга. Сверхъ того, мы смѣло можемъ отказаться отъ прирѣзаннаго къ Болгаріи береговогo участка Эгейскаго моря съ гаванью Кавала̀. Жители этого участка не болгары, а греки, а гавань на Эгейскомъ морѣ вовсе не нужна ни намъ, ни болгарамъ. А между тѣмъ изъ-за этой Кавалы бѣснуется почти вся европейская печать, подозрѣвая насъ въ желаніи имѣть, подъ видомъ болгарской, свою станцію на Эгейскомъ морѣ. А куда намъ она, когда у насъ и черноморскаго флота нѣтъ.

Принцъ Александръ Баттенбергскій заходилъ проститься: сегодня уѣзжаетъ совсѣмъ. Во вторникъ, 14-го, уѣзжаетъ на нѣкоторое время въ Петербургъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, въ сопровожденіи генерала Галла.

Прибылъ изъ Петербурга генералъ Анненковъ, привезъ Великому Князю какое-то письмо отъ Государя, по поводу котораго Великій Князь телеграфировалъ сегодня, въ 9 час. 45 м. вечера:

«Искренно благодарю за письмо отъ 6-го числа: Анненковъ прибылъ сейчасъ. Всѣ твои указанія, высказанныя въ письмѣ, буду стараться всѣми силами исполнить. Завтра съ Анненковымъ обо всемъ подробно переговорю. Дай Богъ, чтобы турки, послѣ пріѣзда Реуфа (изъ Петербурга), выяснили свое положеніе».

Князь Горчаковъ сообщилъ сегодня, что графъ Игнатьевъ сегодня утромъ поѣхалъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, чтобы установить и упрочить соглашеніе къ предстоящему конгрессу. Сомнѣваюсь, однако, чтобъ это удалось, ибо въ Австріи ему довѣряютъ столь же мало, какъ и въ Турціи [1]).

13 марта.—Въ 3 часа Великій Князь объявилъ мнѣ, что завтра наконецъ ѣдетъ къ султану, и въ составѣ своей свиты беретъ и меня. Самъ Великій Князь съ наличными членами импе-

[1]) Недѣли двѣ спустя, мнѣ это вполнѣ откровенно высказалъ, конечно съ-глазу-на-глазъ, австрійскій военный агентъ, флигель-адъютантъ баронъ Лёнейзенъ. «Какъ жаль,—говорилъ онъ,—что вашъ Государь послалъ къ нашему, для такихъ интимныхъ переговоровъ, профессіональнаго дипломата, а не одного изъ отличившихся на войнѣ генераловъ, какъ, напр., Гурко, Тотлебена, князя Имеретинскаго или Радецкаго. Каждый изъ нихъ были бы встрѣченъ императоромъ съ сердечнымъ довѣріемъ, и соглашеніе было бы достигнуто легко и скоро.

раторской фамиліи, высшимъ генералитетомъ и своими личными адъютантами пойдетъ въ Константинополь на императорской яхтѣ «Ливадія»; остальная свита—на военномъ пароходѣ «Константинъ». Для временнаго пребыванія Великаго Князя будетъ отведенъ Бейлербейскій дворецъ, гдѣ онъ приметъ отвѣтный визитъ султана.

Изъ-за мѣста отдачи этого визита были долгія пререканія, главнымъ образомъ и затянувшія визитъ, который Великій Князь давно порывался сдѣлать. Султанъ, опасающійся выѣзжать далеко изъ своей резиденціи Ильдизъ-кіоскъ (Звѣздный кіоскъ), предлагалъ Великому Князю одинъ изъ ближайшихъ дворцовъ на Босфорѣ, Долма-Бахче или Чераганъ, а Великій Князь настаивалъ, чтобы султанъ отдалъ ему визитъ или въ Санъ-Стефано, или на яхту «Ливадія». Наконецъ, помирились на Бейлербейскомъ дворцѣ, находящемся на азіатскомъ берегу Босфора.

14 марта, вторникъ.—Въ 9 ч. утра всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя, въ мундирахъ при орденахъ, сѣли на паровые катера и переѣхали съ берега на «Ливадію» и «Константинъ». Въ 10 ч. отплыли при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. На обоихъ пароходахъ играли хоры музыки. Замѣчу мимоходомъ, что при распредѣленіи лицъ свиты по пароходамъ была совершена нѣкоторая безтактность: представителей иностранныхъ армій при нашей главной квартирѣ пригласили не на «Ливадію», а на «Константинъ». Вслѣдствіе этого, прибыли только двое: американскій—лейтенантъ Гринъ и японскій—полковникъ Ямазама. Французскій—полковникъ Гальяръ, германскій—маіоръ Лигницъ, австрійскіе—подполковникъ баронъ Лёнейзенъ и капитанъ Болла—обидѣлись и не пріѣхали вовсе.

Въ $11^{1}/_{4}$ ч. утра оба парохода съ музыкою вступили въ Босфоръ. Всѣ стоявшія тамъ военныя суда подняли наши военные флаги, выставили караулы, послали матросовъ по вантамъ и привѣтствовали насъ криками «ура». «Ливадія» стала на якорь противъ дворца Долма-Бахче, на европейскомъ берегу, а нашъ «Константинъ» перешелъ къ азіатскому и сталъ противъ дворца Бейлербей, въ которомъ (незадолго до франко-германской войны) останавливалась императрица Евгенія во время своего путешествія на Востокъ.

Къ «Ливадіи» тотчасъ подошли парадные турецкіе каюки (шлюпки) и свезли Великаго Князя съ находившимися при немъ особами на берегъ. Тогда «Ливадія» перешла на азіатскій берегъ и, когда мы всѣ [1]) сошли съ «Константина», спустила на берегъ на шлюпкахъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа изъ пятидесяти красавцевъ-матросовъ при четырехъ офицерахъ, со знаменемъ и хоромъ музыки.

Султанъ ожидалъ Великаго Князя на нижней площадкѣ лѣстницы дворца Долма-Бахче, окруженный всѣми министрами и высшими сановниками, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ старый знакомый Гази [2])-Османъ-паша. Великій Князь, князь Евгеній Максимиліановичъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій были въ турецкихъ лентахъ Османіе (у великаго князя Николая Николаевича Младшаго турецкой ленты нѣтъ). Изъ нашихъ генераловъ только у Скобелева-отца оказалась турецкая лента.

Турецкій почетный караулъ отдалъ Великому Князю честь, музыка сыграла «Боже, Царя храни».

Султанъ, привѣтливо поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, пригласилъ его въ гостиную и посадилъ рядомъ. Со стороны султана сѣли: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, князь Евгеній Максимиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; со стороны Великаго Князя—дѣйств. стат. сов. Нелидовъ, первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-паша и 1-й драгоманъ стат. сов. Ону. Прочія сопровождавшія Великаго Князя особы остались въ сосѣдней залѣ. Это были генералъ-адъютанты Гурко, графъ Шуваловъ, князь Масальскій, Поповъ (вице-адмиралъ) и Гершельманъ; генералъ-лейтенанты Скобелевъ 1-й, Скобелевъ 2-й и Галлъ; свиты его величества генералъ-маіоръ Левицкій, генералъ-маіоры Раухъ и Яфимовичъ и всѣ личные адъютанты Великаго Князя.

[1]) То-есть, всѣ вообще генералы и флигель-адъютанты, всѣ начальники отдѣловъ полевого управленія, всѣ состоящіе при Великомъ Князѣ для порученій и всѣ офицеры генеральнаго штаба главной квартиры.

[2]) Гази—значитъ «непобѣдимый». Титулъ этотъ былъ ему пожалованъ султаномъ послѣ третьей Плевны, если не ошибаюсь.

Послѣ обмѣна любезностей, Великій Князь представилъ султану свою свиту, а онъ—свою. Оффиціальное начало разговора происходило черезъ посредство Ахмеда-Вефикъ-паши. Но затѣмъ султанъ отошелъ и сѣлъ съ Великимъ Княземъ на отдѣльный диванъ въ глубинѣ гостиной, и тогда всѣ наши и турецкіе сановники тотчасъ же отошли и сгруппировались въ отдаленіи. Султанъ движеніемъ руки подозвалъ нашего перваго драгомана Ону (давно ему извѣстнаго) и началъ при его посредствѣ бесѣдовать съ Великимъ Княземъ наединѣ. Подробности этой бесѣды, конечно, остались неизвѣстными всѣмъ, кромѣ Ону и Нелидова, которые въ тотъ же день составили, для представленія Государю, подробнѣйшій отчетъ. Бесѣда наединѣ продолжалась почти цѣлый часъ. Затѣмъ встали; султанъ проводилъ Великаго Князя до нижней площадки лѣстницы и любезно простился съ нимъ. Въ $12^1/_2$ ч. дня Великій Князь со свитою сѣлъ на ожидавшій его паровой катеръ и переѣхалъ на азіатскій берегъ въ Бейлербей [1]).

Пока все это происходило, мы, т.-е. главная масса свиты, имѣли время подробно осмотрѣть прелестный Бейлербейскій дворецъ, бѣлый мраморный, двухъ-этажный, въ выдержанномъ мавританскомъ стилѣ.

Дворецъ окруженъ небольшимъ, маловажнымъ садомъ и каменной стѣной. Внутреннее убранство прелестное, въ восточномъ стилѣ, но явно-европейской работы. Полы устланы нѣжными, плотными соломенными матами безукоризненной чистоты, покрыты узкими ковровыми половиками. Комнаты—исключительно парадныя, безъ всякихъ жилыхъ удобствъ. Потолки лѣпные, арабесками; перила лѣстницы – рѣзныя. Замѣчательны окна — цѣльныя зеркальныя и необыкновенно прозрачныя. Большую часть нижняго этажа занимаетъ центральная великолѣпная зала съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посерединѣ, въ которомъ, какъ говорятъ, султанъ Абдулъ-Азисъ, заставлялъ при себѣ купаться своихъ одалисокъ. Въ верхнемъ этажѣ такая же зала, но безъ бассейна. Потолки поддерживаются

[1]) Все вышеизложенное извлечено изъ отчета Великаго Князя Государю, составленнаго мною со словъ Непокойчицкаго; все, что слѣдуетъ далѣе и чему я уже былъ очевидцемъ, извлечено изъ того же отчета, съ дополненіемъ личными моими впечатлѣніями.

витыми колоннами изъ лаписъ-лазури. Изъ каждой залы, наверху и внизу, по восьми открытыхъ дверей въ небольшія роскошныя гостиныя. Изъ всѣхъ оконъ—обворожительные виды на Босфоръ съ Золотымъ Рогомъ и на Константинополь.

На дворѣ, отъ пристани до дворца, стояли одинъ противъ другого два почетныхъ караула: нашъ, отъ гвардейскаго экипажа, со знаменемъ и хоромъ музыки, и турецкій, отъ дворцовой гвардіи, одѣтой вродѣ нашихъ пажей. Въ рядахъ этой гвардіи были молодые люди не старше 30-ти лѣтъ (а можетъ быть и моложе) и

Карликъ султана Абдулъ-Гамида.

мальчики отъ 18 до 15-ти лѣтъ. Сзади караула, неизвѣстно зачѣмъ, стоялъ породистый негръ, огромнѣйшаго роста, эбеновой черноты, съ необыкновенно-крупными, ярко-малиновыми губами. Кромѣ хора музыки, при турецкомъ почетномъ караулѣ было еще десять человѣкъ съ длинными трубами, на которыхъ, вѣроятно, играть нельзя, потому что эти декоративные музыканты только держали трубы противъ ртовъ, даже не прикасаясь къ нимъ губами.

У самой пристани стоялъ еще третій почетный караулъ, тоже турецкій, изъ рослыхъ смуглыхъ молодцовъ въ несовсѣмъ свѣжихъ курткахъ обыкновеннаго турецкаго образца.

Когда подошелъ паровой катеръ съ Великимъ Княземъ и его отборною свитою, всѣ три караула отдали честь и заиграли русскій гимнъ. Великій Князь привѣтливо поздоровался съ турками и прошелъ во дворецъ, гдѣ немедленно начали обносить угощеніе: фрукты, шербетъ, варенье разныхъ сортовъ, чай и папиросы. Примѣрно черезъ полчаса показался паровой катеръ подъ султанскимъ штандартомъ. Великій Князь тотчасъ приказалъ всей многочислен-

Турецкій фельдфебель.

ной свитѣ стать шпалерами по обѣ стороны дворцовой лѣстницы, а самъ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максимиліановича, Александра Петровича Ольденбургскаго и старшихъ генераловъ, встрѣтилъ султана на пристани. Въ моментъ вступленія его на берегъ — всѣ три караула отдали честь и заиграли турецкій гимнъ, очень звучный и музыкальный. Великій Князь съ султаномъ, имѣя позади себя свиту изъ нашихъ и высшихъ турецкихъ сановниковъ, направился мимо по-

четныхъ карауловъ ко дворцу и поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Мы всѣ, стоявшіе шпалерами, держали руки подъ козырекъ. Султанъ, маленькій, тщедушный, некрасивый и горбоносый, шелъ робко, медленно, сгорбившись; на немъ былъ наглухо-застегнутый черный сюртукъ съ двумя звѣздами и красная феска съ черною кисточкой. Онъ имѣлъ необыкновенно жалкій видъ рядомъ съ та-

Черкесъ султанскаго конвоя.

кимъ величественнымъ, рослымъ красавцемъ, какъ нашъ Великій Князь. Турецкіе сановники были въ парадныхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ, несравненно менѣе роскошныхъ, чѣмъ наши. Особенною простотою одежды бросались въ глаза турецкіе генералы сравнительно съ нашими. Въ свитѣ султана я немедленно узналъ старыхъ знакомыхъ: Намыка, Савфета, Реуфа, Мехмеда-Али и Гази-Османа пашей. На послѣднемъ красовалась пожалованная ему по возвращеніи изъ плѣна высшая турецкая звѣзда; я замѣтилъ также,

что шашка была та самая, которую ему возвратилъ нашъ Государь послѣ благодарственнаго молебна подъ Плевною. Реуфъ-паша имѣлъ на себѣ ленту и звѣзду Бѣлаго Орла, только что пожалованнаго ему Государемъ въ Петербургѣ. Изъ турокъ особенно выдѣлялись еще: первый министръ, красивый старикъ Ахмедъ-Вефикъ-паша, красавецъ и щеголь Фуадъ-паша, начальникъ султанскаго конвоя (старшiй сынъ знаменитаго Шамиля, служившiй прежде въ нашемъ конвоѣ и ушедшiй въ Турцiю [1]), и наконецъ какой-то паша въ мундирѣ съ красными лацканами. Ни раньше, ни послѣ я ни одного турка въ такомъ мундирѣ не видалъ.

Когда султанъ съ Великимъ Княземъ поднялись наверхъ, мы всѣ двинулись вслѣдъ. Оба они прошли въ одну изъ боковыхъ гостиныхъ, пригласивъ съ собою только Савфета-пашу и Ону; мы всѣ остались въ большой центральной залѣ. Тотчасъ же мы всѣ окружили и привѣтствовали Гази-Османа-пашу, который прежде всего спросилъ черезъ переводчика, гдѣ М. Д. Скобелевъ, и когда тотъ подошелъ, онъ, видимо, обрадовался и оживленно началъ бесѣдовать съ нимъ. Съ прочими турками разговоры шли вяло и клеились плохо. Шамиль демонстративно сторонился отъ насъ.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся около двадцати минутъ въ присутствiи Савфета, султанъ всталъ и простился съ Великимъ Княземъ, который—а вслѣдъ за нимъ и мы всѣ—проводилъ его до пристани. Вся свита его была на катерѣ, который уже приготовился къ отвалу, какъ вдругъ султанъ вышелъ изъ своей раззолоченной рубки и позвалъ Ону. Послѣднiй, выслушавъ султана, доложилъ Великому Князю: «Его величество вспомнилъ, что Ваше Высочество говорили ему о своемъ намѣренiи посѣтить германскаго посла князя Рейсса и его тещу, герцогиню Софiю Саксенъ-Веймарскую [2]). Его величество предлагаетъ Вашему Высочеству: не угодно ли вмѣстѣ переѣхать на тотъ берегъ, а оттуда, въ султанской каретѣ, въ домъ германскаго посольства».

[1]) Младшiй сынъ Шамиля, Мухамедъ-Шефи Шамиль, остался служить въ нашемъ конвоѣ, вышелъ въ отставку генералъ-маiоромъ и поселился съ семьей въ Казани; тамъ онъ женился вторично на дочери одного богатаго татарина и умеръ въ прошломъ 1906 году. Я его зналъ лично.

[2]) Дочь королевы Нидерландской Анны Павловны и, слѣдовательно, двоюродная сестра Государя и его братьевъ.

Великій Князь тотчасъ же съ удовольствіемъ согласился, взошелъ на катеръ и поблагодарилъ султана за вниманіе. Тогда султанъ поручилъ Ону пригласить также и великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максиміліановича и Александра Петровича Ольденбургскаго. Само собою разумѣется, пригласилъ и Ону, такъ какъ безъ него не могло бы быть никакого разговора [1]).

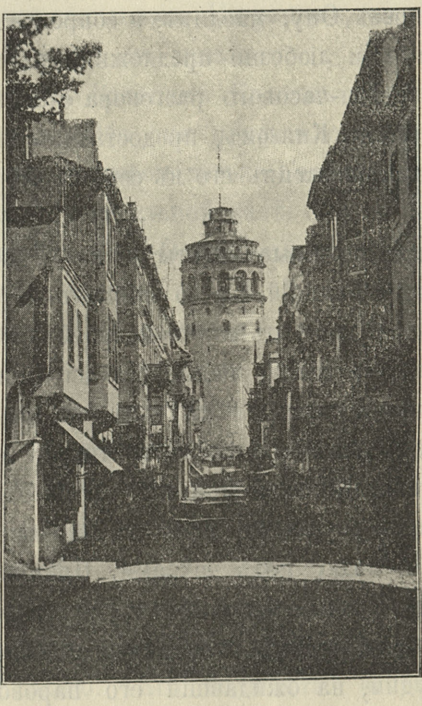
По прибытіи ко дворцу Долма-Бахче, султанъ неожиданно пригласилъ Великаго Князя зайти къ нему вторично, чтобы поговорить еще разъ, черезъ Ону, наединѣ; а сопровождавшимъ членамъ императорской фамиліи любезно предложилъ развлечься осмотромъ дворца. Послѣ четверти-часового разговора султанъ очень сердечно простился съ Великимъ Княземъ, предоставивъ въ его распоряженіе свою карету и пригласивъ его къ себѣ къ обѣду на 15-е марта, къ 6-ти часамъ.

Сдѣлавъ предположенные визиты князю Рейссу и герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, Великій Князь поѣхалъ въ нашъ посольскій домъ, куда уже успѣли прибыть изъ Бейлербея всѣ знакомые съ придворными обычаями, а также наиболѣе догадливые и проворные чины свиты. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я туда не попалъ, и очень потомъ сожалѣлъ, что не видѣлъ эффектную сцену: когда Великій Князь подъѣхалъ къ посольскому дому, моментально открылись двуглавые орлы на воротахъ, бывшіе во все время войны, по обычаю, подъ чехлами. Принявъ хлѣбъ-соль отъ Нелидова, Великій Князь отслушалъ въ посольской часовнѣ благодарственный молебенъ, затѣмъ отправился въ Топхане́, тамъ сѣлъ, въ $4^1/_2$ ч. пополудни, на ожидавшій его паровой катеръ и вернулся на «Ливадію», уже стоявшую противъ Топхане́ на бочкѣ. Тамъ къ нему немедленно явились командиры всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на константинопольскомъ рейдѣ: всѣ эти суда въ теченіе цѣлаго дня были полурасцвѣчены флагами.

По отъѣздѣ Великаго Князя съ султаномъ изъ Бейлербея, мы всѣ, нѣсколькими рейсами на шлюпкахъ, перешли на пароходъ «Константинъ». Знатоки придворныхъ обычаевъ и ихъ наблюдатель-

[1]) Все нижеизложенное, относящееся до Великаго Князя, онъ мнѣ передалъ лично, для включенія въ его всеподданнѣйшій отчетъ, изъ коего я это и выписалъ.

ные подражатели поспѣшили тотчасъ же, на паровыхъ катерахъ и шлюпкахъ, на европейскій берегъ, чтобы отыскать Великаго Князя и присоединиться къ нему, а большинство, въ томъ числѣ и я, сѣли на пароходной палубѣ (подъ тентомъ) обѣдать. Тѣмъ временемъ, такъ-называемый «свѣжій вѣтеръ» началъ разводить зыбь: опытный командиръ парохода предупредилъ насъ, что желающимъ попасть къ ночи въ Санъ-Стефано надо теперь же съѣзжать на бе-

Константинополь.
Башня въ предмѣстьи Галата.

регъ въ Константинополь, чтобы возвратиться по желѣзной дорогѣ, ибо съ парохода никого нельзя будетъ спустить на берегъ въ Санъ-Стефано: шлюпки не въ состояніи будутъ тамъ причалить.

Пароходъ уже былъ окруженъ цѣлою стаею турецкихъ каюковъ. Пообѣдавъ, я съ тремя другими лицами нанялъ одинъ изъ нихъ. Каюкъ полетѣлъ стрѣлою къ берегу и высадилъ насъ на грязную и мрачную набережную Галаты, противъ правленія французскаго пароходнаго общества «Messageries maritimes». Темными, гряз-

ными и узкими, какъ корридоры, переулками мы выбрались на такую же грязную улицу, застроенную столь же грязными каменными домами безобразной архитектуры, и, повернувъ по этой улицѣ наугадъ, случайно вышли на главную улицу Галаты. Эта улица была хотя столь же непривлекательна, но значительно шире и по ней ходила конка. Разумѣется, и за нами, и впереди, и по бокамъ все время шла густая толпа любопытныхъ. Многіе назойливо просили милостыню. Мы только-что разсуждали между собой, у кого бы спросить, гдѣ станція желѣзной дороги, какъ вдругъ навстрѣчу попались мои товарищи Скугаревскій и Энгельгардтъ, оба въ статскомъ платьѣ. Они объяснили моимъ спутникамъ какъ пройти на желѣзную дорогу, а меня уговорили остаться съ ними въ Константинополѣ, гдѣ они уже со вчерашняго дня поселились въ «Hôtel de Bysance». Чтобы попасть туда, надо было перейти изъ Галаты въ Перу. Галата—гдѣ преобладаютъ греки, армяне и левантинцы—на самомъ берегу Босфора и Золотого Рога, а Пера расположена надъ нею на горѣ, амфитеатромъ. Подъемъ туда по улицамъ—очень кружный и утомительный. Товарищи повели меня къ туннелю, служащему кратчайшимъ сообщеніемъ между главными улицами Галаты и Перы: мы сѣли въ вагончикъ желѣзной дороги, и черезъ пять минутъ были наверху. Главная улица Перы оказалась гораздо лучше и несравненно чище главной улицы Галаты: дома и магазины имѣли вполнѣ европейскій видъ. Дойдя до «Hôtel de Bysance», я занялъ комнату во второмъ этажѣ за 20 франковъ въ сутки на полномъ пансіонѣ, и затѣмъ мы опять отправились на прогулку. Пошли сперва пѣшкомъ по всей главной улицѣ Перы, которая очень круто спускается къ Золотому Рогу, подъ конецъ даже ступеньками, такъ что тутъ можно только идти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ. Дойдя до Золотого Рога, перешли по мерзѣйшему деревянному мосту въ мусульманскую часть города, Стамбулъ. Рядомъ съ этимъ мостомъ строился очень красивый желѣзный мостъ, но онъ не былъ доведенъ до конца. Мой мундиръ (товарищи были въ статскомъ) сразу привлекъ толпу любопытныхъ, которая все время неотступно слѣдовала за нами, а на мосту сплотилась еще тѣснѣе. Перейдя мостъ, Скугаревскій предложилъ мнѣ и Энгельгардту подождать, пока онъ поищетъ извозчика, такъ какъ дальше дороги

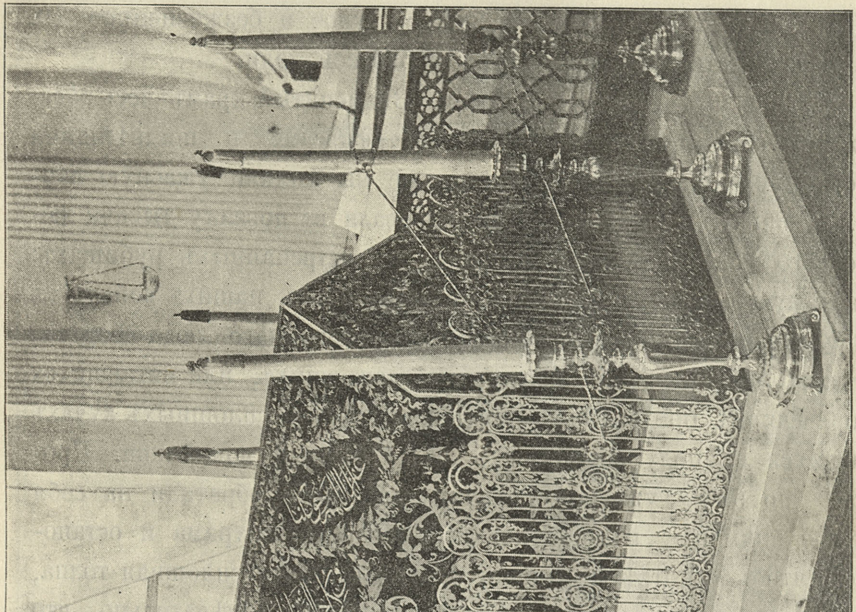
не зналъ. Тутъ насъ сразу обступила и начала разглядывать огромная толпа. Это вѣдь былъ первый случай появленія въ Константинополѣ русскаго офицера въ военной формѣ. Настроеніе толпы было, впрочемъ, вполнѣ дружелюбное. Тѣмъ не менѣе, очень скоро появился и раздвинулъ толпу полицейскій, отогнавъ отъ насъ тѣхъ, которые назойливо просили милостыню. Исполнивъ свой долгъ, онъ заговорилъ съ нами ломанымъ русскимъ языкомъ, выражая свое удовольствіе, что тяжелая война кончилась и мы пріѣхали просто въ гости. Эти добродушныя изліянія были прерваны возвращеніемъ Скугаревскаго въ нанятомъ имъ маленькомъ четвероместномъ ландо, по часамъ, три франка въ часъ. Экипажъ и лошади были весьма неважные. Извозчикъ оказался болгариномъ, такъ что мы могли объясняться съ нимъ довольно свободно. По его словамъ, почти всѣ константинопольскіе извозчики—изъ болгаръ.

Поѣхали кататься по улицамъ Стамбула. Многія довольно широки, по нѣкоторымъ проложены конно-желѣзныя дороги. Мѣстная особенность: передъ каждымъ вагономъ конки бѣжитъ скороходъ и—вмѣсто звонка—крикомъ предостерегаетъ экипажи и прохожихъ. На самыхъ бойкихъ улицахъ новые каменные дома, иногда довольно красивые, чередуются съ жалкими лачугами, а то и просто съ развалинами или грудами мусору, Богъ вѣсть откуда сваленнаго. Про маленькія боковыя улицы и говорить нечего. Грязь вездѣ—ужасающая; читалъ я про нее немало, но дѣйствительность превзошла описанія. По всѣмъ улицамъ уныло бродятъ или кучами лежатъ пріобрѣвшія всемірную извѣстность собаки, единственные санитары Царьграда. Всѣ онѣ на одно лицо: полу-волкъ, полу-лисица, грязно-желтой масти, со свалявшеюся или противно-облѣзлою шерстью. Но замѣчательно смирны, даже трусливы: несомнѣнное слѣдствіе полуголодной жизни.

Улицы часто прерываются старыми кладбищами одного и того же типа: чудные, высочайшіе, многовѣковые кипарисы, полуразрушенные памятники (каменные столбы съ чалмами или плиты стоймя), полуразвалившіяся каменныя ограды. На этихъ кладбищахъ давно уже никого не хоронятъ, но ихъ чтятъ и не упраздняютъ.

Экипажъ не избавилъ насъ отъ любопытства уличныхъ зѣ-

вакъ и отъ назойливости нищихъ. Цѣлыя толпы бѣжали по обѣ стороны; нѣкоторые оборванцы просовывали къ намъ руки. Женщины также обнаруживали сильнѣйшее любопытство. Только не-

Константинополь.
Могила султана Мурада (предмѣстника Абдулъ-Меджида).

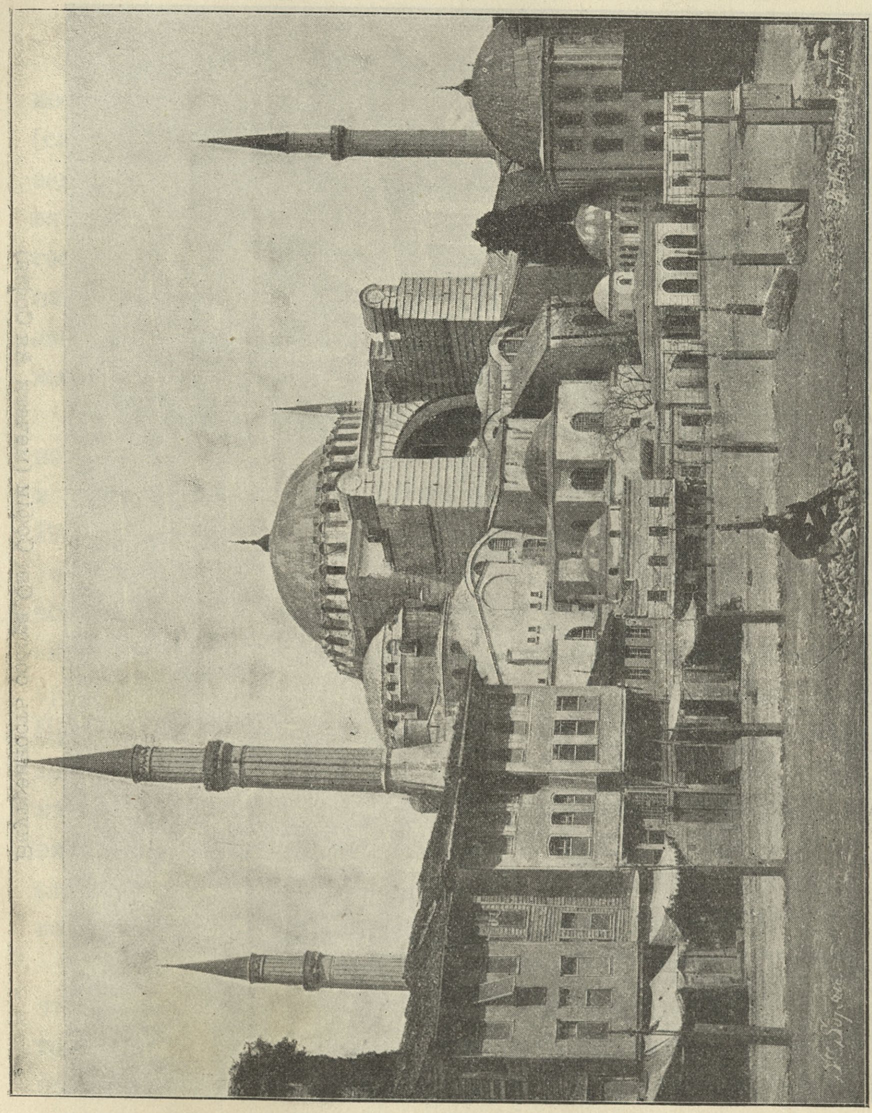
сомнѣнно старыя и безобразныя плотно закрывали себѣ лица «яшмаками»; тѣ же, которыя считаютъ себя привлекательными, носятъ яшмаки прозрачные, какъ вуали. Но красивыхъ мы вовсе не видали. Даже молодыя лица одутловаты, съ желтизной, глаза отекшіе или заплывшіе. Выраженіе лица — тупое и безжизненное. На нихъ печать затворнической жизни и рабской доли.

Доѣхали наконецъ до Ая-Софіи. Знаменитый храмъ весь обезображенъ какими-то уродливыми контрфорсами и позднѣйшими аляповатыми пристройками. Внутри же мы застали ужасную картину. И внизу, и на хорахъ бивакировали въ повалку тысячи людей обоего пола и всякаго возраста, въ истрепанныхъ рубищахъ: это все мусульманскія семейства, бѣжавшія отъ нашихъ войскъ въ Стамбулъ. Добрая половина всего этого несчастнаго люда состояла изъ тяжко-больныхъ, или неподвижно-лежавшихъ, или метавшихся въ горячечномъ бреду. Очень возможно, что въ сплошныхъ кучахъ валявшихся на полу несчастныхъ людей были и покойники. Пробираясь по этому ужасному биваку, мы скоро обратили на себя всеобщее вниманіе, и когда дошли до середины храма и остановились, чтобъ осмотрѣться—насъ окружила почти сплошная толпа, уставившаяся на насъ мрачно и сосредоточенно. Замѣчательно, что ни одна рука не протянулась къ намъ за милостыней, какъ это было на улицахъ. Видя устремленные на насъ мрачные взгляды, мы рѣшили, что пожалуй лучше намъ уйти. Въ эту самую минуту, прежде чѣмъ мы тронулись съ мѣста—толпа вдругъ начала раздаваться въ стороны: показался медленно-идущій турокъ-полицейскій, величавымъ мановеніемъ палочки раздвигавшій передъ собою толпу. Дойдя до насъ, онъ приложилъ руку къ фескѣ и знаками пригласилъ слѣдовать за собою, что мы съ удовольствіемъ исполнили. Толпа молча давала намъ дорогу, и мы, осторожно лавируя между лежащими на полу больными (преимущественно женщинами и дѣтьми), выбрались на воздухъ.

Извозчикъ объяснилъ намъ, что какъ только мы вошли въ храмъ, къ нему подошелъ полицейскій и, узнавъ, что изъ трехъ русскихъ одинъ въ военной формѣ, немедленно пошелъ вслѣдъ за нами на выручку. По его словамъ, среди бивакирующей въ храмѣ толпы свирѣпствуютъ всевозможныя заразныя болѣзни, и ежедневно оттуда

выносятъ по нѣскольку покойниковъ: входить въ храмъ безъ крайней необходимости не слѣдуетъ.

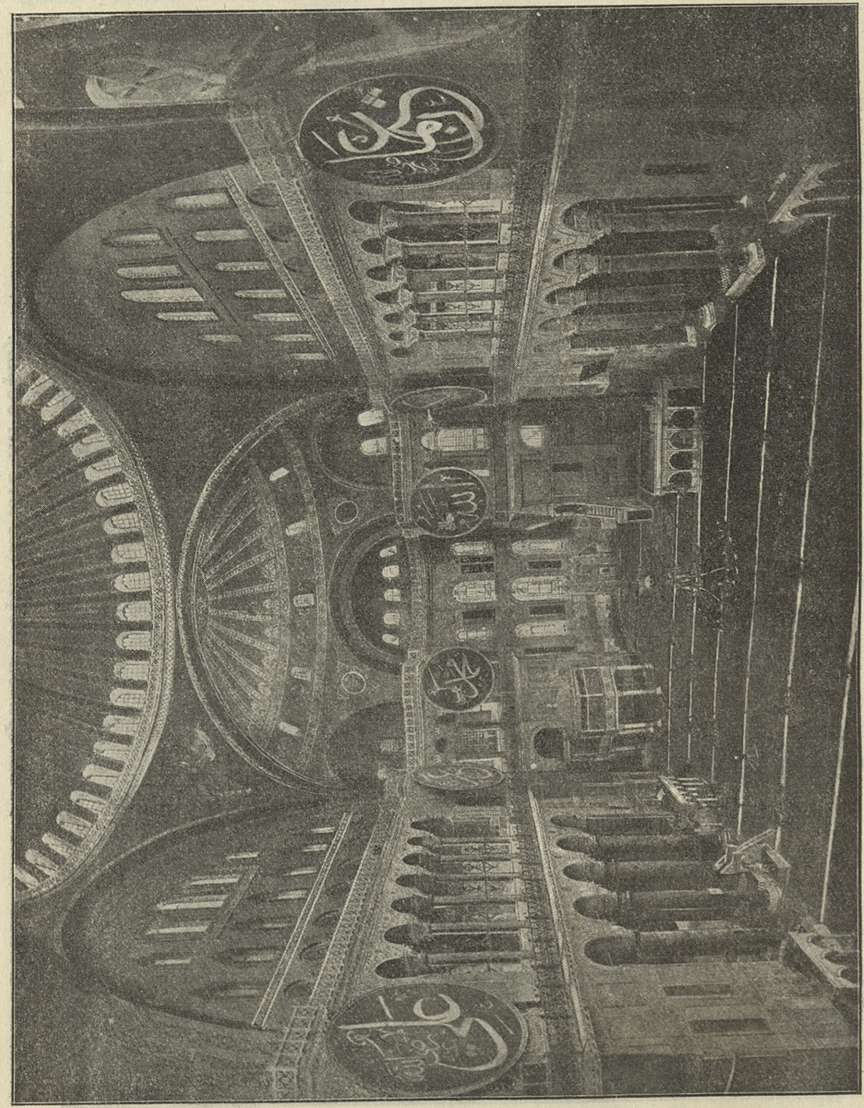
Нашъ избавитель-полицейскій не ограничился тѣмъ, что вы-

Соборъ Св. Софіи (мечеть Ая-Софія).

велъ насъ изъ Ая-Софіи, а пошелъ за нами вслѣдъ, очевидно для огражденія насъ отъ какого-нибудь новаго легкомысленнаго поступка. Обойдя подъ его наблюденіемъ храмъ, мы обратили особенное вниманіе на площадь съ другой стороны, окруженную зда-

ніями несомнѣнной древности. Размѣры площади невелики: она не больше піацца-Санъ-Марко въ Венеціи. Отсюда прошли пѣшкомъ (полицейскій и извозчикъ—слѣдомъ за нами) къ большой величе-

Внутренность собора Св. Софіи (мечети Ая-Софія).

ственной мечети Ахмеда, окруженной шестью минаретами (обыкновенно ихъ два или четыре). Внутри ея нашли такое же скопленіе несчастныхъ бѣглецовъ, какъ въ Ая-Софіи, и прошли по ней, предшествуемые нашимъ добровольнымъ тѣлохранителемъ. Выйдя изъ

мечети, осмотрѣли площадь «Атмейданъ», бывшій византійскій ипподромъ, на которомъ сохранились обелискъ и двѣ колонны временъ Ѳеодосія Великаго. Этимъ закончили сегодняшнюю прогулку и, поблагодаривъ полицейскаго, поѣхали въ свой отель.

15 марта. — Утромъ, какъ только я всталъ, появился въ моемъ номерѣ корреспондентъ «Новаго Времени» А. Д. Ивановъ (случайно узнавшій о моемъ прибытіи) и предложилъ ѣхать вмѣстѣ осматривать базаръ. Я съ удовольствіемъ согласился, и мы отправились туда въ экипажѣ, захвативъ съ собой коммиссіонера отъ гостинницы. Это оказалось мудрою предосторожностью: безъ опытнаго спутника намъ никогда не удалось бы ни оріентироваться въ лабиринтѣ константинопольскаго базара, ни отдѣлаться отъ осаждавшихъ насъ любопытныхъ и нищихъ.

Базаръ—громадное, высокое, сводчатое зданіе, скупо освѣщенное какъ сверху, такъ и съ боковъ, окнами, пробитыми въ сводѣ и въ наружныхъ стѣнахъ. Вмѣсто пола—отвратительная мостовая. Внутреннее пространство пересѣкается множествомъ проходовъ, выходящихъ на разные городскіе улицы и переулки. Лавки или совсѣмъ открытыя, или же въ видѣ небольшихъ комнатъ безъ дверей, вмѣсто которыхъ служатъ ковры или просто куски грубой матеріи, преимущественно яркихъ цвѣтовъ: краснаго, малиноваго, желтаго. Празднаго народу и нищихъ—нетолченая труба. Товаръ въ массѣ—дрянной. Единственно стоющія вниманія вещи—ковры, восточныя матеріи и оружіе. Цѣны—ужасныя: безъ опытнаго проводника намъ ничего не удалось бы купить, ибо не пришло бы въ голову, насколько нужно сбавлять запрашиваемыя цѣны. Только благодаря коммиссіонеру и удалось сдѣлать нѣсколько удачныхъ покупокъ.

Только-что я вернулся съ базара въ гостинницу, какъ узналъ, что за мной приходило уже нѣсколько нарочныхъ: Великій Князь требуетъ на яхту «Ливадія». Разумѣется, я поспѣшилъ разсчитаться съ гостинницею и отправился на пристань Топхане́, а оттуда на турецкомъ каюкѣ на «Ливадію». Ни Великаго Князя, ни Непокойчицкаго еще не было: оба были на берегу. Командиръ «Ливадіи» самъ провелъ меня въ назначенную мнѣ каюту, куда уже былъ поставленъ, по личному приказанію Великаго Князя, письменный столъ.

Въ скорости Великій Князь пріѣхалъ и, выразивъ свое удовольствіе, что я такъ скоро явился (онъ посылалъ за мною и въ Константинополь и въ Санъ-Стефано), — велѣлъ составлять отчетъ Государю о вчерашнемъ визитѣ къ султану.

Въ $5^1/_2$ ч. дня Великій Князь простился съ сыномъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, который отправился, для поправленія разстроеннаго здоровья, въ Россію, на пароходѣ «Константинъ», въ сопровожденіи генерала Галла съ сыномъ и отцовскаго адъютанта, поручика Муханова.

Вслѣдъ за ихъ отплытіемъ, самъ Великій Князь поѣхалъ въ Ильдизъ-Кіоскъ обѣдать къ султану, который пригласилъ еще только троихъ: князя Евгенія Максимиліановича, принца Александра Петровича Ольденбургскаго и старика Д. И. Скобелева. Приглашеніе послѣдняго состоялось, кажется, по недоразумѣнію: султанъ думалъ, что онъ-то и есть прославленный герой. На «Ливадіи» остались и обѣдали вмѣстѣ лица ближайшей свиты Великаго Князя, съ Непокойчицкимъ во главѣ. Въ $11^1/_2$ ч. вечера Великій Князь вернулся отъ султана, очень довольный, и подѣлился съ нами своими впечатлѣніями. Къ султанскому обѣду были приглашены паши: Ахмедъ-Вефикъ, Намыкъ, Савфетъ и Реуфъ, два турецкихъ гофмаршала и нашъ первый драгоманъ Ону. Султанъ былъ чрезвычайно любезенъ. Послѣ обѣда пригласилъ Великаго Князя побесѣдовать наединѣ и болѣе двухъ часовъ разговаривалъ съ нимъ черезъ драгомана Ону. Въ заключеніе обѣщалъ безусловный нейтралитетъ на случай войны съ Англіей и объявилъ Великому Князю, что проситъ его принять на память и въ знакъ дружбы четырехъ арабскихъ жеребцовъ, которые уже отосланы въ Санъ-Стефано.

Допуская полную искренность со стороны султана, я все-таки думаю, что ему просто невозможно будетъ сдержать свое обѣщаніе быть нейтральнымъ: если Англія начнетъ войну съ нами, то она вынудитъ султана идти также противъ насъ. Ему другого выбора не будетъ: господствуя на моряхъ, Англія можетъ отнять у него, что ей вздумается.

16 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Переписавъ утромъ составленный вчера отчетъ Государю о свиданіи съ султаномъ, я

представилъ его Великому Князю къ подписи. Отправка его задержалась, однако, до 6-ти ч. вечера, ибо у Нелидова не былъ готовъ подробный дипломатическій отчетъ князю Горчакову для доклада Государю. Содержаніе этого документа, конечно, осталось для меня неизвѣстнымъ. Нелидовъ работалъ на берегу, въ зданіи посольства, и прислалъ отчетъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ. Немедленно по его прибытіи, фельдъегерь переѣхалъ на ожидавшій его почтовый пароходъ нашего черноморскаго общества и отправился въ Одессу.

Сегодня утромъ Великій Князь передалъ мнѣ входящія и исходящія телеграммы отъ 14 и 15 марта.

Телеграммы, отправленныя имъ Государю *еще 14 марта:*

1-я, отъ 5 ч. дня: «Сейчасъ вернулся съ визита отъ султана: пріемъ былъ отличный, могу даже сказать—радушный. Онъ отдалъ тотчасъ мнѣ визитъ въ Бейлербей, который данъ въ мое распоряженіе. Встрѣтилъ его съ почетнымъ карауломъ роты гвардейскаго экипажа. Потомъ онъ взялъ меня на свой пароходикъ и привезъ обратно во дворецъ Долма-Бахче. Былъ сначала застѣнчивъ, а потомъ все болѣе и болѣе любезенъ. Подробности разскажетъ Николаша [1]), который уѣзжаетъ завтра, и донесу письменно. Былъ у Рейсса и видѣлъ Софію Веймарскую. Остаюсь здѣсь до завтра вечера [2]), потому что обѣдаю завтра у султана».

«Свиданіе съ султаномъ состоялось въ наилучшихъ условіяхъ. Пріемъ дружелюбный и сочувственный. Въ бесѣдѣ наединѣ султанъ далъ мнѣ формальное увѣреніе въ прямодушіи своей политики по отношенію къ намъ и выразилъ желаніе закрѣпить тѣсное сближеніе съ нами, при условіи, чтобы мы открыли къ тому возможность путемъ облегченія условій мира. Онъ подчеркнулъ чрезвычайную трудность своего положенія: слабость, до которой онъ доведенъ, лишаетъ его возможности дѣйствовать. Султанъ очень сожалѣетъ объ инцидентѣ Буюкдере, но необходимость вынудила его отказать. Еще разъ выразилъ надежду на смягченіе мирныхъ условій, ради укрѣпленія дружескихъ связей и сохраненія добраго со-

[1]) Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

[2]) Пришлось остаться сутками дольше, въ ожиданіи дипломатическаго отчета Нелидова.

гласія. Общее впечатлѣніе свиданія: поставленный между Англіей и нами, султанъ желалъ бы избѣжать столкновенія, а если оно все-таки произойдетъ — сохранить по отношенію къ намъ дружественный нейтралитетъ».

Я лично понимаю султанскія слова нѣсколько иначе. Даже тайно-доброжелательный нейтралитетъ Турціи, на случай войны съ Англіей, мы должны купить у султана цѣною смягченія мирныхъ условій и для того вступить съ нимъ вновь въ секретные переговоры. А такъ какъ мы этого намека не понимаемъ или не хотимъ понимать, то нечего и разсчитывать на содѣйствіе Турціи. Не получивъ ничего отъ насъ, султанъ естественно бросится (тайно или явно, смотря по обстановкѣ) въ объятія Англіи. Понять не могу, какъ можно обольщать себя надеждою на безкорыстное содѣйствіе турокъ противъ англичанъ.

Телеграммы отъ 15 марта:

1) Государя, отъ 4 ч. дня 14-го марта, получена въ ночь на 15-ое марта:

«Дондуковъ прибылъ. Жду съ нетерпѣніемъ послѣдствій возвращенія Реуфа и твоего свиданія съ султаномъ. Осмотрѣнные мною сегодня запасные баталіоны первой гвардейской дивизіи и саперъ нашелъ въ отличномъ состояніи. Надѣюсь, что тебѣ лучше».

2) Отвѣтъ Великаго Князя, посланный 15-го марта утромъ:

«Благодарю за депешу. Изъ моихъ двухъ депешъ, русской и французской, ты могъ видѣть первыя впечатлѣнія. Сегодня завтракаю у Рейсса, а обѣдаю у султана: увижу, какъ пойдетъ дѣло дальше. Николашу посылаю сегодня: все хвораетъ. Не успѣю съ нимъ написать, но онъ разскажетъ многое на словахъ. Дня черезъ два или три пошлю курьера съ подробностями, ранѣе не успѣть. Надѣюсь видѣть Реуфа на этихъ дняхъ. Сегодня здоровье мое удовлетворительно».

3) Шифрованная телеграмма Государя, отъ 15-го марта, получена въ 9 ч. вечера 15-го марта:

«Вчерашнія двѣ телеграммы твои и сегодняшнюю получилъ. Разговоръ твой съ султаномъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Кромѣ того, что было передано Игнатьевымъ Реуфу, мы никакихъ уступокъ дѣлать не можемъ. Соображенія твои въ запискѣ отъ 9-го

марта, полученной сегодня, одобряю. Дальнѣйшія указанія дамъ по полученіи свѣдѣній отъ Игнатьева изъ Вѣны».

Ясно, что Государь не придаетъ цѣны любезностямъ султана и никакихъ практическихъ послѣдствій отъ свиданія 14-го марта не ждетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—не желаетъ дѣлать никакихъ уступокъ для привлеченія султана на нашу сторону. Слѣдовательно—изъ переговоровъ ничего не выйдетъ, и султанъ останется тайнымъ сторонникомъ Англіи.

4) Телеграмма Государя, отъ сего 16-го марта, получена уже въ Санъ-Стефано, послѣ 7 ч. вечера:

«Желалъ бы весьма, чтобы свиданіе твое съ султаномъ не осталось безъ послѣдствій. Горчаковъ сообщаетъ тебѣ мое приказаніе, которое прошу исполнить немедля. На будущей недѣлѣ ожидаю пріѣзда Миши [1]) съ женою и двумя старшими дѣтьми. Сожалѣю, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ о твоемъ возвращеніи и думать нельзя».

5) Великій Князь отвѣчалъ сегодня, 16-го марта, вечеромъ:

«Получилъ твою телеграмму съ извѣстіемъ о пріѣздѣ скоромъ Миши въ Петербургъ. Какъ ни тяжела 16-ти-мѣсячная отлучка изъ дому, но всегда готовъ исполнить твои приказанія, насколько силъ хватитъ. Горчакова телеграмму еще не получалъ».

Мы ушли на яхтѣ «Ливадія» въ началѣ седьмого часа вечера, тотчасъ по отъѣздѣ фельдъегеря въ Одессу. При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ очень дурной признакъ, наглое нарушеніе англичанами морского этикета. Когда «Ливадія» тронулась, то всѣ стоявшія на рейдѣ суда, *кромѣ англійскихъ,* послали матросовъ по вантамъ и отдали честь великокняжескому брейдъ-вымпелу. За эту явно-умышленную дерзость слѣдовало бы потребовать удовлетворенія, какъ за оскорбленіе русскаго военнаго и притомъ еще великокняжескаго флага. Великій Князь оставилъ это безъ вниманія.

17 марта.—По возвращеніи нашемъ вчера изъ Стамбула въ Санъ-Стефано, уже поздно вечеромъ, были получены двѣ шифрованныя телеграммы князя Горчакова, на французскомъ языкѣ, которыя привожу въ переводѣ:

[1]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

1) «Весьма секретными путями мы ознакомились съ перепискою англійскаго адмиралтейства и адмирала Горнби, отъ 14-го до 17-го февраля новаго стиля. Адмиралтейство предлагаетъ адмиралу обратить особое вниманіе на проливы и зорко слѣдить за всякими попытками погруженія минъ и т. п.; спрашиваетъ, достаточны ли его силы для уничтоженія береговой артиллеріи. Горнби отвѣчалъ утвердительно насчетъ русскихъ и отрицательно на тотъ случай, если турки обратятъ свои береговыя батареи противъ англичанъ; Галлипольскую позицію считаетъ весьма слабою и безъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ совершенно необезпеченною.

2) «Въ виду дружественности свиданія Вашего Императорскаго Высочества съ султаномъ и телеграммы Нелидова о томъ, что положеніе улучшается—Государь желаетъ, чтобы вы настояли на предъявленіи Портою энергическаго требованія Лондону объ удаленіи эскадры изъ Мраморнаго моря. Турецкое правительство должно сознать необходимость разсѣять впечатлѣніе двусмысленности своего поведенія и доказать намъ на дѣлѣ, что оно рѣшилось дѣйствовать съ нами заодно».

Это и есть та телеграмма, по которой требуется немедленное исполненіе. Но можно опасаться, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Какая выгода туркамъ ссориться съ Англіей и становиться на нашу сторону? А еслибъ даже турки исполнили наше требованіе—развѣ англичане ихъ послушаютъ? Едва-ли полезно предъявлять такія неисполнимыя требованія.

Зайдя утромъ къ Великому Князю, я узналъ, что онъ уже отвѣтилъ на вчерашнюю телеграмму Государя шифромъ:

«Телеграмму Горчакова получилъ. Объ этомъ мною уже говорено съ султаномъ и Реуфомъ; буду настаивать на этомъ. Сегодня, по случаю пятницы, лично видѣть султана не могу».

Завтра опять ѣдемъ въ Константинополь.

Около 6 ч. вечера получена полушифрованная телеграмма Государя отъ $4^1/_2$ ч. дня:

«Вчерашнія твои двѣ телеграммы и сегодняшнюю шифрованную получилъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдствій. Изъ Вѣны еще не получилъ рѣшительнаго отвѣта. Лордъ Дерби вышелъ изъ министерства: его замѣнилъ Салисбюри, весьма намъ враждебный.

Сожалѣю весьма, что тебѣ опять нездоровится. Смотрами моими запасныхъ частей гвардіи остался весьма доволенъ».

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 8 ч. 40 м. вечера:

«Благодарю за телеграмму. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Вѣны. Радуюсь, что ты остался доволенъ гвардейскими запасными баталіонами. Здѣсь пока новаго ничего».

18 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Отплыли изъ Санъ-Стефано въ 10 ч. утра и около 11¼ ч. стали на якорь въ Золотомъ-Рогѣ. Великій Князь не велѣлъ поднимать свой брейдъ-вымпелъ, чтобъ англичане не могли повторить враждебную демонстрацію (см. 16 марта). Погода—восхитительная; видъ на Константинополь и Скутари, съ Золотымъ-Рогомъ и Босфоромъ—волшебный.

Великій Князь и съ нимъ нѣкоторыя лица свиты отправились къ принцу Рейссу; я туда не былъ приглашенъ, такъ какъ, по незнанію этикета, не расписался у него 14-го марта, когда Великій Князь ѣздилъ съ оффиціальнымъ визитомъ. А такъ какъ Великій Князь разсчитывалъ остаться весь день на берегу для бесѣды съ султаномъ и его министрами, то я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы погулять по Константинополю. Почти весь день прогуляли большою компаніей.

Вечеромъ Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ султаномъ слѣдующее:

«*Наисекретнѣйше.* Желаніе твое исполнено. Султанъ, Реуфъ и даже Вефикъ обѣщаютъ послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на то, что и наши войска уходятъ. Но для облегченія возможности этого заявленія, основаннаго на явной отправкѣ моремъ, я рѣшился взять на себя отправить изъ Санъ-Стефано въ Одессу Подольскій полкъ съ четырехфунтовою батареею. Кромѣ того, выведены уже изъ Болгаріи: весь 11-й корпусъ, бригада 36-й пѣхотной дивизіи, бригада кавалеріи и на походѣ: бригада саперъ, 1-я кавалерійская дивизія, 1-я донская дивизія и три казачьихъ полка. Для успѣха дѣла султанъ просилъ строжайшаго секрета о вышесказанныхъ соглашеніяхъ. Прошу тебя очень принять мѣры, чтобы слухъ о предстоящемъ заявленіи преждевременно не распространился».

Хитрость, шитая бѣлыми нитками! Наивно воображать, что англійская эскадра удалится восвояси по случаю отъѣзда въ Россію одного полка съ батареею! Что касается турокъ, то имъ ничего не стоитъ попросить англичанъ уйти. Наше желаніе будетъ исполнено, а англичане все равно не уйдутъ.

Радецкому еще въ 3 часа послано самимъ Великимъ Княземъ приказаніе отправить Подольскій пѣхотный полкъ, и вечеромъ получена отъ него изъ Чаталджи отвѣтная телеграмма: полкъ вмѣстѣ съ 6-ою батареею 14-й артиллерійской бригады выступаетъ 20-го и прибудетъ въ Санъ-Стефано 21-го послѣ полудня. Будетъ имѣть при себѣ шестидневный запасъ сухарей и патроны во вьюкахъ, а изъ обоза—только денежный ящикъ и аптечную двуколку.

Вечеромъ же получена шифрованная телеграмма военнаго министра отъ 10 ч. 20 м. вечера 17-го:

«Государь Императоръ изволитъ находить необходимымъ на случай занятія Босфора перевезти изъ Россіи орудія большого калибра, въ особенности мортиры. Его Величество увѣренъ и надѣется, что будутъ приняты къ тому всѣ необходимыя мѣры. О томъ, изъ какихъ пунктовъ и какое число орудій и мортиръ слѣдуетъ перевезти, благоволите приказать снестись съ генералъ-адъютантомъ Баранцевымъ [1]), который находится нынѣ въ Одессѣ и мѣстопребываніе котораго всегда извѣстно генералъ-адъютанту Семекѣ [2]).—Милютинъ».

Распоряженіе совершенно неисполнимое. Непостижимо, что въ Петербургѣ этого не понимаютъ. Какая возможность, въ виду англійской эскадры, доставить черезъ все Черное море, свезти на берегъ и установить на непринадлежащемъ намъ Босфорѣ артиллерію большого калибра?!

Что-то отвѣтитъ Великій Князь! Его положеніе отчаянно-трудное. Не рѣшившись сразу и категорически отвергнуть фантастическій планъ захвата Босфора, онъ далъ этому плану возможность развиться и укрѣпиться въ Петербургѣ. А теперь, когда предъявлено требованіе осуществить эту фантазію немедленно—ему все-

[1]) Товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера.

[2]) Командующій войсками одесскаго военнаго округа.

таки придется объяснять, что это немыслимо, и онъ же останется виноватъ.

Много превосходнѣе высказываться всегда на чистоту, чтобы не доводить до такихъ роковыхъ недоразумѣній въ послѣднюю минуту!

19 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Тяжелый день. Положеніе невыносимое. Государь настойчиво требуетъ перехода къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ—исполненіе его повелѣній невозможно безъ возобновленія войны, чего онъ также не желаетъ. Просто заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Не отвѣчая военному министру на его вчерашнюю телеграмму [2]), Великій Князь телеграфировалъ сегодня Государю шифромъ:

«Жду отвѣта турокъ насчетъ сдѣланнаго мною имъ, по твоему приказанію, требованія объявить англичанамъ о выходѣ флота изъ Дарданеллъ. До полученія отъ нихъ отвѣта, нѣтъ возможности вступить съ турками въ переговоры насчетъ занятія Босфора. Войска же готовы и всѣ распоряженія сдѣланы, чтобы, въ случаѣ приближенія англійской эскадры къ Босфору, немедленно двинуться на Терапію. Объ орудіяхъ большого калибра распоряженія сдѣланы, но опредѣлить не могу, когда они могутъ быть нагружены, и доставить ихъ теперь въ Босфоръ невозможно».

Въ 2 ч. 40 м. дня получена слѣдующая рѣшительная телеграмма Государя (шифромъ), отправленная изъ Петербурга вчера, 18-го марта, въ 11 ч. 55 м. вечера:

«Соображенія, изложенныя въ твоемъ письмѣ 9-го марта, въ общихъ чертахъ одобряю. Разрывъ съ Англіей почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи? Если заодно съ нами, то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ, на европейскомъ берегу и войти съ тобою въ

[1]) Быть можетъ, онъ поручилъ Непокойчицкому отвѣтить, но я объ этомъ ничего не знаю.

соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи, то должна, сдавъ намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ самый Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобъ эшелонировать загражденія. Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствовать слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено и притомъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску. А для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, какія признаешь возможнымъ».

Тяжелая задача! Это ультиматумъ, съ которымъ слѣдовало бы обратиться прямо къ султану, назначивъ ему 24-хъ-часовой срокъ для отвѣта. Вмѣсто этого—предъявленіе неисполнимыхъ требованій возлагается на Великаго Князя, да еще съ условіемъ — не подвергать невозможное предпріятіе какому-либо риску. Это — въ виду англійской эскадры и стотысячной турецкой арміи! И что еще замѣчательно: предусматривая наименѣе правдоподобные отвѣты Порты (активный или пассивный союзъ *съ нами!*), телеграмма совершенно не допускаетъ мысли о возможности третьяго, наиболѣе естественнаго исхода: обращенія султана къ защитѣ Англіи и союза съ нею противъ насъ.

Фантастичность этого плана заставляетъ согласиться съ Великимъ Княземъ, который постоянно твердитъ, что этотъ планъ зародился въ головѣ Обручева и внушенъ Государю черезъ военнаго министра [1]).

[1]) Великій Князь оказался совершенно правъ. Спустя 2—3 года по окончаніи войны, я имѣлъ случай *убѣдиться*, что именно эта телеграмма составлена на основаніи особой записки, поданной Обручевымъ. Нѣкоторыя выраженія Высочайшей телеграммы буквально заимствованы изъ этой записки, такъ что надо думать, что и самая телеграмма составлена Обручевымъ и черезъ военнаго министра представлена къ Высочайшему подписанію.

Но даже и теперь Великій Князь не рѣшается высказаться безъ обиняковъ. Онъ отвѣчалъ (въ 6 ч. вечера) въ слѣдующихъ уклончивыхъ выраженіяхъ:

«Шифрованную телеграмму получилъ. Все будетъ принято къ свѣдѣнію и буду дѣйствовать по обстоятельствамъ».

Въ началѣ этой же телеграммы Великій Князь благодарилъ Государя за пожалованіе георгіевскаго штандарта лейбъ-гвардіи драгунскому полку, а въ заключеніе упомянулъ, что былъ сегодня на крестинахъ у принца Рейсса. Такимъ образомъ, отвѣтъ на сугубо-важное и совершенно-неисполнимое повелѣніе былъ данъ какъ бы между прочимъ.

Ровно черезъ два часа по отправленіи этого отвѣта (въ 8 ч. веч.), была получена телеграмма Государя отъ $6^1/_2$ ч. сег. вечера:

«Двѣ шифрованныя телеграммы твои отъ 18-го получилъ сегодня. Не полагаю, чтобы амбаркація одного полка произвела какое-либо давленіе на англичанъ. Дальнѣйшую отсылку войскъ отнюдь не допускаю. Вчерашняя моя шифрованная телеграмма [1]) должна служить тебѣ руководствомъ. Увѣдомь, когда все будетъ готово для дѣйствія. Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе дессантныхъ англійскихъ войскъ».

Почти одновременно были получены двѣ телеграммы отъ военнаго министра и одна отъ князя Горчакова, всѣ три шифрованныя и отъ сегодняшняго числа. Вотъ онѣ:

1) «Телеграммою 7-го марта, № 1206, я имѣлъ честь спрашивать: имѣется ли при арміи достаточно динамита и другихъ средствъ, нужныхъ для срытія Дунайскихъ крѣпостей. Благоволите приказать кому слѣдуетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить: какія сдѣланы распоряженія для скорѣйшаго срытія крѣпостей. Также крайне необходимо ускорить очищеніе Шумлы, Варны и Батума. Главнокомандующій кавказскою арміей съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода турокъ изъ Батума. Не изволите ли признать возможнымъ назначить туркамъ крайній срокъ. № 1424».

2) «На случай, если Ваше Высочество признаете необходи-

[1]) Т.-е.—та телеграмма, которая получена сегодня въ 2 ч. 40 м. дня.

мымъ, для защиты Босфора, доставить орудія большихъ калибровъ—разрѣшено генералу Семекѣ отправить требуемое число пушекъ и мортиръ съ вооруженія Керчи; въ особенности будутъ полезны мортиры девятидюймовыя.—Милютинъ».

Точно мы не въ Турціи, а въ нашемъ Константинопольскомъ военномъ округѣ, гдѣ можемъ распоряжаться на всей своей волѣ!

3) (Переводъ съ французскаго). «По слухамъ изъ Аѳинъ, отъ 18-го марта новаго стиля, планъ англичанъ слѣдующій: 1) захватъ Булаирскихъ укрѣпленій на Галлипольскомъ полуостровѣ шестью броненосцами, съ обоихъ береговъ; 2) высадка въ Измидѣ съ цѣлью занять азіатскія укрѣпленія Босфора.—Горчаковъ».

Захватить Булаирскія укрѣпленія мы могли безъ выстрѣла еще во второй половинѣ января и собирались это сдѣлать, не теряя ни минуты. Не наша вина, что это не было исполнено. А теперь—то же самое собираются сдѣлать англичане, и мы имъ помѣшать не можемъ. Горько и обидно!

Весь вечеръ и часть ночи я отводилъ душу въ письменной бесѣдѣ съ женой. Можетъ быть, читатели не посѣтуютъ на меня за буквальную выписку изъ этого письма отъ 19-го марта:

«Въ заключеніе, мнѣ необходимо разъяснить одно серьезное недоразумѣніе. Ты укоряешь меня за то, что я въ пользу уступокъ: это не совсѣмъ такъ. Я въ пользу послѣдовательной, твердой, ясной политики и противъ того вилянья, которымъ мы занимаемся все это время, какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь. Еслибъ ты прослѣдила по моимъ письмамъ весь ходъ переговоровъ съ начала января и обобщила бы мои сообщенія, то ты сама убѣдилась бы въ нашемъ стремленіи «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти». Безпредѣльная наглость англичанъ безспорна, но мы сами, своею непослѣдовательностью, дали имъ возможность создать искусственный призракъ оправданія своему поведенію, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своего, англійскаго, общественнаго мнѣнія.

«Политика должна быть *или* послѣдовательно-смѣлая, вполнѣ готовая дать отпоръ оружіемъ всякимъ притязаніямъ, справедливымъ и несправедливымъ, смѣло глядящая въ глаза новой войнѣ; *или же*—умѣренная, осторожная, избѣгающая какъ возбужденія безполезнаго раздраженія, такъ и умаленія собственнаго достоинства. У насъ же

хотѣли сочетать оба способа дѣйствій и, конечно, потерпѣли фіаско,—а теперь принуждены, противъ воли, идти навстрѣчу новой войнѣ.

«Еслибъ мы слѣдовали *первому способу,* то надо было, не обращая никакого вниманія на представленія и обѣщанія Англіи, занять съ самаго начала Галлиполи и устроить тамъ какъ можно поспѣшнѣе береговыя батареи. Хотя и очень мудрено, дѣйствуя только съ берега, удержать непріятельскій флотъ, твердо рѣшившійся прорваться черезъ Дарданеллы,—но англичане сильно призадумались бы рискнуть на это. Затѣмъ: требованіе допустить посадку войскъ на суда въ Босфорѣ слѣдовало включить условіемъ въ мирный договоръ, ибо удобство этой посадки для возвращенія въ Россію можно и должно было предвидѣть. Тогда намъ не пришлось бы мириться съ отказомъ султана допустить насъ въ Буюкдэре, отказомъ, открыто вынужденнымъ Англіей.

«*Слѣдуя второму способу,* т.-е. желая избѣгнуть войны (возобновленіе которой, по глубокому убѣжденію, считаю величайшимъ бѣдствіемъ),—не надо было гоняться за призраками, т.-е. не двигаться безостановочно до береговъ Мраморнаго моря, а стать на той границѣ, которая заранѣе была нами предначертана, и объявить твердую свою рѣшимость не уходить, пока всѣ наши требованія не будутъ удовлетворены сполна.

«Первый способъ—рискованный, но имѣвшій шансы на успѣхъ; второй способъ—вполнѣ соотвѣтствующій нашему дѣйствительному положенію и дѣлающій насъ, въ случаѣ войны съ Англіей, неуязвимыми.

«Мы же пускали въ ходъ, порывами и скачками, оба способа. Сами ничего не достигли, во всѣхъ заронили недовѣріе къ себѣ, а Дизраэли, Лейарду и К° дали поводъ вооружать противъ насъ общественное мнѣніе Англіи, которое, до взятія Адріанополя включительно, было положительно на нашей сторонѣ, т.-е.—противъ войны съ нами. При этомъ мы поставили себя въ напрасную необходимость отстаивать невыгодное для насъ же самихъ положеніе и обратили въ вопросъ народной чести такую неразрѣшимую задачу, какъ защита Босфора отъ прорыва англійскаго флота въ Черное море.

«Я настаиваю на томъ, что мы сами, своею необдуманностью

и непослѣдовательностью, а въ особенности нашими дипломатическими пріемами, поставили себя въ теперешнее невыносимое положеніе. Не будь санъ-стефанскаго «прелиминарнаго» мира (слово-то какое противное!)—намъ не пришлось бы теперь возиться съ наглыми англійскими притязаніями.

«Къ рѣшительнымъ мѣрамъ для огражденія себя отъ нихъ—мы прибѣгаемъ только теперь, когда уже слишкомъ поздно, и то не прямо, а какъ-то бочкомъ.

«Итакъ, пойми меня: по существу, между нами нѣтъ разногласія. Я вовсе не въ пользу уступокъ во что бы ни стало: я стоялъ лишь всегда въ пользу мира, и сердился, когда мы, увлекаемые какимъ-то рокомъ, дѣлали все возможное для возбужденія новой войны, сами того не желая и при самой невыгодной для насъ обстановкѣ. Смѣлая, рѣшительная политика была бы мнѣ по сердцу, если бы она велась послѣдовательно и стремилась къ созданію выгодныхъ заручекъ на случай новой войны. Меня приводили и приводятъ въ бѣшенство и отчаяніе—наши перескоки отъ борзятничества къ робости и нерѣшительности.

«Въ томъ вычищенномъ и вылизанномъ видѣ, въ которомъ дипломатическіе переговоры и пререканія попадаютъ въ печать теперь (обрывками) и попадутъ въ исторію впослѣдствіи, они, конечно, не производятъ и не произведутъ того впечатлѣнія, какое производятъ теперь на меня, знающаго всю ихъ безсвязность и безсистемность во всей подробности. Да и слава Богу: ужъ если намъ суждена новая война, то пусть лучше публика остается убѣжденною въ нашей правотѣ. Это убѣжденіе будетъ источникомъ новыхъ силъ духа, столь необходимыхъ для предстоящаго тяжкаго испытанія.

«Я совершенно съ тобой согласенъ, что если будетъ новая война, то конецъ ея, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ уже концомъ настоящимъ. И еще я глубоко убѣжденъ, что этотъ «настоящій конецъ» будетъ еще болѣе благотворно-освѣжающею грозою для отечества, чѣмъ была крымская война...

«Дай Господи только силы твердо перенести безконечную разлуку съ тобой, съ честью выйти изъ тяжкаго испытанія и, выпивъ чашу до дна—въ добромъ здоровьи возсоединиться.

«Какъ благословеніе свыше отозвались въ душѣ моей заклю-

чительныя слова твоего чуднаго письма. Нарочно выписываю тебѣ эти золотыя слова, очевидно вылившіяся изъ глубины твоей возвышенной души, чтобы ты знала: если я буду бодро переносить предстоящія намъ тяжкія испытанія,—то благодаря тебѣ.

«Я не должна, да и *не* могу оставить тебя въ малодушіи, когда тебя зоветъ долгъ и родина!

«Любовь ко мнѣ не должна парализовать въ тебѣ общественнаго дѣятеля! Вѣдь я жива! я всегда съ тобой, но ты долженъ раздѣлять мои стремленія! Не говори, что не можешь выносить на своихъ плечахъ міровыя событія! Вѣдь ты силенъ, вѣдь я, твоя Анна, люблю тебя и благословляю на новую работу, если Господь пошлетъ ее! Пока-же, до послѣдней минуты, буду молиться: да минуетъ насъ чаша сія!

«Вся твоя Анна».

«Ты для меня дѣйствительно душа и сила и огонь святой! Если тебѣ самой случится падать духомъ подъ страшною тяжестью посылаемаго Богомъ креста—перечитай свои собственныя вдохновенныя слова и да укрѣпятъ онѣ тебя также, какъ укрѣпили, ободрили и освѣжили меня!»

20 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Сегодняшій день—несчастный для Великаго Князя, а по закону отраженія и—для всѣхъ насъ, къ нему приближенныхъ. Утромъ, около половины двѣнадцатаго, получена слѣдующая гнѣвная телеграмма Государя отъ 10 ч. 20 м. сег. утра:

«Отвѣтъ твой [1]) на шифрованную телеграмму мою отъ 18-го полученъ вчера вечеромъ, во время инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше. Повторяю тебѣ мое приказаніе объ отправленіи сюда всего моего сводногвардейскаго конвоя при первой возможности».

Что Государь сильно разгнѣванъ—доказывается тѣмъ, что онъ не призналъ даже нужнымъ зашифровать столь рѣзкій выговоръ своему брату. Тяжесть царской немилости еще болѣе усугубляется

[1]) См. выше, 19-го марта.

тѣмъ, что телеграмма послана не вчера, подъ первымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а сегодня утромъ, слѣдовательно — по достаточномъ размышленіи, а можетъ быть и по чьему-либо недоброжелательному внушенію.

Понятно, что Великій Князь былъ глубоко потрясенъ и огорченъ. Тотчасъ же по полученіи этой депеши, онъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующій отвѣтъ:

«Крайне огорченъ твоею телеграммою отъ 20-го числа утра. Увѣренъ, что ты никогда не сомнѣвался, что я свято всегда исполняю твои приказанія, но исполненіе обезоруженія стотысячной турецкой арміи и флота считаю положительно вещью невозможною. Требованіе это въ минуту, когда турки могутъ объявить желаніе быть нейтральными, возбудитъ вновь ихъ ненависть къ намъ и неминуемо заставитъ перейти на сторону Англіи. Вотъ почему я сказалъ, что буду приказаніе это имѣть въ виду, потому что противъ совѣсти нахожу сказать тебѣ, что исполню вещь, которую по ходу теперешнихъ дѣлъ вижу невозможнымъ исполнить».

Не прошло и десяти минутъ послѣ отправки этой телеграммы, какъ глубоко взволнованный Великій Князь написалъ и приказалъ зашифровать вторую телеграмму Государю слѣдующаго содержанія:

«Телеграмму твою отъ 18-го числа принялъ пока только къ свѣдѣнію потому, что для точнаго исполненія встрѣчаю огромныя мѣстныя препятствія, изложеніе которыхъ изготовляемъ уже тебѣ письменно. Повторяю высказанное въ донесеніяхъ и телеграммахъ, что на полное содѣйствіе турокъ надѣяться еще не могу. Въ случаѣ же ихъ нейтралитета, могу ожидать еще пассивнаго допущенія занять стратегическіе пункты на Босфорѣ, а на обезоруженіе стотысячной арміи и сильнаго флота Порта никогда не согласится. Впрочемъ, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія турокъ будутъ зависѣть отъ развитія политическихъ и военныхъ событій, то выраженную тобою волю буду имѣть въ виду для руководства. Конвой отправлю немедленно».

Пришлось-таки высказаться напрямки! Но, кажется, слишкомъ поздно! Государь, очевидно, уже усвоилъ себѣ неисполнимый планъ, и переубѣдить его теперь—и думать нечего.

21 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Вчерашній злополучный день какъ начался, такъ и кончился. Вчера же поздно вечеромъ Великій Князь получилъ телеграмму Государя отъ $6^1/_2$ ч. вечера вчерашняго дня:

«Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму [1]) получилъ сегодня утромъ. Николаша прибылъ благополучно. Ничего не имѣю прибавить къ тому, что сказано въ послѣднихъ двухъ шифрованныхъ телеграммахъ: надѣюсь, что все будетъ исполнено, какъ я желаю. *Скажи откровенно: здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміей съ должною энергіей, которая теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо? Нельзя ли воспользоваться портомъ Киліи для подвоза артиллеріи»* [2]).

На это Великій Князь отвѣчалъ:

«Пока силы есть и я тебѣ нуженъ, буду работать до послѣдняго издыханія. Желалъ бы только, чтобъ силы не измѣнили, и если только мало-мальски дѣла поправятся, Богъ дастъ, къ лучшему,—прошу дозволить мнѣ тогда вернуться, чтобъ отдохнуть. Сегодня съ фельдъегеремъ посылаю записку о теперешнемъ тутъ положеніи, разъясняющую, что возможно и чего нельзя, въ виду настоящихъ отношеній къ туркамъ, дѣлать».

Отправивъ эту телеграмму и составивъ письмо и донесеніе Государю, Великій Князь замѣтно повеселѣлъ: сколько я его понимаю—оттого, что наконецъ рѣшился высказаться безъ околичностей. Вотъ то донесеніе, вызванное исключительно телеграммою Государя отъ 18-го марта и заключающее въ себѣ подробный на нее отвѣтъ:

«В. И. В.! Одобряя мои соображенія, изложенныя въ письмѣ отъ 9-го марта, В. И. В. въ шифрованной депешѣ изволили указать мнѣ руководящія основанія для предстоящихъ дѣйствій. Я употреблю всѣ усилія, чтобы въ точности выполнить волю В. И. В., но считаю долгомъ высказать мои соображенія относительно порядка и средствъ для приведенія ея въ исполненіе.

«Для полнаго утвержденія нашего на Босфорѣ необходимо занять оба берега пролива и положить въ немъ минныя загражденія.

[1]) См. 19-го марта, утромъ.

[2]) Курсивомъ напечатаны зашифрованныя слова.

Занятіе европейскаго берега болѣе или менѣе обезпечено, всѣ средства для этого приготовлены и армія, собранная подъ Константинополемъ, находится въ полной готовности двинуться впередъ по первому приказанію. Но, какъ я уже изложилъ въ моемъ письмѣ, начало движенія нашихъ войскъ впередъ будетъ сигналомъ къ разрыву съ Англіей, а потому оно должно быть предпринято или на основаніи прямого повелѣнія В. И. В., или при открытіи враждебныхъ дѣйствій Англіей, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и попытку ея флота вступить въ Босфоръ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ я употреблю всѣ усилія, чтобы прибыть къ Босфору какъ можно быстрѣе и чтобы успѣть заложить загражденія прежде, чѣмъ прибудетъ туда англійскій флотъ [1]). Но, несмотря на это, нельзя упускать изъ виду, что флотъ можетъ прибыть къ Босфору раньше нашихъ войскъ, такъ какъ имъ нужно сдѣлать около 40 верстъ и употребить на это около 1$^1/_2$ сутокъ, а англійскому флоту отъ Принцевыхъ острововъ — нѣсколько часовъ. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ мнѣ утвердиться на берегу, и я надѣюсь исполнить это въ самое короткое время, если только не встрѣчу сопротивленія со стороны турокъ.

«Вмѣстѣ съ началомъ движенія нашихъ войскъ, моряки начнутъ укладывать минныя загражденія. Мины готовы и въ достаточномъ числѣ находятся на военныхъ судахъ, однако я сомнѣваюсь, чтобы моряки наши, несмотря на всѣ ихъ усилія и самоотверженіе, успѣли заградить проливъ до прихода непріятельскаго флота; производство же работъ подъ огнемъ броненосныхъ судовъ — немыслимо. При всемъ томъ это не лишаетъ меня надежды устроить загражденія впослѣдствіи, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ и орудій, когда они утвердятся на берегу; однако я не могу не признать, что тогда предпріятіе будетъ болѣе затруднительно и успѣхъ не вполнѣ вѣрнымъ.

«Переправа нашихъ войскъ на азіатскій берегъ можетъ быть исполнена только тогда, когда будетъ устроено надежное загражде-

[1]) Дѣло совершенно неисполнимое, хотя генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Поповъ и считаетъ это возможнымъ. Я не разъ высказывалъ Великому Князю, что на мины надѣяться нельзя, но понятно, что онъ вѣритъ больше адмиралу, чѣмъ мнѣ.

ніе пролива и будетъ увѣренность, что проходъ по немъ броненосцевъ невозможенъ: иначе положеніе переправившихся войскъ будетъ крайне опасно. Кромѣ того, переправа войскъ возможна будетъ только тогда, когда будетъ собрано въ проливъ такое число судовъ, которое могло бы поднять, примѣрно, около дивизіи пѣхоты съ артиллеріею; но какъ приводъ нашихъ судовъ, такъ и наемъ ихъ на мѣстѣ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда загражденіе пролива будетъ исполнено.

«Такимъ образомъ, успѣшность переправы черезъ проливъ и занятіе азіатскаго берега будетъ вполнѣ зависѣть отъ успѣшности устройства миннаго загражденія. Будутъ ли названныя дѣйствія успѣшны или нѣтъ,—для противодѣйствія броненосцамъ и для упроченія нашего положенія на Босфорѣ полезно имѣть орудія большого калибра. Я уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по этому предмету и полагаю доставить эти орудія съ Дуная изъ имѣющихся у меня осадныхъ средствъ. Но я долженъ заявить В. И. В., что доставка этихъ орудій въ Босфоръ, а тѣмъ болѣе выгрузка ихъ на берегъ, возможны только при совершившемся разрывѣ, потому что, при настоящихъ натянутыхъ обстоятельствахъ, одинъ фактъ доставки въ Босфоръ и выгрузки на берегу его или на берегу Чернаго моря, вблизи Босфора, орудій большого калибра—послужитъ поводомъ къ такому разрыву въ такой же степени, какъ попытка закладывать нынѣ мины, или движеніе нашихъ войскъ къ Босфору. Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что для совершеннаго изготовленія большихъ орудій къ отправкѣ потребуется не менѣе двухъ недѣль.

«Ко всему сказанному необходимо принять въ соображеніе наши отношенія къ Турціи. Въ предыдущемъ письмѣ я высказалъ предположеніе, что въ случаѣ разрыва съ Англіей, Турція не станетъ на нашу сторону. Въ настоящее время я только могу подтвердить это предположеніе. Она, по всей вѣроятности, объявитъ себя нейтральною; при этомъ я надѣюсь достигнуть того, что она не помѣшаетъ мнѣ занять важные стратегическіе пункты. Разсчитывать на большее я не имѣю никакихъ основаній, и полагаю, что если я предъявлю Турціи тѣ требованія, которыя указываются В. И. В., т.-е., чтобъ она допустила насъ занять укрѣпленія европей-

скаго берега Босфора, чтобы она распустила армію, собранную у Константинополя, разоружила бы свои суда, находящіяся на Черномъ морѣ, и отвела ихъ въ порты, которые ей будутъ нами указаны,—она отвѣтитъ отказомъ. Я даже увѣренъ, что если буду настаивать на исполненіи этого требованія, то Турція, поставленная въ безвыходное положеніе, подъ давленіемъ съ одной стороны нашихъ угрозъ, а съ другой—обѣщаній Англіи,—открыто станетъ на ея сторону.

«Резюмируя все сказанное, я могу обрисовать положеніе такъ:

«Занятіе европейскаго берега Босфора почти обезпечено. Быстрое занятіе его можетъ совершиться только полевыми войсками и полевыми орудіями. Перевозка моремъ и постановка на берегу орудій—сомнительны. На загражденіе пролива минами, несмотря на всѣ наши усилія, вполнѣ разсчитывать нельзя. На связанное съ этимъ утвержденіе на азіатскомъ берегу—еще менѣе слѣдуетъ разсчитывать. Въ случаѣ разрыва съ Англіей—нельзя считать Турцію нашею союзницею: она, по всей вѣроятности, будетъ нейтральною. Въ требованіяхъ нашихъ: уступить укрѣпленія Босфора, распустить армію, разоружить суда, находящіяся въ Черномъ морѣ, и отвести ихъ въ указанные нами порты—Турція откажетъ. Если же я буду настаивать на непремѣнномъ исполненіи этого требованія—Турція станетъ въ открыто-враждебное намъ положеніе и примкнетъ къ Англіи.

«Я считаю необходимымъ остановиться на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ.

«Потребовавъ категорическаго отвѣта на указанное требованіе, надо быть готовымъ, чтобы, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, немедленно объявить Турціи новый разрывъ и открыть немедленно же военныя дѣйствія, съ цѣлью попытаться разбить собранную у Константинополя армію прежде прибытія англійскаго дессанта. Имѣя въ виду, что такой поступокъ намъ будетъ выставленъ нашими врагами какъ вѣроломство, онъ неминуемо повлечетъ за собою разрывъ не только съ Турціей, но и съ Англіей, а можетъ быть и съ Австріей. Поэтому на такое рѣшительное дѣйствіе, могущее повлечь объявленіе войны Турціи, Англіи, а можетъ быть и Ав-

стріи—мнѣ необходимо получить отъ В. И. В. особое повелѣніе и полномочіе.

«Если же нежелательно уничтожить всякую вѣроятность мирнаго исхода изъ настоящаго положенія, то нужно продолжать веденіе переговоровъ и сношеній съ Турціей съ крайнею осторожностью, и тогда останется еще надежда привлечь ее на нашу сторону, въ особенности если мы сдѣлаемъ въ ея пользу нѣкоторыя уступки.

«Изложивъ съ полною откровенностью мои взгляды, я, въ виду указаній В. И. В. на то, чтобы я избѣгалъ рискованныхъ предпріятій, счелъ необходимымъ испросить окончательныхъ повелѣній В. И. В., которыя будутъ свято приведены въ исполненіе по мѣрѣ моихъ силъ и способностей».

Кромѣ этого оффиціальнаго донесенія, Великій Князь заготовилъ еще Государю собственноручное письмо, содержаніе котораго, конечно, мнѣ неизвѣстно. Но, судя по разговорамъ Великаго Князя, котораго я достаточно изучилъ для того, чтобы по нѣкоторымъ отрывочнымъ словамъ догадываться о главномъ направленіи его мыслей,—я думаю, что письмо отвѣчаетъ главнымъ образомъ на поставленный Государемъ вопросъ: способенъ ли Великій Князь, по состоянію силъ и здоровья, на энергическія дѣйствія въ смыслѣ Высочайшихъ указаній. Вопросъ этотъ, подвергая сомнѣнію способность Великаго Князя исполнять царскія указанія, глубоко задѣлъ его за живое. Написавъ отвѣтъ, онъ, однако, видимо успокоился.

Въ исходѣ второго часа дня, Великій Князь перешелъ съ «Ливадіи» на паровой катеръ, приказавъ «Ливадіи» оставаться въ Золотомъ-Рогѣ впредь до его возвращенія черезъ день или черезъ два. Его сопровождали только Непокойчицкій, три адъютанта и я: вся остальная свита была отпущена частью вчера, частью сегодня утромъ. На берегу мы сѣли въ ожидавшія насъ коляски и отправились въ посольство, гдѣ насъ ожидалъ Нелидовъ. Великій Князь ушелъ съ нимъ и Непокойчицкимъ подписывать отправляемое Государю донесеніе, которое переписывалось кѣмъ-то изъ нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ. Мы ожидали въ небольшомъ, но прелестномъ посольскомъ саду. По отправленіи курьера къ Госу-

дарю —поѣхали на станцію желѣзной дороги и въ 4 ч. дня вернулись въ С.-Стефано.

Тамъ была получена, уже вечеромъ, слѣдующая полушифрованная телеграмма Государя отъ 2 ч. пополудни сего числа:

«Вчерашнія двѣ шифрованныя телеграммы твои получилъ вечеромъ [1]); письмо къ тебѣ отправилъ сегодня утромъ. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего на мою вчерашнюю [2]) шифрованную телеграмму. Игнатьевъ долженъ прибыть изъ Вѣны сегодня вечеромъ. *На полное содѣйствіе Турціи я не надѣюсь, но если они пассивно допустятъ насъ занять стратегическіе пункты на Босфорѣ до прихода англійскаго флота въ Черное море, то главный результатъ, котораго желаю, будетъ достигнутъ. Горчаковъ тебѣ сообщаетъ тревожную телеграмму Стюарта* [3]) *и его отвѣтъ. Передай то и другое Дрентельну* [4]) для руководства, и если онъ еще у тебя, то прикажи ему немедленно воротиться въ *Бухарестъ*» [5]).

Отвѣтъ Великаго Князя, данный сегодня же вечеромъ:

«Телеграмму твою шифрованную отъ сего дня получилъ. Дрентельну все передамъ, когда получу Горчакова телеграмму. Фельдъегерь отправился сегодня съ письмомъ къ тебѣ въ отвѣтъ на твою телеграмму о моемъ здоровьи. Сегодня чувствую себя порядочно, но печень болитъ».

22 марта, Санъ-Стефано.—Сегодня утромъ, наконецъ, получена шифрованная телеграмма князя Горчакова, повидимому, отъ вчерашняго дня. Привожу ее въ переводѣ съ французскаго:

«Стюартъ [6]) телеграфируетъ: румынское правительство, протестуя противъ статьи 8-й мирнаго договора [7]), проситъ поддержки

[1]) Т.-е. 20 марта.

[2]) Т.-е. отъ 20 марта, о томъ, позволяетъ ли здоровье Великаго Князя продолжать командовать арміей.

[3]) Телеграмма эта приведена ниже.

[4]) Командующій войсками въ тылу арміи, въ Румыніи. Онъ уже дня два, какъ пріѣхалъ оттуда, въ сопровожденіи помощника начальника тылового штаба, генералъ-маіора Лобко.

[5]) Слова, напечатанныя курсивомъ, зашифрованы.

[6]) Нашъ генеральный консулъ въ Бухарестѣ.

[7]) Въ статью 8-ую включено, безъ всякаго предварительнаго соглашенія

великихъ державъ. Не желаетъ допустить сообщенія нашей оккупаціонной арміи черезъ Румынію безъ предварительнаго своего согласія. Угрожаетъ сопротивленіемъ. Братіано [1]) отправился въ Вѣну и Берлинъ подъ предлогомъ встрѣтиться съ Игнатьевымъ. Когальничано [2]) говоритъ, что въ случаѣ войны съ Англіей не ручается за сохраненіе мира. По повелѣнію Государя, я объявилъ Гикѣ [3]), что если румынское правительство будетъ настаивать на своемъ протестѣ противъ статьи, обезпечивающей наши военныя сообщенія черезъ Румынію, то мы займемъ княжества нашими войсками и потребуемъ обезоруженія румынскихъ войскъ» [4]).

Это усложненіе является прямымъ и вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ устраненія румынскихъ уполномоченныхъ отъ участія въ мирныхъ переговорахъ. Безъ вмѣшательства Англіи румыны, конечно, проглотили бы обиду поневолѣ, но теперь, съ измѣненіемъ обстановки къ нашей невыгодѣ, они, конечно, поспѣшили дать намъ почувствовать, что и румынская дружба или вражда чего-нибудь стоятъ.

Великій Князь кратко донесъ Государю слѣдующею телеграммою:

«Телеграмму Горчакова получилъ. Дрентельну передалъ. Онъ съ первымъ пароходомъ отправится. Будетъ исполнено по твоему приказанію».

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь просилъ разрѣшенія Государя, для ускоренія и облегченія отправки сводногвардейскаго конвоя, послать его безъ лошадей. Въ заключеніе этой телеграммы донесъ, что Дрентельнъ уѣзжаетъ завтра.

съ Румыніей, право будущей болгарской оккупаціонной арміи сохранять сообщенія съ Россіей: сухимъ путемъ—черезъ Румынію, и моремъ—черезъ Варну и Бургасъ.

[1]) Румынскій первый министръ.

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Румынскій посланникъ въ Петербургѣ.

[4]) Отъ Великаго Князя слышалъ 27 марта, что на эту угрозу князь Карлъ далъ полный достоинства отвѣтъ, суть котораго заключается въ томъ, что русскія войска, конечно, могутъ уничтожить румынскую армію въ бою, но пока онъ живъ—обезоружить ее не дозволитъ. Великій Князь разсказалъ это тономъ, ясно говорившимъ, что на мѣстѣ князя Карла онъ самъ отвѣтилъ бы точно такъ же.

Отъ военнаго министра получена шифрованная телеграмма: «Генералъ-адъютантъ Семека считаетъ нужнымъ, на случай войны съ Англіей, приготовить мины для загражденія Сулинскаго гирла (Дуная) и устроить береговыя батареи съ орудіями большого калибра у входа непріятельскаго флота въ Сулинскій рукавъ. Не изволите ли, Ваше Высочество, дать соотвѣтственныя приказанія генералъ-адъютанту Дрентельну.—Милютинъ».

23 марта, Санъ-Стефано.—Ночью была получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя (отъ 22 марта 11 ч. 57 м., вѣроятно, утра: отмѣтка неразборчива):

«Въ дополненіе къ твоимъ послѣднимъ телеграммамъ желаю знать, какія сдѣланы тобою распоряженія о доставкѣ большихъ орудій, минъ и другихъ матеріальныхъ средствъ для дѣйствительнаго прегражденія прохода черезъ Босфоръ. Необходимо всѣ эти средства подготовить скорѣй, ибо со дня на день можно ожидать покушенія англійскаго флота прорваться въ Черное море и тѣмъ поставить насъ въ самое трудное положеніе. На такой случай приказано генералу Семекѣ принять всѣ предварительныя мѣры къ оборонѣ устьевъ Дуная. Прикажи предоставить въ распоряженіе Веревкина [1]) всѣ необходимыя средства изъ имѣющихся на Дунаѣ въ твоемъ распоряженіи».

Великій Князь немедленно отвѣтилъ: [2])

«Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 22 числа. Записка, объясняющая всѣ мои распоряженія и положеніе дѣлъ, послана 21-го числа курьеромъ. *Мины готовы на судахъ, другія везутся сухимъ путемъ. Въ Босфоръ болѣе трехъ военныхъ судовъ имѣть не могу. О приготовленіи минъ въ устьяхъ Дуная приказалъ Казнакову, который тамъ находится. За орудіями посланы генералъ Моллеръ* [3]) *и морякъ Новиковъ*» [4]).

[1]) Начальникъ 36-й пѣхотной дивизіи и отряда въ дельтѣ Дуная. Умеръ комендантомъ с.-петербургской крѣпости.

[2]) Курсивомъ—зашифрованныя слова.

[3]) Начальникъ осадной артиллеріи арміи.

[4]) Капитанъ 1-го ранга, кавалеръ Георгія 4-й ст. (за Севастополь) и 3-й ст. (за постановку минныхъ загражденій на Дунаѣ, передъ переправою).

24 марта, Константинополь.—Въ 2 ч. дня выѣхали изъ С.-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ Константинополѣ, на станціи, уже стояли три коляски: въ одну сѣлъ Великій Князь съ Непокойчицкимъ и адъютантомъ Скалономъ; въ другую—князь Имеретинскій, я и адъютантъ Великаго Князя Орловъ; въ третью—остальные три адъютанта, взятые Великимъ Княземъ съ собой. Съѣздили сперва въ посольство, а оттуда за городъ, на «Сладкія воды», гдѣ по пятницамъ всегда бываетъ гулянье.

«Сладкія воды» оказались весьма неказисты. Это узкая канава, на подобіе водопровода по пути изъ Царскаго Села въ Павловскъ. По одну сторону канавы садъ и въ немъ необитаемый султанскій дворецъ, явно заброшенный, а по другую сторону—широкая пыльная аллея изъ чахлыхъ деревьевъ, за которыми, очевидно, нѣтъ никакого ухода. По этой аллеѣ катаются взадъ и впередъ, въ каретахъ (съ лакеями на козлахъ), турецкія богатыя гаремницы. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, кареты останавливаются (какъ на Елагинской Стрѣлкѣ), и турецкія дамы разглядываютъ гулящую публику. Это удовольствіе дозволяется только имъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Присутствуютъ ли «свои» мужчины—неизвѣстно, ибо турки считаютъ верхомъ неприличія не только подходить къ женщинамъ на улицахъ и разговаривать съ ними, но даже раскланиваться. Но разглядывать и даже лорнировать ихъ дозволяется. По плотности яшмаковъ (вуалей) сейчасъ можно догадаться о возрастѣ: всѣ молодыя и считающія себя хорошенькими—въ прозрачныхъ яшмакахъ. Но дѣйствительно хорошенькихъ было немного. Вообще, у всѣхъ, кого можно было разглядѣть, черты лица крупныя и рѣзкія, а цвѣтъ лицъ блѣдный и даже желтоватый, очевидно отъ затворнической жизни. Форма одежды у всѣхъ одинаково безобразная: безформенные халаты яркихъ цвѣтовъ: голубого, синяго, желтаго, краснаго, малиноваго, розоваго и зеленаго.

Сдѣлавъ три-четыре тура по аллеѣ, мы поѣхали на пристань и оттуда на «Ливадію» къ 7 час. вечера, гдѣ и остались. Тамъ уже были нѣкоторыя другія лица ближайшей свиты Великаго Князя, въ томъ числѣ и князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій: въ бесѣдѣ съ нимъ я провелъ почти весь вечеръ [1]). Сегодня былъ пер-

[1]) Знакомство съ его высочествомъ—старинное: когда я былъ во 2-мъ

вый спокойный день: дѣлать совсѣмъ нечего. Къ добру это или къ худу?

25 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Пользуясь внезапно наступившимъ дѣловымъ затишьемъ, я провелъ день чрезвычайно пріятно. Сперва мы всѣ отправились на берегъ, въ нашу посольскую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой въ посольствѣ былъ сервированъ великолѣпный завтракъ, заказанный въ одномъ изъ цареградскихъ ресторановъ. Затѣмъ я отпросился у Великаго Князя погулять съ его докторомъ, А. Л. Обермиллеромъ, съ которымъ сговорился ѣхать вмѣстѣ еще съ утра. Великій Князь отпустилъ меня на цѣлый день: онъ самъ и съ нимъ еще нѣсколько лицъ были приглашены къ принцу Рейссу обѣдать.

Обермиллеръ и я, взявъ съ собой каваса изъ генеральнаго консульства отъ М. А. Хитрово, отправились на пристань и сѣли на трехчасовой пароходъ, чтобы прокатиться по Босфору. Къ сожалѣнію, пароходъ этотъ останавливался только у пристаней европейскаго берега, такъ что азіатскій берегъ мы могли разсматривать лишь въ бинокли. Описывать красоту Босфора не берусь: трудно передать перомъ чарующую прелесть его волшебныхъ видовъ, богатство красокъ и переливы освѣщенія. Одинъ и тотъ же видъ въ разные часы дня производитъ различное, но неизмѣнно очаровательное впечатлѣніе.

Изъ прибрежныхъ пунктовъ—самые прелестные: Буюкдэре, съ чудною дачею нашего посольства; Терапія—дачи посольствъ французскаго и англійскаго, и еще одно мѣстечко, названіе котораго я забылъ: тамъ роскошная вилла египетскаго хедива въ великолѣпномъ, обширномъ саду.

Прокатившись по всему Босфору, мы на томъ же пароходѣ вернулись въ Константинополь къ $7^1/_2$ ч. вечера, отлично пообѣдали въ «Hôtel de Bysance», затѣмъ пошли пѣшкомъ къ Золотому-Рогу, наняли каюкъ и въ тихую, звѣздную ночь, между 10—11 ч. вечера, вернулись на «Ливадію». Почти тотчасъ вслѣдъ за нами

кадетскомъ корпусѣ фельдфебелемъ, Евгеній Максимиліановичъ былъ зачисленъ на все лѣто 1860 года въ мою роту.

вернулся и Великій Князь со свитою, и послѣ чаю въ каютъ-компаніи всѣ разошлись по каютамъ спать.

26 марта, воскресенье, на яхтѣ „Ливадія“. — Сегодня ознакомился съ двумя депешами, полученными и отправленными *24 марта* Великимъ Княземъ въ Санъ-Стефано, передъ отъѣздомъ сюда.

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

«Сейчасъ простился съ молодцами твоего конвоя (сводногвардейскаго), отправляющимися сегодня въ море. Горчакова депешу шифрованную получилъ (см. ниже). Нашихъ плѣнныхъ вернули: видѣлъ ихъ,—между ними много магометанъ съ Кавказа,—глядятъ молодцами. Новаго ничего нѣтъ».

Шифрованная депеша князя Горчакова отъ 23-го была слѣдующаго содержанія (переводъ съ французскаго):

«*Весьма секретно:* Генералъ Диксонъ [1]) телеграфировалъ Горнби [2]), что Булаирскія укрѣпленія могутъ считаться обезпеченными при теперешнемъ гарнизонѣ, если таковой получитъ приказаніе защищать ихъ; но на случай нападенія русскихъ необходимо содѣйствіе британскаго флота, чтобы войска убѣдились въ существованіи союза Англіи съ Турціей. Онъ опасается, чтобы изъ Константинополя не пришло запрещенія защищать эти укрѣпленія. Въ этомъ случаѣ англичане сами должны взять на себя ихъ защиту, принявъ содержаніе турецкихъ адмирала и войскъ на свой счетъ. Горнби донесъ, кромѣ того, что на случай войны съ Россіей необходимо заключить союзный договоръ съ Турціей. Если англійскому флоту не будетъ открыто нѣсколько портовъ, то онъ не въ состояніи крейсировать въ Мраморномъ морѣ и Босфорѣ долѣе нѣсколькихъ дней: придется тогда уйти за Галлиполи, въ Безику».

Отъ Государя получено сегодня двѣ короткихъ депеши отъ нынѣшняго же дня:

1) «Миша [3]) благополучно прибылъ съ женою и двумя старшими дѣтьми [4]). Погода чудная, теплая, новаго ничего нѣтъ».

[1]) Англичанинъ на турецкой службѣ.

[2]) Адмиралъ, командующій эскадрою въ Мраморномъ морѣ.

[3]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

[4]) Великій князь Николай Михаиловичъ и великая княжна Анастасія Михаиловна.

2) «Ускори представленіемъ объ отличіяхъ для войскъ: желалъ бы весьма объявить объ этомъ въ Пасху».

Великій Князь вечеромъ отвѣчалъ Государю:

1) «Радуюсь пріѣзду Миши къ тебѣ. Здѣсь все тихо. Вчера говорилъ съ Реуфомъ, а сегодня — съ Савфетомъ. Имеретинскаго посылаю къ тебѣ съ словеснымъ объясненіемъ здѣшнихъ дѣлъ и порученіемъ».

2) «Употреблю всѣ силы, чтобъ окончить и прислать во-время тебѣ представленіе; еще не всѣ свѣдѣнія собраны».

Вообще, сегодняшній день прошелъ столь же спокойно, какъ вчерашній. Успѣлъ побывать въ Константинополѣ въ церкви, позавтракать и погулять на чудномъ воздухѣ въ общественномъ саду, на берегу Босфора, гдѣ, по случаю воскреснаго дня, играла музыка и толпилась масса самой пестрой публики. Вернулся на «Ливадію» къ обѣду.

Великій Князь посылаетъ князя Имеретинскаго въ Петербургъ съ какимъ-то секретнымъ устнымъ докладомъ Государю. Знаю только, что Великій Князь возлагаетъ большія надежды на дѣйствительно мастерское умѣнье князя Имеретинскаго говорить и убѣждать. Но мнѣ кажется, что Великій Князь, по добродушію своему, напрасно разсчитываетъ на его личное къ себѣ расположеніе: князь Имеретинскій его адвокатомъ не будетъ. Сегодня онъ уѣхалъ.

27 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—Послѣ двухдневнаго затишья, сегодня весь день горячка. Съ ранняго утра прибылъ фельдъегерь отъ Государя и привезъ какое-то письмо, крайне встревожившее Великаго Князя. Онъ тотчасъ же, по прочтеніи этого письма, самъ составилъ отвѣтную телеграмму, которую приказалъ, для скорости, зашифровать своему адъютанту Скалону и мнѣ. Вотъ она:

«Очень тебя благодарю за письмо отъ 20-го марта, полученное сейчасъ. Имеретинскій на словахъ передастъ тебѣ нѣкоторыя объясненія на твои вопросы. Съ будущимъ курьеромъ пришлю письменный отвѣтъ».

Шифромъ: «Не пошелъ я на Босфоръ до 19-го февраля, вопервыхъ, потому, что у меня не было достаточно силъ на это—

и дороги были непроходимы. Во-вторыхъ, потому, что приходъ мой на Босфоръ во время перемирія и настаиваніе на отправкѣ войскъ изъ Буюкдэре послѣ заключенія мира повлекло бы за собою неминуемый разрывъ не только съ Англіей, но и вновь съ Турціей, на что я не могъ рѣшиться, не имѣвъ положительнаго приказанія отъ тебя, какъ поступить мнѣ при этомъ положительномъ казусъ-белли. Я и теперь могу, если прикажешь, идти на Босфоръ, но такъ, какъ у меня изложено въ запискѣ, которую ты долженъ получить сегодня. Это движеніе повлечетъ неминуемо къ вступленію англійской эскадры въ Босфоръ и къ разрыву немедленному съ Англіей, а можетъ быть и съ Турціей, которая начала возводить укрѣпленія съ сухопутной стороны Константинополя, на что я немедленно потребовалъ остановки работъ».

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы Великій Князь съ Непокойчицкимъ съѣхалъ на паровомъ катерѣ на берегъ и отправился въ посольство. Къ завтраку онъ вернулся и объявилъ, что въ 2 часа возвращаемся въ Санъ-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ, а «Ливадія» останется на якорѣ въ Золотомъ-Рогѣ.

Государю донесено *шифромъ:*

1) «Вслѣдствіе моего настоянія, работы на укрѣпленіяхъ около Макрикіоя, противъ Санъ-Стефано, приказано прекратить немедленно. Реуфъ обѣщаетъ устроить, чтобы работы на другихъ пунктахъ не продолжались. На дняхъ объѣду самъ турецкія линіи».

2) (Переводъ съ французскаго): «Сію минуту получилъ отъ Порты конфиденціальное сообщеніе въ отвѣтъ на личное заявленіе, сдѣланное мною султану по твоему приказанію. Онъ дружелюбно просилъ королеву отозвать свой флотъ, въ виду начатаго уже очищенія Санъ-Стефано. Англійское правительство отвѣтило, что очень желало бы вывести султана изъ затруднительнаго положенія, и если Россія сдѣлаетъ британскому кабинету хотя малѣйшее предложеніе въ смыслѣ одновременнаго удаленія англійскаго флота и русской арміи на одинаковое разстояніе отъ Босфора, то это предложеніе будетъ принято Англіей въ серьезнѣйшее соображеніе. Англія боится взять на себя починъ, изъ опасенія оскорбить Россію подобіемъ требованія удалиться (Angleterre redoute de prendre l'initiative, de peur de blesser la Russie par un semblant de demande d'évacuation). Объ

этой просьбѣ султана сама Порта до сегодня не знала, и мнѣ сообщено конфиденціально».

Санъ-Стефано.—Получена весьма важная шифрованная депеша князя Горчакова отъ сегодняшняго числа:

(Переводъ съ французскаго): «Бисмаркъ, предполагая, что ни мы, ни Англія, не желаемъ войны, но опасаясь, что при существующемъ расположеніи обѣихъ сторонъ въ виду проливовъ какая-либо военная случайность можетъ вызвать невольное столкновеніе,—предлагаетъ намъ, въ видѣ дружеской услуги, похлопотать, чтобы англійскій флотъ оставилъ константинопольскія воды и ушелъ за Дарданеллы, съ тѣмъ, чтобы мы отвели наши войска отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее времени, нужному англійскому флоту для занятія теперешней его позиціи. Будетъ дѣйствовать только въ случаѣ нашего согласія. Мы отвѣтили, что Государь принимаетъ это предложеніе, цѣнитъ дружественный его характеръ и то высокое значеніе, которое ему придаетъ могущество Германіи.—Горчаковъ».

Сообщеніе этого оффиціальнаго извѣщенія съ секретнымъ сообщеніемъ Порты Великому Князю наводитъ на мысль, что между Англіей и Германіей уже состоялось негласное соглашеніе насчетъ этой хитроумной комбинаціи, и что Бисмаркъ, выступая съ предложеніемъ дружественнаго посредничества, заранѣе увѣренъ въ его успѣхѣ. Нельзя только догадаться, кому принадлежитъ замысловатая идея перевезти козу, капусту и волка: Бисмарку или Биконсфильду?

Наше согласіе на эту комбинацію доказываетъ желаніе избѣжать новой войны, но совершенно не вяжется съ рѣшительнымъ и неоднократно повторяемымъ требованіемъ: во что бы ни стало утвердиться на Босфорѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этой путаницы.

Уже впослѣдствіи, при разборѣ великокняжескаго архива въ Петербургѣ, я узналъ, что сегодня же Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

«Имеретинскій уѣхалъ вчера. Сегодня мнѣ опять нездоровится. *Шифромъ:* Убѣдительно прошу исполнить то, что я ему передалъ о моемъ здоровьи, которое необходимо требуетъ скорѣйшаго отдыха. Ради этого я вижу, что, при всемъ желаніи, въ такомъ положеніи,

теперь не могу быть полезнымъ тебѣ слугою. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего рѣшенія о замѣнѣ меня кѣмъ-либо другимъ и вызовѣ скорѣй отсюда».

Въ то время я и не подозрѣвалъ, что вопросъ объ отозваніи Великаго Князя такъ близокъ къ разрѣшенію. Онъ только не разъ ласково обнадеживалъ меня въ теченіе послѣднихъ 5—7 дней, что скоро пошлетъ курьеромъ въ Петербургъ; иногда же, наоборотъ, говорилъ: «Мы вернемся домой вмѣстѣ. Какъ ты думаешь, скоро ли это будетъ?» Но мнѣ и въ голову не приходило, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ скоро случиться при столь напряженной политической обстановкѣ. Получивъ сегодня, по возвращеніи въ С.-Стефано, письмо отъ жены, я засѣлъ писать отвѣтъ, который окончилъ только на другой день и изъ котораго не могу не сдѣлать слѣдующую выписку, доказывающую, какъ я былъ далекъ отъ надежды на скорое возвращеніе:

«Твое 55-е письмо я перечитывалъ нѣсколько разъ: твои распеканія за мою «деморализацію» доставили мнѣ высокое наслажденіе. Я радуюсь и горжусь, что у меня такая жена. Твое возвышенное сознаніе долга передъ родиною будетъ служить мнѣ самою крѣпкою нравственною опорою въ предстоящей войнѣ. Если я такъ боюсь войны въ ближайшемъ будущемъ, то не потому лишь, что она отодвинетъ на неопредѣленное время мое возвращеніе, а потому, что я убѣжденъ въ ея несчастномъ исходѣ. Слишкомъ много причинъ, укоренившихъ во мнѣ это убѣжденіе: я не разъ тебѣ ихъ перечислялъ и повторяться не буду. Твоя нравственная поддержка дастъ мнѣ силы честно и стойко исполнять свой долгъ, но вдохнуть въ меня вѣру въ успѣхъ новой войны—даже ты не можешь. Ты пишешь, что тебѣ стыдно за мой пессимизмъ, за потерю вѣры въ наши силы. Увы, я стыдиться не могу, ибо посвященъ во всѣ секреты, ясно вижу общее положеніе дѣлъ, и поэтому во мнѣ крѣпко сидитъ ужасное убѣжденіе, что въ случаѣ войны дѣйствительность превзойдетъ самыя мрачныя мои опасенія. Дай Богъ, чтобъ я ошибся: буду невыразимо счастливъ.

«Ты пишешь, что не любишь моихъ разсужденій о политикѣ, и даже просишь не угощать тебя ими. Но я не могу не выкладывать передъ тобою то, что мнѣ выматываетъ душу, и сверхъ

того считаю необходимымъ записывать все, что мнѣ извѣстно, ибо памятую, что наша переписка, впослѣдствіи, будетъ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Поставленный волею судьбы въ исключительно-освѣдомленное положеніе, я хочу, чтобы впослѣдствіи, хоть въ отдаленномъ будущемъ, происходящія теперь событія получили правильное освѣщеніе. Надо, чтобы потомство знало, что эти событія не были направляемы, а лѣпились горшечниками, лѣпились порывисто и не отдавая себѣ отчета,—что въ концѣ-концовъ изъ ихъ работы выйдетъ. Прости меня, если тебѣ докучаю, но я долженъ высказаться, а кромѣ тебя—некому».

28 марта, Санъ-Стефано.—Получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ вчерашняго вечера:

«При обсужденіи проекта призыва резервистовъ, графъ Биконсфильдъ сдѣлалъ въ палатѣ лордовъ слѣдующее заявленіе: Политика Англіи опирается на договоры. Такъ какъ Россія отказывается представить конгрессу санъ-стефанскій договоръ цѣликомъ, какъ того требуетъ Англія, всякая надежда на созывъ конгресса исчезла. Всѣ вооружаются; необходимо и Англіи приготовиться, ибо событія, происходящія въ окрестностяхъ Константинополя, угрожаютъ интересамъ британской имперіи. Этой декларацiи перваго министра горячо апплодировали».

Въ сопоставленіи со вчерашними сообщеніями Порты и князя Горчакова, эта телеграмма не производитъ уже того впечатлѣнія, которое произвела бы, если бы Биконсфильдъ сказалъ это днемъ раньше. Теперь это смахиваетъ на простое запугиванье.

Великій Князь сегодня съ утра объявилъ, что завтра поѣдемъ осматривать турецкія укрѣпленія. Нелидовъ и Ону старались отклонить его отъ этого намѣренія, опасаясь могущихъ произойти новыхъ осложненій; но Великій Князь остался при своемъ и не хочетъ даже предупреждать турокъ. Онъ говоритъ, что уже предупредилъ ихъ о своемъ объѣздѣ, что они не возражали, и этого достаточно: предупреждать вторично, что поѣдетъ именно завтра—нѣтъ никакой надобности. Недоумѣваю, какой можетъ быть отъ этой поѣздки толкъ и какой выйдетъ результатъ. А что, если турки заупрямятся и не захотятъ его пропустить? Если же турки про-

глотятъ обиду—англичане ее раздуютъ и выставятъ этотъ случай на видъ, какъ самое вѣское доказательство беззащитности Турціи и необходимости ей помочь даже противъ ея воли.

Въ дополненіе къ вчерашнимъ своимъ депешамъ, Великій Князь счелъ нужнымъ составить сегодня и отправить шифромъ слѣдующую телеграмму Государю:

«Если тобою приказано будетъ мнѣ отвести войска на соотвѣтственное разстояніе хода англійскаго флота до Босфора, въ случаѣ его выхода изъ Дарданеллъ, полагаю возможнымъ отвести войска до линіи Чаталджи, откуда мнѣ будетъ не менѣе трехъ дней ходу до Константинополя».

Послѣ 6 ч. вечера получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ сегодня утромъ:

«Вчерашнія три шифрованныя телеграммы твои получилъ вечеромъ. Надѣюсь, что турки исполнятъ твое требованіе объ оставленіи работъ укрѣпленій. Конфиденція султана объ удаленіи англійскаго флота [1]) по ихъ собственному предложенію поясняетъ свѣдѣнія изъ Берлина, сообщенныя тебѣ вчера» [2]).

На это Великій Князь отвѣчалъ въ 8 ч. веч. шифромъ:

«Шифрованную телеграмму твою сегодня получилъ. Турки противъ Санъ-Стефано остановили работы; на другихъ мѣстахъ еще не знаю. Завтра, если буду въ состояніи, объѣду лично часть работъ. Что увижу и узнаю—сообщу».

Наконецъ, сегодня вечеромъ получена агентская телеграмма изъ Лондона отъ сегодняшняго утра:

«Въ палатѣ лордовъ, послѣ своей деклараціи по поводу призыва резервовъ, лордъ Биконсфильдъ, въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ сказалъ, что не желаетъ непремѣнно войны, и надѣется еще на возможность созыва конгресса. Лордъ Гренвиль выразилъ надежду, что Англія не будетъ вызывать вторую крымскую кампанію. Лордъ Дерби, замѣтивъ, что дипломатія еще не сказала послѣдняго слова, подвергъ критикѣ политику правительства. Палата лордовъ единогласно приняла адресъ въ отвѣтъ на посланіе королевы».

[1]) См. телеграмму Великаго Князя отъ 27 марта.

[2]) См. телеграмму князя Горчакова, полученную 27 марта.

Ясно, что выходка Биконсфильда, переданная по телеграфу вчера, была лишь демонстративною угрозою.

29 марта, на яхтѣ «Ливадія».—Наше рискованное путешествіе окончилось благополучно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ туркамъ.

Въ 9¼ ч. утра мы выѣхали изъ Санъ-Стефано верхомъ. Великаго Князя сопровождала огромная свита и конвойный взводъ съ его значкомъ. День былъ пасмурный, но теплый, почти жаркій. Мы проѣхали безпрепятственно черезъ мостъ, отдѣляющій наше расположеніе отъ турецкаго. Насъ тотчасъ встрѣтили конные офицеры и два заптія (жандармы); затѣмъ подъѣхалъ и представился Великому Князю какой-то паша, фамилію котораго я не разслышалъ, а вскорѣ появился самъ Мехмедъ-Али-паша съ Штреккеръ-пашою и черкесскимъ конвоемъ. Мехмедъ-Али-паша — настолько типичный нѣмецъ, что въ турецкомъ мундирѣ и фескѣ казался замаскированнымъ. Онъ и привѣтствовалъ Великаго Князя по-нѣмецки, самымъ сердечнымъ тономъ, а Великій Князь, по-нѣмецки же, дружелюбно-шутливо отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ посмотрѣть, какія это укрѣпленія вы противъ насъ строите».

«Какъ можно, ваше высочество! Совсѣмъ напротивъ! Уже строжайше приказано: не только прекратить всѣ работы, но даже свободно повсюду пропускать русскихъ офицеровъ и принимать ихъ, какъ представителей дружественной арміи»,—отвѣтилъ Мехмедъ-Али-паша. Великій Князь возразилъ: «Наши арміи должны быть не только дружественными, но союзными». «Это было бы всего лучше, ваше высочество,—отвѣчалъ Мехмедъ-Али: — это самое я говорилъ еще графу Игнатьеву. Мы охотно готовы быть вѣрными вашими союзниками, но вы должны быть великодушны и хоть немного облегчить намъ условія мира. Вы потребовали слишкомъ много!» Великій Князь пожалъ плечами и сказалъ: «Тутъ я ничего не могу сдѣлать. Я не дипломатъ, а солдатъ, и исполняю, что мнѣ приказываютъ».

Мехмедъ-Али-паша, видя, что изъ политическаго разговора ничего не выйдетъ, сразу перешелъ къ безсодержательнымъ любезностямъ. Въ отвѣтъ на его слова, что ему сегодня наконецъ посчастли-

вилось въ исполненіи его давнишняго желанія лично представиться,— Великій Князь пригласилъ его пріѣхать въ Санъ-Стефано или на «Ливадію», какъ ему удобнѣе: онъ всегда и вездѣ будетъ радъ Мехмеду-Али-пашѣ, какъ гостю. Затѣмъ попросилъ представить ему Штреккера-пашу, который почтительно держался позади. Мехмедъ-Али тотчасъ же его представилъ, и Великій Князь довольно долго и благосклонно разговаривалъ съ нимъ, тоже по-нѣмецки. Послѣ этого прямо подъѣхалъ къ черкесскому конвою и безъ церемоніи заговорилъ по-русски съ обоими офицерами. Они такъ опѣшили, что не сообразили притвориться непонимающими и отвѣчали ему довольно порядочно по-русски же. Великій Князь спросилъ, много ли нижнихъ чиновъ, говорящихъ по-русски: отвѣчали, что почти половина. Тогда онъ спросилъ, много ли служившихъ прежде въ собственномъ Его Величества конвоѣ: офицеры отвѣтили уклончиво, что и такіе есть. Но когда Великій Князь обратился къ самимъ черкесамъ со словами: «Кто изъ васъ, братцы, у насъ служилъ?»—всѣ они промолчали, никто не отозвался. Великій Князь усмѣхнулся и двинулся въ объѣздъ: Мехмедъ-Али-паша ѣхалъ все время рядомъ съ нимъ.

Форма турецкаго султанскаго конвоя совершенно такая же, какъ у насъ: единственная разница—луна на папахахъ и красные нагрудные патронташи (газыри).

Всѣ турецкія войска, мимо которыхъ мы проѣзжали, выстраивались на линіяхъ своихъ лагерей и отдавали честь, причемъ играла музыка. Но офицеры и солдаты смотрѣли исподлобья, сумрачно: видно было, что нашъ объѣздъ оскорбляетъ ихъ самолюбіе. Мы объѣзжали и осматривали турецкія укрѣпленія, какъ свои собственныя. Оказалось, что работы прерваны въ самомъ началѣ: всѣ укрѣпленія еще очень далеки до окончанія. Но пункты выбраны мастерски, что Великій Князь и высказалъ Мехмеду-Али, спросивъ его, кто эти пункты намѣтилъ? Мехмедъ-Али съ напускною скромностью отвѣтилъ, что онъ самъ.

Объѣздъ продолжался до $2^1/_2$ ч. дня, когда мы подъѣхали къ мѣсту сліянія рѣчки «Сладкія воды» съ Золотымъ-Рогомъ. Мы сдѣлали около 30 верстъ верхомъ и объѣхали только лѣвый флангъ турецкой позиціи, прикрывающій Константинополь: правый же флангъ

ея, котораго мы сегодня не видали, упирается въ Босфоръ близъ Терапіи и Буюкдэре.

На Золотомъ-Рогѣ ожидали два паровыхъ катера съ «Ливадіи». Распростившись съ турками и поблагодаривъ ихъ за любезность, Великій Князь приказалъ остаться только Непокойчицкому, Скобелеву I, Анненкову, Обермиллеру, адъютантамъ своимъ и мнѣ; всей же остальной свитѣ—вернуться въ Санъ-Стефано верхомъ. Генералъ-адъютантовъ Гурко и графа Шувалова и генераловъ Скобелева 2-го, Рауха и Бреверна пригласилъ доѣхать на паровомъ катерѣ до Стамбула, съ тѣмъ, чтобы оттуда они вернулись въ Санъ-Стефано по желѣзной дорогѣ.

Видѣнная нами сегодня мѣстность имѣетъ видъ унылый и запущенный. Бугры и буераки, поросшіе сорными травами, безъ всякаго признака здоровой растительности, чередуются съ изсякшими и загнившими ручьями, а ближе къ морю—съ гніющими заболоченными затонами. Изрѣдка попадаются крошечныя, жалкія деревеньки. Даже верховье Золотого-Рога такъ обмелѣло, что мы, сѣвъ на паровые катера у Султанскаго Кіоска (постройка въ швейцарскомъ стилѣ), довольно долго шли самымъ тихимъ ходомъ, съ промѣрами, чтобы не наткнуться на мель. А между тѣмъ осадка паровыхъ катеровъ—только $3^1/_2$ фута.

Я очень интересовался поѣздкою по всему Золотому-Рогу, но берега его, послѣ Босфора, уже не могли произвести впечатлѣнія, ибо тутъ и сравненія быть не можетъ. Почти тотчасъ за Султанскимъ Кіоскомъ начинаются константинопольскія предмѣстья, а за ними и самый городъ: справа—Фанаръ и Стамбулъ, слѣва—Пера и Галата.

По прибытіи на «Ливадію», мы пообѣдали, а послѣ обѣда поѣхали опять на берегъ: Великій Князь съ Непокойчицкимъ—въ посольство, навѣстить больного Нелидова и переговорить съ нимъ, а я тѣмъ временемъ побылъ у нашего генеральнаго консула Хитрово. Затѣмъ, получивъ приказаніе Великаго Князя составить донесеніе Государю, вернулся на «Ливадію» и приступилъ къ работѣ. Завтра ѣдетъ курьеръ.

30 марта, на яхтѣ «Ливадія».—Почти одновременно,

около 10 ч. утра, получены сегодня двѣ шифрованныя телеграммы Государя, обѣ отъ вчерашняго вечера:

1) «Почему турки до сихъ поръ не очистили Батума, Варны и Шумлы? Потребуй настоятельно немедленнаго исполненія и назначь срокъ для вступленія нашихъ войскъ въ эти крѣпости. О томъ, какой именно срокъ будетъ назначенъ, телеграфируй мнѣ, дабы дано было соотвѣтственное приказаніе кавказскимъ войскамъ. Откладывать долѣе невозможно».

2) «Въ дополненіе къ вчерашней твоей телеграммѣ объясни мнѣ, на какомъ разсчетѣ основано твое соображеніе объ отводѣ нашихъ войскъ до Чаталджи въ случаѣ выхода англійскаго флота изъ Дарданеллъ, и почему полагаешь, что оттуда до Босфора трое сутокъ ходу. Во всякомъ случаѣ, не отводи войска съ настоящихъ позицій до полученія положительнаго моего приказанія».

Обѣ эти телеграммы, проникнутыя сдержаннымъ неудовольствіемъ (а вторая—даже недовѣріемъ), глубоко взволновали Великаго Князя. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ шифромъ:

«Двѣ твои шифрованныя телеграммы отъ 29-го вечера получилъ сегодня утромъ. Объ очищеніи трехъ крѣпостей назначу срокъ и немедленно тебѣ его сообщу. Отводить войска безъ твоего на то положительнаго приказанія я отнюдь не предполагалъ. Подробности сегодня съ фельдъегеремъ».

Полученіе сегодняшнихъ телеграммъ вызвало приказаніе Великаго Князя: въ дополненіе къ двумъ уже заготовленнымъ донесеніямъ составить еще одно, съ подробнымъ объясненіемъ по содержанію второго запроса Государя. Это донесеніе я и составилъ наскоро, такъ какъ Великій Князь пожелалъ отправить всѣ три непремѣнно съ сегодняшнимъ курьеромъ.

Привожу всѣ три донесенія дословно:

1) «Ваше Императорское Величество. Какъ вамъ извѣстно, турки дѣятельно принялись за постройку укрѣпленій вокругъ Константинополя съ цѣлью огражденія своего нейтралитета на случай, если бы мы были вынуждены его нарушить. Я тотчасъ же потребовалъ прекращенія работъ и, когда это было обѣщано, заявилъ Реуфу-пашѣ о моемъ желаніи осмотрѣть эти работы, чтобы лично

убѣдиться, въ какой видъ онѣ приведены. Реуфъ-паша отвѣтилъ, что я во всякое время буду радушно встрѣченъ.

«Въ сопровожденіи свиты моей, всѣхъ высшихъ военныхъ начальниковъ и взвода собственнаго Вашего Величества конвоя, я выѣхалъ верхомъ изъ Санъ-Стефано въ 9¹/₄ ч. утра, не предупредивъ объ этомъ турокъ. Несмотря на это, какъ только я переѣхалъ за черту нашего расположенія, меня тотчасъ встрѣтилъ турецкій паша и чрезвычайно обязательно давалъ всѣ объясненія, какія я спрашивалъ. Турецкія войска повсюду выстраивались при моемъ приближеніи впереди своихъ лагерей и отдавали мнѣ честь, съ музыкой. Наконецъ мнѣ выѣхалъ навстрѣчу самъ Мехмедъ-Али-паша, съ Штреккеръ-пашой и со взводомъ черкесскаго султанскаго конвоя. Мехмедъ-Али-паша разсыпался въ любезностяхъ. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что уже отдано приказаніе пропускать нашихъ офицеровъ въ турецкое расположеніе и принимать ихъ, какъ представителей дружественнаго государства. Сперва онъ было даже обмолвился словомъ «союзнаго», но затѣмъ поправился. По моему желанію, онъ представилъ мнѣ Штреккера-пашу, съ которымъ я долго и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ: онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

«Я объѣхалъ всю линію отъ Маврикіоя до Кіатъ-Хане (Сладкія воды) и внимательно осмотрѣлъ всѣ начатыя турками на этомъ пространствѣ фортификаціонныя работы. Работы эти не доведены до конца, но то, что сдѣлано—сдѣлано отлично, а главное—мѣста подъ укрѣпленія выбраны мастерски. Мѣстность, которую турки начали укрѣплять, сама по себѣ весьма сильна: это ряды холмовъ, постепенно повышающихся съ приближеніемъ къ Константинополю. Лощины между этими холмами, по мѣрѣ приближенія къ нему, становятся глубже, обрывистѣе, даже скалистѣе. Этотъ характеръ мѣстности даетъ возможность укрѣпить ее въ нѣсколько линій, примѣрно въ три, причемъ каждая линія укрѣпленій будетъ значительно командовать впереди лежащею. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подступы съ нашей стороны совершенно открыты, ибо окрестности Константинополя представляютъ почти пустыню, то очевидно, съ какими трудностями была бы сопряжена атака этихъ укрѣпленій и какъ дорого обошелся бы намъ каждый шагъ впередъ. Прекращеніе тур-

ками работъ представляетъ для насъ лишь весьма небольшую гарантію на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, потому что при несомнѣнномъ мастерствѣ ихъ быстро окапываться—имъ достаточно одной ночи, чтобъ возвести очень серьезныя преграды.

«Единственный недостатокъ занимаемой турками позиціи—это огромное ея протяженіе отъ Маврикіоя до Буюкдэре, т.-е. около 50-ти верстъ. Хотя войскъ у нихъ и собрано достаточно, но обезпечить столь растянутую позицію отъ прорыва на всемъ протяженіи—все-таки очень трудно. Я не видалъ всего праваго фланга позиціи, отъ Кіатъ-Хане до Буюкдэре, но имѣю свѣдѣнія, что укрѣпленія на этомъ флангѣ подвинуты значительно болѣе впередъ, да и мѣстность тамъ еще болѣе благопріятствуетъ оборонѣ и представляетъ еще болѣе трудностей для наступленія.

«Вотъ заключеніе, выведенное мною изъ моей поѣздки по турецкимъ укрѣпленіямъ. Считаю долгомъ повергнуть его на благоусмотрѣніе Вашего Величества».

2) [1]) «Ваше Императорское Величество! На письмо Вашего Величества отъ 20-го марта долгомъ считаю почтительнѣйше объяснить обстоятельства, помѣшавшія мнѣ своевременно занять и укрѣпить Босфоръ, а также соображенія, заставившія меня отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдэре.

«Еще до заключенія перемирія, когда, вслѣдствіе затруднительности телеграфныхъ сообщеній, согласіе Порты на предложенныя нами условія мира не доходило до турецкихъ уполномоченныхъ и войска наши продолжали приближаться къ Константинополю, — англійское правительство, видя въ этомъ намѣреніе наше завладѣть во что бы то ни стало столицею Турціи, приказало своему флоту вступить въ проливы. Онъ былъ остановленъ въ Дарданеллахъ извѣстіемъ о заключеніи перемирія и приглашеніемъ возвратиться на прежнюю стоянку. Можно, однако, положительно сказать, что если бы войска наши окончательно приблизились къ Царьграду,—они нашли бы англійскія суда въ Босфорѣ, а можетъ быть и самый выходъ въ Черное море занятымъ англичанами.

[1]) Это донесеніе составлено *не* мною; я только помогалъ ускоренію его переписки, диктуя присланному Нелидовымъ на «Ливадію» дипломатическому чиновнику.

«Когда, при началѣ мирныхъ переговоровъ въ Адріанополѣ, въ Константинополѣ разнесся слухъ о чрезмѣрныхъ, будто бы, условіяхъ нашихъ, о требованіи нами выдачи всего турецкаго флота, изгнаніи всего мусульманскаго населенія изъ Болгаріи, объ угрозѣ нашей, въ случаѣ отказа, прервать перемиріе и снова наступать на столицу (хотя, въ сущности, занятіемъ мѣстности близъ Чаталджи мы исполняли бы лишь условія демаркаціонной линіи согласно заключеннаго перемирія) — англійскому флоту снова дано было приказаніе подойти къ Босфору подъ предлогомъ огражденія безопасности англійскихъ подданныхъ, но въ сущности для огражденія политическихъ интересовъ Великобританіи. Съ нашей стороны немедленно было заявлено Портѣ, что мы принуждены будемъ взять подобныя же гарантіи занятіемъ Константинополя и Босфора. Англійскій флотъ остановился у Принцевыхъ островов и ожидалъ исхода переговоровъ нашихъ съ оттоманскимъ правительствомъ относительно занятія, съ его согласія, пунктовъ внѣ демаркаціонной линіи, установленной перемиріемъ. Султанъ былъ крайне испуганъ мыслью о занятіи нами столицы. Поставленный между угрозами англичанъ и нашими законными требованіями, онъ уступилъ намъ въ томъ, что согласился на переходъ нашихъ войскъ за линію защиты Константинополя и на перенесеніе главной квартиры въ Санъ-Стефано. Это были крайнія уступки, на которыя Порта согласилась, скрѣпя сердце. Если бы мы настаивали на занятіи Босфора, намъ, вѣроятно, пришлось бы брать его силою. Для этого нужно было прервать мирные переговоры, нарушить перемиріе, объявивъ о томъ туркамъ за три дня впередъ, и повести атаку на линію турецкихъ укрѣпленій. Атака эта требовала сосредоточенія значительныхъ силъ, которыя еще не были собраны, — и, во всякомъ случаѣ, мнѣ необходимо было положительное повелѣніе Вашего Величества для перехода отъ только-что установившагося мирнаго положенія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Къ тому же, если бы я подошелъ къ Босфору, англійская эскадра, несомнѣнно, явилась бы туда раньше меня, столкновеніе сдѣлалось бы неминуемымъ и разрывъ съ Англіей послѣдовалъ бы немедленно.

«Вотъ почему, тщательно донося Вашему Величеству о всемъ происходившемъ и строго изучивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я

принялъ рѣшеніе перенести главную квартиру въ Санъ-Стефано *съ согласія турокъ*, въ надеждѣ, что постоянная угроза Константинополю поведетъ къ скорому заключенію мира и предотвратитъ дальнѣйшія столкновенія.

«Располагать же, по моему усмотрѣнію, берегами Босфора— мнѣ было невозможно, какъ потому, что я никогда не получилъ бы на это согласія турокъ, такъ и вслѣдствіе матеріальныхъ препятствій, которыя я, несомнѣнно, встрѣтилъ бы со стороны англичанъ. Я не считалъ себя вправѣ добровольно вызывать здѣсь столкновеніе съ Великобританіей въ то самое время, когда нашею дипломатіей дѣлались всевозможныя попытки къ мирному улаженію затрудненій и къ предотвращенію пагубной для насъ войны.

«Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду по мѣрѣ возможности гарантировать наши интересы и приготовить средства къ приближенію къ Босфору, я тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Реуфъ-пашою относительно направленія нашихъ войскъ на Пиргосъ-Бѣлградъ, для посадки ихъ, современемъ, на суда въ Буюкдэре. Турецкій военный министръ, съ своей стороны, не встрѣчалъ препятствій къ исполненію этого плана; но когда статья объ отправкѣ нашихъ войскъ моремъ должна была быть помѣщена въ мирный трактатъ—турки тщательно ограничали это право Чернымъ и Мраморнымъ морями, преднамѣренно исключивъ Босфоръ. Мы, слѣдовательно, могли исполнить задуманный проектъ только *съ согласія* турокъ, и намъ слѣдовало испросить для него *разрѣшенія* оттоманскаго правительства. Хотя Реуфъ-паша, во время переѣзда до Одессы, и обѣщалъ графу Игнатьеву написать объ этомъ въ Порту и выразилъ надежду, что не встрѣтится большихъ препятствій,—но какъ только зашелъ разговоръ о посадкѣ войскъ въ Буюкдэре, все турецкое министерство и самъ султанъ сильно возстали противъ этого. Было ли ихъ сопротивленіе искренно, или ихъ подбилъ къ тому англійскій посолъ—это мнѣ точно неизвѣстно: тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ наши старанія и объясненія, отказъ былъ самый положительный, и общественное мнѣніе въ Константинополѣ, какъ между турками, такъ и между европейцами и даже иностранными представителями, выказало себя крайне враждебнымъ нашему ходатайству.

«Англійскій посолъ угрожалъ, говорятъ, Портѣ вступленіемъ

британскаго флота въ Босфоръ. Но не передъ его угрозами остановился я, а передъ невозможностью привести турокъ *къ согласію* на нашъ планъ и передъ еще большею невозможностью нарушить собственною властью едва заключенный и весьма для насъ выгодный мирный трактатъ. Мнѣ казалось, что моя первая и священнѣйшая обязанность была: избѣгать столкновенія на мѣстѣ, котораго такъ страстно добивались, самыми непозволительными средствами, всѣ наши враги и во главѣ ихъ—англійскій посолъ. Россія могла бы упрекнуть меня—и Ваше Императорское Величество весьма основательно взыскали бы съ меня, еслибъ я, собственною волею, отнялъ у нашего отечества благодѣянія мира, составляющаго постоянную заботу какъ вашу, такъ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ вашихъ.

«Я съ полною искренностью излагалъ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всѣ практическія затрудненія для исполненія желанія вашего о занятіи укрѣпленій Босфора; я не скрывалъ отъ васъ, что затрудненія эти растутъ ежечасно и, при продолженіи настоящаго положенія, могутъ принять характеръ невозможности. Стараясь исполнять, по крайнему моему разумѣнію и силамъ, предначертанія Вашего Величества, я изыскивалъ всѣ средства, чтобы оградить наши интересы и сохранить возможность занять Босфоръ мирнымъ путемъ. Употребленіе же силы и возобновленіе войны — зависѣло исключительно отъ Августѣйшей воли и приказанія Вашего Императорскаго Величества».

3) «Ваше Императорское Величество! Князь Горчаковъ шифрованною телеграммою отъ 27-го марта увѣдомилъ меня, что князь Бисмаркъ предложилъ слѣдующій компромиссъ: англійскому флоту очистить Константинопольскія воды и уйти за Дарданеллы, а нашимъ войскамъ—отойти отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее тому времени, которое нужно англійскому флоту для возвращенія на занимаемыя имъ теперь мѣста. Такъ какъ въ концѣ этой телеграммы сказано, что Ваше Величество уже изъявили согласіе на посредничество Германіи въ этомъ смыслѣ [1]), и что вслѣдствіе этого я могу получить приказаніе объ отводѣ нашихъ войскъ съ зани-

[1]) Подлинный текстъ окончанія телеграммы князя Горчакова: «Avons répondu, qu'Empereur accepte proposition dans ces termes, en apprécie le caractère amical et la haute valeur, qu'y donne la puissance de l'Allemagne».

маемыхъ ими нынѣ позицій—я и увѣдомилъ Ваше Величество, что могу отойти не далѣе, какъ на линію Чаталджи.

«Но Ваше Величество спрашиваете меня, на какомъ разсчетѣ основано соображеніе объ отводѣ войскъ именно на эту линію. Спѣшу объясниться.

«Мы стоимъ теперь на разстояніи 9-ти верстъ отъ стѣнъ Константинополя. Но близость къ нему не даетъ намъ возможности оборонять входъ въ Черное море черезъ Босфоръ, ибо оборона эта становится возможною лишь у Буюкдэре, до котораго отъ Санъ-Стефано 26 верстъ. Поэтому, строго говоря, мы уже теперь находимся въ такомъ же разстояніи отъ Буюкдэре, въ какомъ будетъ находиться англійскій флотъ, если отойдетъ въ Безикскую бухту, откуда ему нужно 15 и, много, 18 часовъ времени, чтобы дойти до Босфора. Но, имѣя въ виду возможность отвода войскъ изъ занимаемаго ими нынѣ расположенія, я указалъ на линію Чаталджи, какъ на крайній предѣлъ возможнаго нашего удаленія отъ Босфора. Оттуда до стѣнъ Константинополя — 36 верстъ по прямой линіи, а до Буюкдэре — 48 верстъ по кратчайшей дорогѣ. Принимая во вниманіе свойства мѣстности и дорогъ, для артиллеріи крайне затруднительныхъ, мы можемъ дойти отъ Чаталджи до стѣнъ Константинополя на второй, а до Буюкдэре—только на третій день.

«Слѣдовательно, отступивъ на линію Чаталджи, мы будемъ находиться въ гораздо большемъ разстояніи отъ Босфора, чѣмъ англійскій флотъ, если онъ отойдетъ въ Безикскую бухту. Вотъ почему я указалъ на Чаталджу, какъ на крайній предѣлъ, до котораго могутъ быть отведены наши войска. Отойти далѣе—невозможно еще и потому, что войска негдѣ будетъ расквартировать, по совершенному отсутствію жилыхъ помѣщеній.

«Въ заключеніе считаю долгомъ прибавить:

«Во всѣхъ вышеизложенныхъ соображеніяхъ я не принималъ вовсе въ разсчетъ то сопротивленіе, которое мы можемъ встрѣтить со стороны турецкой арміи. А это между тѣмъ такое обстоятельство, которое нельзя не принять въ самое серьезное соображеніе.

«Я никогда и не помышлялъ объ отводѣ войскъ изъ настоящаго ихъ расположенія безъ особаго, положительнаго на то повелѣнія Вашего Величества».

Около 4 ч. дня курьеръ со всѣми этими донесеніями былъ отправленъ, и вслѣдъ затѣмъ представился случай пріятно отдохнуть послѣ усиленной работы. Пріѣхалъ командиръ парохода «Константинъ», георгіевскій кавалеръ Макаровъ [1]) и предложилъ князю Евгенію Максимиліановичу прокатиться по Босфору, на его паровомъ катерѣ, славящемся своею быстроходностью. Евгеній Максимиліановичъ пригласилъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго, генералъ-адъютантовъ Попова (вице-адмиралъ) и Гершельмана и меня. Макаровъ самъ сѣлъ на рулѣ, и мы понеслись стрѣлой, продѣлывая на ходу самые смѣлые повороты и зигзаги. На всѣхъ иностранныхъ и турецкихъ судахъ всѣ высыпали на палубу и любовались ловкими и быстрыми маневрами нашего парового катера. Евгеній Максимиліановичъ, любитель и знатокъ морскихъ гонокъ, былъ въ восторгѣ. Послѣ полуторачасового катанья мы вернулись на «Ливадію» къ обѣду.

31 марта, на яхтѣ „Ливадія“.—День провелъ интересно и пріятно. Рано утромъ пріѣхалъ съ докладомъ инспекторъ госпиталей, генералъ Коссинскій, и, будучи скоро отпущенъ, предложилъ съѣхать вмѣстѣ съ нимъ на берегъ покататься. Съ разрѣшенія Великаго Князя, я поѣхалъ. На пристани Топхане уже ожидала Коссинскаго, въ ландо, его свояченица, С. А. Шершевская. Она продѣлала весь походъ сестрою милосердія, заразилась тифомъ и, по выздоровленіи, пріѣхала въ Константинополь отдохнуть. Коссинскій меня ей представилъ, и мы отправились втроемъ сперва въ гостинницу — закусить, а затѣмъ — ко дворцу Ильдизъ-Кіоскъ, смотрѣть «селямлыкъ», т.-е. парадный выѣздъ султана въ мечеть, бывающій еженедѣльно, по пятницамъ. Проѣхали черезъ всю Перу и, доѣхавъ до Ильдизъ-Кіоска, остановились на площадкѣ, между дворцовымъ садомъ (куда, конечно, не пускаютъ) и мечетью. На площадкѣ были выстроены войска и прохаживались турецкіе паши и офицеры въ парадной формѣ.

Выходъ долженъ былъ начаться ровно въ 12 ч., но султанъ

[1]) Погибъ въ чинѣ вице-адмирала вмѣстѣ съ броненосцемъ «Петропавловскъ», 31-го марта 1904 г., въ портъ-артурскихъ водахъ.

на полчаса опоздалъ. Между тѣмъ, экспромптомъ, пріѣхалъ и Великій Князь, вышелъ изъ коляски и вмѣшался въ толпу зрителей. Объ этомъ, очевидно, тотчасъ сообщили, потому что не прошло и пяти минутъ, какъ явился Реуфъ-паша и, подойдя къ Великому Князю, привѣтствовалъ его. Около $12^1/_2$ заиграла музыка и началось шествіе, открытое офицерами дворцовой стражи, по два въ рядъ. За ними ѣхалъ, на чудномъ бѣломъ арабскомъ конѣ, самъ султанъ, въ черномъ сюртукѣ со звѣздою. Сановники слѣдовали за нимъ пѣшкомъ. Съ появленіемъ султана, войска закричали: «Падишахъ чохъ-якши!» (да здравствуетъ султанъ на многія лѣта), а съ приближеніемъ его къ мечети двое придворныхъ, пятясь задомъ, начали ему кадить какими-то благовоніями изъ серебряныхъ кадильницъ. На паперть мечети вышелъ имамъ и завопилъ громкимъ голосомъ какое-то привѣтствіе. Проѣзжая мимо Великаго Князя, султанъ, съ улыбкою, нѣсколько разъ покивалъ ему головой. Когда султанъ вступилъ въ мечеть, то лишь очень немногія лица его свиты пошли за нимъ: большинство осталось на улицѣ. Реуфъ-паша, подойдя къ Великому Князю, доложилъ, что султанъ проситъ его, пока, присѣсть и посмотрѣть парадъ. Въ то же время всѣ стоявшія на площадкѣ войска были уведены въ садъ Ильдизъ-Кіоска. Оттуда началось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ, по-полуротно, съ музыкою, мимо Великаго Князя. Въ головѣ прошла дворцовая стража, состоящая изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, въ формѣ, напоминающей нашу пажескую. За ними— баталіонъ національной гвардіи, баталіонъ саперъ-пожарныхъ (подражаніе французскимъ sapeurs-pompiers), баталіонъ морской пѣхоты, баталіонъ негровъ и два баталіона полевой пѣхоты. Всѣ прошли шагомъ (довольно слабо), а послѣдніе два баталіона—бѣгомъ, отлично. Я особенно заинтересовался баталіономъ негровъ, въ которомъ и всѣ офицеры тоже чернокожіе. Этотъ баталіонъ, очевидно, не сколоченъ: выдающіеся молодцы перемѣшаны съ очевидно-невымуштрованными уродами, способными однимъ своимъ видомъ привести въ отчаяніе хорошаго строевика. Одежда и вооруженіе всѣхъ видѣнныхъ нами войскъ очень хороши, но бросается въ глаза совершенно недопустимое, по нашимъ понятіямъ, неряшество: даже у многихъ офицеровъ мундиры были полуразстегнуты, панталоны—полузасучены,

изъ-подъ нихъ выглядывали приспущенные на полусапожки чулки, оружіе и аммуниція надѣты криво и косо. Зато, съ другой стороны, пріятно было видѣть отсутствіе всякой суеты. Войска пришли всего минутъ за пять до полудня, сами стали на свои мѣста, безъ всякаго предварительнаго священнодѣйствія, и стояли вольно почти до самаго начала султанскаго выхода. Какъ офицеры, такъ и солдаты, не стѣсняясь присутствіемъ высшихъ сановниковъ, расхаживали, присаживались, бесѣдовали между собою и курили. Всего за 2—3 минуты до появленія султана раздалась чья-то спокойная, негромкая команда — и всѣ стали смирно на свои мѣста. Никто ихъ не равнялъ и не суетилъ. Это намъ не мѣшало бы перенять у турокъ.

На парадѣ присутствовали, построенные въ двѣ шеренги, наши щегольски-одѣтые фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры полковъ л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго. Они были отпущены въ Константинополь погулять. Султанъ, проѣзжая мимо нихъ, съ улыбкою приложилъ руку къ фескѣ.

По окончаніи парада, Реуфъ-паша пригласилъ Великаго Князя въ Ильдизъ-Кіоскъ, обождать, пока султанъ вернется туда изъ мечети. Съ Великимъ Княземъ пошли только принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Непокойчицкій и дежурный адъютантъ. Всѣ остальные, въ томъ числѣ и мы, уѣхали, не ожидая обратнаго проѣзда султана.

Съ селямлыка мы поѣхали въ Стамбулъ, на базаръ, а оттуда—смотрѣть гробницы султановъ: Махмуда, Абдулъ-Меджида и Абдулъ-Азиса, въ очень красивой круглой мечети. Затѣмъ—на площадь Атмейданъ, гдѣ спустились въ подземелье «1000 колоннъ» временъ императора Константина. Спускъ туда на 20 — 25 ступеней, совершенно свободный: мы застали въ подземельи изрядное число мастеровыхъ-штучниковъ, работавшихъ каждый при свѣтѣ своей лампочки. Проводникъ объяснилъ, что многіе изъ нихъ тутъ же и ночуютъ.

Осмотрѣли еще «Ени-Саари», музей старинныхъ мусульманскихъ костюмовъ, помѣщающійся на Атмейданѣ, во дворѣ бѣднаго, грязнаго дома. Входъ—по деревянной, полутемной лѣстницѣ. Весь музей состоитъ изъ 3—4 комнатъ: полы — деревянные, стѣны —

крашеныя, грязныя; потолокъ—закопченый, окна—подслѣповатыя, немытыя и неотворявшіяся, вѣроятно, со времени постройки музея. По комнатамъ разставлены довольно типичные манекены въ обветшалыхъ костюмахъ первой половины XIX столѣтія.

Этимъ закончилась наша поѣздка: я поблагодарилъ В. Д. Коссинскаго и С. А. Шершевскую и вернулся на «Ливадію» незадолго до обѣда. Около 6 часовъ погода вдругъ круто измѣнилась: солнце спряталось и задулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ.

Великій Князь возвратился на «Ливадію» почти тотчасъ за мною вслѣдъ. Оказалось, что онъ бесѣдовалъ съ султаномъ по поводу требованія Государемъ скорѣйшаго очищенія крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, но никакого опредѣленнаго отвѣта не добился. Государю донесъ объ этомъ слѣдующею шифрованною телеграммою:

«Былъ сегодня у султана, говорилъ о скорѣйшей передачѣ крѣпостей. Реуфъ просилъ повременить до воскресенья, тогда обѣщалъ дать положительныя свѣдѣнія и отвѣтъ, который немедленно тебѣ сообщу. Нелидовъ боленъ, лежитъ въ постели, и потому не могъ до сихъ поръ вступить въ свои новыя обязанности».

Великій Князь заявилъ также султану, что желаетъ осмотрѣть правый флангъ турецкой позиціи, до Буюкдэре включительно, и султанъ изъявилъ согласіе. Объѣздъ назначенъ на завтра; составъ свиты самый ограниченный. Съ Великимъ Княземъ поѣдутъ только: князь Евгеній Максиміиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, генералъ-адъютанты Непокойчицкій, Гурко и графъ Шуваловъ, генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, свиты его величества генералъ-маіоры Эллисъ 1-й и Левицкій, генералъ-маіоръ Яфимовичъ, первый драгоманъ Ону и я.

1 апрѣля. — Въ 9 час. утра мы съѣхали съ «Ливадіи» на берегъ, ко дворцу Долма-Бахче. На набережной уже ожидали два флигель-адъютанта султана съ конными шталмейстерами, жокеями и заптіями (жандармами) въ парадной формѣ и четыре придворныхъ ландо четверками. Всѣ назначенные были въ сборѣ, кромѣ Скобелева 2-го, который, будучи занятъ объѣздомъ своихъ войскъ, прислалъ доложить объ этомъ молодого офицера генеральнаго штаба

Сахарова 3-го (только-что выпущеннаго изъ академіи). Великій Князь приказалъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Погода была ужасная: холодъ, вѣтеръ, изморозь, туманъ. Красота пути изъ Константинополя къ Босфору совершенно пропала: по временамъ, изъ-за тумана, ничего не видѣли. На пути до Терапіи, другіе замѣтили много укрѣпленій, но я разглядѣлъ только одно, и то дрянное. Проѣзжали мимо турецкихъ лагерей: войскъ насчитали немного, всего баталіоновъ 12 пѣхоты, эскадрона 4 конницы и 6 — 8 орудій. Въ Терапіи остановились для заказаннаго по телеграфу завтрака въ гостинницѣ.

Только-что сѣли за столъ, какъ входитъ неизвѣстный человѣкъ, въ каучуковомъ плащѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, и, никому не кланяясь, обращается къ Великому Князю съ вопросомъ: «Parlez-vous l'anglais?» Великій Князь, взглянувъ на него, кивнулъ головою на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ князя Евгенія Максимиліановича. Тогда англичанинъ сталъ высказывать претензію, что наши экипажи загородили проѣздъ изъ-подъ воротъ гостинницы на набережную такъ, что онъ не можетъ пробраться даже верхомъ. Ону отвѣтилъ ему, что экипажи—султанскіе, и поэтому пусть обратится къ флигель-адъютантамъ султана. Одинъ изъ нихъ (сынъ перваго министра, Ахмедъ-Вефика) тотчасъ всталъ, увелъ нахала съ собой и вскорѣ вернулся. Но вслѣдъ за нимъ вернулся англичанинъ и, обратившись къ адъютанту, тономъ крайняго раздраженія повторилъ свое требованіе очистить дорогу для его верховой лошади. Адъютантъ опять вышелъ вмѣстѣ съ англичаниномъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ одинъ, разсказалъ, что дѣло улажено. Англичанинъ настаивалъ, чтобы всѣ экипажи выѣхали изъ-подъ воротъ на набережную, въ сторону противоположную тому направленію, по которому ему нужно было ѣхать. Адъютантъ приказалъ одному изъ конюховъ провести лошадь англичанина подъ воротами въ поводу, мимо экипажей, со двора гостинницы на набережную. Англичанинъ сталъ ругаться и протестовать, но когда лошадь была выведена—примирился съ совершившимся фактомъ, сѣлъ верхомъ и, ворча себѣ подъ носъ, уѣхалъ.

Великій Князь отнесся къ этому случаю равнодушно. Но меня эта наглость глубоко возмутила. Типическій образчикъ англійскаго высокомѣрія. Сами же англичане, еслибъ иностранецъ позволилъ

себѣ подобную выходку по отношенію къ нимъ — моментально спустили бы его кувыркомъ съ лѣстницы.

Кто это былъ—осталось неизвѣстнымъ: турки говорили, что, кажется, сынъ англійскаго генеральнаго консула Фаусетта.

Изъ Терапіи, послѣ завтрака, мы проѣхали въ Буюкдэре. Предполагалось съѣздить еще въ Бѣлградъ, но по причинѣ отвратительной погоды туда не поѣхали и остались въ Буюкдэре, на нашей посольской дачѣ, ожидать прибытія нашего парового катера, которому назначено было явиться туда къ 3-мъ часамъ. Ждать пришлось, однако, еще дольше: замедленіе вышло оттого, что первый посланный катеръ долженъ былъ вернуться изъ-за порчи машины. Послали второй, на которомъ пріѣхалъ самъ адмиралъ, генералъ-адъютантъ Поповъ. На этомъ катерѣ уѣхали Великій Князь, князь Евгеній Максимиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ, Непокойчицкій, Левицкій, Яфимовичъ и я; остальные участники поѣздки отправились обратно въ коляскахъ, чтобы вернуться по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя въ Санъ-Стефано.

Нашъ катеръ сильно качало и обдавало волной. Примѣрно на полдорогѣ встрѣтили еще одинъ паровой катеръ, которому Поповъ заранѣе приказалъ идти за нимъ на всякій случай. Эта адмиральская предусмотрительность оправдалась блистательно: не прошло и пяти минутъ, какъ нашъ катеръ сталъ—и у него машина испортилась. Пришлось пересаживаться на вновь подошедшій. Къ $4^1/_2$ ч. благополучно добрались до «Ливадіи». Довольно странно и для военнаго времени въ особенности непонятно, что на паровыхъ катерахъ императорской яхты такія ненадежныя машины.

Послѣ обѣда Государю была послана слѣдующая шифрованная телеграмма:

«Ѣздилъ на Маслакъ, Терапію и Буюкдэре. Вездѣ укрѣпленія съ сухого пути, но работы пріостановлены, хотя много сдѣлано. Мѣстность ужасно пересѣченная, скалистая и труднопроходимая. Погода холодная, дождь и вѣтеръ».

2 апрѣля, воскресенье, на яхтѣ «Ливадія».—Ночью была получена телеграмма Государя:

«Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ поздно

вечеромъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю положительнаго отвѣта [1]) и пріѣзда Имеретинскаго».

Отвѣчено Великимъ Княземъ сегодня утромъ:

«Получилъ твою депешу ночью. Ожидаю сегодня отвѣта отъ турокъ о трехъ мѣстахъ; тогда поступлю, какъ было тобою приказано, и тебѣ сообщу. Новаго ничего, погода холодная».

Съѣздили опять на берегъ, были у обѣдни въ посольской церкви и затѣмъ завтракали въ посольствѣ. Послѣ завтрака Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

«Отъ Циммермана [2]) получилъ, что изъ Шумлы войска и матеріалы свозятся въ Варну и отправляются далѣе моремъ. Настойчиво требую, чтобы живѣй очищали всѣ три мѣста. Не могу ли имъ обѣщать, что когда они очистятъ эти пункты, то мы имъ сдадимъ Эрзерумъ: надѣюсь, что это поможетъ. Но на намекъ, имъ сдѣланный Ону, что я назначу срокъ для очищенія, они говорятъ, что объ этомъ въ мирномъ договорѣ не упомянуто. Египетскія войска, вывезенныя изъ Варны, вывозятся въ Египетъ, по требованію вицекороля».

Часа за два до обѣда мы вернулись на «Ливадію». Великій Князь, получивъ шифрованную депешу отъ Государя, ушелъ вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ въ свою каюту. Выйдя къ обѣду, отослалъ на берегъ тоже шифрованный отвѣтъ. Ни мнѣ, ни Скалону (который хранитъ всѣ его секретныя бумаги и пишетъ подъ его диктовку его личный дневникъ) ничего не сказалъ. Очевидно, депеша была особо секретная. Я пристально наблюдалъ за нимъ, стараясь угадать по выраженію голоса и лица, не получилъ ли онъ какое-либо тревожное или непріятное извѣстіе. Но Великій Князь не обнаруживалъ ни волненія, ни озабоченности. Только подъ конецъ обѣда я подмѣтилъ, что онъ молча чокнулся съ Непокойчицкимъ, бросивъ на него какъ бы нечаянный взглядъ.

Впослѣдствіи оказалось, что въ сегодняшней телеграммѣ Государя заключалось слѣдующее извѣщеніе:

[1]) Насчетъ очищенія турками Батума, Варны и Шумлы.

[2]) Начальникъ нижне-дунайскаго отряда, командиръ 14-го корпуса.

«Имеретинскій прибылъ вчера вечеромъ, передалъ мнѣ всѣ твои порученія. Согласно твоему желанію имѣть отдохновеніе при разстроенномъ здоровьи, я увольняю тебя отъ командованія арміей и назначаю на твое мѣсто генералъ-адъютанта Тотлебена, и Имеретинскаго—начальникомъ штаба при немъ, но прошу тебя держать это въ секретѣ до ихъ прибытія въ армію».

3 апрѣля.—Вернулись въ Санъ-Стефано.

Получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (переводъ съ французскаго):

«Англійскій кабинетъ соглашается отвести флотъ изъ Мраморнаго моря, Дарданеллъ и Сересскаго залива въ Безику, если наша армія отойдетъ за линію Деде-Агачъ, къ Адріанополю, вдоль желѣзной дороги, которая могла бы тогда остаться въ нашихъ рукахъ, а отъ Адріанополя—позади линіи, проведенной на востокъ до Чернаго моря. Бисмаркъ и мы нашли эти условія непріемлемыми и несогласными съ германскими предложеніями, основанными на равенствѣ разсчета времени, соображеннаго съ разстояніями. Отвѣтъ Салисбюри еще неизвѣстенъ. Выразили Бисмарку просьбу о продолженіи его добрыхъ услугъ.—Горчаковъ».

Великому Князю сильно нездоровится. Сегодня отправляется въ Петербургъ фельдъегерь съ представленіемъ къ наградамъ отличившихся частей войскъ. Государь уже неоднократно торопилъ съ этимъ представленіемъ, такъ какъ желаетъ объявить награды въ первый день Пасхи.

4 апрѣля, Санъ-Стефано.—Великій Князь мучится сильною головною болью, ревматическою ломотою во всемъ тѣлѣ. Очень ослабѣлъ. Сегодня не могъ выйти изъ дому на благодарственный молебенъ, отслуженный по случаю годовщины злодѣйскаго покушенія 1866 года.

5 апрѣля, Санъ-Стефано.—Обермиллеръ уложилъ сегодня Великаго Князя въ постель.

Несмотря на безусловное молчаніе Великаго Князя и Непокойчицкаго, сегодня уже пошли слухи, что ихъ обоихъ отзываютъ

и на смѣну имъ ѣдутъ Тотлебенъ съ Имеретинскимъ. Считаю это весьма вѣроятнымъ, въ виду несомнѣннаго неудовольствія Государя по вопросу о захватѣ Босфора. Государь, очевидно, остался при убѣжденіи, что этотъ фантастическій планъ исполнимъ: запоздалые доводы Великаго Князя его не убѣдили, а только еще болѣе раздражили. Грустно, но повидимому несомнѣнно, что Великому Князю готовится опала и по меньшей мѣрѣ—незаслуженно-холодный пріемъ. Впечатлѣніе побѣдоносно-оконченной кампаніи уже отодвинуто на самый заднiй планъ обиднымъ сознаніемъ необходимости уступокъ англійскому вмѣшательству.

Злополучная идея захвата Босфора поставила бѣднаго Великаго Князя въ безвыходно-трагическое положеніе. Теперь онъ будетъ виноватъ, что этого не сдѣлалъ; а если бы безпрекословно исполнилъ повелѣніе—былъ бы виноватъ, что не съумѣлъ.

Сегодня ночью получена шифрованная телеграмма Государя отъ вчерашняго дня:

«Въ отвѣтъ на твою телеграмму 2-го апрѣля объ очищеніи турками трехъ крѣпостей, разрѣшаю обѣщать имъ съ нашей стороны очищеніе Эрзерума, съ нѣкоторою однако оговоркою относительно вывоза нашихъ больныхъ, число которыхъ значительно, тогда какъ перевозка крайне затруднительна. Можно также обѣщать начать выдачу плѣнныхъ, но кромѣ того не признаешь ли возможнымъ сговориться съ Портою о вступленіи нашихъ войскъ въ крѣпости, не ожидая полнаго очищенія ихъ турками, подобно тому, какъ было при занятіи нами Дунайскихъ крѣпостей. При этомъ не могу не замѣтить, что еще въ телеграммѣ Непокойчицкаго отъ 20-го марта было сказано, что послано уже приказаніе Дервишу-пашѣ объ очищеніи Батума, а между тѣмъ онъ и до сихъ поръ отговаривается неполученіемъ приказанія».

Отвѣтъ Великаго Князя:

«Благодарю за депешу [1]). Общая слабость при сильной головной боли, лихорадочнаго состоянія нѣтъ. Шифрованную твою депешу отъ 4-го получилъ. Исполню все, что ты приказалъ. Прошу

[1]) Не за эту, а за слѣдующую, полученную также сегодня: „Надѣюсь, что тебѣ сегодня лучше. Шифрованную телеграмму твою отъ сегодняшняго утра получилъ. Дондуковъ выѣдетъ отсюда въ концѣ недѣли».

съ общею выдачею плѣнныхъ еще повременить, а выдать на первый разъ не болѣе нѣсколькихъ тысячъ».

Сегодня же военный министръ телеграммою сообщилъ высочайшее повелѣніе: немедленно возвратить въ Финляндію л.-гв. финскій стрѣлковый баталіонъ.

Отъ князя Горчакова получена шифрованная телеграмма (переводъ съ французскаго):

«Только-что приняли въ Берлинѣ англо-германское контръ-предложеніе, извѣстное В. И. В-ву, но оговорили, что должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, относительно нашего военнаго положенія. Убри [1]) телеграфируетъ сегодня, что телеграммы Мюнстера [2]) считаютъ настоящее германское посредничество послѣднимъ средствомъ для избѣжанія войны, и если оно потерпитъ неудачу, то война неизбѣжна, ибо Англія воинственно настроена и готова.— Горчаковъ».

Въ чемъ заключается англо-германское контръ-предложеніе — не знаю: очевидно, что послѣ депеши князя Горчакова отъ 2-го апрѣля (см. 3-е) была еще другая, которую не я расшифровалъ. Но можно догадываться, что мы сдѣлали англичанамъ какую-то уступку, если не въ полномъ объемѣ, то отчасти. А такъ какъ переговоры съ Лондономъ идутъ при посредничествѣ Бисмарка, то успѣшный ихъ исходъ дѣлается вопросомъ личнаго самолюбія послѣдняго, и, слѣдовательно, если ему не удастся склонить къ уступкамъ англичанъ (въ чемъ можно быть увѣреннымъ), то онъ употребитъ все свое вліяніе, чтобы убѣдить насъ въ необходимости уступить. Этимъ можно объяснить и запугиванья графа Мюнстера: трудно повѣрить, чтобы Англія дѣйствительно желала войны, и невозможно повѣрить, чтобы она (за исключеніемъ флота) была къ ней вполнѣ готова. Англія просто хочетъ поставить на своемъ и настойчиво этого добивается, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она непремѣнно желала войны. Если бы такъ, то она съумѣла бы довести до разрыва раньше.

[1]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.
[2]) Германскій посолъ въ Лондонѣ.

6 апрѣля.—Великій Князь, почувствовавъ облегченіе и въ виду возстановившейся чудной погоды, поѣхалъ сегодня на «Ливадіи» на Принцевы острова и, вернувшись вечеромъ, остался на яхтѣ ночевать.

7 апрѣля.—Утромъ узналъ, что Великій Князь съ Непокойчицкимъ и своими спутниками, послѣ вчерашней поѣздки, неожиданно ушелъ на «Ливадіи» въ Константинополь, приказавъ сказать, что вернется въ воскресенье, 9-го апрѣля, утромъ. Узнавъ объ этомъ, я очень пожалѣлъ, что уклонился вчера отъ поѣздки на Принцевы острова, тѣмъ болѣе, что единственною причиною этого уклоненія было мое удрученное настроеніе. Томительная неизвѣстность, угнетающая насъ всѣхъ, доканала-таки меня. А справляться съ самимъ собою мнѣ легче въ одиночествѣ, чѣмъ на людяхъ. Изъ-за этого вчера и не поѣхалъ. Вышло хуже: теперь до воскресенья не буду ничего знать.

8 апрѣля.—Недаромъ, однако, я остался въ Санъ-Стефано: *вчера вечеромъ* довелось испытать—землетрясеніе. Мѣстные жители увѣряютъ, что столь сильнаго здѣсь никогда не бывало.

Только-что пробило 9 ч. вечера. Я читалъ романъ Доде́ «Le Nabab», а Левицкій съ полковникомъ Разгоновымъ играли въ пикетъ. Вдругъ послышалось сильное волненіе на морѣ (окна наши выходили на набережную); шумъ волнъ все усиливался, хотя вѣтра не было. Мы не обратили на это никакого вниманія. Но вотъ—ровно въ 9 ч. 5 м. (я тотчасъ взглянулъ на часы)—послышался негромкій, глухой гулъ и мягкій, сухой трескъ въ стѣнахъ, причемъ вполнѣ ясно видѣлось, что угловыя стѣны комнаты находятъ одна на другую. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-либо сообразить, черезъ двѣ-три секунды, раздался вторичный, гораздо болѣе сильный трескъ, стѣны явственно закачались, и мы всѣ трое, съ крикомъ: «землетрясеніе!»—выскочили на набережную. Съ четверть часа мы стояли, безъ шапокъ, на набережной, ожидая, что будетъ дальше. Сердце билось усиленно въ ожиданіи повторенія грознаго явленія природы: никогда я не ощущалъ такого безпомощнаго страха, какъ вчера вечеромъ. Наконецъ, мы рѣшились вернуться въ комнату, но только

для того, чтобы надѣть пальто и фуражки и выйти снова на воздухъ. Море продолжало усиленно волноваться, несмотря на полное безвѣтріе; небо густо заволокло черными тучами, сквозь которыя изрѣдка, боязливо, выглядывала полная луна. Въ неподвижномъ воздухѣ стояло банное тепло, дышалось тяжело. Всѣ высыпали на улицу и обмѣнивались пережитыми ощущеніями: большинство воспріяло ихъ еще сильнѣе, чѣмъ мы. Князь Масальскій [1]), живущій надъ нами въ томъ же домѣ, отъ второго толчка упалъ. У другихъ качались и падали на полъ свѣчи и разныя вещи. Мѣстный кафе-шантанъ, помѣщающійся въ жиденькомъ деревянномъ домѣ, затрясся до основанія; пѣвицы завопили, попадали въ обморокъ и были вынесены на улицу нашими офицерами. Всѣ вообще женщины, здѣшнія и пріѣзжія, которыхъ мы видѣли на улицахъ, были внѣ себя отъ ужаса и въ состояніи полнаго безволія. Мѣстные мужчины ходили и стояли группами, съ совершенно растерянными лицами и отвѣчали на наши вопросы безсвязнымъ бормотаньемъ, общій смыслъ котораго былъ одинъ: такое сильное землетрясеніе для нихъ такой же потрясающій сюрпризъ, какъ и для насъ.

Долго мы бродили по улицамъ Санъ-Стефано. Наконецъ намъ вспало на мысль сходить на телеграфъ, узнать, нѣтъ ли свѣдѣній изъ Константинополя. Оказалось, что получена телеграмма: между 10 и 11 ч. вечера ожидается повтореніе землетрясенія и притомъ еще сильнѣе. Предупрежденіе подтвердилось лишь отчасти: въ 10 ч. 15 м., дѣйствительно, почувствовалось сотрясеніе, но гораздо болѣе слабое, причемъ никакого гула не было. Затѣмъ пришла еще телеграмма, предупреждающая о вѣроятномъ повтореніи землетрясенія между 3—4 ч. ночи.

Что дѣлать? Оставаться въ домѣ—опасно, а спать хочется. Мы рѣшили вынести наши кровати въ садъ, поставили ихъ какъ можно дальше отъ дома, къ самому забору, и, не раздѣваясь, улеглись. Накрывшись кожанымъ пальто и надѣвъ башлыкъ, я очень скоро заснулъ, и только сегодня утромъ узналъ, что землетрясеніе въ предсказанное время дѣйствительно было, и что почти всю ночь

[1]) Начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-адъютантъ.

накрапывалъ тихій, небольшой дождь. Къ 8 ч. утра, когда я проснулся, солнце сіяло на безоблачномъ небѣ, было тепло и тихо.

Изъ всѣхъ пережитыхъ мною сильныхъ ощущеній ни одно не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое произвело землетрясеніе. Чувствуешь себя совершенно подавленнымъ сознаніемъ своего ничтожества и беззащитности.

День прошелъ въ томительномъ бездѣльи, но зато вечеромъ пришло неожиданно-радостное извѣстіе: пріѣхалъ изъ Константинополя начальникъ канцеляріи полевого штаба Стефанъ (ѣздившій на «Ливадію» съ докладомъ) и объявилъ мнѣ приказаніе Непокойчицкаго собираться въ путь: Великій Князь отправляетъ меня въ понедѣльникъ 10-го апрѣля, въ Петербургъ, курьеромъ къ Государю. Ясно, что и отъѣздъ самого Великаго Князя близокъ, ибо онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что я вернусь домой не иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ.

9 апрѣля, вербное воскресенье.—Великій Князь, вернувшись въ Санъ-Стефано, потребовалъ меня къ себѣ и лично объявилъ, что оставляетъ постъ Главнокомандующаго на этихъ же дняхъ, а меня посылаетъ впередъ для того, чтобы дать мнѣ возможность поскорѣе вернуться къ женѣ. «Завтра поѣзжай съ Богомъ, а явишься Государю—запомни все, что онъ тебѣ скажетъ, и потомъ разскажи мнѣ. Я тебѣ сообщу телеграммою, когда самъ поѣду домой, и ты тогда выѣзжай мнѣ на встрѣчу въ Москву или въ Динабургъ,—смотря потому, по какой дорогѣ я буду возвращаться. По пути мнѣ разскажешь все, что въ Петербургѣ узнаешь» [1]).

Я горячо поблагодарилъ Великаго Князя, послалъ телеграмму женѣ и занялся приготовленіями къ отъѣзду.

10 апрѣля, въ понедѣльникъ, откланялся сперва Непокойчицкому, затѣмъ явился къ Великому Князю. Онъ крѣпко обнялъ,

[1]) Я выѣзжалъ на встрѣчу Великому Князю въ Вильну, куда онъ прибылъ 21-го апрѣля въ 8 ч. вечера, и оттуда въ его поѣздѣ вернулся въ Петербургъ, куда мы прибыли 22-го апрѣля въ субботу, въ 2 ч. дня. На встрѣчу Великому Князю выѣхалъ самъ Государь.

нѣсколько разъ поцѣловалъ меня и на прощанье сказалъ слѣдующія дорогія для меня слова:

«Спасибо тебѣ большое за все, за всю твою отличную службу. «Ты былъ не только отличнымъ исполнителемъ всѣхъ моихъ при«казаній, но и моимъ вѣрнымъ, дорогимъ другомъ. Этого я ни«когда не забуду! Кланяйся твоей женѣ и скажи ей, что я очень «радъ, что могу наконецъ отпустить тебя къ ней. Поѣзжай съ Богомъ!»

Въ 12 ч. дня, я, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ, полковникомъ Бунаковымъ (уволеннымъ въ отпускъ по случаю тяжкой болѣзни жены), отвалилъ отъ санъ-стефанской набережной на паровомъ катерѣ и въ 1 ч. 45 м. прибылъ на громадный пароходъ русскаго черноморскаго общества «Олегъ». Ровно въ 3 ч. «Олегъ» отошелъ, а въ 5 ч. вышелъ изъ Босфора въ Черное море. Сильный, свѣжій вѣтеръ тотчасъ же далъ себя знать, и пассажиры, одинъ за другимъ, начали страдать морскою болѣзнью. Послѣ 8 ч. вечера укачало и меня. Ночь была уже мучительна. Вѣтеръ все крѣпчалъ и 11-го апрѣля перешелъ въ неистовый штормъ. Этотъ день и вторая ночь были прямо ужасны. Громадный пароходъ перебрасывало, какъ щепку, съ боку на бокъ; разъяренныя волны безпрестанно перекатывались черезъ палубу. Штормъ безъ умолку ревѣлъ, пароходъ безъ перерыва стоналъ и скрипѣлъ. Не только не было возможности устоять на ногахъ, — нельзя было удержаться на койкѣ: пароходные размахи сбрасывали на полъ, выкидывали пассажировъ изъ отдѣльныхъ каютъ въ каютъ-компанію. Съ вечера 10-го до полудня 12-го апрѣля никто ничего не ѣлъ и не пилъ: всѣ лежали пластомъ. Прислуга тоже исчезла. Меня морская болѣзнь довела до тупой апатіи: безпомощно катаясь по полу взадъ и впередъ, я наконецъ совсѣмъ пересталъ о чемъ-либо думать и впалъ въ какое-то безсознательное состояніе, въ родѣ мучительнаго, безконечнаго сна на-яву.

12-го апрѣля, послѣ полудня, я замѣтилъ, что качка становится слабѣе и ровнѣе, и ощутилъ потребность возвратить себѣ образъ человѣческій. Кто-то помогъ мнѣ встать, добраться до умывальника и привести себя въ порядокъ; кто-то пришелъ на помощь; и эти два благодѣтеля (которыхъ я такъ и не могъ вспомнить потомъ) вывели меня подъ-руки изъ каюты на палубу и усадили тамъ на скамейку. Вѣтеръ былъ еще очень сильный и паро-

ходъ качало изрядно, но это было уже ничто въ сравненіи съ выстраданнымъ штормомъ. Свѣжій воздухъ оживилъ меня: ни голода, ни жажды я еще не ощущалъ, въ головѣ было еще пусто, но сознаніе, что я ѣду домой,—помаленьку вернулось. Вотъ и одесскій рейдъ: движеніе парохода стало плавное, спокойное, ходъ замедлился, и наконецъ «Олегъ» остановился. Было ровно три часа дня 12-го апрѣля—годовщина объявленія войны.

Въ Одессѣ я пообѣдалъ и поѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Въ 10 час. вечера нашъ поѣздъ отошелъ: путь мой былъ на Раздѣльную, Жмеринку, Казатинъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Вильно, Динабургъ. Трое съ половиной сутокъ ѣхалъ почти все время въ страшной тѣснотѣ: въ Псковѣ, въ $12^1/_2$ ч. дня въ страстную субботу, 15-го апрѣля, меня встрѣтила жена и мы вмѣстѣ прибыли въ Петербургъ въ $8^1/_2$ ч. вечера. Прямо съ вокзала я поѣхалъ къ Государю, отправивъ жену домой.

Какъ только я прибылъ въ Зимній дворецъ, меня тотчасъ же провели на Государеву половину, и камердинеръ, доложивъ ему о моемъ пріѣздѣ, немедленно провелъ меня въ его кабинетъ.

Государь всталъ изъ-за письменнаго стола, милостиво поздоровался, подалъ мнѣ руку, принялъ письмо Великаго Князя, сѣлъ и, указавъ мнѣ на стулъ, стоявшій сбоку у письменнаго стола, сказалъ: «Садись. Какъ ты доѣхалъ?» Я разсказалъ о претерпѣнной бурѣ. Государь отвѣчалъ: «Да, я знаю, буря была жестокая, много судовъ погибло на Черномъ морѣ. А каково было здоровье брата, когда ты уѣзжалъ?» Я отвѣтилъ, что въ день моего отъѣзда Великій Князь чувствовалъ себя хорошо, но вообще его здоровье сильно надорвано: всякое переутомленіе, а въ особенности душевное волненіе—вызываютъ сильныя болѣзненныя ощущенія: кишиневскій тимпанитъ оставилъ неизгладимые слѣды. Помолчавъ немного, Государь спросилъ: «А какъ здоровье и настроеніе войскъ?»—«В. И. В.,—отвѣтилъ я:—войска истомились бездѣйствіемъ и неопредѣленностью положенія; это отзывается на состояніи здоровья и въ особенности на состояніи духа. Всѣ ожесточены противъ Англіи, отъ генерала до рядового. Всѣ говорятъ, что если нельзя домой, такъ ужъ лучше новая война, чѣмъ напряженное ожиданіе. Конечно, войны никто не желаетъ, но если придется—войска бу-

дутъ драться противъ англичанъ съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ противъ турокъ». Государь вздохнулъ и сказалъ: «Да, я понимаю это. Но придется пойти на нѣкоторыя уступки, чтобъ избѣжать новой войны. Если же они затронутъ честь и достоинство Россіи, чего не дай Богъ, то...»

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ, безъ доклада, великій князь Михаилъ Николаевичъ въ парадной формѣ. Бесѣда прервалась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Великій князь явился благодарить Государя за пожалованіе званіемъ генералъ-фельдмаршала и былъ уже въ фельдмаршальскихъ эполетахъ.

Государь обнялъ и расцѣловалъ брата и, указавъ на меня, сказалъ: «Вотъ, онъ только-что пріѣхалъ отъ брата Николая». Затѣмъ подалъ руку со словами: «Спасибо тебѣ за службу. Прощай». Я откланялся и отправился домой. Служба моя въ дѣйствующей арміи кончилась.

Дневникъ мой конченъ. Остается дополнить его свѣдѣніями о послѣднихъ дняхъ командованія Великаго Князя. Я ознакомился съ этими свѣдѣніями уже въ Петербургѣ, разбирая и приводя въ порядокъ его личный архивъ.

6 апрѣля, въ 8 ч. 55 м. вечера, получена была шифрованная телеграмма Государя отъ $6^1/_4$ ч. вечера:

«Вчерашнюю твою шифрованную телеграмму получилъ сегодня утромъ. Тотлебенъ отправляется сегодня вечеромъ и надѣется прибыть будущую субботу. Кромѣ Непокойчицкаго, требую, чтобы всѣ чины твоего штаба оставались при своихъ должностяхъ и при новомъ главнокомандующемъ. Твоихъ адъютантовъ и ординарцевъ можешь взять съ собою».

7 апрѣля, изъ Константинополя, Великій Князь телеграфировалъ Государю шифромъ въ 4 ч. дня:

«Сейчасъ были у меня новые: первый министръ Садыкъ-паша и военный—Иззетъ. Явились ко мнѣ до вступленія въ должность. Передалъ имъ всѣ твои требованія, и они обѣщали, познакомившись съ дѣлами, исполнить все, что будетъ возможно. Изъявили желаніе быть чистосердечными посредниками наилучшихъ сношеній съ нами».

Въ тотъ же вечеръ былъ полученъ отвѣтъ Государя:

«Сожалѣю весьма, что ты опять страдалъ спазмами. Посмотримъ, будетъ ли перемѣна министровъ турецкихъ имѣть вліяніе на наши отношенія. Видѣлъ третьяго дня благополучно возвратившійся мой гвардейскій конвой. Поймешь мою радость при видѣ этихъ молодцовъ, бывшихъ неразлучно со мной болѣе шести мѣсяцевъ».

Въ тотъ же день Великій Князь телеграфировалъ князю Горчакову (переводъ съ французскаго): «Англо-германское контръ-предложеніе, о которомъ упоминаете въ вашей телеграммѣ отъ 5-го апрѣля, мнѣ неизвѣстно. Благоволите сообщить».

8 апрѣля полученъ отвѣтъ отъ 7-го (переводъ съ французскаго): «Англо-германское предложеніе заключается въ назначеніи срока возвращенія англійской эскадры въ Мраморное море, въ случаѣ ея удаленія въ Безику. Эти предложенія подверглись еще видоизмѣненіямъ. Вотъ буквальный текстъ нашего послѣдняго отвѣта: «Принимаемъ англо-германское предложеніе въ принципѣ, но должны сперва войти въ соглашеніе съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ распоряженій, касающихся нашего военнаго положенія». Такъ какъ лаконизмъ этой телеграммы вызвалъ недоразумѣнія, мы, въ заключеніе, спросили Бисмарка: ранѣе какого срока англійская эскадра не должна, по его мнѣнію, вступать въ Дарданеллы?—Горчаковъ».

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена еще слѣдующая: «Въ дополненіе вчерашней телеграммы (т.-е. отъ 7-го) сообщаю, что Его Величество назначилъ шесть сутокъ сроку для заявленія о возвращеніи англійскаго флота. Сообщили объ этомъ германскому послу, повторивъ заявленіе о необходимости предварительнаго соглашенія съ Портою насчетъ расширенія нейтральной зоны и другихъ подробностей, относящихся до нашего военнаго положенія.—Горчаковъ».

10 апрѣля.—Великій Князь принималъ болгарскую депутацію, поднесшую благодарственный адресъ (болѣе ста тысячъ подписей) для представленія Государю

16 апрѣля была получена слѣдующая шифрованная телеграмма отъ 15-го: «Телеграфируемъ Шувалову: Бисмаркъ полагаетъ, что лучше намъ вступить въ прямые переговоры съ Лондономъ. Сообщите Салисбюри, что мы вполнѣ расположены къ этому,

желаемъ ознакомиться съ его видами. Въ доказательство нашего чистосердечія можете сообщить ему тѣ условія, на которыхъ мы можемъ отвести наши войска за предположенную демаркаціонную линію. Не можемъ согласиться на это иначе, какъ при условіяхъ одновременнаго удаленія англійскаго флота на условленное соотвѣтствующее разстояніе и—предварительнаго исполненія Портою статей мирнаго договора о сдачѣ намъ Шумлы, Варны и Батума, съ обязательствомъ не возводить никакихъ новыхъ укрѣпленій въ расширенной нейтральной зонѣ. Прибавьте, что если будетъ достигнуто общее соглашеніе между Англіей и нами, то этимъ или облегчится отступленіе обѣихъ сторонъ, или же будутъ устранены опасности сохраненія ими настоящихъ позицій.—Гирсъ».

Въ ночь съ 15-го на 16-ое апрѣля Великій Князь получилъ телеграмму Государя:

«Увольняя тебя, согласно твоему желанію, отъ командованія дѣйствующей арміей, произвожу тебя въ генералъ-фельдмаршалы, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи. Надѣюсь скоро обнять тебя здѣсь».

Въ ту же ночь военный министръ сообщилъ о назначеніи Непокойчицкаго членомъ государственнаго совѣта, съ награжденіемъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. съ мечами, о назначеніи Радецкаго и князя Имеретинскаго генералъ-адъютантами и о другихъ наградахъ, разрѣшенныхъ по представленіямъ Великаго Князя.

Новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ полевого штаба арміи, княземъ Имеретинскимъ, прибылъ въ Санъ-Стефано 15-го апрѣля, въ страстную субботу. Изъ телеграммы Великаго Князя Государю, писанной въ 8 час. веч., съ поздравленіемъ къ наступавшему Свѣтлому празднику, видно, что въ этотъ день къ Великому Князю пріѣзжалъ Савфетъ-паша и познакомился съ Тотлебеномъ и княземъ Имеретинскимъ.

17 апрѣля, въ день рожденія Государя, Великій Князь, послѣ молебствія, принялъ послѣдній парадъ отъ собранныхъ въ Санъ-Стефано и окрестностяхъ войскъ, горячо поблагодарилъ, сердечно простился со всѣми и затѣмъ уѣхалъ въ Константинополь, а оттуда—немедленно въ Одессу. Въ Петербургъ прибылъ 22-го апрѣля, въ субботу, въ 2 часа дня...

Собственноручная докладная записка ген.-лейт. Н. Н. Обручева отъ 1 октября 1876 г.

Цѣль войны.—Вырвать изъ власти турокъ ту христiанскую страну (Болгарiю), въ которой они совершили столько злодѣйствъ.

Эта страна громадна; она заключаетъ три части: Придунайскую—Болгарiю съ Рущукомъ и Трновомъ, Забалканскую—съ Софiею, и Македонскую—съ Монастыремъ (или Битолемъ). Фактически занять часть Болгарiи легко; но нельзя ручаться, чтобъ это занятiе побудило турокъ выполнить наши требованiя относительно всей страны; разбрасываться же самимъ по всей странѣ невозможно. Поэтому, рѣшаясь занимать часть Болгарiи съ долиной Марицы и Адрiанополемъ включительно, *надо быть готовымъ* и къ слѣдующей, еще болѣе энергичной мѣрѣ побужденiя турокъ, т. е. къ удару на самый Константинополь.

По всей вѣроятности мы встрѣтимъ здѣсь англичанъ, и если они не согласятся исполнить нашихъ требованiй, а будутъ упорствовать въ поддержкѣ турокъ, намъ придется биться и съ англичанами. Какъ ни грозно это столкновенiе, но таковъ естественный ходъ событiй; надо его предвидѣть и быть къ нему готовымъ. Намъ во всякомъ случаѣ не избѣгнуть столкновенiя съ Англiей, и лучше встрѣтить ее въ Константинополѣ, чѣмъ биться съ нею у нашихъ береговъ. Если счастье поблагопрiятствуетъ намъ взять Константинополь, тогда разъ на всегда отдѣлаемся и отъ Турцiи и отъ Англiи. Было бы большой ошибкой излишне опасаться брать Константинополь и заранѣе намѣчать предѣлы развитiю успѣховъ армiи. Напротивъ, благоразумнѣе и предусмотрительнѣе, начиная дѣло съ занятiя Болгарiи, быть вмѣстѣ съ тѣмъ готовымъ къ достиженiю самыхъ рѣшительныхъ результатовъ войны. Пожертвованiя для нея принесутся громадныя, онѣ должны окупиться. Надо думать, что если мы, взявъ Константинополь, признаемъ его международнымъ городомъ, то Европа не только не будетъ противъ насъ, но будетъ даже рада, что нескончаемый, всѣхъ пугающiй восточный вопросъ наконецъ рѣшенъ.

Общiй характеръ дѣйствiй.—Наши операцiи должны быть ведены съ чрезвычайною быстротою. Только при этомъ условiи мы спасемъ то христiанское населенiе, за которое вступаемся,—не дадимъ туркамъ времени организовать при помощи Англiи новыя силы,—и не дадимъ времени раз-

виться противъ обширной европейской коалиціи. Еще важнѣе то обстоятельство, что при медленности дѣйствій наша армія будетъ страшно таять отъ болѣзней, а средства Россіи будутъ быстро истощаться.

Наученныя горькимъ опытомъ прежнихъ войнъ, мы не должны ни медлить съ переправой черезъ Дунай, ни втягиваться въ бѣдственную крѣпостную войну. Напротивъ, мы должны перейти Дунай, такъ сказать, мгновенно, затѣмъ—разомъ очутиться за Балканами, а изъ укрѣпленныхъ пунктовъ брать только то, что безусловно необходимо для огражденія нашего тыла. Поэтому передъ тѣмъ, чтобъ начинать походъ, въ рукахъ главнокомандующаго должны быть: а) готовыя средства для быстрой переправы, какъ-то: понтонные парки съ надлежащей длины мостомъ, подводныя мины и 24-хъ фунтовыя пушки для бомбардированія Дуная противъ турецкихъ рѣчныхъ броненосцевъ, и б) достаточныя бомбардировочныя средства для быстраго уничтоженія непріятельскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, вообще скудныхъ казематированными помѣщеніями и потому неспособныхъ устоять противъ энергической артиллерійской атаки.

Составъ арміи.—Для быстраго и болѣе или менѣе разбросаннаго занятія страны нужна достаточно многочисленная кавалерія; по скудости же страны и суровому времени года, въ кавалеріи должны преобладать казаки, которые все вынесутъ. Для перво-предположенныхъ дѣйствій армія должна быть небольшая [1]), чтобъ продовольствовать и содержать ее было легче. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо обезпечить ей безостановочное, правильное положеніе, чтобы она находилась всегда въ количествѣ. Казалось бы, что на первый разъ въ Дунайскую армію слѣдовало бы назначить: 4 пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею. За ними еще 1 пѣх. дивизію въ видѣ ближайшаго резерва.

2 кавалер. дивизіи въ полномъ составѣ.

10 казачьихъ полковъ, частью съ полевой, частью съ горною артиллеріею.

1 саперную бригаду съ 4-мя понтонными парками (400 саж. моста), полевымъ инженернымъ паркомъ и запасомъ минъ.

и 1 осадный артиллерійскій паркъ.

Затѣмъ, еслибъ событія заставляли насъ идти на Константинополь, Дунайская армія должна быть усилена 2-мя, 3-мя или еще большимъ числомъ дивизій съ такимъ разсчетомъ, чтобъ дать ей безусловный перевѣсъ надъ англо-турецкими силами, которыя мы можемъ встрѣтить на Босфорѣ.

Операціонный путь.—Въ прежнія войны, при господствѣ на Черномъ морѣ, мы обыкновенно держались нижняго Дуная и восточной, приморской части Болгаріи. Теперь это направленіе для насъ неудобно: у насъ

[1]) Тѣмъ болѣе, что предполагается содѣйствіе Румынскихъ войскъ.

нѣтъ флота, море въ чужихъ рукахъ, чѣмъ мы далѣе отъ него, тѣмъ безопаснѣе; приморская часть Болгаріи (за исключеніемъ Бабадага, вся Добруджа и вся возвышенность Странжеи) крайне скудна всѣми средствами и даже водой; мѣстность, хотя и не представляетъ большихъ горъ, но за то въ высшей степени пересѣчена; наконецъ, здѣсь мы натыкаемся на самую сильную турецкую позицію съ тремя крѣпостями: Силистріей, Шумлой, Варной,—и съ преобладающимъ турецкимъ, а частью и черкесскимъ населеніемъ, способнымъ къ упорной оборонѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ, на нижнемъ Дунаѣ намъ дорого укрѣпиться только въ самомъ Галацкомъ изгибѣ, чтобъ дать опору для дѣйствій второстепеннаго отряда и оградить себя отъ всякихъ случайностей съ моря; главныя же операціи намъ несравненно выгоднѣе вести черезъ средній Дунай и среднюю Болгарію. Здѣсь Дунай наиболѣе вдается въ предѣлы самой Турціи, поэтому разстояніе до главной цѣли въ непріятельской странѣ значительно сокращается; край сравнительно достаточный, населенный премущественно коренными болгарами; пути затруднительны только на самомъ перевалѣ черезъ Балканы, т. е. на 2-хъ, много на 3-хъ переходахъ; главное же, въ этомъ случаѣ обходятся всѣ турецкія крѣпости, за исключеніемъ весьма слабаго Рущука, который не можетъ выдержать сколько-нибудь энергической бомбардировки.

Движеніе на Систово—Рущукъ черезъ среднюю Болгарію наиболѣе отвѣчаетъ и самой цѣли заданія. Держась центральнаго направленія, наша армія будетъ имѣть возможность быстро подавать помощь населенію во всѣ стороны, а понадобится, можетъ легко связать свои дѣйствія и съ Сербскою арміею и съ Черногорскою.

Разстояніе главнѣйшихъ пунктовъ по среднему направленію слѣдующее:

Отъ Бендеръ до Галаца	200	верстъ.
» Галаца » Букарешта	208	»
» Букарешта до Систова—Рущука	110—65	»
Итого до Дуная .	518—473	вер.
Отъ Дуная (т. е. Систова и Рущука) за Балканы до Казанлыка—Сливно	135—175	вер.
Далѣе до Адріанополя	165—125	»
Наконецъ до Константинополя	209	»

Итого весь путь около 1000 верстъ, изъ коихъ только 509 верстъ въ предѣлахъ самой Турціи.

Почти по всему этому пути можно пользоваться желѣзной дорогой. Ее нѣтъ только черезъ горный участокъ, который между Разградомъ и Ямбольской дорогой противъ Сливно имѣетъ 115 верстъ протяженія.

Однако и этотъ участокъ можетъ быть еще нѣсколько сокращенъ, если мы сами проложимъ легко устраиваемыя вѣтви: отъ Разграда доЕски-Джумы и отъ Сливна до Ямбольской дороги. За тѣмъ по горной дорогѣ, надлежаще разработанной, быть можетъ удастся съ пользою примѣнить тягу полевыхъ локомотивовъ.

Турецкія дороги, даже шоссейныя, плохи, часто скверны и будутъ требовать многочисленныхъ рабочихъ отрядовъ (иногда даже съ динамитомъ). Но общее состояніе путей въ Болгаріи теперь все же гораздо лучше чѣмъ въ прежнія наши войны.

Разсчетъ времени похода.—Еслибъ разрывъ съ Турціею могъ послѣдовать въ благопріятное время года, то по приблизительному разсчету, ходъ кампаніи представлялся бы слѣдующій:

Мобилизація .	14	дней.
Сосредоточеніе къ границѣ	7—10	»
Движеніе къ среднему Дунаю: а) походнымъ маршемъ . .	35	»
б) при помощи Румынск. ж. д.	24	дня [1])
Переправа черезъ Дунай	3	»
Переходъ за Балканы: а) отрядовъ кавалеріи	3	»
б) пѣхоты	7—10	»
Отдыхъ и устройство тыла, а также взятіе Рущука [2]) . .	7	»
Движеніе къ Адріанополю	8	»
Итого . .	70—80	дней.
Буде понадобится походъ къ Константинополю	14	дней.

Всего же отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ.

Но если разрывъ послѣдуетъ въ позднее время года, всѣ эти разсчеты естественно опрокинутся. Начиная съ мобилизаціи и сосредоточепія войскъ, все будетъ подвержено безчисленнымъ случайностямъ. Наши желѣзно-дорожные маршруты основаны на движеніи, примѣнимомъ до 8-го ноября; позже же сего срока, съ первыми снѣгами и метелями, нельзя уже ручаться ни за одинъ поѣздъ. Состояніе здоровья людей при зимней перевозкѣ также будетъ уже менѣе надежно.

Участіе Кавказской арміи.—По отдаленности Кавказа отъ рѣшительной цѣли дѣйствій, т. е. Константинополя, отъ Кавказской арміи нельзя ожидать рѣшительнаго вліянія на турокъ. Занятіе ближайшей къ намъ страны ихъ ни къ чему не побудитъ, идти же далеко въ глубь—и дорого

[1]) Здѣсь положено 6 дней на перевозку каждой пѣх. дивизіи, но можетъ быть дорога будетъ работать успѣшнѣе.

[2]) Взятіе Рущука можетъ послѣдовать и ранѣе, тотчасъ по переходѣ черезъ Дунай.

и не разсчетливо. Лучше всего ограничиться только захватомъ Батума и Карса [1]), которыми обезпечится наша собственная оборона.

Сообразно второстепенной роли Кавказской арміи, на нее не слѣдуетъ затрачивать ни одного лишняго солдата. Напротивъ, въ ней слѣдуетъ скорѣе искать средствъ для усиленія нашихъ Европейскихъ войскъ, такъ какъ именно со стороны Европы намъ грозятъ самыя опасныя случайности. Успѣхи Кавказской арміи мало двинутъ дѣло впередъ, неудача же на Европейскомъ театрѣ можетъ имѣть самыя гибельныя для насъ послѣдствія.

Мѣры предосторожности противъ Австріи.—Вступая въ Турцію, хотя бы совмѣстно съ Австріею, мы тѣмъ не менѣе должны быть на сторожѣ противъ ея измѣны или отступничества. Она внезапно можетъ примкнуть къ англійской политикѣ и сильно намъ напортить. Благоразуміе требуетъ не трогать тѣхъ дивизій Кіевскаго округа, которыя стоятъ близь Австрійской границы или же въ случаѣ вступленія, тотчасъ же замѣнить ихъ другими.

Мало того, надо немедленно же составить всѣ разсчеты для образованія на случай надобности *Галицiйской арміи* и подготовить ея средства [2]).

1 октября 1876 г.

[1]) Или Арзрума, что должно быть предоставлено Главнокомандующему.

[2]) Не лишнее было бы заручиться отъ Австріи (въ доказательство ея дружбы) пользованіемъ Львовъ-Ясской ж. дорогой для перевозки нашихъ военныхъ запасовъ, а также и частей войскъ.

Записка Военнаго Министра Д. А. Милютина отъ 7 февр. 1877 г., составленная Н. Н. Обручевымъ.

Наше политическое положеніе въ настоящее время.

Внутреннее и экономическое перерожденіе Россіи находится въ такомъ фазисѣ, что всякая внѣшняя ему помѣха можетъ повести къ весьма продолжительному разстройству государственнаго организма.

Ни одно изъ предпринятыхъ преобразованій еще не закончено. Экономическія и нравственныя силы государства далеко еще не приведены въ равновѣсіе съ его потребностями. По всѣмъ отраслямъ государственнаго развитія сдѣланы или еще дѣлаются громадныя затраты, отъ которыхъ плоды ожидаются лишь въ будущемъ. Словомъ, вся жизнь государства поставлена на новыя основы, только еще начинающія пускать первые корни.

Война въ подобныхъ обстоятельствахъ была бы по истинѣ великимъ для насъ бѣдствіемъ. Страшное внутреннее расходованіе силъ усугубилось бы еще внѣшнимъ напряженіемъ; вся полезная работа парализировалась бы, и непомѣрныя пожертвованія могли бы быстро привести государство къ полному истощенію. Задача народнаго благосостоянія, которой съ такою заботою и любовію были посвящены всѣ годы нынѣшняго царствованія, опять стала бы на отдаленный планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы пошатнуться и самое величіе Россіи.

Крайне неблагопріятное для войны внутреннее положеніе Россіи нисколько не облегчается и съ внѣшней стороны. У насъ нѣтъ ни одного союзника, на помощь котораго мы могли бы безусловно разсчитывать.

Австрія ведетъ двойную, даже тройную игру и съ трудомъ сдержи-

ваетъ мадьяръ, которые ищутъ рѣшительнаго съ нами разрыва. Германія покровительствуетъ всѣмъ видамъ Австріи и не рѣшается открыто оказать намъ сколько-нибудь энергическую поддержку. Италія же и Франція не могутъ входить съ нами ни въ какую интимную связь до тѣхъ поръ, пока мы отдѣлены отъ нихъ призракомъ союза трехъ императоровъ. Повидимому, мы находимся со всѣми въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Однако, во всей Европѣ нѣтъ ни одного государства, которое искренно сочувствовало бы рѣшенію восточнаго вопроса въ желаемомъ нами направленіи. Напротивъ, всѣ державы, по мѣрѣ возможности, стараются противодѣйствовать малѣйшему нашему успѣху, всѣ одинаково опасаются хотя бы только нравственнаго нашего усиленія на Балканскомъ полуостровѣ. Эти опасенія, безмолвно связывающія противъ насъ всю Европу, заставляющія нашихъ друзей опускать свои руки, а нашихъ враговъ—создавать намъ на каждомъ шагу всевозможныя препятствія, могутъ поставить Россію, въ случаѣ войны, въ самое критическое положеніе.

Даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ Россія можетъ оказаться вполнѣ уединенной; при неблагопріятныхъ же—она можетъ вдругъ подвергнуться ударамъ громадной европейской коалиціи. Такимъ образомъ, какъ внутреннее наше положеніе, такъ и внѣшняя наша обстановка одинаково указываютъ, что намъ не только нельзя желать войны, а напротивъ слѣдуетъ всемѣрно стараться ее избѣгать.

Для сохраненія столь необходимаго Россіи мира, Государь Императоръ предначерталъ: возможно тѣснѣе связать свою политику въ восточномъ вопросѣ съ политикой прочихъ государствъ, идти въ общемъ согласіи съ Европой и избѣгать всякихъ поводовъ къ уединенію Россіи.

Эти предначертанія были до сихъ поръ строго выполнены. Россія пережила цѣлый годъ дипломатическихъ сношеній, выдержала даже конференцію и ни съ кѣмъ, кромѣ Турціи, не разошлась. Но можно ли сказать, что мы дѣйствительно достигли мира, можно ли надѣяться, что мы этимъ путемъ кончимъ когда-нибудь наши недоразумѣнія съ Портой?

Исходъ Константинопольской конференціи положительно указалъ, что совокупное матеріальное воздѣйствіе Европы на Турцію не мыслимо, что пассивное европейское согласіе готово принести судьбу Балканскихъ христіанъ въ жертву турецкому варварству, наконецъ, что Европа, изъ зависти къ намъ, готова поступиться даже собственнымъ достоинствомъ, въ полномъ убѣжденіи, что всякій успѣхъ, всякое возвышеніе Порты есть прежде всего ударъ намъ, ударъ нашей традиціонной политикѣ.

Кучукъ-Кайнарджійскимъ, Ясскимъ, Букарештскимъ и Адріанопольскимъ миромъ мы вырвали отъ Турціи свободу княжествъ, независимость Греціи и покровительство надъ Балканскими христіанами. Парижскій миръ сократилъ наши исключительныя права, но все-таки создалъ Хати-

хюмаюнъ и оградилъ вассаловъ и христіанскихъ подданныхъ Порты коллективною европейскою гарантіею. Послѣдняя же Константинопольская конференція, руководимая Англіей, не оставила по себѣ ничего; напротивъ, она дозволила освободиться отъ всякихъ узъ, отъ всякихъ формальныхъ обязательствъ передъ Европой и стать къ своимъ беззащитнымъ подданнымъ лицомъ къ лицу во всеоружіи своего варварства.

Не слѣдуетъ скрывать отъ себя всей важности и опасности такого положенія. Фактическое безсиліе примѣненія коллективнаго европейскаго права можетъ ободрить Турцію къ самой безразсудной политикѣ и, съ помощью тайныхъ друзей, обратить это слабое государство въ страшное противъ насъ орудіе. Въ то время, какъ Европа будетъ наслаждаться миромъ, намъ однимъ придется жить въ постоянной тревогѣ, непрерывно задѣваемыми какъ въ нашемъ достоинствѣ, такъ и въ матеріальныхъ нашихъ интересахъ, до тѣхъ поръ, быть можетъ, пока не сгладятся и послѣдніе слѣды нашего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Поэтому-то, если разошедшаяся съ конференціи Европа можетъ теперь-же, даже съ выгодою для себя, отдаться полному бездѣйствію, то намъ подобное бездѣйствіе могло бы быть только гибельно.

Мы не можемъ допустить, чтобъ настоящее положеніе обратилось въ хроническій для насъ недугъ. Намъ нужно быстрое установленіе дѣйствительнаго мира, мира почетнаго, прочнаго, который сохранилъ бы во всей неприкосновенности наше достоинство, поставилъ бы Порту на подлежащее ей мѣсто и фактически оградилъ бы существованіе Балканскихъ христіанъ отъ всякихъ звѣрствъ и насилій.

Другія государства могутъ колебаться и медлить въ пріисканіи рѣшеній для турецкихъ недоразумѣній. Намъ же колебаться нельзя: мы связаны и передъ Россіею и передъ христіанами, и передъ всей Европою словами Государя Императора, мы выставили на границу мобилизованную, сильную армію, которая въ глазахъ всего міра подняла мечъ на защиту нашей чести.

Отступиться отъ словъ Государя Императора, значило бы тоже, что отступиться отъ русской исторіи, поколебать увѣренность русскаго народа въ самого себя и въ руководящій имъ принципъ. Вѣра въ святость слова Царя не должна ни чѣмъ помрачиться.

Распустить приготовившуюся къ бою армію безъ почетнаго, вполнѣ удовлетворяющаго мира, значило бы испортить армію, подорвать и внутри, и внѣ довѣріе къ нашимъ военнымъ силамъ, дать поводъ государству тяготиться всѣми тѣми пожертвованіями, которыя оно несетъ для огражденія своей чести и своихъ интересовъ. Подобный роспускъ арміи, безъ всякихъ достигнутыхъ результатовъ, почти соотвѣтствовалъ бы второй проигранной Крымской кампаніи и во внѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ могъ бы имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Напрасно скрывать отъ себя, что восточный вопросъ, въ томъ видѣ какъ онъ стоитъ, преимущественно русскій, и что формула общей европейской за него отвѣтственности мало къ намъ приложима. Онъ гораздо менѣе близокъ Англіи; однако, съ какимъ упорствомъ она является въ немъ защитницей своихъ интересовъ. И исторія, и совершившіеся факты безусловно оставляютъ за нами главную роль въ рѣшеніи возникшихъ недоразумѣній и мы горько поплатились бы, еслибъ отклонили отъ себя эту задачу.

Мы никакъ не ищемъ войны, но очевидно, что армія не можетъ быть демобилизована, пока мы не добьемся почетнаго мира; напротивъ, она то теперь и должна дать вѣсъ нашему голосу, дать намъ опору, чтобы скорѣе его достигнуть.

На чемъ же мы можемъ помириться?

Одни ли, или вмѣстѣ съ Европой, мы не можемъ требовать отъ Турціи менѣе того, что требовала конференція.

Существеннѣйшія части этихъ требованій заключаются въ томъ: 1) чтобы христіанскія области получили выработанный для нихъ административный статутъ; 2) чтобы управленіе сими областями было ввѣрено христіанскимъ губернаторамъ, назначаемымъ на опредѣленный срокъ, не иначе какъ съ одобренія державъ; 3) чтобы безопасность жителей была ограждена достаточно многочисленной и хорошо устроенной земской стражею, непремѣнно заключающею христіанскій элементъ, по крайней мѣрѣ, пропорціональный числительности христіанскаго населенія, наконецъ, 4) чтобы Европа имѣла осязательныя гарантіи въ дѣйствительномъ исполненіи предначертанныхъ ею реформъ. Сверхъ сего, конференція указала Портѣ основанія для замиренія съ Сербіею и Черногоріею.

Еслибъ Порта, дѣйствуя по собственному почину, быстро замирилась съ Сербіею и Черногоріею и неотлагательно осуществила первыя три требованія приведенной выше программы, тогда къ четвертому (т. е. къ гарантіи) Европа могла бы относиться уже нѣсколько съ большимъ снисхожденіемъ и удовольствоваться тѣми средствами контроля, которыми нынѣ располагаетъ. Но дабы новый порядокъ вещей получилъ надлежащую прочность, Порта во всякомъ случаѣ должна санкціонировать его *особымъ международнымъ актомъ*, который служилъ бы торжественнымъ ея обязательствомъ передъ Европою въ ненарушимости реформъ, и далъ бы снова право Турецкой Имперіи занять соотвѣтственное мѣсто въ общемъ европейскомъ концертѣ.

Только подобный торжественный актъ можетъ восполнить пустоту, образованную въ трактатѣ 1856 года отказомъ Порты на предложенія конференціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить, какъ залогомъ сколько-нибудь надежнаго мира, такъ и удовлетвореніемъ достоинству всей Европы, а вмѣстѣ съ ней и Россіи.

Такъ какъ восточный вопросъ составляетъ еще дипломатически обще-европейское дѣло, то и попытку къ указанному мирному исходу мы прежде всего должны сдѣлать въ согласіи со всей Европою.

Но еслибъ наши предложенія встрѣтили мало сочувствія, еслибъ дипломатическіе переговоры грозили опять затянуться на неопредѣленное время, или наконецъ—если бы сами Турція нисколько и не искала скорѣе удовлетворить мирнымъ желаніямъ Европы, тогда намъ ничего не оставалось бы, какъ добиваться возстановленія мира самостоятельнымъ дѣйствіемъ.

Требованія, которымъ слѣдовало бы исходить отъ лица Европы, должны бы были обратиться тогда въ нашъ ультиматумъ, недопускающій никакихъ колебаній ни съ нашей, ни съ противной стороны.

Есть много шансовъ, что предложенный съ твердостью, поддержанный готовою арміею, нашъ ультиматумъ будетъ принятъ Портой. Тогда война будетъ избѣгнута, мы быстро возвратимъ государству всѣ благодѣянія мира.

Если же ультиматумъ будетъ отвергнутъ — мы въ тотъ же день должны перейти границу и искать мира и возстановленія нашего достоинства путемъ войны.

Какъ въ жизни частнаго человѣка встрѣчаются случаи, которыхъ рѣшеніе возможно только оружіемъ, такъ и въ историческихъ судьбахъ государствъ неизбѣжно представляются фазисы, передъ вызовомъ которыхъ даже самое миролюбивое государсто не можетъ отказаться отъ войны.

Россія подходитъ къ такому фазису, и слова Государя Императора порукой, что она встрѣтитъ опасность съ такою же неустрашимостью и готовностью ко всѣмъ пожертвованіямъ, съ какими уже 1000 лѣтъ отзывалась на всѣ вызовы, затрогивавшіе ея честь и достоинство.

Намъ нуженъ миръ, но миръ *не во что бы то ни стало*, а миръ *почетный*, хотя бы его и пришлось добывать войной.

Какъ ни страшна война, но теперь есть еще шансы привести ее довольно скоро къ желаемому результату. Армія наша готова и такъ устроена, какъ никогда. Союзъ трехъ императоровъ, по крайней мѣрѣ на первое время, можетъ обезпечить нашъ тылъ; Франція и Италія склонны воздержаться отъ прямого участія; даже сама Англія торжественно заявила, что не намѣрена дѣйствовать ни *противъ*, ни *за* Турцію. Въ этомъ положеніи Европы много фальши, но отчасти отъ насъ самихъ зависитъ не дать этой фальши всецѣло развиться противъ насъ. Быстрый, рѣшительный успѣхъ нашей арміи, можетъ сильно повліять на мнѣніе Европы и вызвать ее на такія уступки, о которыхъ теперь нельзя и думать.

Допустивъ же мысль мира *во чтобы то ни стало*, и давъ противни

камъ хотя малѣйшій поводъ подозрѣвать насъ въ слабости, мы можемъ черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ быть втянуты въ рѣшительную войну,— но уже при совершенно другихъ, неизмѣримо худшихъ обстоятельствахъ.

Военный Министръ

Генералъ-Адъютантъ

Милютинъ

7го Февраля 1877 года.

Приложеніе N 3.

Собственноручная записка
Н. Н. Обручева отъ 6 Апр. 1877 г.
(Военному Министру).
М. Газенкампфа

Согласно высказанной Вашимъ Высокопревосходительствомъ мысли, имѣю честь представить при семъ, уже извѣстную Вамъ записку,(x) но съ выпущенной статьей о формированіи войскъ.

Прямое движеніе къ К-полю безусловно необходимо потому, что есть только два средства добиться отъ Турокъ быстраго мира: разбить ихъ <u>армію</u>, или — взять ихъ <u>столицу</u>. Но турки примутъ вѣроятно систему уклоненія отъ боя и сидѣнія по крѣпостямъ, значитъ надо сразу намѣтить цѣлью дѣйствій столицу, къ которой можно подойти скоро, тогда какъ выбивать ихъ изъ крѣпостей нужны мѣсяцы. Вездѣ въ іюлѣ выгоритъ подножный кормъ

(x) Записка эта „Соображенія на случай войны съ Турціей весною 1877 г." помѣчена 23 Марта 1877 г.

а въ концѣ сентября начнется уже снѣгъ въ Балканахъ. Не кончимъ къ тому времени, — будемъ бедствовать. Зимой возобновится дипломатическая кампанія и Богъ знаетъ къ чему насъ приведетъ.

Если есть хотя одинъ шансъ кончить войну и добиться мира къ осени — нельзя его упускать.

Войскъ у насъ много, мы можемъ сразу подавить противника. Затрудненій же въ продовольствіи, при готовой жел. дорогѣ и подножномъ кормѣ, казалось бы, быть не должно. Достаточно 2-3 поѣздовъ въ сутки, чтобъ обезпечить содержаніе въ Придунайской Болгаріи 200-300/т войска, за тѣмъ только армія перебрасываемая за Балканы потребуетъ работы значи-

данискаго транспорта и только на пути отъ Дуная до Ямбольской ж. дороги.

Еслибъ даже не удалось взять Константинополя, все же положеніе дипломатіи для заключенія мира будетъ выгоднѣе въ іюлѣ и августѣ, чѣмъ въ октябрѣ и ноябрѣ. Въ первомъ случаѣ наше стояніе передъ столицей или на берегахъ Босфора будетъ поддерживаться все новыми иллюзіями объ успѣхахъ въ тылу (не побьемъ кого нибудь, то возьмемъ какую нибудь крѣпость). Во второмъ, если придемъ къ столицѣ поздно, о нашихъ первыхъ успѣхахъ уже позабудутъ, всѣ будутъ ждать тѣхъ затрудненій, если не бѣдствій, которыя намъ придется перенести при зимовкѣ въ краѣ, раздѣленномъ трудно-проходимымъ хребтомъ

и китайцами въ тьму фанатизированнымъ мусульманскимъ населеніемъ, котораго всѣхъ тамъ насчитывается свыше болѣе милліона. И турки и ихъ благопріятеніе не будутъ въ эту пору уступчивы. Придется готовиться къ новой кампаніи, но уже съ утроенными средствами.

Генералъ-лейтенантъ Обр…

Лагерю.

Соображенія на случай войны съ Турціею весной 1877 года [1]).

Въ настоящее время обстоятельства совершенно измѣнились противъ осени.

Въ теченіе зимы турки успѣли значительно развить свои силы, стянули все что можно на Дунайскій театръ, увеличили число судовъ на Дунаѣ, усовершенствовали крѣпости, дополнили ихъ вооруженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ пылъ въ славянахъ ослабѣлъ, сербы совершенно сошли съ поля, а румыны, рвавшіеся осенью идти въ авангардѣ нашей арміи, чуть-что не отказываются отъ всякаго участія въ войнѣ.

Со стороны Австріи мы чувствуемъ себя болѣе обезпеченными, за то выяснилось, что со стороны Англіи—мы должны ожидать лишь самыхъ коварныхъ дѣйствій, которыми она быть можетъ сначала и попридержится, но только для того, чтобы выбрать для нихъ наиболѣе выгодную минуту.

Очевидно, что тотъ планъ нашихъ дѣйствій, который былъ намѣченъ среди осенней обстановки, требуетъ теперь уже значительныхъ дополненій и измѣненій.

Цѣль войны.—Цѣль войны, разъ что насъ вынудили ее начать, теперь уже не можетъ быть иная, какъ полное, безповоротное рѣшеніе восточнаго вопроса, какъ безусловное уничтоженіе владычества турокъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Сама сила событій указываетъ, что, надо наконецъ, разъ навсегда раздѣлаться съ этимъ призракомъ, который періодически истощаетъ Россію и служитъ одной изъ главныхъ помѣхъ къ развитію ея благосостоянія.

Цѣль дѣйствій.—Но чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, цѣлью нашихъ *стратегическихъ* дѣйствій, болѣе чѣмъ когда нибудь, долженъ быть самый *Константинополь.* Только на берегахъ Босфора можно дѣйствительно сломить владычество турокъ и получить прочный миръ, разъ навсегда рѣшающій нашъ споръ съ ними изъ-за Балканскихъ христіанъ.

Занятіе только Болгаріи никакъ не дастъ этихъ результатовъ. До тѣхъ поръ, пока турки будутъ владѣть Константинопольскимъ полуостровомъ и господствовать на Черномъ морѣ, они ни за что не признаютъ

[1]) Составлены также генералъ-лейтенантомъ Н. Н. Обручевымъ.

себя побѣжденными, а будутъ тянуть переговоры, питая твердую надежду, пользуясь разногласіемъ Европы, вернуть все потерянное. Фактъ занятія Болгаріи будетъ представляться имъ только временнымъ, нисколько для нихъ не унизительнымъ, такъ какъ достаточнымъ эквивалентомъ ему они будутъ выставлять *занятіе Чернаго моря*. Европейская дипломатія, если ей только удастся задержать насъ въ этомъ фазисѣ войны, не преминетъ пристать къ турецкому воззрѣнію и, за очищеніе турками Чернаго моря, начнетъ вымогать у насъ такія уступки, которыя все наше дѣло приведутъ опять къ нулю. Въ положительномъ выигрышѣ останется вѣроятно только Австрія, которой Европа поспѣшитъ присудить Боснію и Герцеговину, и которая, конечно, останется въ нихъ, не смотря ни на какія секретныя съ нами конвенціи.

Овладѣніе въ военномъ смыслѣ Константинополемъ и Босфоромъ составляетъ, такимъ образомъ, безусловную необходимость. Остановиться передъ нимъ мы можемъ только въ томъ случаѣ, если и Порта и Европа дадутъ намъ миръ совершенно такой же, какъ еслибъ мы уже были въ самомъ Константинополѣ. Безъ этого же условія остановка на пути къ Царьграду была бы нашею гибелью, и дипломатія въ семъ случаѣ ни коимъ образомъ не должна сбивать насъ съ толку и впутываться въ дѣло съ какими бы то ни было компромисами.

Трудности достиженія этой цѣли.—Сознавая безусловную необходимость овладѣнія Константинополемъ (или Босфоромъ) надо, однако, сознавать и всѣ трудности выполненія этой задачи.

Чтобы достигнуть Константинополя, надо пройти обширную страну, защищенную Дунаемъ, Балканами, крѣпостями и многочисленною арміею.

Затѣмъ въ самомъ Константинополѣ мы можемъ встрѣтить нафанатизированную мусульманскую массу, рѣшившуюся на безпардонный отпоръ; мало того, мы можемъ встрѣтить и англичанъ. Если они возьмутъ дѣло въ свои руки, заблаговременно укрѣпятъ Константинополь, снабдятъ его сильною артиллеріею и поддержатъ его оборону съ Мраморнаго и Чернаго морей всѣмъ своимъ флотомъ, то столица Востока можетъ обратиться въ такую твердыню, о которую, какъ и Севастополь, могутъ разбиться усилія даже самой могущественной арміи.

Тутъ невольно является сомнѣніе: не будетъ ли все предпріятіе на Константинополь просто невозможностью, абсурдомъ?

Если все предполагаемое дѣйствительно совершится, то взятіе Константинополя окажется въ самомъ дѣлѣ едва возможнымъ. Но достовѣрно одно, что *пока* этого еще ничего нѣтъ и отъ насъ самихъ зависитъ, чтобъ многаго никогда не было.

До настоящей минуты Константинополь стоитъ еще открытый, беззащитный. Позиція, которая выбрана для его укрѣпленія (между Чифтолой и Кучукъ-Чекменже) удалена отъ Золотаго Рога на 15 верстъ и

имѣетъ до 28 верстъ протяженія. Для созданія и вооруженія этой позиціи нужно *значительное время*, а для обороны *значительныя силы*. Для прибытія англичанъ и изготовки ихъ къ бою нужно также время, которое по достовѣрнымъ источникамъ можно опредѣлить въ 8—10 недѣль [1]), отъ начала мобилизаціи. Англичанъ во всякомъ случаѣ прибудетъ не грозная армія, а maximum 50—60 тысячъ. Чѣмъ рѣшительнѣе будутъ наши первые успѣхи, тѣмъ менѣе будетъ вѣроятно, чтобъ эти 50 тысячъ поспѣшили подставить за турокъ свою спину. Тѣ же успѣхи несомнѣнно сломятъ и фанатизмъ самихъ турокъ.

Такимъ образомъ при рѣшительности и быстротѣ дѣйствій взятіе Константинополя никакъ не представляется абсурдомъ, а напротивъ весьма вѣроятно. Поэтому и отказываться отъ этой единственной рѣшительной цѣли, ради только предполагаемыхъ и возможныхъ, но еще не существующихъ, препятствій, было бы величайшей стратегической и политической ошибкой. Вѣдь по всеобщему сознанію, еслибъ союзники *не преувеличили* оборонительной силы Севастополя и не настращали сами себя несуществующими страхами, они могли бы овладѣть имъ съ перваго же удара (12—13 сентября) и избавились бы отъ необходимости годовой его осады. Также долженъ бы былъ пасть и Карсъ (весной 1855 года).

Для всѣхъ подобныхъ случаевъ есть только одно правило: не медлить, не зѣвать.

Средства для достиженія цѣли.—Такъ какъ за истекшую зиму турецкія силы значительно возрасли, и такъ какъ нашъ успѣхъ главнымъ, если не единственнымъ, образомъ зависитъ отъ быстроты, съ какою мы достигнемъ Константинополя, то тѣ средства, которыя мы изготовили для войны осенью, окажутся теперь недостаточными.

Осенью, пока Балканскій театръ былъ совершенно беззащитенъ, пока вся турецкая армія была отвлечена на западъ, можно было даже съ небольшими регулярными силами достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ.

Имѣя подъ рукой 4 корпуса и румынскую армію, можно было почти сразу же перебросить 4 пѣхотныхъ дивизіи съ массой кавалеріи прямо за Балканы.

Теперь совсѣмъ не то. Четыре наши корпуса встрѣтятъ на Дунаѣ и въ Придунайской Болгаріи такой отпоръ, что если и въ состояніи бу-

[1]) По донесенію нашего лондонскаго военнаго агента отъ 19/31 января 1877 года, основанному на вполнѣ уважительномъ источникѣ, англійская армія совсѣмъ не такъ готова къ дѣйствію, какъ твердятъ газеты. Для мобилизаціи и перевозки ея въ Константинополь требуется 7—8 недѣль, для обезпеченія же всѣми необходимыми потребностями еще 6 недѣль. Итого 13—14 недѣль.

дутъ сразу выдѣлить за Балканы какія-нибудь силы, то только весьма незначительныя, съ которыми далеко не уйдешь. Пока же армія сладитъ со всѣми препятствіями и турецкими войсками въ Придунайской Болгаріи и сдѣлается сама свободной для дальнѣйшаго движенія, пройдетъ столько времени, что взятіе Константинополя, а слѣдовательно, и рѣшеніе вопроса сдѣлается для нее пожалуй непосильнымъ.

Очевидно, что намъ слѣдуетъ значительно развить свои силы, такъ какъ только при болѣе обширныхъ средствахъ мы можемъ опять выиграть *время* и *быстроту похода*. Необходимо, чтобъ армія, двигающаяся въ Турцію, могла бы сразу выдѣлить за Балканы не слабый отрядъ, а вполнѣ достаточныя силы для безостановочнаго движенія и взятія Константинополя. Иными словами намъ теперь нужно подготовить уже *не одну, а можно сказать двѣ арміи,* изъ коихъ *одна* приняла бы на себя всю борьбу въ Придунайской Болгаріи, а *другая,* тотчасъ по переправѣ, двигалась бы прямо въ Константинополь, видѣла бы передъ собой только 500 верстъ пути и стремилась бы пройти ихъ возможно скорѣе, въ 5—буде возможно въ 4 недѣли, не отвлекаясь отъ этой цѣли никакими побочными операціями, ни огражденіемъ своего тыла, ни атакой крѣпостей, ни даже сторонними сраженіями. Для нея рѣшеніе идти на Константинополь должно быть столь же безусловно, какъ принятое въ 1814 г. Императоромъ Александромъ, когда, оцѣнивъ всю важность цѣли, онъ пошелъ прямо на Парижъ, оставивъ у себя въ тылу Наполеона.

Разсчетъ силъ.—Положеніе турецкихъ силъ къ 15 марта сего года представляется на Дунайско-Балканскомъ театрѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Бабадагъ.
8 б., 12 э., 6 ор.
6.825.

Виддинъ.
74 б., 30 э., 90 ор.
53.100.

Рахово.
2 б.
1.300.

Никоп. Систовъ.
11 б.
7.150.

Рущукъ.
14 б., 6 э., 18 ор.
10.000.

Силистрія.
21 б., 24 ор.
13.890.

Берковацъ.
1 б., 5 э.
1.150.

Ловча-Трново Габрова.
7 б.
4.550.

Нишъ.
8 б., 12 ор.
5.400.

Шумла.
14 б., 6 э., 60 ор.
10.900.

Варна.
16 б., 30 ор.
10.900.

Софія.
9 б., 18 ор.
6.150.

Филиппополь.
9 б.
5.850.

Адріанополь.
13 б.
8.450.

Константинополь.
16 б., 18 э., 18 ор.
12.500.

Такимъ образомъ турки имѣютъ:

На двухъ *противоположныхъ* оконечностяхъ Дуная (Виддинъ-Бабадагъ)	59.925
На всемъ теченіи Дуная отъ Рахова до Силистріи	32.340
Во второй линіи отъ Ниша до Варны	32.900
Въ третьей линіи отъ Софіи до Адріанополя	20.450
Въ Константинополѣ	12,500
А всего	158.115

Увеличить эту силу еще какими-нибудь регулярными войсками Турція не можетъ; но ей остается еще формированіе новыхъ пѣшихъ и конныхъ милицій, помощь Египта, а подъ конецъ, быть можетъ и англичанъ, въ числительности отъ 50-ти до 60-ти тысячъ.

Сообразно этимъ силамъ, примѣрный разсчетъ нашихъ войскъ можетъ опредѣлиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Чтобы ударъ на Константинополь былъ обезпеченъ даже въ случаѣ прибытія англичанъ, необходимо сразу отъ Дуная выдѣлить за Балканы армію не менѣе какъ въ 110—120 тысячъ, со всѣми средствами, необходимыми для энергической атаки сильно укрѣпленной позиціи.

Въ эту армію должны быть назначены, примѣрно, *три корпуса*, или:

6 пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріею;
1 стрѣлковая бригада;
3 кавалерійскія дивизіи (изъ нихъ 1 казачья);
1 саперная бригада, безъ понтоновъ, но съ полевымъ паркомъ;
1 желѣзно-дорожный баталіонъ;
1 телеграфный паркъ;
паркъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, числомъ отъ 220 до 250;
20—25 военно-временныхъ госпиталей,
и интендантскій транспортъ, способный поднять разомъ 10-ти дневный запасъ провіанта и фуража на всю армію, что по приблизительному разсчету потребуетъ 5.000 пароконныхъ повозокъ [1]).

Боевой составъ этой арміи будетъ представлять *76 пѣх. баталіоновъ, 60 эскадроновъ и сотенъ и 324 пол. орудій*, числительностью

[1]) По всей вѣроятности можно будетъ ограничиться транспортомъ даже въ 3.800 или 4.000 повозокъ, позаимствовавъ ихъ изъ существующаго транспорта дѣйствующей арміи. Изъ нихъ 3.000 повозокъ должны постоянно заниматься перевозкой запасовъ отъ Дуная черезъ Балканы въ Казанлыкъ, гдѣ образуется главный складъ за-Балканской арміи, а 800 или 1.000 повозокъ будутъ подвозить грузы отъ Казанлыка къ ст. Карабунаръ на Ямболь-Адріанопольской дорогѣ, которая во время захваченная нашими войсками, обезпечитъ дальнѣйшую доставку грузовъ хотя бы къ самому Константинополю.

безъ парковъ и госпиталей въ 114.000 чел. и 24.000 лош., а общею на довольствіи около 130.000 чел. и до 40.000 лош.

2) Затѣмъ, для опредѣленія состава войскъ, на которыя ляжетъ весь трудъ борьбы съ турками въ Придунайской Болгаріи и обезпеченіе тыла первой арміи, надо не упускать изъ вида, что имъ одновременно придется:

а) Владѣть нижнимъ Дунаемъ и Бабадагомъ, производя поиски въ Добруджу и Деліорманъ, на что не считая мѣстныхъ (или румынскихъ) войскъ потребуется 1 п. див. 1 кав. д.

б) Брать Рущукъ и обезпечивать главную Дунайскую переправу 2 » » 1/2 » »

в) Противодѣйствовать войскамъ, которыя турки соберутъ въ Шумлѣ или вообще къ востоку отъ Рущука 2 п. див. 1 кав. д.

г) Противодѣйствовать войскамъ, которыя турки имѣютъ на западѣ отъ Рущука до Виддина . 2 » » 1 » »

д) Владѣть Габровскими и Сливенскими проходами и вмѣстѣ съ тѣмъ производить постоянные поиски въ долины Тунджи и Марицы и въ тылъ Шумлѣ и Варнѣ Стр. бр. { Масса казаковъ.

е) Имѣть хотя какую нибудь-часть въ общемъ резервѣ 1 п. див. 1/2 кав. д.

Итого . 8 пѣх. див., 4 кав. д. и 10—12 каз. п.

Такимъ образомъ для дѣйствій на Дунаѣ и въ Придунайской Болгаріи понадобятся на первое время почти всѣ тѣ силы, которыя нынѣ входятъ въ составъ дѣйствующей южной арміи. Только когда она справится съ Рущукомъ, прочно установитъ наше сообщеніе черезъ Дунай и побьетъ хотя часть турецкихъ войскъ, которыя будутъ подвертываться ей подъ руку, у нея явится нѣкоторая свобода дѣйствій и возможность, смотря по обстоятельствамъ, направиться: или противъ турецкихъ войскъ, которыя будутъ еще держаться въ Придунайской Болгаріи, или за Балканы въ помощь нашей Константинопольской арміи.

Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за Рущукомъ мы должны будемъ брать Шумлу, чтобъ покончить съ турецкой арміей. Хотя ввязываться въ крѣпостную войну совершенно для насъ невыгодно, но если непріятель уйдетъ въ крѣпость, то, дѣлать нечего, придется бить его и въ крѣпости. Въ 1828 году, по взятіи Браилова, мы разомъ предприняли атаку трехъ крѣпостей; и наткнувшись на нихъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ фронтомъ (правымъ флангомъ на Силистрію, центромъ на Шумлу, лѣвымъ

флангомъ на Варну) оказались вездѣ слабы и потеряли цѣлую кампанію. Въ предстоящихъ дѣйствіяхъ этого не должно случиться, во 1-хъ потому, что начиная отъ Рущука мы будемъ бить оборонительную линію турокъ во флангъ, послѣдовательно напирая на нея достаточной (если не главной) массой нашихъ силъ, и во 2-хъ потому, что Рущукъ-Варнская желѣзная дорога можетъ теперь значительно облегчить передвиженіе осадныхъ тяжестей не только подъ Шумлу, но, еслибъ затѣмъ понадобилось, и подъ Варну.

Изложенное соображеніе, указывающее на возможность направленія дѣйствій нашей Дунайской арміи не за Балканы, а противъ Шумлы (если въ ней соберутся главныя силы турокъ), еще болѣе подтверждаетъ необходимость имѣть для похода на Константинополь самостоятельную армію.

3) Наконецъ, необходимы еще войска для охраненія княжествъ. Если мы примемъ на себя всю эту задачу, то къ вышеисчисленнымъ войскамъ потребуется еще значительная прибавка. Однако въ этомъ нѣтъ надобности. Собственно для нашей дѣйствующей арміи важно лишь обезпеченіе желѣзнаго и шоссейнаго путей отъ Галаца до Рущука. Наибольшей опасности эти пути подвержены въ раіонѣ Галацъ-Браиловскомъ и въ окрестностяхъ Букарешта, вся же средняя ихъ часть удалена отъ Дуная и кромѣ того отчасти прикрыта маловодною Бараганскою степью. Для образованія этаповъ по этому пути предназначаются 10 резервныхъ баталіоновъ, и такъ какъ наиболѣе опасные въ немъ раіоны будутъ уже обезпечены съ одной стороны Бабадагскимъ отрядомъ, а съ другой—Рущукскимъ корпусомъ, то за тѣмъ, для противодѣйствія прорыву шаекъ противъ средней части, достаточно имѣть лишь легкіе конные отряды, которые выдѣлятся изъ общаго числа войскъ дѣйствующей арміи.

Затѣмъ, весь край къ западу отъ р. Веде слѣдуетъ предоставить румынскимъ войскамъ. Пусть защищаютъ его какъ знаютъ, намъ же совершенно неразсчетливо было бы на него истощаться. Мы можемъ оказать румынамъ помощь лишь въ томъ случаѣ, если турки предпримутъ изъ Виддина рѣшительное наступленіе и будутъ грозить самому Букарешту. Этотъ случай мало вѣроятенъ, ибо безъ организованнаго обоза турки не могутъ далеко уйти; но еслибъ случай дѣйствительно представился, тогда необходимо было бы имъ воспользоваться, чтобъ нанести туркамъ рѣшительное пораженіе [1]). Для этого, однако, опять не нужно

[1]) Вообще намъ не только не слѣдуетъ опасаться подобныхъ случаевъ, а буде можно—самимъ создавать ихъ. Еслибъ удалось заманить турокъ подалѣе отъ Калафата и разбить ихъ такъ, чтобъ они уже не вернулись за Дунай, это было бы наше счастье. Бѣда для насъ, если они станутъ прятаться по крѣпостямъ и незамѣтно вовлекать насъ въ крѣпостную войну.

новыхъ войскъ, ибо они могутъ быть взяты частью изъ тѣхъ, которыя уже опредѣлены для этой цѣли (пунктъ *г*), частью изъ имѣющихся подъ Рущукомъ и въ общемъ резервѣ (пункты *б* и *д*).

Выводъ изъ разсчета силъ.—Такимъ образомъ оказывается, что для рѣшительнаго веденія войны на Европейско-турецкомъ театрѣ въ теперешней обстановкѣ, къ тѣмъ силамъ, которыя уже включены въ составъ дѣйствующей арміи (100 бат., 153 эск., 450 ор. численностью безъ парковъ въ 133.000 чел. и 39.000 лошадей, а на довольствіи 163.000 чел. и 51.000 лошад.) или предназначены для ея тыловыхъ надобностей (10 резервныхъ баталіоновъ въ 10.000 чел.) необходимо еще добавить весь составъ арміи, исчисленный для дѣйствій за Балканами (76 бат., 60 эскадр., 324 орудія, общею численностью до 130.000 челов. и 40.000 лош.), что все вмѣстѣ образуетъ массу въ 186 бат., 213 эскадр., 774 орудія, 303.000 чел. и 91.000 лошадей.

Дѣйствія на Кавказѣ.—Въ виду значительнаго усиленія турокъ на Азіатскомъ театрѣ, достигшаго за зиму до 70—75 тыс. челов., представляется вопросъ и объ увеличеніи нашихъ Закавказскихъ войскъ.

Возникаетъ предположеніе, не слѣдуетъ ли тутъ сдѣлать то же самое, что и на Европейскомъ театрѣ, т. е. увеличивъ Закавказскую армію почти вдвое, дать ей возможность самаго рѣшительнаго наступленія не только къ Карсу и Арзеруму, но даже къ Сивасу и Токату—въ самое сердце Турецкаго мусульманскаго царства.

Но подобное предположеніе было бы вполнѣ основательно только въ томъ случаѣ, еслибъ мы не могли достигнуть рѣшительной цѣли болѣе короткимъ, удобнымъ, безопаснымъ и несравненно болѣе дешевымъ путемъ на Европейскомъ театрѣ. До тѣхъ же поръ, пока этотъ театръ намъ открытъ, всякую помощь слѣдуетъ оказывать прежде всего ему, а не отдаленной Азіи. Отъ средняго Дуная до Босфора 500 верстъ, отъ Кавказской же границы 1.400 верстъ. На первомъ театрѣ кампанія можетъ быть кончена въ нѣсколько мѣсяцевъ, если не недѣль, на Азіатскомъ—она можетъ затянуться на 2 или 3 года и все-таки остаться безъ результатной, служа лишь, по желанію англичанъ, къ нашему истощенію.

По этому казалось бы правильнымъ ограничить роль Кавказской арміи прежними предположеніями, т. е. второстепенными наступательными дѣйствіями, потребными для огражденія нашей собственной безопасности и отвлеченія силъ противника, и усилить составъ арміи лишь въ той мѣрѣ, въ какой это опредѣлится соображеніями Его Высочества Намѣстника для выполненія указанной цѣли.

Затѣмъ, еслибъ впослѣдствіи оказалось, что Константинополь съ европейской стороны для насъ недоступенъ, и что для заключенія мира намъ остается только одно средство: полное разрушеніе сухопутныхъ владѣній Турціи въ Европѣ и Азіи, такъ, чтобъ отъ этой державы ни-

чего не осталось, кромѣ кой-какихъ обломковъ, привязанныхъ къ англійскому флоту, тогда, конечно, и Закавказскую армію придется развить почти до двойныхъ размѣровъ, если только на это достанетъ у насъ финансовыхъ средствъ.

Дѣйствія на морѣ.—Хотя нашъ Черноморскій флотъ сравнительно съ турецкимъ такъ слабъ, что ни о какихъ серіозныхъ морскихъ дѣйствіяхъ не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду, что могутъ представиться благопріятные случаи, въ которыхъ даже и изъ слабыхъ морскихъ средствъ мы въ состояніи будемъ извлечь значительную пользу.

Если англійскій флотъ не присоединится сразу къ турецкому, то наблюденіе за Чернымъ моремъ одними турецкими судами не можетъ быть дѣйствительно. Примѣры Критскаго возстанія свидѣтельствуютъ, что турки плохіе крейсеры. Слѣдовательно, если намъ удастся, по вступленіи арміи въ Болгарію, открыть легкими отрядами сообщеніе съ нѣкоторыми портами Чернаго моря, то черезъ нихъ, при посредствѣ нашихъ пароходовъ, могъ бы быть организованъ довольно дѣятельный подвозъ запасовъ къ арміи, что значительно облегчило бы ея существованіе и сократило бы трудную сухопутную доставку.

Можетъ представиться случай еще болѣе важный. Съ приближеніемъ нашимъ къ Константинополю, турецкій флотъ можетъ быть отозванъ въ Босфоръ для непосредственной его обороны. Онъ можетъ туда попасть и вслѣдствіе бури, которая встреплетъ его суда въ морѣ и заставитъ ихъ уйти для починки. Въ томъ и другомъ случаѣ, а можетъ быть и еще въ нѣсколькихъ случаяхъ, Черное море можетъ оказаться временно для насъ открытымъ, свободнымъ. Слѣдуетъ быть заранѣе готовымъ къ подобной благопріятной случайности; она можетъ помочь намъ перекинуть черезъ Черное море не только уже какой-нибудь транспортъ запасовъ, но цѣлый военный отрядъ. Если высадка его удачно совпадетъ съ движеніями Константинопольской арміи, результаты могутъ быть громадные. По этому какъ 13-я пѣхотная дивизія, такъ и части войскъ Одесскаго прибрежья должны тщательно ознакомиться съ дессантными операціями и быть всегда на чеку, а суда Черноморскаго флота и Общества Пароходства—должны быть распредѣлены такъ, чтобъ ими ежеминутно можно было воспользоваться.

чего не осталось, кромѣ нѣсколькихъ обломковъ, принадлежащихъ къ англійскому флоту; тогда, конечно, и Кавказскую армію придется развить почти до двойныхъ размѣровъ, если только на это достанетъ у насъ финансовыхъ средствъ.

Дѣйствія на морѣ. — Хотя нынѣ Черноморскій флотъ сравнительно съ турецкимъ такъ малъ, что ни о какихъ серьезныхъ морскихъ дѣйствіяхъ не можетъ быть и рѣчи, но все-же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что могутъ представиться благопріятные случаи, въ которыхъ даже и въ слабыхъ морскихъ средствахъ [illegible] состояніи будемъ имѣть значительную помощь.

Если англійскій флотъ не присоединится сразу къ турецкому, то [illegible] турецкими судами не можетъ быть [illegible] свидѣтельствуетъ, что турки [illegible]. Слѣдовательно, если намъ удастся, по вступленіи [illegible], открыть желѣзный [illegible] сообщеніе съ нѣкоторыми портами Чернаго моря, то черезъ нихъ, при посредствѣ нашихъ пароходовъ, [illegible] довольно дѣятельный подвозъ [illegible], облегчило бы ея существованіе и сохраненіе [illegible] составу.

Значеніе послѣдняго случая еще болѣе важно. Съ прибытіемъ [illegible], турецкій флотъ можетъ быть отозванъ въ Босфоръ для непосредственной его обороны. Онъ можетъ туда [illegible] его суда изъ моря и заключить [illegible]. Въ томъ и другомъ случаѣ, и можетъ быть во многихъ случаяхъ, Черное море можетъ оказаться [illegible] свободнымъ. Слѣдуетъ быть заранѣе готовымъ [illegible] благопріятной случайности; она можетъ помочь намъ [illegible] черезъ Черное море не только уже какой нибудь транспортъ [illegible]. Если высадка его удачно совпадетъ съ [illegible] Кавказской арміи, результаты могутъ быть громадные. [illegible] 1877 г. [illegible] должны [illegible] и болѣе, [illegible] суда торговаго флота и Общества Пароходства — должны быть распредѣлены такъ, чтобы ими [illegible] можно было воспользоваться.

Условія перемирія между ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими войсками и ихъ союзниками и ИМПЕРАТОРСКИМИ Турецкими войсками.

Вслѣдствіе предложенія Блистательной Порты и заявленнаго ея уполномоченными, Ихъ Превосходительствами, Серверъ-Пашою и Намикомъ-Пашою, согласія принять предъявленныя Россіею основанія для заключенія мира между воюющими сторонами, Главнокомандующій Россійскою ИМПЕРАТОРСКОЮ Дѣйствующею Арміею изъявилъ согласіе прекратить военныя дѣйствія.

Для заключенія перемирія назначены уполномоченными: со стороны Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Главнокомандующаго Его Высокопревосходительство Начальникъ Штаба Дѣйствующей Арміи Генералъ-Адъютантъ Генералъ-отъ-Инфантеріи Непокойчицкій и помощникъ его Свиты Его ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіоръ Левицкій и со стороны уполномоченныхъ Блистательной Порты Ихъ Превосходительства Генеральнаго Штаба дивизіонный Генералъ Неджибъ-Паша и бригадный Генералъ Османъ-Паша.

Лица эти, по предоставленнымъ имъ полномочіямъ, согласились на слѣдующія условія для перемирія.

1) Перемиріе заключается между Русскими, Сербскими и Румынскими, съ одной стороны, и между Турецкими вооруженными силами съ другой, на все время веденія переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго ихъ окончанія или до ихъ перерыва.

Въ послѣднемъ случаѣ о возобновленіи военныхъ дѣйствій каждая изъ сторонъ обязана предупредить другую за трое сутокъ съ обозначеніемъ числа и часа открытія враждебныхъ дѣйствій. Трехдневный срокъ будетъ считаться съ того времени, когда одна изъ сторонъ сообщитъ другой, на мѣстѣ, приказаніе высшаго начальства по этому поводу.

Conditions de l'armistice conclu entre les troupes Impériales Russes et leurs alliés et les troupes Impériales Turques.

Par suite de la proposition de la Sublime Porte et du consentement exprimé par ses plénipotentiaires, L. L. E. E. Server Pacha et Namyk Pacha, d'accepter les bases formulées par la Russie pour la conclusion de la paix entre les parties belligérantes, le Commandant en Chef de l'Armée Impériale Russe s'est declaré prêt à faire cesser les opérations militaires.

Pour la conclusion d'un armistice ont été désignés en qualité de plénipotentiaires: de la part de son Altesse Impériale le Commandant en Chef S. E. l'Aide de Camp Général, Général d'Infanterie Népokoïtchitzki, Chef d'Etat major de l'Armée active, et son adjoint, le Général Major de la Suite de S. M. l'Empereur Levitzki, et de la part des plénipotentiaires de la Sublime Porte S. E. le Général de division d'Etat major Nedjib Pacha et le Général de brigade d'Etat-major Osman Pacha

Ces personnages, en vertu des pleins pouvoirs dont ils ont étaient investis, sont tombés d'accord sur les conditions suivantes.

1) Un armistice est conclu entre les forces armées de la Russie, de la Serbie et de la Roumanie, d'un côté, et celles de la Turquie, de l'autre, pour toute la durée des négociations de paix et jusqu'à l'issue favorable de ces dernières ou jusqu'a leur rupture.

Dans cette seconde alternative et avant que les hostilités soient reprises, chacune des parties belligérantes sera tenue de dénoncer l'armistice trois jours à l'avance, avec la désignation de la date et de l'heure auxquelles les hostilités pourront être reprises. Le délai de trois jours courra à partir du moment où l'une des parties respectives aura signifié à l'autre sur les lieux l'ordre supérieur reçu a ce sujet.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Россійское Правительство предложитъ Черногоріи прекратить военныя дѣйствія и примкнуть къ условіямъ перемирія между Россіею и Турціею, а Блистательная Порта, въ свою очередь, прекратитъ военныя дѣйствія противъ Черногоріи.

2) Перемиріе вступаетъ въ свою силу въ минуту подписанія этихъ условій и войска той или другой стороны, переступившія послѣ этого срока указанную ниже демаркаціонную линію, должны возвратиться назадъ, равно возвратить захваченную при этомъ добычу.

3) ИМПЕРАТОРСКІЯ Турецкія войска, кромѣ очищенія крѣпостей Рущука и Силистріи, оставляютъ Бѣлградчикъ, Разградъ, Хаджи-Оглу-Базарджикъ и на этомъ основаніи, между ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими, Румынскими и Сербскими войсками съ одной стороны, и ИМПЕРАТОРСКИМИ Турецкими войсками съ другой, устанавливается слѣдующая демаркаціонная линія.

Демаркаціонная линія направится отъ Бальчика и Хаджи-Оглу-Базарджика по прямому направленію на Разградъ съ нейтральною полосою шириною въ 5-ть километровъ впереди этой линіи; далѣе линія продолжится отъ Разграда прямо на Ески-Джуму; отъ Ески-Джумы на Османъ-Базаръ и Котелъ (Казанъ), которые занимаются Россійскими ИМПЕРАТОРСКИМИ войсками и нейтральная проходитъ на 5 километровъ впереди этой линіи; затѣмъ демаркаціонная линія пролегаетъ по рѣкамъ Медванъ, Деликамчикъ, Богазъ-дере и черезъ селеніе Оглакъ-кей и Хаджи-дере до Месемвріи, при чемъ нейтральная полоса, 5 килом. шириною, пролегаетъ по обѣ стороны этихъ рѣкъ, достигаетъ Чернаго моря и доходитъ вдоль берега до Деркосскаго озера. Однако Русскія войска занимаютъ на берегу Чернаго моря лишь Бургасъ и Мидію для облегченія доставки продовольствія войскамъ, за исключеніемъ военной контрабанды. Далѣе демаркаціонная линія проходитъ отъ Деркосскаго озера, отъ с. Чешмеджикъ черезъ Карджали по прямому направленію, пересѣкая желѣзную дорогу на правомъ берегу Карасу, вдоль теченія котораго она спускается до Мраморнаго моря. Турецкія войска очищаютъ линію укрѣпленій,

Le Gouvernement Impérial de Russie proposera au Monténégro de cesser les opérations militaires et d'adhérer aux conditions de l'armistice convenu entre la Russie et la Turquie; la Sublime Porte de son côté cessera les opérations contre le Monténégro.

2) L'armistice aura force exécutoire du moment où ses conditions auront été acceptées et signées. Les troupes de l'une ou de l'autre partie qui après ce terme auraient enfreint la ligne de démarcation ci-dessous indiquée, devront se reporter en arrière en restituant le butin enlevé à cette occasion.

3) Outre l'évacuation des forteresses de Widdin, Roustchouk et Silistrie, stipulée dans les bases de paix, les troupes Impériales Ottomanes abandonnent Belgradzik, Razgrad et Hadji-Oghlou-Bazardzik. En conséquence, la ligne de démarcation a établir entre les armées Russes, Serbes et Roumaines, d'un côté, et les armées Ottomanes de l'autre, est tracée ainsi qu'il suit.

La ligne de démarcation passera par Baltchik et Hadji-Oghlou-Bazardjik en droite ligne vers Razgrad, avec une zône neutre de 5 kilomètres en avant de cette ligne. Elle continuera de Razgrad en ligne droite à Eski-Djouma, d'Eski-Djouma à Osman-Bazar et Kotel (Kazan) qui seront occupés par les troupes Russes, et la zône neutre sera tracée en avant de la ligne, à cinq kilomètres de distance. Plus loin, la ligne de démarcation longera les rivières Medvan, Déli-Kamtchik, Bogaz-déré et par le village d'Oglanlou-keui et par Hadji-déré, jusqu'à Missevri, la zône neutre, d'une largeur de 5 kilomètres, suiva et les deux rives de ces rivières jusqu'à la mer, et le long de la côté jusqu'au lac de Derkos. Toutefois, les troupes Russes n'occuperont sur la côté de la mer Noire que Bourgas et Midia, dans le but de faciliter la ravitaillement des troupes est à l'exclusion de la contrebande de guerre. Du lac de Derkos, la ligne de démarcation se dirigera par Tchechmedjik et Kardjali en ligne directe en coupant le chemin de fer sur la rive droite du Karasou, dont elle suivra le cours jusqu'à la mer de Marmara. Les troupes Turques évacueront la ligne des fortification, ainsi que Derkos,

точно также какъ и Деркосъ, Хадемъ-кей и Буюкъ-Чекмедже. Демаркаціонная линія Оттоманскихъ войскъ проходитъ отъ Кучюкъ-Чекмедже по прямому направленію черезъ св. Георгія и Акбунаръ (на берегу Чернаго моря). Пространство между Русскою и Турецкою линіями составитъ нейтральную полосу, гдѣ нельзя будетъ ни возводить, ни усиливать, ни исправлять укрѣпленій во все время продолженія перемирія. Отъ Мраморнаго моря демаркаціонная линія проходитъ перешейкомъ Галлипольскаго полуострова, по линіи Шаркіой-Урша. Далѣе берегомъ Егейскаго моря до Деде-Агача и Макри включительно, затѣмъ водораздѣломъ между притоками рѣки Марицы, въ томъ числѣ и Арды и рѣками, впадающими въ Егейское море до Джумы, затѣмъ по линіи на Кюстендиль, Вранья, Планина-Голякъ, дер. Меслину, Планина-Грапашница и дер. Любче до границы Ново Базарскаго санджака и по ней до границъ Сербіи, до мѣста, называемаго Капаоникъ-Планина. Джума, Кюстендиль и Вранья занимаются Русскими или Сербскими войсками. Приштина — Турецкими войсками.

Установленіе демаркаціонной линіи между Турецкими ИМПЕРАТОРСКИМИ и Черногорскими войсками должно быть произведено особою коммиссіею изъ уполномоченныхъ Турціи и Черногоріи, при участіи уполномоченнаго отъ Россіи.

Опредѣленіе на мѣстѣ границъ демаркаціонной полосы между войсками ИМПЕРАТОРСКИМИ Русскими и Турецкими должно быть произведено безотлагательно, тотчасъ послѣ подписанія этихъ условій, посредствомъ коммиссій изъ уполномоченныхъ офицеровъ ближайшихъ корпусовъ и отрядовъ обѣихъ армій; тамъ же, гдѣ войскъ вблизи не будетъ, демаркаціонная полоса будетъ проходить по указаннымъ выше естественнымъ рубежамъ, о которыхъ объявляется для свѣдѣнія въ обѣихъ арміяхъ.

Демаркаціонная полоса отъ Джумы черезъ Вранью до границъ Ново-Базарскаго санджака опредѣляется на мѣстѣ коммиссіею изъ уполномоченныхъ отъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ

Hadem-keui et Bouyouk-Tchekmédjé. La ligne de démarcation de leur côté partira de Kutchuk-Tchekmedjé en ligne directe par Saint-Georges et Ak-Bounar, sur la côté de la mer Noire. Les terrains intermédiaires constitueront entre les lignes Turques et Russes une zône neutre où des travaux de fortification ne pourront être ni élevés, ni augmentés, ni reparés pendant la durée de l'armistice. A partir de la mer de Marmara, la ligne de démarcation passera par l'isthme de Gallipoli, la ligne de Charkeni à Ourcha et, plus loin, le long de la mer Egée, jusqu'à Dédé-Agatch et Makri, ce dernier point y compris. Ensuite, par la ligne où se produit la distribution des eaux des affluens de la Maritza (y compris l'Arda) et des rivières qui se déversent dans la mer Egée, jusqu'à Djuma. Elle continuera sur une ligne tracée vers Kustendil, Vrania, Planina-Goliak, le village de Meslitza, Planina Grapachnitza, le village de Loubtche jusqu'à la frontière du sandjak de Novi-Bazar, pour aboutir, par cette frontière, a la Serbie, au point appelé Koraonik-Planina. Djuma, Kustendil et Vrania sont occupés par les troupes Russes ou Serbes, Pristina par les troupes Ottomanes.

Le tracé de la ligne de démarcation entre les troupes Impériales Ottomanes et celle du Monténegro devra s'effectuer par une commission spéciale de plénipotentiaires de la Turquie et du Monténégro avec la participation d'un délégué Russe.

La fixation sur place des limites de la zône de démarcation entre les armées Impériales belligérantes devra avoir lieu sans délai, immédiatement après la signature des ces conditions, par l'entremise d'une commission d'officiers des deux armées ayant qualité à cet effet, et pris dans les corps et détachemens les plus rapprochés des lieux du tracé. La où il n'y aurait pas de troupes à proximité, la zône de démarcation suivra la direction et sera indiquée dar les limites naturelles ci-dessus et qui sont portées à la connaissance des deux armées.

La zône de démarcation de Djouma, par Vrania jusqu'à la frontière du sandjak de Novi-Bazar, sera fixée sur place par une commission de délégues des troupes Impé-

Турецкихъ и Сербскихъ войскъ при участіи Русскаго уполномоченнаго.

4) Войска обѣихъ враждующихъ сторонъ, которыя ко времени подписанія этого условія будутъ находиться внѣ означенной линіи, должны быть немедленно отведены назадъ и исполнить это отнюдь не позже трехдневнаго срока.

5) ИМПЕРАТОРСКІЯ Турецкія войска, оставляющія указанные въ § 3 укрѣпленные пункты, отходятъ съ оружіемъ, всѣмъ боевымъ снаряженіемъ и всѣмъ имуществомъ, которое можетъ быть увезено, по слѣдующимъ направленіямъ.

Изъ Видина и Бѣлградчика, через проходъ Св. Николая, на Анъ-Паланку, Нишъ, Лесковацъ и далѣе через Приштину или Враньо, для ближайшаго выхода на желѣзную дорогу.

Изъ Рущука, Силистріи, Хаджи-Оглу-Базарджика и Разграда—на Варну или Шумлу, по усмотрѣнію Турецкаго военнаго начальства.

Военное и боевое имущество крѣпостей и военныя суда со всѣмъ имуществомъ могутъ быть увезены или оставлены, по описи въ двойномъ экземплярѣ за подписью военныхъ начальниковъ обѣихъ сторонъ, на попеченіе русскаго военнаго начальства, которое приметъ мѣры для сохраненія его впредь до заключенія мира. Что же касается до провіанта, подверженаго порчѣ, то онъ можетъ быть или проданъ или уступленъ Русскому военному начальству за вознагражденіе по взаимному соглашенію.

Частное имущество остается неприкосновеннымъ.

Оставленіе названныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ должно быть исполнено не позже семи-дневнаго срока, со времени полученія приказанія о томъ мѣстнымъ начальствомъ.

6) Турецкія ИМПЕРАТОРСКІЯ войска и военныя суда оставляютъ въ трехъ-дневный срокъ и Сулину, если ледъ не будетъ тому препятствовать. Русское же военное начальство, въ свою очередь, сниметъ на Дунаѣ всѣ загражденія и по немъ откроетъ свободное

riales Ottomanes d'un côté et des troupes Serbes de l'autre, avec la participation d'un délégué Russe.

4) Les troupes des deux parties belligérantes qui à l'époque de la signature du présent acte se trouveraient en dehors de la ligne indiquée, devront immédiatement être portées en arrière, et cela pas plus tard que dans le délai de 3 jours.

5) En abandonnant les points fortifiés indiqués à l'article 3, les troupes Impériales Ottomanes se retireront avec leurs armes et leur munitions de guerre et objets d'équipement, ainsi que le matériel qui peut être emportédans les directions suivantes.

De Widdin et Belgradjik, par le défilé de St. Nicolas, vers Ak-Palanka, Nisch, Leskovatz, et par Vrania ou Pristina, selon qu'il sera plus facile pour gagner le chemin de fer.

De Roustchouk, Silistrie, Hadji-Oghlou-Bazardjik et Razgrad- vers Varna ou Choumla, selon que l'autorité militaire Ottomane en décidera.

Le matériel de guerre et autre des forteresses, les navires de guerre ou appartenant à l'état et tout ce qui s'y rapporte, pourront à volonté être emmenés ou laissés à la surveillance de l'autorité militaire Russe qui prendra des mesures pour leur conservation jusqu'à la conclusion de la paix d'après un inventaire en double signé par les deux parties. Quant aux vivres qui sont exposés par leur nature à subir des avaries, ils pourront être vendus ou cédés à l'autorité militaire Russe contre un prix équivalant à convenir.

La propriété privée reste intacte.

L'évacuation des places et points fortifiés ci-dessus mentionnés devra être accomplie dans le délai de 7 jours au plus tard à partir de la réception de l'ordre y relatif par le Commandant local.

6) Les troupes Impériales Ottomanes et les navires de guerre quitteront également Soulina dans le délai de 3 jours, si les glaces n'y mettent pas obstacle. L'autorité militaire Russe, de son côté, fera enlever du Danube toutes les entraves, et ouvrira

плаваніе, но подъ надзоромъ Русскаго военнаго начальства.

7) Въ провинціяхъ, занимаемыхъ Русскими или союзными войсками, въ которыхъ во время подписанія этихъ условій будутъ находиться турецкія административныя власти, онѣ должны остаться при исполненіи своихъ обязанностей для охраненія спокойствія и порядка въ населеніи. Онѣ будутъ исполнять по мѣрѣ возможности требованія Русскихъ военныхъ властей.

8) Желѣзно-дорожныя линіи, которыя отойдутъ въ раіонъ расположенія Русскихъ войскъ, остаются неприкосновенными, какъ всякая частная собственность и имъ дозволяется свободное движеніе на протяженіи всѣхъ линій.

Для сего, Оттоманское правительство разрѣшаетъ компаніямъ свободное движеніе ихъ подвижнаго состава по всей линіи, занятой какъ ИМПЕРАТОРСКИМИ Турецкими, такъ и Русскими войсками.

Въ движеніи частныхъ лицъ и грузовъ допускается полная свобода, только съ слѣдующими ограниченіями:

Провозъ предметовъ военныхъ потребностей и войскъ черезъ демаркаціонную линію воспрещается.

Движеніе въ расположеніи каждой воюющей стороны производится подъ надзоромъ ея военныхъ агентовъ.

9) Блистательная Порта на все время перемирія сниметъ блокаду съ портовъ Чернаго моря и не будетъ препятствовать свободному къ нимъ подходу судовъ.

10) Больные и раненые, принадлежащіе Турецкой ИМПЕРАТОРСКОЙ арміи, которые останутся въ раіонѣ расположенія Русскихъ, Сербскихъ и Черногорскихъ войскъ, принимаются на попеченіе Русскаго и союзнаго военнаго начальства, но при Турецкомъ медицинскомъ персоналѣ, если таковой окажется на мѣстѣ. Они не считаются военноплѣнными, но не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія Русскаго и союзнаго военнаго начальства на свободный переѣздъ въ другіе пункты.

le fleuve à la navigation tout en s'en reservant la surveillance.

7) Dans les provinces occupées par les troupes Russes ou alliées, dans lesquelles, lors de la signature de ces conditions se trouveraient encore des autorités administratives Ottomanes, ces dernières devront y rester pour continuer à exercer leurs fonctions et y maintenir la tranquillité et l'ordre parmi la population; elles auront aussi à remplir, dans la mesure du possible, les exigences des autorités militaires Russes.

8) Les lignes de chemin de fer comprises dans le rayon occupé par les troupes Russes, seront respectées comme toute propriété privée, et l'exploitation en sera libre sur tout leur parcours.

A cet effet, le Gouvernement Ottoman laisse aux compagnies la faculté de la circulation de leur matériel roulant sur toute l'étendue de la ligne occupée tant par les armées Ottomanes que par les troupes Russes.

Pour la circulation des passagers et des marchandises une entière liberté sera accordée, sauf les restrictions suivantes:

Il sera défendu de transporter du matériel de guerre et des troupes à travers la ligne de démarcation.

Dans le rayon occupé par les deux armées, l'exploitation aura lieu sous la surveillance de l'autorité militaire de chacune d'elles.

9) La Sublime Porte lèvera le blocus des ports de la mer Noire pour toute la durée de l'armistice et ne s'opposera plus à la libre entrée des navires dans ces ports.

10) Les malades et blessés appartenant à l'armée Impériale Ottomane qui resteraient dans le rayon occupé par les troupes Russes ou par celles de la Serbie et du Monténégro seront pris sous la sauvegarde des autorités militaires Russes et alliées mais ils seront soignés par un personnel médical Ottoman, s'il en existe sur les lieux. Les malades et blessés ne seront pas considérés comme prisonniers de guerre, mais ils ne pourront, sans autorisation spéciale des chefs militaires Russes et alliés, se faire transporter sur d'autres points.

11) Начало перемирія считается съ семи часовъ по полудни девятнадцатаго-тридцать перваго Января 1878 года. Что же касается до другихъ сроковъ, они обозначены въ самомъ текстѣ перемирія.

Для Азіатскаго театра войны опредѣленіе подробностей перемирія имѣетъ быть произведено уполномоченными отъ Главнокомандующаго Россійскою ИМПЕРАТОРСКОЮ Азіатскою Дѣйствующею Арміею и отъ Оттоманскаго правительства.

О срокѣ начала перемирія на Европейскомъ театрѣ войны Управленіе Русскою Европейскою Дѣйствующею Арміею сообщитъ по телеграфу таковому же Управленію Азіатской Арміи.

На подлинномъ подписано: Непокойчицкій, Левицкій, Неджибъ, Османъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Помощникъ Начальника Штаба Арміи,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генералъ-Маіоръ ЛЕВИЦКІЙ.

11) L'armistice commencera à courir à partir du 19/31 Janvier, 7 heures du soir.

Quant aux autres délais, ils sont stipulés dans le texte même de l'armistice.

Pour le théâtre de la guerre en Asie, la fixation des détails aura lieu par l'entremise de plénipotentiaires designés par le Commandant en Chef de l'Armée Russe en Asie et de ceux du Gouvernement Ottoman.

Le commencement de l'armistice sur le théâtre de la guerre en Europe sera notifié par le télégraphe au Commandement de l'Armée Russe en Asie.

(Signé) Népokoïtchitzki
Lewitzki
Nedjib.
Osman.

11) Начало переми
часовъ по полудни де
перваго Января 1878
до другихъ сроковъ, о
момъ текстѣ перемирі

Для Азіатскаго теат
подробностей перемирі
ведено уполномоченны
дующаго Россійскою И
атскою Дѣйствующею
манскаго правительств

О срокѣ начала п
скомъ театрѣ войны
Европейскою Дѣйствую
по телеграфу таковому
ской Арміи.

На подлинномъ подп
Левицкій, Неджибъ, О

Съ подлиннымъ вѣр

Помощникъ Начальн
Свиты ЕГО ВЕЛ
Генералъ-Маіоръ

commencera à courir à
nvier, 7 heures du soir.
s délais, ils sont stipulés
ne de l'armistice.

de la guerre en Asie, la
s aura lieu par l'entremise
s designés par le Com-
de l'Armée Russe en Asie
uvernement Ottoman.

nt de l'armistice sur le
re en Europe sera notifié
au Commandement de
Asie.

Népokoïtchitzki
Lewitzki
Nedjib.
Osman.

Маг. 28
40 р.
28/IV 60
М
23-19

1500218766

65
22